

O'ZBEKISTON MODDIY MADANIYATI TARIXI

32 - NASHRI

SAMARQAND - 2000

ЎЗБЕКИСТОН ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

**ЎЗБЕКИСТОН
МОДДИЙ
МАДАНИЯТИ
ТАРИХИ
(ЎММТ)**

31 - НАШРИ

Тарих фанлари доктори Т.Ш. Ширинов тахрири остида

Самарқанд - 2000

АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
САМАРКАНДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА
(ИМКУ)

ВЫПУСК - 31

Под редакцией доктора исторических наук Т.Ш. Ширинова.

Самарканд - 2000

ACADEMY OF SCIENCES
OF UZBEKISTAN
BRANCH OF SAMARKAND
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**THE HISTORY
OF MATERIAL
CULTURE
OF UZBEKISTAN
(HMCU)**

31 - EDITION

Edited by T.Sh. Shirinov, doctor of historical sciences

Samarkand - 2000

Ушбу тўшамда Ўзбекистон худудида ўтказилган археология тадқиқотларининг энг янги натижалари ёритилган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий тузум, тош асрдан сўнгги ўрта асрларгача бўлган узоқ даврни қамраб олади. Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий-маданиятига тегишли барча жабҳалар - меъморчилик тарихи, кўхна яшаш маконларининг лойиҳаси, топографияси хусусиятлари, хунармандчилик ва хунармандчилик технологияси, санъат, нумизматика, антропология, ирригация, маълум тарихий даврининг маънавий, мафкуравий ҳаёт масалалари очиқ берилган.

Тўшам тарихчилар, археологлар, этнографлар, Олий ўқув юртларининг талабалари ва қадимги давр моддий - маданияти билан қизиққан кенг ўқувчилар оммаси учун мўлжалланган.

В сборнике освещаются новейшие результаты археологических исследований, проведенных на территории Республики Узбекистан. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи палеолита до средневековья, планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло и ремесленная технология, нумизматика, искусство и ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для историков, археологов, студентов гуманитарных ВУЗов и широкого круга читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Д. Джуракулов,
доктор исторических наук Р.Х. Сулейманов.

Печатается по решению Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз.

История материальной культуры Узбекистана выпуск 31

Редактор: Ширинов Т.Ш.

Технический редактор: Очилов Т.Х.

Корректор: Пардаев М.Х., Грицина А.А., Рузанов В.Д.

Набор: Кондрикова М.В., Курманова А.Р., Боймухамедова Ф.

Сдано в набор 16.10.2000 г. Подписано к печати 18.12.2000
Заказ 18. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. лист. 31.5, Уч.изд.л. 31.75.
Бумага офисная. Тираж 500 экз. 1-й завод 200 экз.

Типография института археологии АН РУз
г. Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева 3.

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Французской и Узбекско-Германской
археологических экспедиций

ПУГАЧЕНКОВА Г. А. И АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ. (к 85-летию со дня рождения)

Что может сказать биограф, если он будет воссоздавать страницы жизни Галины Анатольевны Пугаченковой по официальным документам? Кажется много, и они окажутся внушительными, емкими. Кандидат архитектуры, доктор искусствоведения и профессор, Академик Академии Наук Республики Узбекистан, лауреат государственных премий в области науки им. Беруни и литературы и искусства и архитектуры им. Хамзы, доцент САГУ со спецкурсами по истории архитектуры Востока и искусства Средней Азии, зав. Сектором истории искусств и архитектуры института искусствоведения им. Хамзы и научный руководитель Узбекстанской искусствоведческой экспеди-

ции, почётный доктор Страсбургского университета (Франция), член-корреспондент немецкого археологического института, итальянского института Среднего и Дальнего Востока, Почётный академик международной Академии архитектуры стран Востока. За этими заслуженными высокими степенями и званиями, раскрывающими действительно блестящие достижения Галины Анатольевны в области истории архитектуры и искусства Востока, как-то оказалось совершенно скрытой и незаметной треть, на наш взгляд не менее важное (если в конечном случае не основное) направление её многолетних исследований - археология Средней Азии.

Ведь, несмотря на архитектурную вузовскую подготовку самое первое приобщение к науке Галины Анатольевны произошло именно на археологической стезе в Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ).

Вообще становление её как ученого и историка архитектуры и историка материальной культуры проходило в непростое время жарких идеологических сражений гуманитариев, в которых важную роль должна была сыграть археология.

Общие черты и особенности исторического пути Средней Азии в пору античности и средневековья, роль в этом процессе земледельческих и скотоводческих пластов, формы и характер их взаимосвязей и взаимовлияний, экономических, культурных, социальных, долгое время в науке были совершенно неизвестны.

Ведь в письменных источниках, довольно лапидарных для ранних эпох, в значительной степени доминировала статика.

Вспомним, что прекрасный знаток источников В. В. Бартольд говорил в свое время, что по

письменным данным не видит разницы в социальной истории общества VI в до н.э. и VI в н.э.

Была ли своя античная культура в Средней Азии, и если была, то какой характер она носила, что было в ее развитии общего и особенного? Сторонники формационного подхода говорили, что Средняя Азия, как и весь Восток, полностью прошли ту же стадию рабовладельческого развития, что и страны европейского Средиземноморья. Наиболее четко в этом отношении их точка зрения была выражена С.П. Толстовым; считавшим, что Средняя Азия прошла тот же путь формации рабовладельческого общества что и Европа. Кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую Империю и разрушивший государство древнего Китая, не миновал и Средней Азии. И как в зеркале воды отразился в ее истории. В IV веке Кушанское царство падает под ударами кочевых племен выступавших здесь под тем же именем, что и в IV в, в Китае, в IV-V в Европе - под именем гуннов. Вспомним серию начавшихся в 30-е годы бурных дискуссий: «Рабовладение, феодализм или среднеазиатский способ производства»!

В самой археологии шла борьба - становиться ей отраслью исторической науки, превратиться в источник, на базе которого разрабатываются исторические проблемы, извлекаются экономические и социальные выводы, или оставаться вещеведческой наукой.

Решить исторические вопросы на базе археологического материала можно было лишь путем комплексного исследования. Поэтому в Средней Азии и начинают работу комплексные экспедиции. Это упомянутая нами выше ТАКЭ, на территории Бактрии - Тохаристана (рук. М.Е. Массон), считавшая своей задачей решение проблемы происхождения и развития общества от первобытного общества до развитого средневековья в южных районах Узбекистана. (ХАЭЭ Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция) С. П. Толстова, открывшая миру древний Хорезм, широко использовавшая материалы для экстраполяции в область археологии.

В ее составе Я.Г. Гулямов открыл новую страницу в области истории ирригации Востока, динамики ее развития, ее роли в экономике страны.

В западном Узбекистане В.А. Шишкин начинает работы по исторической топографии Бухарского Согда, завершившиеся монументальным исследованием Варахши.

В Узбекистанской же экспедиции с А.Ю. Якубовским начинает работу один из первых узбекских археологов Т. Миргиязов, который затем активно участвовал в работах в Термезе.

Но вернемся к ТАКЭ, появившейся на заре комплексного исследования. Именно здесь впервые были открыты следы жизни первобытного человека и найден он сам - ископаемый неандерталец. Здесь закладывались основы изучения исторической топографии городов, ставшей классическим курсом кафедры археологии исторического факультета САГУ, изучалась динамика развития города (В. А. Шишкин) с участием геологов (П.И. Князев) начиналось исследование отраслей экономики (металлургии). На материалах Термеза здесь были открыты и выделены слои среднеазиатской античности, закладывалась методика археологического исследования памятников с учетом особенностей среднеазиатской архитектуры. На смену условному штыку и условной площади пришли точные размеры стратиграфии - по ярусам с выделением культурного слоя (прямой и обратной стратиграфии), квадраты с выделением архитектуры, проводились тщательные полевые архитектурные обмеры археологических остатков, всесторонний анализ археологического материала.

И не случайно Галина Анатольевна, которая, как пишут ее биографы, уже в начале своего становления как исследователь сформулировала свое кредо: «сохранившиеся на поверхности архитектурные шедевры и хранившиеся в музеях памятники искусства не раскроют истории архитектуры и искусства Средней Азии, корни которой надо искать в земле», начинает свою работу в 1938 году с активного участия вместе с М.Е. Массоном в ТАКЭ, начавшей работы с 1936 г. Плодотворное сотрудничество их длилось много лет.

Я не случайно останавливаюсь на этом так подробно, т.к. именно эти работы послужили основой формирования археологической методики работ Галины Анатольевны и последующих поколений археологов, в подготовке которых она принимала участие с первых лет работы кафедры археологии и вместе с М.Е.Массоном закладывала основы среднеазиатской археологической школы, получившей известность и в нашей стране и далеко за ее пределами.

Галина Анатольевна, начав свою работу с блестящих исследований архитектурных памятников эпохи Тимура и Улугбека в составе работы комитета Навои, постепенно вновь углубляется к её истокам и археологическим исследованиям.

Но именно многолетние работы в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной (ТАКЭ) с её фундаментальными раскопками на Старой Нисе и в Мерве (в Эрккале, в Гяур-кале и Султанкале), в исследовании памятников Мервского оазиса, историко-топографические поездки по караванным путям в Бактрию, Маргиану, Согд и Хорезм заложили хронологическую шкалу и историческую канву её монументального исследования «Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма», и датировка и историческая интерпретация объектов которой дана по археологическим данным.

А Галина Анатольевна возвращается вновь в родную Бактрию, с которой начиналась её научная стезя. И созданная ею Узбекистанская искусствоведческая экспедиция, которой она руководила четверть века - это в основном археологическая экспедиция, с которой связаны фундаментальные проблемы Северной Бактрии.

Здесь решались вопросы истории раннего архаического этапа с раскопками на городище Кызылтепе и других объектах.

Но началось все со спасения и тщательнейших раскопок в Халчаяне здания, оказавшегося дворцом ранних кушан, где отрабатывались основы стратиграфии бактрийской античности. В больших масштабах раскопки были продолжены на Дальверзинтепе, представившем прекрасные материалы истории и искусства кушанской эпохи.

Здесь и прошли свою научную школу и ученики - археологи Галины Анатольевны - А.С. Сагдуллаев, Э.В. Ртвеладзе, Б.А. Тургунов, Т.В. Беляева, Д. Г. Сидорова.

При исследовании этих памятников Галина Анатольевна проявила себя в первую очередь как археолог - историк материальной культуры, тщательно на основе каждого слоя и в первую очередь керамического комплекса отрабатывающий стратиграфию, датировку, а затем уже на его базе блестяще разворачивающий исследование искусства, архитектуры, этнические аспекты и общую историю Бактрии и Тохаристана. И начинаются публикации с археологи-

ческой разведки у с. Халчаян, исторической топографии Чаганиана, истории античной строительной техники Бактрии - Тохаристана, погребения монгольского времени в Халчаяне и завершаются монографиями - «Халчаян». «Дальверзинтепе» и другими, где на базе археологических исследований монументально поднимаются вопросы истории, архитектуры и искусства и самого этноса, носителя этой истории.

Фундаментальному осмыслению бактрийской проблемы способствовало и то, что Галина Анатольевна в течение двух лет участвовала в работах Советско-Афганской археологической экспедиции 1972-1973 гг. В Афганистане она не только осуществляла изучение и обмеры ряда архитектурных памятников (некоторые из них были введены в науку впервые), но и непосредственно проводила археологические раскопки.

Конечно, основные археологические исследования самой Галины Анатольевны и руководимой ею УЗИСКЭ связаны с южными районами - былой Бактрией - Тохаристаном, с успешным изучением как самой античности - основной проблемы истории, интересующей автора, так и предшествующей и последующей эпох.

И в то же время мы можем сказать, что Галина Анатольевна в не меньшей степени и археолог Согда. В качестве яркого примера археологических исследований здесь можно привести работы по изучению Нимсугудского тумана -междуречья зарафшанских русел Акдарьи и Карадарьи, первые рекогносцировки в котором в качестве поисков историко-культурных параллелей с Бактрией были начаты уже с начала 60-х годов.

И конечно Галина Анатольевна как увлеченный археолог-античник быстро перешла к раскопкам древнейших памятников - в первую очередь Кумышкенттепа, где были выявлены и архаические слои; и более монументальные - античные. Широкие систематические археологические работы экспедиции начались как часть комплексной работы по Своду памятников культуры Узбекистана.

Но сочетались они конечно с фундаментальными раскопками и крупных пунктов - Арктепа (города) и небольших - Тилля тепе (храм - огня) и Орлатского могильника. И монография «Древности Мианкаля», выпущенная издатель-

ством Фан в 1989 - пример блестящего комплексного археологического исследования.

Говоря об археологических работах Галины Анатольевны, я все время как-то опирался на монографические исследования.

Но наряду с широкими обобщениями Галина Анатольевна большое внимание (с первых работ и до сегодняшнего дня) уделяет тщательному всестороннему анализу каждой находки, из которой извлекается историческая информация. Всем археологам известны небольшие работы - «К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Мианкаля» «Мастер - керамист Мухаммад Али Инойтон из Мерва», «Мианкальские» оссуарии - памятники культуры Согда». «Образ кангюйцев в согдийском искусстве». Я не случайно привожу здесь разные по тематике эссе. Наряду с широтой исследователя мне хочется показать и широту его методов.

С одной стороны использование археологических материалов для исторических и искусствоведческих выводов. С другой стороны - использование аналогий искусства для датировки и интерпретации археологического материала. С третьей - использование археологии и искусства для воссоздания этнических образов носителей истории.

Да, Галина Анатольевна - археолог, прекрасно видящий любой сложный культурный слой. Вспомните приводимые Михаилом Евгеньевичем слова: «Глаза есть, посмотри нету». Этого о ней, тщательно отрабатывающей весь до мельчайших находок материал, никто не скажет.

Но это археолог, который видит за культурными слоями и вещевым материалом историю

и экономику, архитектуру и искусство, и главное человека, создавшего эту историю.

Поэтому в течение ряда лет она принимала самое активное участие в работе Республиканского Общества охраны памятников, как срочно исследуя разрушающиеся памятники, так и проводя большую пропагандистскую работу среди населения. И не случайно она награждена орденами и медалями. Среди них хочется выделить Орден «Дружбы Народов» Республики Узбекистан за научный вклад в изучение истории Республики и подготовку интернациональных кадров специалистов- археологов, (среди которых два доктора и пять кандидатов наук), и французского ордена «Академические пальмы», который со времён Наполеона выдаётся за заслуги в области гуманитарных наук.

Сегодня Галина Анатольевна трудится в Институте археологии Академии наук Республики Узбекистана. Её публикации-синтез археологии и истории архитектуры. Архитектурные исследования о эпохе Темура и Улугбека, памятниках Бухары, архитектурных и художественных школах Средней Азии органично сочетаются с новым археологическим анализом Дальверзигтепе или среднеазиатских оссуариев, обзором трудов Туркестанского кружка любителей археологии, мемориальными очерками - «Михаил Евгеньевич Массон - основатель центрально-азиатской археологии» и «Археология - моя жизнь», «Это было недавно- это было давно» - о ТАКЭ и археологах.

И не случайно её юбилей сегодня рассматривается археологами - её учениками и коллегами - как очередной рубеж в нашей археологической науке.

Ю.Ф. Буряков

**G.A. Pugachenkova and the archaeology of Central Asia
(to the 85-anniversary)**

The article is devoted to the contribution of the Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan G.A. Pugachenkova in the research of the archaeology of Uzbekistan and Central Asia as whole, in relation with her 85-anniversary.

Tracing the formation of Pugachenkova as an archaeologist, starting her participation in Termez archaeological expedition (TAE) of M. Masson in 1938, wide-ranged works in South Turkmenistan. Archaeological complex expedition (STACE), self-organized Uzbek fine arts expedition, archaeo-arts researches held in Bactria, Soghd, in the process where many problems of chronology and historical interpretation of the history of the people of Uzbekistan were solved.

Y.F.Buryakov

Хужаназаров М., Сайфуллаев Б.

КУК-АЯЗ - НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В КЫЗЫЛКУМАХ

Осенью 1999г. членом совместного Узбекско-Французского археолого-географического отряда Института археологии АН РУз М. Хужаназаровым было собрано более 100 экземпляров каменных изделий в Кук-аязской впадине, в северо-восточной части Кызылкумов (1). Сборы велись на трех местонахождениях, расположенных на северном берегу сухого русла Кук-аяза.

Как известно, до настоящего времени в Кызылкумах были известны несколько пунктов палеолитических памятников, расположенные в юго-западной части пустыни (2). Однако, до настоящего времени в северной и северо-восточной частях пустыни не было известно ни одного памятника каменного века. Поэтому наши находки имеют особое значение.

Первый пункт - Кук-аяз 1 находится на северо-западном берегу, в 1,5 км. к западу от одноименного населенного пункта. Археологический материал был собран на ровной, слегка наклоненной к реке поверхности террасы. Выше по пологому склону каменные изделия единичны или исчезают совсем. Современная почва перекрыта слоем насыпного песка мощностью до 50 см. Значительная часть местонахождения уничтожена или изрезана сетью оврагов. Среди поднятых многочисленных камней нами установлено 20 артефактов. Среди них имеются нуклеусы, пластины, отщепы, бифас и скребло. В качестве сырья использовались серые кремнистые породы и коричневый кремль.

В коллекции нуклеусов 3 экземпляра. Один из них многоплощадочный, размерами 135x125x95 мм. (табл.№1, рис.1). С него отщеплялись крупные сколы в разных направлениях. Такие крупные нуклеусы характерны и для кремнеобрабатывающих мастерских каменного века. Близкие аналогии

к нему имеются в коллекциях Уч-тута (3). Второй - дисковидный нуклеус, предназначавшийся для отделения одного крупного, широкого леваллуазского отщепа, размерами 87x67x52 мм. (табл.№1,рис.2). Подравнивался только один конец, тот, который служил в качестве ударной площадки. При изготовлении такого дисковидного нуклеуса леваллуазского типа (tortoise core) мастер как бы задавался целью подготовить его так, чтобы от него легко можно было отделить отщеп заранее намеченной формы. Нуклеусы и сколы этого леваллуазского типа содержатся среди материалов раннепалеолитических памятников в большом количестве. В позднем комплексе Сатани-Дара они представлены весьма выразительной серией (4). Этого же типа изделия имеются также в ашельских комплексах Яштуха (5), Арзни, Лаше Балта (6). Третий двуплощадочный нуклеус размерами 61x35x25 мм. (табл.№1, рис.3). Он изготовлен из отщепа. Ударные площадки подправлены и скошены к тылу.

Сколов в коллекции 15 экз.; 2 крупных, 4 средних и 1 отщеп мелкого размера, 2 леваллуазских скола и 6 сломанных отщепов в проксимальной части.

Один из крупных отщепов размерами 103x61x42мм. (табл.№ 1, рис.4). Ударная площадка подправлена одним сколом, скошена под углом 111°. Второй отщеп размерами 92x72x23 мм. (табл. №1, рис. 5). Спинка отщепа полностью покрыта естественной поверхностью плитки. Ударная площадка гладкая, скошенная под углом 118°. Один из отщепов среднего размера (70x53x14 мм.) (табл.№ 2, рис.1) угол расщепления 100°. Этот отщеп был снят со стороны брюшка нуклеуса-отщепа. Такие отщепы принято называть отщепами-комбева. При таком способе изготовления берется крупный отщеп

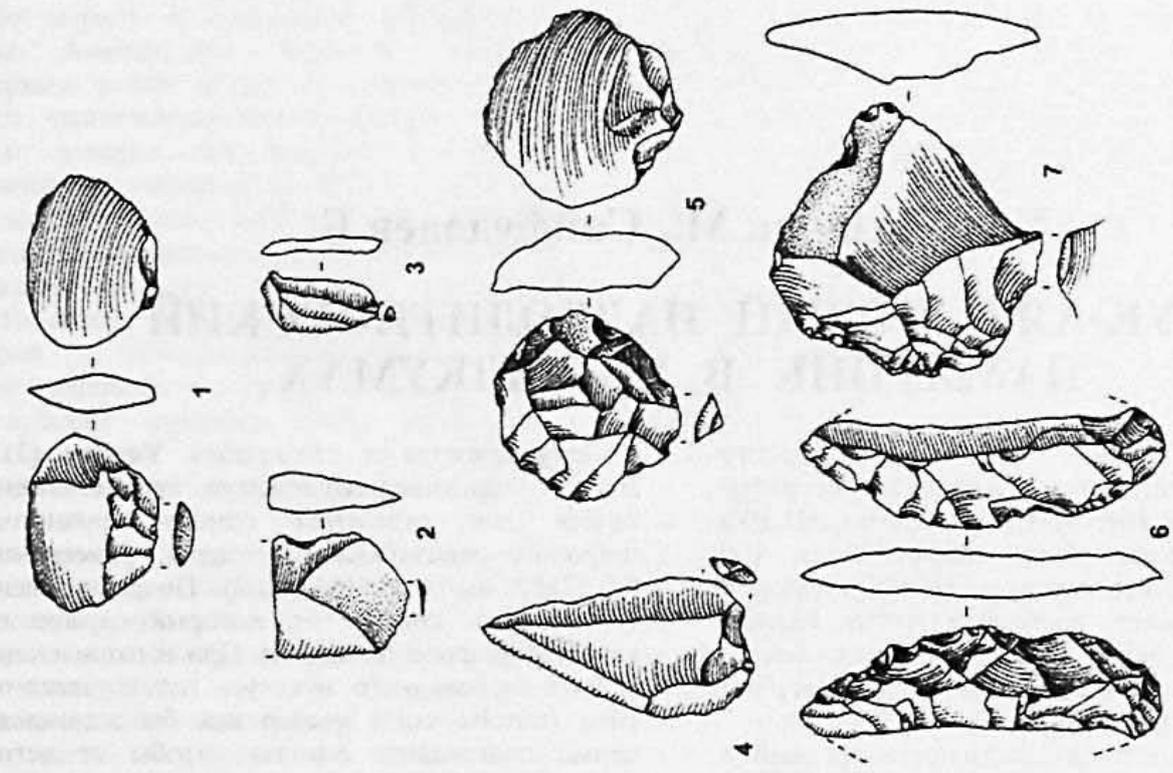

Таблица № 2. Кук-Аяз 1

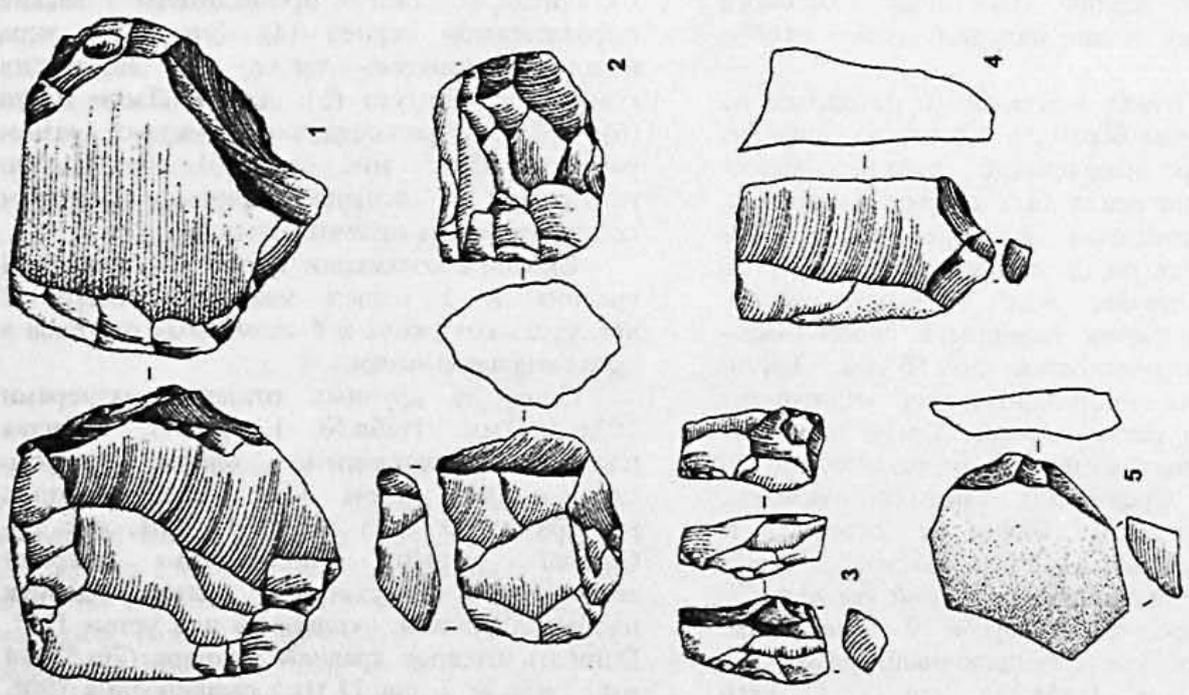

Таблица № 1. Кук-Аяз 1

в качестве заготовки нуклеуса и стороны брющка расщепляется на другие отщепы: первый отщеп, снятый с таких нуклеусов сохраняет брющковую часть и ударный бугорок крупного отщепа-нуклеуса (7). Таким образом, образуется отщеп с двумя бугорками на двух фасах. В нашем экземпляре на спинковой части отщепа имеются ретуши дебитаж. Второй отщеп размерами 67x48x17 мм., ударная площадка гладкая, угол расщепления 101°. Третий отщеп размерами 54x48x14 мм. (табл.№ 2, рис.2), ударная площадка линейная, выпуклая. На спинке отщепа имеются негативы противоидущих сколов. Дистальная конечность отщепа сломана. Часть спинки покрыта выветренной естественной поверхностью плитки. И наконец, четвертый отщеп из этой категории размерами 44x24x6 мм. (табл.№ 2, рис.3). Ударная площадка подправленная, вогнутая. Угол расщепления 107°. На спинке отщепа, наряду с параллельно идущими сколами, имеются негативы ортогонального расщепления.

Один из леваллуазских сколов - острые псевдолеваллуазского типа, размерами 107x53x16 мм. (табл.№ 2, рис.4). Ударная площадка фасетированная, выпуклая, угол расщепления 120°. Ф. Борд термин псевдолеваллуа использовал для обозначения таких продуктов расщепления, которые иногда называются "леваллуазскими остриями", но со сдвинутой ударной площадкой по отношению к длинной оси предметов (8). Ещё один леваллуазский отщеп размерами 71x68x19 мм. (табл.№ 2, рис.5), ударная площадка двухфасеточная, ровная, угол расщепления 126°. Спинковая часть отщепа сплошь покрыта негативами центростремительного расщепления. Этот отщеп был снят, с "черепавидного нуклеуса" (см. табл.№1, рис.2).

В коллекции имеется один мелкий отщеп размерами 20x13x4 мм., ударная площадка точечная, угол расщепления 97°. Негативы сколов на спинке носят центростремительный характер.

В коллекции имеются 6 отщепов, сломанных в проксимальной части.

Орудия комплекса Кук-аяз 1 представлены одним бифасом и скреблом на массивном отщепе. Бифас размерами 143x39x18 мм. (табл.№ 2, рис.6). Но он сломан чуть ли не по длинной оси орудия.

Кажется, что он был бифасом минделовидной формы. Ф. Борд делил минделовидные бифасы на 4 варианта: типичные, с пяткой, короткие типичные и короткие с пяткой (9). Кук-аязский экземпляр можно отнести к первому варианту без пятки. В качестве аналогии можем взять бифасы минделовидной формы из местонахождения Есен-2 Устьюрта (10). Г. Гури написал, что в период ашелья "минделовидные бифасы всегда были доминирующими типами" (11). Но кажется, при типологической датировке наличие бифасов может быть явно недостаточным. К примеру, материалы, полученные из Есен-2 нельзя датировать раннепалеолитической эпохой, так как на ряду с бифасами минделовидной формы, налицо ряд прогрессирующих технических элементов, указывающих на более поздние эпохи палеолита. Но тем не менее, бифас из Кук-аяз 1 очень схож с бифасами Есен-2. Вторым орудием комплекса является скребло на массивном отщепе размерами 109x106x26 мм. (табл.№2, рис.7). Ударная площадка отщепа гладкая, скошенная под углом 125°. Обработан выпуклый левый край, сначала уточен сколами, затем отретуширован прямой толстой ретушью. Угол рабочего края по отношению с суппорту 68°, в плане конвекс.

Таким образом, наряду с бесформенными нуклеусами в коллекции имеется леваллуазский нуклеус и соответствующие ему сколы. Техника расщепления в Кук-аязе 1 очень аморфна, со значительной примесью техники леваллуа для отщепов. Известно, что такие леваллуазские нуклеусы можно встретить и в коллекциях более поздних этапов палеолита. Но они появляются во второй половине раннего палеолита (4). Также из за наличия здесь бифаса минделовидной формы, скребла на массивном отщепе и из за бессистемности и аморфности нелеваллуазского расщепления, этот комплекс мы склонны датировать поздними этапами раннего палеолита.

Второй пункт - Кук-аяз 2 расположен на северном борту впадины в 15 км. к востоку от одноименного населенного пункта. Поднятую здесь коллекцию составляют 67 артефактов. Среди них имеются нуклеусы, пластины, отщепы, фрагменты бифасов, 1 рубящее орудие, 1 галька и отходы производства:

№ п/п	Наименование предметов	количество	%
1.	Нуклеусы	4	6%
2.	Отщепы	48	71.6%
3.	Пластины	2	3%
4.	Орудия	3	4.5%
5.	Галька	1	1.5%
6.	Отходы	9	13.4%

Один из нуклеусов коллекции - многоплощадочный размерами 102x63x50 мм. (табл.№ 8, рис.1). Но основные сколы идут параллельно, в большинстве случаев с него снимались пластинчатые сколы с подправленной ударной площадки. Наличие такого нуклеуса свидетельствует о существовании здесь протопризматической техники. Но сколы, идущие на нем в параллельном направлении, не доходили до конца нуклеуса и в том месте нуклеуса, где эти сколы сломались образовались неудобства, которые иногда убирались с помощью боковых сколов. Второй нуклеус размерами 81x77x36 мм. (табл.№ 8, рис.2). Это односторонний обработанный дисковидный нуклеус с радиальным способом расщепления, края зигзагообразные. Тыльная сторона нуклеуса содержит естественную поверхность породы и также нескольких негативов сколов от подправки ударных площадок имеет более правильный угол, будто бы она подправлялась для снятия одного крупного левалуазского отщепа. Третий - двусторонне обработанный дисковидный нуклеус размерами 78x59x58 мм. (табл.№ 8, рис.3), края зигзагообразные, в поперечном сечении двояковыпуклый. Радиально идущие сколы с двух сторон составляют более тупой угол расщепления, чем у обычных дисковидных нуклеусов. Поэтому этот нуклеус очень близок к бипирамидальным нуклеусам. И наконец, четвертый двусторонний многоплощадочный

нуклеус размерами 53x33x18 мм. (табл.№ 8, рис.4). Он сильно сработан, негативы сколов на нем в основном не более чем 20 мм., т.е. в последней стадии с него снимались отщепы мелких размеров. Основные сколы велись с подправленной ударной площадки. В качестве ударной площадки для сколов тыльной стороны служили негативы сколов на обратной стороне.

В коллекции Кук-аяз 2 всего 50 экземпляров намеренных сколов, из которых 24 целых и 24 сломанных отщепов, а также 2 пластины.

Одна из пластин размерами 74x31x13 мм. (табл.№ 8, рис.5). Ударная площадка фасетированная, выпуклая, скошенная под углом 115°. Негативы сколов на спинке носит ортогональный характер. Вторая пластина размерами 43x21x7 мм. (табл.№ 8, рис.6). Ударная площадка двуфасеточная, скошена под углом 129°. Негативы сколов на спинке параллельно идущие. Огранки спинки обеих пластин неправильные.

Целых отщепов в коллекции 24 экземпляра, размеры их колеблются от 28x249 мм. до 85x72x25 мм. Один из них имеет правильную толстую ретушь в дистальной конечности, носящую иррегулярный характер (табл.№ 8, рис.7). Анализ ударных площадок отщепов коллекции дал следующие результаты: (в таблице все 24 отщепы приняты как 100%).

№ п/п	Тип ударных площадок	количество	%
1.	Гладкие	11	45.9%
2.	Двуфасеточные	5	20.8%
3.	Многофасеточные	7	29.1%
4.	Линейные	1	4.8%

Угол скошенности площадок колеблется от 90° до 126°. Среди целых отщепов имеются 5 левалуазских, 1 отщеп с борта нуклеуса (табл.№ 3, рис.8) и 1 отщеп антам (табл.№ 3, рис.9) (ептаме - первый кусок, т.е. первый отщеп расщепленный из пород покрытой коркой) (10). Эти отщепы

полностью сохраняют на спинке естественную поверхность.

В коллекции 24 экз. сломанных отщепов. Один из них типа аксидента Сире (табл.№ 4, рис.1). Л.Сире такие предметы называл резцами (11). Но позже Ф.Борд предложил их называть аксидентами расщепления, так как эти сломанности по длинной оси происходят в

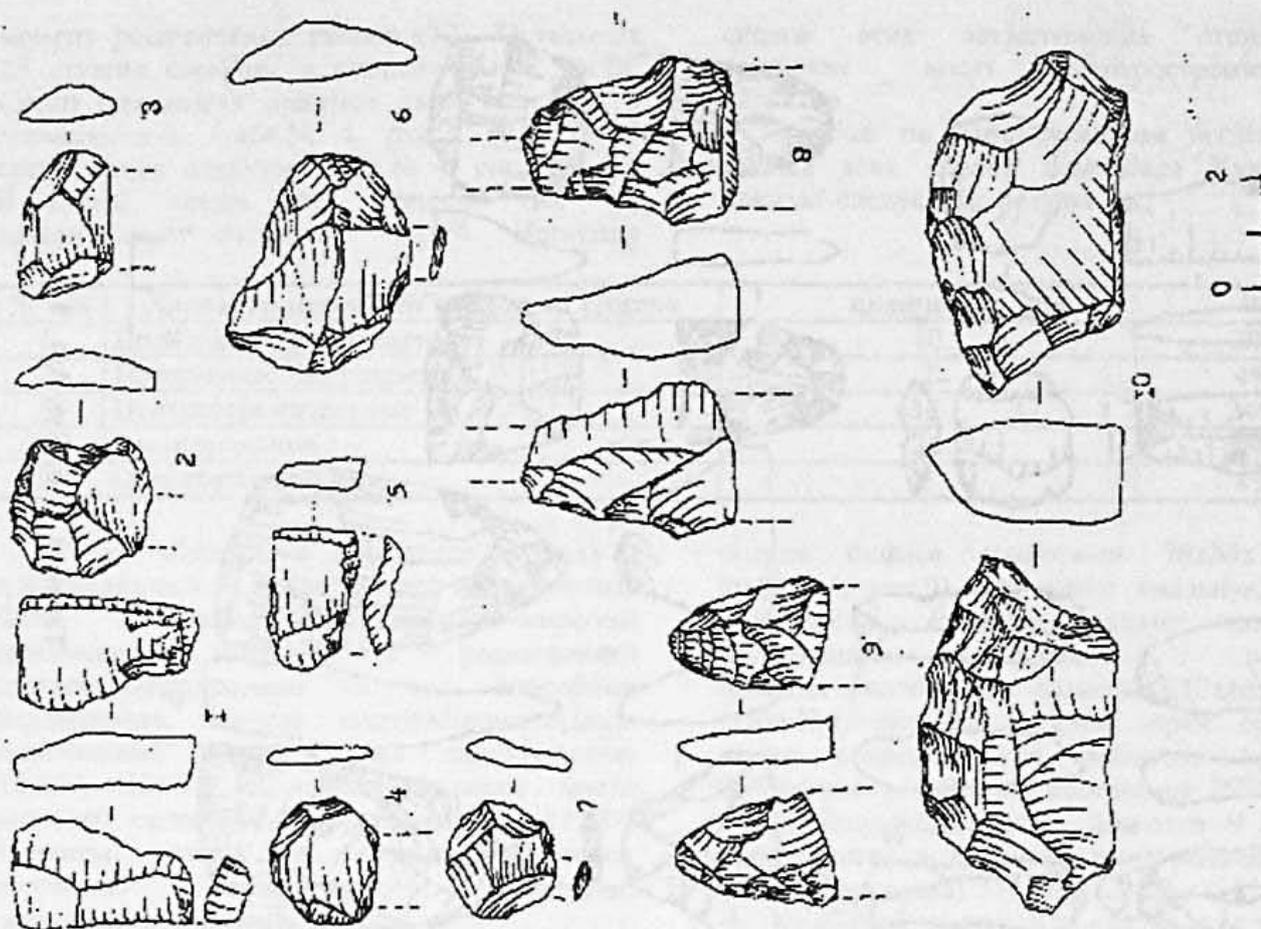

Таблица № 4. Кук-Аяз 2

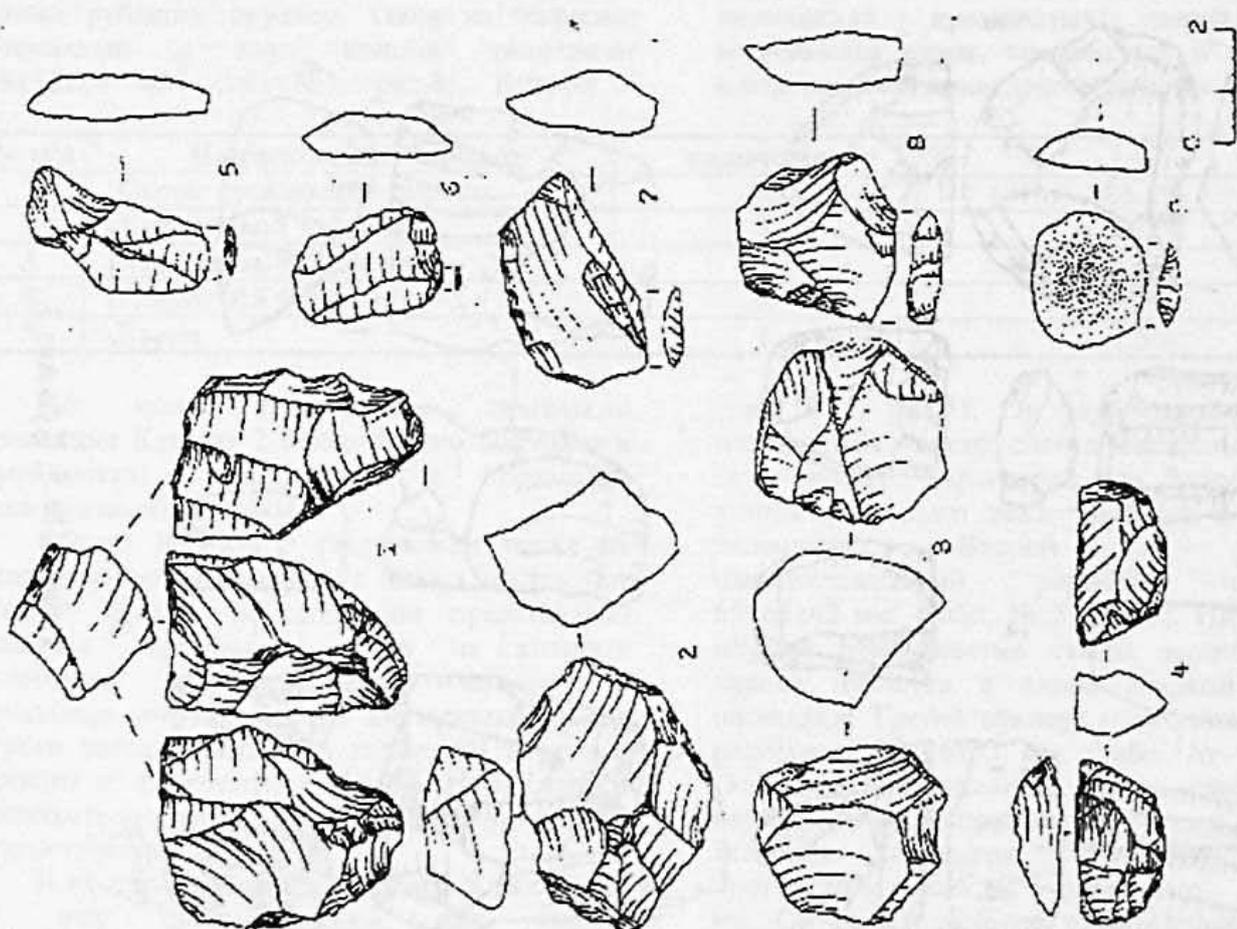

Таблица № 3. Кук-Аяз 2

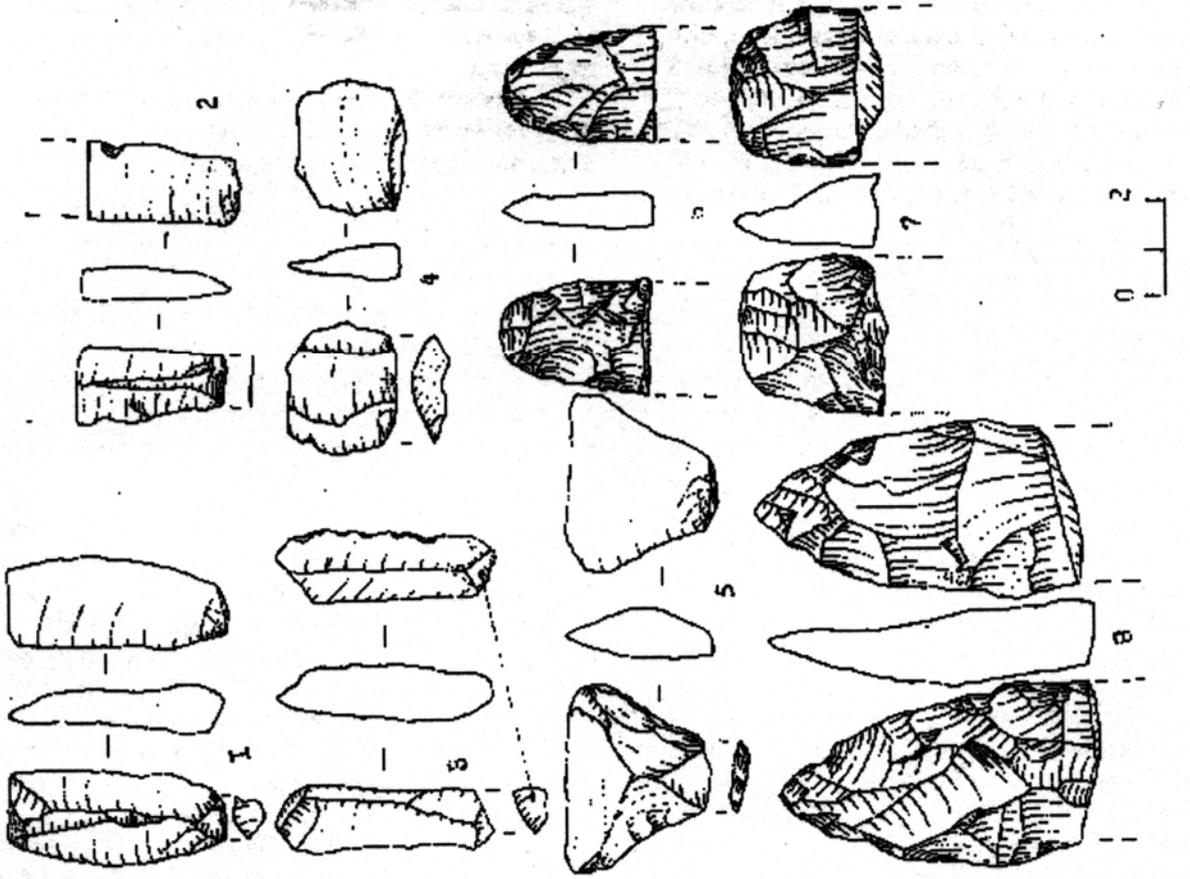

Таблица № 6. Кук-Аяз 3

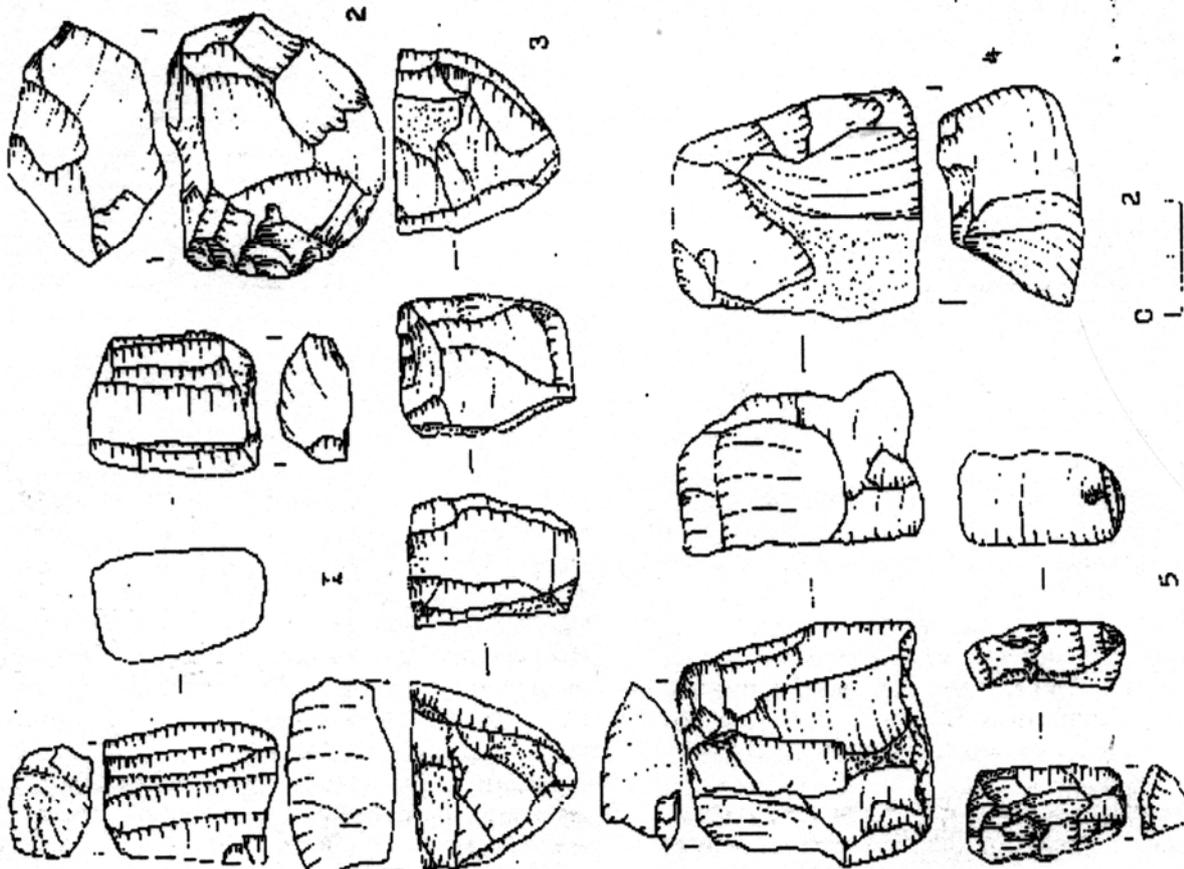

Таблица № 5. Кук-Аяз 3

момент расщепления сколов (12). Остальные 23 отщепы сломаны с проксимальной части. Среди сломанных отщепов нами выделено 3 леваллуазских (табл.№ 4, рис.2, 3, 4) и 5 среди целых отщепов (табл.№ 4, рис.5, 6, 7). В целом, среди всех отщепов (их 48) леваллуазские составляет 16,6%. Негативы

сколов этих леваллуазских отщепов в основном носят центростремительный характер.

Анализ по направленности негативов на спинке всех сколов комплекса Кук-аяз 2 показал следующие результаты:

№ п/п	Характер негативов сколов на спинке	количество	%
1.	Продольные униполярные	10	20%
2.	Продольные биполярные	2	4%
3.	Центростремительные	12	24%
4.	Ортогональные	24	48%
5.	Отщепы антамы	2	4%

Таким образом, в комплексе Кук-аяз 2 практиковались продольные униполярные (20%) и реже биполярные способы расщепления наравне с радиальными центростремительными способами расщепления. Иногда центростремительные расщепления переходят на леваллуазскую (16,6%). Но в коллекции большое место занимают ортогональные расщепления (48%). Негативы сколов на спинке заготовок полностью соответствуют нуклеусам, имеющимся в Кук-аяз 2.

Орудия комплекса Кук-аяз 2 представлены двумя обломками бифасов и одним рубящим орудием. Один из бифасов, сломанный с двух концов, размерами 78x52x28 мм. (табл.№4, рис.8). Второй -

острие бифаса размерами 56x34x12 мм. (табл.№4, рис.9). Он имеет овальную форму конечности. Рубящее орудие комплекса двусторонне обработанное с помощью плоских сколов. Его размеры 117x68x30 мм. (табл.№4, рис.10). Рабочий край орудия в плане конвекс, угол рабочего края по отношению к суппорту составляет 75°.

В коллекции также имеются 9 отходов производства и 1 сильно выветренная речная галька, размерами 51x51x21 мм.

Сырьевой состав Кук-аяз 2, в отличие от других Кук-аязских комплексов, более разнообразен. Здесь, кроме серых и коричневых кремнистых пород, также встречаются кварц, кремнистый и глинистый известняк, что приведено в таблице:

№ п/п	Наименование породы	количество	%
1.	Серые кремнистые породы	56	83,5%
2.	Коричневый кремнь	7	10,5%
3.	Кремнистый известняк	1	1,5%
4.	Глинистый известняк	2	3%
5.	Кварц	1	1,5%

По всем техническим признакам коллекция Кук-аяз 2 более близко подходит к мустьерским комплексам с примесью леваллуазской техники.

Объект Кук-аяз 3 расположен также на северном борту впадины, в 5км. к востоку от второго пункта. В коллекции представлено всего 15 артефактов, один из которых изготовлен из коричневого кремня, а остальные изготовлены из кремнистых пород серого цвета. Среди них нуклеусы, пластины, отщепы и фрагменты бифасов. Из-за малого количества артефактов не стали приводить статистический анализ.

В коллекции нуклеусов всего 5 экз. Один из них призматический для снятия ножевидных пластин размерами 68x48x38 мм.

(табл.№ 5, рис.1). Он двуплощадочный, обе площадки которого слегка скошены к тылу. Этот нуклеус характерен для более поздних этапов каменного века, начиная с позднего палеолита. Второй - нуклеус одноплощадочный, торцовый размерами 65x65x42 мм. (табл. № 5, рис.3). Параллельно идущие пластинчатые сколы велись с двух торцов нуклеуса с одной гладкой ударной площадки. Третий нуклеус многоплощадочный размерами 97x76x57 мм. (табл. № 5, рис.4). Основные пластинчатые сколы снимались в параллельном направлении с двух противоположных площадок. Четвертый нуклеус протопризматический, размерами 86x64x54 мм. Он имеет двойную патинизацию. Старые пластинчатые сколы велись в параллельном

направлении, затем обновлялись ударные площадки и снимался один скол с тыльной стороны нуклеуса. И наконец, пятый черепаховидный леваллуазский нуклеус для отщепов размерами 84x81x65 мм. (табл. № 5, рис.2). Такой же нуклеус был обнаружен в Кук-аязе 1 (см. табл. № 1, рис.2).

В коллекции имеются 3 пластины и 3 отщепы. Они полностью соответствуют нуклеусам, имеющимся в Кук-аязе 3. Одна из пластин снята с борта нуклеуса, размерами 63x30x23 мм. (табл. № 5, рис.5). Ударная площадка фасетированная, скошенная под углом 115°. Вторая пластина размерами 81x33x18 мм. Негативы сколов на спинке продольно-биполярные (табл. № 6, рис.1). Ударная площадка гладкая, скошенная под углом 117°. Третья пластина размерами 58x29x12 мм. (табл. № 6, рис.2), сломанная с дистальной конечности. Негативы сколов на спинке идут параллельно. Ударная площадка линейная. На дистальной части левого края имеется микроанкош. И один из отщепов коллекции - аксидент Сире размерами 81x26x19 мм. (табл. № 6, рис.3). Ударная площадка фасетированная, скошенная под углом 120°. Второй отщеп размерами 49x38x13 мм. (табл. № 6, рис.4) был снят из дисковидного леваллуазского нуклеуса параллельным способом расщепления. Ударная площадка гладкая, скошенная под углом 100°. Третий леваллуазский отщеп размерами 70x54x19 мм. (табл. № 6, рис.5). Ударная площадка фасетированная, скошенная под углом 125°. Негативы сколов на спинке носят центростремительный характер.

Орудия комплекса представлены тремя фрагментами бифасов. Один из них размерами 116x66x26 мм. (табл. № 6, рис.8). Он сломан с проксимальной части, из-за чего не можем судить о его форме. Но он отличается от других фрагментов бифасов коллекции своей остротой дистальной конечности. Две остальные конечные части бифасов округлой формы. Один из них размерами 63x58x25 мм. (табл. № 6, рис.6) и другой - 55 x 42 x 15 мм. (табл. № 6, рис.7).

Комплекс Кук-аяз 3 отличается преобладанием призматической техники расщепления с маленькой примесью леваллуазской техники. Присутствуют более развитые формы нуклеусов. Этот комплекс мы склонны датировать позднепалеолитической эпохой.

Таким образом, открытие Кук-аязских комплексов в северо-восточной части Кызылкумов свидетельствуют о том, что эти территория обживались древним человеком в течении всего палеолита непрерывно. Как известно, на нашей территории позднепалеолитические памятники очень редки и поэтому открытие комплекса Кук-аяз 3 может обогатить наши представления по данному периоду палеолита. Кроме того, открытие Кук-аяз 1 удревяет возраст обживания территории всего Кызылкумов, т.е. Кук-аяз 1 может быть самым древнейшим памятником не только в Кук-аязской впадине, но и всех Кызылкумах. Дальнейшие исследования этих местонахождений имеет большое значение в изучении палеолита всей Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Хужаназаров М., Сайфуллаев Б., Новые палеолитические памятники Кызылкума // Согд в системе культурных связей Центральной Азии. ТД., Самарканд, 1999, с. 26-28.
2. Виноградов А.В., Мамедов Э. Первообытный льялякан. М., 1975, с. 256-261.
3. Мирзаатов Т.М., Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977, с. 34, рис. 10, 1.
4. Паничкина М.З. Палеолитические нуклеусы. Л.: 1959, Гос.эрмитаж, вып. 1. с.17-21, рис. 5, 8.
5. Замяткин С.А. Палеолит Абхазии. Труды института Абхазской культуры, вып. 10, 1937, с. 21, рис. 3, 4.
6. Любин В.П. Палеолитические находки в Юго-Осетии // КСИИМК, вып.54, 1954, с. 56-57, рис. 15, 3.
7. Owen W.E., 1938. The Kombewa culture, Kenya Colony, Man. dec.: 203-205.
8. Bordes F., 1961. Typologie du Paleolitique ancien et moyen. Bordeaux, ed. Delmas, 85 p., 11 Fig. et atlas, 108 pl.
9. Bordes F. Typologie du Paleolitique ancien et moyen. Bordeaux, ed. Delmas, 1 vol. 62 p.
10. Виноградов А.В. Палеолит и мезолит // Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981, с. 55, рис. 14.
11. Gouzy G., 1927. - Origine et evolution de L'homme. Pzccis d'archeologie prehistoizique. Paris, Picard, 404 p., 124 Fig., 17 pl.
12. Tixier J., 1963. - Typologie de L'Epipaleolitique du Maghreb. Memoize du centre de recherches antropologiques, prehistoïriques et ethnographiques, 2, Alger, Paris, A.M.G., 212 p., 61 Fig. 2 pl.
13. Siret L., 1933. - Le coup de burin moustérien. B. S. P.F., t. 30, p.120-127, 2 pl.
14. Bordes F., 1961. - Typologie du Paleolitique ancien et moyen. Bordeaux, ed. Delmas, 1 vol. 32 p.

Hudjanazarov M., Sayfullaev B.
Kuk-Ayaz - a new paleolith monument in Kizil-kum.

The article is devoted to a new paleolith discovery in north-eastern part of Kizil-kum desert. In the fall of 1999, with the efforts of Uzbek-French expedition in Kuk-Ayaz 3 points of paleolith finds were discovered. The discovery of Kuk-Ayaz complexes gives evidence that this territory was populated by ancient men in paleolith.

Крахмаль К.А.

УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЛЕОЛИТА В ВЕРХОВЬЯХ ЧИРЧИКА

Изучение природных процессов, происходящих в раннем антропогене, имеет большое значение в археологии палеолита. Как известно полевые археологические исследования многократно увеличивают имеющуюся информацию. Этот процесс продолжается и на северо-восточной части Узбекистана, где на основе междисциплинарного международного сотрудничества Института археологии АН РУз, Института истории и этнографии СО РАН и отделом первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахстана, позволили значительно расширить наши представления о роли и значении данного региона в становлении и развитии древнейших материальных культур, явившихся основой последующих цивилизаций.

Район исследований представлен обширной Чаткало-Кураминской системой структур. К данной системе относятся территории Каржакутской, Угамской, Читкальской, горных областей, их предгорно-равнинные, адырные, заадырные части, долины рек.

На ее равнинной, предгорной и горной территории расположены памятники истории становления и развития древнейших материальных культур, таких как Кызылалма, Ташсай (Анисюткин, Исламов, Крахмаль, 1996), нижние слои Кульбулака (Касымов, 1990), в долине Ахангарана относящиеся к ашельской эпохе. За ним следует в хронологической последовательности многочисленные памятники эпохи мустье (среднего палеолита), средние слои Кульбулака, Кухисим, местонахождения в районе Ташморя и многие другие (Касымов, 1990).

Особое место в данном регионе занимают памятники каменного века расположенные в Бостанлыкском районе Ташкентской области. Такие местонахождения как Пскем (Исламов, Крахмаль, 1992). Ходжакент (Окладников, 1957), Акташ (Насретдинов, 1967), местонахождения в Бурчмулинской впадине (Касымов, ташкенбаев, 1978). И безусловно опорным памятником по изучению традиций и трансформаций культур проходивших в эпоху каменного века на территории Евразии является грот Обирахмат (Сулейманов, 1973).

Данный памятник расположен в районе Бурчмулинской впадины, которая с северо-запада ограничена Каржантауским хребтом, с северо-востока - Угамским и Пскемским, с юго-востока и юго-запада - Чаткальским (Горы Большой Чимган, Сюреньата). Юго-западная часть впадины открыта в Приташкентскую предгорную равнину, по которой протекает долина р. Чирчик. Чаткальский хребет среди горных поднятий региона наиболее расчленен, с большими относительными и абсолютными высотами простирается с северо-востока на юго-запад. Характерной его особенностью является асимметричность склонов. Протяженность северного склона от гребня водораздела до р. Чаткал 12-15 км, а южного 35-40 км. В восточной части и располагаются ледниковые трог, цирки, моренные холмы и флювиогляционные волнистые грядообразные поверхности состоящие преимущественно из мелкоземнистых суглинков, образующих форму рельефа со следами древних и современных ледников.

Геоморфологическое строение Чаткало-Кураминской системы структур является опре-

деляющим в методическом плане поиска и корреляции антропогенных отложений содержащих в себе культурные отложения эпох каменного века.

На основе результатов исследований в данном регионе А.П. Окладникова, М.Р. Касимова, Н.Х. Ташкенбаева, Р.Х. Сулейманова, Х.А. Альпысбаева, У.И. Исламова, К.А. Крахмаль, выполненных в различное время, а также учитывая изменения устройства поверхностей их литолого-фациального состава, характера влияния рельефообразующих эндогенных и экзогенных факторов по направлению от долины реки Чирчик и предгорных равнин в сторону водораздельной части Чаткальского, Пскемского, Угамского, Каржантаучкого хребтов, выделены определенные вертикально-геоморфологические зоны, соответствующие их комплексы и генетические формы рельефа.

Первая зона характеризуется абсолютными более 2500 м., скалистыми водоразделами, относительно глубокими склонами, с распространением осыпей, а так же наличием ледниковых форм и связанных с ними моренных отложений. Четвертичные отложения здесь занимают 5-6 %. Общий контур этой зоны намечился в конце палеогена в результате интенсивных тектонических движений с последующим неоген-четвертичным регионально-глыбовой подвижкой (Скворцов).

Вторая геоморфологическая зона имеет в основном среднегорно-низкогорный облик. Ее характерная особенность в том, что рельеф развивается за счет расчлененности первой зоны и вовлечения предгорий в общее расширяющееся поднятие. По физико-географическому положению этот главный орогенный рельеф приурочен к склонам общего поднятия. В данной зоне, в пределах абсолютных отметок 1800-2000 м., рельеф сильно расчленен, преобладают выпуклые склоны. К ним приурочены местонахождения древнепалеолитических орудий Кызылалма, Ташсай, в долине р. Ангрэн, Сох, Чашма, Сельунгур в Южной Фергане в бассейне р. Чирчик местонахождение Чимган (Исламов, Крахмаль, Анисюткин).

Третья зона охватывает западную и юго-западную части территории с абсолютными отметками от 1200 до 600 м. Она развивается в результате расширения второй зоны, воздымания и расчленения предгорных равнин, которые в раннем и среднем антропогене являлись ареной жизнедеятельности древних общин.

При реконструкции палеорельефа четвертичного периода были определены эрозионно-денудационные и аккумулятивные процессы. Но при формировании рельефа они часто имели переменный характер, когда циклы сменились аккумуляцией и наоборот. Это явление в значительной степени влияло на условия залегания остатков культурной деятельности палеолитических обитателей эпохи мустье. К данной зоне приурочены местонахождения в бассейне р. Чирчик - Куприкбоши, Тусье, а также отдельные палеолитические находки на правом берегу Угама, Кызылсу, Аксагатасая, Бельдерсая, Пскема на окраине п. Барраж, в окрестностях Юсупханы и др. (Ю.Ф.Буряков, М.Р.Касымов, О.М.Ростовцев).

Уникальным феноменом в истории антропогена в данном регионе, характеризующимся активными тектоническими преобразованиями являются пещерные стоянки. В бассейне реки Чирчик к ним относятся гроты Ходжикент I и II (А.П. Окладников), Акташ (Н.Х. Насрединов) и известная по своим масштабам, а также по детальной изученности грот Обирахмат (Р.Х. Сулейманов). Не останавливаясь на типологическом и функциональном анализе изделий орудий труда, древнейших обитателей в верховьях Чирчика, которые подробно изучены Р.Х.Сулеймановым, приводятся палеоэкологические результаты.

Карстовые явления в районе грота Обирахмат зафиксированы почти на всем участке выхода карбонатных пород. Они представлены многочисленными поверхностными и подземными проявлениями карстов в виде воронок, ниш, трещин, карр, пещер, подземных полостей, заполненных вторичными материалами - глинами, обломочными породами, сталактитами, сталагмитами и сталагматами. Факторы карстообразования, в изучаемом районе зависят от растворимых химических элементов, как в основной массе породы, так и от изменения климатической обстановки, влажности, терминальности и ряда других физико-географических факторов. Комплексное изучение ряда данных признаков в определенной степени позволяет сделать некоторые выводы относительно палеоклиматической и палеотектонической обстановки в периоды формирования антропогенных отложений.

Кроме того, при исследовании характеристик карста изучались все поверхностные и подземные формы его проявления, которые яв-

ляются показателем развития карстовых процессов в древности и его современной активности. Это позволило получить ряд исходных данных для определения палеоэкологической ситуации в отдельные эпохи раннего антропогена.

Сбор исходной информации по изучению тектонической активизации проводился также с целью определения периодов активности и корреляции с процессами террасобразования. Было установлено, что карстовые процессы приурочены к зонам трещин. В районе Чарвакского ущелья изучались известняки, методом маршрутного учета в обнажениях и зонах выветривания, а затем в камеральных условиях сопоставлялись с данными изучения штолен глубиной до 80 м., материалов керна, глубиной до 200 м. В результате чего, были выявлены основные генетические типы тектонических трещин и трещин напластования. Трещины напластования в толще известняков меняют свое направление в зависимости от простирания складчатости. В зоне поверхностного выветривания трещины значительно шире, за счет интенсивного выветривания глинистых пропластков и глинки трения. Тектонические трещины простираются в различных направлениях с преобладанием широтного направления - параллельных оси основной синклинали, почти меридиональных параллельных Чарвакскому взбросу и осям складок второго порядка - северо-восточного 60° . Углы падения тектонических трещин варьируют от 10° до 88° .

Также зафиксирован тип трещин разгрузки склонов, который распространен в каньоне реки Чирчик и в большинстве случаев совпадает с трещинами напластования. Таким образом в результате систематизации и анализа тектонических проявлений. Зафиксированных в районе исследований были проведены корреляционные сопоставления с террасовыми горизонтами и их генезисом на которых были обнаружены палеолитические местонахождения в верховьях бассейна реки Чирчик с антропогенными отложениями грота Обирахмат. На основании этих данных можно констатировать, что данный регион обжился в ашельскую эпоху, местонахождение «Чимган», и вплоть до эпохи раннего металла. Количество находок и их местонахождений зависят от природных преобразований неоген-четвертичного периода, которые имеют определенное значение для выяснения общих

закономерностей строения и эволюции земной коры в изучаемом районе.

Крайне редкие находки эпохи ашель объясняются не только тем, что развитие материальных культур в эти периоды происходили в других географических провинциях, а определенными экзогенными и эндогенными преобразованиями земной поверхности в данном регионе.

Расположение местонахождений эпох и мустье на разных террасовых уровнях в значительной степени определяются историей и условиями развития отдельных морфоструктур. Существуют общепринятые методы анализа развития структурных форм в областях прогибания и аккумуляции, таких как изучений фаций, мощностей и т.д. В областях денудаций, тем более орогенных со сложными дифференцированными движениями эти методы были не эффективными. В этой связи в последнее время нами уделялось внимание анализу развития новейших структурных форм тектонически активной области, в районе наших исследований, которые были приведены выше. Так изучение целостных орографических и структурно-геологических образований, определения на них реликтовых отложений неоген-четвертичного периода позволили сделать первые ашельские местонахождения на Северо-Востоке Узбекистана (Анисюткин, Исламов, Крахмаль).

Анализируя историю развития структурных форм имеющих среднегорно-низкогорную геоморфологическую зону анализировалась последовательность становления в рельефе поднятий и впадин с учетом тектонической подвижки. Это позволило установить относительные хронологические рамки для отдельных горизонтов и по этим данным выяснить последовательность возникновения денудационных и эрозионных террас, расположение древних долин - областей транспортировки моласс, четвертичного субстрата и водораздельных поверхностей - мест обживания в эпоху мустье явившихся областью денудации и сносу. Эти вопросы решались путем исследования этапов горизонтального и вертикального расчленения. Исходя из этих определений поиски стоянок каменного века эпохи мустье нами проводились во второй геоморфологической зоне. В результате чего в верховьях бассейна реки Чирчик на берегу первого притока реки Пскем было открыто мустьерское местонахождение Пскем. Коллекция каменных изделий представлены двусторонними

дисковидными нуклеусами, многоплощадными ядрищами, несущие на поверхности следы от снятых заготовок, с площадками, подправленными ступенчатой ретушью. Массивные отщепы под четырехугольной формы, нуклевидные сколы, пластины и пластинчатые отщепы (Исламов, Крахмаль). Рельеф, как отмечалось сильно расчленен активной эрозией. Склоны горных хребтов и борта долин покрыты мощными отложениями элювиально-делювиальных и аллювиально-пролювиальных образований. С подобных горных образований относится более 90 % основной массы отложений, транспортируемых рекой в предгорьях и предгорные равнины, уничтожая культурные слои палеолитических стоянок перемещая каменные изделия

на значительные расстояния. Изделия из камня встречаются в русловых отложениях Бозсу, Каракамыша, Салара, Келеса. В результате многолетних исследований памятников каменного века было установлено, что большинство из них являются переотложенными на значительные расстояния. Эти данные и анализ развития палеографической среды в историческом плане существенным образом дополняют наши представления о динамике заселения, локализации, степени сохранности и прогнозирования поисков памятников палеолита. Данные методы комплексных исследований были опробованы кроме бассейна р. Чирчик, в долине Ангрена и в Ферганской долине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А.П., Работы палеолитического отряда в 1958 г./ Изв. АН УзССР, Тошкент, 1958.
2. Насрединов Х., Ходжикентская пещера № 2 - мустьерский памятник близ Ташкента/ ОНУ, 1962, № 4, с. 63-77.
3. Буряков Ю.Ф., Касымов М.Р., Ростовцев О.М., Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент 1973.
4. Сулейманов Р.Х., Статистическое изучение культуры грота Обирахмат. Ташкент. 1972.
5. Исламов У.И., Крахмаль К.А., К изучению эпохи палеолита на Северо-Востоке Узбекистана / ИМКУ. Вып. 26, Ташкент. 1992.
6. Скворцов Ю.А., Элементы новейших тектонических движений Узбекистана. / Тр.САГУ, Вып. VII. Кн. I, Ташкент, 1949.
7. Тетюхин Г.Ф., Острографии четвертичных отложений Приташкентского района / «Материалы по изучению четвертичного периода». т. III, М., 1961.
8. Абдуллаев Х.А., Зарифбаев Х.З., Палеомагнетизм кайнозойских моласс Чирчикской депрессии / Ташкент, ФАН, 1980.

Krakhmal K.A.

Bedding conditions of the Paleolithic monuments at the reaches of Chirchik.

30 years of scientific researches on the bedding conditions of the Paleolithic monuments of Tashkent oasis have been summarized in the article. All the monuments situated in this region are divided into three geomorphologic zones. The tectonic occurrences happened in these localities and their influence to the geomorphologic structure of the local relief have been described.

Ташкенбаев Н.Х.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭПОХИ МУСТЬЕ САМАРКАНДСКОГО СОГДА

Ученые Института археологии АН РУз в 70-80 г.г. открыли ряд палеолитических памятников на территории Самаркандского Согда, такие как Кутурбулак и Зирабулак (эпоха мустье), Сиабча и Ходжамазгиль (эпоха верхнего палеолита) и др.

Уникальная стратифицированная мустьерская стоянка Кутурбулак была подробно изучена и изложена в монографии «Культура древнекаменного века долины Заравшана»¹, а материалы остальных палеолитических памятников данного региона разработаны частично, в том числе и Зирабулакской стоянки эпохи мустье (рис. 1).

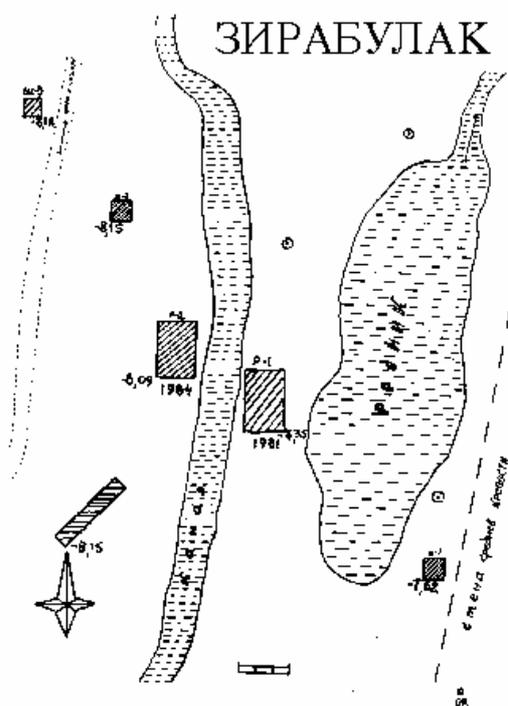

Рис. 1. Схематичная карта Зирабулака

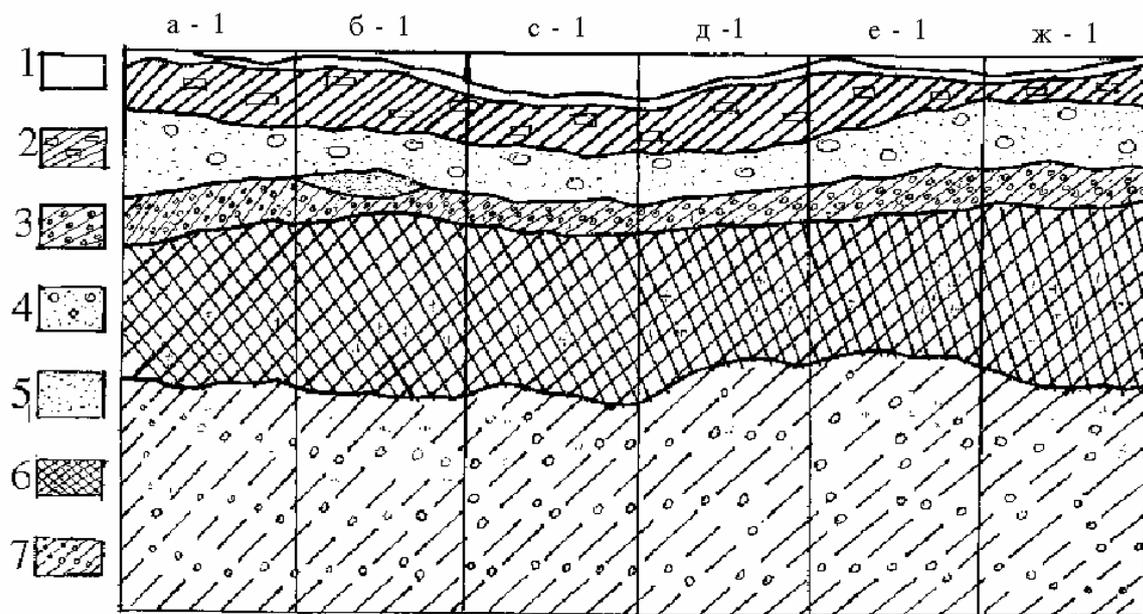
Поэтому, автор решил в данной публикации подробно изложить результаты типологического анализа каменной индустрии Зирабулака и определить его место среди палеолитических памятников Центральной Азии.

Зирабулакская стоянка² является мустьерским памятником открытого типа, а также считается непосредственным объектом обследования, на базе которого формируется исходный научный факт археологического познания указанного времени (рис. 2).

Определяя место Зирабулака среди центральноазиатских памятников мы опирались на анализ его каменной индустрии (рис. 3), ибо каждый артефакт имеет свою отличительную функциональную особенность, непосредственно связанную с происшедшими в древности социальными явлениями в бытовой или охотничьей сфере первобытных людей.

На примере артефактов Зирабулакской стоянки видно, что почти в любом исследовании эмпирического или теоретического характера присутствуют в той или иной мере, элементы систематизации, выраженной в типологии и классификации, особенно в тех случаях, когда эмпирический базис формируется на основе массовых категорий источников.

К сожалению, общие принципы подхода к археологической систематике пока разработаны неполно. В любых случаях формально-типологический метод более или менее определяет лицо индустрии того или иного палеолитического памятника. Каждый исследователь вносит в конкретные классификации и типологии свои элементы и новшества, поэтому результат каждого исследователя практически несопоставимы.

Разрез западной стены раскопа - 1 Зирабулака

В данном случае мы остановим наше внимание только лишь на результатах типолого - аналитического изучения каменной индустрии Зирабулака.

Нельзя не отметить, что из-за недостатка фаунистических остатков в культурных напластованиях Зирабулакской стоянки и отсутствия четких следов зольных пятен (кострищ), мы не можем дать абсолютную дату исследуемого памятника. Поэтому ограничиваемся определением лишь технического варианта Зирабулака типологическим путем, то есть по морфологии каменного инвентаря пытаемся установить возраст или культурную принадлежность данного палеолитического местонахождения.

Типология каменных изделий Зирабулакской стоянки по своим технико-типологическим показателям идентична индустрии соседнего ему памятника - Кутурбулаку, входящий в состав Обирахматской³ или Тешикташской⁴ культуры, так как Тешик-Таш⁵ обладает леваллуазскими элементами, а Оби-Рахмат является заключительным этапом развития тешикташской культуры. Именно в эту группу палеолитической культуры входят Кутурбулак, Зирабулак (Узбекистан)⁶ и, вероятно, Огзи-Кичик (Таджикистан)⁷.

Близость Зирабулака к указанной культуре подтверждает одинаковая доля треугольных форм леваллуазских нуклеусов (в Кутурбулаке - 9 %; Зирабулаке - >5 %; Оби-Рахмате - 5 %: в Тешик-Таше - 4 %).

Этот факт подтверждает также соотношение долей пластин Зирабулака к культуре Тешик-Таш. Например, в Зирабулаке количество пластин по отношению ко всем сколам равна < 35%; в Кутурбулаке - 27 %; Тешик-Таше - 21%.

Согласно параметров длины сколов Зирабулака особенно в верхних слоях преобладают сколы длиной 2-4 см. и 4-6 см. Такие размеры были зафиксированы и в верхних слоях Кутурбулака. Укороченность заготовок характерны и для мустьерских памятников Таджикистана (Кайрак-Кумы)⁸.

Доля ретушированных пластин Зирабулака также приближает его к выше указанной мустьерской культуре. Если среди орудий Зирабулакской стоянки имеется - 28 % ретушированных пластин по отношению ко всем орудиям то в Кутурбулаке - 26 %, в Оби-Рахмате около - 30 %.

Зирабулакская мустьерская стоянка, включающаяся в тешикташскую (обирахматскую) культуру, включает в себе много схожих черт с другими центрально-азиатскими мустьерскими памятниками. Например, можно найти аналогии каменным изделиям Зирабулака и в инвентаре Семиганча (Таджикистан)⁹. Здесь представлены как и в Зирабулаке ретушированные отщепы, пластины, остроконечники, выделяются лимасоподобные экземпляры орудий.

К категории так называемых скребловидных инструментов входят ретушированные отщепы

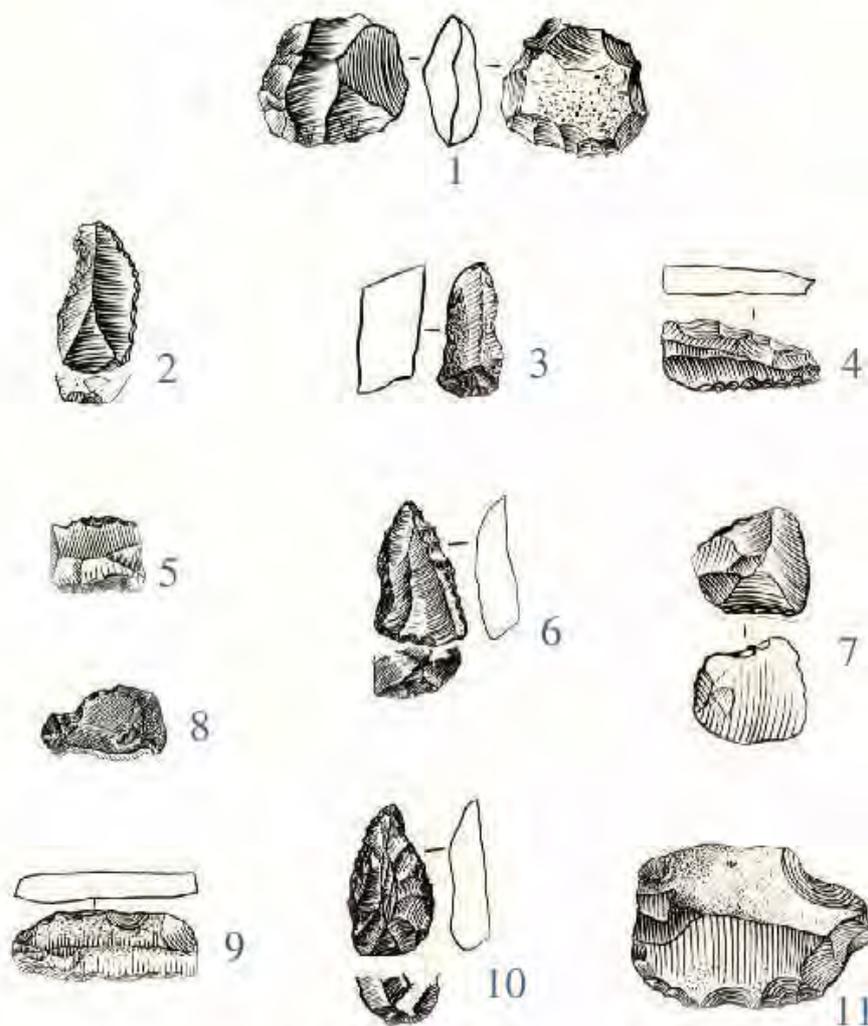

Рис. 3. Каменный инвентарь Зирабулака. 1- дисковидный нуклеус, 2 - ножевидное орудие, 3,6,10 - остроконечники, 4,5,9 - скребла, 7,8,11 - скобели

и пластины с различным вариантом ретуши, выемчатые орудия на отщепах, орудия нуклеовидные или массивные. Количественное соотношение их В.А.Рановым в своих работах не приведены (о Семиганче и Огзи-Кичике), но судя по описаниям они сходны с таковыми из Зирабулака.

Укороченность сколов Зирабулакской стоянки несколько похожа сколам - Кара-Буры (Таджикистан)¹⁰, а также данные о покрытии спинки сколов естественной коркой, составляющих 26 % в Кара-Буре несколько близка цифра >18 % (Зирабулака).

Надо отметить, что имеется некоторая близость галечных изделий Зирабулака с Кара-Бурой, где они выделяются в большом количе-

стве. Мы относим к чопперам и чоппингам лишь те экземпляры орудий, формы которых указывают на достаточную вероятность использования их в качестве скобящего или рубящего орудия, то есть отеска имеется на определенной части края гальки, а другой край не обработан и представляет удобную для захвата рукоятку.

Однако, необходимо отметить, если имеются некоторые общие черты каменных изделий Зирабулака с таджикскими памятниками, то такая разновидность орудий как струги и скобели в Семиганче и Огзи-Кичике почти не представлены. Типичные для Огзи-Кичика пластины с крутой ретушью краев, с вогнутыми краями в Зирабулаке очень незначительно.

Хотя и Зирабулакская мустьерская стоянка входит в круг памятников обирахматской культуры, она обладает некоторыми типами орудий, которых очень мало в самом Оби-Рахмате. К таким относятся типично мустьерские остроконечники, созданные на пластинах и отщепах. Некоторые экземпляры аналогичны облику остроконечников леваллуа-мустьерской культуры Передней Азии.¹¹ Подобные орудия имеются и в мустьерских памятниках Европы.¹²

В коллекции каменной индустрии Зирабулака комбинированных орудий, то есть изделий многофункционального назначения >4,5 %, почти одинаковый процент с Кутурбулаком, их - 5%. По многим признакам комбинированные орудия Зирабулакской стоянки аналогичны подобным изделиям из Кульбулака (Узбекистан)¹³ и Чакмаклы (Азербайджан).¹⁴

Среди каменного инвентаря Зирабулака имеется значительное количество продукции намеренного фрагментирования, т.е. артефактов, происходившихся во время вторичной обработки. Они зафиксированы во многих памятниках изучаемой культуры. Подобные предметы можно встретить в немалом количестве в Огзи-Кичике¹⁵ и они отмечены в мустьерских памятниках Кавказа.¹⁶

Надо отметить, что в Зирабулаке, главным образом, существовала техника мустьерского и пластинчатого расщепления с примесью леваллуа. От подобной технологии, возможно, могли создаваться пластины и треугольные отщепы, предназначенных для изготовления продольных - ретушированных острий и скребел.

В целом, Зирабулакская стоянка по многочисленным признакам ее индустрии относится к финальному мустье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х., Культура древне-каменного века долины Зарафшан., Ташкент, 1980.
2. Ташкенбаев Н.Х., Некоторые данные по палеолиту Зарафшанской долины//ИМКУ, вып. 21, Ташкент, 1987.
3. Сулейманов Р.Х., Статистическое изучение культуры Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
4. Абрамова З.А., Ранний палеолит Азиатской части СССР//Палеолит СССР. М., 1984.
5. Окладников А.П., Исследование мустьерской стоянки и погребение неандертальца// Тешик-Таш. М., 1949.
6. Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х., Культура древнекаменного века... стр. 69-75.
7. Ранов В.А., Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г. (Раскопки на площадке перед пещерой Огзи-Кичик) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XI, Душанбе, 1975.
8. Ранов В.А., Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии// Основные проблемы изучения четвертичного периода. М., 1965.
9. Ранов В.А., Семиганч - новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане// Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. XII, М., 1972.
10. Ранов В.А., Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.
11. L. Pradel, Le pointe moustérien. Bulletin de la Société Préhistorique Française, t. LX, 1965, p. 569.
12. R. Neuville, Le Paléolithique et le Mésolithique du Désert de Indee. Archives de l'Institut Paleontologie Humaine, Paris, 1951.
13. Касымов М.Р., Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане// Материалы исследований по археологии СССР. № 185, М.-Л., 1972.
14. Коробков И.И., Мансуров М.М., К вопросу и типологии теяко-зубчатых индустрий (на основе материалов местонахождения Чакмаклы в Западном Азербайджане)// МИА, Вып. 185, М., 1972.
15. Ранов В.А., Работы отряда по изучению каменного века... стр. 21.
16. Любин В.П., Соловьев Л.Н., Исследования Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа// МИА, Вып. 173, М., 1971.

Tashkenbaev N.Kh.

«About some problems of mustye epoch of Samarkand Sogdiana»

The article of N.Kh. Tashkenbaev «About some problems of mustye epoch of Samarkand Sogdiana» is devoted to some problems mustye epoch of Samarkand Sogdiana. Authors analyses the results of permanent investigations of mustye camp - Zirabulak, which is considering as one of the important pre-historic archaeological monuments of Zeravshan valley. There were found many archaeological materials: stone products of mustye period.

Researcher revealed the links between Zirabulak and Kuturbulak settlements. They are included in Obi-Rakhmat or Teshik-Tash archaeological culture. Author found some common features with mustye monuments of Central Asian and Tadjikistan especially.

Холматов Н.У.

МЕЗОЛИТ НИЗОВЬЕВ ЗАРАФШАНА

В истории изучения памятников каменного века низовьев Зарафшана можно проследить несколько особенных черт. Во-первых, изучение этих памятников, во всяком случае на втором (50-е-середина 60-х гг) и, особенно, на третьем (с середины 60-х гг) этапах проводилось массированно, широко-масштабно и (на третьем этапе)-комплексно (первый этап 30-40-е годы характеризуется в основном случайными находками археологических материалов). Во-вторых, как следствие, в низовьях Зарафшана мы имеем дело с массовым материалом (здесь сейчас известно порядка семисот стоянок с каменным инвентарем). В третьих, подавляющее большинство известных здесь стоянок развешанных, а их материалы до сих пор не опубликованы. Все это создает значительные трудности не только для реконструкции особенностей материальной культуры и образа жизни, но и в проведении типологической классификации материалов.

Имеются, однако, и положительные стороны. Геоморфология района, в частности, палеогидрография, а также особенности расселения человека на многочисленных здесь протоках и дельтах, ныне сухих, позволяют предполагать, что значительная часть развешанных стоянок дает однородный материал (Виноградов 1968, с.21-24; Виноградов, Мамедов, 1975, с.210-2123). Другое существенное обстоятельство заключается в том, что в этом районе найдены и раскопаны три стоянки с полностью или частично сохранившимся культурным слоем, с большими коллекциями изделий из камня, керамики и палеофаунистических находок. Это стоянки Дарбазакыр 1, 2 на Махандарье (Исламов, 1963,1963а; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.21-116) и Учачи 131 на верхнем Дарьясае (Виноградов, 1981, с.64-70).

Для последней из них получены радиоуглеродные даты, пока единственные для низовьев Зарафшана. Наконец, ниже Зарафшанские материалы являющиеся одним из вариантов кельтеминарской историко-культурной (или, возможно, этнокультурой) общности, «увязаны» в периодизацию и хронологию кельтеминара в целом (Виноградов, 1981а, с.88-97; 1981, с. 118-136). Все это существенно облегчает решение поставленной перед нами задачи: дать общую характеристику и выявить особенности материальной культуры мезо-неолитического населения этой обширной области, реконструировать, насколько это позволяет материал, хозяйственный уклад и образ жизни.

Следует отметить также, что уже после опубликования сводки А.В. Виноградова (1981, с.64-78) на староречьях Зарафшана был проведен новый цикл комплексных исследований, в которых принимал участие автор (Виноградов, Мамедов, 1986, с.456; Джуракулов, Мамедов,1986а, с.457,458; Холматов, 1991а, с.3-25). Что касается неолитического, кельтеминарского времени, то никаких существенных коррективов новые материалы в их характеристику не внесли (исключая уточнения, касающиеся палеогеографии). Однако, важным открытием являются новые следы древнего протока Зарафшана, проходившего на участке между Махандарьей на юге и Дараясаем на севере и являющегося значительно более древним, чем Махандарья и Дарьясай. Здесь по берегам извилистого протока, обнаружена серия небольших развешанных стоянок, материал которых дает основания выводить их за хронологические рамки Кельтеминара и предположительно датировать ранним мезолитом. Эти материалы коренным образом меняют прежние представления о времени и

характере освоения ныне пустынных равнин Юго-Западных Кызылкумов и должны быть рассмотрены прежде всего.

Урочище Чорбакты, где обнаружены следы самого древнего из известных сейчас протоков Пра-Зарафшана, на водах которого базировались стоянки, находится в 40-50 км. западнее г.Газли, близ поселка Цветущий, расположенного на автостраде Дуль-Дуль-Атлаган (на берегу Амударьи)- Газли-Бухара (рис.1). Здесь в 1984 г. был детально обследован (в археологическом и геоморфологическом плане) участок длиной около пяти и,

шириной до двух километров (Виноградов, Мамедов, 1986, с.456,457). На этом участке представлены все основные элементы рельефа древнеаллювиальной равнины: цепочка довольно высоких гряд-останцов и примыкающая к ней с юго-запада система котловин и желобов разной величины, размеров и форм. Из последних наиболее выразительны две котловины, условно названные Западной и Восточной. Склоны обеих котловин террасированы: две хорошо выраженные аккумулятивные террасы располагаются на отметках 5-6 м и 10-11 м.

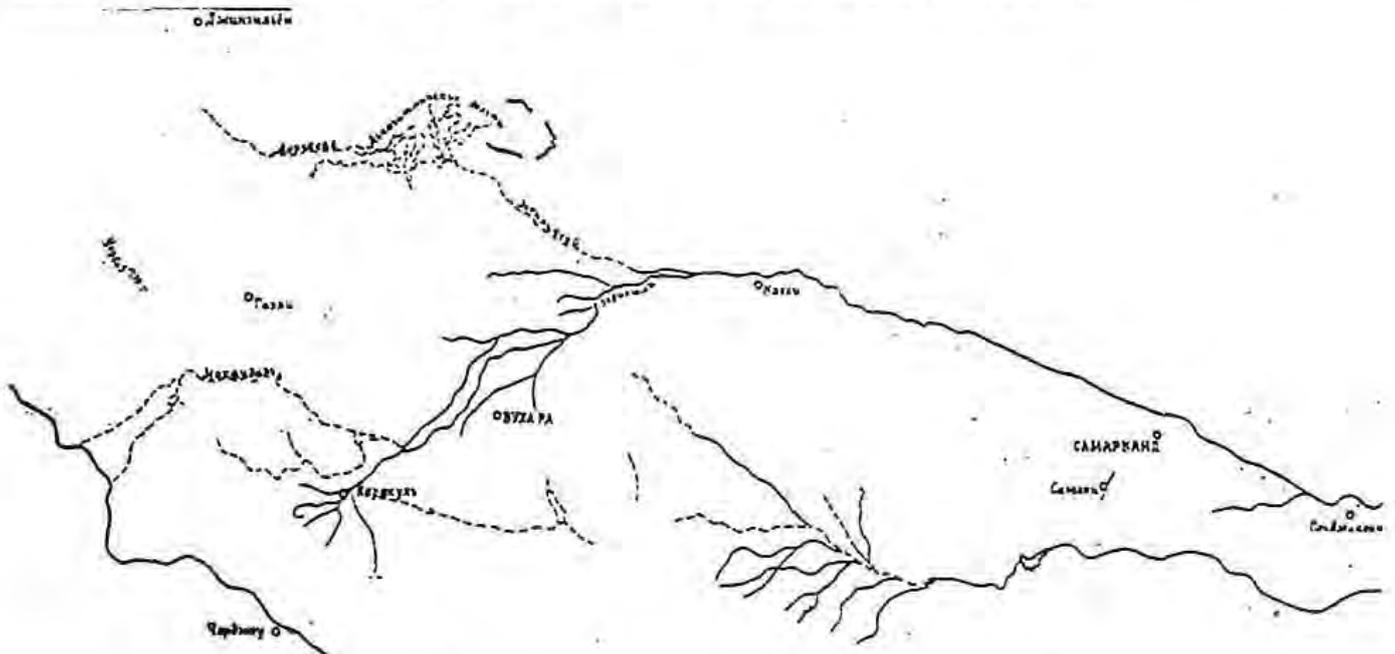

Рис. 1. Обзорная карта Среднего и Нижнего Зарафшана.

На обследованном участке было найдено более 60 стоянок каменного века, в основном неолитических. Подавляющее большинство стоянок относится к кельтеминарскому времени. Мезолит представлен небольшими развешанными стоянками, расположенными в промежутке с кельтеминарскими. Они совершенно отчетливо выделяются среди последних своей топографией, типологией и особенностями использованного для изготовления орудий сырья. Рассмотрим эти характеристики более подробно.

Кельтеминарские стоянки тяготеют в основном к бортам и террасам котловин и желобов, в то время как мезолитические памятники, по своему топографическому и гипсометрическому положению, не зависят от этих форм рельефа. Следует указать также, то что мезолитические материалы, в отличие от кельтеминарских, не найдены на уплощенных вершинах гряд-останцев.

Исходя из известных сейчас данных можно реконструировать палеогеографическую обстановку в следующем виде. Очевидно, что рельеф времени существования здесь кельтеминарских стоянок был близок к современному рельефу, правда в условиях относительного увлажненного климата (лявляканский плювиал). Кельтеминарцы селились по берегам мелководных озер (нынешние террасированные котловины и жалоба), осваивали прилегающие участки, включая плоские вершины гряд - останцев. Существование озер можно отнести только за счет повышенного атмосферного увлажнения и, соответственно, подъема грунтовых вод. Как свидетельствует разного рода естественно - научные, а также археологические данные, такие пресные озера существовали в эпоху лявляканского плювиала во многих районах Кызылкумов.

Совершенно иной характер рельефа, а возможно, и иные ландшафтно-климатические

условия в целом, существовали здесь на раннем этапе заселения, в раннемезолитическое время. Как уже говорилось, можно полагать, что прослеживаемая в рельефе почти на 30 км «меандрирующая» цепочка грядовых останцов - это остатки древнего русла, причем уплощенные вершины останцов не что иное, как днища этих русел. На склонах и плоских вершинах гряд и холмов обнажаются древнеаллювиальные осадки, выполненные относительно устойчивыми породами. В условиях господства денудационных процессов в долявляканское и послелявляканское время днища русел трансформировались в положительные формы рельефа. Такого рода процессы хорошо прослеживаются в современном рельефе древнеаллювиальных районов Внутренних Кызылкумов. К левому (южному) берегу русла были приурочены стоянки мезолитического человека. Люди могли жить на берегах протоков и в условиях плювиала, и в условиях аридного климата. Чорбактинские материалы пока не имеют более или менее точной абсолютной даты. Однако, представляется наиболее вероятным их отнесение к джанакского аридной фазе (ранний и древний голоцен, 12-8 тыс. л. н.э.; Мамедов, 1980; Джуракулов, Мамедов, 1986, с.112; Джуракулов и другие., 1987, с.16).

Ландшафтно - климатическими условиями этой фазы, а также последовавшего за лявляканским плювиалом тубелекского арида можно объяснить факт сильнейшей денудации прирусловых участков, формирование собственно русла как положительной формы рельефа и проецирование мезолитических материалов на поверхность, находящуюся на 10-15 м ниже уровня их первоначального положения.

Что касается сырья, то ранний неолит здесь, как и на Дарьясае, характеризуется преимущественным использованием серого кремнистого известняка или сланца хорошего качества, а средний неолит - высококачественного белого кремня. Однородность сырья свидетельствует о том, что в это время использовался в основном, видимо, материал из месторождений (желвачный или пластовый).

Обитатели мезолитических стоянок использовали материал, характеризующийся значительно большим многообразием и по качеству, и по цветовой гамме. Так, на стоянке Чорбакты 41, наиболее крупной из ранних стоянок, найдены изделия из кремня коричневых тонов (52%), из полосатого и пятнистого сланца черного и темнозеленого цветов (26%), а также единичные находки из

кремнистой породы белого и коричневатобелого цвета и из грубых, слабо окремненных слоистых и мелкокристаллических пород. Близко по составу и сырье, использованное на других мезолитических стоянках. Нигде в Кызылкумах в позднемезолитическое - неолитическое время материал такого состава не использовался; в то же время он показывает определенную близость к коллекциям Самаркандской стоянки и памятников сагаганской группы. Это, видимо, объясняется в первую очередь употреблением во всех этих случаях местного галечного материала из аллювиальных отложений Зарафшана.

Об использовании в качестве сырья гальки небольших размеров свидетельствует отсутствие на стоянках крупных и единичность средних размеров сколов. Последние изготовлены из окремненного темно-серого известняка и мелкокристаллических пород.

Что касается типологического состава ранних коллекций, то прежде всего, в отличие от кельтеминарских материалов, это не пластинчатая а ярко выраженная отщепово - пластинчатая индустрия. Отщепы существенно преобладают не только в целом, но и среди изделий с дополнительной обработкой (в последнем случае в 3-6 раз).

Приведенные выше характеристики убедительно свидетельствуют с одной стороны, о хронологической обособленности этой группы стоянок, с другой - отметим кельтеминарских материалов.

Следует отметить, что коллекции, полученные с мезолитических стоянок, крайне незначительны по объему. Наиболее крупная из стоянки Чорбакты 41 дала всего 174 находки, другие (Чорбакты 11, 23, 27) еще меньше - от 20 до 70 находок каждая. Материалы этого времени были встречены на обследованной площади также в виде единичных находок и в виде незначительной примеси на отдельных кельтеминарских стоянках. В свою очередь на ряде мезолитических стоянок имеется небольшая кельтеминарская примесь. И в том, и в другом случаях эти материалы легко расчленяются, главным образом по характеру использованного сырья, но также и типологически (рис.2, 3, 4).

Типологический состав коллекций с мезолитических стоянок не очень богат, но характеризуется наличием ряда специфических форм. Прежде всего отметим заготовки. Отщепы в основном мелкие, укороченных пропорций. Около 90% всех снятий имеют максимальный размер в поперечнике от 1 до 3 см. I. Отщепы без обра

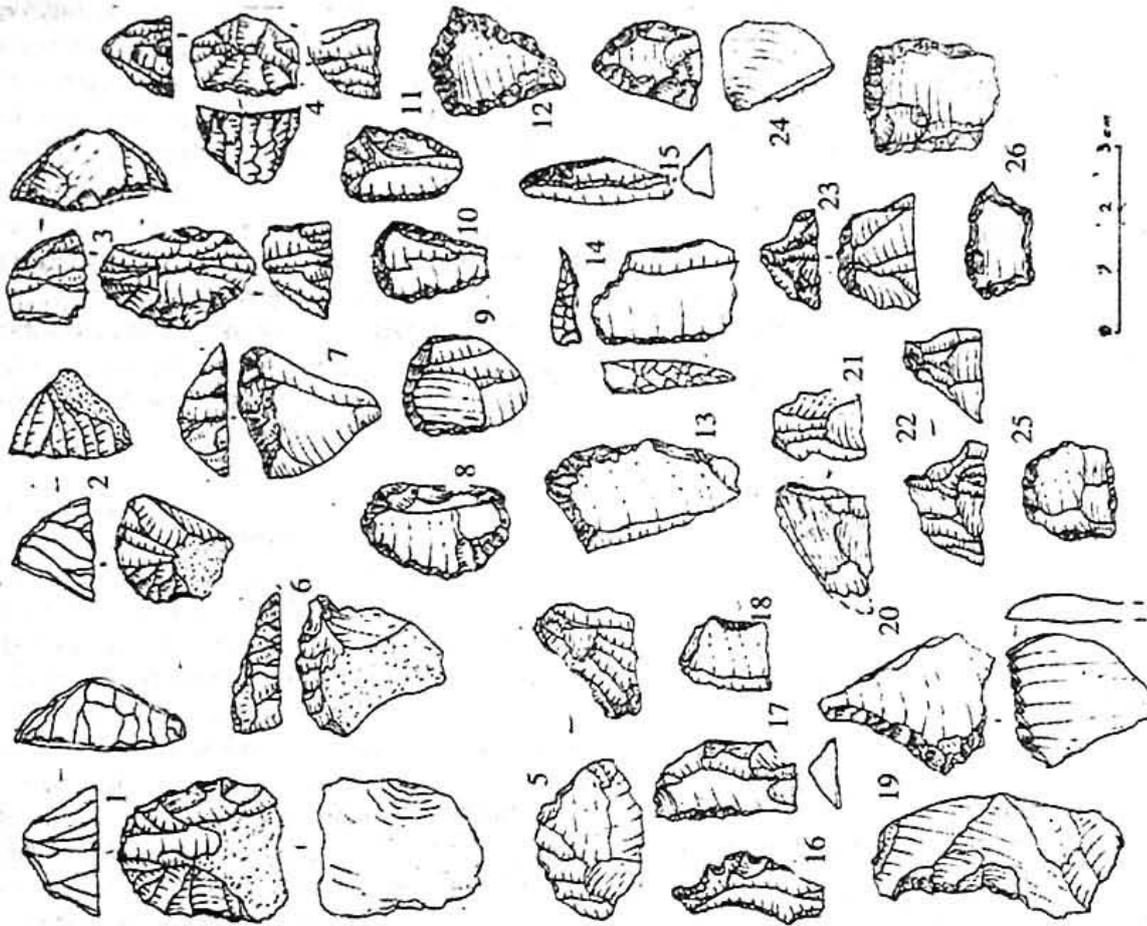

Рис.3 Стояка Чубкынской группы Идрин в камне
1-15 - Чубкылы-41, 16-27 Чубкылы-23

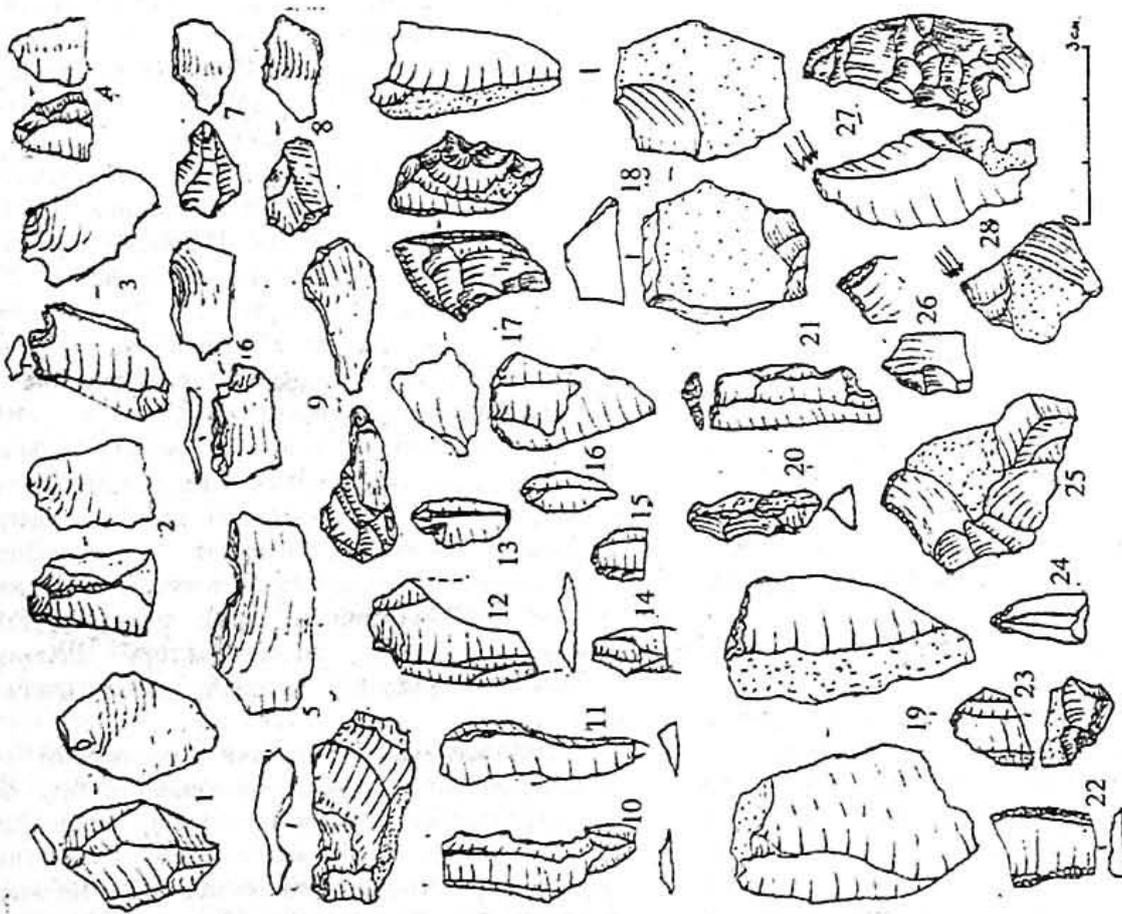

Рис.2 Стояка Чубкылы-41. Идрин в камне

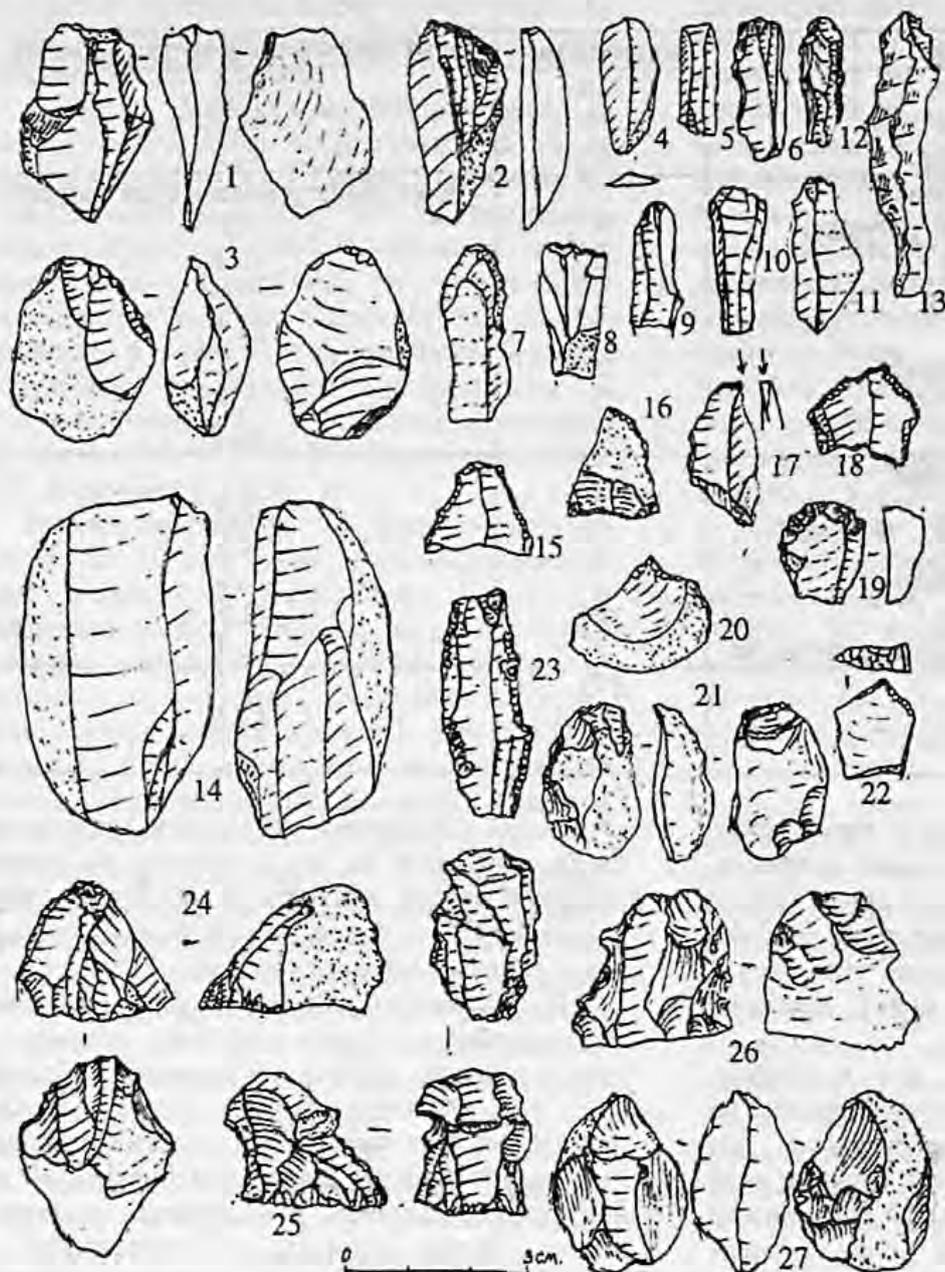

Рис.4. Стоянки Чорбактынской группы. Изделия из камня.
1-24 Чорбакты - 41., 25-27 - Чорбакты -

ботки и с дополнительной обработкой составляют 85% всех находок на стоянке; количество орудий из отщепов более чем в 6 раз превышает количество изделий из пластин. (II. Здесь и ниже для подсчетов использован материал стоянки Чорбакты 41. Другие менее представительные коллекции показывают в общем близкие данные.) Пластины также преимущественно мелких размеров: экземпляры шириной более 1,5 см составляют всего 6,7%, то время как количество изделий шириной от 0,7 до 1,0 см составляет 51,0%. Для подавляющего

большинства пластин характерны не совсем правильные очертания и огранка, преобладают изделия укороченных пропорций (пластины с соотношением длины к ширине от 2,1 до 2,5 см составляют 68,2% от общего количества). Хорошо выраженных нуклеусов на стоянке не найдено, имеются лишь обломки со следами подправки. У некоторых заготовок сделаны скошенные ударные площадки и наблюдается негативы первичных сколов. Формы заготовок подпризматические или неправильно конические. Все они небольших размеров и по этому признаку полностью соответствуют основной массе найденных на стоянке артефактов.

Изделия с дополнительной обработкой составляют более 22% общего количество находок, в том числе 19,5% сделаны из отщепов и 2,9% изделий - из ножевидных пластин. Типологический состав изделий с дополнительной обработкой и их количественные соотношения показаны в табл.1

(рис. 2).

Наиболее крупную и интересную серию орудий составляют скребки на отщепах (20,2%). Большая часть их это изделия тех же типов, что изредка встречаются и на кельтеминарских стоянках, не составляя, однако, в последних столь заметных по процентному соотношению групп. Кызылкумскими формами являются высокие скребки и, особенно, нуклевидные скребки. Нуклевидные скребки найдены в Кызылкумах впервые. Это небольшие изделия овальной в плане формы (длина по основанию колеблется

Табл.1 Типологический состав изделий из камня (стоянка Чорбакты 41).

Типы изделий	количество	% от общего количества находок
Отщепы, обломки без ретуши	114	65,8
Ножевидные пластины без ретуши	17	9,8
нуклеусы и сколы с нуклеусов	4	2,3
Орудия из отщепов		% от общего количества орудий
Отщепы с частичной краевой ретушью	3	7,8
Провертки, проколки, сверла	4	10,5
Отщепы с резцовыми сколами	2	5,3
Скребки на отщепах	12	31,5
Скребки на отщепах, атипичные	3	7,8
Высокие скребки	2	5,3
Нуклевидные скребки	7	18,4
Орудия из пластин		
Пластины с краевой ретушью	1	2,6
Пластины с выемками	1	2,6
Пластины со скошенным концом	1	2,6
Провертки, проколки, сверла	1	2,6
Пластины со стесанным отбивным буторком	1	2,6
ВСЕГО НАХОДОК	173	
Орудия из отщепов	33	86,8
Орудия из пластин	5	13,2

в пределах от 1,5 до 2,8 см) с характерной обработкой узкими параллельными снятиями, образующими округлый или реже слегка приостренный (типа «с носиком») рабочий край (рис. 4, 24). Одно из орудий относится к типу дублированных, одно имеет круговую обработку (рис. 3, 3).

Из известных и важных для культурно-хронологического анализа типов орудий, не встреченных на стоянке Чорбакты 41, но имеющих в материалах других стоянок этой группы, отметим отщепы с выемками (Чорбакты 11,23), изделия в форме остроконечника (Чорбакты 23), галечные орудия (Чорбакты 27), долотовидные орудия (Чорбакты 11). Долотовидные орудия со стоянки Чорбакты 11 не очень выразительны, однако, вместе с единичными же изделиями, тоже не очень хорошо выраженными со стоянок Чорбакты 41 и 23 может быть выделен их небольшим едином количеством. Одно изделие со стоянки Чорбакты 27 является типичным галечным орудием. Оно имеет двухстороннюю подтеску, образующую по одному длинному краю острое неровное рабочее лезвие. Эти формы, так же как и отщепы с резцовыми сколами, найденные на стоянках Чорбакты 41, 23 и 11, либо совершенно несвойственны кельтеминарским материалам Кызылкумов, либо встречаются крайне редко, как исключения. Приведенная выше общая характеристика материалов стоянок описываемой группы совершенно

отчетливо показывает, во-первых, невозможность отнесения их ни к одному из этапов кельтеминарской культуры и, во-вторых, явно указывает на их более ранний возраст, скорее всего раннемезолитический (рис. 2, 3, 4).

На равнинах Средней Азии мезолит относительно хорошо изучен только в прикаспийских районах Туркмении. Разведками А.П. Окладникова здесь, в числе прочих памятников был открыт ряд местонахождений с микролитическим кремневым инвентарем и, в отдельных случаях, с изделиями геометрических форм, которые, в соответствии с существовавшими тогда представлениями, датировались временем от конца верхнего палеолита до начала неолита (Окладников, 1953;1953а; Борисковский, 1947). Раскопки Джебела (Окладников,1956), а затем Дам-Дам-Чешме 2 (Марков, 1966) позволили выйти на качественно новый уровень в изучении постпалеолитических культур не только Прикаспия, но и Средней Азии в целом. Эти многослойные памятники (особенно Дам-Дам-Чашме 2) довольно сложны в интерпретации. В общем виде представляется наиболее убедительная характеристика Дам-Дам-Чешме 2 как памятника в основном мезолитического, а Джебела- в основном неолитического (Виноградов, 1981). Интенсивными работами на Юго-Восточном (Каракалпакском) Устюрте типологически, но довольно убедительно выделена группа подъемных коллекций, датирующихся разными периодами мезолита

(Бижанов, 1982, с.14-39). В культурном плане устюртские материалы близки прикаспийским и, как и последние, демонстрируют сильное ближневосточное влияние.

Далее к востоку от Каспии контуры истории и культуры мезолитической эпохи уже не столь ясны. Сейчас большинство исследователей считают, что в восточных районах Средней Азии в мезолите имела место иная культурная и техническая традиция, пока еще недостаточно хорошо изученная. В связи с этим, имеются большие затруднения в анализе, интерпретации и датировке материалов, относимым к мезолиту (Исламов, 1975, 1977, 1980; Коробкова, 1975, 1977; Виноградов, 1981).

Равнинные территории Среднеазиатского междуречья (в том числе и рассматриваемые нами староречья Зарафшана), судя по имеющимся сейчас данным, являлись зоной контакта западных («восточносредиземноморских») и восточных, собственно среднеазиатских культурных традиций. Это, а также природные, главным образом климатические условия, обусловили существенный пробел в наших знаниях по мезолиту Кызылкумов.

В обобщающей работе А.В. Виноградова (1981, с.46-64) имеется специальный раздел, посвященный этой проблеме. Отсутствие хорошо выраженных мезолитических материалов на этой территории рассматривается в первую очередь в связи с палеоклиматической ситуацией. Начало льявляканского плювиала - относительного увлажнения климата в Средней Азии, вызвавшее интенсивное заселение и освоение ныне пустынных равнин, датируется VII-VI тыс. до н.э., то есть рубежом мезолитической и неолитической эпох. А.В. Виноградов считает, что массивное освоение нынешних пустынь началось в самом конце мезолита и что позднемезолитические материалы в Кызылкумах имеются, однако их выделение сопряжено с большими типологическими трудностями. В качестве позднемезолитических памятников предположительно выделялись, в частности, некоторые коллекции из района Льявляканских озер, а также с Дарьяся и Эчкиликся. Они характеризуются наличием низких длинных трапещий и изделий под-прямоугольной формы. Все материалы - подъемные и датировка их концов мезолита, как уже указывалось, не безусловна (Виноградов, 1981, с.59-62).

Новый, предположительно позднемезолитический материал получен в Юго-Западных Кызылкумах в 1978 г. примерно в том же районе, что и описываемые здесь стоянки Чарбактинской группы. Материал этот незначителен по объему и, при определенной типологической близости к раннему неолиту низовьев Зарафшана, дает некоторые основания для датировки его донеолитическим временем (Виноградов, Мамедов, 1986, с.456). Совершенно иной характер, и это уже вкратце показано выше, имеют стоянки из урочища Чарбакты. Наибольший интерес в коллекции с этих стоянок в культурном и хронологическом плане имеют нуклевидные скребки (рис. 2, 17, 23; рис. 3, 1-5, 21, 23; рис. 4, 24, 25).

Проблема типологии и датировки нуклевидных скребков, хорошо известных по среднеазиатским материалам, достаточно сложна. В первую очередь это связано с неразработанностью, нечеткостью типологии и терминологии. В описаниях, как нуклевидные скребки, часто фигурируют скребки высокой формы, скребки, сделанные из обломков (сколов) неклеусов или сработанных неклеусов и, даже, неклеусы - скребки (так называемые неклеусы гобийского типа, в новой терминологии - клиновидные неклеусы), свойственные некоторым индустриям Средней Азии.

Автором просмотрена вся литература, где упоминаются нуклевидные скребки или близкие им изделия. Просмотр показал, что из списка коллекций необходимо исключить Дарбазакыр (низовьев Зарафшана), Сарыксу (центральная Фергана), Чурук 2 (юго-восточный Устюрт) (Коробкова, 1985, с.10; 1987, вкладка), а также ряд позднепалеолитических и мезолитических памятников Южного Таджикистана и Северного Афганистана: Яванская долина, Сай - Сайед, Дарам - Колон, Ак-Купрук 2 (Амосова, 1985; Davis, 1978; Mussi, 1979), Оби-Киик и Дагана - Киик (Коробкова, 1975, с.25,26). Все эти коллекции, как показывают воспроизведения изделий из камня, нуклевидных скребков не содержат.

Бесспорные находки таких орудий известны сейчас в Северном Афганистане, в Таджикистане, в прикаспийских районах Туркмении, в Южном Узбекистане и в Киргизии. Перечень этих находок приводится в нижеследующей таблице.

Таджикистан и Северный Афганистан

Кара – Камар, второй слой, серия нуклевидных скребков.	Ранний верхний палеолит	Сооп, 1955; 1957; Davis 1978; Ранов 1960.
Шугноу, 1-й горизонт, серия нуклевидных скребков.	Конец верхнего палеолита	Ранов, 1973; Ранов, Несмеянов, 1973
Туткаул, 3-й горизонт, нуклевидные скребки.	Ранний мезолит (X-XI тыс.дон. э)	Ранов, Коробкова, 1971; Kogobkova, 1985
Бешкентская долина, материалы 1-й группы, подъемка, серия нукле-видных скребков.	Мезолит	Амосова, 1985
Район Кызыл-Кала, (в геологическом разрезе), нуклевидный скребок.	(?)	Окладников, 1958; Ранов, 1968
Район Татибулака, нуклевидные скребки, подъемка.	(?)	Ранов, 1987
Горы Кайки-Тау, у Ай-ваджи, нуклевидный скребок, случайная находка	(?)	Ранов, Несмеянов, 1973
Пески Курджалак-Кум, нуклевидный скребок	(?)	Ранов, Несмеянов, 1973
Стоянка Каракуль, нуклевид-ный скребок, случайная находка	Поздний мезолит-ранний неолит	Ранов, 1962

Узбекистан и Киргизия

Самаркандская стоянка, серия нуклевидных скребков	Верхний палеолит	Лев, 1972; Джуракулов 1987
Стоянки из района Чор-бакты (юго-западные Кызылкумы), серия нуклевидных скребков.	Ранний мезолит	Виноградов, Мамедов, 1986
Шуралисай (Боз-су 2), подъем-ка, нуклевидный скребок.	Верхний палеолит	Окладникова, Исламов, 1961
В районе селения Навбаг(под г. Самаркандом), нуклевидный скребок,(случайная, находка)	Верхний палеолит	Лев, 1972
Агалык (в окрестностях г. Самарканда), нуклевидный скребок, случайная находка	Верхний палеолит	Лев, 1972
Капчигай (Киргизия), мастерская нуклевидный скребок	Ранний верхний палеолит	Касымов, 1972

Туркмения

Янгаджа, мастерская, подъем-ка, серия нуклевидных скребков.	Верхний палеолит	Окладников, 1966; Ранов, Несмеянов 1973
Дам-Дам-Чешме 1, нуклевид-ные скребки из культурного слоя.	Мезолит	Марков, 1981
Дам-Дам-Чешме 2, нуклевид-ные скребки из культурного слоя	Мезолит	Марков, 1966
Район кол.Куртки, подъемка, нуклевидный скребок	(?)	Окладников, 1951
Джебел, в слоях 5,5а,5-6,6. Нуклевидные скребки	Конец мезолита-неолит	Окладников, 1956

Приведенные в таблице данные крайне неравноценны. В ряде случаев (Кара-Камар, Шугноу, Самаркандская стоянка) мы имеем дело со значительными сериями типологически - прекрасно выраженных орудий, полученных из слоя, в других - с единичными случайными находками, не всегда типологически достоверно идентифицируемыми. Как видно из таблицы, все упомянутые выше памятники с серийными находками нуклеидных скребков датируются верхним палеолитом. К этому же времени (или к мезолиту) авторы публикаций относят в многих случаях подъемные коллекции с единичными находками такого рода. Судя по материалам из Туткаула и Дам-Дам-Чешме 2, следует определенно признать наличие нуклеидных скребков в мезолите. Находки из 5,5 а, 5 - 6,6 слоев Джебела как будто указывают на их неолитический возраст (во всяком случае, ранне-неолитический), однако не исключено, что это не настоящие нуклеидные скребки, а нуклеусы. Это косвенно может быть подтверждено и преобладанием здесь изделий с круговой огранкой, симметричных или близких к ним в вертикальном сечении. Для классических образцов такого рода изделия малохарактерны. То же самое относится и к части изделия из Дам-Дам-Чешме 2. Исходя из всего этого, можно достаточно уверенно утверждать, что нуклеидные скребки на территории Средней Азии наиболее характерны для верхнего палеолита, но используются в мезолите и, возможно, в раннем неолите. На основании этих же данных можно сделать вывод и том, что этот тип изделий наиболее характерен для памятников каменного века гор и предгорий, а на равнинах, видимо, для прикаспийских районов. Исходя из этого, а также учитывая наличие в инвентаре чорбактинских стоянок ранней группы таких специфических для гор и предгорий типов, как долотовидные орудия, высокие скребки, отщепы с выемками, типичное галечное орудие, можно полагать что эти данные оставлены выходцами из гор, не исключено, что из предгорий и низкогорий, обрамляющих Зарафшанскую впадину. Это подтверждается и отщепово-пластинчатым характером индустрий, и характером использованного сырья. Во всяком случае, сколько - нибудь существенных генетических связей, соединяющих этот материал с исследованными здесь же кельтеминарскими (финально-мезолитическими и неолитическими) индустриями не прослеживаются.

Для уточнения датировки ранних материалов из Чорбакты определенное

значение имеет и собственно характер нуклеидных скребков, и их количественный статус в коллекциях. На стоянке Чорбакты 41, как уже указывалось, эти изделия составляют 20% общего количества изделий с дополнительной обработкой (без нуклеусов). На других стоянках они единичны, однако, в связи с малым общим количеством находок их доля в коллекциях столь же незначительна. Нигде в Средней Азии нуклеидные скребки не играют в коллекциях важной роли, и это, видимо, связано с функциональной спецификой чорбактинских стоянок.

Что касается форм скребков, то можно отметить два обстоятельства. Во-первых, по морфологическим и типологическим качествам они очень близки изделиям из верхнепалеолитических комплексов Средней Азии.

Здесь представлены практически все типы нуклеидных скребков, известных по коллекциям из Кара-Камара, Шугноу, Самаркандской стоянки (односкатные, двускатные, дублированные, с круговой огранкой и др.). Во-вторых, и это, как нам кажется, существенно для датировки стоянок, они заметно уступают первым по размерам, фиксируя, очевидно, более поздний этап их бытования. Учитывая типологическую близость этих орудий к соответствующим изделиям с Самаркандской стоянки (конец верхнего палеолита) и отсутствие их на стоянках сагаганской группы (конец мезолита - неолита) можно предположительно отнести группу материалов из урочище Чорбакты к раннему мезолиту, не исключая в дальнейшем возможность некоторого удреждения или омоложения данной даты.

Что касается функционального характера стоянок, то это, судя по всему, остатки кратковременных лагерей небольших групп, посещавших район в поисках охотничьей добычи. Если предположение о связи этих стоянок с «живым» чорбактинским течением Пра - Зарафшана верно, то здесь, независимо от того, относятся ли они к кызылкумскому плювиалу (поздний плейстоцен) или к джанакскому ариду (древний и средний голоцен) существовали условия благоприятные для обитания крупных и средних млекопитающих - объектов охоты, и, следовательно, для человека. Сейчас трудно объяснить отсутствие здесь (в реконструируемых условиях) долговременных поселений. Не исключено, что последние пока не найдены, ведь изучение древней Чорбактинской дельты еще только начинается.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бижанов Е. Мезолитические и неолитические памятники Северо – Западного Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент, 1982.
2. Борисковский П.И. Палеолитические местонахождения в Туркмении// КСИМК. 1947. №18.
3. Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма // МХЭ. Вып. 8. М., 1968.
4. Виноградов А.В. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита Кызылкумов // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981а.
5. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья // ТХАЭ. Вып. XIII, М., 1981.
6. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов // М., 1975.
7. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Археолого-геоморфологические работы в юго-западных Кызылкумах в 1984// АО 1984, М., 1986.
8. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
9. Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зарафшана. Ташкент, 1986.
10. Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. и др. Природная среда и человека в голоцене Средней Азии// Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1987.
11. Исламов У.И. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зарафшана// ИМКУ, Вып. 4, Ташкент, 1963.
12. Исламов У.И. Пещера Мачай. Ташкент, 1975.
13. Исламов У.И. Стоянка Кушилиш // У истоков древней культуры. Ташкент, 1982.
14. Коробкова Г.Ф. Культура и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. 1975, №3.
15. Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности// КСИА, 1977, №149.
16. Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА, 1966, №2.
17. Окладников А.П. Древнейшие археологические памятники
18. Красноводского полуострова // ТЮТАКЭ. Т.11. Ашхабад, 1953.
19. Окладников А.П. Изучение памятников каменного века в Туркмении// ИАН. 2. Ашхабад, 1953а.
20. Окладников А.П. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // ТЮТАКЭ. Т.7. Ашхабад 1956.
21. Холматов Н.У. Новые неолитические памятники на староречьях Зарафшана // Новые материалы к археологической карте Древнего Хорезма. М.,1991

Kholmatov N.U.

The mesolith of lower Zerafshan

New mesolith monuments of Chorbakti oasis, which were considered to be one of the ancient current of Zerafshan have been discussed in the article. According to the archaeological researches, these materials of mesolith are very important in filling the emptiness between the paleolith and neolith in the Zerafshan oasis. Because this moment scientifically proves the creation of continuous local material culture of the oasis in Stone Age.

Ширинов Т.Ш.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО НАШЕЙ ЭРЫ И ПРОТОЗОРОАСТРИЗМ

В конце XX столетия, наряду с другими бывшими советскими республиками, приобрел независимость и Узбекистан, получив право на самоопределение, в том числе, и на свободу вероисповедания. Но следует отметить, что после 70-летней эпохи воинствующего коммунистического атеизма, процесс реабилитации культуры, вероисповедания народов Центральной Азии протекает сложно.

Образованная часть населения Средней Азии к религии отнеслась цивилизованно, умеренно и рассматривала ее как одно из проявлений духовной культуры, чего нельзя сказать о другой, наиболее отсталой части, которая восприняла свободу вероисповедания как форму политики или же символ свободы и независимости. Исходя из этого, многие ударились в религиозный фундаментализм и экстремизм, что по сути своей противоречит самой сущности канонической религии. А ведь историческая истина свидетельствует об обратном.

На территории Узбекистана в древние времена была распространена не только исламская, но и зороастрийская, буддийская и даже христианская религии. Есть археологические факты, свидетельствующие о том, что эти религиозные течения мирно сосуществовали. Ярким примером веротерпимости является история народов Узбекистана IV-VIII вв. н.э.

Буддизм, зороастризм, ислам, христианство служили процветанию культуры, экономики, стабильности и мира. Много примеров этому можно найти в истории.

Одной из ранних мировых религий является зороастризм, который впервые поставил цель объединить многие разнообразные племена и народы Центральной Азии. Его история уходит вглубь тысячелетий.

Во второй половине II тыс. до н.э. вся территория Средней Азии, кроме внутренних районов великих пустынь Каракумов и Кызылкумов, вы-

сокогорных частей Памира и Алая, уже была освоена.

В центральном и северном районах Средней Азии складывался преимущественно скотоводческий тип хозяйства, о чем свидетельствуют материалы андроновской, тазабагыябской, заманбабинской и кайраккумских археологических культур (Итина, 1977; Литвинский, 1962; Аскарлов, 1966).

На юге Средней Азии в предгорьях Копетдага и Памира сложилась оседлоземледельческая культура типа Анау III-Намазга, Сапалли, Дашли (Массон, 1981; Аскарлов, 1977; Сарияниди, 1977).

География археологических памятников оседлоземледельческих культур юга Средней Азии свидетельствует об оазисном типе расселения. Данный тип расселения характерен для аридных зон с ограниченными водными ресурсами Среднего Востока.

Некоторые поселения в наиболее благоприятных для развития земледелия оазисах, с достаточными водными ресурсами разрастались до гигантских размеров: Джаркутан в середине II тыс. до н.э. - 100 га, Намазга - тепе в начале II тыс. до н.э. - 70 га, Шахри Сохта во второй пол. III тыс. до н.э. - 150 га и др.

Естественно, они не укладываются в рамки понятия «поселения». Тем более, что рядом с этими гигантами имеются синхронные мелкие памятники площадью 0.5 - 2.0 га (около Джаркутана - Бустан 4; около Намазга - депе - Кошадепе, Тыйчанок, Елен-депе и др.; около Шахри Сохта - несколько десятков мелких поселений).

Джаркутан является одним из крупнейших памятников эпохи бронзы и относится к памятникам раннегородской цивилизации столичного типа, отличающийся своими внушительными размерами от других поселений Средней Азии. Он расположен в 60 км к северу от г. Термеза, на левом берегу высохшего русла Бустансаея, некогда являвшегося одним из притоков Амударьи. На

отдельных холмах, сливающихся друг с другом, хорошо прослеживаются остатки отдельных общинных поселений, «цитадель», дворец, храм и другие строения, а также некрополь.

Храм расположен в юго-восточной, наиболее возвышенной части Джаркутана, со стороны восхода солнца, что обеспечивало его хорошую обзорность со всех сторон. Дворец же находится на противоположной стороне, на крайнем северо-западе памятника, то храм расположен на противоположной стороне.

Храм Джаркутана представляет в плане прямоугольник (44.5 x 60 м), ориентированный по сторонам света и окруженный мощной обводной стеной, толщиной 4.5 м.

Храм возведен в XV - XIV вв. до н. э. Время прекращения его функционирования можно отнести к бустанской стадии молалинского этапа - X в. до н. э. В пределах этого времени, по данным археологических комплексов, храм пережил три хронологических этапа. Основная планировочная структура, заложенная при его возведении, на всех этапах не менялась. Храм полностью раскопан, получены интересные археологические комплексы.

Комплексы Джаркутана являются уникальным источником для реконструкции культов и религиозных мировоззрений эпохи бронзы юга Узбекистана во втором тыс. до н. э.

Этот период в истории народов Узбекистана является переломным не только в общественно-политической, экономической жизни, но и в духовной культуре.

Именно во второй половине II тыс. до н. э. на территории юга Узбекистана формируются ранние города, примитивное оазисное государственное пахотное ирригационное земледелие, дальняя трансконтинентальная торговля и протозороастризм - одна из древнейших мировых религий.

Протозороастризм не существует как религиозного течения. Но есть канонический зороастризм, религия, систематизированная пророкам Заратуштрой. Территорией формирования зороастризма является Центральная Азия. Ученые в этом вопросе имеют единое мнение, но оспаривается время возникновения зороастризма от XVII до VII в.в. до н.э. Это время функционирования храмов и других культовых памятников эпохи бронзы. Несомненно существовала народная религия, та религиозная среда, где формировался зороастризм, о чем свидетельствуют археологические памятники. Именно это мы и закладываем в понятие «протозороастризм» - как народной религии II тыс. до н. э. Центральной Азии.

Для освещения данных вопросов в нашем распоряжении имеется микрокомплексы из храма и культовая керамика.

Культовая керамика представлена 7 типами - это подставки, бокалы с изображениями, переносные алтарики, курильницы, ритоны и кубки. На сосудах и подставках, чаще всего, встречаются геометрические изображения - треугольники, ромбы, ломанные, прямые и волнистые линии, а также зооморфные - птицы, джейран, осёл, бык, змея, лягушка, кабан, камышовый кот, барс, скорпион и др.

Несомненно, они несли в себе смысловую нагрузку и в обиходе выполняли конкретные ритуальные функции. В этом отношении очень показательны древнехеттское общество. « В хеттских ритуалах часто встречаются такие функции (действия), как «кланяться», «молиться», «сидеть», «стоять», «пить», «есть», «совершать жертвоприношения», «говорить», «воскликать», «плясать», «хлопать» (в ладоши), «играть» (на инструментах). Эти функции осуществляются в соответствии с определенными правилами (Ардзинба, 1977. С.127).

Было бы необъективным видеть в зооморфных изображениях только понятие тотемического начала. «Многие ученые, - в особенности не этнографы - склонны видеть во всех таких фактах пережитки тотемизма, либо даже подлинный тотемизм. Но верен ли этот взгляд? Конечно нет. Суеверный страх перед животными, зоолатрия, табуация некоторых видов животных и т.п. - пишет С.А.Токарев - не могут иметь самые разные корни» (Токарев, 1964. С.76).

Нам кажется, что зооморфные изображения Джаркутана, хотя они очень схематичны и просты в исполнении, нанесены на обыкновенный материал, все же свидетельствует о сакрализации животных, «наделением их особыми сверхъестественными силами, положительно или отрицательно действующими на человека» (Снесарев, 1969. С.307). Не исключено, что они заключают в себе более широкие понятия древнего человека об устройстве мира, его сотворении, понятиях «верх и низ», «центр и периферия» и различных обстоятельств.

Птицы являлись наиболее популярным образом в ритуально - религиозных мифах Среднего Востока с древнейших времен.

Археологические материалы свидетельствуют о несомненном возрастании роли образа птицы у племен эпохи бронзы, в особенности, в эпоху раннего железа и античности у народов Среднего Востока. У разных народов образ птицы являлся символом божества неба, солнца, грома, ветра, плодородия, души и т.д. Хеттские мифологи-

ческие представления о структуре космоса состоят из трех частей: небо, земля, подземный мир с которым соответственно соотносятся орел, пчела, змея (Ардзинба, 1977. С.126.)

Согласно мифам, глина из которой возникла земля, изготовлена из ила, поднятого со дна мирового океана водоплавающей птицей (утка, гусь и т.д.), (МНМ., С.346.). В искусстве Индии и Афганистана кушанского времени водоплавающие птицы символизируют водную стихию и, прежде всего, мировой океан (Рапопорт, 1977. С.60.)

В Иранской традиции птицы отождествляются с высшей мудростью - огнем и солнцем (МНМ, 1980. С. 348). Гусь, многократно упомянутый в «Ригведе» выступает как символ солнца, солнечных божеств, света и огня (МНМ, 1980. С. 346).

Немаловажное значение имеет местонахождение зооморфного сосуда в храме, где функционировала «винодельня», видимо, производящая культовые напитки типа сомы - хаомы. В этой же «винодельне» найден зооморфный сосуд в виде птицы, - утка (гусь), по-видимому, для культовых напитков. Такой же сосуд зафиксирован В.И.Сарианиди в южной Бактрии из разграбленных могил.

Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу «главой пернатых». Каршипта (водоплавающая птица) являлась воплощением божества, «первой принесла божье слово в этот мир. В Авесте и в Ригведе имеются образы космической птицы (Рапопорт, 1977. С.60-62). Согласно мифам, приведенным в «Авесте» и «Ригведе», напиток «бессмертия», изготовленный богами, находился на высочайшей вершине, там, где само небо». Оттуда его похищает «быстролетная птица» для богов, храмов, людей. В дальнейшем эти птицы выступают под более конкретным названием - саена, гаруда, шьена, семург и т.п. (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 122-129). Согласно вышеприведенным данным джаркутанский сосуд не случайно имел именно форму птицы, а не другого животного. Более того, «утка» расписана треугольным орнаментом, который характерен для культовой керамики.

По всей вероятности, содержимое этих культовых сосудов имело «божественное», «исцелительное» воздействие на потребителей.

Образ фарна, по мнению Б.А.Брагинского, олицетворял благополучие. Джаркутанский сосуд-птица расписан красной краской. Как известно, в древности красный цвет являлся символом огня и солнца. Много эпитетов есть в индоарийской мифологии, где птицы олицетворяли солнце и огонь (Рапопорт, 1977. С. 58-71). Крылья фантастической птицы Гаруды были «ослепительно красного цвета» (Бонгард-Левин, Грантовский,

1983. С.124). По-видимому, смысловая сущность птицы - сосуда не противоречит функциональному назначению храмового комплекса в целом, где господствующим культом выступал огонь. Многие исследователи зооморфные сосуды считают ритуальными (Антонова, 1986. С. 49) «Во время хеттских ритуалов постоянно совершали возлияния божествам или пили вино, пиво, мед и другие напитки, из зооморфных сосудов» (Ардзинба, 1982. С. 63-64, 67, 69, 80; Антонова, 1986. С. 40). В древнехеттском обществе возлияния из ритуальных сосудов жидкостей, «символизирующих кровь» приравнивалось к ритуалу жертвоприношения соответствующего животного (Антонова, 1986. С. 49).

Индийская мифология свидетельствует о специальных сооружениях для жертвоприношений, внутри которых размещались очаги трех ритуальных огней и один из них был в виде птицы (МНМ, 1980. С.144).

Таким образом, джаркутанская «утка», видимо, олицетворяла собой связь воды и огня, символизировала мифическую птицу, приносящую на землю «напиток бессмертия сому - хаому» и т.д.

По всей вероятности, культовый напиток, находящийся в зооморфных сосудах, несомненно нес в себе определенную смысловую нагрузку - имел «исцелительное», «божественное» воздействие на употребляющего его.

Джейраны из семейства газелей изображены на двух подставках в стремительном беге, один из них поражен стрелой в шею.

Изображение горных баранов и оленей - широко распространенный мотив в древнем искусстве Ближнего и Среднего Востока. Но изображение газелей встречается редко. На бронзовой пластинке из Луристана, относящейся к I тыс. до н. э., изображены газели, правда, в отличие от джаркутанских, они запечатлены в профиль, в статичном положении (Руденко, 1961. С.15).

В деталях татуировки Пазарькского кургана изображены горные бараны в стремительном беге (Руденко, 1961. С. 33), в такой же позе, как и джаркутанские джейраны.

Одна из самых распространенных традиций народов Средней Азии - это жертвоприношение барана в день смерти человека, которое связано с глубокими древними тотемическими понятиями о зооморфных превращениях душ умерших (Снесарев, 1969. С.115, 116). Жертвенное животное якобы помогает душе жертвователя после смерти перебраться через мост Сират, перекинутый через адское «пламя». Это понятие уходит своими корнями в зороастрийское вероучение (Снесарев, 1969. С.116).

В древности многие дикие животные выступали как «фарны» - божественные покровители рода, семьи, дома, отдельной личности (Негматов, Мирбабаев, 1985. С.502). Нередко рога молодого джейрана выступают как оберегающий талисман от злых духов.

По - видимому, в древности в образе фарна выступал джейран, который в дальнейшем трансформировался в барана (МНМ, 1982. С. 557). Как известно, домашнее животное в Средней Азии охранялось от «дурных глаз» с помощью амулетов-оберегов, кроме барана, так как последний сам считался оберегом.

Таджики долины Хуф овцу считали священным животным, так же как и горного козла (Андреев, 1958. С.127-128). «По представлениям ваханцев мясо горного барана светлое, а рога - чистые» (Литвинский, 1981. С.107). «По хуфскому преданию, - пишет Б.А.Литвинский - овца спустилась на землю с неба, однажды с гор спустилась священная овца, озаренная ярким сиянием» (Литвинский, 1981. С.107).

Как известно, в древности одним из любимых мотивов в изобразительном искусстве народов Евразии был образ оленя (Руденко, 1960, 1961). Нет сомнений, что у многих народов олень относится к культовым животным. Доказана «связь культа огня, оленя, с культом богини «Солнца» в древнехеттском обществе (Ардзинба, 1982. С.16). Возможно, олень служил объектом жертвоприношения верховным божествам. В раннебронзовом поселении Кванцхембе, на южном Кавказе, найдены недалеко друг от друга скелет оленя, пораженный наконечником и сосуд с изображением оленя (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С.73-75). «Такое соседство, видимо, - заключает Е.В. Антонова - сосуд с изображением оленя используется в ритуале, где в жертву принесено это же животное» (Антонова, 1986. С. 50-51). По-видимому, бокал с изображением шестивушущих оленей, над которыми свисает вереница треугольников, найденный в Бустане 4, должен был восприниматься как солярное божество. Следовательно, бокал был культовым, содержимое его имело божественный, огненный характер, требующее сакральной чистоты, оно посвящено солярному божеству.

Ослы. Ранее были опубликованы две подставки из Бустана 4 с зооморфными изображениями, которые У.Рахмонов определил как быков (Рахмонов, 1981. С. 27-30). Однако, нам кажется, что перед нами - схематизированный осел (?), кулан (?)*. Изображение нанесено в профиль, в сильно возбужденном виде, процарапанными линиями. Морда животного узкая, уши сильно отогнуты назад, хвост приподнят вверх, все четыре ноги

вытянуты вперед, что создает впечатление резко остановившегося животного.

Среди палеонтологических материалов кости ослы довольно многочисленны. В Сапалли - тепе они составляют более 3 % (Аскаров, 1977. С.119). В одном из погребений Джаркутана найдено терракотовое изображение головки ослы.

На древнем Востоке мифологический образ ослы распространен с глубокой древности. Он являлся священным животным, одним из ипостасей божества (МНМ., 1982. С.246).

Много гимнов посвящено ослу в «Авесте», священной книге зороастрийцев, где он относится к разряду культовых животных (Бертельс, 1960. С.38). Да и в поздних религиях - христианстве и мусульманстве, осел фигурирует как священное животное, выполняющее особые ритуальные функции (МНМ., 1982. С.264).

Бык. В единственном экземпляре найдена терракотовая фигурка быка на холме 5. Нет необходимости подробно останавливаться на образе быка, который был очень популярен в древнем Шумере, Египте. В.М.Массон специально изучавший скульптурное изображение головы быка из Алтын-депе, приходит к мнению, что он символизировал лунное божество (Массон, 1981. С.75-76).

Змея изображена на одном из маленьких фрагментов. В Сапалли-тепе ранее была найдена металлическая печать с изображением змей (Аскаров, 1977. Табл. XIV, р.3). В Тоголок I найден ритуальный сосуд, где лепным способом изображены змеи вместе с другими животными и людьми (Сарианиди, 1977. С. 142). В Сеистане, на памятнике этого же времени Шахри - Сохте также известны изображения змей (Массон, 1964. С. 279). Змеи были широко распространены в орнаментальных мотивах керамических сосудов эпохи ранней бронзы Среднего Востока, чему свидетельствует материальная культура слоев Сиалк, Сузы, Тали-Бакун и др. (Массон, 1964. С. 204). В древнеземледельческих обществах образ змеи был связан с культом плодородия, земли и воды (Антонова, 1986. С.54).

«Бог смерти, его приближение имело змеевидный облик» (Антонова, 1990. С.102).

Не увлекаясь семантикой всех видов животных, изображенных на сосудах и печатях Джаркутана и других памятников Бактрии и Маргианы, можно констатировать, что они не являлись тотемами, а скорее всего символизировали какие-то божества.

«В ряде хеттских текстов, - пишет В.Г.Ардзинба, - барс, лев и другие животные назывались какими-то конкретными божествами, либо даже символизировали эти божества». Видимо, этим объясняется то, что в хеттских ритуа-

лах обряды питья божеств часто совершались из сосудов в форме льва, барса, других животных (олень, бык, овца), найденных в неолитическом Хаджиларе (Ардзинба, 1982. С.99).

Геометрические изображения состоят из крестов, треугольников, кругов и диска - колес с восьмилучистыми звездами.

На одной из подставок, обнаруженных в нижних слоях храма, изображен крест в виде свастики. Как известно крест, свастика являлись излюбленным мотивом в орнаментах керамических изделий Среднего Востока с древнейших времен (Массон, 1964. С.18 и сл. 30, с. 198, 267, 286; Нейхард, 1956. С. 84-88; Грицина, 1984. С.13-15).

В Сапаллитепе изображения крестов представлены в различных вариантах: на бусах крест - внутри круга (Аскарлов, 1977. Табл. XIX, 12, 21), ромбовидная печать - с изображением зверей в крестообразном расположении (Аскарлов, 1977. Табл. XIV, 3), восьмиконечная печать с изображением креста и луны (Аскарлов, 1973. Табл. 24, 35).

Крест - это один из наиболее распространенных символов, как высшая сакральная ценность, подчеркивающая идею центра, вечности, как солярный знак перекрещивающихся лучей (МНМ, 1982, с.12).

«В древнем Египте крест издавна символизировал солнце» (Мелларт, 1982. С.14). Не случайно крест на бусах Сапаллитепе изображен внутри круга, как-бы этим подчеркивая двойной солярный знак - солнце, центр, вечность. Равноконечный крест с четырьмя лучами, изображенный на бусинах, по-видимому, должен был восприниматься как единство луны и солнца, возможно и природы, как противоположный пол человека, не исключено, что даже и супружеской связи. Как известно, крест иногда символизирует мужское начало (МНМ., 1982. С.13), а луна женское.

Изображение четырех зверей (козел, кабан, лев, камышовый кот), (?), крестообразно расположенных с одной стороны ромбической печати, и четырех змей, в таком же положении с другой, найденные в погребении Сапаллитепе (Аскарлов, 1977, XI, IV, 3), должны восприниматься как «сакральное пространство» (Ремпель, 1987. С.15).

Итак, основным мотивом креста, свастики, является астральное отражение в нем символики солнца, атрибутов божества.

Среди геометрических изображений много и треугольников, которые рассматриваются как символы огня, язык пламени, устремленный верх, как плодоносящая сила земли, обеспеченность и т.д. (МНМ., 1982. С.272).

Восьмиконечная звезда в круге, возможно, является изображением мифического колеса, сим-

волизирующего астральный культ (МНМ., 1980, с.664).

Таким образом, геометрические знаки прямо свидетельствуют о наличии астральных культов, в том числе и культа солнца.

Сюжеты зооморфных изображений не противоречат этому, а дополняют существующий ряд пантеона верховных божеств, символизирующих устройство мира, культ огня, воды, плодородия, солнца, луны и т.д.

Семантика зооморфных и геометрических изображений в целом свидетельствуют об индоиранском характере культов древне-бактрийского общества, в том числе и на находках из храма.

О характере культа также дают дополнительную информацию так называемые, переносные алтарики, курильницы и другие культовые сосуды.

Вынос и перенос священного огня из атешгав в храмовые алтари и наоборот, осуществлялся с помощью переносных алтариков. Для этой цели в нижней части специально оставлялись круглые отверстия для усиленного поступления воздуха, чем при умеренном ветре или же просто во время движения жрецов и обеспечивалось нормальное горение огня. Массивность стенок обеспечивала алтарикам медленное накапливание, что позволяло нести их в руках.

Известно, что в некоторых районах Средней Азии, в древности широко бытовал праздник возжигания огня. В Иране в такие праздники разбивали посуду (Снесарев, 1969. С.10, 190). Возможно, переносные алтарики Джаркутана предназначались именно для таких праздников. Вероятно, они были выброшены в специально отведенные для этого места или же просто после поломки закапывались там же, так как все они найдены в толще зольного слоя помещения 5 (золотохранилище). Они имели ритуальное значение, использовались для возжигания священного огня. Для такой же цели использовались курильницы с нарезными отверстиями. Как отмечалось выше, большинство из них украшены геометрическим орнаментом: треугольник, круг, ромб, сетка, горизонтальные линии, вертикальные и косые параллельные линии и т.д.

Погребальные материалы являются надежным источником для восстановления духовного мира древнебактрийского общества.

Существовали разнообразные погребальные обряды, в основном - катакомбные и ямные, встречаются погребения в деревянных (Сапалли, погреб. 85, 89) и каменных ящиках (Джаркутан, холм 5). Умерших хоронили под полом помещений внутри поселений (Сапалли, Джаркутан, холм 5), в отдельном могильнике-некрополе

(Джаркутан 4В, Бустан 6, 7). В большинстве случаев детей хоронили в хумах. Зафиксировано детское погребение в хуме, замурованное в стене помещения (Сапалли, погреб. 10).

Умершего хоронили в скорченном положении на боку с сопровождающими материальными ценностями. Данный принцип одинаков как для скотоводческих (Кокча 3, Ранний Тулхар), так и для земледельческих племен (Сапалли, Джаркутан, Даши 3), (Итина, 1961. С. 3-96; Мандельштам, 1968, Аскарлов, 1977; Сариниди, 1977). Более того, он практиковался в глубокой древности, в неолитических обществах VI-V тыс. до н.э., начиная с юга Палестины и кончая севером Средней Азии (Антонова, 1990. С. 37-116).

Скорченное положение умерших объясняется двумя факторами: позой сна и эмбрионным положением. «О близости смерти и сна» - говорит Утнапиштим Гильгамешу: «Спящий и мертвый друг с другом схожи - не смерти ли образ они являют?» (Эпос. Табл. X, фрагм. VI/34).

Мотив смерти-сна звучит в плаче над богом Мулилем его сестры Эги-ме. На её просьбу встать со своего ложа он отвечает: «Я лежу на моем ложе, пыли Того света ... я лежу во сне, в кошмаре.... Сестра моя, я не могу встать с моего ложа» (Антонова, 1990. С.106).

Нам представляется более вероятным объяснение первого фактора, нежели второго, который очень трудно доказать.

В погребальном обряде сапаллинской культуры наблюдаются одиночные, парные и кенотафные захоронения. Судя по сопровождающим материалам, и в Сапалли, и в Джаркутане имела место имущественная, соответственно, социальная дифференциация общества. Зафиксированы погребения родовых вождей с богатым набором сопровождающих вещей, насчитывающих до 35 предметов, в том числе, металлических наконечников булав - посохов (погреб. внутри дворца, на холме 5, погреб. 14, 500 в Джаркутане 4В и др.).

Во многих погребениях (около 25 %) зафиксированы костные остатки животных, свидетельствующие о жертвоприношениях умершему. Чаще всего объектом жертвоприношения был мелкорогатый скот - козы и овцы.

В некрополе (Джаркутан 4В) зафиксированы отдельно захороненные погребения ягненка, женщина с козленком, мужчина с ягненком и т.д., что свидетельствует о наличии культа животных.

Приношения огню и воде составляли основу ежедневных богослужений, называемых индоарийцами яджна, а иранцами - ясна (от корня яз «приносить жертву, поклоняться»). В этих бого-

служениях для возлияний огню бралась кровь жертвоприношенных животных.

Индоиранцы испытывали благоговейный трепет и страх, отнимая жизнь у животных. Они никогда не убивали без осквятельной молитвы, благодаря которой, по их представлениям, душа животного продолжала жить. Сознание кровного родства между человеком и животным нашло свое отражение в древних частях богослужения Ясны: «Мы молимся нашим душам и душам животных, которые кормят нас... и душам полезных диких животных» (Ясна, XXXIX, 1-2). У иранцев бытовало представление о том, что души животных, убитых при осквятельной молитве, поглощаются божеством, которое они почитали как Гэуш-Урван (душа быка).

Иранцы верили, что «кровавые жертвоприношения укрепляют это божество, а оно, в свою очередь, заботятся о всех полезных животных на земле и способствует их изобилию» - пишет М.Бойс (1987. С.11). Более того, древние иранцы считали человека и животного одного происхождения (Бойс, 1987. С.12).

В погребальных обрядах земледельческих культур этого времени прослеживаются следы ритуального возжигания огня (Ранний Тулхар, Бустан III-IV, Джаркутан 4В; Мандельштам, 1968. С.96-108; Рахронов, Шайдуллаев, 1985. С.62). Насыпь погребения 5 в цитадели Джаркутана была насыщена мелкими углями, которые, свидетельствуют вероятно, о специальной обработке огнем и горящими углями земли, покрывающей погребенного. Как видно, огонь появляется и в погребальном обряде.

В некрополе Джаркутан 4В, Бустан III в южной Бактрии, в Маргиане - Тоголок 21 обнаружены погребения с расчлененными костями, которые, судя по сопровождающим материалам, относятся к моллаллинскому этапу сапаллинской культуры - XIII-X вв. до н.э. Здесь кости захороненного лежат не в анатомическом порядке, а собраны в одну кучу. Такие же погребения зафиксированы и в могильнике Кокча 3, памятниках тазабагьябской культуры. Правда, их считали отодвинутыми с первоначального местонахождения костных останков погребенного (Итина, 1961. С.12-16). По-видимому, в последней четверти второго тысячелетия чаще практиковалось погребение умерших с предварительным очищением от мягких тканей. Только с этой точки зрения можно объяснить факт погребения черепа ребенка в хуме без остальной части тела, которая обнаружена в крепостной стене «цитадели» Джаркутана. Погребение расчлененных костей - явление новое для сапаллинской культуры: позже оно широко

практиковалось в традициях зороастрийских обществ.

Возможно, между обрядом погребения расчлененных костей человека и захоронением собак, которое также является новым для данной территории и культуры, имеется взаимосвязь.

В поселении на холме 5 Джаркутана обнаружено захоронение сразу 5 собак. При вскрытии стало ясно, что черепа собак лежали мордами друг к другу над кучей костей скелета. Все пять черепов были отделены от тела, т.е. специально умертвлены. Известно, что зороастрийцы много уделяли внимания роли собак в погребальном обряде и в загробной жизни человека.

По данным А.Батырова, по количеству костные останки собак, найденные при раскопках поселения, занимают третье место после мелкого и крупного рогатого скота среди семи видов домашних животных.

При погребении расчлененных костей соблюдена такая же традиция, по которой умершего сопровождают керамическими сосудами, вероятно, наполненными едой, но кости умерших теперь лежат не на земле, а на циновке.

Среди керамических сосудов, обнаруженных в погребениях с расчлененными костями, особое внимание привлекает один сосуд - т.н. «микроосуарий». Это составной цилиндрикоконический лепной необожженный сосуд, окрашенный в красный цвет. Нижняя его часть цилиндрическая (диаметром 9-12 см, высота 7-8 см), верхняя часть состоит из крышки конической формы (высотой 6-7 см). Сосуд на «макушке» и по бокам имеет маленькие круглые отверстия. Внутри его находилось два миниатюрных сосудика. Такие сосуды, по одному экземпляру, были найдены в каждом из погребений с расчлененными костями. Трудно поддается определению функциональное назначение этих сосудов. Судя по технологии (лепные, необожженные), они были изготовлены поспешно, только после смерти человека и, вероятно, предназначались исключительно для загробного мира. Их форма напоминает юрту скотоводов-кочевников. Многие народы душу человека представляют в виде мухи, которая может покидать и опять возвращаться в тело умершего. Отверстия на «макушке» и по бокам сосудика, вероятно, сделаны для того, чтобы муха-душа покойного могла влетать и вылетать. Маленькие сосудики, находившиеся внутри микроосуария, по-видимому, были предназначены для воды, которая являлась источником питания душ погребенных.

В погребальном обряде появляются новые ритуалы; захоронения трупов с преднамеренным очищением костных останков от мягкой ткани,

изоляция расчлененных костей от земли, усиление роли огня, «микроосуарии» и др., которые свидетельствуют о зарождении нового религиозного воззрения в недрах старой традиции.

Наличие кенотафных погребений объясняется не только отсутствием тела умершего, но и социально-психологическими причинами.

В погребальном комплексе III этапа 17 % погребений являются кенотафными (Ионесов, 1990. С. 16-17).

Этнографические источники свидетельствуют, что кенофные погребения, снабженные куклами, сооружались для того, чтобы отвести болезнь и смерть от заболевшего человека, которые особенно практиковались при усилении детской смертности (Антонова, 1990. С. 104,105).

Тысячелетняя традиция народов оседло - земледельческих культур Среднего Востока погребать умерших под полом жилых домов прерывается во второй половине II тыс. до н.э. На Джаркутане некрополь выводится за пределы города в специально отведенное место.

Причиной этому явлению, прежде всего, служил внутренний фактор: социально - экономическая структура общества, а также, внешний фактор - влияние традиций, духовных воззрений племен степной культуры.

Как известно из источников, умерший член семьи не покидал сородичей совсем, а лишь перевоплощался, дух его продолжал существовать в доме, где он жил и помогал живым сородичам. В Авесте, (Яшт XIII, 66-67) говорится об их заботах в достижении изобилия и благополучия: «Когда поднимаются воды из озера Ворукаша... отправляются могучие праведные фравашы, бесчисленными сотнями, бесчисленными тысячами, бесчисленными десятками тысяч добывать воду - каждый своему семейству, своему роду, своему племени, своей области». Так они говорят: «Неужели наша земля должна уничтожаться и иссушаться?» Снаряжаются они в бой за свою землю, за свой дом, где был каждый из них, Подобны они доблестному воину, который перепоясанный защищает свое имущество. И те из них, которые побеждают несут воду своей семье, своему роду, своему племени, своей области так говорят: «Пусть процветает и благоденствует наша земля!» (Лившиц, 1964. С.140).

Строительство монументальных комплексов - дворца, храма, формирование раннего города - свидетельствует об изменениях в традиционной социальной структуре общества - имущественное неравенство, социальное расслоение общества, образование примитивных политических объединений и т.п., которые отодвинули на второй план интересы «дома», «семьи», «рода». На авансцену

выходят интересы политических объединений, т.е. «область», «племя». Вследствие этих причин, образовался единый общегородской некрополь, где первоначально учитывались интересы «семьи» и «рода» выделением отдельной территории. После этого, были полностью прекращены захоронения под полом домов. Возможно, это табу было санкционировано храмом.

Не менее важным фактором в обособлении некрополя от поселений оседло-земледельческих культур было влияние на них степных культур - Тазабагъяб, Андроново, срубная, Вахш, Бишкент - где могильники были отделены от жилищ. Это обстоятельство было продиктовано кочевым характером их жизни, соответственно, отсутствием долговременных жилищ. Хозяйственная прагматика породила соответственные духовные воззрения у общества.

В настоящее время на десятках памятниках оседло - земледельческих культур юга Средней Азии найдены фрагменты лепной керамики, так называемого «степного» типа, а также их стоянки в Маргиане и Бактрии, что исследователи связывают с движением скотоводческих племен во второй половине II тыс. до н.э. на юг, на территории ранних очагов цивилизации. «Как и в более позднее время, скотоводческие племена располагались на границе земледельческих оазисов, - пишет В.М.Массон, - вступая с их населением в тесные экономические и культурные связи» (Массон, 1966. С.251).

Племена носителей двух историко-культурных общностей - андроновской и намазгинской, - столетиями мирно сосуществовали бок о бок на границах степей и земледельческих оазисов, обусловленных географической средой Средней Азии.

Геометрическая орнаментация керамических сосудов сапаллинской культуры, появившаяся во второй фазе ее развития, должна восприниматься как продукт синкретизма этих двух культурных общностей. Передовая технология, архитектура, строительная техника, гончарное производство юга, не воспринимали отсталую материально-техническую базу севера, воззрения этих племен, с чем и связана орнаментация только ограниченного количества сосудов. Возможно, слияние двух идеологических воззрений породило, совершенно иное, новое религиозное воззрение, продуктом которого, явилось создание храмовой религии, обособление некрополя.

Таким образом, изображения животных: быка, осла, оленя, джейрана; птиц - гуся, утки, орла; змеи, несомненно, являлись символами различных культов, хотя не исключается и их тотемное начало. Геометрические формы: круг, квадрат,

треугольник, крест, восьмилучевая звезда, - отражали в себе космогоническое понятие об устройстве мира и вселенной.

Многие предметы, найденные в храме, связаны с культом плодородия, благополучия, богатства и т.д., одним словом, божеством доброго начала.

Несомненно у племен эпохи бронзы, зарождалось формирование религиозных понятий; многие явления, животные и предметы, обожествлялись, в том числе, огонь и вода.

Итак, обожествление огня, воды, инновации в погребальном обряде, появление культа предков, животных, опьянительные напитки, наконец, сооружение монументального храма, все это свидетельствует о религиозных представлениях общества Древней Бактрии, об историческом феномене, возникшем во второй половине II тыс. до н.э. Такую же картину наблюдаем и в Маргиане, о чему свидетельствуют археологические комплексы из Гонур-1, Тоголок и др.

Ранее нами было высказано мнение о том, что культ храма Джаркутана имеет протозороастрийский характер.

Храм Тоголок 21 в Маргиане В.И.Сарианиди также был определен как протозороастрийский (1989. С.166-167). В связи с этим, попытаемся рассмотреть вопрос об определении характера культа храма Джаркутана.

Правомерно ли определять характер культа храма Джаркутана протозороастрийским? Сам по себе термин «протозороастрийский» не адекватен понятию «ранний зороастризм», или же «зороастрийский». В термин «протозороастрийский» нами вложено понятие о религии, бытовавшей до эпохи Заратуштры.

Как показано выше, дозороастрийская религиозная среда Бактрии была индоиранской, в которой воспитывался пророк Зороастр, и его религиозная система впитала в себя живительный источник народной религии. Тюркские и иранские религиозные системы имеют много общего с зороастризмом, точно также, как и с культурами, обрядами и ритуалами, прослеженными в храме Джаркутана. И лишь по вышеуказанной причине мы применяем термин «протозороастрийский». И что такое «протозороастрийский»? - ставят вопрос В.А.Лившиц, И.М.Стеблин-Каменский, - и, отвечая, пишут -ранне-зороастрийский или дозороастрийский? Последний термин может означать лишь одно: незороастрийский, незатронутый религиозной реформой Заратуштры. Термин «протозороастрийский» имеет такой же смысл, как и «протохристианский»- таких религий не существовало («протохристианский» - иудейский?: «протозороастрийский» - индоиранский или

древнеиранский?)», (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989. С.174.).

Но, однако, есть доиудейская эпоха, в религиозной среде которой возник и развивался иудаизм. «Зороастр был священнослужителем и для того, чтобы понять суть его откровения, нужно знать все, что возможно, о той старой религии, которая его воспитала» - пишет М.Бойс (1987. С.9).

Как видно, пророческая религия, особенно ранняя, такая как зороастризм, несмотря на реформаторский стиль формирования её основы, рождалась в чреве индоиранской религиозной системы.

Правда есть другой фактор, трудно увязываемый с нашей точкой зрения, это соответствие даты жизни пророка Заратуштры и время функционирования храма огня Джаркутана, именуемого протозороастрийским.

Более или менее утвердившаяся дата возникновения зороастризма и время жизни пророка Заратуштры - это рубеж VII-VI вв. до н.э. (Дандамаев М.А., Луконин В.Г., 1980. С.305). Имеются большие разногласия во мнениях по поводу времени жизни Заратуштры. «По мнению И.Хертеля, Ф.В.Хенинга и некоторых других исследователей, Заратуштра был современником Дария I, поскольку в Авесте упоминается покровитель пророка - князь Вишпаспа, которого эти ученые отождествляли с Вишпапой, отцом Дария I» (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 305; Струве, 1968. С. 33 и сл.). Но есть другие мнения, имеющие тенденцию к удревнению времени жизни Заратуштры. В.А.Лившиц считает, что пророк жил предположительно в VIII - VII вв. до н.э. (Лившиц, 1975. С.320). Эд.Мейнр, Г.Ньоли (Gnoli, 1980. С. 159-180), отводят время жизни Заратуштры к рубежам II и I тыс. до н.э. (Грантовский, 1987. С.288; Дандамаев, Луконин, 1980. С.305-306; Гаилов, Кошеленко, 1989. С.172.).

М.Бойс, крупнейший знаток зороастризма, время жизни пророка датирует между 1500-1200 гг. до н.э. (Бойс, 1987. С.27). По мнению Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванова «Авеста» создана в конце II-начале I тыс. до н.э. (1984. С.920)¹.

Как видно, дата времени жизни Заратуштры исследователями оспаривается. Не вдаваясь в детали проблемы, ибо это может послужить отдельной темой для исследования, мы придерживаемся более ранней датировки времени жизни пророка - конец II - начало I тыс. до н.э., и не позднее VII в. до н.э. Это, во - первых, объясняется тем, что Авеста не знает государства, царей и городов. Во

- вторых, мидийцы, которые возможно были зороастрийцами (?), представляли эпоху высокоразвитого общества, когда уже функционировали государственные институты и развитая религиозная система, т.е. между появлением зороастризма и образованием великой монархии существовал долгий промежуток времени (Gnoli, 1980. С. 10-11). В- третьих, в последние годы, было раскрыто несколько храмов: Дахан-и Гуламон в Дарангпане, Нуш-и Джан в Мидии с явным зороастрийским акцентом культа.

Священные террасы Бард-е Нешанд-е и Масжид-и Сулайман, по мнению автора раскопок Р.Гиршмана, являются зороастрийскими. Все они датируются VIII в. до н.э. и отражают глубокие, уже сложившиеся зороастрийские традиции.

Не менее важный фактор для освещения культа храма Джаркутана - это проблема локализации родины Заратуштры и Авестийского общества - арийских народов, соответственно «Прородину ариев также помещают в самые различные области - от низовьев Дуная и Средней Европы до Алтая и границы Индии. Особенно популярна в науке теория среднеазиатского происхождения ариев. Ее многочисленные сторонники считают, что именно Средняя Азия была местом сложения арийских племен, их цивилизации, духовной культуры, эпоса» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С.16).

М.Бойс считает, что Зороастр «жил в азиатских степях к востоку от Волги». Г.Ньоли на основе лингвистического анализа убедительно доказывает возникновение раннего зороастризма на конкретной территории: это Восточный Иран, Бактрия, Арахозия, Дрангиана, Маргиана, области Гиндикуша (Gnoli, 1980, с.23-90; 1989. С.176-177). В.И.Сарианиди считает родиной Зороастра и зороастризма «Восточный Иран с Бактрией, Маргиану и Белуджистан» (Сарианиди, 1989. С.166-167; 1990. С.154). И.М.Дьяконов считает возможной родиной зороастризма Дрангиану (1971. С.138).

Вероятнее всего, родиной раннего зороастризма была обширная территория - Центральная Азия. Как - будто бы это подтверждается и археологическим материалом храма Джаркутана, Дашли 3, Бактрии, Тоголок 21, Маргианы, Тазабагыябских могильников Кокча 3, Приаралья, Аркаим, Синташта южного Урала, наскальными изображениями Саймали Таш Алая и Тянь-Шана и другие, которые расположены именно на этой территории. Все эти памятники относятся к дозороастрийскому времени, вероятно, они были индоевропейского толка.

Имеется ли генетическая взаимосвязь между храмовой религией Бактрии-Маргианы и ранним

¹ В этом отношении поздние религии являются исключением, так как реформаторы ислама игнорировали христианство или наоборот.

зоростроизмом? К сожалению, в настоящее время в исторической науке бытует точка зрения, что ранний зороастризм, авестийское общество, древние иранцы, не знали храмовых сооружений. «Греческие источники, определенно утверждают, что персы презирали храмы, считая, как писал позднее Цицерон, ошибочным «запирать внутри стен богов, обителью которых является весь мир» (Бойс, 1987. С.78). Еще в V в. до н.э. Геродот писал о персах, что они не возводят ни статуй, ни храмов, ни алтарей» (Бойс, 1987. С.75). Античная традиция, все же сильно влияет на формирование точки зрения современных историков, которые категорично утверждают, что «в Авесте нет вообще упоминаний храмов» (Лившиц, Стеблин-Каминский, 1989. С.176; Грене, 1989, с.171) и «первоначальному зороастризму было чуждо сооружение храмов» (Дандамаев, Луконин, 1980. С.327; Гаибов, Кошеленко, 1989. С.172).

Но археологические открытия последних лет в Бактрии и Маргиане ставят под сомнения эти утверждения, которые главным образом, исходили из работ античных историков.

«Вполне возможно, - пишет Б.А. Литвинский, - что домашние и общественыне храмы существовали у дозороастрийских иранцев. Один такой крупный храм раскопан в Западном Иране, на территории собственно Мидии, в Тепе Нуш-и Джан. Композиция, формы и конструкция храма свидетельствуют о длительной архитектурной традиции. Время сооружения храма датируется примерно 750 г. до н.э.

Все сказанное выше свидетельствует, на наш взгляд о том, что решение вопросов о святилищах (или храмах) у древних иранцев не может основываться лишь на анализе авестийских текстов. Религиозная практика была значительно более разнообразной чем та, что нашла отражение в проповеди Заратуштры, т.е., в «Гатах» и в других авестийских сочинениях. (Литвинский, 1989. С.178-179).

Вопреки мнениям многих, все же в Авесте есть упоминание о храмах огня, «которые иносказательно обозначаются как огонь, помещенный в определенное место» (Авеста, Гаты, Вендидат. VIII, 81 и сл.), (Бойс, 1987. С.117).

Храмы огня и другие культовые сооружения открыты в Западном Иране, в Пасаргадах, Сузе, Накш-и Рустаме и др. (Дандамаев, Луконин, 1980. С.327-331).

И в античных источниках встречаются сведения о храмах огня. «Плутарх в биографии Артаксеркса II упоминает храм Артемиды в Экбатанах», Страбон «о храме Анаитиды» (Дандамаев, Луконин, 1980. С.313, 329).

Важно также упомянуть о том, что на древнеперсидском языке и в более поздних среднеиранских - парфянском, согдийском, бактрийском, - есть несколько слов для обозначения храмов (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989. С.176).

Итак, существование храмов в дозороастрийском, возможно и в ранне-зороастрийском обществах, не противоречит исторической истине, которая подтверждается и археологическими материалами.

Суммируя изложенное, можно с уверенностью заключить, что храм Джаркутан, датирующийся XIV-X в. до н.э. является культовым. Также как и Тоголок 21 (Маргиана). Но какого он толка: зороастрийского или индоиранского? Имеющиеся материалы позволяют разрешить эту проблему.

Мы выше тщательно рассмотрели функциональное назначение микрокомплексов, которые имеют идеологическую нагрузку, семантику культовых сосудов, религиозную среду, ритуал в храме, которые в целом дают возможность восстановить облик религиозной среды изучаемой эпохи.

Геометрический орнамент и зооморфные изображения на сосудах Джаркутана - нечто иное, это образцы космических божеств, культов плодородия, священные знаки - обереги и «символы-гербов» родовых групп, племен оседло-земледельческих культур юга Узбекистана в эпоху бронзы.

Наличие «винодельни-мастерской» и зооморфного сосуда свидетельствует о том, что в храме Джаркутана бытовал культ опьянительного напитка, не исключено, что хаомы.

Алтари, золохранилища, атешга свидетельствуют об обожествлении огня. Также символизируют культ огня переносные алтарики и курильницы.

Колодцы, открытый резервуар, врытый в пол у входа в южный обводной коридор, свидетельствуют о наличии культа воды в ритуалах храма. Подтверждением этому служит также тот факт, что во многих погребениях обнаружены по одной или две маленькие речные гальки, по-видимому, символизирующие культ реки, воды.

Весь путь следования посетителей в храме был устлан либо мелким гравием, либо циновкой, видимо, с целью обеспечения неприкосновенности сакральной чистоты земли.

Культ, как правило, более стоек, чем религиозное представление - пишет М.Бойс - и, действительно основные объекты зороастрийского культа и ныне те же, что у пастухов каменного века, а именно вода и огонь» (Бойс, 1987. С.10).

Туры, индоиранцы обожествляли воду рек и водоемов и вечный огонь, как богинь - Апас, Аг-

ни (Бойс, 1987. С.12). «Богов которым поклонялись индоиранцы было много, а обряд богослужения всегда посвящался определенному божеству. Наряду с божествами культа (огонь, вода, хаома, и Гэуш-Урван) существовали и «природные» боги, символизирующие те или иные явления природы. Это были боги неба и земли, которых иранцы называли, соответственно Асман и Зам, боги солнца и луны - Хвар и Мах и два божества ветра Вата и Вайу (Бойс, 1987. С. 13-14).

В храме Джаркутана четко прослеживаются следы индоиранских культов - огонь, вода, хаома, Гэуш - Урван (?), а также следы поклонения солнцу и земле - Хвар, Зам.

Число «три» было священно для протоиранцев, оно и сейчас является организующим началом во многих обрядах зороастризма и брахманизма. Три составные части возлияния символизируют царство растений и животных, вскормленных водой» (Бойс, 1987. С.10). Вспомним, общая планировка храма имеет трехчленное разделение, во втором строительном этапе, во дворе святилища было сооружено сразу три круглых алтаря, число которых, по видимому, не является случайным.

Индоиранский характер культа храма Джаркутана налицо. Но одновременно, все вышеперечисленные культовые элементы характерны и для классического зороастризма.

Индоиранское наследие в идеологии, по мнению большинства ученых, самым ярким образом отражено в зороастризме. В древности Средняя Азия не знала другую религию.

Канонический зороастризм опровергает сооружение храмов. Призывает к почитанию огня на открытых площадках, о чем свидетельствуют священные террасы Бард-е Нешанде и Масжид-и Сулейман - памятники VIII в. до н.э. Ирана и храм в Пасаргадах (Гиршман, 1987). Этому положению храм Джаркутана, по-видимому, не противоречит. Сакральная платформа, являющаяся доминантой всего комплекса, занимала огромную площадь в 400 м². Естественно, она была открытой, так как единственным сооружением на платформе являлся алтарь огня под «чахартаком». Да и двор святилища, где располагалось несколько круглых алтарей огня вдоль мощеной дорожки и колодцев, был открыт: он также покоится на платформе, занимающей около 300 м² площади. Тот факт, что комплекс обнесен мощными (4,5 м) обводными стенами, также возвращает к традиции крепостных сооружений Бактрии. Наличие свободных пространств, дворов во внутренней планировке, является неотъемлемой частью храмовых комплексов Древнего Востока.

Вероятно следует обратить внимание на планировку храма, в которую заранее заложена идеологическая нагрузка. Четырехугольник, также как и квадрат, является геометризованным символом космоса, отражающим в себе четыре элемента мира - «огонь - вода - земля -воздух». Таким образом достигается идеально устойчивая структура, целостность, интегрирующая основные параметры космоса (МНМ., 1980. С. 630).

В планировке храма воплощена идея геометрического модуля космоса, с подчеркнута - выделенным символом солнца. Не случайно круглое помещение (пом. 1), символизирующее солнце, древними зодчими помещено в северо-восточной части обводной стены, на диагонали восхода солнца, если стоять лицом к небу от главного алтаря на платформе.

Одним из древнейших зороастрийских храмов является Нуш-и-Джан-тепа, датируемый VIII в. до н.э. К сожалению, архитектурной общности его с храмом Джаркутана не наблюдается, кроме некоторых элементов - наличие платформы, водоема, двора. Некоторая близость прослеживается с зороастрийскими памятниками VIII в. до н.э., в частности, с Масжид-и Сулайман и Бард-е Нешанд-е, (Гиршман, 1978. С.67-73, где ярко представлены высокие платформы), подобно сакральной платформе Джаркутана.

Хронологически храм Джаркутана очень близок храму Тоголок 21 Маргианы, который датируется рубежом II-I тыс. до н.э. (Сарианиди, 1989. С.152-169). В.И.Сарианиди характер культа храма Тоголок 21 определяет, как протозороастрийский, где главным был культ хаомы (1989. С.152 и сл.; 1990. С.153). Вне всякого сомнения, храм Тоголок 21 - культовое сооружение, хотя архитектура, планировка его, резко отличается от храма огня Джаркутана. Внутренняя «крепость» Тоголок (Сарианиди, 1989. С.152 и сл. рис. 1), действительно больше напоминает крепость, чем храмовое сооружение. Однако их роднят культовые и подсобные части, некоторые единичные детали планировки (галерея коридоров, круглое помещение).

После публикации материалов храма Тоголок 21 почти все участники дискуссии высказались против характера культа-протозороастризма, хотя, единодушно признали его как храм (Грене, 1989. С.107-171; Гаилов, Кошеленко, 1989. С.171-173; Лившиц, Стеблин-Каминский, 1989. С.174-176; Литвинский, 1989. С.177-179; Пьянков, 1989. С.179-181; Дандамаев, 1989. С.170; Иванов, 1989. С.171-175; Ньоли, 1989. С. 175-178).

По-видимому храм Тоголок 21 является индоиранским также как и храм Джаркутана, хотя их идентифицировать нельзя. Вероятно, они от-

носились к разным религиозным направлениям. Разность их выражалась в доминанте культа - главным культом Тоголок 21 была хаома, а в Джаркутане - огонь. В.И.Сарианиди в последних публикациях характеризует храм Тоголок 21 как индоиранский (Sarianidi, 1990. С. 159-165).

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что в Бактрии индоиранская религиозная среда являлась общим наследием, на почве которого сформировался зороастризм, а единственным известным храмом на одной территории в то время является храм огня Джаркутана. И мы вправе его считать протозороастрийским. Связь между протозороастрийским (в нашем понимании индоиранская религия) и зороастризмом, несомненно, имеется в материальной культуре храма Джаркутана, где наблюдаются многие характерные детали ритуалов зороастризма.

Известно, что пророк сначала выступил против многих проявлений старой религии (культ хаомы, обильные жертвоприношения, сооружения храмов и т.д.), но со временем многие ранее отвергнутые черты были приспособлены и внесены в религиозную систему. Этот процесс продолжался и после смерти пророка. В младшей Авесте, рядом с Ахура Маздой, упоминаются боги старой религии: «Митра, Анахита, Веретранга, Тиштрия и т.д. (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 331). Впрочем, это естественное влияние, так как старая религия (индоиранская) была народной, и лишь по одной этой причине, очень живучей и пророк, вынужден был примириться с этим. Вспомним яркий пример этому, такой как Кааба в Мекке - почитаемый объект мусульманами всего мира, который относится к доисламскому времени и отнюдь не является изобретением пророка Мухаммада.

Итак, сооружение монументальных храмов - явление новое в истории Древней Бактрии и в сопредельных с ней территориях, в рассматриваемой эпохе. Храм Джаркутана - первое известное древнейшее сооружение такого рода в Северной Бактрии.

По-видимому, храм огня Джаркутана является культовым центром целого оазиса и может быть даже всей Северной Бактрии. Археологические факты этому пока не противоречат.

Утвердившаяся точка зрения, что «мидийцы не сооружали храмов» и они не были известны на Среднем Востоке, вообще, является ошибочной и археологические открытия последних лет «заставляют пересмотреть давно принятое в науке мнение» (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 330).

В Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э. храмы сооружались, они занимали достойное место в культуре народов, живших на этой терри-

тории. Ярким примером этому служит храм Джаркутана в Бактрии и храм Тоголок 21 в Маргиане.

Подытоживая рассмотрение духовных воззрений местного общества, можно отметить, что во второй половине II тыс. до н.э., на территории Бактрии полностью смогла оформиться одна из самых ранних религиозных систем, резко отличающаяся от первобытных тотемных обрядов и культов.

Формирование религии не является результатом одного момента, она проходила долгий, длительный эволюционный путь. Всякий реформатор, будь он Заратустра или Будда, обобщал все традиции, обряды, культовые церемонии, существовавшие в народе до него, и конечно же, это нужно было канонизировать, а ненужное объявлялось вредным.

Французский археолог Р.Гиршман, священные террасы Масжид-и Сулайман и Баод-е Нешанде, относящиеся к IX-VIII вв. до н.э., считал зороастрийскими. Нуши-Джан, являющийся одним из ранних зороастрийских храмов, также относится к VIII в. до н.э. Следует отметить, что между указанными памятниками и храмом Джаркутана много архитектурных параллелей, хотя их отделяет друг от друга несколько столетий.

Итак, храм Джаркутана можно определить как протозороастрийский, характеризующий культ огня, воды, хаомы. Доминирующая роль принадлежала огню.

Таким образом, на огромной территории Центральной Азии - начиная от южного Урала до Персидского залива - во II тыс. до н.э. формируется высокая духовная культура - целая система культов: огня, воды, хаомы, солнца, неба, гор и др. Это была поистине народная религия тюрко-алтайских, индоиранских племен.

Позже в конце II и в начале I тыс. до н.э. из этой народной религии вырастает канонический зороастризм - это первая мировая религия.

Зороастризм призывал объединяться, мирно жить бесчисленные порой очень враждебные друг другу племена, народы, живущие на этой территории. Он служил толчком для зарождения ранних государств таких, как Бактрия, Согд, Хорезм и др.

Таким образом, общество в своем развитии перешло от дикости, на более высокий уровень, к цивилизации. Это было поистине революционное изменение, прогрессивное явление в истории народов Центральной Азии во II тыс. до н.э. И в этом, огромная роль принадлежит протозороастризму и раннему зороастризму.

Конечно же, и сегодня религия, будь то ислам или христианство призвана служить прогрессу в

историческом развитии народов Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып.Ш. Сталинабад, 1958.
2. Антонова Е.В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
3. Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., ГРВЛ, 1990.
4. Аскарлов А.А. Освоение земель древнего обводнения и орошения в эпоху бронзы в низовьях Зерафшана и Кашкадарьи. // Тр. Махандарьинского отряда. Кн. 1. Т., 1966.
5. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Т., 1977
6. Ардзинба В.Г. Заметки к текстам хеттских ритуалов. // ВДИ. № 3. М., 1977.
7. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
8. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960
9. Бойс М. Зороастрийцы. М., 1987.
10. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М. 1983
11. Грицина А.А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры. // ИМКУ. Вып. 19, Ташкент, 1984.
12. Грантовский Э.А. Послесловие. // М.Бойс. Зороастрийцы. М. 1987.
13. Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Тагалок 21 и проблемы религиозной истории Древней Маргианы. // ВДИ. 1, 1989.
14. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.П. Тбилиси, 1984.
15. Грене Ф. Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии. // ВДИ. № 1, 1989.
16. Гиршман Р.М. Религия Ирана от VIII в. до н.э. н периода ислама. // Культура Востока. Древность и средневековье. Л., 1978.
17. Гиршман Р.М. Происхождение «Чахартока». //Культуры Востока. Древность и средневековья. 1. М., 1987.
18. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Древнего Ирана. М., ГРПЛ. 1980.
19. Дьяконов И.М. Восточный Иран и Кира (к возможности новых постановок вопросов) // История иранского государства и культуры. М., 1971.
20. Дандамаев М.А. Некоторые замечания к обсуждаемой проблеме. // ВДИ. № 2. 1989.
21. Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседло-земледельческом обществе в Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. южного Узбекистана). Автореф. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.
22. Иванов В.В. О соотношении археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (на материале Тоголок 21). // ВДИ. № 2. 1989.
23. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
24. Литвинский Б.А. Протоиранский храм в Маргиане 2. // ВДИ. № 1. 1989.
25. Литвинский Б.А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайраккумов. // Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962.
26. Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев. // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
27. Лившиц В.А. Общество Авесты. // История таджикского народа. Т. 1. М., 1964.
28. Лившиц В.А., Стеблин-Каминский И. Зороастризм ? // ВДИ. № 1. 1989.
29. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964.
30. Массон В.М. Алтын-Депе. // Тр. ЮТАКЭ. Т.ХVIII. Л., 1981.
31. Меллард Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., ГРВЛ. 1982.
32. Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. // МИА. № 145. М.-Л., 1968.
33. МНМ. Мифы народов мира. Т.1. М., 1980.
34. Ньюли Г. Археология и проблемы происхождения зороастризма: новые перспективы. // ВДИ. № 2. 1989.
35. Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана. // Памятники культуры. Ежегодник. 1983. Л., 1985.
36. Нейхарт А.А. Происхождение креста. М., 1956.
37. Пьянков И.В. Тагалок 21 и пути его исторической интерпретации. // ВДИ. № 1. 1989.
38. Рапопорт Ю.А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1987.
39. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.
40. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
41. Рахмонов У. Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4. // ИМКУ. Вып.16. Ташкент, 1981.
42. Рахмонов У., Шайдуллаев Ш. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапаллинской культуры. // ОНУ. № 2. 1985.
43. Сариниди В.М. Древние земледельцы Афганистана. Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. М., 1977.
44. Сариниди В.М. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма. // ВДИ. № 1. 1989.
45. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обряды у узбеков Хорезма. М., 1969.
46. Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
47. Choli Ch., Zoroastrera tim and homeland A study of the Origine of Mazdelam and related Problems. Naples, 1980.

-
48. Sarianidi V.I. Soviet excavations in Bactria: the Bronze Age. // Bactria an anolent oasis cavilisation from the Sands of Afghanistan. «Studies and documents», vol. III. Rom, 1990.

Shirinov T.

Central Asia during 2nd Millennium BC and protozaroastrism.

In the article, based on the unique materials from one of the largest monuments of Bronze Age, which belongs to the types of objects of early urban civilization of capital type - Jarkutan, its role and place in the system of analogical buildings of Central and Near East are shown. Important place is given to the characteristics and interpretation of temple complex - first of famous constructions of such types in the Northern Bactria. An author's opinion, Jarkutan temple can be divided as protozaroastrian, characterizing the cult of fire, water, haomi. Dominating role belonged to fire. It's not excluded that Jarkutan fire temple is the cult center of whole oasis and may be even of the whole Northern Bactria.

Матбабаев Б.Х.

РЕДКИЕ ФОРМЫ КЕРАМИКИ ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Керамика чустской культуры является основным источником в исследовании древней истории Ферганы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Изучению керамики этой культуры уделяли большое внимание Ю.А.Заднепровский (Заднепровский Ю.А., 1962; Заднепровский Ю.А., 1978), В.И.Спришевский (1963) и др. В последнее время появились работы, посвященные отдельным категориям керамических изделий (Матбабаев Б.Х., 1999). Вместе с тем, редкие формы до сих пор не стали предметом специального изучения. Правда, в свое время Ю.А. Заднепровский отмечал, что сосуды с ручкой и носиком - сливом на Дальверзине встречаются очень редко и перечисляет некоторые уникальные формы керамики этого поселения (Заднепровский Ю.А., 1962. С. 26, 28). Позже он также указал на наличие некоторых редких форм (Заднепровский Ю.А., 1966, рис. 46, 2, 3, 8). Другой исследователь чустских памятников В.И.Спришевский в своих работах ограничился лишь перечислением некоторых редко встречающихся сосудов (Спришевский В.И., 1957. С. 46).

Задачей настоящей работы является обобщить все данные о редких формах сосудов, которые были найдены на основных памятниках - Дальверзине и Чусте. Нами просмотрены материалы из раскопок Ю.А.Заднепровского на Дальверзине, которые

хранятся в фондах ИИМК РАН (С. Петербург), а также материалы Чустского поселения, хранящиеся в Музее истории народов Узбекистана (Ташкент), опубликованные в работах В.И.Спришевского (1953-1974 гг.) и добытые автором на Чустском поселении в 1982-1983 гг.

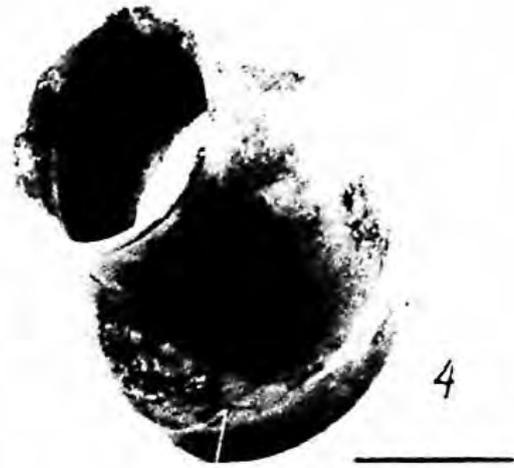
В археологической литературе термин «редкий» употребляется к предметам нечасто встречающимся и отличающимся от других своими особенными признаками, выделяющими их из числа всех прочих. Кроме этого термина применяют также и другие, например: «единичные», «уникальные», «особые» и т.д. В нашей работе объектом исследования служили редко встречающиеся формы керамики Чустской культуры.

В коллекции Дальверзина и Чуста обычные формы представлены сотнями и тысячами экземпляров (конические горшки, чаши), т.е. очень большими сериями. Но есть формы, которые встречаются очень редко: чаши со сливом, горшки с росписью и т.д. К ним следует добавить те формы, которые нельзя включить в определенную группу сосудов, например, трехчастный сосуд (см. Матбабаев Б.Х., 1983), сосуд на кольцевом поддоне и др. Несмотря на малочисленность редких сосудов, по их форме, а также по отдельным деталям (ручка, носик-слив и т.д.) мы их разделили на следующие виды:

1. Сосуды с ручкой.

а) Сосуды, которые имеют ручки в виде вертикальных и горизонтальных налепов с отверстием и без него; горшок вытянутой формы со слегка отогнутым венчиком, фрагмент горшка с горизонтальной ручкой, украшенной росписью (Заднепровский Ю.А.,

1962, табл. XIX, 3, 11). Сюда же относится целый миниатюрный горшочек из Дальверзина с плоским дном. На плечиках на одинаковом расстоянии имеются три маленьких налепа-ручки (рис. 1, 1). В Чусте найден

263). Трехчастный сосуд с Чустского поселения мы также считаем культовым. В пользу такого предположения говорят небольшие размеры его, оригинальная роспись и соединительные отверстия внутри сосуда. Следует добавить, что само количество треугольников и трапеций (их по три), вероятно, имело определенное логическое значение, ибо по этнографическим данным у многих народов мира известны сакральные, ритуальные цифры. Видимо, древние обитатели Чустского поселения, нанося эти орнаментальные узоры, связывали с ними какие-то магические представления.

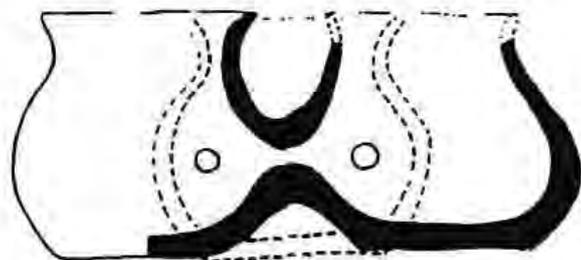

Рис. 2.

В литературе уже отмечалось общее сходство материальной культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа Маргианы, Бактрии и Ферганы (Заднепровский Ю.А., 1978. С. 45; Заднепровский Ю.А., 1982. С. 85-87). Сосуды с ручкой (петлевидной, ушкообразной, также налпные выступы) и сливы округлые в сечении характерны и для памятников Миршадинского оазиса в Южном Узбекистане. (Сагдуллаев А.С., 1978. С. 80). В комплексе Кучуктепа имеются котлы с носиком как и на Чустском поселении (Аскарлов А., Альбаум Л.И., 1979, табл. I, 6, VIII, 5, 6). Но носики в комплексе Кучуктепа

более грубые, короткие, чем на Чусте и Дальверзине. Здесь следует отметить, что сосуды со сливом (особенно коротким сливом) считаются более поздними. Кроме вышеуказанных для Чуста шишкообразных ручек, встречаются редкие подковообразные ручки (Аскарлов А.А., Альбаум Л.И., 1979, табл. VIII, 7, 9). Некоторые котлы в комплексе Яз I в Туркмении имели маленькие сливы и вертикальные ручки (Массон В.М., 1959. С. 37).

Все сосуды редкой формы резко выделяются среди массового материала. В качестве отличительных признаков служат следующие: необычная форма и детали (ручка, носик слив и др.). Эти признаки, как и сам термин «редкий», могут являться относительными для отдельно взятых культур или памятников и абсолютными только для одной культуры или памятника: одни редкие формы могут быть единичными в одном периоде, а в следующем они изготавливаются сериями. Сосуды редкой формы могли появиться в результате индивидуальной выделки мастера. Редкими могут быть и сосуды специального назначения, например, культовые. Сосуды, подражающие формам металлических, иногда деревянных, также встречаются редко. Наконец следует отметить формы, заимствованные из соседних культур и привозные сосуды.

В заключении следует оговорить, что настоящая работа представляет попытку собрать воедино сосуды редкой формы чустской культуры (от 1 до 5 экземпляров) и несомненно эта коллекция при дальнейших работах будет пополняться. Надеемся, что эти обстоятельства внесут коррективы и дополнения в изучение редких форм керамики чустской культуры.

Литература:

1. Аскарлов А., Альбаум Л.И., 1979. Поселение Кучуктепа. Ташкент.
2. Беляева Т.Б., Хакимов З.В., 1973. Древние бактрийские памятники Миршаде. // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент.
3. Бураков Ю.Ф., 1978. Киндиктепа // Древности Туюбугуза. Ташкент. С. 93-112.
4. Заднепровский Ю.А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. Вып. 118. М.-Л.
5. Заднепровский Ю.А., 1966. Чустская культура Ферганской долины. // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Гл. 3. С. 193-207.
6. Заднепровский Ю.А., 1974. Отчет Ферганской экспедиции ЛОИА АН СССР за 1974 г. Архив ИИМК РАН.
7. Заднепровский Ю.А., 1978. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. дисс. Москва.
8. Заднепровский Ю.А., 1982. Древняя Бактрия и Фергана в предахеменидский период в свете новейших открытий. // ТД первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». Душанбе.
9. Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. Москва.
10. Массон В.М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. Вып. 73. М.-Л.
11. Матбабаев Б.Х., 1983. Уникальный сосуд с Чустского поселения. // ОНУ. № 11. С. 44-48.
12. Матбабаев Б.Х., 1999. Некоторые итоги сравнительного изучения расписной керамики чустской культуры. // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд.
13. Сагдуллаев А.С., 1978. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам Шурчи-Баусуна). Дисс. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Ленинград. Рукопись. Архив. ИИМК РАН.
14. Спришевский В.И., 1963. Чустское поселение (к истории Ферганы в эпоху бронзы). Автореф. канд. дисс. Ташкент.
15. Спришевский В.И., 1954. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.) // Советская Этнография. № 3.

16. Спришевский В.И., 1957. Чустское поселение эпохи бронзы. // КСИИМК. Вып. 69.
17. Спришевский В.И., 1974. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент.
18. Schaefer C., 1948. Stratigraphie comparee et chronologie de l'Asie Occidentale. Paris.

Matbabayev B.Kh.

Rare forms of ceramics of Chust culture.

The article is devoted to the study of rare ceramic dishes which were found in a very small amounts from the monuments of Chust culture. Such dishes are different from others regarding their forms and some parts. The authors here pays attention to the reasons of rarity of such dishes.

Рузанов В.Д.

КАРНАБСКОЕ КАССИТЕРИТОВОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЕ - ИСТОЧНИК ОЛОВА ЭПОХИ БРОНЗЫ.

Такое важное открытие в области древнего рудного промысла на территории Узбекистана было сделано при археологическом обследовании оловянного рудника Карнаб в 1999 г. Полевой сезон этого года, продолжавшийся в течение двух месяцев (апрель и май), оказался весьма удачным для международной Узбекско-Немецкой археологической экспедиции, проводившей изучение древних рудников в Зирабулакских горах. Среди известных здесь касситеритовых месторождений, Карнабское отличается своими большими размерами и наличием многочисленных древних выработок, частично вскрытых канавами, оставшимися после геологических обследований. Поэтому основное внимание узбекистанские и немецкие археологи уделили именно этому рудному объекту.

Из многочисленных и интересных археологических находок, поднятых в древних выработках на месторождении Карнаб, особое внимание заслуживают несколько фрагментов керамических сосудов, о которых будет сказано ниже. Они то и послужили основными артефактами для установления времени начала эксплуатации Карнабского касситеритового месторождения.

1997 и 1998 годах во время обследования некоторых выработок также удалось установить возраст рудоразработок на Карнабе. Но тогда, судя по обломкам керамических сосудов и радиоуглеродному анализу органики из этих выработок, датировали мы их финалом эпохи бронзы - ранним железным веком, полагая, что IX-VII вв. до н.э. и есть то время, когда древним горнякам стало известно данное

месторождение (Alimov K. und underes, 1998; Рузанов В.Д. и др., 1999).

Такое заключение было также важным открытием, поскольку ранее археологи датировали Карнабский и другие рудники в Зирабулак-Зиаэтдинских горах лишь средневековым периодом (Литвинский Б.А., 1950. С.65). Правда, они полагали, что последние могли разрабатываться и в более раннее время - в античности и даже в эпоху бронзы (Литвинский Б.А. и др., 1962. С.175, 176). Однако прямых доказательств для этого не было и данное предположение до недавнего времени так и оставалось лишь рабочей гипотезой.

Некоторые косвенные свидетельства на этот счет были получены исследователями при спектральном анализе металлических изделий из памятников Средней Азии эпохи бронзы. Оказалось, что металлические коллекции с памятников бассейна р.Заравшан (стоянки Гуджайли, могильники Муминабад и Чакка) богаты оловянистыми бронзами в сравнении с металлом культур, распространенных на территориях прилегающих к среднеазиатскому междуречью с Юга и Севера. Это и дало исследователям серьезные основания предполагать о том, что близлежащие к заравшанским памятникам зарабулак-зиаэтдинские касситеритовые месторождения являлись источником олова в эпоху бронзы (Кузьмина Е.Е., 1966. С.92; Рузанов В.Д., 1982. С.8).

И все-таки этих данных явно недостаточно для выяснения узбекистанских древних источников олова, использовавшихся металлургами в бронзовом веке. Необходимо было провести археологические обследования хотя бы больших касситеритовых

месторождений для получения неоспоримых доказательств их эксплуатации в это время. Таковые были получены 18 апреля 1999 г. в результате раскопок одной из древних выработок, прошедшей по рудной жиле в центральной части месторождения Карнаб¹. Ее обследование было начато автором настоящей статьи в 1997 г. В то время выработка практически полностью заплывала землей и лишь в одном месте по микрорельефу вырисовывались ее контуры.

В 40-х годах 20-го столетия, когда только начиналось геологическое обследование месторождения Карнаб, древние выработки скорее всего четко прослеживались. Поэтому на геологической карте месторождения мы встречаем их контуры, протянувшиеся с востока на запад по направлению рудных жил, содержащих оловянный минерал - касситерит. Однако проводившиеся в 50-60 годах работы по добыче олова изменили первоначальный ландшафт месторождения, особенно в центральной его части, где теперь можно увидеть большие скопления пустой породы. Многие выработки в результате этих работ оказались заваленными камнями и землей.

То же самое случилось и с нашей выработкой. Думается, что до начала промышленной добычи касситерита в Карнабе данная выработка была открыта на глубину 5,5-6 м. К такой мысли нас приводят находки современных предметов (стеклянные волокна и шарик, обломок пиалы, бумага и часть брезентовой рукавицы), которые были обнаружены вместе с древними изделиями в слоях 6-ти метровой толщи земли и камней. Ниже этого уровня мы встретили уже только древние находки - обломки керамических сосудов, каменных молотков и молотов, а также кости животных, древесный уголь.

Исследованная выработка относится к щеле-карьерному типу. Судя по геологической карте, в плане она вилкообразная. В ее основании лежит карьер длиной 9 м и шириной 2-4 м, от которого на запад и юго-запад отходят два других относительно длинных (35-40 м), но более узких (0,5-1,5 м) карьера. Наш раскоп пришелся на место стыка трех карьеров, охватив при этом часть западного (3,4 м) и юго-западного (4,6 м) ответвлений. Условно раскоп был разделен на 3 участка - западный восточный и южный. На западном участке толщина культурного слоя

оказалась равной 3,1 м. Далее шел материк. На восточном участке выработки древние рудокопы выбрали руду на глубину 8,4 м от дневной поверхности, а на южном - 10 м. Последний участок и оказался для нас самым удачным. Здесь в слое земли и камней на глубине 7,13-9,15 м удалось найти обломки керамических сосудов, которые позволили удревнить ранее установленную нами дату выработки.

Это 5 фрагментов, представленные верхней частью сосуда (1 экз.), стенками тулова (3 экз.) и частью донца (1 экз.) (рис.1). Среди указанных находок наиболее выразительной является верхняя часть горшка. Сосуд лепной, изготовлен из глины с примесью песка. Обжиг был костровым. Черепок в изломе черный, с поверхности темно-серый. Горшок имел округлое тулово и широкую горловину. Наружная поверхность сосуда слегка заглажена. Валикообразный венчик, с прямым верхним срезом, слегка оттянут наружу. Плечико, шириной 3,3 см, слабо выражено и плавно переходит в тулово. Сосуд покрыт орнаментом, выполненным гребенчатым штампом. Мотив орнамента - горизонтальная «елочка». Украшена горловина и верхняя часть плечика. Отпечатки штампа различные: встречаются прямоугольные, квадратные, треугольные и круглые ячейки. Ячейки имеют разные размеры от 1х1,5 мм до 2х4 мм. Ширина отпечатка «елочки» варьирует от 3,5 см до 4,4 см. У основания венчика сохранилось отверстие диаметром 5 мм. Размеры сосуда: диаметр горловой части 26-26,5 см, максимальный диаметр тулова 38-40 см, высота сосуда, видимо, не превышала 30-32 см, а диаметр дна - 18-20 см, толщина стенки 0,6 см, ширина венчика 1,2 см.

Сохранившиеся небольшие обломки стенок тулова трех других сосудов также лепные. Но составу теста, цвету излома черепка, обжигу и обработке поверхности данные образцы сходны с вышеописанным фрагментом горшка. Сосуды были украшены горизонтальными, параллельными друг к другу, желобками (на одном фрагменте имеется 2 желобка, на двух других - по 3 желобка, возможно, их было больше). Стенки сосудов толщиной 0,4-0,8 см.

И, наконец, фрагмент донца с придонной частью лепного сосуда. Дно плоское, имеет уступчик. Черепок средней плотности, в изломе грязно-серого цвета, с черноватым оттенком. Сосуд был сделан из теста среднего замеса, с песчаным отощителем. Обжиг плохой, костровый. Внутренняя поверхность заглажена, с внешней стороны - шероховата.

¹ На карнабском рудном поле древние выработки располагаются «кустами», группируясь вместе по несколько штук. Геологи выделили здесь 20 групп и наша древняя выработка вошла в группу № 3.

Толщина донца 1,2 см, стенки - 0,8 см. Диаметр дна 20-21 см. На стенке имеется узор из двух отрезков кривых линий, расположенных под острым углом друг к

другу, сходящихся в одну линию. Был ли этот «орнамент» нанесен специально на стенку сосуда или же его происхождение носит случайный характер сказать трудно.

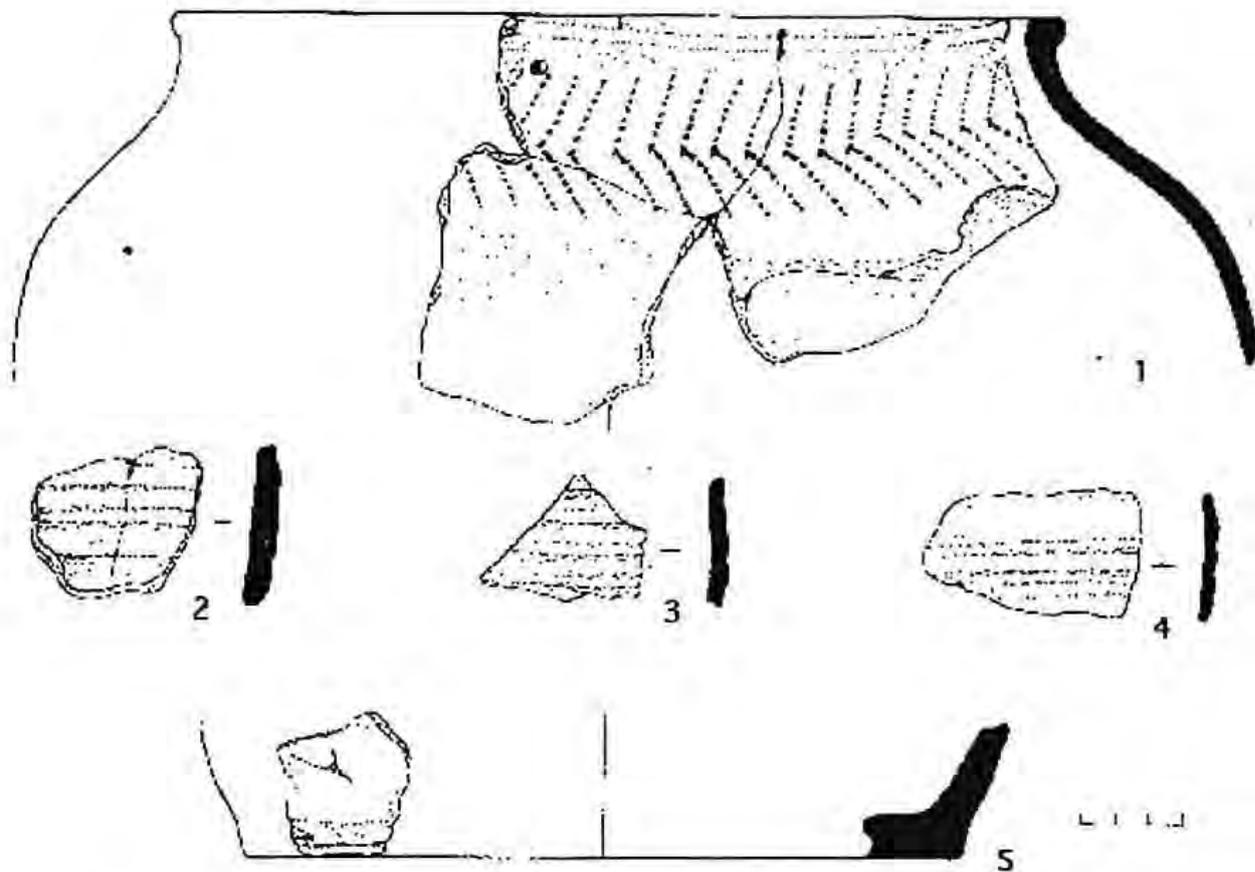

Рис. 1. Керамика из древней выработки группы № 3 месторождения Карнаб.

Описанная керамика сделана в традициях племен степной бронзы и находит многочисленные аналогии в памятниках этого блока культур. Горшки с широким горлом, с округленными боками, с прямым верхним срезом валикообразного венчика известны в керамике среднего и позднего этапов тазабагыябской культуры (Итина М.А., 1960, рис. 4. 1,2,4,6; ее же., 1977, рис. 15. 2,4; 19. 1,4; 23. 3; 37. 3; 38.2). Некоторые из них украшены орнаментом в виде горизонтальной «елочки», выполненным гребенчатым штампом. Их дата - XIV-XI вв. до н.э. (Итина М.А., 1977. С.145). Карнабский горшок близок к сосудам раннего периода кайраккумской культуры, датируемого второй половиной II-началом I тыс. до н.э. (Литвинский Б.А. и др., 1962, табл. 71.3; 82.6; 83.1). Некоторое сходство его формы и орнамента обнаруживается в керамике памятников степного типа бассейна р.Заравшан, которые датируются в пределах XIII-XI вв. до н.э. (Гулямов Я.Г. и др., 1966,

табл. XXVI. 13; Исаков А.И., Потемкина Т.М., 1989, рис. 4.6). Другие параллели уводят нас за северные пределы Узбекистана - к памятникам эпохи поздней бронзы в Центральный Казахстан (Маргулан А.Х., 1979, рис. 110.4; 116.2) и в Зауралье (Потемкина Т.М., 1979, рис.2.1).

Фрагментарность и морфологическая невыразительность других находок сосудов затрудняет определение более или менее конкретной даты керамики из вышеуказанной карнабской выработки. Лишь мотив орнамента на данных обломках позволяет сделать кое-какие суждения на этот счет. Украшение карнабских сосудов горизонтальными желобками мотив, который был характерен для керамики федоровских племен Северного, Центрального Казахстана и Приуралья (Максименко Г.А., 1978, рис. 17). Такие же желобки, использовавшиеся в качестве разделительного пояса в орнаментальных композициях, встречены на сосудах позднего этапа тазабагыябской культуры (Итина М.А.,

1977, рис. 65; 66.2). Там же, в Южном Приаралье, в амирабадской культуре с помощью таких же желобков, образующих рельефный валик, украшали подгорловину некоторых типов сосудов (Ягодин В.Н., 1963, рис. 5.1; Итина М.А., 1977, рис. 75.3-8).

Проведенные параллели позволяют отнести рассмотренный выше карнабский керамический комплекс ко второй половине II-началу I тыс. до н.э. Однако, если обратить внимание на упрощенность орнаментов на карнабских сосудах и тот факт, что в памятниках степных племен на позднем этапе развития прослеживается резкое обеднение мотивов орнаментации и сокращение орнаментированной поверхности (орнамент в основном наносится на горло и плечики сосудов), то более вероятно отнесение их к этому этапу, т.е. ориентировочно к XIII-XII - IX-VIII вв. до н.э.

Итак, находки керамики эпохи бронзы в древней выработке Карнаба свидетельствуют о том, что данное и, видимо, другие касситеритовые месторождения Зирабулак-Зиаэтдинских гор были известны горнякам степных культур андроновской культурно-исторической общности. Эти источники олова эксплуатировались в последней четверти II тыс. до н.э. и позже. Вместе с тем не исключается вероятность, что некоторые из них могли разрабатываться в более раннее время - в XIV в. до н.э. И хотя прямые свидетельства разработок этого времени здесь пока не найдены, однако спектроаналитические исследования металла памятников второй половины II тыс. до н.э., локализованных прежде всего в бассейне р.Заравшан, позволяют высказать, такое предположение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjakov J., Cierny J., Jakubov J., Lutz J., Parzinger H., Pernichka E., Radilovskij V., Ruzanov V., Sirinov T., Starsinin D., Weisgerber G., Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasien/ EURASIA ANTIQUA (zeitschrift fur archaologie Eurasiens). Band 4. Berlin. 1998, 137-199.
2. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Заравшана. Ташкент. 1966.
3. Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане/Тр.САГУ. Вып. 11. Ташкент. 1950.
4. Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов /Древнейшая история Северного Таджикистана/. Душанбе. 1962.
5. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Ленинград.1978.
6. Маргулан А.Х. Бегазы-даньдыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-ата. 1979.
7. Итина М.А. Раскопки стоянок тазабагыбской культуры в 1957 г. /МХЭ. Вып. 4. Москва. 1960.
8. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья / II-начало I тыс. до н.э.// ТХАЭЭ. Вып. X. Москва. 1977.
9. Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане /СА. № 1. Москва. 1989.
10. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии /САИ. Вып. 4-9. Москва. 1966.
11. Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье/ СА. № 2. Москва. 1979.
12. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа/ Автореф. Дисс. канд.ист.н. МГУ. Москва. 1982.
13. Рузанов В., Циерны Я., Вайсгербер Г. Об итогах работы международной Узбекско-Немецкой экспедиции в 1997-1998 годах по археологическому обследованию древних источников олова в Зирабулак-Зиаэтдинских горах// ОНУ. № 7-8. Ташкент. 1999.
14. Ягодин В.Н. Поселение амирабадской культуры Кават 2/ МХЭ. Вып. 6. Москва.1963.

Dietrich Huff

DJARKUTAN
Archaeological Research on Tepe VI

In 1973 A. A. Askarov fortunately saved the Bronze Age site of Djarkutan in the Surkhandarya district from total destruction by agricultural machines, which had already begun to flatten the hilly ground in preparation for cotton fields. Among the architectural monuments which were excavated here during the following years by the Archaeological Institute of the Uzbek Academy of Sciences under A. A. Askarov and T. Shirinov and their team the extensive, rectangular mud brick

building on Tepe VI is doubtlessly the most interesting and puzzling one¹. The excavators had quickly and correctly recognized, that the type of building as well as the whole complex of archaeological material belonged to a specific group of late Bronze Age culture, settlements of which were being researched in ancient Margiana, present South Turkmenistan, and Bactria, present North Afghanistan, which became known as the Bactrian Margianan Archaeological Complex, BMAC².

A. Southern wall from west, with gateway in the foreground; remainders of the ancient forewall right hand fill out nearly the complete width of the trench.

This cultural group flourished in the oases of the desert plains and in the valleys along the central and upper Oxus, present Amudarya, during the second millennium BC, the precise dates still being under discussion. It is characterized by its fine, wheel made, mostly undecorated pottery of excellent technical and formal quality, in particular its footed bowls and goblets, and by a special range of stone and bronze implements. Pottery and other products indicate contacts particularly with its southern neighbours, from eastern Iran, through Afghanistan to India; but there were also contacts with its northern mostly nomadic neighbours. The doubtlessly most spectacular and genuine contribution of BMAC culture is the development of the type of architecture, which is concerned here. This type seems to have been limited to late Bronze Age Margiana and northernmost Bactria, and differs sharply from the earlier monumental architecture of southern Bactria by its geometrically planned, rational layout, which anticipates late antique and early medieval monumental architecture of the Near and Middle East³. Massive round bastions and corner towers and extremely thick walls evoke a strong, defensive appearance. The interior generally has a domestic area with workshops, kitchens and store rooms, and an official or representative part, where the layout of rooms shows a tendency towards axiality and symmetry, and where a central room clearly proves to be the exclusive, dominant core of all the building. The most developed example of this type of buildings is that of Togolok 21, which, like other, similar ones, is interpreted as a temple⁴.

The same interpretation necessarily was given to the building on Tepe VI at Djarkutan because of its general similarity to the Margiana structures. However, there were also differences. The early excavations had only uncovered the three uppermost, that means latest preserved levels, and these were lacking of the bastions and towers, except for one rather small, semicircular protrusion, containing a round chamber, with a rectangular fore room, which were understood in a sacred context. Moreover whereas the obviously domestic area, which was built on a somewhat lower level, was densely covered by rooms, corridors and courtyards, among them also so-called «white rooms», with gypsum covered floors and installations like in the Margiana «temples»⁵, the larger and more elevated official or representative part had only peripheral rooms and corridors; the central area was a bare platform of several layers of mud

bricks, with only four foundations of stone boulders in the centre, arranged on the corners of a rectangle, and obviously once serving as bases of four columns or pillars. The then widely accepted idea of an open canopy temple, a *chahar taq* (four arches), as the main type of later Zoroastrian temples in Iran⁶ necessarily led to the conclusion, that this was an early forerunner of a *chahar taq*, or better a *chahar sotun* (four columns) building; as lofty constructions with wide arches cannot be expected in that early time, it was correctly reconstructed with a flat roof of wood and clay⁷.

B. Trench 51 with setting of mud bricks and grooves of bulldozer shovels running diagonally across.

The continuation of archaeological work in Djarkutan by the combined expeditions of the Uzbek and German Archaeological Institutes since 1994 has widely confirmed and enlarged the results of the earlier excavations⁸. On Tepe VI the earlier phases of the monumental building could be partly uncovered and the original outline of the building was ascertained, although not completely, but for its greater part. It became clear, that during its later phases the building was severely modified. Originally there had been corner towers and bastions like at the Togolok-type buildings; so the relationship to the western BMAC architecture was confirmed beyond doubt. But during the later phases of occupation most of these bulwarks were more and less completely pulled down and removed. In most cases practically nothing was left of the towers and bastions proper, however their former

existence could be proven by their access passageways through the wall. At the south-west corner and at the south-west part of the western wall remainders of a round corner tower and a semicircular bastion were found. Here a conspicuous passageway, leading diagonally through the corner of the wall and another narrow gate nearby had been already discovered during the early excavations⁹. Identical passageways could be discovered now, leading through the north-east and south-east corners of

the building. Especially at the north-east corner, the vertical cutting off of the mud brick tower by the later occupants of the building became clearly visible in the earth profile of the excavation trenches. At the north-west corner, not only the tower but also the complete corner of walls were badly destroyed. Here the damage may have been caused by the first period of modern agricultural cultivation of the Sherabad area since the 1950ies, when the area was turned into vegetable fields.

C. Trench 5 s-S, with crossing of two mud brick walls and corners of two rooms of the earlier building with white gypsum floors under mud brick platform of later building.

Because of the incomplete preservations of towers and bastions their diameter can be given only approximately as slightly over 8 m. They contained circular tower chambers of nearly 2,50 m diameter. As the bastions protruded from the wall as semicircles, the inner half of the round chambers lay within the thickness of the wall. They were accessible through passageways of ca. 85 cm width from the inside of the building

and in most cases there was a rectangular fore-room of ca. two meters to three meters, also within the thickness of the wall. The circular rooms in the corner towers had nor fore-rooms but were directly reached through the long, straight and narrow passageways. By analogy of corbel vaultings, found in the comparable buildings in Margiana¹⁰ and above kilns and fire places in Djarkutan and Sapalli-Tepe¹¹ we may

conclude that the narrow passageways were covered by corbel vaults. It is tempting to reconstruct corbel domes also above the round tower and bastion chambers, but this remains speculative.

With the combination of a round bastion chamber and a rectangular fore-room turning out to be a normal, repeated arrangement of rooms within the ramparts, there is no longer a necessity to ascribe a special rank or purpose in

the original layout to these rooms No. 1 and 2, which were uncovered during the early excavations¹². They were just one pair of many, which, however, had remained preserved well enough up to the later period of occupation, and which then might have got a distinctive function. The diminished thickness of the semicircular outside wall during the late period of use is certainly only the result of proceeding demolition.

D. Foreground left trench 5h from north with two conical vessels, sunk into gypsum and clay floors of earlier building. Sections of trenches behind show the mud brick layers of later platform.

An unquestionable reconstruction can now be given for the east and west facades of the building. Between the corner towers there were two bastions symmetrically set and exactly in line of both facades. The central curtains were scarcely shorter than the lateral ones and there were clear traces of an axial gate in the centre of the east facade, with a water canal, obviously

for leading rain water and sewage out of the building. Whereas the northern bastion of the east facade was only diminished in size, the southern one has completely vanished. But the rectangular fore room with the access gates to the round tower chamber was preserved, thus establishing an identical situation as it was found before at the northern bastion.

On the western facade, the northern bastion was completely destroyed, only the inner segment of the round tower chamber, the entrance gate and the rectangular fore-room were uncovered. Of the southern bastion the northern half had been vertically hacked off. Still unexplained is the fact, that here only a passageway without fore-room connected the round chamber with the interior of the building.

At the long northern facade of the building also two bastions were identified between the corner towers. The eastern one was partly preserved at least, with its round chamber and a fore-room¹³. However, it did not protrude freely from a straight, continuous facade, but stood in a corner formed by the eastern part of the wall and an extensive mass of mud bricks, turning north at right angles, the layers of bricks of the bastion linking with those of this mass, which was completely razed after ca. 5 meters. The western of these two bastions could be traced only by some spots of radiant and concentric bricks of what obviously was the very lowest stratum of the fortification. The fact, that this lowest layer of bricks was only a stratum of foundation, not yet showing all details of plan of the upper construction, may explain, that no traces of an ante-room or of a passageway to a bastion chamber became visible. As spots of the mass of mud bricks, branching off towards north at the eastern bastion, continued as far as close to the western one, we may reconstruct a similar, symmetrical arrangement, with the western bastion sitting in the other corner of the protruding mass for which we may calculate a width of ca. 12 m. There is neither any chance to find out, how far this mass of mud bricks protruded northwards and which was its outline, nor which was its purpose. One may think of another gate construction, a ramp or a kind of donjon, and one may compare it with the highly sophisticated layout of the so-called fort of Gonur South in Margiana¹⁴, but all this remains hypothetical.

The arrangement of the protruding mass of mud bricks with lateral bastions does not stand in the north-south axis of the building but was shifted west. The distances between the bastions and to the vanished north-western corner tower are rather equal, ca. 9 m and 10 m and somewhat longer than the curtains of the east and west facades with ca. 7 m. The distance to the north-eastern corner tower however was far more than double, ca. 20 m. It is not very probable, that there was a third bastion at the north facade; this would have left space only for two very

short curtains of ca. 6 m. Moreover, when the surface of the wall was cleaned, no traces of an ante chamber or a passageway could be found. Irregularities like the arrangement of bastions at the north wall were obviously not quite unusual in BMAC-architecture, they can be also observed at Togolok 1¹⁵ and at Dashli 1¹⁶, buildings which have not yet developed the perfect geometry of plan like Togolok 21.

Even more unexpected were the excavation results of the south facade. There a gate near the south-west corner had been found during the early excavations¹⁷. The gate was ca. 8 m from the south-west corner tower, and one might have expected a bastion 8 m west of this gate. However, cleaning the surface of the wall in the areas concerned failed to uncover any ante chamber or passageway, and from the long corridor which runs along immediately behind the wall, no entrance to any bastion chambers had been observed already during the early excavations. Instead of bastions, now a secondary parallel, outer wall came to light, built directly against the main wall. Its basic layer starts only some centimetres higher than the main wall, thus indicating that it was not built much later. Its surface is increasingly destroyed towards south and its southern facade can no longer be precisely identified. But its preserved parts show, that it was only little less massive than the ca. 5 m thick main wall. There was certainly no military or fortificatory necessity for a re-enforcement of that dimension, and again possible explanations remain speculative. But again this kind of architectural abnormality seems to be not unusual in BMAC architecture; it occurs in a very similar way also in Togolok 1, Dashli 1, Gonur North and Gonur South¹⁸. The fore-wall in Djarkutan fades out near the south-east corner and it seems to turn south at right angles ca. 8 m east from the south gate, in some way resulting in a similar solution like that at the main gate of Togolok 21.

Cleaning the surface of the main wall at several different areas, an observation was made, which at first could not be explained at all. The surface of the mud bricks was scratched with straight, parallel lines of grooves, running diagonally across the building, all following the same direction in the different excavation areas. Finally it became clear, that these were no ancient traces but just the grooves of the shovels of bulldozers, cut into the ground, when the upper levels of the Tepe were removed, in order to produce a plain area for cotton fields. This conclusion was supported by another puzzling

observation, which had been made before in several areas immediately outside the building. There were great quantities of mainly Kusali-period, that means late pottery, not lying in waste pits or in recognizable archaeological layers, but mixed up in unstratified earth. This was probably the material of the upper or late archaeological levels of the ruin which had been removed by the bulldozers and spread down-hill. Thus we may assume that Tepe VI originally had a far more accentuated shape than imaginable today, with a considerably higher peak and more precipitous slopes. The central platform therefore cannot be regarded as the ancient floor of this certainly most important area of the building, but only as a horizontal section through the substructure of whatever had existed here.

E. Conical vessel from trench 5h.

Of course we do not have any solid evidence of the original condition of the site, except for the four stone foundations, which very probably supported four pillars; the reconstruction of an open platform with a canopy building thus cannot be excluded. However, we should also consider the possibility, that the platform had been covered with rooms and walls of mud brick which were razed by the bulldozers below floor level, and that only the solid stone foundations of pillars, once carrying the roof of a central, four-columnar hall, remained as the only vestiges of a rather splendid architecture. This possibility gains even more probability, if we look at the comparable architecture in Margiana. Precisely this kind of layout characterizes the best preserved and most completely excavated late BMAC buildings there: Togolok 1 and Togolok 21, which both have central halls, densely surrounded by ante

and side rooms. On the other hand, there are no parallels in the late Bronze Age architecture of Central Asia for a building, the centre of which is only occupied by a bare platform with an open sided canopy¹⁹. If we assume a well planned, dense architecture with a central hall on the platform of Tepe VI in Djarkutan, the relationship with the buildings in Margiana would be perfect. A solution of this question has to be postponed until more examples of this type of architecture are thoroughly researched.

Regarding the fact, that the platform was not an intact piece of original architecture, but the truncated lower part of a substructure, it seemed justifiable, to open some soundings here, in order to research the archaeological levels under the platform, which had already been touched during the earlier excavations²⁰. All trenches were laid out in a way, that no ancient installations or substantial walls of preserved rooms at the periphery of the platform were damaged.

F. Trench 5w-O with conical vessel in gypsum floor and mud brick wall of the earlier building.

A special interest for this research arose from unclear observations, made during the seasons of 1994 and 1996 immediately outside the northern wall. Already during the first season, in 1994, few and vague traces of mud brick with an

oblique direction were observed in trench 5 b and gave rise to the assumption of a bastion here, however the area was too badly disturbed by modern pits and canals and the traces were too vague, to be taken as conclusive evidence. Immediately below the level of these few mud bricks, a large vessel of 72 cm diameter and 41 cm depth, with a conical body, tapering towards a narrow base, was found, sunk into the ground and surrounded by a patch of gypsum plastered floor with a small, low elevation at one side, obviously the seat or working place of a labourer²¹. One part of the rim of the vessel was cut off by a modern pit, which had been dug deep down immediately beside the vessel, and on the bottom of which, below base level of the vessel lay a jar of modern industrial glass filled with rags, which were soaked with motor oil²². The inconclusive situation in trench 5 b offered three possible explanations for the relation between the patch of gypsum floor with the vessel, the patch of oblique mud bricks and the building itself: 1. Gypsum floor and vessel might be the remainders of a working place or room, which was attached to the outside of the building, contemporary with it. 2. The oblique mud bricks might have belonged to a bastion and the vessel might have been inside the chamber of the bastion. 3. Floor and vessel might belong to a period and a construction below the large mud brick building, that means earlier than it.

Some other observations spoke in favour of the third possibility: When in 1996 the first bastion at the north facade was excavated, there was a patch of gravel pavement in gypsum mortar preserved on the lowest level of the round chamber in the south-east corner of trench 5 g²³. This again seemed to reach under the mud bricks of the south-eastern wall, but as a cavity was cut here deep into the wall of the chamber, the patch of pavement could also have been brought into the enlarged room at a later date. These and some other observations of remainders of plastered floor at the lowest level or more probably under the foundation of the mud brick building raised the strong suspicion that the building indeed was erected over some earlier construction. Therefore during the season 2000 the heavily disturbed area around trench 5 b and 5 h and the adjoining part of the northern wall, which had been increasingly destroyed towards west by agricultural activities, were cleaned at the level of the gypsum floor around the large bowl, and 10 trenches were excavated on the adjoining western part of the platform, to solve this question definitely.

G. Trench 5-x-W with mud brick wall in the foreground and rectangular and round ovens behind.

In the area of trench 5 b and 5 h two more vessels, similar in size and shape to the first one in trench 5 b were uncovered. Whereas this first one still might have been placed inside the round chamber of the western bastion (the former existence of which was finally verified here in 1999) the vessel, now found ca. two meters east of the first one, doubtlessly had been overbuilt by the wall of the bastion, and the other one, ca. 4,50 m north-east of the first one, lay under the mass of mud bricks between the two bastions as well. These both must have belonged to a period earlier than the large mud brick building. There were remainders of gypsum floor around the vessel close to the first one, whereas the other one seemed to have been dug into a simple clay floor. However, with the former surface of the hill sloping down northwards and the bed of an irrigation canal running directly across this vessel, humidity might have completely dissolved the gypsum.

Faint traces of a wall running approximately east-west almost exactly under the northern line of the fortification wall, were observed west of the first vessel. This observation could be only substantiated with the help of a rather clearly

preserved architectural layout, which was found in the adjoining trenches under the platform and wall of the mud brick building itself. Here a perfectly rectangular system of walls encloses rooms of different size with whitish floors. This earlier structure lies directly under the platform

and the northern fortification wall of the mud brick building, with next to no cultural layer in between. Its north-direction diverges only very slightly towards west from that of the later building.

H. Conical vessel in floor of early building.

A square room of 7 m side length could be traced immediately south of the inner line of the fortification in trenches 5 s, 5 u, 5 v, 5 v-S, 5 w and 5 e-O. It seems to be adjoined by a second square of the same size, of which up to now only part of the southern wall could be detected, crossing east-west through trench 15 a. The first square room is accompanied by narrower lateral rooms or corridors, the one on the east side with ca. 2,30 m, the western one with only ca. 1,90 m width. Possibly these side rooms may continue south, along the assumed second square room.

More or less exactly under the thickness of the upper fortification wall a room of ca. 4,50 m width seems to have adjoined the first square one regarding traces of the other east-west wall, west of the first vessel in trench 5 b as pointed out before. The position of this and the two other vessels here, as well as the patches of gypsum floor - with gypsum being soluble by water and thus not being an appropriate outdoor floor - indicate another room or at least a sheltered area or shed here. A similar situation was met beyond the eastern side room of the square construction: There, another vessel was excavated, sunk in a whitish floor and

surrounded by a thick patch of gypsum plaster with gravel. It stands exactly in line with the direction of the northern wall of the first square, which obviously stops short with the limit of the eastern side room. Also here we may assume that the building continued with some kind of rooms or roofed shelter. Towards south, no further walls, crossing the trenches, could be observed. There was a shallow pit with some pottery below the level of the old building. Towards west, this level slightly declines into or under the domestic area of the mud brick building, with more and unclear mud brick settings and ovens.

The walls of the earlier construction consist of one series of bricks laid across and one laid alongside, thus measuring 1,5 length of a brick or ca. 80 cm. This slender size contrasts with the solidity of the later fortification wall, but is in accordance with technique and dimension of walls of the interior rooms of the later building. The walls of the earlier building are preserved maximum one layer high but generally only their negative can be identified by the edges of the floor. The floor of the southern rooms consists of up to eight thin layers of rather soft and sandy plaster, obviously a mixture of gypsum or lime with clay or other materials²⁴. The colour of the layers changes between greyish and white and it seems that the floor was re-plastered again and again. There are several patches of minor fire places, often overlaid by another layer of plaster. Several sections of walls seem to be built on lower layers of the floor.

The floors in the north-western area are of extremely hard, rammed clay with only inconspicuous patches of plaster. Here the lines of walls are faintly indicated by strips of whitewash, which had run down on the floor, when the wall was painted.

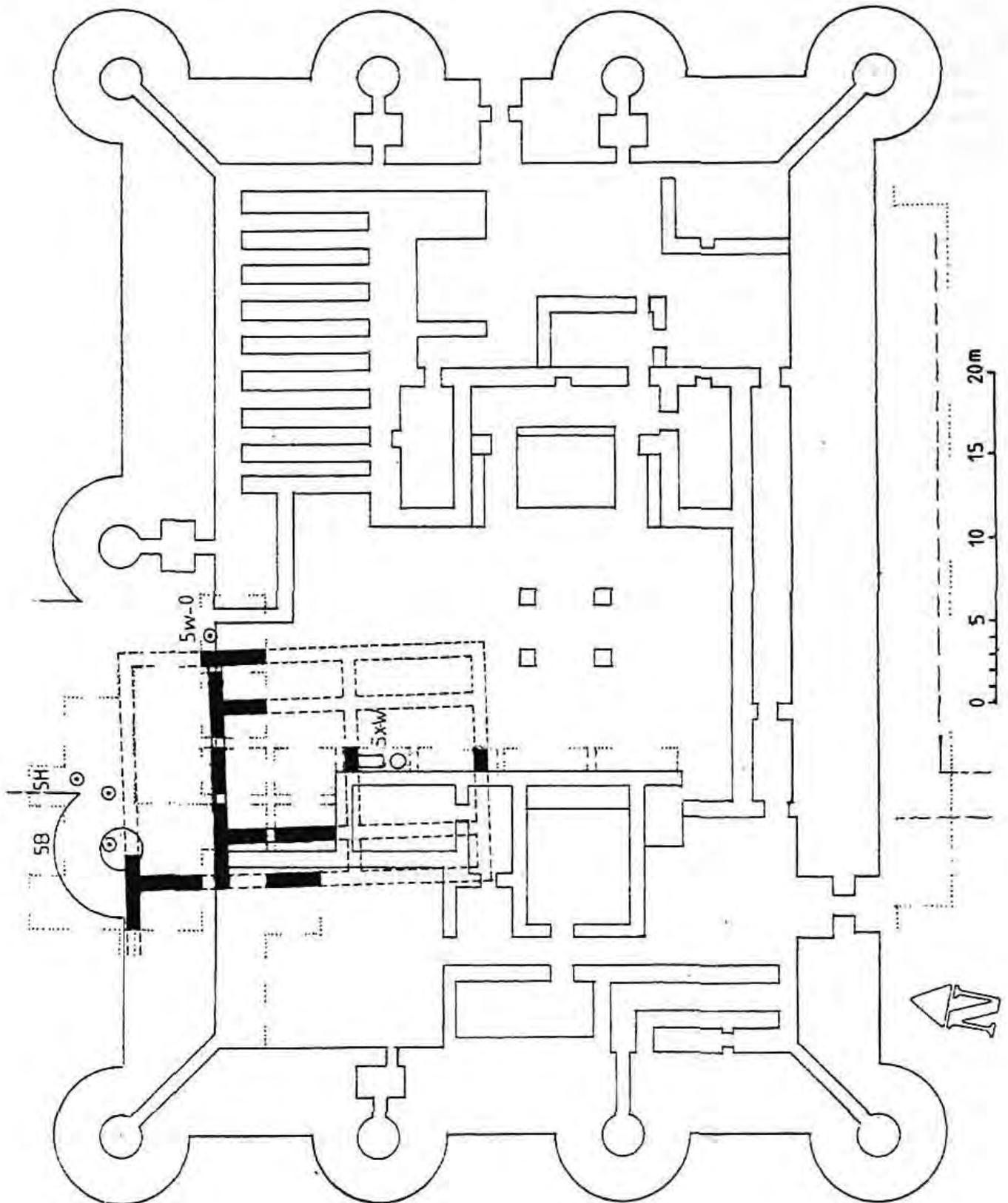
In addition to the large vessels, some ovens or kilns, also sunk into the ground, were preserved in this earlier building. In trench 5 x-S a rectangular and a circular oven of equally 80 m width and ca. 1,50 m depth, the rectangular one ca. 2,50 m long, are arranged exactly in a line and perpendicular to the north wall of the second square room, with 40 cm distance from each other, the rectangular oven touching the wall with its shorter side. The south-west quarter of the trench, which was laid out along the wall of partition between platform and domestic area, was disturbed by a pit, which had destroyed this section of the wall, the upper part of the round

oven and the south-west corner of the rectangular one, and which had been replastered with the excavated material. The rectangular oven had been carefully filled and levelled with fine clay when it fell into disuse and its rim had broken in; its outline was clearly visible as an oval in the floor. Its last level of use and its exact shape came to light under 30 cm of the above mentioned clay filling. Below that, to a depth of 80 cm was dirty and partly burned clay, ashes, charcoal and lots of animal bones which indicate that during this period the oven had continuously been used for preparing food, mainly as a kind of *mangal* for grilling meat. There followed a layer of debris with large lumps of mud bricks, forming a little mound in the centre, with the ashes and other fill of the upper level of use skidding down under the widening sides of the oven. Another horizon of fire was 1,10 m below the floor; the original level of firing with white ashes and charcoal lay between 1,40 m and 1,55 m. At its base the oven had widened from 80 cm to 1,15 m. There was no clear evidence for the original special purpose of this oven.

The round oven became visible 30 cm below the floor; its south-western segment was cut out by the above mentioned pit down to a depth of 95 cm below floor level; below that its circular lining was well preserved. The filling of the upper part contained some charcoal, ashes, pebbles and few animal bones. Also here the oven seems to have been occasionally employed for preparing food during its later period of use, although in a slightly different manner. Pebbles were frequently found together with fire places and seem to have played a role in a food preparing context. The original layer of burning with charcoal, white and grey ashes was from 1,30 m to 1,60 m below floor. The fill above contained a small piece of slag with green stains of oxide and particles of bronze. Therefore we may tentatively suggest, that the oven was used as a furnace for bronze production. However, the evidence is rather scanty. The interior lining of the round, as well as the rectangular oven was not smoked but fired to a yellow-whitish colour, thus proving a rather high temperature. All the more it is astonishing that neither an air canal, a *kolbe* or *badkash* could be observed, which is obligatory for the similarly shaped bread baking and other ovens, the *tanurs*, still in use today in all oriental cultures²⁵, nor one or two lateral supply openings like in the underground domed combustion chambers of the potters kilns, which were excavated on the citadel of Djarkutan²⁶. The round oven is more or less identical with

that found under the courtyard II in the eastern part of the representative area of the building on

Tepe VI in 1998²⁷.

X. Djarkutan, Tepe VI. Plan of later mud brick building and earlier building underneath; excavated walls of the latter black, hypothetical reconstructions hatched.

The size of the larger rooms of the early building, especially of the square room with 7 m side length, makes it unlikely, that they were covered with roofs of a single span of wooden beams. We may rather assume interim supports by wooden columns; however no traces of stone plinths or post-holes of such columns could be observed on or in the floor. This lack of evidence for columns of any kind is another puzzling feature of BMAC architecture. It gave rise to doubt that the central areas of buildings like Togolok 1 and 21 were rooms, covered by roofs; instead the idea is discussed, that they might have been open courtyards²⁸, which, however, does not seem appropriate to the general character of the layout of these buildings. All the more importance is due to the four central stone foundations in the Djarkutan building, which scarcely can be anything else than the foundations of columns. For the roofing of the 7 m wide room in the earlier building on Tepe VI in Djarkutan, we also may consider the possibility that wooden beams were put diagonally across the corners of the room, forming diminishing squares or polygons one above the other, for which purpose beams of 5 m and shorter would have been sufficient. However, there is no evidence, that this roofing technique, the so-called *ruzan*²⁹ which became widely popular in later Central Asian architecture, was already known as early as in the Bronze Ages.

When the early building was razed to the ground, this was done so completely, that no

cultural layers were left, and only objects dug in the ground, like the vessels and ovens survived. There was also no substantial layer of debris of the destruction itself left; the bricks of the platform-like substructure of the new building were laid directly on the floor of the older one or on thin layers of clay, levelling minor irregularities. The great bulk of torn down mud brick walls seems to have been used, to fill up and flatten the irregular ground outside the older building towards east, which originally had been sloping downwards, especially towards south-east, and which was partly covered by different workshops and kilns. A sounding in the later room 15, next to the eastern part of the early building, showed a thick layer of broken mud brick fragments under the lowest floor of this area of the later buildings, these probably being the debris of the earlier building.

Apart from the large conical vessels only very few pottery sherds were found together with material of the earlier building. All belong to the early phase of the Djarkutan period³⁰, the conical vessels representing a rather rare species among that material. The identification of their proper purpose would considerably contribute to a satisfactory interpretation of the earlier building itself. The present limited state of research does not allow any suggestion which would be more than pure speculation. The well planned, extensive layout of this earlier structure, however shows, that the history of this site in the centre of the old settlement is richer and far more complicated than could be expected before.

INDEXES

¹ A. Askarov, 1981, 256 ff.; 1988, 103 ff.; A. Askarov/T. Shirinov, 1991, 129 ff.; Ph. Kohl, 1984, 155 f.

A.A. Аскарлов, 1977., А.Аскарлов, Т. Ширинлов. 1985, 16; 1993

² F. Hiebert, 1994, Ph. Kohl, 1981; 1984, 151 ff. G. Ligabue/S. Salvatori, 1990, I. Masimov, 1981, 194 ff. V. Masson/V. I. Sarianidi, 1972, S. Potabenko, 1993, M.-H. Pottier, 1984, V. Sarianidi, 1971; 1981; 1986; 1990; 1993; 1994a; 1994b; 1995; 1998.

B. Сариниди, 1976; 1977; 1987; 1984; 1990; n.d.1; n.d.2

³ F. Hiebert 1994, XXXII fig. C, 20 ff, 112, 155. D. Huff, 2001, V. Sarianidi, 1998, 90 ff. fig. 42, 45, 48 f, 52-58, 60 f.

⁴ V. Sarianidi 1990, 159 ff. 1994 b, 672. In the beginning, Sarianidi had interpreted the Togolok architecture as fortress, see V. Sarianidi 1981, 180.

⁵ S. Kussov, 1993, 128 ff. V. Sarianidi, 1998, 95 ff. fig. 46.

⁶ The theory of the open canopy fire temple, established by A. Godard, *Athar e Iran* 3, 1938, 7 ff und K. Erdmann, *Das iranische Feuerheiligtum* (Leipzig 1941) has meanwhile been disproved. See D. Huff, *Studia Iranica* 11, 1982, 197 ff and M. Boyce, *Encyclopaedia Iranica* III, 9, s.v. Atakkada.

⁷ A.A. Аскарлов, Т. Ширинлов 1993 fig. 312

⁸ D. Huff, 1997, 87 ff, 1996, 591 ff. 2000 a, 115 ff.; 2000 b, 668 ff. Д. Хуфф, Ш. Шайдуллаев, 1999.

⁹ A. Askarov/T. Shirinov, 1994, 18 fig. 5; A.A. Аскарлов, Т.Ш.Ширинлов, 1993, fig. 27, 29.

¹⁰ Several of the narrow, comb-like structures in Gonur South and Togolok 21 had primitive vaultings preserved.

¹¹ A. Askarov, 1977, 34 ff, fig. 8 ff. Д.Хуфф, Ш.Шайдуллаев 1999, 20.2

¹² А.Аскарлов, Т.Ширинлов, 1993, fig. 32 III

¹³ D. Huff, 1996, 592 fig. 3, trench 5 f. g. k. Д.Хуфф, Ш.Шайдуллаев 1999, 27, Fig 6

¹⁴ F. Hiebert 1994, XXXII fig. C, V. Sarianidi, 1998, 115, fig. 60.

¹⁵ V. Sarianidi, 1998, 106 f. fig. 53 f.

¹⁶ В.Сариниди, 1976, ; 1977, fig 63

¹⁷ A. Askarov/T. Shirinov, 1994, 17 f. fig. 4 f. А.Аскарлов, Т.Ширинлов, 1993, fig 28.

¹⁸ V. Sarianidi, 1998, 84, fig. 38; 105 ff. fig. 52 ff.

¹⁹ In addition to this incompatibility also the comparison with the *chahartuq* type of temple is no longer valid; see footnote 6.

²⁰ Verbal communication by A. Askarov

²¹ D. Huff, 1996, 592, fig. 3, trench 5 b. Д. Хуфф, Ш.Шайдуллаев 1999, 27, fig.6 trench 56

²² According to local informants there had been a tractor and machine park and repair shop at the site during the 1950ies or 1960ies.

- ²³ D. Huff, 1996, 592, fig. 3, trench 5 g. Д. Хуфф, Ш. Шайдуллаев 1999, 27, fig. 6 trench 5g
²⁴ The material could not yet be analysed.
²⁵ H. Wulff, 1996, 3 fig. 3; 292 f. fig. 411 ff.
²⁶ The kilns were excavated on the citadel hill in 2000 by Sh. Shaidullayev and his team.
²⁷ D. Huff, 2000 b, 669.
²⁸ S. Kussov, 1993, 130. V. Sarianidi: 1998, 94 calls it «covered courtyard».
²⁹ A. v. Le Coq, 1926, 79 f, pl. 46.
³⁰ The up to now earliest ¹⁴C-dates from Tepe VI are between ca. 1950 and 1750 BC.

Bibliography

- A. Askarov, 1981. Southern Uzbekistan in the Second Millennium B. C. In: Ph. Kohl (ed.), *The Bronze Age Civilization of Central Asia* (Armonk N.Y. 1981) 256-272
 A. Askarov, 1988. L'Uzbekistan a l'Age du Bronze: exploitation des ressources naturelles et rapports avec les regions voisines. In: *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines a l'age du fer. Actes du colloque franco-sovietique, Paris 19-26 novembre 1985.* (Paris 1988) 103-107
 A. Askarov, T. Shirinov, 1991. Le temple du feu de Djarkutan, le plus ancien centre culturel de la Bactriane septentrionale. In: *Histoire et cultes de l'Asie centrale preislamique (Paris 1991)* 129-136
 A. Askarov, T. Shirinov, 1994 The «Palace», Temple and Necropolis of Jarkutan. In: *The Archaeology and Art of Central Asia. Bulletin of the Asia Institute N. S. 8, 1994, 13-25*
 F. Hiebert *Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia* (Cambridge MA 1994)
 F. Hiebert/C. Lamberg-Karlovsky, 1992 *Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands, Iran 30, 1992, 1-15*
 D. Huff, 1996 *Djarkutan, Archäologischer Anzeiger 1996, 591-594*
 D. Huff, 1997 *Deutsch-uzbekische Ausgrabungen auf dem Djandaulattepe und in Djarkutan, Südszbekistan, 1993-1995. Mitteilungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte 18, 1997, 83-95*
 D. Huff, 2000 a *Tempel oder Palast? Dscharkutan – Monumentalbauten und Siedlung im bronzezeitlichen Baktrien. In: Archäologische Entdeckungen. Die Forschungen des Deutschen Archäologischen Instituts im 20. Jh. I (Mainz 2000) 115-118*
 D. Huff, 2000 b *Djarkutan, Archäologischer Anzeiger 2000, 668-670*
 D. Huff, 2001 *Bronzezeitliche Monumentalarchitektur in Zentralasien. In: Migration und Kulturtransfer. Congress Berlin 23.-26.11.1999 (Frankfurt 2001, in the press)*
 Ph. Kohl (ed.), 1981 *The Bronze Age Civilization of Central Asia* (Armonk N.Y. 1981)
 Ph. Kohl, 1984 *Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age* (Paris 1984)
 S. Kussov, 1993 «White Rooms» in the Temples of Margiana. In: Potabenko 1993, 128-135
 A. v. Le Coq, 1926 *Auf Hellas Spuren in Ostturkistan* (Leipzig 1926)
 G. Ligabue/S. Salvatori (ed.) 1990 *Bactria: An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan* (Venice 1990)
 J. S. Masimov, 1981 *The Study of Bronze Age Sites in the Lower Murghab. In: Kohl 1981, 194-220*
 V. M. Masson, V. I. Sarianidi, 1972. *Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids* (Southampton 1972)
 S. I. Potabenko (ed.), 1993 *UNESCO. International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin 19, 1993*
 M.-H. Pottier, 1984. *Materiel funeraire de la Bactriane meridionale de l'age du bronze* (Paris 1984)
 V. I. Sarianidi, 1971. *North Afghanistan in the Bronze Period, Afghanistan 24, 2/3, 1971, 26-38*
 V. I. Sarianidi, 1981. *Margiana in the Bronze Age. In: Ph. Kohl (ed.), The Bronze Age Civilization of Central Asia* (Armonk N.Y. 1981) 165-193
 V. I. Sarianidi, 1986. *Die Kunst des alten Afghanistan* (Leipzig 1986)
 V. I. Sarianidi, 1990. *Togolok 21, an Indo-Iranian Temple in the Karakum, Bulletin of the Asia Institut N.S. 4, 1990, 159-165*
 V. I. Sarianidi, 1993. *Excavations at Southern Gonur, Iran 31, 1993, 25-37*
 V. I. Sarianidi, 1994 a. *Margiana in the Indo-Iranian World. In: A. Parpola/P.Koskikallio (ed.), South Asian Archaeology 1993 II (Helsinki 1994a) 667-680*
 V. I. Sarianidi, 1994 b. *Temples of Bronze Age Margiana: Traditions of ritual architecture, Antiquity 68, 259, 1994b, 388-397*
 V. I. Sarianidi, 1995. *New Discoveries at Ancient Gonur, Ancient Civilizations 2, 3, 1995, 289-310*
 V. I. Sarianidi, 1998. *Margiana and Protozoroastrianism* (Athens 1998)
 A. Аскарлов, 1977. *Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана* (Ташкент 1977)
 A. Аскарлов, Б.Н. Абдуллаев. *Джаркутан*. Ташкент 1983.
 A. Аскарлов, Т. Ширинов. *Раскопки монументального храма на Джаркутане. Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии»* Ташкент, 1985, с. 16-17
 A. Аскарлов, Т. Ширинов. *Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии*. Самарканд 1993
 В. Массон. *Древнеземледельческая культура Маргианы*. МЛ. 1959.
 В. Сариниди. *Исследование памятников Дашлинского оазиса //В. кн. И.Т. Кругликова. Древняя Бактрия 1. Москва. 1976, с. 21-86*
 В. Сариниди. *Древние земледельцы Афганистана*. Москва. 1977.
 В. Сариниди. *Раскопки монументальных зданий на Дашлы-3 //В. кн. И.Т. Кругликова. Древняя Бактрия 3. Москва. 1984, с. 5-32*
 В. Сариниди. *Храм и некрополь Тиллятепе*. Москва. 1989.
 В. Сариниди. *Древности страны Маргуш*. Ашхабад. 19990.
 В. Сариниди. *И здесь говорил Заратуштр*. Москва. о. J. 1
 В. Сариниди. *В поисках страны Маргуш*. Москва о. J. 2
 Д. Хуфф, Ш. Шайдуллаев. *Некоторые результаты работ Узбекско-Германской археологической экспедиции на городище Джаркутан. ИМКУ 30, 1999, с.19-26*

Рахимов К.

БРОНЗА ДАВРИ - ЖАРҚЎТОН ЎЧОҚЛАРИ

Ўзбекистон бронза даври-милоддан аввалги III - минг йилларнинг охири ва милоддан аввалги II - минг йилликларни қамраб олган бўлиб, моддий маданияти эса бир неча археологик маданиятларга бўлинади. Булар Сувёрган (Толстов С.П., 1948; с. 77-78; Толстов С.П.; Итина М.А., 1960, с. 14-35); Тоза - боғёб (Итина М.А., 1977, с. 44-104); Зомонбобо (Аскарлов А.А., 1962, с. 4-13), Андронова (Аскарлов А.А., 1962, с. 28-41); Сополли (Аскарлов А.А., 1973) ва Чуст (Заднепровский Ю.А., 1962) маданиятларидир.

Сополли маданиятининг ёдгорликлари Ўзбекистоннинг жанубий ҳудудида, яъни Сурхандарё вилоятида жойлашган. Шу маданият номини олган Сополлитепа манзилгоҳи Сурхандарё вилояти Музробод туманидаги Уланбулоксойнинг чап қирғоғида жойлашган. Унинг умумий майдони 4 гектарга яқин бўлиб ҳозирги кунга келиб тўлиқ очиб ўрганилган (Аскарлов А.А., 1977. С. 13).

Жарқўтон илк шаҳар ҳаробаси Сополли маданиятининг энг йирик ёдгорлиги бўлиб, унинг умумий майдони 100 гектардан ошиқроқ бўлиб, у 1973 йилда топилган эди (Аскарлов А.А., Абдуллаев Б., 1983, с.4).

Ёдгорлик Шеробод туманининг Бўстонсой қуруқ сув ўзанининг ўнг қирғоғида жойлашган бўлиб у асосан «қалъа», шахристон урни ва катта майдонли қабристондан ташкил топган (Аскарлов А., 1977; Аскарлов А.А.; Ширинов Т.Ш., 1993).

Ҳозиргача бу ерда кенг қамровли илмий тадқиқот ишлари олиб борилмоқда. Бу изланишлар натижасида, Жарқўтон илк шаҳар ҳаробасида «арк», турар жой ва кулоллар маҳаллари, ҳукмдорлар саройи, олов ибодатхонаси ва 1500 ошиқроқ қабрлар очиб ўрганилди. (Абдуллаев Б.Н., 1977; 1979; Аскарлов А.А., 1977, с. 46-57; Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н., 1983; Аскарлов А.А., Ширинов

Т.Ш., 1993, с. 54-80; Ионесов В.И., 1990, с. 3; Раҳмонов У., 1977, с. 4)

Сополли маданиятига мансуб Бўстонсой археологик ёдгорликлар гуруҳи Шеробод шаҳридан 10 км жанубий-ғарбда Бўстонсойнинг икки ён қирғоғида жойлашган бўлиб, у ердан 6 та қабристон ва битта манзилгоҳ очилган (Аскарлов А.А., 1977, с. 57-59).

Молали сополли маданиятининг энг сўнгги даврига оид ёдгорлигидир. Бу ёдгорлик Сурхандарё вилоятининг Шўрчи туманидаги Қизилсой ўзанининг ўнг соҳилида жойлашган. Ёдгорлик асосан манзилгоҳ ва қабристондан ташкил топган (Беляева Т.В., Ҳақимов З.А., 1973, с. 40-43). Бу ёдгорликнинг манзилгоҳида кейинчалик А.Сағдуллаев илмий изланишлар олиб борган ва у Молали манзилгоҳни 8-9 гектор эканлигини аниқлаган (Сағдуллаев 1978, с. 30-32).

Очилган бронза даври манзилгоҳларида кўплаб хўжалик ўчоқлари топилган. Шуни алоҳида қайд қилиш керакки хўжалик ўчоқлари билан бирга топиниш ўчоқлари ҳам ўчрайди. Айниқса, улар илк шаҳар маданиятига мансуб ёдгорликларда жумладан Жарқўтонда кўплаб ўчрайди.

Сўзсиз, хўжалик ўчоқлари билан топиниш ўчоқларининг қадимги аجدодларимиз маънавий ҳаётида ўрни турличадир. Шу сабабли ҳам милоддан аввалги II - минг йилликлар ижтимоий ҳаётини реконструкция қилиш борасида оддий хўжалик ўчоқларини, топиниш, илоҳийлаштирилган олов ўчоқлари урганилишини тарихий ҳолисоналик талаб қилади.

Биз, ушбу мақоламизда, аввало хўжалик ўчоқларини турлари, уларни ижтимоий ҳаётда тутган ўрнини аниқлаш муаммосига бағишладик. Хўжалик ўчоқлари Сополлитепа ва Жарқўтон ёдгорликларида очилган.

Биз аввало русий забон археологик адабиётларида учрайдиган хонани иситишга

мўлжалланган ўчоқлар «очаги-камины» терминига аниқлик киритиб олишимиз зарур. Хусусан луготларда «камин» термини «ўчоқсимон уй печкаси деб аталган (Русча-узбекча луғат 1-том, Ташкент - 1983, с. 417). Лекин бошқа бир луғатда «камин» термини грекча сўз бўлиб, «ўчоқ» дейилган маънони англатади (Словарь иностранных слов М. 1989, с. 215). Бизнингча ҳам хона иситиш воситалари русчадаги «очаги-камины» узбекча «ўчоқ» ёки хўжалик «ўчоқлари» деган мазмунни беради.

Сополлитепа манзилгоҳида 1969-1974 йиллар оралигида ўтказилган қазув тадқиқотлари натижасида Сополлитепа манзилгоҳи тўла очилди, натижада бир неча ўнлаб ўчоқлар (очаги-камины) ва бошқа археологик ашёлар қазиб ўрганилди (Аскарлов А.А., 1973; Аскарлов А.А., 1977).

А.А.Аскарлов ўз тадқиқотларида Сополлитепа ўчоқларини олди томонидан кўринишига кўра битта типга, яъни гумбазсимон, тарҳига кўра эса икки типга ажратган: тўғрибурчакли ва тўртбурчакли шаклдаги ўчоқлар.

А.А.Аскарлов ушбу ўчоқларни мурдудхонасининг тузилишига кўра ҳам икки типга бўлади:

1. Тўғрибурчакли шаклдаги мўри - дудхоналар;
2. Тўртбурчакли шаклдаги мўри- дудхоналар (Аскарлов А.А., 1973; Аскарлов А.А., 1977).

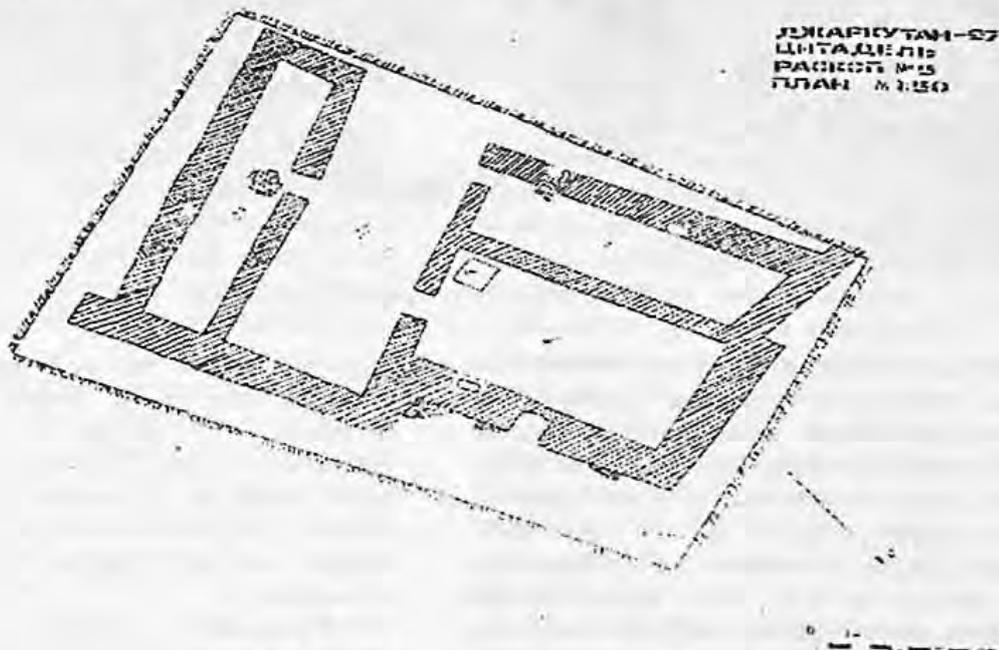
У.Рахронов ўз тадқиқотларида Сополлитепанинг 150чи хонасида очилган ўчоқни тарҳига кўра тўғрибурчакли шаклда деб таърифлайди (Рахронов У., 1977, с. 25).

Сополли маданиятининг иккинчи йирик ёдгорлиги Жаркўтонда бир неча дона ўчоқ топиб ўрганилди. Ушбу ўчоқлар Жаркўтон ибодатхонасининг 4, 5, 6, 7 - чи хоналарида жойлашган бўлиб, улар тарҳига кўра тўғрибурчак шаклига эгадир (Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш., 1993, с. 67 Рис. 34.11). Жаркўтон ва Сополлитепада топилган ўчоқлар тўлиқ сақланмаган, фақат уларнинг пайдеворлари очилган. Шу сабабли муаллифлар ўчоқларни фақат тарҳига кўра ўрганган ва мўри-дудхонасининг шаклига қараб турларга ажратганлар. Жаркўтонда олиб борилган сўнгги дала ишлари натижасида «арк» нинг шарқий қисми тўлиғича сақланиб қолган ўчоқ топилди.

Жаркўтон «арк»нинг умумий майдони уч гектарга яқин бўлиб, у ёдгорликнинг шимолий-ғарбий қисмида жойлашган алоҳида майдондан иборат (Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш., 1993, с. 54-56).

Бу ерда ҳукмдорлик саройидан ташқари аҳоли яшайдиган массивлар ҳам сақланиб қолган.

1977 йилнинг баҳор ойларида Ўзбек-Олмон экспедициясининг аъзолари Жаркўтон «арк»нинг шарқий қисмида ўлчами 20x15 метрли қазимда илмий изланишлар олиб бордилар ва бир оилга мўлжалланган уй хоналари тўлиқ очилди (расм -1). Уйнинг деворлари йирик ўлчамли хом гиштлардан иборат бўлиб, баландлиги бир метргача сақланиб қолган. Очилган тўрт хонали уй бир патриархал оилга тегишли бўлса керак (Дитрих Хуфф., Шайдуллаев Ш.Б., 1999, с. 19-20).

1 - Расм. № 5 Қазимани умумий плани

Хоналарнинг бири (№ 1) узунчок тўғрибурчакли шаклда бўлиб, ўлчами 7,75x3,75 метрни ташкил қилади. Хонанинг шарқий ва шимолий деворлари уйнинг асосий девори бўлганлиги учун анча қалин, яъни 1,25 метргача етади. Жанубий ва ғарбий деворларнинг қалинлиги эса 0,5-0,6 метрни ташкил қилади. Хонанинг эшик ўрни жанубий деворда жойлашган бўлиб, кенлиги 0,85

метргача етади. Хонанинг жанубий-ғарбий бурчагида баландлиги 20 см иборат хом гиштдан терилган тўртбурчакли (0,75x0,75 метр) суфа жойлашган.

Хонанинг шарқий девори ичида тўлиқ сақланган хона иситиш ўчоғи очилди (расм 2). Бугунги кунгача Жаркўтон ёдгорлигидан биринчи марта тўлиқ сақланган иситиш ўчоғи топилди.

2- расм. Ўчоқнинг умумий курилиши

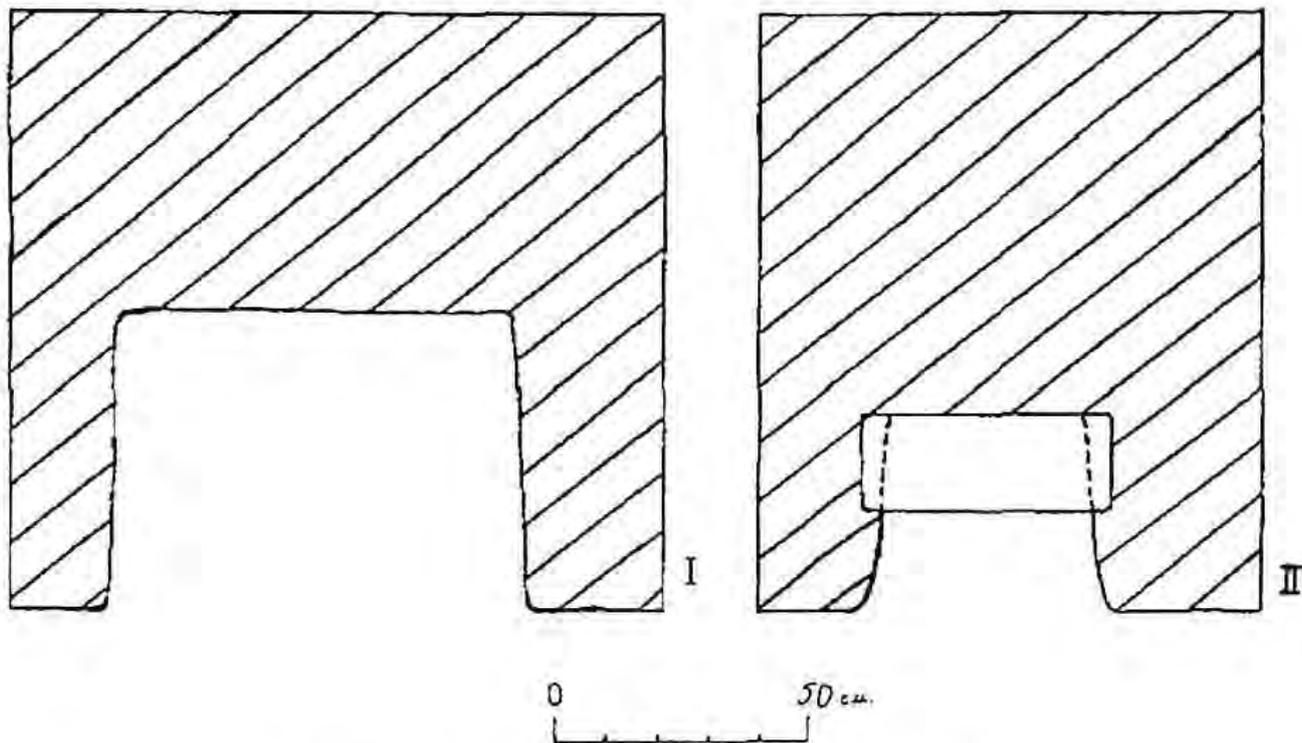
Ўчоқ оловхонасининг олди томонидан кўрилиши гумбазсимон шаклда бўлиб, хона поли сатҳидан унинг баландлик ўлчамлари 0,60x0,80 метрни ташкил қилади. Ўчоқнинг тарҳига кўра тузилиши тўғрибурчакли шаклдан иборат (расм 3. I). Юқорига кўтарилган сари оловхонанинг ўлчамлари торайиб боради ва 0,65 метр баландликдан сўнг оловхонанинг ўлчами 0,40x0,50 метргача етади (расм 3. II). Пол сатҳидан 0,65 метр баландликдан сўнг оловхона жуда торайиб,

мўри-дудхонага айланиб кетади. Ўчоқнинг мўри-дудхона йули девор ичида қурилган бўлиб, у тўғрибурчакли шаклда унинг ўлчамлари 0,20x0,50 метрни ташкил қилади. Ўчоқ билан уй қурилиши бир вақтда бўлган, чунки ўчоқда катта таъмир ишлари сезилмайди. Бу ерда фақат битта пол қатлами кузатилади.

Ўчоқнинг қирқими қуйидагича жойлашган: ўчоқ поли уй поли билан бир сатҳда, фарқи ўчоқ полида қуйганлик белгиси

олов рангда ва 0,10 метр қалинликдаги кул қатлам устида жойлашган (расм 4). Кул қатлам устида 0,20-0,25 метр қалинликдаги кул ва юмшоқ туپроқ аралашган қатламдан иборат. Шу қатламдан икки дона Жаркўтон даврига оид сопол парчасининг учраши ўчоқни санасини аниқлашда археологик монба бўлиб хизмат қилади. Қатлам орасидан сопол парчасидан ташқари икки дона куйган ғишт парчаси ҳам учрайди. Ўчоқнинг юқори қисм

стратиграфияси бир хил яъни юмшоқ туپроқ қатламдан ташкил топган. Юмшоқ туپроқ қатлам орасидан ғишт-колдиклари ҳам учрайди. Ушбу ғиштлар девордан йиқилиб тушган нечаки, у ғиштлар билан девор ғишларининг ўлчамлари бир хил яъни 0,50x0,25x0,12 см. ни ташкил қилади (Ўзбек - Олмон экспедициясининг 1997 йилги хисоботи 53-57 бетлар).

3 - расм. I- Учоқнинг пол сатҳидан олинган тарҳи
II- Учоқнинг пол сатҳидан 65 см баланликдан сўнг олинган тарҳи

Хонадан ўчоқ билан бирга пол устидан топилган сополлар мажмуаси куйидагилар:

1. Қадох - хурмачасимон, остки қисми сақланмаган. Идишнинг танаси сфера шаклида бўлиб, унинг сирти қизғиш - пушти рангда. Идишнинг гардиши ташқарига бир оз қайрилган, анча юққа ишланган. Қадах гардиши ўткирроқ бўлиб, унинг диаметри - 13 см.ни ташкил қилади (расм -5.1).
2. Хурмача шарсимон-конус шаклида бўлиб, нисбатан чўзинчок. Идишнинг гардиши ташқарига озроқ қайрилган ва ташқи томони қизғиш - ғишт рангда. Идиш гардишининг диаметри - 9,5 см; баландлиги 14,5 см; таглигини диаметри - 6,5 см. ни ташкил қилади (расм -5.2).
3. Гулдон чўзинчок шаклда бўлиб, гардиши кенгроқ елкасини бўртиб чиққан томони шарсимон кўринишда ва пастки қисми узун

аста-секин идишнинг таглигига қараб торайиб боради. Идиш гардишининг диаметри - 11,5 см; баландлиги - 14,5 см; таглигини диаметри - 7,5 см.ни ташкил қилади (расм - 5.3).

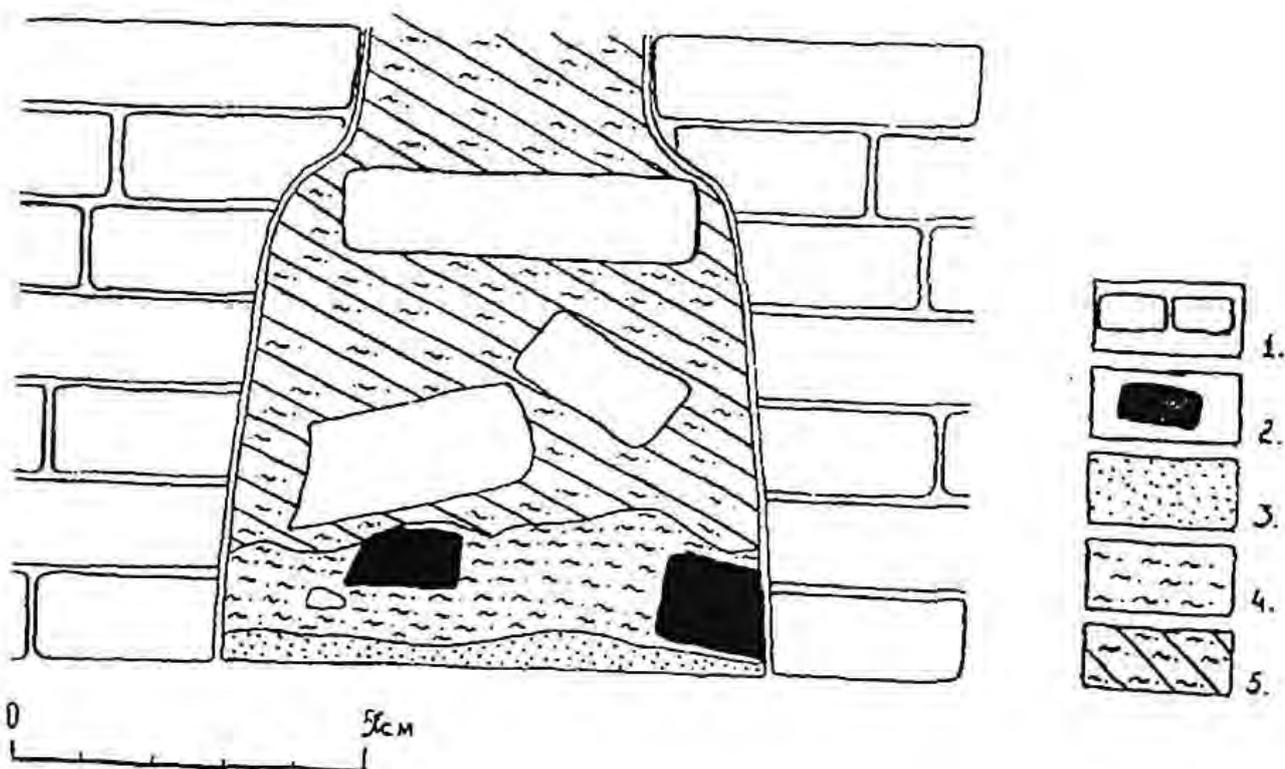
4. Жумракли идиш танасининг юқори қисми шарсимон -конус шаклида. Идиш гардишининг лаби ўткирроқ бўлиб, унинг диаметри - 12 см; баландлиги - 9 см; тагличини диаметри - 5,5 см. ни ташкил қилади. (расм - 5.4).

Хонадан ўчоқ билан бирга пол устидан топилган сополлар мажмуаси (Қадах, Хурмача, Гулдон). Сополли маданиятининг Жаркўтон даври (эр. ав. XV-XIII аср) учун характерли (Аскарлов А.А., Абдуллаев Б. 1983, с. 16-18, рис. -7).

Хона полини устидан топилган Гулдон Сополлитепа манзилгоҳида ҳам учрайди (Аскарлов А.А., 1973, с. 79-80, рис.-33,2).

Шуни айтиш керакки, ўчоқ бор хонадан топилган сополлар мажмуаси Сополли маданиятининг Жарқўтон даврига (эр. ав. XV-XIII аср) тегишли бўлиб, улар ўчоқнинг санасини аниқлашда асосий манба бўлиб хизмат қилади. Шу кунгача олинган археологик маълумотларга асосланиб шуни айтиш мумкинки, Жарқўтон даври аҳолиси ўзларнинг майший ҳаётларида тарҳига кўра улар бир хил типдаги яъни тўғрибурчакли шаклдаги ўчоқлардан (очаги-камины) фойдаланганлар. Ўчоқларни олди томонидан кўриниши гүмбазсимон бўлиб, ҳозирги кунга келиб Жарқўтон даври ўчоқларини мўри-дудхонасининг фақатгина тўғрибурчакли шаклдагиси аниқланган (№ 5-казишма). Хона иситиш ўчоқларини Сополли маданиятининг

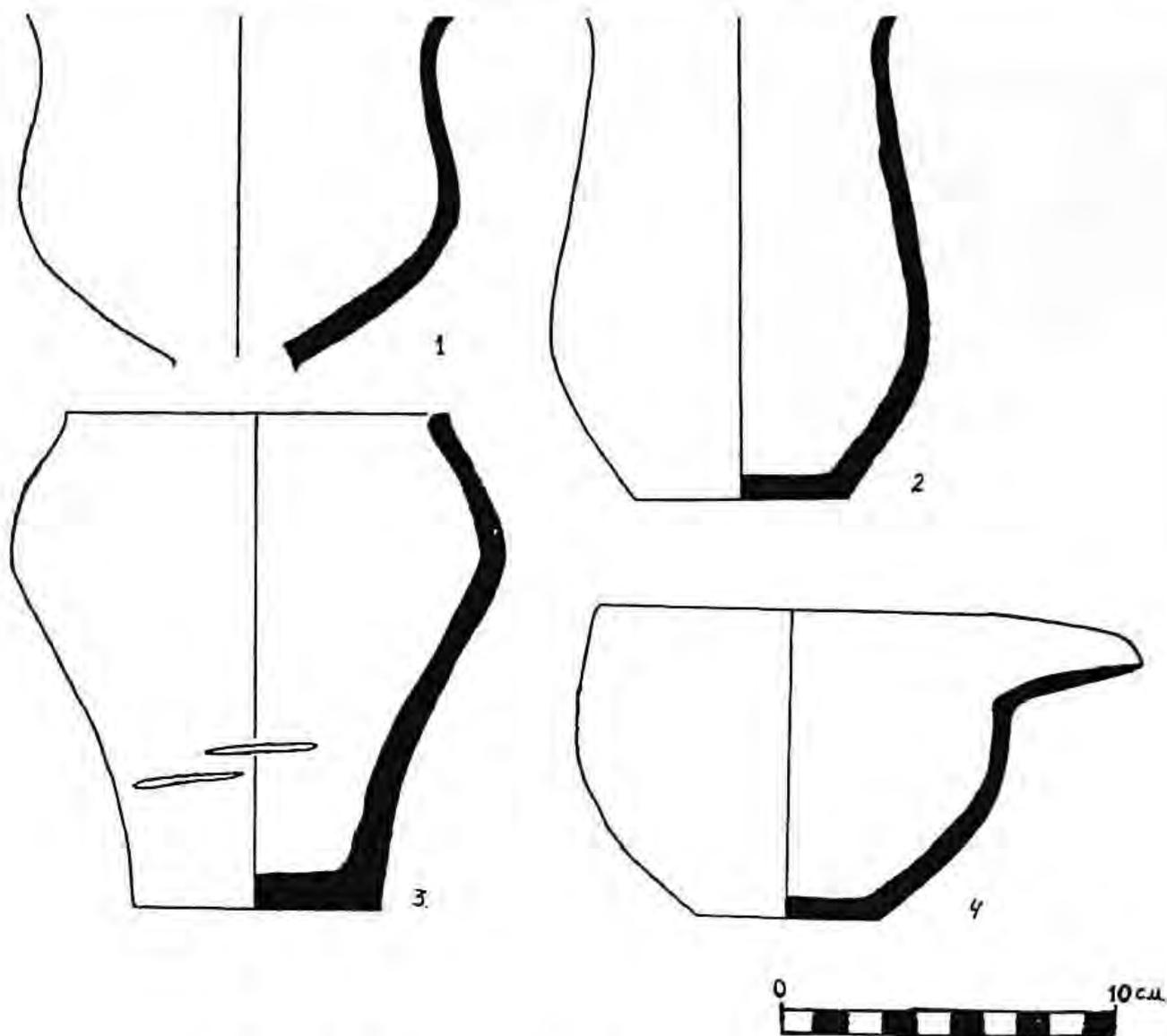
Жарқўтон даврига тенгдош Жанубий Бақтриянинг Дашли-1 манзилгоҳида ҳам учрайди. Ушбу хона иситиш ўчоғини икки ён томонида каттароқ тоқча қурилган. Муаллифлар ушбу ўчоқни қандай шаклга ва уни тарҳига кўра қандай типга эга бўлганлигини ўз тадқиқотларида ёритмаганлар (Кругликов И.Т., Сарияниди В.И., 1971. СА. № 4, с. 155-156). Жарқўтон даврига хос бўлган хона иситиш ўчоқларига ўхшаш ўчоқлар Сополлитепа манзилгоҳида ҳам учрайди (Аскарлов А.А., 1973, с. 12-41; Аскарлов А.А., 1977, с. 13-33). Жарқўтон даврига хос бўлган тўғрибурчакли шаклдаги ўчоқлар тарҳи ва қурилиши ўзгармаган ҳолда Кузали ва Молали даврларида ҳам учрайди (Аскарлов А.А., Шарипов Т.Ш., 1993, с. 67).

4- расм. Ўчоқнинг қирқими. 1- Хом ғишт парчаси. 2 - Қуйган ғишт парчаси. 3- Қул қатлам. 4- Қул ва юмшоқ тупроқ аралаш қатлам. 5- Юмшоқ тупроқ қатлам.

Сополлитепада айрим ўчоқ бор хоналарида суфа, тоқча ва йирик улчамдаги ёргучоқлар топилган бўлса (Аскарлов А.А., 1973; Аскарлов А.А., 1977), Жарқўтон «арк» дан топилган ўчоқ бор хонада ҳам (1-хона) суфа борлиги кузатилади. Ўчоқнинг икки ёнида тоқча қурилиши Жанубий Бақтриянинг Дашли-1 манзилгоҳида ҳам кузатилади. Хона иситиш ўчоқлари хона деворларининг орасида жойлашган бўлиб (фақат яшаш хоналарида), юқоридаги муаллифлар тақидлаганларидан

ушбу ўчоқлар мажмуаси хонани иситиш учун атайлаб қурилган бўлиши мумкин (Кругликов И.Т., Сарияниди В.И., СА 1971, № 4. С. 156; Аскарлов А.А., 1973; Аскарлов А.А., 1977; Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш., 1993, с. 67). Сополли маданиятининг аҳолиси майший ҳаётларида ушбу ўчоқлардан фақат хона иситишда фойдаланганлар ва бу ўчоқлар мажмуаси илк марта Ўрта Осиё худудида бронза даврида, яъни Сополлитепа ва Жарқўтон ёдгорликларида учрайди.

5- расм. №1 хона поли устидан топилган сополлар мажмуаси

Ушбу ўчоқлардан Сополли маданиятининг ижодкорлари ўзларининг маиший ҳаётларида фойдаланганлар.

Шундай қилиб Жарқўтоннинг «арк» шарқий қисмидан топилган ўчоқ ўзининг тулик сақланганлиги билан тарҳи ноёб тузилишига эгаллиги билан милоддан аввалги II - минг йилликларнинг иккинчи чорагида бронза даври ижтимоий ҳаёт тарихини тиклашда нихоятда ноёб манбадир. Биринчидан алоҳида патриархал оилаларга мўлжалланган уйларнинг барчасида ўчоқлар учрамайди. Ўчоғи бор хона ва унда истиқомат қилган оиланинг ўзига тўқлиги ва жамоада нуфузи баланд эканлигидан далолат беради. Бошқа манбалар - монументал архитектура, бой-бадавлат кўмилган қабрлар, хунармандчилик ва х. қаторида ўчоқлар ҳам Жарқўтон жамоасининг милоддан аввалги II-минг

йилликларида табақалашганлигидан далолат беради. Иккинчидан ўчоқларнинг тарҳи, шакли, қурилиш услуби бронза даври архитектурасида олдиндан тарҳлар чизилиши ва шу тарҳига биноан қурилиш амалга оширилганлигидан далолат бериб турибди. Учинчидан айти шу даврга келиб Жарқўтонликлар хонани иситиш учун, овқат пишириш учун ва топиниш учун алоҳида-алоҳида ўчоқлар тузилишини (конструкциясини) ихтиро қиладилар ва унда ёнадиган олов муқаддаслигини таъминлайдилар. Демак маънавий ҳаётда ўзгариш юз берди.

Хулоса қилиб, Жарқўтон ўчоқлари бошқа манбалар билан бир қаторда, аждодларимиз бронза даврида милоддан аввалги II- минг йилларда тарақиётнинг цивилизация палласига кирганлигидан далолат бериб турибди.

Фойдаланган адабиётлар рўйхати

1. Абдуллаев Б.Н. Могильник Джаркутан. //ИМКУ. Вып. 15 Т., 1979.
2. Абдуллаев Б.Н. Раскопки поздних погребений могильника Джаркутан. // ИМКУ. Вып. 13, Т.,1977.
3. Аскарлов А.А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
4. Аскарлов А.А. Низовья Зарафшана в эпоху бронзы. Автореф. дисс. на кандидата ист. наук. Л.,1962.
5. Аскарлов А.А. Салолитела. Ташкент, 1973.
6. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
7. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
8. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
9. Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде //Из истории античной культуры Узбекистана Т., 1973.
10. Дитрих Хуфф., Шайдуллаев Ш.Б. Некоторые результаты работ Узбекско - Германской экспедиции на городище Джаркутан // Узбекистон моддий маданияти тарихи. 30 нашри Самарканд, 1999.
11. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы //МИА, № 118. М-Л., 1962.
12. Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. Южного Узбекистана). Автореф. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.
13. Итина М.А. История степных племен южного Приаралья. М., 1977.
14. Кругликова И.Т., Сариниди В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий //СА. 1971. №4.
15. Рахмонов У. Хозяйственные помещения за пределами крепости Сапалитела // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
16. Русча-узбекча лугат. 1 - том. Бет - 417. Ташкент 1983.
17. Словарь иностранных слов. М.,1989. С. 215.
18. Толстов С.П. По следам древней Хорезмской цивилизации. М-Л., 1948.
19. Толстов С.П., Итина М.А. Проблема Суярганской культуры //СА, 1960. №1.
20. Ўзбек-Олмон экспедициясининг 1997 йилги хисоботи Самарканд, 1998. 53-57 бетлар.

Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕТАЛЛА БУРГУЛЮКСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Среди памятников Ташкентской области эпохи бронзы -античного периода особое место занимают комплексы лепной расписной керамики, выделенные в 1940 г. А.И. Тереножкиным (1940) в бургулюкскую культуру. К числу памятников, связанных с ранним этапом этой культуры (эпохи бронзы и ранним железом), относятся поселения расположенные в среднем бассейне р. Ахангаран, в зоне Туябугузского водохранилища. Здесь в 70-начале 80-х годов 20 столетия были раскопаны несколько десятков жилищ, представленных полуземлянками различных размеров (Дуке Х., 1976; его же, 1977; его же, 1982; Абдуллаев Б., Дуке Х., 1987).

При раскопках и на поверхности поселений бургулюкской культуры были найдены металлические изделия, которые стали предметом типологического и спектроаналитического исследования. Вначале А.И.Тереножкин (1950) провел типологическую классификацию случайных находок из Ташкентской области, отнеся некоторые из них к бургулюкской культуре. Затем Х.Дуке (1982) в своей монографии посвятил один из разделов типологии металлического инвентаря из ахангаранской группы памятников этой культуры. Спектральное же изучение материала было проведено одним из авторов настоящей статьи в конце 70-х годов прошлого столетия, в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР. Полученные тогда материалы легли в основу выделения дальверзино-чустско-бургулюкского очага металлургии, функционировавшего в Фергане и Ташкентском оазисе в эпоху бронзы и раннего железа (Рузанов В.Д., 1982).

В настоящей работе публикуются результаты изучения химического состава цветного металла новых находок изделий из памятников бургулюкской культуры. Практически все они происходят с поселения Киндыктепа, расположенного на правом берегу р. Ахангаран.¹ Кроме того, были проанализированы несколько предметов с поселений 3 и 14, обследованных Б.Абдуллаевым и Х.Дуке (1987) в начале 80-х годов. Исследованы 26 изделий на медной основе (таблица1).²

По функциональному назначению исследованные вещи разнообразны и подразделяются на 8 категорий (рис. 1). Орудия труда представлены теслом, ножами, серпом, шильями и иглами. К оружию относятся наконечники копья и стрелы. Из украшений проанализированы бляшка и подвески. Также был изучен химический состав фрагмента неизвестного изделия, полуфабриката и слиточка металла.

Проанализированный металл по химическому составу весьма разнообразен. Бургулюкскими мастерами употреблялась медь со сложным составом примесей, представленных в различных концентрациях. Ее составляющими являются олово, свинец, цинк, мышьяк, сурьма, железо, висмут, серебро, никель, кобальт и золото.

Олово характеризуется широким диапазоном концентраций от тысячных долей

¹ Материал собран на поверхности памятника жителем г. Ташкента, любителем археологии, Е.Филатовым в 1996-1997 гг.

² Химический состав металла вещей определен док. И.Лутцем методом рентгеноспектроскопического анализа в лаборатории на кафедре археометаллургии (руководитель проф. Е. Пернишка) в Техническом университете благодарностью немецким специалистам за проведенное исследование находок.

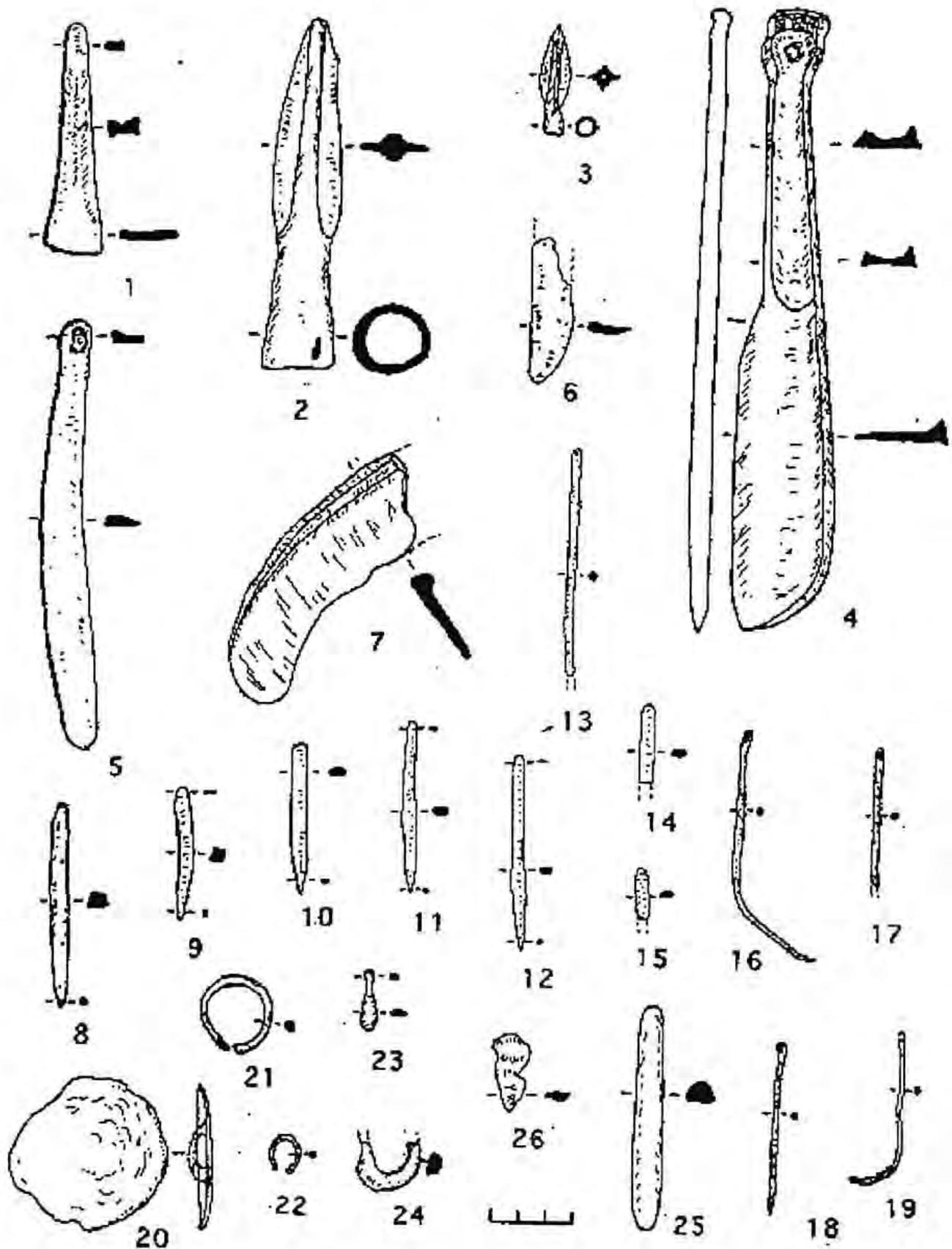

Рис. 1. Металлические изделия бургулюкской культуры 1,2,4-19,21-26 - поселение Киндыктепа; 3 - поселение 3; 2 - поселение 14.

процента до 10 %. Примерно в таких же пределах варьирует содержание свинца. Не столь значимы концентрации примеси мышьяка и сурьмы, значения которых меньше, соответственно, 3 % и 1 %. Цинк обычно присутствует в низких долях (менее 0,1 %), однако в отдельных случаях его значения велики (12,5-13 %). Висмут и серебро чаще всего представлены сотыми и десятими долями процента, иногда - тысячными. Весьма низки концентрации никеля, кобальта и золота (менее 0,01 %), в редких случаях их доля достигает сотых долей процента.

Статистическая обработка результатов анализов с использованием сводных гистограмм и корреляционных графиков (рис. 2) позволяет выделить несколько металлургических групп в бургулюкском металле. Исходя из частотных гистограмм легирующими примесями здесь могут быть олово и свинец. Особенно четко это показывает гистограмма олова, имеющая две вершины распределения концентраций с интервалами 0, 01-0,3 % и более 0,3-1,0 %. Не столь выразительна в этом отношении гистограмма свинца. Однако и здесь, при ее одновышинности, можно видеть, что металл, содержащий эту примесь с 3,0 % и выше, представляет собой искусственные свинцовистые бронзы. Кроме того, как мы уже писали, в двух изделиях - в подвеске и полуфабрикате установлено высокое содержание цинка в меди (более 10,0 %), что позволяет отнести данные находки к латуням. Прочие примеси, очевидно, следует отнести к разряду естественных. Это касается также мышьяка и сурьмы, несмотря на их значительные концентрации, что скорее всего следует связывать с использованием соответствующих полиметаллических руд.

Судя по корреляционным графикам олово - свинец и свинец-мышьяк, границы искусственного легирования меди упомянутыми примесями различны. Для олова за нее следует принять концентрацию в 0,8-0,9 %, а для свинца - 3,0 %. В таком случае изделия проанализированной коллекции распределились по основным группам следующим образом: «чистая» медь - 13, оловянистые бронзы - 9, свинцовистые бронзы - 2 и латуни - 2 образца. Среди них латуни не характерны для металлообработки племен Средней Азии эпохи бронзы. Такие сплавы бытовали в более позднее время. Поэтому не исключена возможность их связи с производством позднего периода на поселении Киндыктепа (скорее всего с эпохой античности).

Корреляционные графики примесей серебро-висмут, сурьма-мышьяк и висмут-сурьма указывают на химическую однородность металла большинства изделий бургулюкской коллекции (рис. 2). Так, из 26 предметов 18 (или 69,3 % от общего количества изделий) относятся к одной химической группе, для которой характерно повышенное содержание мышьяка, сурьмы, серебра и висмута. По распределению концентраций данных примесей она обнаруживает сходство с группой ЧК III, характерной для металла культур расписной керамики Ферганской долины и Ташкентского оазиса (Рузанов В.Д., 1980). Ее металлургическая характеристика выражена четырьмя типами сплавов: «чистая» медь (10 обр.), оловянистые (5 обр.), свинцовистые (2 обр.) бронзы и латунь (1 обр.). Одна проба находит химические соответствия в группе КМ II, выделенной в металле степных культур Южного Приаралья и нижнего бассейна р. Заравшан (Рузанов В.Д., 1982, с. 9; его же, 1996). Еще одна проба по своему химическому составу идентична металлу группы ЮС Iб или ВУ, которая была широко распространена в степных культурах Евразии (Черных Е.Н., 1970, с. 33) и у земледельческих племен юга Средней Азии (Рузанов В.Д., 1982, с. 9). Прочие 6 образцов из-за низких содержаний либо серебра и висмута, либо мышьяка и сурьмы отнесены к химически неопределенной группе (НО).

Теперь проанализируем соотношение между химико-металлургическими группами, с одной стороны, и с другой, - категориями и типами изделий, так как материалы исследования позволят нам сделать некоторые заключения по поводу происхождения выше изученных вещей. Какие изделия являлись продукцией местных мастеров? Какие предметы были изготовлены зарубежными центрами и попали в Ташкентскую область в результате импорта?

Тесло плоское, литое, узкое, в сечении прямоугольное с расширенным лезвием (рис. 1,1; ан. 20). Такие тесла имеют широкий ареал распространения. Они известны в комплексах культур степной бронзы Евразии (Черных Е.Н., 1970, рис. 52. 3-14) и Центральной Азии (Аванесова Н.А., 1991, рис. 36. 8-10), а также в материалах земледельческих культур Древнего Востока (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 16) эпохи бронзы, в том числе памятников юга Средней Азии (Масимов И.С., 1979, рис. 11.18; Виноградова Н.М., 1980, рис. 4). Киндыктепинское тесло отлито из низкооловянистой бронзы с

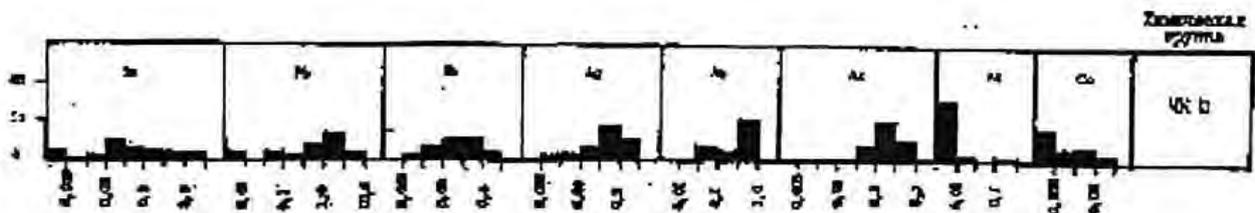
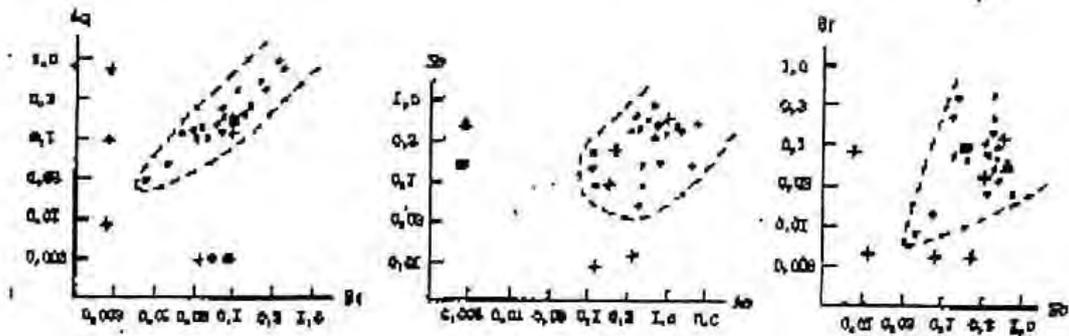
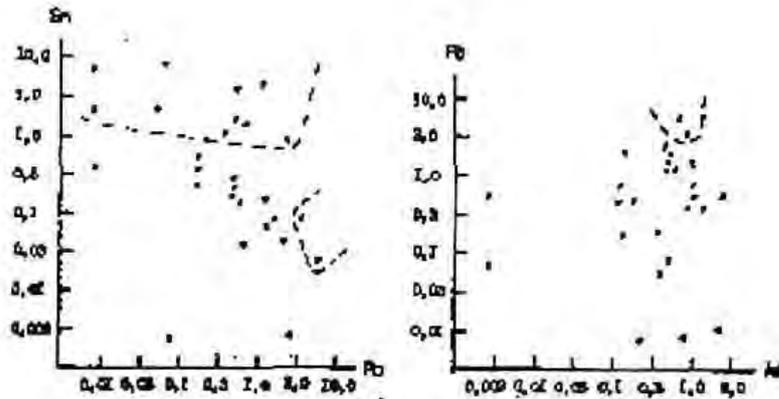
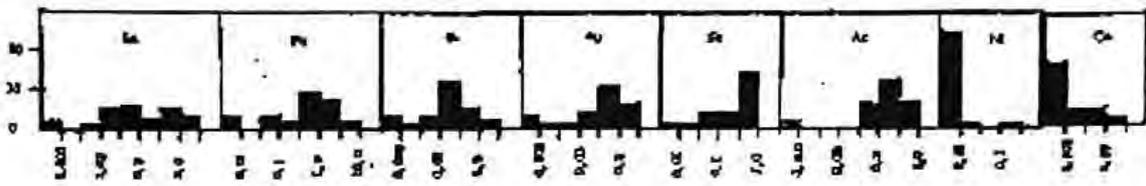

Рис. 2. Частотные гистограммы и корреляционные графики примесей к меди бургулюкской культуры. Гистограмма химической группы ЧК III.

• - ЧК III;
 ▲ - КМ II;
 ■ - ВУ;
 + - НО

содержанием олова 2,42 %. Это оружие изготовлено из металла группы ЧК III, имеющей ташкентское происхождение. Поэтому данное тесло следует считать местным, а не привозным.

Наконечники копья и стрелы. Киндыктепинский образец копья (рис. 1.2; ан. 4) относится к типу втульчатых наконечников копий с сомкнутой втулкой и круглым в сечении стержнем по листовидному перу. В Средней Азии таких находок известно немного (всего 5 экз. вместе с ташкентским находки копий этого типа эпохой поздней бронзы и связывает их с культурами Евразии. Копье с Киндыктепа отлито из свинцовистой бронзы (с добавкой свинца 6,0 %) группы ЧК III. Последний же показатель позволяет считать его продукцией бургулюкского металлургического центра.

Втульчатый, двухперый наконечник стрелы с ребром по листовидному перу и выступающей, укороченной втулкой (рис. 1.3; ан. 22). Подобные стрелы встречены в памятниках конца II-первой трети I тыс. до н.э. Считается, что втульчатые наконечники стрел появляются у среднеазиатских племен под влиянием с Севера, от племен андроновской культурно-исторической общности (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 37; Аванесова Н.А., 1979, с. 8). Справедливость этого тезиса подтверждает химический состав киндыктепинского образца. Он отлит из высокооловянистой бронзы (Sn-9,5%) группы ВУ. Медь же этой группы, связывается с месторождениями либо Кызылкумского, либо Казахстанского горнометаллургических районов. Поэтому можно полагать, что данный наконечник стрелы появился у бургулюкцев в результате их связей с металлургическими центрами степных племен.

Ножи. К этой категории орудий труда относятся три находки; из них два ножа целые, один представлен фрагментом. Все ножи из класса однолезвийных. Целые экземпляры имеют рукоять или черенок.

Нож-кинжал с выступом, с прямыми, параллельными друг к другу, лезвием и спинкой, с притупленным, скошенным к лезвию концом клинка и притупленной пяткой рукояти, с односторонними валиками по краю рукояти (рис. 1.4; ан. 4). Пятка рукояти украшена литым рисунком копыта. По всей форме и конструкции находит аналогии среди ножей Казахстана (Аванесова Н.А., 1991, рис. 1.15-19; 32,7). Последние же, по мнению исследователей (Грязнов М.П., 1930, с. 156), относятся к андроновской культуре и датируется XIII-IX вв. до н.э. (Аванесова Н.А.,

образом). За исключением копья с Киндыктепа, все они не связаны с комплексами или памятниками. Ареал бытования наконечников копий этого типа широк. Преимущественно они встречаются в степных культурах Евразии (Черных Е.Н., 1970, рис. 46.4-7; Аванесова Н.А., 1991, рис. 42.7, 8). В памятниках Древнего Востока такие копья известны реже и встречаются в Северном Афганистане и Иране. Е.Е.Кузьмина (1966, с. 28, 29) датирует среднеазиатские

1991, с. 28). Киндыктепинский нож-кинжал отлит из «чистой» меди группы КМ II кызылкумского происхождения и его следует рассматривать как импорт. Скорее всего он был связан с андроновским населением Казахстана, поскольку кинжалы, подобные найденному в Киндыктепа, в памятниках степных племен Кызылкумов и Южного Приаралья второй половины II-начала I тыс. до н.э. неизвестны.

Другой однолезвийный черенковый нож с Киндыктепа характеризуется слабовыгнутой спинкой (рис. 1.5; ан. 2). Лезвие прямое с овальным концом. Черенок имеет одинаковую с клинком ширину, в связи с чем он остается не выделенным. Его наличие фиксируется разницей в форме сечения: у черенка оно прямоугольное, у клинка - треугольное. Пятка черенка киндыктепинского образца расширена и притуплена. На одной из ее сторон фиксируется овальное углубление. Подобные ножи найдены в алакульских и федоровских памятниках и датируются XV-XI вв. до н.э. (Аванесова Н.А., 1991, рис. 33,2). Нож из Киндыктепа изготовлен из низкооловянистой бронзы (Sn - 1,74 %). Химическая принадлежность металла ножа не определена (группа HO), что затрудняет сделать вывод по поводу его происхождения.

Третий нож с поселения 3 бургулюкской культуры представлен обломком нижней части клинка, с приостренным, скошенным к спинке концом (рис. 1.6; ан. 26). Сечение клинка треугольное. В связи с фрагментарностью находки тип ножа остается для нас неясным. Нож был отлит из низкооловянистой бронзы (Sn - 2,35 %), отнесенной к химически неопределенной группе (HO). Последнее обстоятельство не позволяет решить вопрос о происхождении как сырья, из которого был сделан нож, так и самой вещи.

Серповидное орудие. С Киндыктепа происходит один обломок серпа (рис. 1.7; ан. 3). Скорее всего он относится к типу слабоизогнутых серпов, без выделенного

черенка, с суженным к «носу» лезвием, овальной пяткой и отверстием для крепления. На одной из сторон лезвия, ближе к спинке проходит ребро жесткости. Такие серпы были характерны для культур расписной керамики Узбекистана (Заднепровский Ю.А., 1962, табл. XXI. 7; Кузьмина Е.Е., 1966, табл. IX. 20; XI. 14; Дуке Х.И., 1982, рис. 14,5-7; Сагдуллаев А.С., 1987, рис. 9; 30.2). Их производство было также налажено у степных племен (амирабадская культура) в Южном Приаралье (Толстов С.П., 1962, рис. 33.10; Итина М.А., 1963, рис. 12.4; ее же, 1977, рис. 79.4; Кузьмина Е.Е., 1966, табл. XI. 13).

Прототипом серпов этого разряда, очевидно, являлись серпы-косари, распространенные в памятниках андроновских племен. Они имеют сходную форму и отличаются от узбекских орудий наличием прямой пятки черенка и большими размерами. Зародившись в Узбекистане в последних столетиях II тыс. до н.э. данная форма серпов просуществовала до VI в. до н.э. включительно (Сагдуллаев А.С., 1987, с. 39). Образец с Киндыктепа изготовлен из «чистой» меди группы ЧК III и его можно связать с производственным центром бургулюкских племен.

Шилья. Эти орудия представляют относительно многочисленную категорию предметов в бургулюкской культуре. Все они имеют односторонний острый конец. Пятка шильев обычно уплощена. Чаще всего встречаются экземпляры прямоугольные в сечении, реже - с округлым сечением (рис. 1,8-15; ан. 5-11, 21). Киндыктепинские шилья подразделяются на два типа: 1) без упора и 2) с упором. Шилья первого типа получили распространение в Средней Азии в последних столетиях II-начале I тыс. до н.э. Особенно часто они встречаются в северных районах Узбекистана, в культурах расписной керамики и степной бронзы (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 64, 65). Такие шилья известны и в Киргизии, правда, там они редки (Зимма Б., 1948, рис. 9, с. 126). Проанализированные шилья первого типа сделаны из «чистой» меди (2 обр.) и оловянистой бронзы (Sn - 1,98 %) (1 обр.). Из них одно орудие изготовлено из металла группы ЧК III местными мастерами. Два других экземпляра отнесены к химически неопределенной группе (НО), что затрудняет определение их происхождения.

Другой тип шильев с упором был широко распространен у земледельческих племен Древнего Востока в эпоху бронзы (Кузьмина Е.Е., 1966, с. 64). В Средней Азии такие шилья довольно рано появились в Южной

Туркмении (Литвинский Б.А., 1952, рис. 12, 1). В конце II начале I тыс. до н.э. они стали известны племенам культур расписной керамики Ферганы и Ташкентского оазиса. Киндыктепинские образцы шильев с упором сделаны из «чистой» меди ЧК III, свидетельствующей о их местном происхождении.

Прочие обломки шильев с Киндыктепа, в том числе и фрагмент с округлым сечением, изготовлены из «чистой» меди, оловянистой (Sn - 1,21 %) и свинцовистой (Pb - 3,1 %) бронзы. Они сделаны из местного сырья (группа ЧК III), скорее всего бургулюкскими мастерами.

Иглы. Встреченные на Киндыктепа иглы относятся к одному типу: с пробитым на уплощенном конце ушком (рис. 1,16-19; ан. 12-15). Этот тип металлических игл был известен в Средней Азии в глубокой древности и использовался местным населением на протяжении длительного отрезка времени - с эпохи неолита по эпоху поздней бронзы и раннего железа. Большинство находок таких игл происходит с памятников оседлоземледельческих культур типа Намазга IV-VI и расписной керамики. Из 4 проанализированных нами экземпляров 3 сделаны из «чистой» меди, один образец - из оловянистой бронзы (Sn-5,0 %). Среди них металл 3 экземпляров отнесен группе ЧК III и их следует считать продукцией местного центра. Происхождение же четвертой иглы, металл которой отнесен к группе НО, остается неясной.

Подвески. На Киндыктепа пока найдено 3 экземпляра такого вида украшений. Два из них относятся к широко распространенному типу круглых подвесок, из округлой в сечении проволоки с заостренными или притупленными концами (рис. 1.21, 22; ан. 17, 18). В Средней Азии такие подвески появляются во второй половине III тыс. до н.э. и бытуют по ранний железный век. Судя по составу металла - латуни (Cu+Zn-12,5%), из которого был сделан один киндыктепинский экземпляр, можно полагать, что этот тип украшений существовал и в античном периоде. Другая круглая подвеска изготовлена из «чистой» меди.

Третья подвеска имеет каплевидную форму и уплощенное сечение (рис. 1.23; ан. 19). Она имеет морфологических аналогий и параллелей среди украшений населения Средней Азии и сопредельных территорий эпохи бронзы. Не исключено, что данная находка могла быть связана с более поздним хронологическим горизонтом памятника. Как

Бургулюкская культура

Шифр лабораторной	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	основа	0.151	0.59	<0.1	0.055	<0.005	0.62	<0.005	0.3	<0.01	<0.005	0.01
2	основа	1.74	0.71	<0.1	0.089	<0.005	0.58	1.0	0.05	<0.01	<0.005	<0.01
3	основа	<0.005	2.43	<0.1	0.39	0.75	0.43	0.37	<0.005	<0.01	<0.005	<0.01
4	основа	0.026	6.0	<0.1	0.239	0.37	0.44	0.79	0.27	<0.01	0.006	<0.01
5	основа	1.98	0.58	<0.1	<0.005	0.76	0.086	0.207	0.25	<0.01	<0.005	<0.01
6	основа	0.095	1.71	<0.1	0.115	0.261	0.59	1.02	0.11	<0.01	<0.005	<0.01
7	основа	0.229	0.55	<0.1	0.116	0.204	0.49	1.0	0.31	<0.01	<0.05	<0.01
8	основа	0.36	0.2	<0.1	0.074	0.167	<0.005	0.144	0.15	<0.01	0.008	<0.01
9	основа	0.071	1.15	<0.1	0.101	0.37	0.42	0.62	0.06	<0.01	<0.005	<0.01
10	основа	1.21	0.36	<0.1	0.071	0.235	0.223	0.116	<0.005	<0.01	<0.005	<0.01
11	основа	0.097	3.1	<0.1	0.34	0.8	0.191	0.98	0.76	<0.01	<0.005	<0.01
12	основа	0.206	0.38	<0.1	0.037	<0.005	0.35	0.71	0.78	<0.01	<0.005	0.01
13	основа	0.041	2.17	<0.1	0.239	0.32	0.171	0.58	0.27	<0.01	<0.005	<0.01
14	основа	0.057	0.77	<0.1	0.097	0.192	0.142	0.114	0.32	<0.01	0.007	<0.01
15	основа	5.0	1.07	<0.1	0.057	0.086	0.087	0.53	4.0	<0.01	<0.005	<0.01
16	основа	4.7	0.61	<0.1	0.035	0.128	0.56	2.55	0.26	<0.01	0.011	<0.01
17	основа	0.88	2.22	12.5	0.017	0.046	0.087	0.149	0.42	0.117	0.032	<0.01
18	основа	0.158	1.25	0.1	0.091	0.152	0.48	0.51	0.52	<0.01	0.011	<0.01
19	основа	0.33	<0.001	0.2	0.031	0.097	0.51	2.15	0.12	<0.01	<0.005	<0.01
20	основа	2.42	0.06	<0.1	0.028	0.125	0.125	0.42	0.17	<0.01	0.027	0.02
21	основа	<0.005	0.08	0.4	0.007	0.029	0.029	0.43	0.49	<0.01	<0.005	<0.01
22	основа	9.5	0.07	<0.1	0.095	0.151	0.151	<0.005	0.13	<0.01	<0.005	<0.01
23	основа	0.284	0.38	0.2	0.094	0.187	0.5	1047	0.09	0.019	0.013	0.03
24	основа	0.27	0.21	13.0	<0.005	0.008	0.011	0.33	0.06	<0.01	0.03	<0.01
25	основа	7.8	<0.01	<0.1	0.026	0.108	0.88	0.65	0.25	<0.01	<0.007	<0.01
26	основа	2.35	0.01	<0.1	<0.005	0.092	0.273	0.255	0.11	<0.01	<0.005	<0.01

Примечание. К химической группе ЧК III относятся следующие изделия: ан. 3,4,6,7,9-11,13-21,23,25; к группе КМ II: ан. 1; к группе ВУ: ан. 22; к группе НО (не определенная): ан. 2,5,8,12,24,26. Нож: ан. 1 (рис.1:4), 2 (рис.1:5), 26 (рис. 1:6). Накопечники копья и стрелы: ан. 4 (рис. 1:2), 22 (рис. 1:3). Тесло: ан. 20 (рис. 1:1). Серп: ан. 3 (рис. 1:7). Шилья и иглы: ан. 5 (рис. 1:8), 6 (рис. 1:11), ан. 7 (рис. 1:12), 8 (рис. 1:9), 9 (рис. 1:14), 10 (рис. 1:15), 11 (рис. 1:13), 12 (рис. 1:16), 13 (рис. 1:17), 14 (рис. 1:18), 15 (рис. 1:19), 21 (рис. 1:10). Подвески: ан. 17 (рис. 1:21), 18 (рис. 1:22), 19 (рис. 1:23). Бляшка: ан. 25 (рис. 1:20). Фрагмент неизвестного изделия: ан. 23 (рис.1:24). Полуфабрикат: ан. 24 (рис. 1:25). Слиточек металла: ан. 16 (рис. 1:26). Изделия ан. 3,20 - поселения 3 и 14, место остальных находок - поселение Книдыкста.

и предыдущие два экземпляра, эта подвеска сделана из местного сырья типа ЧК III, очевидно, бургулюкскими кузнецами. По рецепту она близка к «чистой» меди, правда, с несколько повышенным содержанием мышьяка (2,15 %).

Бляшка. Выпуклая, литая бляшка-пуговица с ушком для привязывания обнаружена на поселении 14 (рис. 1.20; ан. 14). Широко распространенная форма украшений. Такие вещи датируются последней третью II-первой третью I тыс. до н.э. Судя по химическому показателю (группа ЧК III) бляшка с поселения 14 изготовлена бургулюкскими литейщиками. Сырьем для этого изделия послужила оловянистая бронза (Sn-7,8 %).

Кроме вышеперечисленных предметов, были проанализированы обломок изделия с неопределенным функциональным назначением (рис. 1.26; ан. 16). Среди них металл полуфабриката имеет отличную, от основной массы изделий, рецептуру. В нем установлено высокое содержание цинка (13,0 %), что характерно для металлообработки бургулюкских племен эпохи бронзы. Несходен этот образец с прочими находками и своей химической характеристикой (группа HO). Что касается обломка предмета и слиточка металла, то согласно химическому составу (ЧК III) эти находки следует связывать с местным производством.

Итак, изучение находок изделий из цветного металла эпохи бронзы с поселений Киндыктепа, 3 и 14 еще раз показывает сложный характер металлообработки бургулюкских племен, проживавших в

бассейне р. Ахангаран. В это время здесь бытуют предметы изготовленные из нескольких типов сплавов - «чистой» меди, оловянистых и свинцовистых бронз. Среди них доминирует «чистая» медь (54,2 %). Второе место занимают оловянистые сплавы (37,5 %). Большая часть изделий рассмотренной коллекции является продукцией собственного производственного центра, функционировавшего на территории бассейна р. Ахангаран. В металлообработке бургулюкских племен ведущее место занимало сырье местного источника, расположенного в Чаткальских горах (Рузанов В.Д., 1980, с. 62, 63). Вместе с тем некоторые вещи, имеющие иные химико-металлургические и морфологические характеристики, являются привозными. К их числу относятся однолезвийный нож-кинжал и втульчатый, двухперый наконечник стрелы. Другое изделие - втульчатый наконечник копья является свидетельством местного подражания одной из ведущих форм степных бронз. Все эти примеры говорят о тесных контактах бургулюкских и степных племен, и о определенных воздействиях со стороны последних на металлообработку населения лепной расписной керамики Ташкентского оазиса. Новые типологические материалы с Киндыктепа подтверждают правомочность нашего мнения (Рузанов В.Д., 1998, с. 49) о более раннем возрасте, нежели IX в. до н.э., бургулюкского металлического комплекса, нижний рубеж которого следует датировать XIII-XII вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Б., Духе Х.И. Некоторые итоги исследования памятников бургулюкской культуры в 1981-1982 гг. // ИМКУ. Вып. 21, Ташкент, 1987.
2. Аванесова Н.А. Проблемы истории андроновского культурного единства // Автореф. дисс.... канд.ист.наук. Ленинград, 1979.
3. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
4. Виноградова Н.М. Отчет о раскопках могильника Тандыр-йул в 1975г. / АРТ. Вып. XV. Душанбе, 1980.
5. Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. // МКЗИ. Вып. 3. Казакки, Ленинград, 1930.
6. Духе Х.И. К вопросу о бургулюкской культуре. // ОНУ. 1976, № 8.
7. Духе Х.И. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
8. Духе Х.И. Туябулузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
9. Зимма Б. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии // ТИИЯЛ АН Кирг.ССР. вып. 2. Фрунзе, 1948.
10. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. Москва-Ленинград, 1962.
11. Итина М.А. Поселение Якке-Парсан 2 (раскопки 1958-1959 гг.) // МХАЭЭ. Вып. 6. Москва, 1963.
12. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II-начало I тыс. до н.э.) // ТХАЭЭ, т. 10. Москва, 1977.
13. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии. // САИ. Вып. В4-9. Москва, 1966.
14. Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1. Москва, 1979.
15. Рузанов В.Д. К вопросу металлообработке у племен чустской культуры. // СА. 4. Москва, 1980.
16. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс.... канд.ист.наук. МГУ. Москва, 1982.
17. Рузанов В.Д. Результаты спектроаналитических исследований металла памятников тазабагыябской культуры. // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
18. Рузанов В.Д. О хронологии металлического комплекса бургулюкской культуры. // ОНУ. Вып. 2. Ташкент, 1998.
19. Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.

20. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Из-во Восточной литературы. Москва. 1962.
21. Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.//Известия Уз ФАН ССР. № 9. Ташкент. 1940.
22. Тереножкин А.И. Согд и Чач //КСИИМК. Вып. XXXIII. Москва. 1950.
23. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья.// МИА. №172. Москва. 1970.

Ruzanov V.D., Lushpenko O.N.

Some results of the study of chemical content of metal from Burguluk culture

The article is devoted to the metal of Burguluk culture. The chemical content of 26 articles on the copper basis, which were found in the settlements, situated in the central basin of Ahangaran river in Tashkent province. On the basis of acquired data and comparative analysis metallic and chemical group of the metal was discovered. Also some attempts were done to establish the relations between studied articles with the products of Bronze Age culture.

Ртвеладзе Э.В.

ПАРФИЯ И ЮЕЧЖИЙСКАЯ БАКТРИЯ (некоторые аспекты политической истории)

Несколько лет назад в Италии была опубликована моя статья, где подробно проанализированы бактрийско-парфянские взаимоотношения в период с III в. до н.э. по I в. н.э. включительно (Rtveladze, 1995, p. 181-190)¹. Данную проблему я анализировал в отдельных аспектах и в других статьях, посвященных монетному чекану юечжийских (тохарских) правителей Бактрии². Они были опубликованы на английском языке в Италии, США и Японии и остались малодоступными для определенного круга ученых. По этой причине, а также вследствие получения новых данных при раскопках Кампыртепа, являвшейся парфянским форпостом в долине Окса, видимо, во второй половине I в. до н.э. - начале I в. н.э. я снова вернулся к анализу некоторых политических аспектов взаимоотношений Парфии и Юечжийской Бактрии. Мною, в частности, была определена общая периодизация взаимоотношений этих государств и выделен второй период, приходящийся на время нашествия кочевых племен на парфянские и греко-бактрийское царства и последующие их проживания здесь. Эти племена шли двумя мощными потоками. Первый из них - сакско-сарматский из районов Приаралья, второй - юечжийский (тохарский) из Восточного Туркестана. В результате этих вторжений было сокрушено греко-бактрийское царство, но немало тревог и волнений доставили кочевые племена и Парфии.

В войне с ними погиб, вероятно, в 128 г. до н.э., парфянский царь Фраат II (138 -128 гг. до н.э.). После его гибели, борьбу с кочевым объединением возглавил сын Фраата II - Артабан I (128-124 гг. до н.э.). По сообщению Юстина, он напал на тохаров, но также погиб в одном из сражений с ними в 124 г. до н.э.). (Just, XLII, 22).

Не исключено, что эта война происходила на западе Бактрии, так как Страбон наряду с ассианами, пасианами и сакаравами называет тохаров, в числе племен, сокрушивших Греко-Бактрийское царство. Можно предполагать, что в ходе этих войн, юечжийские племена, к которым принадлежали тохары, отняли у Парфии часть Бактрии, т.е. сатрапии Туриву и Аспион, завоеванных парфянами еще при Митридатe I. В последующем характер взаимоотношений Парфянского царства с кочевниками, завоевавшими Бактрию и осевшими здесь, радикально изменяется. В продолжавшимися между ними войнами победа переходит уже на сторону парфян.

Согласно сообщению Страбона, «они, парфяне, захватили также часть Бактрии, оттеснив скифов», (Strabo, XI, 9, 2, С. 487). По мнению ряда исследователей данное событие произошло при Митридатe II (124-87 г. до н.э.) - подлинным основателем могущества парфянской империи.

«Несколько раз, - сообщает Юстин, - вел он (т.е. Митридат II -Э.Р.) со скифами удачные войны и отомстил за обиды, нанесенные его предкам» - (Just, XLII, 2, 5). Характерно, что именно на это время приходятся находки наиболее ранних парфянских монет, зафиксированных на территории Бактрии.

В числе их -драхмы Митридата II, найденные на Мирзабек - кала, Старом Термезе и Тиллятепа³.

В этой связи представляется весьма важным вопрос о том, какую часть Бактрии отняли парфяне у юечжей. В предыдущих исследованиях вопрос этот не освещен, но возможный ответ на него можно извлечь из нумизматических данных.

Имеется любопытная группа парфянских монет, на реверсе которых наряду со словом

ΚΑΤΑΕΤΡΑΤΕΙΑ - «В походе» проставлены названия нескольких областей - ΑΡΕΙΑ, ΜΑΡΓΙΑΝΗ, ΤΡΑΞΙΑΝΗ, ΝΙΣΑΙΑ.

Считается, что они выпущены в связи с походом и завоеваниями парфян на Востоке, т.е. против Бактрии⁴. Существует однако и другая точка зрения, согласно которой эти монеты фиксируют передвижения царского двора по восточным провинциям Парфянского царства⁵. Объясняется это тем, что наряду с Маргианой и Ареей на данных монетах проставлены названия областей Нисайя и Рагайя, которые давно уже входили в подчинение парфянского царства. Вместе с тем возможно и компромиссное решение этого вопроса - одни монеты данной серии фиксируют действительные завоевания парфян на Востоке или окончательное вхождение таких областей как Арея, Маргиана, Траксиана в состав парфянского царства, другие - передвижения царского двора по восточным провинциям - Нисайя, Рагайя.

По мнению А.Маркова, монеты данной серии были выпущены Фраатом II (138-128 г. до н.э.)⁶. В.Росс считал, что они чеканились при Артабане II (128-124 г. до н.э.). Того же мнения придерживался Ж. де Морган⁷. Согласно точке зрения Э.Ньюэлла, они относятся ко времени Готарза I (около 80-70 г. до н.э.). Э.Ньюэлл допускал, что выпускавшее их лицо было соправителем Митридата II на Востоке⁸.

Из трех восточных провинций, упоминающихся на монетах данной серии (Арея, Маргиана, Траксиана), локализация первых двух монет из них не вызывает сомнений; Арея - эта область, охватывающая верхнее и нижнее течение р. Теджен - Герируд, Маргиана - современный Марыйский оазис в нижнем течении р. Мургаб.

Что же касается Траксианы, то ее локализация не может считаться установленной. А.К.Марков считал, что Траксиана - это название города ΤΡΑΚΣΙΑΥΑ в Кармании⁹. По мнению В.Тарна, после завоевания Евтидемом парфянских сатрапий Астауэна и Апаварктикена, а также часть Парфии, они становятся бактрийскими сатрапиями Траксиана и Тапурия. Согласно его точке зрения, Траксиана располагалась в долине Кешеф - руда на севере Ирана и его столицей являлся город Тус¹⁰.

Однако мнение В.Тарна во многом априорно - в тексте Страбона, на который он ссылается, вместо названия Траксиана и Тапурия приведены Аспион и Турива. (Strabo, XI, 517).

Более предпочтительным нам представляется мнение В.М.Массона полагавшего, что Траксиана, скорее всего, должна находиться около Ареи и Маргианы¹¹.

Обращает в частности внимание наличие в слове Траксиана компонента Α = ΣΙΑΝΗ, которое созвучно в определенной степени названию реки Окс - Амударья. Само слово Траксиана - это название какой-то области наименование которой образовано по такому же принципу как Бактриана, Маргиана, Согдиана. Где могла располагаться эта область? В этом отношении интересны данные о ареале распространения парфянских монет, исследования которого показывает, что наибольшее их количество встречается в долине Окса - Амударьи от Чаршанги (Туркменистан) до Термеза (Узбекистан). Здесь найдено уже 15 монет, из которых десять экз. медные халки (см. приложение), причем наибольшее количество их находок приходится на городище Кампыртепе, расположенное в 20 км. к западу от Термеза на правом берегу Амударьи¹².

Не исключено поэтому, что эта часть долины Окса - Амударьи носила в древности название Траксиана, зафиксированное на парфянских монетах, выпущенных, как считают, в связи с походом на Восток Готарза I (около 80-70 гг. до н.э.).

Данная часть долины Окса, вероятно, вошла в состав Парфянского государства во время правления Митридата II, монеты которого являются наиболее ранними из парфянских монет, найденных здесь. Распространены здесь и парфянские халки, начиная с Орода II (58-39 г. до н.э.), а также других парфянских царей конца I в. до н.э. - начала I в. н.э.

Чаще всего здесь встречаются монеты Фраата IV (40-30 гг. до н.э.) и подражание им. Наличие этих монет свидетельствует о том, что эта часть Западной Бактрии во второй половине I в. до н.э., вероятнее всего, входила в ее состав.

Как свидетельствуют нумизматические данные, около этого же времени в Западной Бактрии правила династия юечжийский правителей, которую мы условно назвали династией Сападбиза. Известны два имени правителей этой династии - собственно Сападбиз и Агисилез. Они выпускали серебряные оболы на аверсе которых изображен бюст правителя вправо в македонском шлеме, а на реверсе пантера, идущая вправо и легенда греческими буквами ΝΑΝΑΙΑ. Известны также надчеканы этих

правителей на парфянских монетах Фраата IV и подражаниях им.

Нами выявлены также медные халки одного из этих правителей. Судя по ареалу распространения этих монет «династия Сападбиза» владела Балхским оазисом (собственно Бактрия), - районом Шибергана и долины Амударья к западу от Термеза. Не исключено, что именно этой династии, исходя из времени правления и территории ее владений, принадлежал знаменитый некрополь Тиллятеп¹³.

Вероятно, к западу от владений Сападбиза находились владения другого правителя Танлисмидата, выпускавшего серебряные монеты, на которых наряду с его именем проставлено имя его супруги - госпожи Рагтодеми¹⁴.

Последний этап парфянской экспансии на Восток в Бактрию приходится на середину I в. н.э. В этом отношении большой интерес представляют сведения римского историка Тацита, касающихся войны за парфянский престол, развернувшейся между Варданом (39-45 гг. н.э.) и Готарзом II (43-50 гг. н.э.).

Согласно Тациту, Готарз, получив помощь от дахов и гирканцев, начал военные действия, в ответ на что Вардан, вынужденный снять осаду Селевкии, переносит свой лагерь «на поля Бактрии». В этом противостоянии Вардан оказался сильнее и утвердил за собой Парфянское царство, тогда как Готарз был вынужден удалиться в Гирканию.

Однако в дальнейшем, Готарз, подстрекаемый знатью, возобновляет военные действия против Вардана. Последний вышел к реке Эринду, в битве при которой он разбил войска Готарза. Затем после ряда удачных сражений Вардан покорил народы, обитавшие между реками Эринду и Синд, про которую сказано, что она отделяет дахов от ариев.

На этом походы парфян завершаются, так как они не желали вести войну вдали от родины. Где-то в этих местах Варданом были установлены памятники, на которых были нанесены надписи, извещавшие о том, что ни один Аршакид до него не облагал эти племена данью (Тацит, Ан, XI, 8-10).

Данные сведения Тацита имеют чрезвычайно важное значение, поскольку определение области между реками Эринду и Синд, а также локализация этих рек, позволяет определить и восточные границы Парфянского царства, в середине I в. н.э.

Река Эринду - это, как предположил В.М.Массон, вероятнее всего, река Герируд-Теджен, протекающая на территории

Афганистана и Туркменистана¹⁵. Но определение местоположения р. Синд вызывает значительные затруднения.

Однако представляется, что данный вопрос можно прояснить, если обратиться к средневековым письменным источникам, зачастую сохранивших названия древних топонимов и гидронимов.

В этом отношении весьма любопытно наличие в бассейне р. Мургаб нескольких селений и городов, носящих название Синдж - имеющих явное сходство с названием Синд.

Так, согласно Самани Синдж - это селение расположенное в 7 фарсах от Мерва¹⁶. По Истахри, селение Синдж находилось в одном переходе от Мерва между дорогами, ведущими в Серахс и Марваруд¹⁷, что не противоречит данным Самани, ибо 7 фарсахов представляет собой один дневной переход - мархалля.

Селение Синдж упоминает и Балазури, согласно сведениям которого из селений области Мерва только Синдж оказал сопротивление мусульманам¹⁸. Известно, что область Мерва была завоевана арабами в середине - начале второй половины VII в., что свидетельствует о существовании этого названия уже в данное время. В области Мерва имелось и другое селение с подобным названием. Согласно тому же Самани; оно называлось Синдж ал-Аббади¹⁹. По Якуту, Синдж Аббад - селение в 4 фарсах от Мерва²⁰. Заметим также, что восточные ворота шахристана древнего Мерва (Гяур-кала) назывались ворота Синджан.

Город (баллад) Синдж - имелся также в Гарчистане - горной области располагавшейся в верховьях Мургаба²¹. По данным Ибн ал-Асира город с аналогичным названием существовал также в Гуре - горной области к востоку от Герата²².

Таким образом, в бассейне Мургаба, начиная от ее истоков и кончая Мервом фиксируется ряд селений с названием Синдж, в котором отражено более древнее название Синд, в арабской графике переданное как Синдж. Исходя из этих данных можно предположить, что или вся река Мургаб или ее верховья в древности назывались Синд.

У Тацита сказано, что р. Синд отделяет дахов от ариев. В данном случае, судя по контексту, передано название племени тохаров - завоевателей Бактрии. Вероятнее всего, и арии - это обитатели области Арея, занимавшей территорию верхнего и среднего течения р. Герируд-Теджен.

Исходя из предположенной локализации р. Синд, можно полагать, что во время

восточной компании и войны с Готарзом, Варданом была захвачена территория между реками Герируд-Теджен и Мургаб, а восточная граница Парфянского государства в это время проходила по р. Мургаб-Синд, в пределах современного Афганистана.

Что же касается общей ситуации и определения зоны, входившей или непосредственно в состав парфянских владений, или находившейся под влиянием парфян, во второй половине II в. до н.э. - первой половине I в. н.э., то можно, опираясь на имеющиеся данные, предложить следующую ее реконструкцию.

Долина Амударьи - Окса, т.е. северо-западная Бактрия, в пределах юго-восточного Туркменистана и южного Узбекистана, носившая название Траксиана, принадлежала парфянам. Крайним форпостом их владений был Кампыртепе и, возможно, в определенный отрезок времени - Термез.

Часть Западной Бактрии в пределах нынешней провинций Афганистана - Балх, Джаузджан и Фарьяб являлась Сападбиза и его династии, возможно, находившейся под определенным парфянским влиянием. Далее на запад располагались владения Танлисмандата. Территория между реками Герируд-Тедженом и Мургабом-Синдом также принадлежала в это время парфянам, а река Синд отделяла парфянские владения от юечжийских княжеств Тохаристана.

Такая ситуация на парфяно-бактрийской границе сохранялась вплоть до кушанского завоевания Северной и Западной Бактрии произошедшего, вероятно, в середине второй половины I в. н.э. при Сотере Мегасе - Вите I Ток(то), бронзовые монеты которого являются наиболее ранними кушанскими монетами, происходящими из этой области.

Находки парфянских монет в Бактрии. Серебро.

Митридат II (124-88 гг. до н.э.) - 3 драхмы, Тиллятепе, Мазари-Шериф, Старый Термез.

Синатрук (77-70 гг. до н.э.) - 3 драхмы, Старый Термез, Мирзабек-кала, Меймене.

Фраат III (70-58 гг. до н.э.) - Мирзабеккала.

Фраат IV (38-3 г. до н.э.) - надчеканная драхма, Тиллятепе, обол - Орлиная горка (20 м. К востоку от Термеза).

Медь.

Ород II (58-39 гг. до н.э.) - Кампыртепе. (2 экз.)

Фраат IV (40-3 гг. до н.э.) - Кампыртепе.

Фраат V (3 г. до н.э. - 3 г. н.э.) - Кампыртепе.

Готарз II (ок. 43-50 гг. н.э.) - Кампыртепе.

Неопределенные I в. н.э. - Кампыртепе. (3 экз.)

Неопределенные I в. н.э. - Айртамский могильник. (1 экз.)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Rtveldadze E.V. Parthia and Bactria. The land of the Gryphones an Central Asia Archaeology in antigity. Torino. 1995.
2. Rtveldadze E.V. The coins of Fscigaharis. Bulletin of the Asia Institute. 6. Boston, 1992, p. 151-154; Rtveldadze E.V. Coins of the Yechi rulers of Eastern Bactria. Silk road art and Archaeology. 3. Kamakura. 1994, p. 81-95.
3. Ртвеладзе Э.В. Монеты Танлисмандата. Нумизматика Центральной Азии. I, Ташкент, 1995.
4. Rtveldadze E.V. Parthia, p. 190.
5. Марков А.К. Нензиданные аршакидские монеты. ЗВОРАО, 1892, т. VI, с. 279-281; Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. М., 1964, с. 119.
6. Пилипко В.Н. Бактрия и Парфия. Проблема границ и культурных контактов. Городская среда и культура Бактрии - Тохаристана и Согда. IV в. до н.э. - VIII в. н.э. Ташкент, 1986. С. 80.
7. Марков А.К. Указ. соч., с. 279-281.
8. De Morgan J. Manuel Icnumistique orientale. T.I., Paris, 1923, p. 155.
9. Newell E. The coinage of the Parthians. SPA, 1938, vol. I, p. 480-481.
10. Марков А.К. Указ. соч., с. 281. 10.
11. Tarn W.W. The greeks in Bactria and India. Chicago, 1984, p. 88-89.
12. Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч., с. 119.
13. Ртвеладзе Э.В. О зоне парфянских владений в Западной Бактрии. Мера в древней и средневековой истории Востока. III, Марос, 1992, с. 33-34; Кампыртепе см. Ртвеладзе Э.В. Кушанская крепость Кампыртепе; ВДИ. 2, 1984; сб. Материалы Тохаристанской экспедиции, вып. I, Археологические исследования Кампыртепе. Ташкент, 2000.
14. Rtveldadze E.V. Coins of the Yechi, p. 92.
15. Ртвеладзе Э.В. Монеты Танлисмандата., с. 51-60.
16. Массон В.М., Ромодин В.А. Указ. соч., с. 148.
17. Kitab al-Ansab as -Samani. Beyrut. 1981, т. 7, с. 165. (на арабском языке).
18. Vias reguorum. (BCA, I) Lugdun Batavorum. 1870, s. 263, 284.
19. Балазори. Футух ал-булдан. Казр, 1901, с. 412 (на арабском языке).
20. Kitab al-Ansab. т. 8, с. 336.
21. Yacut's geographies Wortebuch aus den Handschriften ru Berlin. St. Petersburg, Paris. London und Oxford. hrsg von Wisterfield. Leipzig. 1866-1877, т. 6, с. 106.
22. Yacut's т. 3, с. 163.
23. Ibn al-Athiri. Chonicaon quod perfectissimum inscribitur ed C.J.Torlberg. Upsalae und lughunu Batavorum, 1851, т. II, с. 62.

Rtveladze E.V.

Parfia and Yechiyan Bactria (Some aspects of political history).

Some aspects of interrelations of Parfia and Yechian Bactria is presented in the article. The problems of localization of some geographical names, settlements, mentioned by the ancient written sources and attributes of ancients coins have been discussed.

Матбабаев Б.Х., Грицина А.А.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ШАХРИСТАНА КУВЫ (КУБЫ).

В 1998 г. в юго-западной части шахристана городища Кува (рис. 1) был заложен раскоп 7 (Р-7), состоящий из двух частей: верхней площадки, размерами 10х10 м. и разреза, расположенного к югу от нее и являющегося непосредственным ее продолжением (рис. 2). Размеры разреза около 10х4 м. Основная цель раскопок - изучение фортификации крупнейшего городского пункта Ферганы, упоминаемого арабоязычными авторами. По их сведениям Кува - в период раннего средневековья - резиденция наследников престола (1, с. 8), а затем - второй по величине и значению город Ферганского владения, располагающийся на большой торговой трассе, связывающей глубинные районы Передней и Центральной Азии с Восточным Туркестаном (Синьцзяном) и далее с Китаем (2, с. 20, 23, 31-32, 38 и др.; 3, с. 26; 4, с. 212; 5, с. 214-220).

Другой важной задачей раскопок являлось изучение нижних слоев городища и, по мере возможности, выявление времени сложения первых оседлоземледельческих поселений на его месте.

Что касается верхней площадки раскопа - то основной задачей здесь являлось выявление и изучение слоев и остатков архитектуры VIII-XII вв.

Изучение фортификации.

Разбивка раскопа на яруса традиционно ведется от триангуляционной вышки, расположенной на цитадели городища (1, с. 14).

Следует отметить, что изучению фортификации на городище Кува всегда уделялось достаточно много внимания. И это не случайно. Ведь оборонительные сооружения, являлись не только важнейшим определяющим

фактором процесса урбанизации общества, но и служили своеобразным индикатором, по которому можно судить о той или иной военной или даже политической ситуации, подчас не отраженных даже в письменных источниках, но оставляющих, в той или иной форме, свои следы на стенах (6, с. 194; 7, с. 1).

Уже при первых широкомасштабных раскопках в 1956-1957 гг. И.Ахраровым и М.Аминджановой был произведен поперечный разрез северной стены шахристана городища (1, с. 11-12). По данным И.Ахрарова разрез имел следующие размеры: ширина 2 м., длина 25 м., высота 11 м. Им выделено пять разновременных стен, общей толщиной до 12 м. При этом, первые четыре стены относились к раннему средневековью, а последняя - к первой половине XI в. Правда, он отмечает, что стоит она на остатках стен X в. В последний период функционирования этой стены (конец XII - начало XIII вв.) она неоднократно ремонтировалась с использованием сырцовых кирпичей размерами 36х18х5 см. (8, с. 61-62).

Что касается датировки первой, наиболее ранней городской стены, то материалов для ее определения было получено мало. На основании косвенных данных И.Ахраров датировал ее VII в. (8, с. 62). К несколько более раннему времени возведение первой крепостной стены относит В.А.Булатова - к V-VII вв. н.э. (1, с. 12).

В центре упомянутого выше разреза был заложен небольшой шурф, в пределы которого попала пахсовая стена высотой чуть более 1 м, отнесенная автором раскопок к концу III в. н.э. Отмечено наличие и более ранних культурных слоев, изучение которых оказалось

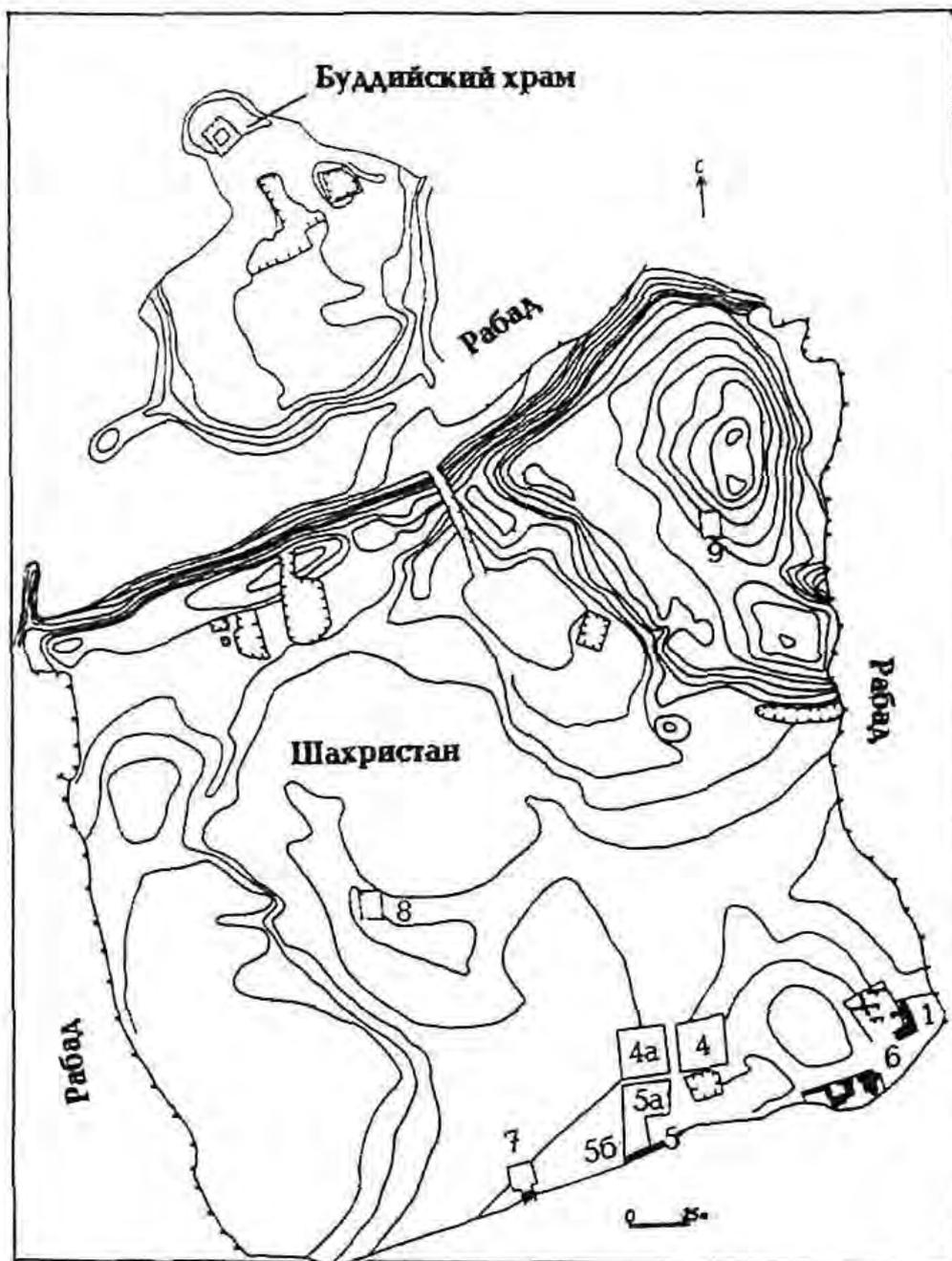

Рис. 1. Городище Кува с раскопами 1998 года.

невозможным из-за выступившей воды (8, с. 62). Наличие культурных слоев не ранее I в. до н.э. - III в. н.э. фиксировалось и в других частях городища (8, с. 63; 1, с. 10, 13-14).

Однако дойти до материка за все предыдущие годы, из-за высокого уровня грунтовых вод, так и не удалось.

Но вернемся к нашему разрезу. Следует отметить, что в разрезе южных стен шахристана, начиная с конца XXIII-XXIV ярусов, прослеживалось наличие четырех основных последовательно расположенных стен. Пристальное внимание было уделено археологическим материалам, извлекаемым

отдельно из каждой стены. Однако все оказалось не так просто. В пределы разреза попала только часть первой стены толщиной около трех метров (рис. 3, 4). Она оказалась к тому же сильно нарушенной врубленным в нее помещением и бадрабом караханидского времени. Уровень пола вырубленного в теле этой стены помещения был зафиксирован в конце XXV - начале XXVI ярусов. На северной стене разреза фиксируются следы интенсивного обживания этого помещения в течении довольно длительного времени. В XXII ярусе прослеживаются последствия сильного пожара в виде обгорелой земли и

остатков сгоревших бревен и жердей (может быть, от кровли).

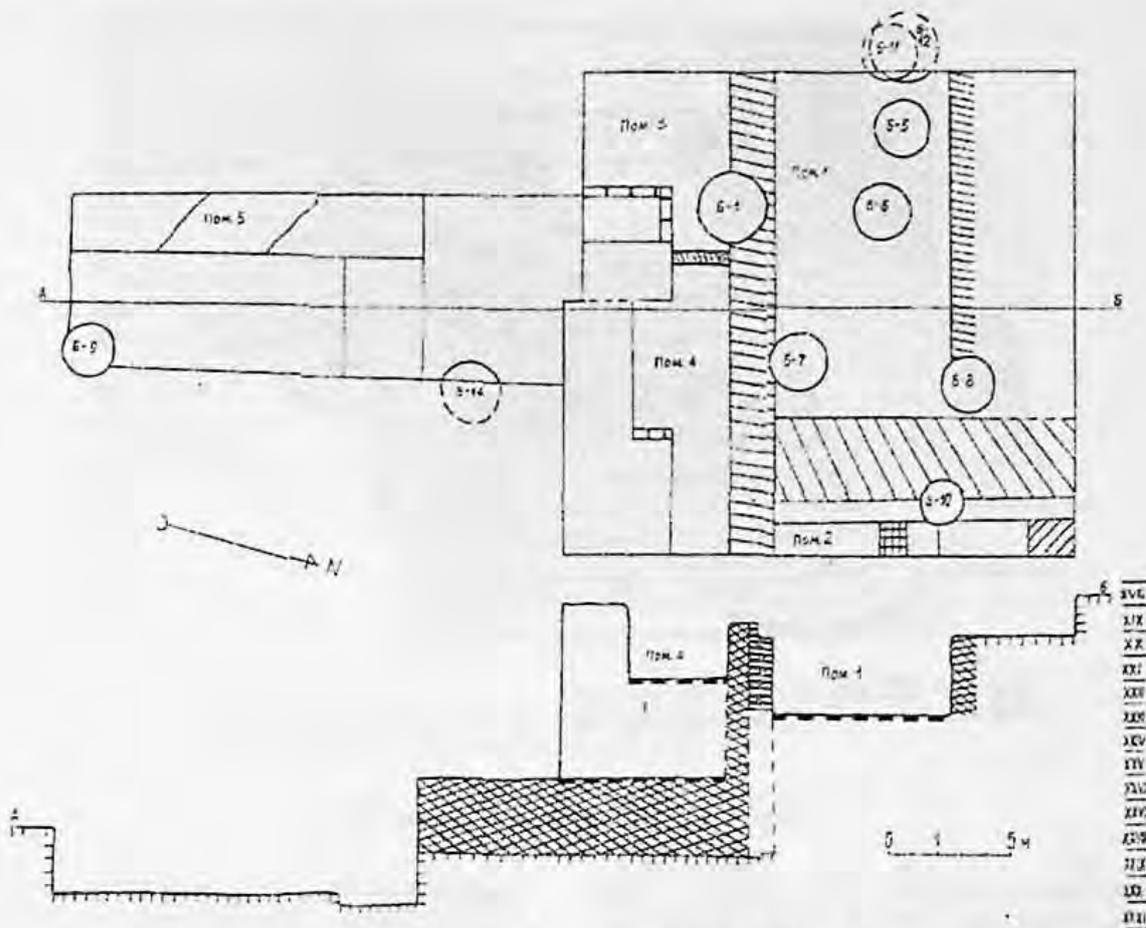

Рис.2. План и разрез раскопа P-7

В пол этого помещения было врыто два хума, расположенные в полутора метрах друг от друга. Между хумами прослежен горелый участок с пеплом и очажное пятно диаметром 29 см, угли, кости домашних животных.

По причине обеспечения спуска в разрез, начиная с конца XXVI яруса, раскопки первой оборонительной стены были прекращены. Внешний фас этой стены ниже XXVI яруса сохранился очень хорошо. Поверхность его строго вертикальна. Она отделяется от следующей стены тонкой желтой прослойкой оплыва (2-3 см. толщиной), которая четко прослеживалась поперек всего разреза. Основание стены зафиксировано в первой четверти XXIX яруса (рис. 3, 4). Стена была возведена из пахсы, а в верхней части, возможно, из крупноформатных сырцовых кирпичей, размеры которых из-за сильной разрушенности снять не удалось. Не исключено, что эти кирпичи являлись более поздней ремонтной надстройкой. Внутри стены использовалась и так называемая «ленточная пахса», которая резко выделяется

своим темно-зеленым «болотным» цветом, варьируя по длине и толщине, иногда напоминая кирпичную кладку.

Следующая за ней стена (вторая) оказалась самой тонкой. Сложена она из однородной пахсы и имеет заметный склон, постепенно расширяясь к низу. Наибольшая ее толщина не превышает двух метров. Под этой стеной зафиксирован хум с проломленной верхней частью (рис. 4). Внутри находились его же обломки и земля. Не исключено, что в хуме находилось погребение, так как погребения в хумах уже находили на городище (1, с. 11). Хумы с погребениями, углубленные в «черноту» (как и в нашем случае находили и в отчетном сезоне (Матбабаев Б.Х.). При возведении стены оно могло быть перезахоронено в другом месте, а поврежденный хум оставили на месте в фундаменте возводимой стены.

На фасае второй стены отмечен довольно мощный слой оплыва (до 30 см. и более), в отличие от первой, и свидетельствующий о более длительном периоде ее эксплуатации.

Основание этой стены также фиксируется в XXIX ярусе (рис. 3, 4).

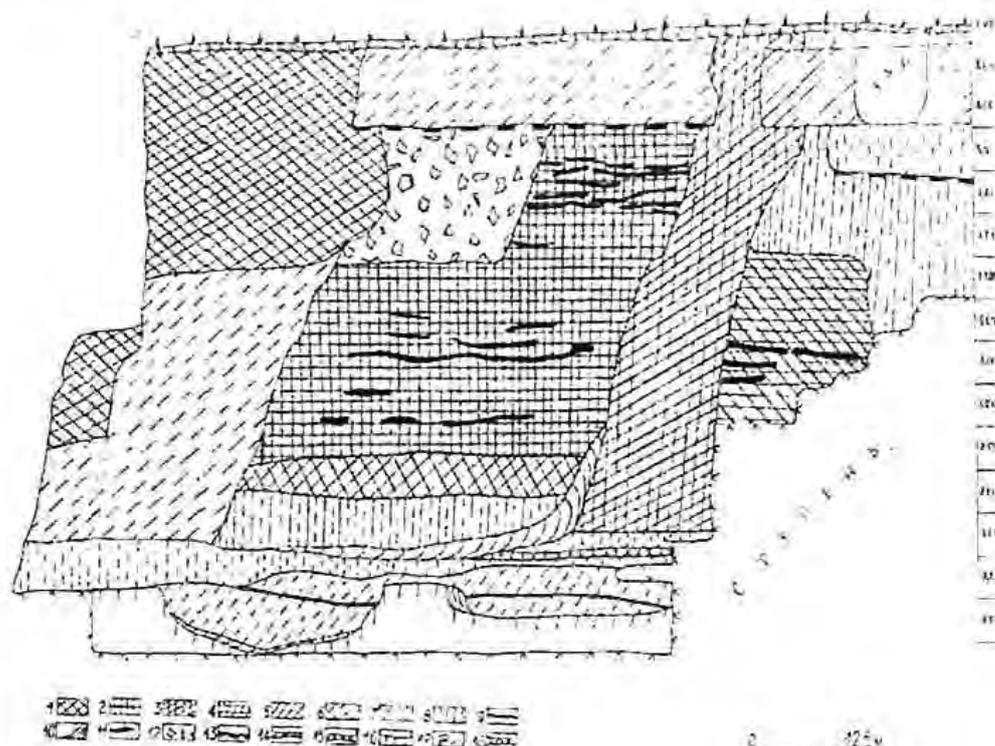

Рис.3. Разрез Западной стены на Р-7

Следующая (третья по счету) стена оказалась самой сложной по своей внутренней структуре. Ее основание возведено на оплывах предыдущей стены. При этом был подготовлен мощный фундамент, состоящий из двух частей. Нижняя часть, расположенная в XXVIII - XXVII ярусах, возведена из плотной пахсы светлого цвета. Затем над ней был возведен еще один более плотный монолит из пахсы болотного цвета толщиной до 0,5 м. и более. В разрезе (и на западной, и на восточной стенах) хорошо видно, что эта часть фундамента возводилась в два этапа, которые четко отделяются друг от друга. Сначала была возведена северная часть фундамента, а по прошествии некоторого времени к ней была пристроена южная его часть. По всему видно, что стена возводилась основательно, не спеша, строители - фортификаторы имели солидный запас времени.

Выше фундаментов шла обычная пахса, в которой широко применялась «ленточная пахса». Для чего строителям понадобилось применять этот способ строительства, который несомненно задерживал и усложнял ход выполнения их задач (возведение стены) остается пока загадкой. Возможно, это была своеобразная арматура, скрепляющая пахсу и

одновременно выполняющая роль сейсмопояса. Общая толщина стены - чуть более 4 м. (рис. 3, 4).

Внешняя часть третьей стены оказалась сильно поврежденной. Особенно ее верхняя часть, где она была частично срублена, а вырубка впоследствии была заполнена кусками пахсы и обломками кирпичей. Кроме того, верхняя ее часть нарушена постройками караханидского времени, хотя и в меньшей степени, чем первая стена.

И наконец, последняя и самая поздняя по времени стена возведена на довольно значительном культурном слое XI в. (материалы этого времени в виде поливной и неполивной керамики, материалы из бадраба, расчищенного под этой стеной, в том числе и монета первой четверти XI в., не оставляют в этом сомнения). Видимо, в это время, когда предпоследняя стена уже утратила свое значение, территория перед ней активно обживалась. Перед тем, как начать возведение последней стены были засыпаны крупные выбоины и повреждения предыдущей стены. Вместо фундамента под стену использовалась подсыпка. Структура ее довольно рыхлая.

Основание последней стены фиксируется выше остальных стен в конце XXVI - начале XXVII ярусов. Первоначальная ее толщина не

поддается измерению, так как снаружи она сильно разрушена. Возводилась она из рядов

пахсы, междуярьде которых довольно четко прослеживается снаружи.

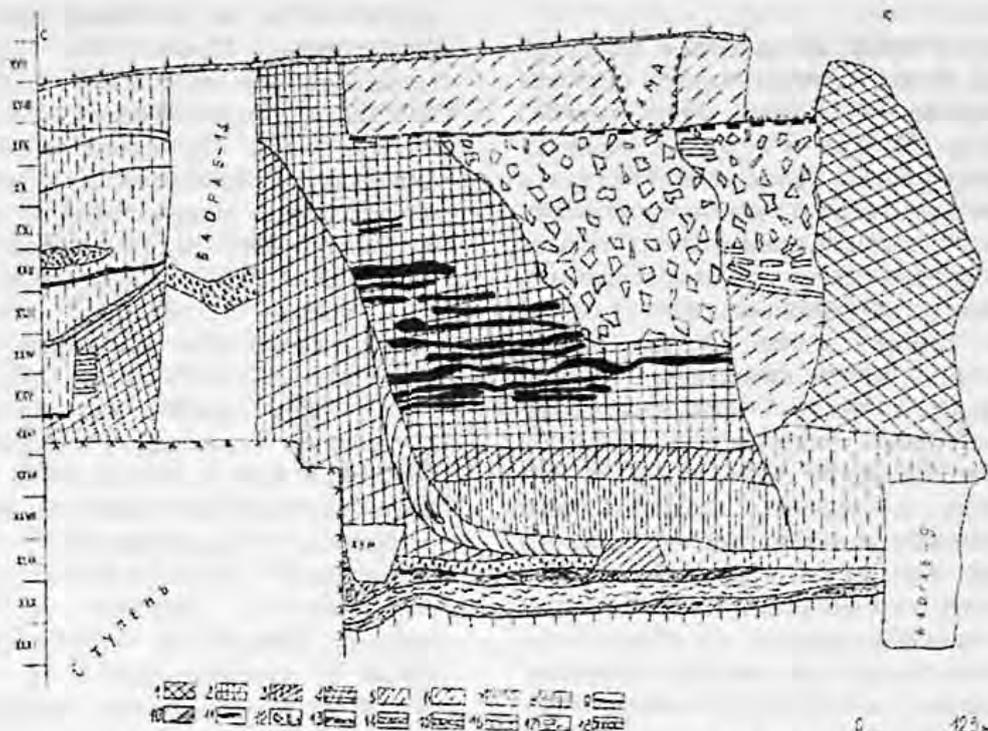

Рис. 4. Разрез восточной стены на Р-7

Отметим, что заполнение разреза представляло собой грунт средней плотности, местами плотный, насыщенный керамикой и относительно небольшим количеством окатанных камней. Причем количество керамики заметно уменьшилось ближе к основанию стен. В южной части разреза, связанной с последней стеной, грунт сначала средней плотности, а под стеной рыхлый с включением керамики, костей животных, окатанных камней. В XXVII ярусе в рыхлом грунте (возле западной стены разреза) найдена часть черепной коробки человека. Других частей черепа, а так же каких-либо следов могильной ямы не зафиксировано.¹

В XXIX ярусе, ниже фундамента вышеописанных стен, характер культурного слоя изменился. Пошел грунт средней плотности «болотного» цвета. Были зафиксированы пахсовые стены и уровень пола, связанный с ними. Сохранившаяся высота стен около 40 см, толщина в нижней части 90 см, в верхней - до 60 см. Культурный слой выявленных помещений представлял собой гумусированные прослойки зеленоватого цвета с небольшим количеством находок (рис. 3, 4). Мощность этого слоя не

превышает 40 см. и он хорошо прослеживается на всех трех стенах разреза. Видимо эти стены и культурный слой синхронны стенам, которые были отмечены в разрезе И.Ахрарова и датированные им концом III в. н.э. (8, с. 62-63), а также стенам, отмеченным в других частях городища и датированные от I в. до н.э. - III в. н.э. (1, с. 10-11; 8, с. 61).

Начиная с XXX яруса и до конца XXXI яруса шел слой резко отличающийся от предыдущих своим черным, насыщенным зольно-органическими отложениями, цветом. При этом следует отметить, что слой этот шел не сплошным массивом, а разделялся более светлой полосой (прослойкой). Количество керамики увеличилось. Попадались кости животных. Отмечен и такой факт - в отличие от предыдущих слоев, окатанные камни (галька) попадались не в целом виде, а расколотыми. Любопытно в связи с этим отметить, что в синхронных слоях нуртепинской культуры Уструшаны также встречался галечник в осколках. Видимо, это не случайно и осколки могли использоваться в качестве примитивных орудий труда (9, с. 8-11).

Примерно в третьей четверти XXX яруса разрез был разделен вдоль на две части и раскопки продолжались вдоль восточной

¹ Черепная коробка передана антропологу С.С.Мустафакулову, он же тщательно обследовал место ее находки.

стороны разреза (рис. 4). Начиная с XXXI яруса пошел материк - мокрый лёсс, сквозь который постепенно начала просачиваться вода.

Поскольку в срезе оставленной западной части ступени четко прослеживались контуры землянки шириной 235 см, было решено вскрыть ее (рис. 3). Как и в других участках нижнего культурного слоя, в землянке прослеживалось два слоя зольно-органических отложений черного цвета, разделенные «слоем запустения» светлого цвета. На дне землянки, на ее полу зафиксированы участки прокаленной земли, много золы. Кроме керамики, найдены кости животных, довольно много небольших, с грецкой орех, окатанных камней, два обломка от зернотерок. Глубина землянки - в пределах 80 см. О том, что это была землянка, а не яма хозяйственного назначения, говорит сам характер культурного слоя, носящий явно жилой характер (наличие очага или очагов, керамика, кости животных и т.д.). Длину землянки измерить не удалось, так как она выходит за пределы раскопа (разреза).

Таким образом, в отличие от предыдущих раскопок, впервые удалось достигнуть материка, проследить полностью, стратиграфическую ситуацию и получить материалы, характеризующие древнейшее поселение.

Раскопки на верхней площадке.

Раскопки на верхней площадке начались с XIX-XX ярусов. Здесь было вскрыто несколько помещений позднекараханидского времени. В ходе раскопок сделаны следующие наблюдения.

В центре верхней площадки располагалось помещение, условно названное нами «баней» или помещение 3 по нумерации М.Хасанова. Пол помещения был выложен жжеными кирпичами «елочкой» - прием выкладки полов, распространенный в позднекараханидское время (10, с. 90, рис. 29; 11, с. 35, рис. 15). Размеры кирпичей 27x14x3 см. Пол вогнут. О том, что данное помещение использовалось для водных процедур (комната для омовений) свидетельствует тот факт, что под полом особенно в южной его части зафиксирован мощный гумусный слой. Трудно сказать был ли какой-то водоотвод из помещения, т.к. его следов обнаружено не было. Скорее всего, вода просачивалась сквозь щели между кирпичами (рис. 2).

Стены помещений верхней площадки были выложены не совсем обычным способом. Внешние края стен оформлялись кладкой из сырца, шириной в полкирпича.

Образовавшееся, между ними пространство забивалось грунтом и строительным мусором. Таким образом, общая толщина стен достигала 60 см. и более вместе со слоями штукатурки. Поверхность стен тщательно штукатурилась несколько раз в течение всего времени функционирования помещений.

Отметим, что кроме обычной кладки в перевязку, использовалась и комбинированная кладка, когда между двумя или тремя рядами кирпичей, шел ряд кирпичей, поставленных «на попа». Размеры кирпичей (сырцовых) из стен «бани» 31-32x15,5x5 см., при этом в южной стене они несколько отличались по размерам - 32x16x6 см. или 30x16x5,5 см.

В ходе работ на верхней площадке попадались жженые кирпичи размерами 37x20x3,5 см; 21,5x21,5x4-4,5 см. Интересен нестандартный по размерам жженный кирпич (вероятно, бракованный) с нарушенной симметрией 37,5x19x22x3,5 см. Находок, связанных с данным уровнем, сделано немного. Среди них - фрагмент грибовидной ручки от крышки, фрагмент стенки котла с подковообразной ручкой, пуговица из стенки неполированного сосуда (их иногда называют прислицами), несколько бесформенных черепков от различных неполированных сосудов. Найден только один фрагмент сосуда, покрытый сплошной поливой белого цвета, и со сквозным отверстием, сделанным для его ремонта. Среди других находок отметим венчик от бронзового сосуда и куски ошлакованных криц т.н. первого порядка, к которому относят крицы с большим содержанием шлака и, соответственно, с малым содержанием металла. Подобные крицы нуждаются в дополнительной обработке, когда они переходят в разряд второго порядка - становятся пригодными для употребления в качестве кузнечного сырья (15, с. 168).

После того, как был убран пол «бани», под ним оказался нижележащий уровень пола. Почти в центре раскопа расчищен своеобразный очаг, возможно, тандыр. Для его изготовления, вероятно, была использована средняя часть хума. Изнутри очага было много золы, вокруг него - сильно прокаленная земля. Диаметр очага 65 см. В 110 см. к северу от него зафиксировано бесформенное очажное пятно в виде красной прокаленной земли. Рядом с ним - угли и зола. К западу от очага зафиксированы остатки сгоревшей стойки диаметром 26-27 см.

После снятия стен верхнего строительного горизонта, раскопки

продолжались в четырех выявленных помещениях.

Помещение 1 расположено в центральной части раскопочной площадки и вытянуто с запада на восток. Ширина его составляет 360 см, длина в пределах раскопа - 715 см (западная его часть выходит за границу раскопа). Толщина южной стены 90 см. Выложена она из сырцовых кирпичей размерами 49х24х9 см, с небольшим варьированием по длине и ширине. Размеры кирпичей характерны для раннесредневековых памятников. Не исключено, что эта стена являлась северным (внутренним) фасом первой крепостной стены, которая, как уже отмечалось выше, в верхней части была выложена из кирпичей.

Северная стена пом. 1 сложена частично из пахсы (западная половина) и частично из кирпичей указанного выше размера. Толщину ее выявить не удалось, так как небольшая полоса вдоль северной стороны не вскрывалась. Восточная стена, видимо, была первоначально сложена из пахсы. По крайней мере, структура ее оказалась до конца не выявленной. Но можно утверждать, что западный ее фас выложен был из кирпичей указанного выше формата. Толщина этой стены не превышает 2 м. (рис. 2).

Раскопки данного помещения были доведены до начала XXIII яруса. В ходе раскопок зафиксировано четыре уровня полов. При каждом очередном обживании помещения нижний уровень тщательно забутовывался и производился очередной ремонт стен. Особенно это касалось южной стены, которая, видимо, более других стен подвергалась разрушениям. Южная и восточная стены продолжают вниз. Восточная стена уходит за пределы северной стены помещения, из чего следует, что северная стена была приставлена к ней позднее. Северная стена как - будто бы заканчивается в XXII ярусе и связана с III уровнем (сверху) пола (рис. 2).

Помещение 2 расположено к востоку от пом. 1 и имеет общую с ним стену, описанную выше. Расстояние между южной и северной стенами 520 см. Восточная стена помещения находится за пределами раскопа. Раскопки здесь были доведены до XXIII яруса. Внутренняя часть южной стены совпадает с линией южной стены пом. 2, что может также служить в пользу того, что она являлась северным фасом первой крепостной стены. Заполнение помещения довольно рыхлое, особенно в северной части. В ходе раскопок зафиксирована поперечная стена, делящая помещение на две почти равные части (рис.

2). В конце XXII-XXIII ярусах зафиксированы следы сильного пожара. Восточная и южная стены оказались сильно, докрасна прокалены. Учитывая, что помещения активно использовались в караханидское время и совпадение ярусов, можно предположить синхронность этого пожара с тем, что был отмечен в разрезе (см. выше).

Помещение 3 расположено в юго-восточной части верхней площадки и имеет общую стену (северную) с пом. 1 (рис. 2). Стена эта была не выложена, а вырублена в теле первой оборонительной стены. Раскопки были начаты в конце XX яруса и доведены до конца XXI яруса (рис. 2), где зафиксирован уровень пола. Заполнение представляло собой рыхлый, горелый слой с большим количеством угля, золы, обломков сырцовых кирпичей и пахсы. На полу помещения, примерно, посередине его был расчищен очаг, интересный тем, что дно его выложено керамикой от неполированного кувшина. Размеры очага 33х35 см. Недалеко от очага, возле северной стены отмечены остатки сгоревшей балки диаметром 28 см. Западная и южная стены пом. 3 находятся за пределами раскопочной площадки.

Помещение 4 также вырублено в теле первой крепостной стены. Северная его стена является общей с пом. 1 и 2. Помещение 3 соединяется с пом. 4 дверным проемом. Зафиксирована сгоревшая балка от порога (нач. XXII яруса). Стена, разделявшая эти два помещения была подправлена сырцовыми кирпичами. Толщина ее 120 см (рис. 2). Оно вскрыта частично вдоль северной стены по уровню пола.

Керамика из помещений верхней площадки.

Помещение 1. Из помещения получен, хотя и не очень многочисленный (в смысле наличия форм), но достаточно выразительный керамический комплекс (рис. 5, 1-19).

Хумы и хумча формировались на круте из глины среднего качества равномерного обжига. Поверхность коричневатого цвета без каких-либо украшений. Тулово плавно переходит в оттянутый наружу венчик. Шейка короткая (рис. 5, 1-2, 3, 13). К типу горной посуды, видимо, следует отнести еще два сосуда, сформированных ручным способом. Тесто грубое, хотя черепок тоньше, чем у хумов (рис. 5, 12, 17). Закрайина либо прямая, либо слегка профилирована наружу.

Кувшины - наиболее распространенный тип посуды. Все они формировались на круте быстрого вращения из глины высокого качества. Некоторые из них несут следы

окраски. Горловина четко отделяется от тулова сосуда. Практически все они снабжены скобковидными ручками, верхний конец которых крепился чуть ниже закраины (рис. 5, 4-8, 15). Поверхность довольно редко украшалась процарапанным орнаментом в виде прямой или волнистой гребенки (рис. 5, 11).

Горшки заметно уступают по качеству изготовления кувшинам. В тесте присутствуют посторонние примеси. Тулово сосуда плавно переходит в простой по форме венчик, отклоненный наружу (рис. 5, 13).

Чаши двух типов. К первому широко распространенному типу относятся сосуды с прямостоящим или слегка наклоненным вовнутрь венчиком (рис. 5, 16), выполненные на круге. Ко второму типу относятся, наоборот, редко встречаемые чаши с довольно сложным изломом бортика. Сосуды с обеих сторон покрыты нестойким «сmyвающимся» ангобом. Придонная часть подрезана. Сосуды часто небрежно срезались с гончарного круга, так, что нижняя часть дна оказывалась не круглой, а бесформенной и асимметричной (рис. 5, 14).

Кружки формировались на круге, глина качественная, поверхность покрыта красно-коричневым или нестойким красным ангобом. Ниже венчика располагается рельефный ободок. Ручки кольцевидные, с характерным округлым налетом в верхней части (рис. 5, 9-10). Подобные кружки встречались среди керамики из третьей оборонительной стены (см. ниже).

И еще один тип редко встречающихся сосудов - сковороды. Они изготавливались ручным способом из жаростойкой глины, довольно небрежно. Внутренняя поверхность заглажена, без следов копоти (рис. 5, 19).

Описанный керамический комплекс находит прямые аналогии с самого городища Кува, который проанализирован в обстоятельной статье Д.П.Вархотовой, и относится к VII-VIII вв. н.э. (24, с. 144-158, рис. 1-2).

Помещение 2. Керамики немного. В основном это стенки от тарной посуды и котлов. Есть несколько фрагментов от поливной посуды, которая дает возможность датировать помещение караханидским

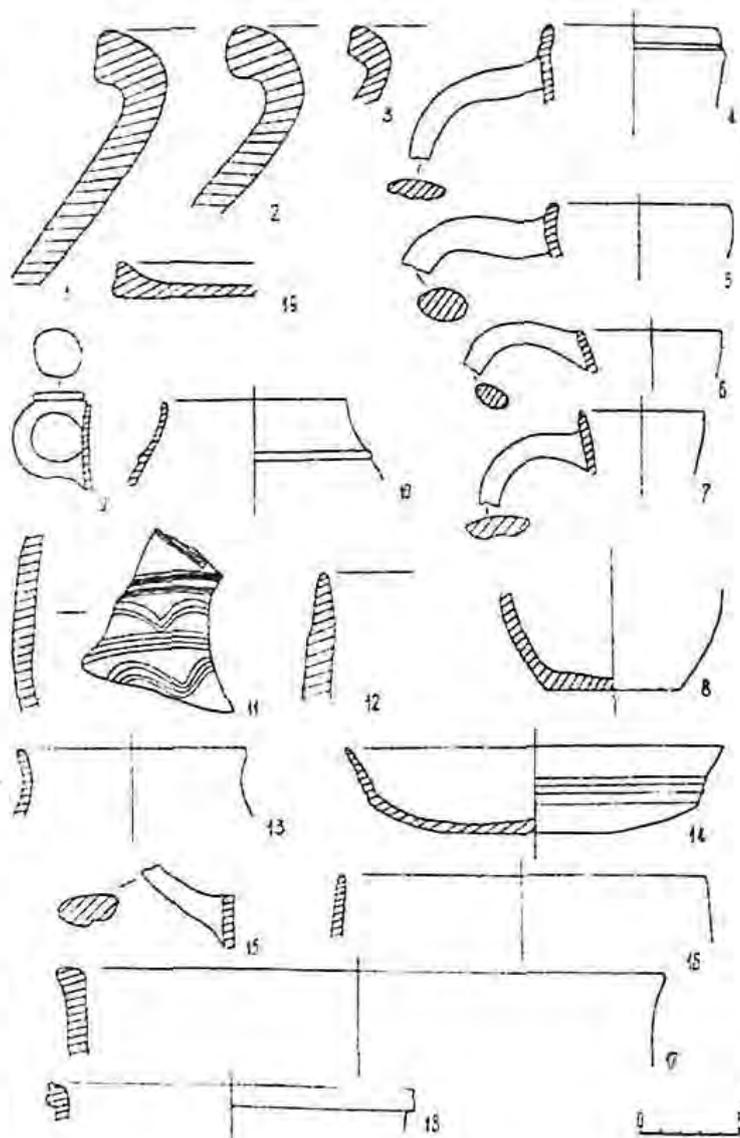

Рис. 5.

временем. Это донце блюда с кольцевым вырезом, покрытое глухой поливой зеленого цвета с несложным гравированным подглазурным орнаментом, и фрагменты стенки сосуда с росписью растительного характера, выполненной красками болотного цвета по светло-желтому фону. В помещении был вскрыт целый хум, который находился впритык к южной стене. Он оказался тонкостенным и с очень рыхлым черепком. При извлечении его из грунта (он находился ниже уровня XXIII яруса, на котором раскопки были приостановлены) он рассыпался на мелкие части. Возможно, что хум относится к раннему средневековью, так как по качеству изготовления и форме венчика он напоминает хум из пом. 1 (рис. 5, 17).

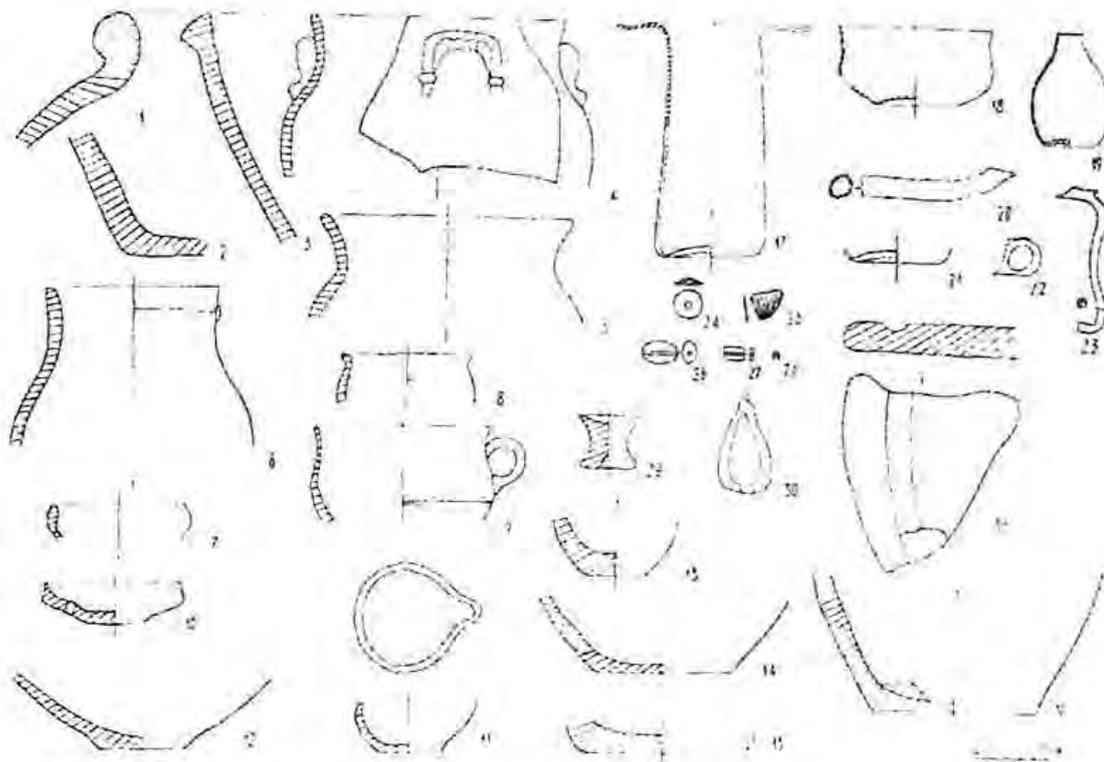

Рис. 6. Материалы из бадраба №1

Помещения 3 и 4. Два связанных между собой помещения которые также дали не очень много форм. Среди керамики преобладают обломки хумов, котлов, кувшинов. Поливной посуды очень мало. Есть несколько фрагментов, т.н. монгольской керамики под бирюзовой поливой, которую датируют концом XII-нач. XIII вв. В пом. 3 найдено блюдо на вогнутом поддоне, расписанное темно-коричневой краской по желтому фону. Подобная керамика характерна для Ташкентского оазиса (31, с. 98; 32, с. 49), где она датируется позднекараханидским временем. Отметим наличие тонкостенной краснолощенной керамики также характерной для караханидских комплексов Ферганы и соседней Уструшаны (33, с. 15; 34, с. 194-195).

Бадрабы.

В ходе раскопок полностью вскрыто шесть бадрабов и один частично. Всего же зафиксировано 14 бадрабов (рис. 2).

Бадраб 1 прорезает стену между пом. 1 и 3. Диаметр его 140 см. Он явно опущен с верхнего строительного горизонта. Заполнение его рыхлое, с обильным включением гумуса, керамики и стекла. Есть обломок жженого кирпича толщиной 5 см.

Керамика из бадраба исключительно неполивная. Хумы, судя по сохранившимся

фрагментам, имели яйцевидную форму, плоское днище, короткую шейку, переходящую в овальный венчик. Глина среднего качества, равномерного обжига. Поверхность светло-коричневого цвета, как правило, без каких-либо украшений, и заглажена так, что порой трудно определить способ формовки. Скорее всего, они изготовлялись на гончарном круге (рис. 6, 1-2).

Гораздо шире представлены кувшины различных размеров, с прямостоящими венчиками или слегка загнутыми вовнутрь. Практически все сосуды сформованы на круге и отличаются хорошим качеством обработки. Нередко они снабжались ручками. Внутренняя поверхность ребриста. Иногда на дне сосудов оставались спекшиеся куски глины (рис. 6, 6-7, 12-16).

Среди другой категории наиболее часто встречающихся сосудов - котлы. Сосуды формировались на круге и ручным способом. Имеют шаровидную форму с оттянутым наружу овальным в сечении венчиком и с двумя подковообразными ручками. Ручки украшались насечками и вмятинами от пальцев (рис. 6, 4-5).

Остальные типы сосуды представлены единичными экземплярами, либо относительно небольшим количеством форм. Среди них венчики горшочков и кружек с кольцевидной

ручкой (рис. 6, 8-9), целый чиражок в виде плоски с выделенным носиком (рис. 6, 11), археологически целый сосудик, также в виде плоски, со сквозным отверстием и отбитой ручкой (рис. 6, 10), грибовидная ручка от вогнутой крышки (рис. 6, 29), практически целая керамическая погремущка (рис. 6, 30), фрагмент дастархана или крупной крышки (рис. 6, 31).

Стеклянные изделия представлены несколькими типами обиходной посуды. Среди них выделяется верхняя часть тувака из светло-зеленого стекла. Сосуды этого типа из-за их хрупкости встречаются довольно редко. Судя по сохранившейся части, тувак имел цилиндрическую форму (рис. 6, 17). На Афрасиабе известны сосуды гигиенического назначения с резко расширяющимся туловом к днущу (13, рис. 5, 11). Очень похожей формы сосуды в Узгене названы вазами (14, с. 239, рис. 58, 8), а в Казахстане кринкообразными сосудами (15, с. 165, рис. 69, 1-4). Аналогичные сосуды происходят с городища Ана-Кызыл (54, с. 67-69, рис. 271). Все они относятся к караханидскому времени. К несколько более раннему времени (X-XI вв.) относятся туваки из Бинката (55, с. 240, рис. 2 (21); рис. 3 (8)).

Среди других находок из стекла имеется венчик чаши из темно-зеленого стекла (рис. 6, 18), флакон с отбитой закраиной (рис. 6, 19), вогнутое донце из черного стекла, большое количество осколков от трубок-сумаков (рис. 6, 20), скобкообразная ручка из мутно-зеленого стекла и кольцевидная ручка из почти черного стекла с «пяточкой» - наплывом в верхней части (рис. 6, 22-23). Из других находок отметим пуговицеподобный кружок из свинца (рис. 6, 24) и несколько бусин из лазурита, камня и пасты различных форм и размеров (рис. 6, 26-28). Отметим, что многие стеклянные изделия из разноцветного стекла известны и по другим раскопам на городище Кува (16, с. 22-28, рис. 1-4; 17, с. 84, рис. 1; 18, с. 48-50; 44, pp. 126-132). Что касается бус, то эта категория находок также являлась объектом специального исследования (19, с. 87-99) и все вышеотмеченные формы уже встречались на городище.

Бадраб 5 находится в северо-западной части пом. 1. Диаметр его составляет 115 см. Заполнение ямы рыхлое с обильным включением гумуса и золы, керамики.

Хумы и хумча формировались на круге из глины среднего качества, как правило, без посторонних включений. Днище плоское,

шероховатое. Толщина черепка - до 2 см. и более. Тулово, видимо, яйцевидной формы плавно переходящее в овальный венчик. Некоторые сосуды оформлялись по нижнему краю венчика характерными зашипами (рис. 7, 1-2, 4).

Видимо, к этой категории сосудов можно отнести сосуд с простым по форме венчиком, являющимся как бы продолжением его стенок, но наклоненный вовнутрь. По качеству изготовления он не отличается от хумов и хумча, но подобная форма встречается редко (рис. 7, 3).

Котлы формировались на круге и ручным способом. Кружальные сосуды выделяются высоким качеством изготовления, имеют оттянутый венчик несложной формы (рис. 7, 8).

Котлы ручной формовки грубее и, как правило, имеют простой прямостоящий венчик (рис. 7, 6-7).

Горшки представлены венчиком небольшого сосуда с петлевидными ручками, сформованного на круге из глины хорошего качества (рис. 7, 9).

Кувшины - одна из наиболее многочисленных групп сосудов. Все они сформованы на круге, глина качественная, поверхность светлого цвета. Горловина отделяется от яйцевидного тулова. Венчик прямостоящий или слегка загнут вовнутрь, нередко разделенный ложбинками на одну или две части. Ручки - скобовидные, овальные в сечении, верхним концом крепились чуть ниже закраины (рис. 7, 15-18).

Кружки представлены единственным экземпляром в петлевидной ручкой, без ангоба (рис. 7, 11).

Интересна поделка не совсем понятного назначения в виде плоски с отверстием в резервуаре. Внутренний край его украшен врезным орнаментом. С наружной стороны под венчиком имеется кольцевой выступ. Скорее всего - это насадка на устье сосуда. Следы копти на дне резервуара могут указывать на то, что она являлась частью чилима (рис. 7, 12).

Из прочих находок отметим пряслице и обломок массивной поделки грубо обтесанной со всех сторон (рис. 7, 13-14), рог козы и череп от какого-то грызуна, фрагмент бесформенного изделия из железа, глазковая пастовая бусина и донце сосуда со сквозным отверстием (рис. 7, 10). Кроме того, найден разбитый стеклянный флакончик.

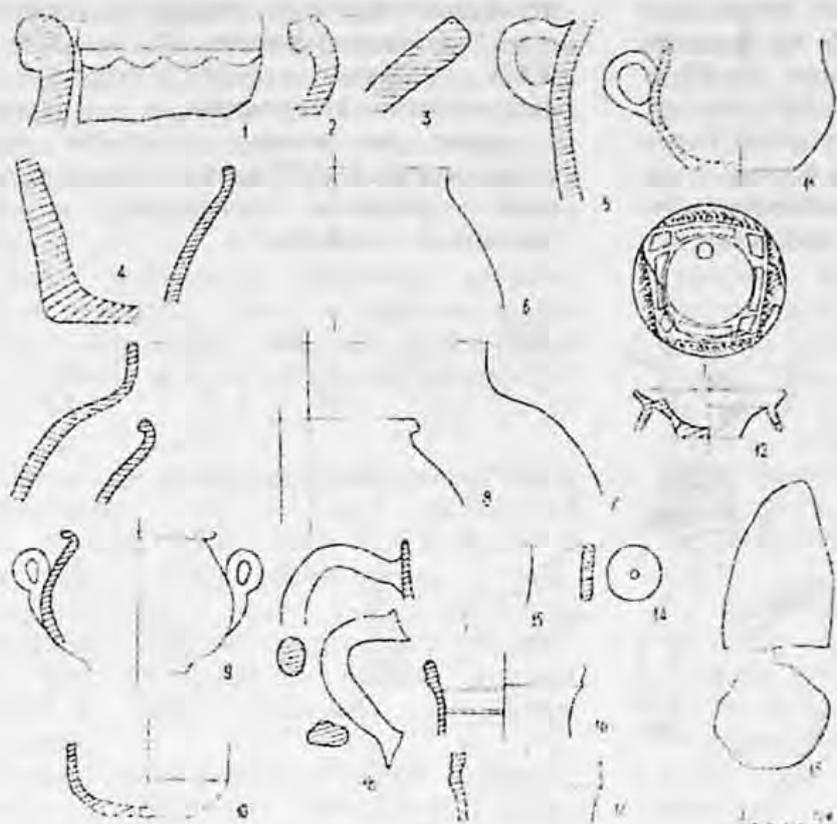

Рис. 7. Материалы из бадраба №5

Бадраб 6 расположен примерно посередине пом. 1 (рис. 2). Диаметр его 120 см. Яма была плотно забита, видимо, намеренно, когда возводили над ней пол. Находок немного: венчики хумов двух типов, которые уже отмечались выше (рис. 8, 13-14), котлы с подковообразными ручками (рис. 8, 15), венчики широкогорлого кувшина и целый поливной чираг (рис. 8, 16). Чираг имеет традиционную форму в виде плоски с носиком для фитиля. Сосуд покрыт сплошной поливой зеленого цвета. Качество изготовления сосуда намного лучше неполивных, выделено плоское донце. Создается впечатление, что древняя форма чирагов (в виде плосок) на Куве сохраняется достаточно продолжительное время.

Среди других находок имеется медная подвеска в виде кольца с округлым отростком (хранятся в фондах Кувинской экспедиции), обломок монеты,¹ мелкие осколки стеклянных сосудов.

Бадраб 7 расположен недалеко от юго-восточного угла пом. 1 частично прорезая южную стену. Диаметр его 120 см. (рис. 2).

В яме находилось много золы (быть может, она связана и, следовательно, синхронна с описанным выше керамическим очагом или горном). Нижняя часть ямы была заполнена плотным грунтом, на самом дне находились обломки пахсы. Находок немного. Это венчик котла с подковообразной ручкой, украшенный вмятинами, венчик горшка и венчик тонкостенной красноангобириванной чаши (рис. 8, 19, 21, 23). Есть целый чираг в виде плоски (рис. 8, 20). Оригинален венчик сосуда из зеленого стекла, оформленный в виде розетки (рис. 8, 18).

Кроме описанных сосудов, в бадрабе 7 находились черно и краснолощенные черепки, стенки от крупных сосудов, осколки стекла зеленоватого цвета.

Бадраб 8 находится в северо-восточном углу пом. 1. Диаметр его около 110 см. (рис. 2). Яма прорезает северную стену помещения. Глубина ее 220 см. Заполнение бадраба рыхлое, с большим содержанием гумуса. Керамика представлена ручками от кувшинов, фрагментами от хумов, котлов с подковообразными ручками, горшков и кувшинов. Есть венчик хума с защипами. Бадраб 8 дал несколько интересных находок. Это, прежде всего, чаша с волнистым бортиком и кольцевидной ручкой раннесредневекового типа (рис. 8, 25). Сосуд выполнен на гончарном круге и неангобириван.

Металлические предметы представлены целым сурьмадом - бронзовым туалетным (косметическим) сосудиком. Он имеет округлый резервуар, оттянутый узкий носик и плоскую фигурную ручку, напоминающую хвостовое оперение птицы. В отличие от большинства подобных сосудов, наш сурьмадон снабжен еще дополнительно двумя

¹ Вес монеты определен с.н.с. А.Атаходжаевым.

«крылышками» по бокам резервуара. Подобные сосудики известны по находкам в Хорезме (20, с. 31, рис. 14, 12) на Варахше (21), в Пенджикенте (22, с. 89, рис. 55; 52, с. 124), в Ширкенте (53, с. 330) и др. памятниках. Любопытно отметить, что почти идентичные «крылышки» имеются на бронзовом чираге из клада, найденного на городище Калаи Каххаха, и датированного

караханидским временем. Кроме крылышек, к атрибутам пернатых относятся изображения птиц на самом чираге (22, с. 179, табл. XXIV). Связь культов огня и птиц общеизвестна. Не исключено, что крылышки и хвост на нашем туалетном сосудике символизируют изображение птицы и сосудик имеет какое-то отношение к культу, связанный с птицами.

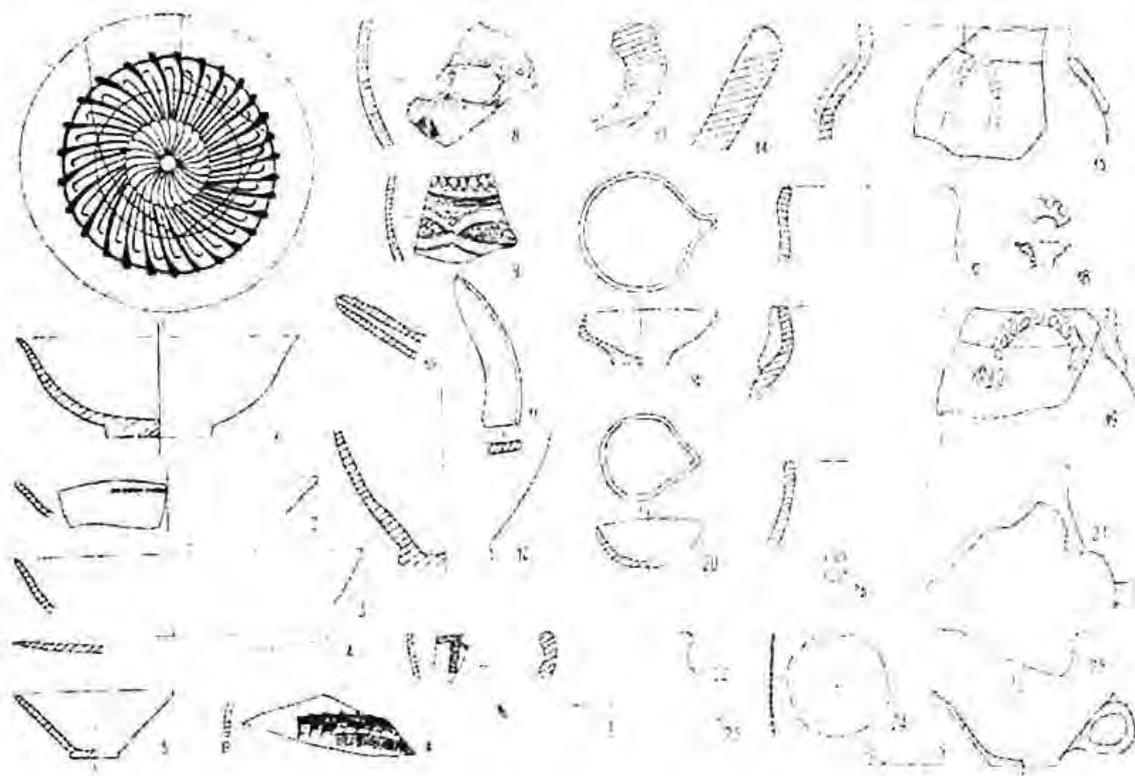

Рис. 8. Материалы из бадрабов: №9 - 1-12; №6 - 13-17; №7 - 18-23; №8 - 24-25

Другой металлический (бронзовый) предмет из бадраба - круглый диск, диаметром около 7,5 см. с маленьким отверстием в центре. Края его неровные, поверхность сильно окислена. Толщина предмета - около 2 мм. (рис. 8, 24). Назначение предмета пока не ясно.

Кроме изделий из керамики и металла, найден предмет из кости. Он имеет полусферическую форму с отверстием посередине. Скорее всего, это была пуговица (рис. 8, 26).

Бадраб 9 расположен на южном крае разреза под последней (караханидской) оборонительной стеной (рис. 2). Диаметр его 90 см, глубина - около 2 м. Заполнение рыхлое, с включением гумуса и золы. Керамика представлена поливными и неполивными сосудами (рис. 8, 1-12).

Поливная керамика найдена в небольшом количестве, но она довольно выразительна.

Археологически целая чаша на вогнутом поддоне. В центре зеркала сосуда изображена вихревая розетка красками черного цвета, от которой во все стороны расходятся два пояса лучей. При этом, каждый пояс имеет разные цвета: красно-коричневый, горчичный и светлый (рис. 8, 1). Имеются еще два венчика чаш. Одна из них покрыта поливой бледно-салатового цвета (рис. 8, 3), другая чаша - аналогичная, но украшена несложным орнаментом в виде ряда черных точек (рис. 8, 2). Имеется также тарелка покрытая глазурью бледно-салатового цвета (рис. 8, 4).

Археологически целая пиала с обеих сторон покрыта белым ангобом. Полива бледно-салатового цвета. Тыльная сторона покрыта ею только частично (рис. 8, 5). Отметим фрагмент поливного сосуда с эпиграфическим орнаментом, выполненным черной краской (рис. 8, 7). Наш комплекс датируется, на основании сопоставления с

ближайшим памятником Чунтепа III, XI-XII вв. (Горбунова Н.Г., 1987. С. 95-96; рис. 18). Но и с учетом обнаруженной монеты, битой в Узгунде в 413/1022-23 гг. от имени Мухаммада б.Али, можно датировать его не позднее середины XI в. Подобная поливная керамика, датированная X-XI в. уже известна по раскопкам на Куве (17, с. 89, рис. 4), и Карабулаке (51, рис. 45, 48, 51)

Среди неполивной керамики отметим фрагмент крышки, слив от кувшина и два фрагмента от стенок сосудов, украшенных штампованным и процарапанным орнаментом (рис. 8, 8-9).

Материалы к датировке крепостных стен.

Известно, что для возведения оборонительных стен глину брали либо в самом городе, либо где-то рядом с ним, поэтому в стене могут быть материалы различных эпох, но не позднее того времени, когда она возводилась. Самые поздние черепки и будут указывать на время сооружения.

Первая, самая ранняя городская стена. По причине, о которой говорилось выше, материалов к ее датировке получено очень немного: венчики трех чаш и часть тулова кружки с ручкой. Самой ранней среди чаш является приземистая чаша с овальным в сечении венчиком, выполненная на круге быстрого вращения. Глина плотная, качественного обжига. Она с обеих сторон покрыта плотным красным ангобом и залощена (рис. 9, 1). Две другие чаши (рис. 9, 2-3) резко отличаются по форме, качеству изготовления и отделке поверхностей. Они также сформованы на круге, качество изготовления хотя и довольно высокое, но хуже, чем у предыдущего сосуда. Поверхность неангобирована. Подобные сосуды вне комплекса трудно поддаются определению, но в целом датируются V-VI вв. н.э.

Что касается фрагмента кружки, то верхняя часть ее ручки оформлена в виде щитка - тип ручки, известной по находкам на Куве. Поверхность нашей кружки украшена нестойким красным ангобом (24, с. 151). Подобные кружки датируются VII-VIII вв. Однако следует отметить, что все вышеописанные сосуды были найдены в XXIII ярусе и не исключено, что они связаны с обживанием стены, когда она уже не функционировала.

Следующая, самая тонкая пахсовая стена, судя по тому, что на ней практически не отмечено наплывов, по времени сооружения

не далеко отстоит от первой стены. Это даже не стена в полном смысле этого слова, а ремонтная обкладка, призванная не только усилить мощь первой стены, но и скрыть и залатать внешние ее повреждения.

Третья стена оказалась не только самой мощной и основательной, но и дала самый обильный, многообразный и, самое важное, датирующий материал. Наиболее ранняя керамика представлена лепными мисками эйлатанского типа. Есть черепок, украшенный с обеих сторон росписью, напоминающей потеки (рис. 9, 12). Диаметр таких мисок достигает 19-25 см. Видимо, к этому же периоду относятся чаши, выполненные на круге и ручным способом (рис. 9, 13-14). Они могут быть сопоставлены с сосудами из Актамского могильника (см. 46, pp. 26-53, pl. V-VI).

К несколько более позднему периоду относится прекрасная, тонкостенная краснолощенная посуда, которую можно отнести ко II-I вв. до н.э. - рубежу н.э. (рис. 9, 8, 10-11). Подобный материал получен в слое из-под стен и эта его датировка будет обоснована ниже.

И наконец, третья группа сосудов - раннесредневековая. Наиболее выразительными из них являются сосуд типа кринки, украшенный гребенчатым волнистым орнаментом и кружка с петлевидной ручкой и круглым налепом на ней (рис. 9, 5,9). Оба сосуда находят аналогию в верхнем слое Пенджикента, где они датируются VII-VIII вв. (22, с. 55, 57). Кружки с петлевидной ручкой и налепом на ней редко, но встречается в ферганских комплексах VII-VIII вв. Они зафиксированы на городище древнего Касана (41, с. 27) и могильнике Уч-Ат (42, с. 54, рис. 25). Налепы на ручках зафиксированы и на других керамических сосудах (см. 44, рис. 6, 17). Следует отметить, что именно в этот период раннего средневековья керамика Ферганы утрачивает свою стойкую консервативность и архаичность и начинает развиваться в общем русле экономического и культурного развития всех остальных областей Средней Азии (24, с. 157). Кружки - вообще очень распространенная форма керамики на Куве, для которых разработана подробная типология Д.П.Вархотовой. Наша кружка относится ко II типу кружек со сложной конфигурацией, наиболее распространенной на городище (24, с. 151).

Таким образом, третья городская стена датируется VII-VIII вв., скорее всего, самым концом VII или началом VIII вв.

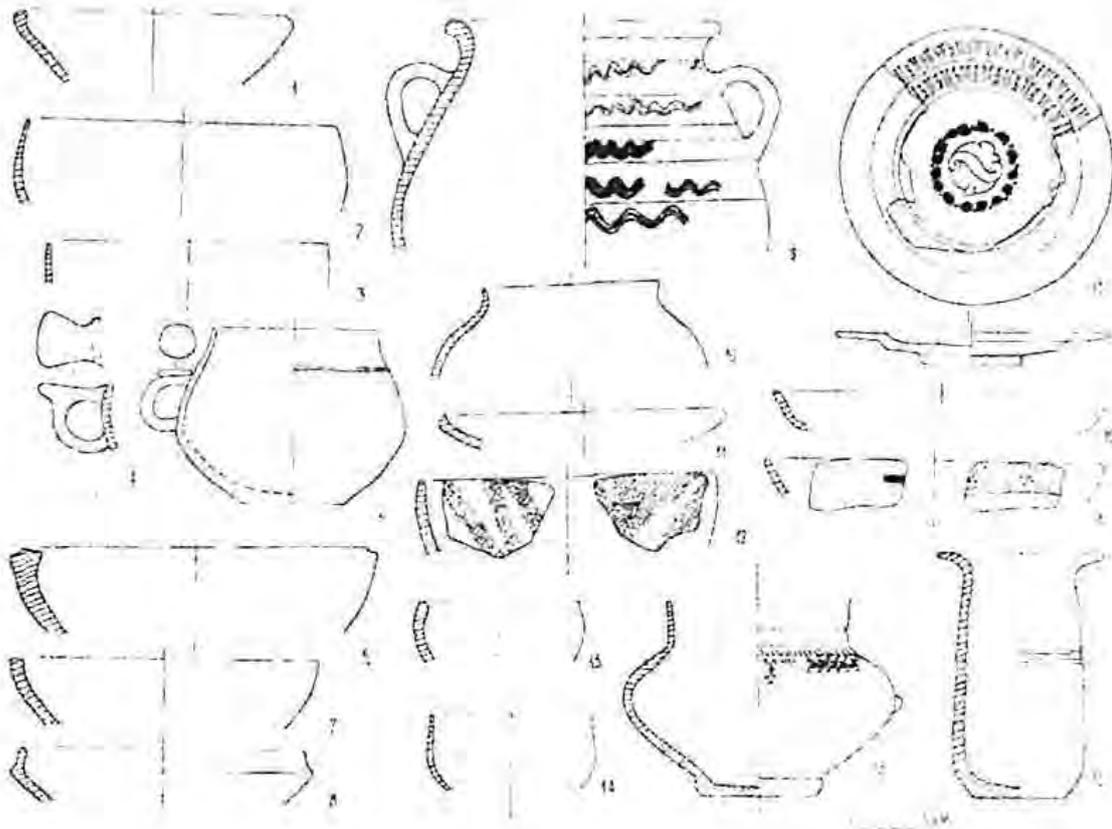

Рис. 9. Материалы из разрезов стен: 1-4 северная стена; 5-14 средняя стена; 15-19 южная стена

Четвертая и последняя стена, как уже отмечалось выше, была сооружена на культурном слое раннекараханидского времени. Материалы этого времени из бадраба 9, который перекрывают эти стены, были описаны выше. Кроме того, из самого этого слоя получена не менее выразительная керамика (рис. 9, 15-19). Особенно выделяется поливная чаша (XXVII ярус) с S-образным знаком в центре сосуда в обрамлении черных пятен, и двумя рядами псевдоэпиграфического орнамента, выполненного красками черного и коричневого цветов. Весь орнамент размещен на белом фоне (рис. 9, 15). Кроме этой чаши, есть еще несколько поливных черепков (рис. 9, 16-17), покрытых поливой салатного цвета. На одном черепке по белому фону нанесен несложный орнамент в виде зубчатой полосы черного цвета (рис. 9, 17). Аналогичные сосуды часто встречаются среди ферганских материалов: в Ахсикете (40, с. 167-170) и в Узгене (14, с. 234) и обычно датируются в пределах XI-XII вв.

Среди неполивной керамики отметим целый тувак цилиндрической формы (рис. 9, 19), венчики гончарных котлов, фрагменты

крышек с грибовидными ручками, донца довольно толстостенных кувшинов и характерный для конца X - нач. XI вв. горшочек очень тщательной отделки и украшенный процарапанным и штампованным орнаментом (рис. 9, 18). Подобного качества сосуды часто встречаются в слоях X-XI вв. в Фергане (14, с. 229, рис. 47 б, рис. 51, 5) и в Уструшане (25, с. 89, рис. 5).

Из самой стены - керамика практически вся неполированная: фрагменты от хумов, котлов, горшков, красноощенных сосудов. Форм довольно мало. Есть венчики гончарных котлов, хумов, характерных для XII в. Этим временем, видимо, и следует датировать время возведения этой стены.

Керамика из нижних слоев.

Ниже оборонительных стен выявлено два основных слоя (XXIX - начало XXXI яруса). Нижний слой представлен остатками жилищ полуземляночного типа, вырытых в материковом лессе (рис. 2). Полученная из слоя керамика подразделяется на следующие типы.

Хумы - тяжелых пропорций, с овальным в сечении венчиком и слабо выраженной горловиной. Под венчиком они украшены пальцевыми вдавлениями (рис. 10, 1-2). Судя по имеющимся фрагментам, большинство из них формовалось без помощи гончарного круга. Имеются обломки сосудов, которые довольно сложно определить, каким способом они изготовлены: вручную или на круге, так как все шероховатости тщательно затерты (рис. 10, 2, 4). Днище сосудов слегка округлые, со следами от песчаной подсыпки. Уникально днище хума, демонстрирующее пережиточную «ахеменидскую» форму с подкосом (рис. 10, 3). Подобные формы редко встречаются в Фергане, но довольно часто среди материалов нуртепинской культуры Уструшаны и, в частности, в слоях V-III вв. до н.э. (26, с. 20, рис. 3, 4-5).

Чаши - несомненно ведущая форма комплекса. Большинство из них сформовано ручным способом (рис. 10, 16-17). При этом, не отмечено, чтобы применялся матерчатый шаблон широко распространенный в нуртепинской культуре где он использовался для изготовления даже мелкой столовой посуды. Сосуды имели полусферическую форму и тщательно отделку поверхностей. Менее половины чаш покрыты красным, довольно нестойким ангобом. Один из таких сосудов имеет отверстие в тулове (рис. 10, 16).

Чаши кружальной формовки отличаются не только по качеству изготовления, но и по оформлению краев (рис. 10, 9-10, 18). Кроме того, они не покрывались красным ангобом, а относятся к числу т.н. светлофоновой керамики. Учитывая значительную глубину этой категории сосудов, их правильной было бы называть мисками.

Среди этой посуды выделяется миска крупного размера с изгибом бортика (диаметр 30 см.). Она уступает по качеству изготовления другим гончарным чашам, поверхность коричневого цвета и не покрыта ангобом (рис. 10, 8). В единственном экземпляре представлен аналогичный сосуд, но значительно меньших размеров (рис. 10, 12).

Кувшины формовались на круге, из глины среднего качества. Поверхность коричневого или лессового цвета. Толщина черепка от 0,6 до 1,5 см. Венчик овальной формы, сильно оттянут наружу (рис. 10, 6-7, 13). Один из них залощен, а изнутри венчик украшен полосой красного цвета (рис. 10, 13).

Горшки также формовались на круге. Глина плотная, качественного обжига.

Поверхность светло-коричневого цвета. Иногда сосуды украшались рельефным поясом ниже венчика. Место перехода от тулова сосуда к венчику обозначен плавным перегибом (рис. 10, 14-15).

В комплексе имеется сосуд типа кринки кружальной формовки со сливом в стенке. Поверхность сосуда украшена прочерченным орнаментом в виде горизонтальных полос (рис. 10, 11).

И наконец, еще одна многочисленная группа керамики - это небольшие чаши (рис. 10, 19-21). Все они станковой работы, глина плотная, качественного обжига. Сосуды иногда покрывались нестойким ангобом красного цвета.

Неожиданно малочисленными оказались котлы. И это несмотря на ярко выраженный зольно-органический характер культурного слоя. Хотя следует отметить, что некоторые миски несут следы копоти и, видимо, использовались в качестве сосудов для варки пищи. Да и сами котлы по форме напоминают миски (рис. 10, 22).

Описанный выше керамический комплекс находит аналогии, прежде всего, среди ферганских памятников. И ближе всего он к эйлатанскому комплексу, который в последние годы все чаще подвергается пересмотру и в смысле его датировки, и в смысле места его среди других культур Ферганы (27, с. 3-4; 28, с. 119-128). Наиболее близок наш комплекс к керамике из печи № 2, раскопанной на городище Эйлатан и датированной III-II вв. до н.э. (29, с. 41, рис. 2).

Справедливости ради отметим, что в первой работе, посвященной новым эйлатанским комплексам (печи), С.Кудратов их датировал IV-III вв. до н.э. (48, с. 21), и по-видимому, был ближе к истине. Предложенная этим автором вслед за Т.Г. Оболдуевой дата (III-II вв. до н.э.) вызывает определенные сомнения. Потому что, во-первых, как нам кажется, печь (мы осмотрели объект сразу после раскопок) возведена в теле оборонительной стены и соответственно, относится к более позднему времени, чем стена, во-вторых, в комплексе нет ни одного черепка расписной эйлатанской керамики. Учитывая эти данные мы считаем, что обнаруженная С.Кудратовым печь была построена в более позднем культурном слое. Поэтому относить возведение оборонительных стен Эйлатана к III-II вв. до н.э. пока представляется преждевременным. Что касается комплекса из Эйлатана, то пришло время корректировки времени появления керамики с красным ангобом, а не время

возведения стен Эйлатана. Тем более, что красно-ангобированная керамика известна с начала шурабашатской культуры, а памятников последней в Фергане насчитывается более 50, Эйлатан, к сожалению, пока находится в единственном числе. Таким образом дата возведения стен Эйлатана - III-II вв. до н.э., высказанная Т.Г.Оболдуевой (47, с. 186-195) и поддержанная позже С.Кудратовым (27, с. 15; 29, с. 41) пока остается не доказанным предположением. Возвращаясь к датировке нашего комплекса отметим, что он по многим признакам (форма сосудов, оформление венчика (вогнутость во внутрь, ямки вдоль венчика, обработка поверхности) ближе к поздним комплексам Эйлатана - Актама ранним комплексам шурабашатского этапа (см. 50, с. 306), отнесенным к IV-III вв. до н.э. (49, с. 11). В целом если учесть, некоторые образцы крашеной керамики и архаичность отдельных форм (ср. их: 47, рl. V, VII, XI) можно допустить и V в. до н.э. Этот комплекс может быть также сопоставлен

с материалами соседней Уструшаны, датированными IV-III вв. до н.э. (26, с. 20-21; 30, с. 40-45).

Керамика из землянки отличается от вышеописанной и, прежде всего, наличием фрагмента расписной чаши (рис. 11, 17). Чаша сформована ручным способом. Поверхность с обеих сторон залощена. Роспись нанесена тонкой кистью по светлому фону темно-коричневой краской. Хумы формовались без помощи крута, имеют овальный венчик, который отделяется от тулова ложбинкой (рис. 11, 1-2). Появляются сковороды, которые отсутствуют в предыдущем комплексе. Чаши - аналогичных форм, но имеются более мелкие по размерам (рис. 11, 4-6, 10-11, 14-17). Кубковидные сосуды формовались на круте и вручную (рис. 11, 12-13), есть сосуды с отверстием в днище (рис. 11, 7).

В целом, описанная керамика является дополнением к вышеописанному комплексу и должна быть датирована этим же временем, то есть IV-III вв. до н.э.

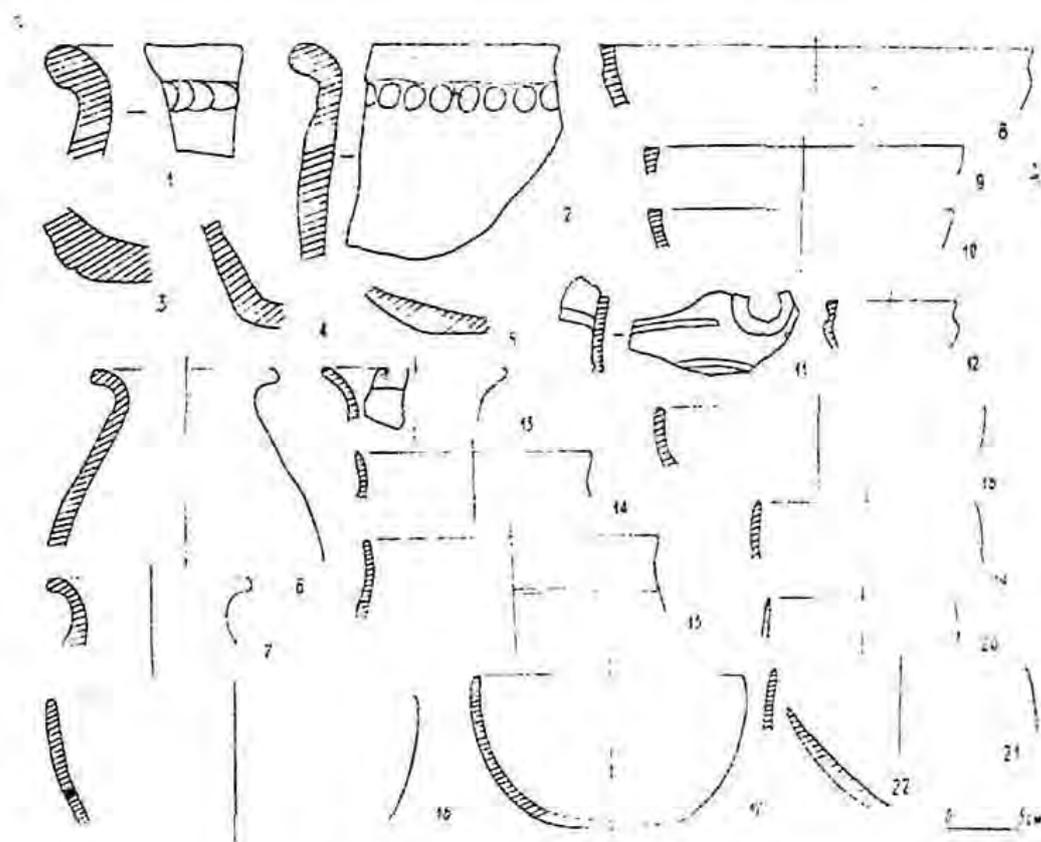

Рис. 10. Материалы из нижних слоев

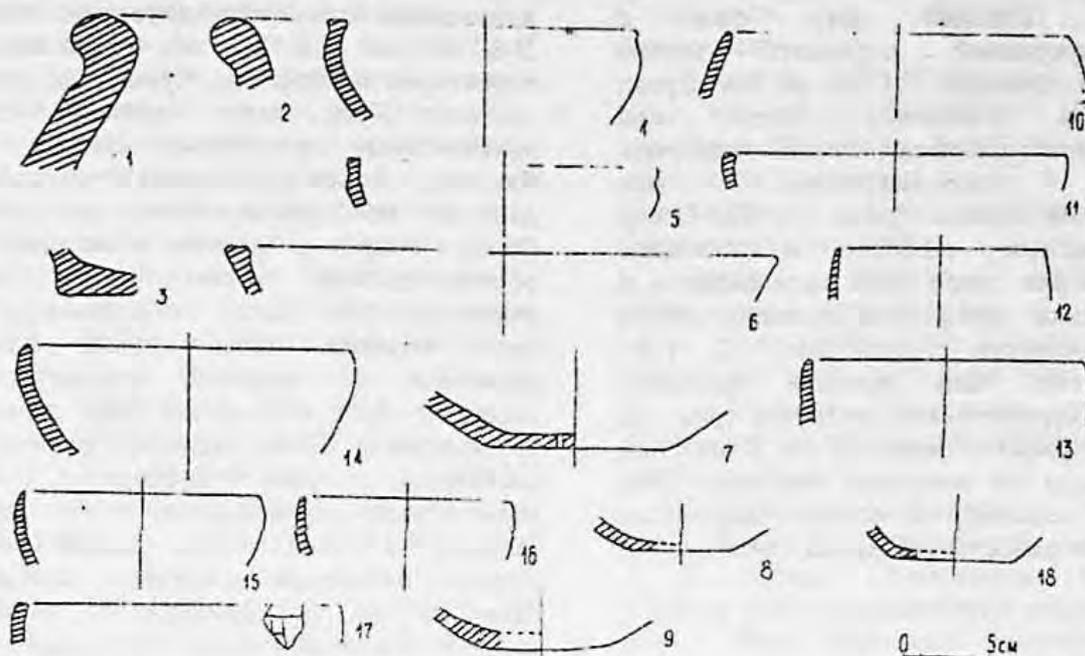

Рис. 11. Материалы из «землянки»

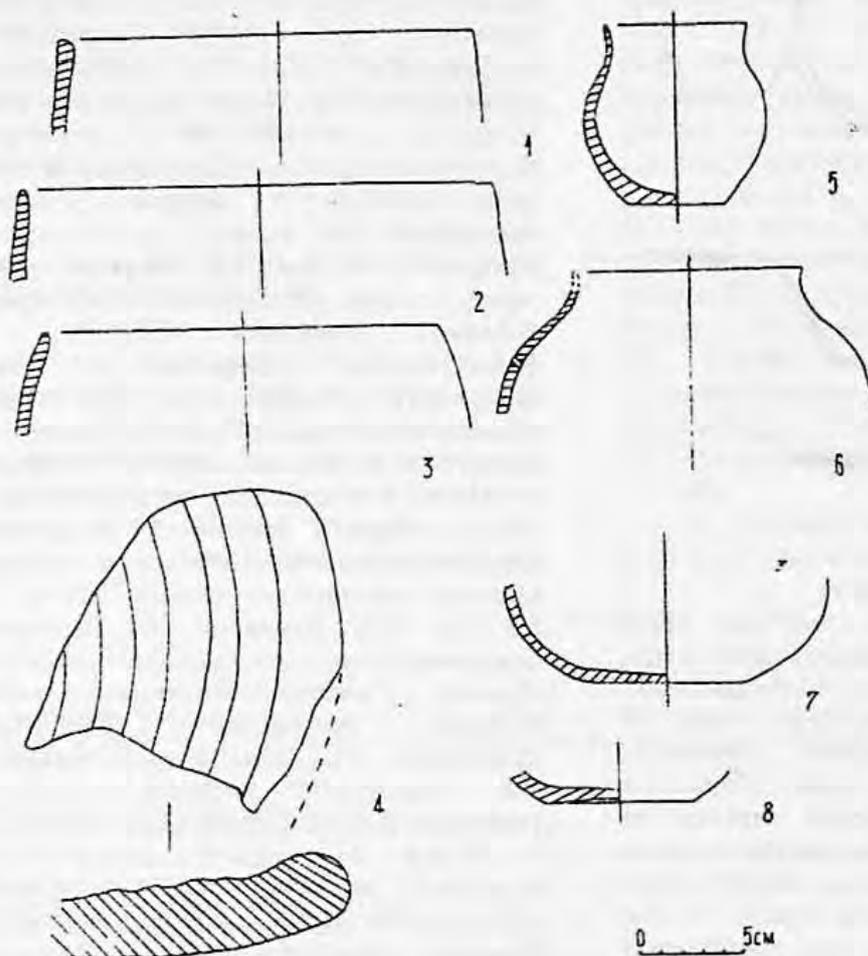

Рис. 12. Материалы из под стен

Следующий комплекс происходит из слоя, расположенного между нижележащей «чернотой» и основанием крепостных стен (рис. 12). Керамики из него немного, но здесь появляется великолепная, сформованная на круге красноангобированная лошенная посуда (рис. 12, 5-6). Это один из важных датирующих признаков (28, с. 129-133). Не менее важно и то, что зафиксирована последовательность смены одной культуры другой, т.е. зафиксирован непосредственный переход от жилищ примитивного полуподземного типа к постройкам фундаментальных домов из пахсы. Это указывает и на то, что по времени это событие отстоит недалеко от времени завершающего этапа

функционирования общества с примитивными жилищами. Нижнюю дату слоя с красноангобированной керамикой можно определить в пределах II-I вв. до н.э. Среди керамического комплекса этого слоя выделяется археологически целый горшочек, найденный непосредственно под оборонительной стеной (рис. 12, 5). Сосуд покрыт красным ангобом и залощен. Характерным для этого комплекса является и то, что венчики мисок, как правило, слегка наклонены вовнутрь сосуда (рис. 12, 1-3). Интересна еще одна находка предмета, похожего на керамический дастархан (рис. 12, 4). Диаметр предмета более 40 см. С тыльной стороны, следы от песчаной подсыпки. Это сторона не плоская, а слегка закруглена. Внешняя поверхность ребристая, со следами окраски.

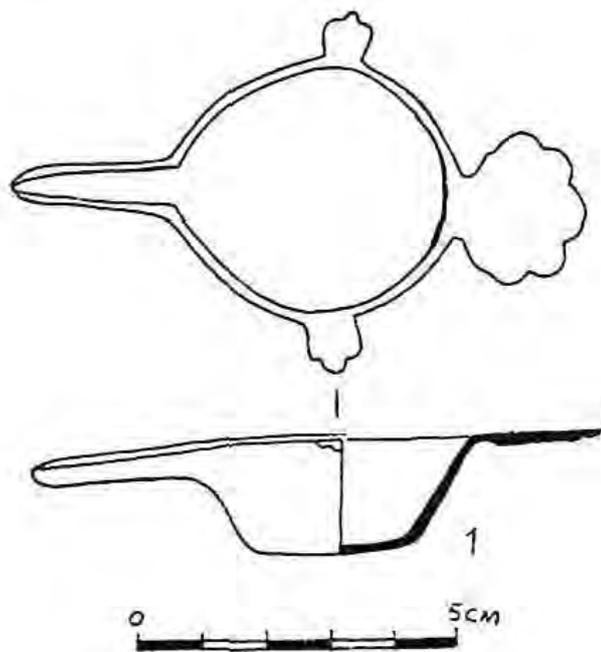

Рис. 13

Заключение.

Все основные задачи, которые были поставлены перед нами удалось выполнить. Впервые на городище Кува был достигнут материк, прежде, чем выступила вода. В результате *in situ* получен материал, отражающий древнейшие этапы обживания данной территории. Прослежен переход от примитивных жилищ полуземляночного типа «первых кувинцев» к наземным конструкциям из пахсы. Пока трудно судить имели ли они какое-то отношение к городской фортификации, скорее всего, в раскоп попала какая-то часть жилого массива. Однако,

значительная территория, на которой встречается красноангобированная керамика - II-I вв. до н.э. (а это практически вся территория шахристана Кувы) дает основание считать Куву этого времени довольно значительным населенным пунктом Южной Ферганы. Разрез крепостных стен дал четкую картину последовательности их сложения. Однако вопрос о времени возведения первой оборонительной стены пока остается открытым. На него, по-видимому, можно будет ответить только после того, как раскопки на верхней площадке вдоль северного фаса этой стены будут доведены до ее основания. Пока придется удовлетвориться растянутой датировкой в пределах V-VI вв. с возможными отклонениями в ту или иную сторону. В пользу более ранней датировки говорят некоторые косвенные соображения. Одно из них уже приводилось выше - это наличие непосредственно под стенами слоев и архитектуры с красноангобированной керамикой, встречаемых на значительной территории. Кроме того, судя по структуре городища, город складывался постепенно возле первоначального укрепленного поселения, которое позднее превратилось в цитадель. Этот процесс характерен для большинства областей Мавераннахра и который особенно бурно протекал в конце IV-V вв. (6, с. 194-195). Не исключено, что он был спровоцирован и политической ситуацией этого времени, а именно - нашествием кочевников на оазисы, и прежде всего, эфталитов. О том, что Фергана входила в сферу влияния эфталитской конфедерации, не вызывает сомнений (35, с. 55-56). Высказывание С.Баратова о том что зависимость Ферганы от эфталитов была номинальной и доказательством этому служит отсутствие сасанидских драхм в Фергане (36, с. 95-96) в настоящее время опровергается. 1998 г. нами в раскопе 1 обнаружен клад раннесредневековых монет и среди них выявлена сасанидская драхма Пероза I (39, р. 80, fig. 32). Думается, что и возведение остальных стен - это своеобразное отражение крупных военно-политических событий, которые вынуждали концентрировать правителей всю свою экономическую мощь для отражения внешней агрессии и утверждения собственной независимости.

Вслед за первой стеной, которая оказалась, вероятно, сильно потрепанной эфталитской экспансией, сооружается новая. Причем, промежуток времени между возведением первой и второй стенами был минимальным, так как оплылов между ними

практически не зафиксировано. Эта вторая стена является самой тонкой, возводилась она видимо, поспешно и основной ее функцией было устранить все повреждения первой крепостной стены. Во второй половине VI в. эфталиты в северных районах сталкиваются с тюрками. Эта изнурительная война с грозным противником отвлекает их от регионов, чем, видимо, и воспользовались жители Кувы, заново укрепив свой город. Заключив союз с Сасанидами, тюрки наносят решительное поражение эфталитам. При этом наряду с другими областями, была захвачена и Фергана (37, с. 226-238; 57, с. 95). Не спасли от тюрков и поспешно возведенные стены Кувы. Довольно значительные оплывы, накопившиеся с наружной стороны стен, свидетельствуют о том, что Куба в период стабилизации Тюркского каганата, не нуждалась в каких-либо значительных укреплениях, а жители не особо заботились о существующих.

В конце VII - нач. VIII вв. возводится еще одна фундаментальная стена, которая, скорее всего, была рассчитана для отражения очередного противника - арабов, которые медленно, но неотвратимо продвигались к Фергане. По всему видно, что их возводили умелые фортификаторы, умудренные опытом прошлого строительства и в совершенстве владеющие знаниями военного стратегического искусства, естественно, на уровне своего времени. Эта стена служила кубинцам долго, подвергалась неоднократным ремонтам и использовалась вплоть до конца VIII - первой половины IX в.

И наконец, венчает толщу оборонительных сооружений самая последняя, хуже других сохранившаяся пахсовая стена, возведенная, скорее всего, во второй половине XII в. Не исключено, что ее строительство было подтолкнуто двумя политическими событиями: возвышением в это время ферганской ветви восточных Караханидов,

добившейся полной независимости от Самарканда, и угрозой усилившихся хорезмшахов.

В целом, общая толщина стен Кубы к этому времени достигает более 14 м. Но и она оказалась бессильна перед военной мощью монгольских завоевателей. С их нашествием завершается долгая история возведения крепостных стен Кубы.

Таким образом, археологические наблюдения, проведенные в юго-западной части шахристана Кубы, позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. Выявлены культурные слои IV-III вв. до н.э., не исключено обнаружение еще более ранних находок.

2. Получены материалы из слоев II в. до н.э. - первых веков нашей эры.

3. Среди материалов представлены образцы раннесредневековой керамики (V-VIII вв.). Этот комплекс достаточно хорошо выявлен также в раскопах 1, 4^а, 5.

4. Слои IX-X вв., и связанные с ними находки, фиксируются слабо на всей территории шахристана (45, с. 16-18). Аналогичная картина наблюдается и в других средневековых городах Ферганы: Ахсикете (12, с. 185) и Узгене (14, с. 232). Видимо, в этот период в Фергане по неизвестным причинам жизнь в шахристанах слабеет, а рабады усиливаются. Главные жизнеобеспечивающие институты городского механизма располагаются в рабадах. В частности, ал-Истахри пишет о том, что в Кубе «Базар, дворец эмиров и тюрьма расположены в рабаде. Рабад обнесен стеной, там есть сады и бустаны, проточные воды в изобилии» (42, с. 31). Именно этим может быть объяснена незначительность слоев IX-X вв. в шахристане. Площадь кубинского рабада составляла 80-100 га (39, р. 48; см. также 22, с. 204).

5. Отмечено наличие слоев XI в. - нач. - XIII вв. на всей территории шахристана.

ЛИТЕРАТУРА:

Работы на городище Кува были проведены по поручению правительственной комиссии Узбекистана в январе-октябре 1998 г. в связи с юбилеем Ахмада ал-Фароги. На десяти раскопах, которые были заложены в различных частях памятника, вскрыто более 2000 кв.м. площади шахристана. Один из таких раскопов (Р-7) был заложен на юго-западе, где получены новые материалы по стратиграфии и по истории сложения городских стен. В работах, кроме авторов данной статьи, принимали участие с.н.с. Хасанов М. и Мустафакулов С., ст. лаборанты Набоков В.И. и Рахимов К.

1. Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
2. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
3. Бетгер Е.К. Извлечения из книги «Пути и страны» Абду-л-Касима ибн-Хаухадя // Труды САГУ. Вып. 111, Ташкент, 1957.
4. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Соч. Т. III. М., 1965.
5. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. Москва, 1963.
6. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII вв. С.-П., 1996.
7. Ходжашиязов Г. Фортификация древнего Хорезма (VI в. до н.э. - IV в. н.э.) Автореф. дисс. канд. ист. наук. Нукус, 1996.
8. Ахраров И. Археологические раскопки в шахристане городища Кува // ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.
9. Грицина А.А. Отчет о работе Сырдарьинского отряда в 1985 г. Архив Института археологии АН РУз. Самарканд, 1985.
10. Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979

11. Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
12. Анарбаев А. Ахсикет в древности и средневековье. Итоги и перспективы исследования // СА. 1988. № 1.
13. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Стекло. Керамика. Вторая половина VIII - нач. XIII вв. Ташкент, 1986.
14. Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. // ТКАЭЭ. Т. IV. Москва, 1960.
15. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
16. Ахраров И. Средневековые стеклянные бокалы из Кувы // Известия АН УзССР. 1960. № 4.
17. Амидажанова М. О производстве стеклянных изделий в средневековом городе Кува // Научные работы и сообщения. Кн. 1. Ташкент, 1960.
18. Абдуразаков А.А., Безбородов М.А. Средневековые стекла Средней Азии (опыт химической характеристики). Ташкент, 1966.
19. Ахраров И., Усманова З.И. Бусы из Кувы. Труды ТашГУ. Вып. 200. Т. IV. Ташкент, 1963.
20. Неразих Е.Е. Раскопки Якхе-Парсана // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Вып. 7. М., 1963.
21. Кабанов С.К. Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша // ТИИА АН УзССР. Ташкент, 1956.
22. Беленицкий А.М., Бенгович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. М., 1973.
23. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
24. Вархотова Д.П. Керамика VII-VIII вв. с городища Кува // ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.
25. Грицина А.А. Городища Нурата. ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
26. Грицина А. А. К сложению городов и поселений на древних путях Северной Уструшаны // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990.
27. Кудратов С.С. Поселения левобережья р. Нарын в Фергане. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1992.
28. Иванов Г.П. Проблемные вопросы периодизации и культуры древней Ферганы // Фергана улкашунлиги. Фергана, 1996.
29. Кудратов С.С. Ранние гончарные печи с городища Эйлатан // ОНУ, 1991, № 3.
30. Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Античные памятники Северной Уструшаны // ОНУ., 1989, № 7.
31. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
32. Массон М.Е. Ахангерин. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
33. Мирзалиев Г. Неглазурованная керамика Ферганы - как исторический источник. Автореф. канд. ист. наук. Самарканд, 1988.
34. Грицина А.А. Материалы XII-нач. XIII вв. с городища Культепа // ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991.
35. Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и средневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. Москва, 1976.
36. Баратов С.Р. К вопросу об эфталитах в Ферганской долине // ИМКУ, вып. 28. Самарканд, 1997.
37. Мокрынин В.П. Западнотюркский каганат // История Киргизской ССР. Том первый. Фрунзе, 1984.
38. Горбунова Н.Г. Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане (Мыкты-Курган и Чун-тепа) // Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Вып. 28. Л., 1987.
39. Shirinov T.Sh., Matbabaev V.Kh., Ivanov G.P. Kuba city in Akhmad al-Fargani's epoch. Tashkent, 1998.
40. Папахристу О.Н., Баратова Л.С. Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски Ахен (Ахсикет) // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
41. Заднепровский Ю.А. Отчет Ферганской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1983 г. // Архив Института Археологии АН РУз. Шифр хранения Ф8Д104.
42. Заднепровский Ю.А. Раскопки какакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии в 1973 г. // УСА. Вып. 3. Ленинград, 1975.
43. Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в Северной Фергане // Российская археология. 1999, № 3.
44. Besborodov M.A., Zadneprovsky J.A. Decouvertes archeologiques recentes de verres en U.R.S.S // Bulletin des Journées Internationales du Verre (Liege). 1963. № 2.
45. Матбабаев Б.Х. Қадимги Кува // Фаи ва турмуш. 1999, № 4.
46. Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Ferghana VI century B.C.-VI century A.D. BAR. International Series 281. London, 1986.
47. Оболдуева Т.Г. О датировке стен Эйлатана // СА. 1981. № 4.
48. Кудратов С.С. Исследование ферганского городища Эйлатан // Тезисы докладов научной конференции «Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа)». Ленинград, 1990.
49. Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ленинград, 1961.
50. Заднепровский Ю.А. Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. Москва, 1985.
51. Брыкина Г.А. Карабулак. Москва, 1974.
52. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Ленинград, 1980.
53. Соловьёв В.С. Раскопки на поселении Ширкент в 1984 г. // АРТ. Вып. XXIV. Душанбе, 1993.
54. Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность средневековья. Каталог выставки Ленинград, 1983.
55. Мирзахмедов Д.К., Ильясова С., Адылов Ш.Т. Средневековые стекла и керамика Бинката-Ташкент IX-XI вв. Раздел 1. Стеклянные изделия // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
56. Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Фергана // Археология Средней Азии в раннем средневековье. Москва, 1999.

Matbabaev B.H. Gritsina A.A.

Archaeological Research in the South - Western Part of Kuba Shakhristan.

This article draws the conclusion to the excavations at site in the Kuba township (Ferghana province) in 1998. Digouts and samples of the Eilatana porcelain (IV-III centuries BC) have been discovered in the lower layers. The Eilatana culture is followed by the culture of red angob(?) porcelain with the remains of clay architecture. The new materials on the history of the fortification and archaeology of the early and late Middle Ages have been received and researched.

Абдуллаев К., Раджабов С.

ТЕРРАКОТОВАЯ ПЛИТКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДИОНИСА И САТИРА ИЗ КАШКАДАРЬИ

В октябре 2000 года в Институт археологии была принесена терракотовая плитка, найденная жителем кишлака Карабаг Норбута Муминовым у подножия, вернее у размытого края Саполтепа, близ селения Камаша в Кашкадарьинской области (примерно 45 км от Шахрисабза по дороге в Карши). Исключительное значение этой терракоты заставило нас выехать на место

находки. Тепе, где была обнаружена терракота находится на берегу Чимкурганского водохранилища. Саполтепа, которое было известно местным жителям, было затоплено водами водохранилища и вновь обнажилось после засушливого года, когда уровень воды сильно снизился. Осмотр поверхности и округи этого памятника дал следующую картину.

Самая верхняя часть памятника изобилует керамикой средневекового времени. Здесь большое количество глазурованной столовой посуды и неглазурованной керамики в виде фрагментов крышек с процарапанным, резным и штампованным орнаментом. Глазурованная керамика в виде фрагментов чаш, блюд и других форм украшена полихромной росписью: зеленой, желтой, коричневой и белой красками - так называемая «мраморовидная полива», довольно часто встречаются белфонные чаши с коричневой росписью розетки по дну и другими мотивами по бортику чаши, фрагмент светильника, сплошь покрытого темнозеленой глазурью и т.д. Встречаются также фрагменты стеклянных изделий: флаконы с рифленой поверхностью, фрагменты других форм прозрачного голубовато-зеленого стекла с включением пузырьков воздуха, донце графина или кувшина с выпуклым полусферическим дном. Весь комплекс глазурованной керамики вкуче со стеклянными изделиями можно датировать X веком.

В нижних размытых водой частях памятника наряду со средневековой керамикой попадаются фрагменты более ранней античной керамики. Это фрагмент кубка на конической устойчивой сплошной ножке, изготовленной из тонкоотмученной глины с ровным обжигом и ангобом красновато-коричневого оттенка; чаша, покрытая светло-коричневым ангобом, с чуть загнутым вовнутрь венчиком, фрагменты лощеной керамики (рюмка?) и горшка также высокого качества исполнения. Все вышеперечисленные фрагменты керамических изделий отличаются, как было отмечено выше, плотным черепком в изломе, ровным и качественным обжигом, изяществом и тонкостью форм, т.е. все те признаки, которые отличают античную керамику не только Южного Согда, но и других регионов от ремесленной продукции последующих периодов. Конечно же, мы ограничились лишь описанием лишь нескольких фрагментов, между тем как памятник изобилует ими. Эту категорию керамических изделий можно отнести к II-I вв. до н.э., хотя не исключено что среди многочисленной керамики Саполтепа имеются фрагменты, относящиеся и к более раннему периоду.

По всей видимости, Саполтепа был памятником разновременным с наиболее интенсивными периодами обживания в античной период и в X веке.

Рассматриваемая в данном сообщении терракотовая плиточка относится к раннему, т.е. античному периоду обживания памятника. Место ее находки, указанное нашедшим ее жителем, соотносится с тем комплексом керамики, который был нами здесь собран. Вернемся к предмету нашего рассмотрения.

Терракотовая плиточка почти квадратной формы. Высота 7,2 см, ширина 7,3 см и толщина 1-1,9 см. Терракота изготовлена из глины тонкой отмучки, с тыльной стороны в тесте прослеживаются блески речного песка. Тыльная часть обработана довольно грубо, сохранились, например, следы стека, которым мастер после оттиска или во время его грубо провел по поверхности, сохранились следы пальцев на местах, соответствующих наиболее выступающим частям лицевой стороны. Верхняя часть плиточки ровно подрезана ножом, между тем как нижняя сколота и ее настоящие очертания определить трудно. Тоже самое можно сказать о левом торце плиточки, хотя, судя по самим изображениям фигур, композиция сохранилась полностью.

Рельеф представляет изображение двух персонажей. Одна из фигур показана в позе отдыха на банкетке. Невысокая банкетка, судя по левому сохранившемуся вертикальному рельефу, покоится на гнутых фигурных ножках. Из двух рельефных горизонтальных валиков верхний передает, по всей видимости, мягкую подстилку; нижний валик с волнистой линией и проставленными в изгибах точками, представляет ложе банкетки, украшенной орнаментальным мотивом виноградной лозы. Центральный персонаж, возлежащий на банкетке, облокотившись на локоть левой руки, держит за основание небольшую чашу типа фиалы. Правая рука его согнута в локте и поднята вверх до уровня головы рука зажимает какой-то неопределенный предмет, верхний край которого заходит за голову персонажа, под сжимающими пальцами виден небольшой рельеф округлой формы. Не исключено, что предмет этот представляет собой бурдюк¹. На левое плечо полуобнаженной фигуры персонажа накинута шкура лани или другого парнокопытного животного, о чем говорят свисающие ножки с раздвоенными копытцами, как бы завязанными на узел - подобие гераклова узла в иконографии Геракла. Фактуру меха животного, а возможно и его пятнистую окраску передают мелкие треугольные насечки. Шкура покрывает фигуру не

¹ Эту деталь помог определить П.Бернар.

полностью, оно окутывает лишь левое плечо, далее следует наискось, закрывая грудь и часть живота. Персонаж лежит на левом боку, его левая нога вытянута, а согнута правая перекинута через нее вперед покоится ступней на подушке (подстилке) банкетки.

Голову персонажа венчает гирлянда из ряда мелких округлых цветков, показанных в виде «С» образных завиточков. На макушке волосы разделены на прямой пробор и показаны в виде двух рогообразных завитков, расположенных симметрично по обеим сторонам. Под диадемой вниз от висков отчетливо видна два завитых локона. Глаза персонажа большие и широкие, они резко очерчены верхними веками и нижними веками; нос довольно крупный, с выделенными крыльями, расширяющийся к основанию. Рот большой с толстыми губами. Лицо округлое, полное. Облик в целом бесспорно связан с Дионисом - это Дионис или персонаж, близкий его кругу.

Второй персонаж, представляющий, без сомнения, образ сатира, как бы выступает из плоскости рельефа по грудь, фигура его уходит на второй план и полускрыта за фигурой главного персонажа. Правая рука сатира касается голени Диониса. Кисть левой руки с длинными пальцами протянута к плечу Диониса. По положению пальцев можно предположить, что в них зажат какой-то предмет округлой формы, возможно плод (яблоко?). Голова сатира показана высоким рельефом трех-четвертном обороте (пример, редкий в корошастике Средней Азии). Голова сатира лысая с высоким и чуть покатым лбом, как бы раздвоенным по центральной оси. Глаза его трактованы в аналогичной предыдущему персонажу манере с одним лишь отличием, что внешние края их припущены вниз. Выступающие надбровные дуги отчетливо выделены рельефом. Зрачки переданы неглубокими просверленными отверстиями (аналогично Дионису). В отличие от гладкого безбородого лица Дионису у сатира широкая борода в виде двойного ряда завитков. Нос сатира довольно массивный, выступающий треугольником с крупными и резко очерченными ноздрями, губы толстые, рот большой. Ушная раковина имеет скол и поэтому трудно говорить об ее форме, но тем не менее она заостряется в верхней части. Непонятными остаются две линии проходящие от плеча на грудь сатира, а также на ноге Диониса. Являются ли они каким либо элементом или это дефект матрицы, сказать затруднительно.

Таким образом, после детального описания публикуемой терракотовой плитки можно сказать, что перед нами изображение греческого божества Диониса с его неизменным спутником - сатиром.

Следует отметить некоторые стилистические особенности изображения. Во первых, само изображение, несомненно, греческого характера и отражает один из распространенных сюжетов греческой мифологии. Образ Диониса и сатира - столь распространенный сюжет на эллинистическом востоке, что нет смысла приводить какие-либо аналогии. Тем не менее, данный терракотовый рельеф по своему высокому художественному достоинству можно отнести к разряду редких произведений греческой пластики в Средней Азии. Реалистическая манера изображения, его отчетливая детализация говорят о хорошем знании не только самого сюжета, но и о высоком мастерстве исполнителя, был ли это местный мастер или грек, но он донес до нас один из популярных в греческом мире сюжетов - пиршества Диониса (1).

Образ Диониса в искусстве античной Средней Азии - не столь редкое явление, и он проникает далеко за пределы земледельческих оазисов с их высоким развитием культуры винограда и культами, связанными с ним, он проникает в широкие степные просторы, сливаясь с культом возрождающейся природы.

Дионис и Сатир изображены в многофигурной композиции из Тиллятепа (Афганистан), где Дионис изображен верхом на фантастическом животном с женской фигурой, а на земле распростерта пьяная фигура сатира, поднимающего ритон. Если учесть, что многие элементы этого изображения далеки от их греческого прототипа, в скорее всего отражают совершенно другой мир, то можно сказать, что образ греческого божества победоносно шествует по Востоку, находя своих покровителей и поклонников в местной среде.

Вернемся к рассматриваемой в данном сообщении плитке. Изображение, как уже отмечалось выше, выполнено в реалистической манере с проработкой мельчайших деталей, которые тем не менее имеют важное значение для идентификации образа. Так, например, узел завязанной шкуры на первый взгляд наталкивает на мысль, что перед нами Геракл, персонаж, в той же мере распространенный в Согде и Бактрии в античный период, однако такая деталь как копыта заставляют нас склониться к другому мнению. Особенно это касается копыта, расположенного под кистью. Вертикальная

черточка, разделяющее заостренный рельеф на две части - малую и большую, говорит о том что это шкура парнокопытного животного, лани или косули. То, что перед нами изображение Диониса говорят и другие элементы иконографии: диадема-венки из цветков, чаша и другой предмет, возможно, бурдюк, мотив орнаментации банкетки в виде стилизованной виноградной лозы и, конечно же, присутствие сатира.

Образы сатиров находят широкое распространение как в коропластике Бактрии, так и Согда. Так, например головка сатира, вернее даже матрица для тиражирования из городища Еркурган (2).

Учитывая то обстоятельство, что нам не известны слои, откуда происходит данная плитка мы можем датировать ее на основе стилистических признаков и в рамках того материала, который был собран на этом памятнике. Стилистические особенности относят ее к позднеэллинистическому времени (парфянский изобразительный комплекс - ранние погребальные рельефы), т.е. ко II-I вв. до н.э., а возможно даже к I в. н.э. К тому же, если учесть тот немногочисленный керамический материал, который был собран на Саполтепа и который более тяготеет ко II - I вв. до н.э., было бы более справедливым датировать плитку этим временем, хотя не исключена ее чуть поздняя датировка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sarianidi V.I. Bactrian Gold. Aurora Publishers, Leningrad. 1985, 77-79.
2. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент, 2000, рис. 145,3.

Abdullaev K., Radjabov S.

The terra cotta relief from Kashkadarya with representation of Dionysos and Satyr.

The terra cotta plaque was found by accident on the Sapoltepa site in the zone of Chimkurgan reservoir (Kamashi district, Kashkadarya region). It represents Dionysos figure in resting posture on the banquet and Satyr near his legs holding out an apple to the main personage. Dionysos figure is draped in skin of fallow-deer. He holds a cup (phiale) in his left hand and wineskin in right one. It is a very rare composition in the Art of Central Asia and corresponds a popular motive in Hellenistic world. The datation of this plaque is approximative. By the early ceramic which was gathered on the site surface it can be dated to II-I BC.

Максудов Ф.А.

ХРАМ ОГНЕПОКЛОННИКОВ I-III вв. н.э. В ЮЖНОЙ ФЕРГАНЕ

В связи с подготовкой к юбилею в городе Маргилане проводятся археологические исследования. Особый интерес представляет западная часть города, занятая современными застройками.

Здесь, на территории махалли Машгад обнаружены культурные слои на площади в 20-25 га. Археологический материал из этих слоев, в частности, гончарная посуда, ее высокое качество, серийность, разнообразие форм и типов позволяют судить о том, что на рубеже нашей эры здесь существовал довольно большой густозаселенный центр.

При поисках архитектурных остатков бывшего городища на небольшом холме под названием Кызлартепе обнаружены руины монументального здания, построенного на высокой пахсовой платформе (стилобате), имеющей в плане овальную форму. Высота платформы равна 230-250 см, площадь 36х60 м. Края ее со всех сторон сооружены в виде пандуса. Интересно отметить, что под платформой имеется слой чистого речного песка мощностью 40 см. Песок лежит на тонком слое речной гальки толщиной 5-15 см (Рис. 1).

Само здание в основании имеет квадратную форму, ориентировано по сторонам света и представляет собой крупный зал с обводными коридорами (Рис. 2).

Центральное помещение (6х6 м) обведено по периметру стенами толщиной 100 см. Вокруг этих стен проходит обводной коридор шириной 160-170 см и, наконец, с внешней стороны

коридора, по периметру, построена стена толщиной 170 см. Длина внешней стороны здания равна 14,6 м. Стены сооружены способом ленточной (слоеной) пахсы, каждый слой которой имеет толщину 10-14 см, и покрыты с обеих сторон тремя слоями гладкой саманной штукатурки, где каждый слой достигает 1 см. Стены здания сохранились местами высотой до 40-60 см. Поскольку на этом холме находится современное мусульманское кладбище, нам не удалось вскрыть стены здания полностью, поэтому мы не располагаем информацией о месте проходов, технике перекрытия и архитектуры дворовой части.

Почти в середине центрального помещения имеются два соединенных между собой очага. Они напольные, устроены в верхнем полу, прямоугольной формы и ориентированы по линии север-юг. Размеры и формы очагов одинаковые, они не имеют устьев. Один из них, восточный, сохранился полностью. Его размеры изнутри - длина 45 см, ширина 25 см, глубина 20 см; снаружи - длина 75 см, ширина 50 см; в южной части углы очага прямые, а в северной - скругленные. Стенки очага массивные, толщиной 14 см и сильно прокалены. Северо-восточный угол второго (западного) очага разрушен. Между очагами пролегает четкая грань - но здесь их стенки имеют толщину по 11 см и вплотную пристроены друг к другу. Заполнение очагов состояло из золы с включением земли и незначительных фрагментов керамики (Рис.2).

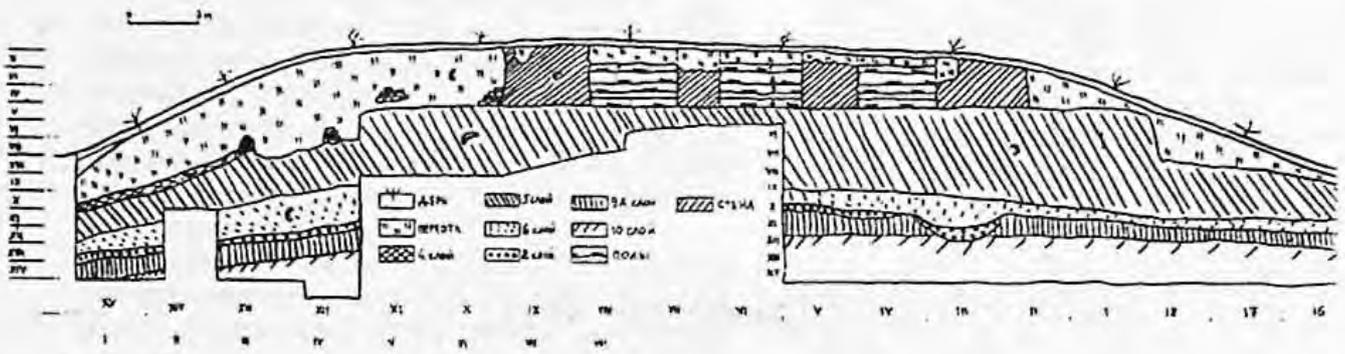

Рис. 1

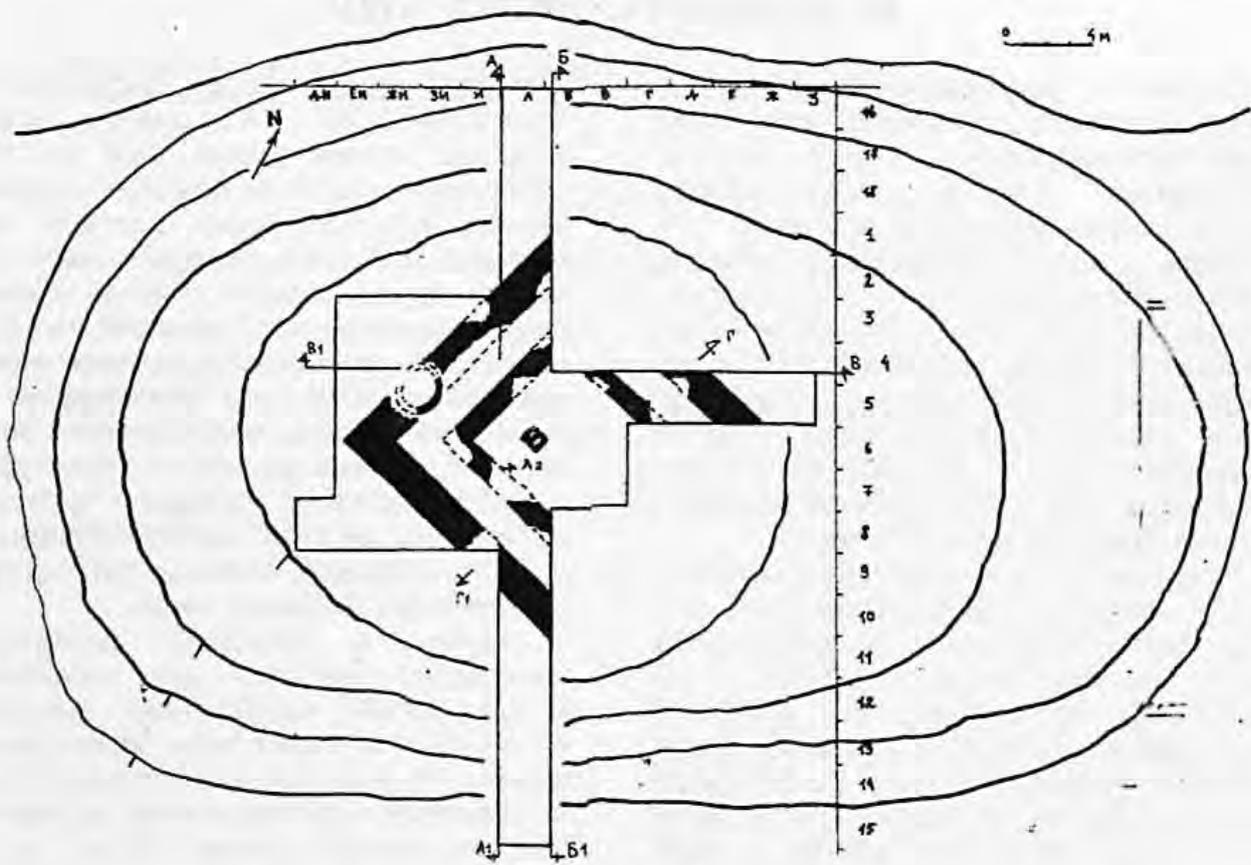

Рис. 2.

Как видно, очаги эти не бытовые, так как они не удобны для приготовления пищи, скорее всего, они являлись культовыми очагами-алтарями. Такого типа алтари известны в культовых сооружениях древней Ферганы, в частности, аналогичные очаги-алтари имелись в храме огнепоклонников III-II вв. до нашей эры на поселении Султанабад в Восточной Фергане (Абдулгазиева, 1994, с. 27).

В центральном помещении на глубине 95-100 см от репера вскрыт уровень пола.

Он представляет собой промазку из плотной глины толщиной 5-7 см. Завал над полом состоит из обломков обгорелого сырца-кирпича небольшой клинчатой формы. Они непрочные, сформованы из глины с включениями дробленой керамики, размеры кирпичей установить не удалось из-за плохой сохранности. В этом слое найдены фрагменты керамики с красным ангобом, изготовленной на гончарном станке, из теста хорошей отмучки, обжиг равномерный, черепок плотный (Рис. 3).

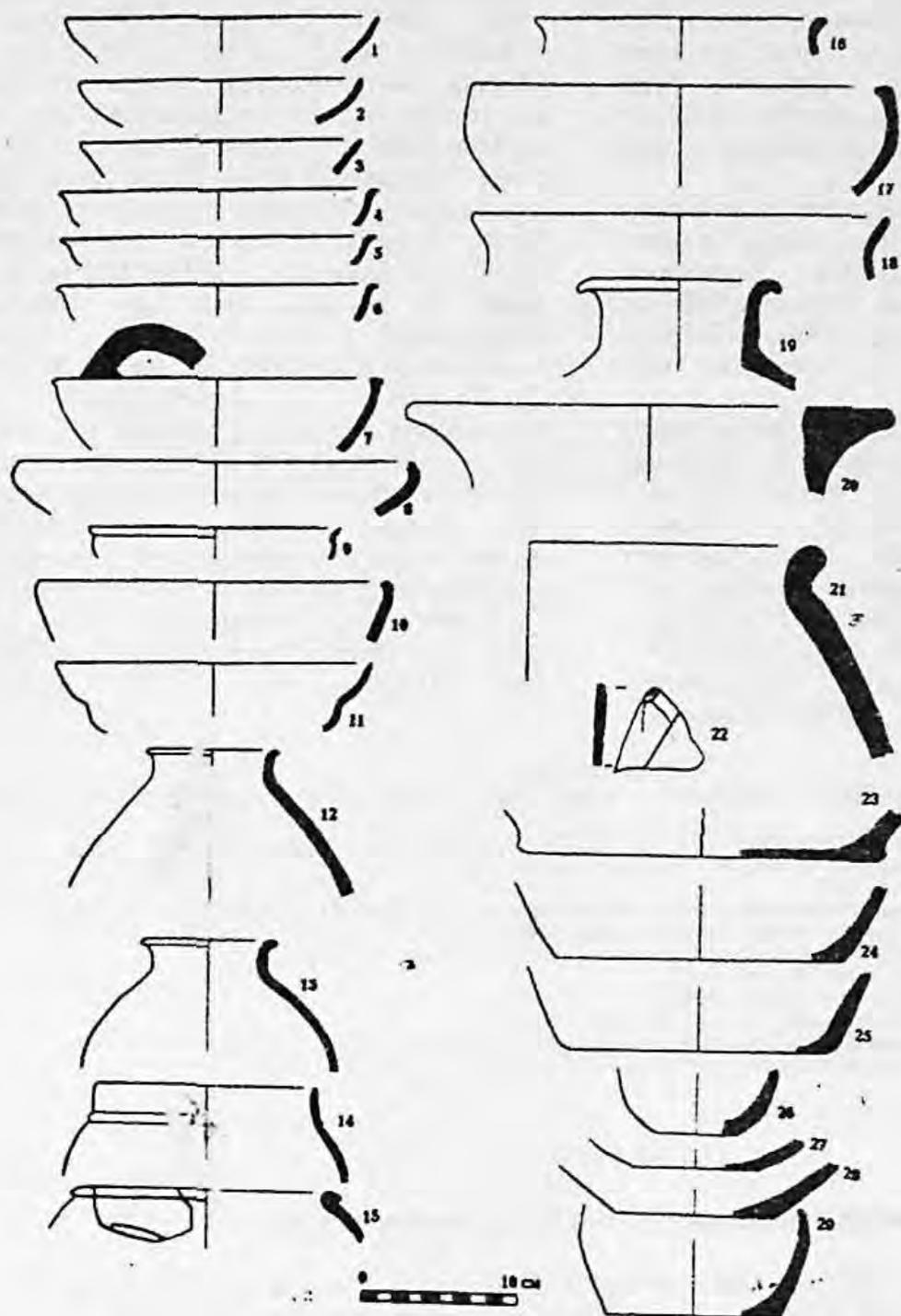

Рис. 3.

Второй уровень пола вскрыт на глубине 140 см, считая от репера. Расстояние между полами 40 см. Это пространство заполнено уграмбованным грунтом с включением большого количества обломков обожженного сырца невыразительной формы. На полу зафиксирован тонкий слой черной золы, но поверхность пола не имеет следов обгорелости. Таким образом, пол был специально покрыт слоем золы (Рис.1).

толщиной 6-7 см (Рис.1).

В заполнении между вторым и третьим полами имелись фрагменты красноангобирванных сосудов станкового изготовления, формованные из теста хорошей отмучки, обжиг равномерный. На уровне этого пола найдена каменная зернотерка овальной формы с плоской рабочей поверхностью и размерами: длина 20 см, ширина 14 см, толщина 4 см.

Уровень четвертого нижнего пола вскрыт на глубине 195-200 см. В слое заполнения над ним найдены фрагменты

В заполнении этого пола также обнаружены фрагменты красноангобирванной керамики высокого качества.

Третий уровень пола вскрыт на глубине 170-175 см, считая от репера. Он представляет собой слой плотной глины серовато-зеленого цвета толщиной 15 см. В период существования третьего уровня пола в помещении было произведено четыре ремонта с наращиванием уровня пола, о чем можно судить по результатам исследования грунта между вторым и третьим уровнями полов - в этом промежутке отмечено 4 прослойки промазки из плотной глины - толщиной по 3-5 см каждая, чередующихся с прослойками золы. Верхняя промазка зафиксирована на глубине 150 см, на ней вскрыт слой обгорелой золы

керамики с красным ангобом, также изготовленные на станке, хорошего качества. Кроме того, в этом же слое встречены каменные орудия труда дисковидной формы, диаметром 11-12 см и толщиной 6 см, использовавшиеся для растирания (Рис.1).

Вся гончарная продукция полученная из заполнений в грунте между полами помещения и обводных коридоров типична для керамики Ферганы I-III вв. нашей эры (Горбунова, 1986, с.117-175; Заднепровский, 1954, с.8; Козенкова, 1964, с.230).

В комплексе керамики из четырех полов имеются фрагменты красно-ангобированных сосудов типа горшков с процарапанным после обжига орнаментом (Рис.3: 15, 22). Орнамент характерен для керамики Ферганы I-IV вв. нашей эры (Анарбаев А., Иневаткина О., 1990, с.85; Абдулгазиева Б., 1995, с.45).

В Фергане было обнаружено несколько святилищ огнепоклонников

доисламского периода (Абдулгазиева, 1994, с.26-27; Брыкина, 1982, с.36-46; Брыкина, 1973, с.115), но храм в Маргилане отличается от них крупными размерами, монументальностью, техникой сооружения и архитектурным планом. В этом отношении храм Маргилана имеет отдаленные аналогии с храмами огня в Сулганабаде и Майдатепе (Абдулгазиева, 1994, с.27; Брыкина, 1973 с.115), но более схож с храмом огня на городище Кургантепе Мианкальской группы памятников (Пугаченкова, 1989, с.90-95).

Вскрытая архитектура по предварительным данным имеет культовый характер и является, видимо, храмом огнепоклонников урбанизированного центра, что видно при сравнении архитектурных особенностей памятника в Маргилане с храмами огнепоклонников Средней Азии (Рапопорт, 1993, с.171; Рапопорт, 1996, с.70; Брыкина, Горбунова, 1999, с.93-113).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгазиева Б., Стратиграфические исследования памятников шурабашатской культуры//Фергана в древности и раннем средневековье, Самарканд, 1994.
2. Gorbulova N.G. The Culture of Ancient Ferghana (6 c.BC-6 c.AD), BAR International Series, 281, Oxford, 1986.
3. Заднепровский Ю., Древняя Фергана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1954.
4. Козенкова В.И. Гайраттепе// СА, 1964.
5. Анарбаев А., Иневаткина О. Стратиграфическое изучение Шахристана 1 городища Эски Ахси//ИМКУ, Вып.24, Ташкент, 1990.
6. Абдулгазиева Б., Керамика поселения гончаров Камолтепа//ОНУ, 1995, №5-8.
7. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине первого тысячелетия нашей эры// М., 1982.
8. Брыкина Г.А. Городище Майдатепе//КСИА, №136, 1973.
9. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
10. Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топраккалы//ВДИ, 1993, №4.
11. Рапопорт Ю.А., Религия Древнего Хорезма: некоторые итоги исследований//ЭО, 1996, №6.
12. Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Фергана//Средняя Азия в раннем средневековье. М.,1999.

Maksudov F.A.

The Temple of Fireworshippers in Southern Ferghana in the 1st -3rd cc AD

The article deals with the latest archaeological research in lower part of Margilansay River in Southern Ferghana. The ruins of an ancient settlement were revealed in the territory of the modern city of Margilan. Remains of cultural layers containing archaeological data were found here. The area of spreading of these layers was 20-25 hectares. The most interesting is finding out remains of a monumental building with surrounded corridors and large room in the center with two joined hearths. Comparison of architectural plan of the building shows that, it was a temple of fireworshippers of urban type. The temple is dated by the 1st -3rd cc AD.

Пардаев М.Х.

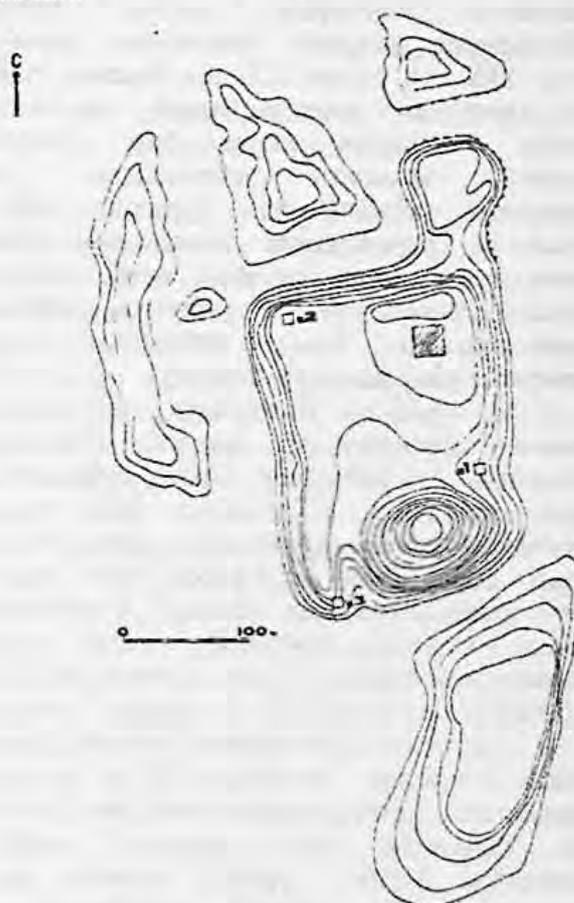
ҚАЛИЯТЕПА ШАҲАР ЁДГОРЛИГИ ВА УНИНГ СТРАТИГРАФИЯСИГА ДОИР АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Сангзор дарёсининг қўйи оқимида жойлашган Жиззах воҳаси археология ёдгорликларини ҳудудий ва даврий жиҳатдан Қалиятепа ва Ўрда гуруҳларига бўлиб ўрганиш мумкин. Жиззах археология отряди томонидан 1990 йилларда ўтказилган тадқиқотлар натижасига кўра Қалиятепа гуруҳи ёдгорликларининг нисбатан қадимги даврларга дахлдорлиги, воҳадаги илк шаҳар ва қишлоқ қурилиши жараёнлари айнан ушбу мавзёлардан бошланганлиги исботланди. Воҳанинг энг улкан ва қадимги ёдгорлиги Қалиятепада олиб борилган қазув ишлари мазкур илмий натижаларнинг асосини ташкил этди (Пардаев, 1995, 14-17 б.; Суюнов, 1998, 17 б.).

Қалиятепа шаҳар харобалари Жиззах шаҳри «Қалия-Мўлканлик» маҳалласининг шарқий қисмида, «Жиззах» автостанциясидан 700 м шимолда, Жиззах-Пахтакор магистраль йўли ёқасида жойлашган. Ҳажм жиҳатдан Жиззах воҳасининг энг катта археология обидаси ҳисобланган Қалиятепа бир-бирига узвий боғланган 6 та турли шаклдаги тепаликлардан иборат. Шимол-жануб йўналиши бўйича ястанган ушбу комплекснинг ҳозирги сақланиб қолган қисмининг умумий майдони 30 га.ни ташкил қилади. Қалиятепа ҳам мумтоз ўрта аср шарқ шаҳарлари сингари анъанавий уч қисмдан иборат бўлиб, арк - шаҳар ҳокими саройи; шаҳристон - мудоффа девори, ҳарбий буржлар билан ўралган, арк билан тутшиб кетган шаҳар мавзеи; работлар - мудоффа девори ва ҳандақлардан ташқарида алоҳида жойлашган 5 та тепаликдан ташкил топган (1-расм).

Арк Қалиятепа комплексининг энг баланд ва маҳабатли, нисбатан яхши сақланган қисми, шаҳристоннинг шарқий ва жанубий

дарвозалари ўртасида жойлашган. Ташқи кўриниши жиҳатидан у шарқ-ғарб йўналиши бўйича чўзилган, айланага монанд шаклга эга. Унинг умумий майдони 1 га.дан ошиқ, баландлиги 21 м.га етади. Аркнинг микрорельефига қараб унинг шимолий ва ғарбий томонлари алоҳида, жанубий ва шарқий томонлари шаҳристоннинг умумий деворлари билан ўраб олинганлиги аниқлаш мумкин.

1- расм. Қалиятепа ёдгорлигининг топографик плани

Шаҳристон мазкур шаҳар харобаларининг асосий ядроси сифатида марказда жойлашган. Унинг ташқи кўриниши тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, ўлчамлари 270 x 200 м.ни (5,4 га), баландлиги 11-12 м.ни ташкил қилади. Ер сатҳи рельефини ўрганиш асосида шаҳристоннинг учта - жанубий, шарқий, шимолий дарвозалари ўрни ва уларнинг кўтарма йўллари, мудофаа истехкомлари тизими ҳарбий буржлар, сўнгги қурилиш даврига тегишли кўча, маҳаллалар жойлашуви нисбий тарзда аниқланди. Шаҳристон уч томондан эни 25-50 м., чуқурлиги 1,5-2,5 м.гача сақланиб қолган хандаклар билан ўраб олинган. Тўртинчи, шарқий томоннинг ер сатҳи турли қурилишлар оқибатида тубдан ўзгарганлиги сабабли ёдгорликка тааллуқли бирон маълумот олиш имконияти йўқ. Шунингдек, 1980-йилларда Қалиятепа шаҳристонининг асосан шарқий ва қисман жанубий ён бағирларида ер ўзлаштирилиб, кучли сув кўтариб берувчи ускуналар орқали суғориш ишлари ўтказилганлиги сабабли бу ердаги маданий қатламлар деярли яроқсиз ҳолга келтирилган.

Работлар Қалиятепа арки ва шаҳристонини шимол, жануб ва ғарб томондан ўраб турувчи 5 та алоҳида жойлашган тепалардан ташкил топган. Работларнинг шарқий томондаги давомий қисми XIX аср охири XX аср бошида темир йўл қурилиши даврида олиб ташланган. Мазкур тепаларни яхлит бир қурилиш иншооти эканлиги эҳтимолдан узоқ бўлганлиги сабабли, илк қурилиш даврий санаси ва ривожланиш босқичлари тўлиқ ўрганилмаганлигини ҳисобга олиб, шартли равишда уларни алоҳида работлар сифатида тартиб рақами билан белгилаган ҳолда тавсифлаш мақсадга мувофиқдир.

1 - работ Қалиятепа шаҳристони шимолий дарвозасининг шундоқ рўпарасида жойлашган. Бу работнинг бошқа работлардан фарқи шундаки, у кўтарма йўл орқали шаҳристоннинг шимолий дарвозасига туташиб кетган. Шаҳристон ва 1-работ учун умумий битта шарқий дарвоза мавжуд. 1-работнинг ҳозирги кўнгача сақланиб қолган қисми квадратсимон шаклда бўлиб, ўлчамлари 75-70 м (0,52 га), баландлиги 8 м.га етади (1-расм).

2 - работ шаҳристоннинг шимоли-шарқий кунжак томонида, 1-работдан 35 м. шимолда жойлашган. Ёдгорликнинг жанубий томони йўл қурилиши учун бутунлай қирқиб ташланган. 2-работ ғарбдан шарққа томон чўзилган бўлиб, трапеция кўринишига эга бўлиб, умумий майдони 0,6 га.ни, баландлиги 3,5-4,0 м.ни ташкил этади. Ёдгорликнинг

жанубий қирқимларида ўтказилган кичик ҳажмли синов қазималарида асосан антик ва илк ўрта асрларга тааллуқли маданий қатламлар очиб ўрганилди (1-расм).

3 - работ шаҳристоннинг шимол томонида 25-30 м.ли мудофаа хандақлари ортида жойлашган бўлиб, ҳозирги кўнга қадар сақланиб қолган қисми учбурчаксимон кўринишга эга. Унинг жанубий ва ғарбий томони 115 м.га, баландлиги 6-7 м.га тенг. Работнинг шимолий ва шарқий томонлари ер ўзлаштириш пайтида қирқиб ташланган. Йўқотилган қисмини ҳам ҳисобга олганда 3-работнинг умумий майдони 2,2 гадан ортиқ бўлади. Микрорельеф тузилиши бўйича работнинг ғарбий дарвозаси ўрнини аниқлаш мумкин (1-расм).

4 - работ шаҳристондан 45-50 м. масофа ғарбда, Қалиятепа ёдгорлиги марказий ядроси билан параллел, шимол-жануб йўналиши бўйича чўзилиб кетган ҳолда жойлашган. Ёдгорликнинг қадимги, дастлабки кўриниши деярли сақланмаган. Ҳозирги ёйсимон шакли ва ўта ўзгартирилган микрорельефидан бирон қурилиш ва иншоот ўрнини аниқлаб олиш мушкул. 4-работ шимол-жануб томон бўйича 300 м., шарқ-ғарб томон бўйича 70-100 м. ўлчамларга (2,5 га), баландлиги 4,5-5,0 м.га эга. 1960-70 йиллардаги ер ўзлаштириш пайтида 4-работ худудидан хум ва қутисимон остидонлар топилган. Араб истилосигача 4-работнинг маълум қисми Қалиятепалик оташпараст қавмларнинг «қабристон» бўлгани эҳтимолдан узоқ эмас. Шунингдек, работнинг марказий қисмида «Жиловдор ота» номли муқаддас жой ва қабристон ҳозирги кўнга қадар фаолият кўрсатиб келаяпти. Жиловдор отага «пир» сифатида асосан чавондозлар ва йилқиси касалликка чалинган чорвадорлар сиғинишади (1-расм).

5 - работ жануб томонда аркнинг рўпарасида жойлашган бўлиб, унинг тўрт томони ва ҳатто устки қисмида ҳам ер ўзлаштириш ишлари олиб борилган. Работнинг ҳозирги ташқи кўриниши тўғри тўртбурчаксимон шаклда бўлиб, унинг ўлчамлари 230-130 м. (3 га), баландлиги 4-5 м.ни ташкил қилади. Ёдгорликнинг жанубий қирқимларида ўтказилган қазув текширишлари натижасида мазкур работ маданий қатламларидан фақат V-VIII асрларга оид ашёвий далиллар олинди (1-расм).

Қалиятепа шаҳар харобаларида ўтказилган археология қазув тадқиқотлари тарихи жуда қисқа ва узвийликка эга эмас. 1950 йилларнинг охири 1960 йилларда Қалиятепада кичик ҳажмли қазув ишларини ўтказган Я.Фуломов раҳбарлигидаги Моҳандарё

экспедицияси маълумотларида ёдгорликнинг юқори қурилиш даври X-XII асрларга тааллуқли деб эътироф этилган (Касымов, 1968, 331-332 б.).

1960-йилларнинг иккинчи ярми 70-йилларнинг бошида воҳада Жиззах сув омборининг қурилиши бошланиши муносабати билан археология қазув, қидирув тадқиқотларини ўтказиш бир қадар фаоллашди. Лекин ушбу тадқиқотлар ҳам навбатдаги қисқа муддатли изланишлар кўринишида бўлиб, уларда Қалиятепанинг сўнгги қурилиш даври X-XII; XIV-XVI асрлар билан даврланади (Рахимов, 1967, 3 б.; Ташходжаев, 1973, 1-2 б.).

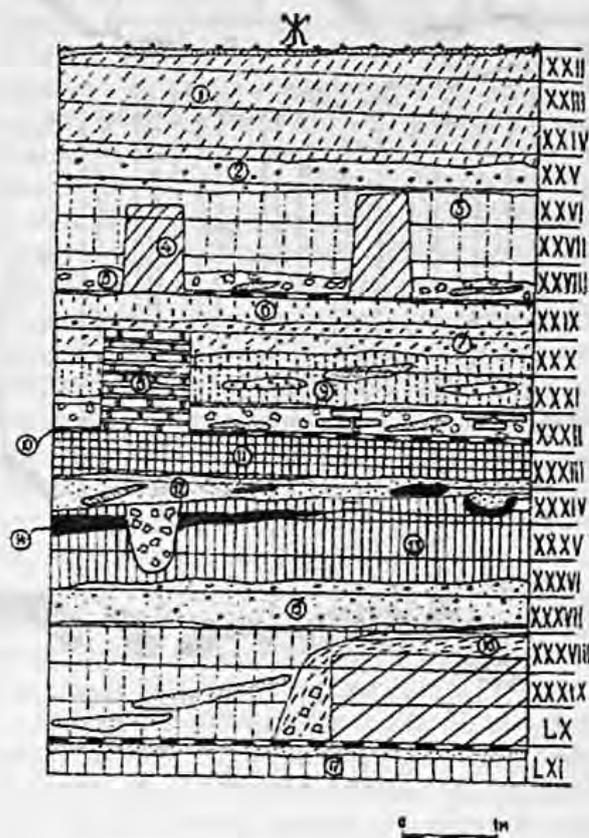
1979-80 йилларда Э.Кодиров бошчилигидаги Шимолий Уструшона отряди Қалиятёпа шаҳристонининг шарқий ва шимоли-ғарбий қисмларида стратиграфик қазув тадқиқотлари ўтказди. Тадқиқотлар натижасида Қалиятепанинг илк қурилиш даври V-VI; сўнгги қурилиш қатламлари XIII-XIV асрлар билан даврланган, шунингдек X-XII асрлар моддий маданияти ҳам ўрганилган (Бердимуродов, 1985, 18 б.; Абдукаримохунова, 1980, 5-8 б.).

1981 йилда Т.Ширинов раҳбарлигидаги Жиззах отряди ёдгорлик шаҳристонининг шимолий мавзёида сўнгги қурилиш даврига оид иморат қолдиқларини очиб ўрганди. Топилган танга пуллар, кўп сонли сопол идишлар ва меъморчилик намуналари асосида ушбу қурилиш комплекси XV-XVI асрлар билан даврланган (Ширинов, Пардаев, 1982).

Қалиятёпа шаҳристони, работлари усти ва ён атрофидан йиғилган тасодифий топилмалар, антик даврга оид сопол идишлар бўлақларини учраши шаҳар ёдгорлигининг бунёд этилган тарихий даврини янада қадимгирок эканлигидан шаҳодат беради. Шу сабабли Қалиятёпа шаҳристони маданий қатламларини янгидан ўрганиш эҳтиёжи туғилди. Мазкур қазув иши шаҳристоннинг арк билан туташ шарқий ён бағрида, баландлиги репер нўқтасига нисбатан анча паст бўлган, бўльдзер суришидан ҳосил бўлган табиий қирқимда (Э.Кодиров қазилма ўтказган жойда) амалга оширилди.

Бунинг учун эски стратиграфик шурфнинг жанубий девори 1,0м қалинликда, 6,5м узунликда қирқиб тозаланди ва бу ишлар 8,70м чуқурликдаги материкгача давом эттирилди. Материк сарғиш рангли, ўртача қаттиқликдаги лёсс қатлампидан иборат бўлиб, у репер нўқтаси бўйича XLI яруснинг 20см.идан бошланган. Қазилма ишлари давомида қайд этилган маданий қатламларда узоқ давом этган 5 та қурилиш даври

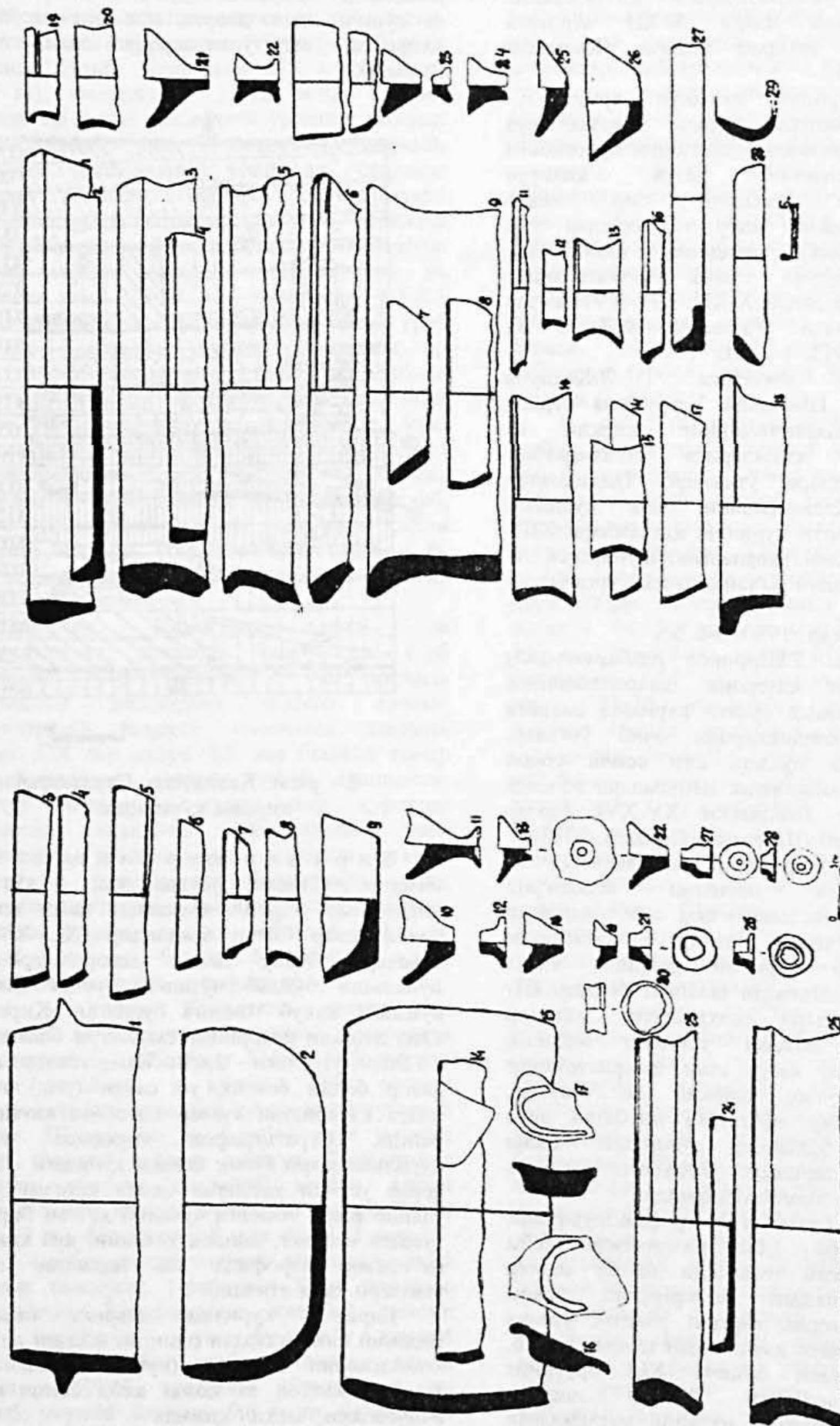
аниқланди. Уларнинг икки дастлабкиси антик ва сўнгги антик даврга, илк ўрта асрларга, охиригиси сўнгги ўрта асрларга тааллуқлидир (2-расм).

2 - расм. Қалиятёпа. Стратиграфик қирқим кўриниши

Биринчи қурилиш даври материк қатлами устида қад кўтарган қирқимнинг ғарбий чеккасида қайд этилган пахса девор билан боғлиқдир (XLI-XXXVII яруслар). Ушбу пахса девор ғарб-шарқ йўналиши бўйлаб чўзилган, унинг шарқий кунжаги жануб томонга бурилган. Қирқимда қайд этилган деворнинг сақланган баландлиги - 1,20м, узунлиги - 2,65м. Қайд этилган пахса девор билан боғлиқ уй сатҳи (пол) текис, юзага кўтарилган тузлар ҳисобиға қаттиқ оқ рангда. Стратиграфик қирқимда мазкур қурилиш даври билан боғлиқ қуйидаги - пахса девор устини қоплаган оқова қатлами, ўнга уланиб шарқ томонга чўзилиб кетган бир хил тусдаги носранг, юмшоқ қатлами, кул қатлами ва девор атрофида эса йиқилган пахса уюмлари қайд этилди.

Биринчи қурилиш даврига қарашли маданий қатламлардан олинган моддий ашёлар комплексини паймона (кубок), коса, кўза, хум, манқалдон ва қозон каби сопол идиш намуналари ташкил қилади.

3 - расм. Калыатга. I курылышы даври кулозлик буюмлари

4 - расм. Калыатга. II курылышы даври

Биринчи қурилиш даври топилмалари орасида етакчи ўринни эгаллаган п ай м о н а лар асосан пастки-тагдон қисмлари билан намоеън бўлиб, улар тез айланадиган кулоллик чархида ясалган. Идишларнинг ён деворлари юпка, тагдони ғовак, баланд, ички ва ташки томонлари қизғиш-малта, қизғиш ангоблар билан бўялган. (3-расм, 10-13; 19-22).

К о с а лар икки асосий гуруҳга бўлинади. Биринчи гуруҳни яхши ишлов берилган тоза лойдан кулолчилик чархида ясалган косалар ташкил этади. Бу идишларнинг гардиши тўғри чўзилган, гардиш учи тумтоқ, ич ва ташки томони қизғиш-малта ангоб билан бўялган. Шунингдек, мазкур кулоллик идишлари орасида ихчам сув кўзалар, танаси шарсимон ва тухумсимон хумлар, тагдон ва гардиш диаметри бир хил ўлчовдаги манқалдон, ён деворидан ярим айлана кўринишда тўртиб чиққан ёки кулоқлари «тақасимон» шакли қозонлар учрайди (3-расм, 3-6; 24, 1, 16, 17).

Биринчи қурилиш даври топилмаларининг муқоясавий тахлилига кўра хулоса қилишимиз мумкинки, сопол идишлар ясалишида аввало қадимги Уструшона кулолчилигидаги маҳаллий анъана ва усўлларга амал қилинган. Хусусан, Қалиятепа манқалдони, "гуррасимон" шаклда тўртиб чиққан кулоқли қозонлари шимоли-ғарбий Уструшонанинг Хонтепа ёдгорлиги топилмаларидан маълум ва улар эрамиздан аввалги V-IV асрлар билан даврланади (Грицина, 1990, 116).

Паймоналарнинг муқоясавий тахлилини кўрсатишича узун, ғовак тагдонли мазкур идишлар Ўрта Осиёдан Шимолий Ҳиндистонгача бўлган катта худудда учрайди. Ушбу мавзуда эълон қилинган илмий ишларда бу хилдаги паймоналар эрамиздан аввалги II асрлардан бошлаб янги эранинг IV-V асрларигача бўлган катта даврнинг турли асрлари билан даврланган. Хусусан, айнан бизнинг ихтиёримиздаги паймоналарга ўхшаш Эски Ховос топилмаларини А.А.Грицина эрамиздан аввалги I аср, янги эранинг II асрлари билан; Хитойтепа паймоналарини эрамизнинг II-IV асрлари билан даврлайди (Грицина, 1990, 136). Суғд моддий-маданиятида кўплаб учраган ушбу хилдаги идишлар даврий санаси муаллифлар томонидан эрамизнинг биринчи асрлари билан белгиланган (Исамиддинов, Сўлейманов, 1984, 726, Пугаченкова, 1989, 486, 17-р). Жанубий Суғднинг Нугузтепа қишлоқ маконидан топилган паймоналар мазкур археологик комплексе даврий санасини белгиловчи асосий омил бўлиб хизмат қилади ва шу асосда С.К.Кабанов ёдгорликни эрамизнинг II-III

асрлари билан даврлайди (Кабанов, 1977, 30-326-р, 18-ж, 18-22). Худди шу тахлитдаги манқалдон, кулоқли қозонлар, кўза ва хумлар кейинги даврларда вужудга келган Эски Ховос шаҳар ёдгорлиги қатламларида, косалар, кўзалар ва қозонлар Хитойтепа қишлоқ маконида қайд этилган. Эски Ховос пастки қурилиш қатлами топилмалари эрамиздан аввалги I аср-эрамизнинг II асрлари билан, иккинчи қатлами эрамизнинг II-IV асрлари билан, Хитойтепа идишлари эрамизнинг II-IV асрлари билан даврланади (Грицина, 1990, 136). Ихтиёримиздаги идишлар Тошкент воҳаси ёдгорликлари кулолчилик комплекслари билан солиштирилганда улар орасидаги муқоясавий ўхшашлик биз кутган даражада кўп эмаслиги маълум бўлди. Ковунчи I маданияти идишлари орасидан фақат коса ва кўзалар (Левина, 1971, 180-181б; 59-р, 59-61; 127, 132с), Шош II-IV қатламларидаги хум, манқалдон ва кўзалар (Филанович, 1983, 45-б, 2-р. 7, 9, 15-16; 18с) Қалиятепа идишларига ўхшашдир.

Ушбу муқоясавий тахлиллардан келиб чиққан ҳолда Қалиятепа стратиграфик қирқимнинг I қурилиш даври эрамизнинг I-III асрлари билан даврланади.

И к к и н ч и қ у р и л и ш д а в р и стратиграфик шурфнинг XXXVII-XXXIII яруслари орасида қайд этилди. Бу қурилиш даври-ўртача қаттиқликдаги оқиш тусли ғовак, кўнгир тусли юмшоқ, сунъий тарзда шибаланган қаттиқ тупроқ, кул ва қора куйинди қатламларидан таркиб топган. Стратиграфик қирқимнинг шарқий томонида хўжалик ўраси қайд этилди (XXXV-XXXIII яруслар). Ўранинг қирқимдаги кўриниши тухумсимон шаклда бўлиб, у юмшоқ тупроқ аралаш кесаклар ва асосан кул билан тўлдирилган. Қирқимнинг ғарбий кунжагида, XXXIV яруснинг ўрта қисмида эса ўчоқ қолдиғи топиб ўрганилди. Ўчоқ яхши пишитилган хом лойдан ясалган, унинг қирқимдаги кўриниши эгарсимон шаклда (2-расм).

Иккинчи қурилиш даврига тааллуқли моддий-маданият ашёлари-кулоллик буюмлари орасида янги шаклдаги идишлар пайдо бўлди. Ён девори қалин, лойига турли аралашмалар кўшилиб, асосан кўлда ясалган, кулоллик чархида тўғрилланган хурмача ва хурмалар, катта ҳажмли тоғоралар, қалин деворли косалар, танаси тухумсимон чўзиқ шаклдаги қувачалар шулар жумласидандир (4-расм).

Х у р м а ва х у р м а ч а лар ўртача сифатли сарғиш тупроқ лойидан ясалган, сирланмаган. Мазкур идишларнинг қирқимдаги гардиш кўриниши чаппа "Г" шаклида бўлиб, гардиши деярли 90°ли бурчак

хосил қилган ҳолда ташқарига қайрилган. танаси тухумсимон шаклда (4-расм, 9, 18).

Т о р а лар катта ҳажмли идиш бўлиб, уларнинг қирқимдаги гардиш кўриниши тўғри, хиёл ташқарига ётган, бош томони йўғон тўқмоқ шаклида (4-расм, 1, 6-с).

К у в а ч а Этнографик маълумотларга кўра сут-қатик маҳсулотларидан ёғ ажратиб олишда ишлатиладиган бизни давримизгача сақланиб қолган ёғоч қувининг қадимги прототипидир. Унинг танаси чўзинчок, гардиш боши қалин, думалоқ, обдон ичкарига қайрилган ва бунинг натижасида гардиш диаметри сезиларли кичрайган (4-расм, 28).

Паймоналар, косалар, кўзалар хумлар сон ва шакл жиҳатидан деярли ўзгармаган. Кўзалар таркибидаги тор бўғизли кўзалар сони сезиларли даражада ўсган (4-расм).

Иккинчи қурилиш даврига оид, тавсифи юқорида баён этилган сопол идишларнинг бир гуруҳи (паймонлардан ташқари) билан Шимолий Тожикистондаги Тиркаштепа қалъаси сопол идишлари (Пулатов, Салтовская, 1987, 344-345б, 3-расм, 2, 8с., 4-расм, 5, 8, 9с.), Қовунчи маданиятининг 2-босқичига, Жети-Осорнинг 1-босқичига тааллуқли кулоллик буюмлари орасидаги муқоясавий ўхшашликни кўзатиш мумкин (Левина, 1971, 182-183б, 59-расм, 168-170; 208, 219, 283, 286с., 67-68б, 15-расм, 2, 29-30, 64-65, 136с.).

Шунингдек, Тошкент воҳасининг эталон ёдгорликларидан бири бўлган Шоштепанинг IV-V маданий босқичи материаллари (Филанович, 1983, 45, 60-б, 2-расм, 7-9; 3-расм, 44-45; 61-62), ғарбий Фарғона мазор-кўрғонларидан топилган идишлар орасидан (Литвинский, 1973, 120-130 б.) Қалиятепа иккинчи қурилиш даври топилмаларига айнан ўхшаш нусхаларни учратиш мумкин.

Афросиёбнинг II-III; III-IV асрларга оид қатламларидан чиққан идишлар орасидан ҳам мазкур комплекс паймоналари, косалари, тоғоралари ва кўзаларига ўхшаш нусхаларни кўп миқдорда учратиш мумкин (Кабанов, 1973, 64-65б, 14-расм, 2, 4, 7, 8-с., 68-70б, 15-расм, 2, 9, 11, 13-с.; Брусенко, 1973, 105-106б, 2-расм, 30, 32-33, 35-36с.).

Келтирилган ушбу муқоясавий таҳлилларга асосланиб, ҳамда Қалиятепа стратиграфик қирқими маданий қатламларидан олинган кулоллик буюмларининг давомийлиги ва морфологик ўзгаришларини ҳисобга олиб иккинчи қурилиш даврини эрамининг III-IV асрлари билан даврлаймиз.

У ч и н ч и қ у р и л и ш д а в р и XXXIII-XXIX яруслар оралиғида, қирқимнинг шарқий бурчагида қайд этилган қандайдир

иморатнинг девор қолдиғи билан боғланади. Девор жануб-шимолий томонлари бўйича йўналган бўлиб, ўлчамлари 40-42x22-23x9-10 см бўлган тўғри тўртбурчак шаклдаги хом гиштлардан кўтарилган. Деворнинг қалинлиги - 1,20м, баландлиги - 1,35см, Сақланиб қолган 9 қатор қаватлари оралиғига 3-4 см қалинликда лой ётқизилган. Деворнинг пастки қисми ўнг ва сўл томонида оқиш рангдаги, хом лойдан қилинган, қалинлиги 2,5-3см бўлган текис қатлам, хона поли очилди. Пол сатҳи гишт ва паҳса кесаги уюмлари, кул ва куйинди қатлами билан қопланган. Учинчи қурилиш даври моддий-маданияти орасида морфологик жиҳатдан уч гуруҳга бўлинган косалар ва кўзалар етакчи ўринни эгаллайди.

Косалар ўз морфологик тузилишига қараб уч тоифага - косалар паймонасимон косалар ва чуқур товоқларга (лаъли товоқ) бўлинади.

Бу хилдаги идишлар яхши пишитилган қизғиш тупроқ лойидан кулоллик чархида ясалган. Лой таркиби тоза, идишларнинг устки ва ички томони қизғиш анғоб билан бўялган. Косаларнинг гардиши тик, гардишнинг ўрта қисми букилган, бунинг натижасида гардиш боши сал ичкарига қайрилган. Гардиш учи текис, айрим ҳолатда думалоқ. Гардиш бошининг ташқи томони учли, хиёл чўзилган, тана кўриниши думалоқ ва узунчок-думалоқ (5-расм, 1-3; 9, 10, 13, 14).

Л и к о б ч а. Фақат бир нусхада қайд этилган ушбу топилмани ҳозирги замон ликобчатарининг мумтоз намунаси деб атаса бўлади. Чунки, унинг кўриниши шу хилдаги ҳозирги идишларнинг айнан ўзидир. Ликобча сифатли лойдан кулоллик чархида ясалган бўлиб, ички ва сиртки томони қизғиш анғоб билан бўялган. Идиш гардишининг бош қисми кескин ташқарига қайрилган, гардиш боши учли бўлиб, хиёл ичкарига буралган. Ликобчанинг ён деворлари косаларниқига ўхшаб секин-аста юқорига кўтарилган ва кенгайиб борган (5-расм, 12).

Учинчи қурилиш даври кулоллик буюмлари ўз ассортименти бўйича ўтган икки тарихий давр сопол идишларига нисбатан анча бойдир. Ушбу комплекда хум, хурма, манқалдон сингари идишлар сон ва сифат жиҳатдан ижобий даражада қайд этилган бўлса, ликобча, пиёла, чуқур товоқ, хумча сингари янги тоифаларни вужудга келиши мазкур қурилиш даврида Қалиятепада кулоллик хунармандчилигини янада тарққий топиб бораётганлигидан дарак беради (5-6-расм).

Таъриф тавсифи баён этилган учинчи қурилиш даври сопол идишлари аввало Уструшонанинг маҳаллий археология

комплексларидан, қолаверса кўшни минтақалар ёдгорликларида топилган кулоллик буюмлари орасидан ўз муқоясавий ўхшаш шакллари топади.

Қалиятепа шаҳри мудофаа истехкомлари занжирига кирувчи Расулбойқултепа қатъасининг иккинчи қурилиш даврига мансуб, сифатли лойдан тайерланиб, яхши пиширилган, асосан қизғиш ангоб билан бўялган кўза ва косалар, хум, хурмача, манқалдон-товалар айнан шулар жумласидандир. Мазкур комплексда қайд этилган кўзаларда ҳам тепадан пастга уч қатор қилиб оқизилган қизғиш ангоб кўзатилади. Муқоясавий тадқиқот ва таҳлиллар натижасида бу топилмалар эрамизнинг VI-VII асрлари билан даврланади. (Пардаев, 1992, 109-111б., 2-3 расм).

Шунингдек, Жиззах воҳасида очилган яна бир ёдгорлик - Пардакултепа қатъа-работи моддий-маданиятига тегишли сопол буюмлар орасидаги ликопча, коса-пиёла, кўзалар ҳамда катта ҳажмли идишлар - хум, хумча, хурмача, куви ва тоғоралар Қалиятепа учинчи қурилиш даври топилмаларининг айнан ўхшаш нусхаларидир. Пардакултепа иншоати асосан кулоллик буюмлари тадқиқоти натижаларига асосланиб эрамизнинг IV-VI асрлари билан даврланган (Пардаев, Пардаев, 1998, 58-68 б).

Сўғднинг тоғли минтақаси қишлоқ маконларидан топилган юпқа деворли, гардиши учли ва ичкарига хиёл қайрилган косалар, паймонасимон косалар, гардиши учбурчаксимон хумчалар, хурмача ва тор бўғизли кўзалар ҳам бизни ихтиёримиздаги кулоллик буюмлари билан муқоясавий таҳлилларга киришади. Тадқиқотчи ушбу топилмаларни эрамизнинг V-VI асрлари билан даврлайди (Якубов, 1988, 191-198б, табл. XXIII, 5-8, 17-18, 23-25с., табл. XXIV, 2, 4, 11, 22-23, 28с).

Уструшонанинг кўшни воҳалар, хусусан, Фарғона билан моддий-маданий алоқалари қадимдан анъанавий тусни олган ва бу жараён илк ўрта асрларда ҳам давом этган. Бу ҳолат икки регион моддий-маданияти намуналаридаги ўхшашликларда яққол намоён бўлади. Дастлабки айнан ўхшашликларни коса ва кўзаларда, шунингдек биз куви деб талқин қилаётган цилиндрсимон идишларда, хум, хумча ва хурмачаларда ҳамда кичик мўъжаз идишларда кўриш мумкин. Ушбу топилмаларни муаллиф Г.А.Брыкина янги эранинг I-минг йиллиги ўргалари билан даврлайди (Брыкина, 1982, 58-75б, табл. 1-8, 11, 15, 24, 29).

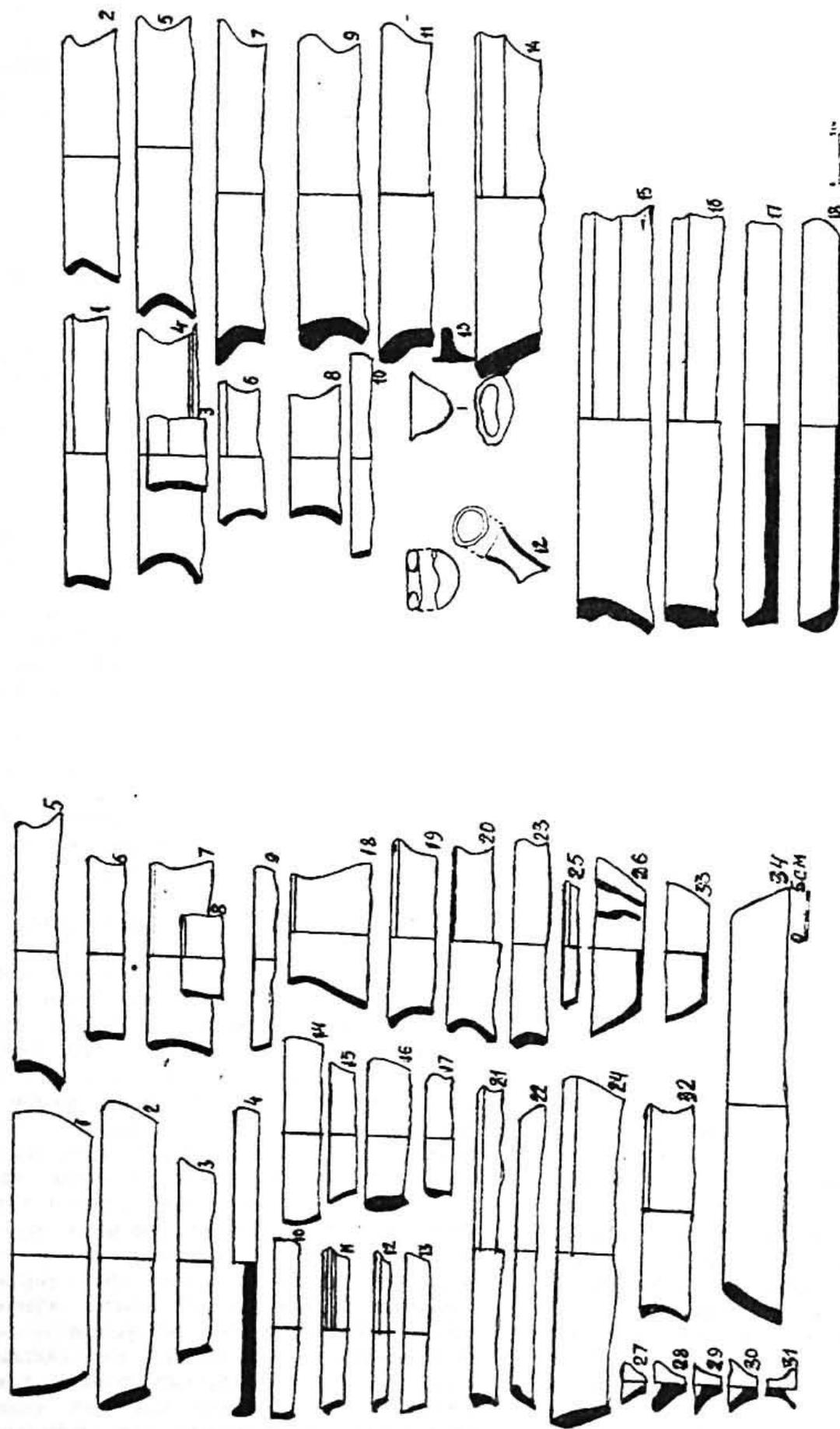
Шунингдек, Жанубий Сўғднинг Қарши воҳасида жойлашган Қалъайи-Заҳоки-Морон

шаҳар харобалари мудофаа истехкомлари қурилишининг 2-даврига тааллуқли қатламларидан чиққан сопол идишлар орасида Қалиятепа идишларига ўхшаш гардиши учбурчаксимон, тор бўғизли кўзалар, кўлда ясалган хурма, тоғора, хумлар учрайди ва мазкур топилмалар эрамизнинг V-VI асрлари билан даврланади (Туребеков, 1979, 68-74б, 2-расм, 13-25с).

Куйи Зарафшон воҳасида очилган Оксочтепа ёдгорлиги сопол идишлари орасида ҳам Қалиятепа топилмаларига ўхшаш моддий-маданият намуналари қайд этилган. Бу ерда асосан кўлда ясалган қалин ён деворли хум ва хумчалар, устки томонига қора-қўнғир рангли ангоб оқизиклари суртилган кўзалар учрайди. Юпқа деворли косалар қизғиш лойдан ясалган ва қизил ҳамда қора ангоб билан бўялган. Топилмалар эрамизнинг IV-VII асрлари билан даврланган (Абдиримов, 1979, 79-83б, 2-3 расм).

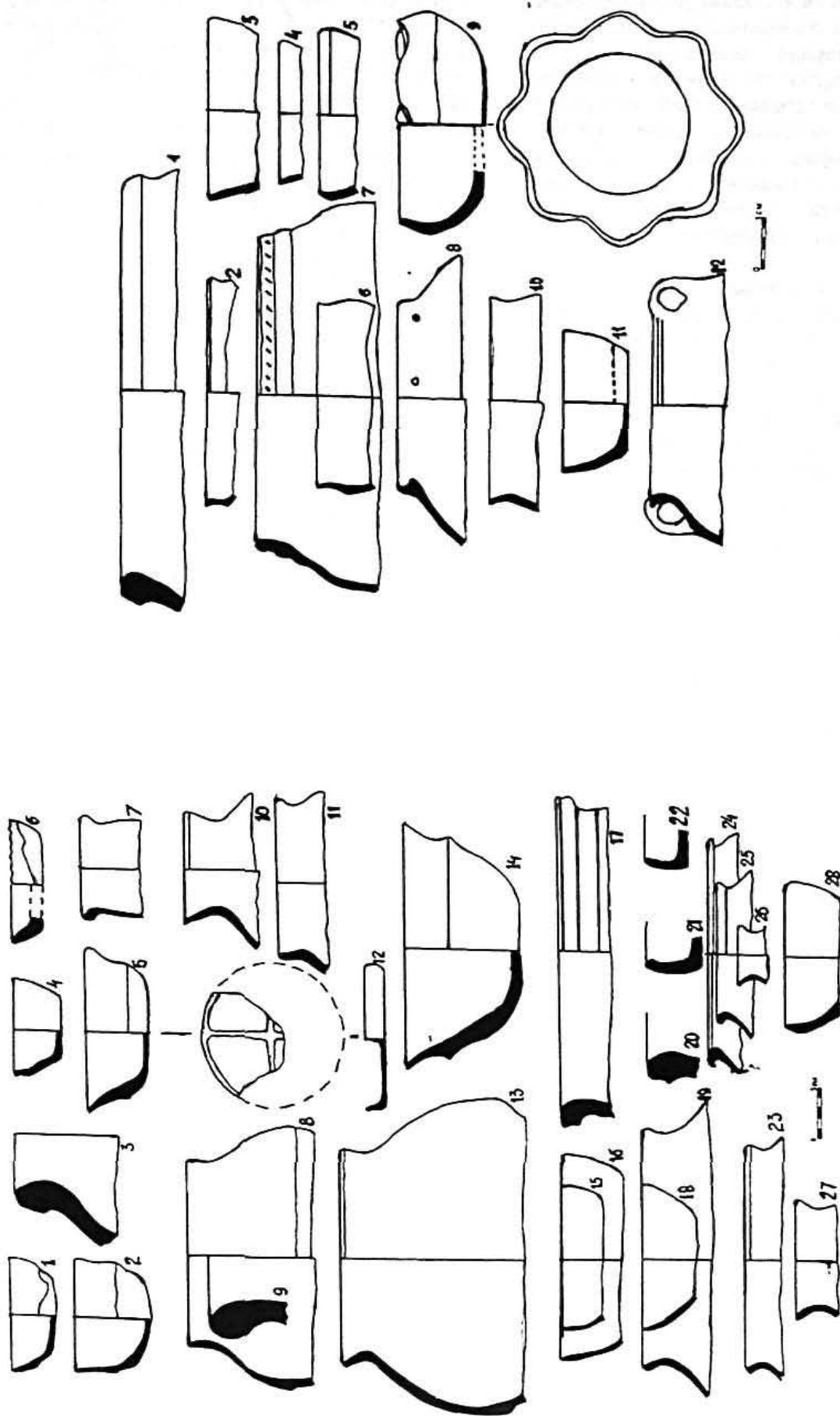
Шундай қилиб, Қалиятепа шаҳристонининг учинчи қурилиш даврига мансуб ашёвий топилмалар даврий санаси қиёсий таҳлилларга асосан V-VII асрлар оралиғидаги давр билан белгиланмоқда. Стратиграфия хусусиятларидан келиб чиққан ҳолда мазкур қурилиш даври милодий эранинг V-VI асрлари билан даврланади.

Қалиятепа шаҳристони стратиграфик қирқимининг тўртинчи қурилиш даври илк ўрта асрларга мансуб энг сўнгги моддий-маданият қатлами бўлиб, у XXV-XXVIII яруслар оралиғида жойлашган (2-расм). Мазкур қурилиш даври шаҳристон аркини ураб турган тор йўлаксимон хона бунёд этилиши билан боғлиқ. Хона паҳса девордан кўтарилган бўлиб, у шимол-жануб томонлар бўйича йўналган. Унинг эни 2,50м.ни, паҳса деворларнинг сакланиб қолган баландлиги 1,20-1,45м.ни, қалинлиги 0,80-0,90м.ни ташкил этади. Деворларнинг юқори сатҳи тўғриланмаган, бу эса кейинги даврларда бу ерда бирон бир меъморий қурилиш ўтказилмаганидан дарак беради. Тор йўлаксимон хонанинг ички пол саҳни текис қилиб 2,5-3,0см қалинликда сомонли лой билан сувалган. Ушбу пол саҳни гарбий деворнинг ташқи томонида ҳам давом этган. Хона саҳни кул, куйган қатламлар аралаш тупроқ ва паҳса бўлаклари уюми билан копланган. Мазкур қатлам тепасида қўнғир тусли хўл-қумшоқ қатлам, уни устида ўртача қаттиқликдаги оқиш рангли ғовак қатлам жойлашган. Тўртинчи қурилиш даври асосини белгилловчи иморат поли саҳнидан унинг мавжуд моддий маданияти хусусиятларини белгилловчи сопол идиш намуналари олинди.

5 - расм. Қалиятепа. Ш қурилиш даври

6 - расм. Қалиятепа. Ш қурилиш даври

8 - расм. Қалыятепа. IV қурылыш дәври

7 - расм. Қалыятепа. IV қурылыш дәври

Бу даврда кўза, коса, пиёла каби уй-рузгор, қозон, това, куви каби ошхона (ўчоқ боши), хум, хурма, манқалдон каби хўжалик идишлари кўп ҳажмда ишлаб чиқарилган. Шунингдек, косагул, болалар туваги товасимон идишлар сингари янги шаклдаги сопол уй рўзгор буюмлари пайдо бўлган. Бундан IV қурилиш даврида Қалиятепа аҳолисини сон жиҳатдан ўсганлигини, кулоллик идишларига бўлган эҳтиёжни ўтган даврларга nisbatan ошганлигини аниқлаш мумкин (7-расм).

К о с а г у л тоифасидаги идишлар археологик жиҳатдан бутун ҳисобланиб, улар сифатли қизғиш тупроқ лойидан қўлда тайёрланган ва тўқ қизил ангоб билан бўялган. Косагулларнинг танаси думалоқ, чўзинчоқ думалоқ шаклда, тагдон ясси-япалоқ, гардиши тик, гардиш учи ўтмас тумтоқ кўринишга эга. Идишлар сиртидан кўриниб турганидек, дастлаб идишнинг куйи томони ясалган, кейин эса япроқларни ифодаловчи тўлқинсимон гардиш қисми тайёрланган ва улар бир-бирига ёпиштирилган (7-расм, 14; 8-расм, 9).

Косагуллар ушбу даврда Жиззах воҳасига хусусан Қалиятепа моддий-маданиятига Самарқанд Суғди таъсирини тўлиқ эътироф этувчи ва исботловчи топилмадир.

Т о в а л а р ўтган даврларнинг шу хилдаги идишларидан шакл ва сифат жиҳатидан бир мунча фарқ қилади. Аввало қайд этилган идишлар хумдонда пиширилган, ён деворлари қалинлиги nisbatan юпқа, гардиши тумтоқ бошли, хиёл ичкарига қайрилган, тагдони ясси, япалоқ кўринишда. Фикримизча, бу идишлар иссиққа тоблаб хамирдан пишириладиган таомлар- нон, юпқа, қатлама, котирма ва х.к.лар тайерлашда ишлатилган (7-расм, 21, 22-с).

Қалиятепа стратиграфик қирқимини IV-қурилиш қатламлари даврий санасини фақат кулоллик буюмларини муқоясавий таҳлили орқалигина аниқлаш мумкин. IV қурилиш даврига мансуб кулоллик буюмларининг деярли барча намуналари (товасимон идишлар ва болалар тувагидан ташқари), шимол-ғарбий Уструшонада илк бор тўлиқ очиб ўрганилган. VII-VIII асрларда фаолият кўрсатган Алмантепа қальъаси материаллари билан муқоясавий таҳлилга киришади ва айнан, тўла-тўқис равишда ўхшашлик меъзонларини топади (Бердимуродов, Пардаев, 1990, 147-159б, 2, 3-расм). Шунингдек, Сангзорнинг ўрта оқимида жойлашган Қинғиртепа қальъаси кулоллик буюмлари орасидаги кўзалар, коса ва косагуллар (Бердимуродов, Пардаев, 1988, 71-75б, 2, 3-

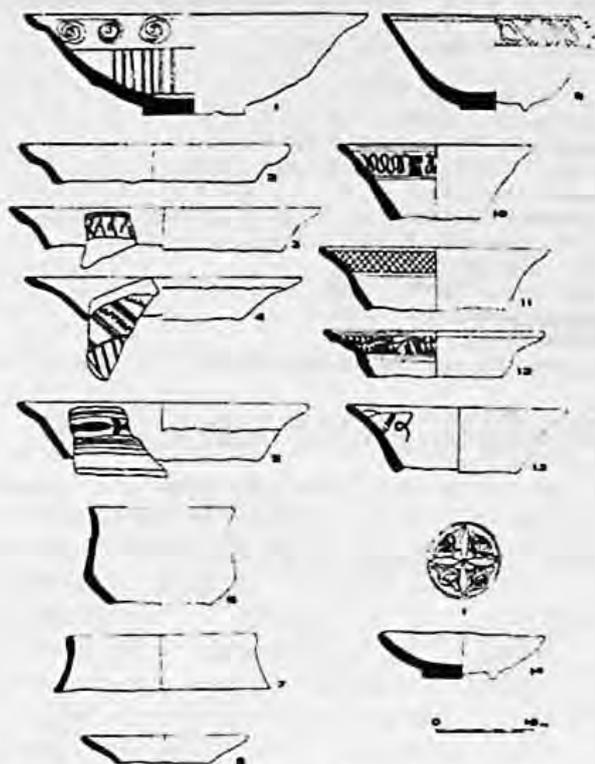
расм), Сават рустоқининг бош шаҳри ўрни Култепани илк ўрта аср қатламларидан топилган гардиши тўғри тўртбурчаксимон, овал ва думалоқ кўринишдаги хумлар, гардиши кескин ташқарига қайрилган хурма, хурмача, коса, буғзи кенг ва тор ўлчамли ҳамда икки балдоқли кўзалар, анъанавий косагулларни Қалиятепа сопол идишларининг айнан такрорий нусхалари деб қабул қилиш мумкин. Бу топилмалар муаллифлар томонидан эрамининг VII-VIII асрлари билан даврланган (Грицина, 1994, 44-47б, 20-расм, 1-5, 18-19, 27-34 с.).

Уструшонанинг марказий қисмидаги Ўртақўрғон қальъасидан топилган кулоллик буюмлари орасидаги танаси шарсимон кўринишдаги қозонлар, пиёлалар, нок нусха кўза ва хурмаларга ҳам Қалиятепа идишлари жуда ўхшаш (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, 71-89б, 38-44 расмлар). Шунингдек, мазкур комплекс Чилхужра материаллари билан ҳам муқоясавий таҳлилга киришади (Пулатов, 1975, 48-62б, 29-35 расм). Мазкур икки ёдгорлик VIII; VI-VIII асрлар билан даврланади.

Маълумки, Суғд торевтикасининг мумтоз маҳсулидан бири бўлган косагуллар айнан VII-VIII асрлар учун хос бўлган идишлардир. Бу хилдаги идишларни Ўрта Осиё кулоллари мазкур даврлардан аввал ҳам, кейин ҳам ишлаб чиқаришмаган ва шунинг учун ҳам ушбу идишларга даврий санани белгиловчи муҳим топилма сифатида қаралади. Худди шундай идишлар Панжикент маданий қатламларидан (Бентович, 1953, 139б, 6-расм, табл. X., 5-с), тоғли Суғднинг Гардани Ҳисор ва Қум ёдгорликларидан (Якубов, 1988, 183-184б, табл. XVI, 1-8с), Тохаристоннинг Қулоғлитепа қишлоқ маконидан топиб ўрганилган (Аннаев, 1988, табл. XVIIа, 21 с.) ва асосли равишда эрамининг VII-VIII асрлари билан даврланган.

Шунингдек, Фарғона водийси ёдгорликларидан (Брыкина, 1982, 57-80б, табл. 6-8, 13-18, 24, 29), қадимги Чочнинг Мингўрик (Буряков, 1982, 80-86б, 9-расм), Шаш VI, Қутантепа, Таукаттепа, Бузгонтепа археологик комплексларидан (Филанович, 1983, 38-100б, 3, 10 расм, табл. III, Е, Ж, И), ўрта Сирдарё бўйидаги эталон ёдгорлик Ковунчи тепадан (Левина, 1971, 184-186б, 59-расм) олинган сопол идишлар орасидан Қалиятепа материалларига айнан ўхшаш нусхаларни кўплаб учратиш мумкин. Ушбу келтирилган муқоясавий комплексларни барчаси VI-VIII асрларга оид қатламларда қайд этилган.

Шундай қилиб, келтирилган қос

9 - расм. XV - XVI аср кулолик идишлари

камровли муқоясавий тадқиқотларга, қиёсий таҳлилларга асосланиб Қалиятёпа стратиграфик қирқимнинг IV қурилиш даврий санаси милодий эрнинг VII-VIII асрлари билан даврланади.

Қирқимнинг юқори ярусларидан олинган ашёвий топилмалар Қалиятёпа шаҳристонининг биз ўрганган қисмидаги кейинги ҳаёт (сўнгги, V қурилиш даври) катта даврий узилишдан сўнг, фақат XV асрнинг биринчи ярмидан бошланиб XVI аср бўйи давом этганидан далолат беради (9-расм).

Археологик тозалашлар орқали очилган ушбу стратиграфик қирқим Қалиятёпа шаҳристонининг стратиграфиясини тўлалигича урганиш имконини берди. Антик илк ўрта ва сўнгги ўрта асрларда бунёд этилган қурилиш иншоотлари қолдиқлари, моддий-маданият намуналари хусусиятлари ўрганилди. Ушбу

стратиграфик тадқиқотлар натижаларига кўра қуйидаги дастлабки мулоҳазаларни қилиш мумкин.

1. Қалиятёпа шаҳристонининг ушбу қисмида янги эрнинг I асрларидан фаол ҳаёт бошланган. Бу ҳаётни шаҳар ёки йирик қалъа-қўرғон ҳаётига дахлдор эканлиги, унинг тўлиқ майдони ва чегаралари аниқ эмас, шаҳристоннинг бошқа мавзейларидан янада қадимги даврларга оид моддий-маданият намуналари топилиши ҳам эҳтимолдан узоқ эмас.

2. "Қовунчи маданияти"га мансуб Сирдарё бўйи кучманчи чорвадор қабилаларининг Жиззах воҳасига маданий таъсири асосан III-IV асрлардан бошланиб V-VI асрларда юқори даражага кўтарилган. Бу тарихий воқеалик Қалиятёпа шаҳристонининг стратиграфияси материалларида яққол кўринади.

3. Қалиятёпада илк ўрта асрларда урбанизация жараёнлари бошланган. Унинг арки, шаҳристонининг ва Работларида фаол, мукаммал шаҳар ҳаёти ҳукм сурган. VII-VIII асрларда арк ички айлана девор билан ўраб олинган.

4. Қалиятёпа араблар истилосигача бўлган даврда (V-VIII асрлар) Жиззах воҳасининг энг катта шаҳри сифатида саҳнага чиққан. Унинг ушбу даврдаги ҳудуди, аниқ чегараси ҳозирги сақланиб қолган ва чегараси даражасига тенг бўлган. Умумий майдони 30 гадан ошиқ бўлган шаҳар мукаммал структурага, мудофаа истехкомларига яшаш ва ишлаб чиқариш мавзейларидан таркиб топган.

5. Қалиятёпаниннг стратиграфик қирқим ўтказилган ушбу ҳудудда араблар истилосидан кейин (VIII аср) ҳаёт узоқ муддатга тўхтаган. Аркнинг VII-VIII асрларда фаолият кўрсатган мудофаа девори айнан шу даврда таъмирланган ва ундан XV-XVI асрлар давомида фойдаланилган. Сўнгги ўрта асрларга оид маданий қатламлар Қалиятёпаниннг арк ва шаҳристонининг барча ҳудудларида мавжуд бўлиб бундан фақат Работларгина истиснодир.

АДАБИЁТЛАР

1. Пардаев М.Х. Северо-западная Уструшана в эпоху раннего средневековья (по материалам нижнего течения р. Сангзор): Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Т., 1995. - с. 15-17.
2. Сулюнов С.С. История орошения северо-западной Уструшаны (V-XVI вв. по археологическим материалам): Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Самарканд, 1999. - 24 с.
3. Касымов М.Р. Археологические работы в Узбекистане // АО. 1967 г. - М., 1968. - с. 326-332.
4. Рахимов С. Отчет о полевых работах в зоне Джизакского массива (весна 1967 г.) Архив ИА АН РУз. - Самарканд, Ф.6., 01., Д. 1.
5. Ташходжаев Ш.С. Отчет об археологической разведке Джизакского района Сырдарьинской области в 1973 г. Архив ИА АН РУз. - Самарканд, Ф.6., 01., Д. 16.
6. Абдукаримовунова Р. Отчет Джизакского отряда за 1980 г. Архив ИА АН РУз. - Самарканд, Ф.6., 01., Д. 3.
7. Бердимуратов А.Э. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского вазиса (Северо-Западной Уструшаны V-X вв.): Автореф. дисс. канд. ист. наук. - М., 1985. - 23 с.
8. Ширинов Т., Пардаев М. Отчет об археологической работы Джизакского отряда на Қалиятёпа в 1985 г. Архив ИА АН РУз.

- летний отчет. Самарканд, - 1982.
9. Гринина А.А. Северная Уструшана в середине I тыс. до н.э. - начало XIII в. н.э. (археолого-типологическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. - Самарканд, 1990. - 24 с.
 10. Исмаилов М.Х., Сулаймонов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). - Т.: Фан, 1984. - 160 с.
 11. Пулатова Г.А. Древности Мианкаля. - Т.: Фан, 1989. - 203 с.
 12. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). - Т.: Фан, 1977. - 133 с.
 13. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. - М.: Наука, 1971. - 250 с.
 14. Филинович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. - Т.: Фан, 1983. - 232 с.
 15. Пулатов У.П., Салтовская Е.Д. Раскопки нижнего горизонта Тиржаштепа. // АРТ, 1980, Душанбе, Донш.: - 452 с.
 16. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. - М.: Наука, 1973. - 195 с.
 17. Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афраснаб// Сб. Афраснаб. - Т., 1973. - Вып. II. - с. 16-84.
 18. Брусенко Л.Г. Остатки монументального здания I в. н.э. на Афраснабе// Сб. Афраснаб. - Т., 1973. - Вып. II. - с. 103-109.
 19. Пардаев М. Археологические работы на Расулбайкультепа// ИМКУ. - 1992. - Вып. 26. - с. 108-113.
 20. Пардаев М., Пардаев А. Жиззах вохасининг IV-VI асрлардаги кулодлик идишлари// ЎММТ. - 1998. - 29-нашри, 58-69 б.
 21. Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. - Душанбе; Донш., 1988. - 283 с.
 22. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. - М.: Наука, 1982. - 195 с.
 23. Турбеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Катан-Заходи-Морон// ИМКУ, 1979. - Вып. 15. - с. 7-9.
 24. Абдиримов Р. К изучению памятника Аксачтепа// ИМКУ. - 1979, вып. 15. - с. 79-83.
 25. Бердимуратов А.Э., Пардаев М.Х. Раскопки верхнего здания Алмантепа // ИМКУ, 1990. - Вып. 23. - с. 147-160.
 26. Бердимуратов А.Э., Пардаев М.Х. Замок Кичиртепа// ИМКУ. - 1988, Вып. 22. - с. 66-75.
 27. Пардаев М.Х., Сулюнов С.С., Пардаев А. Шимоллий-гарбий Уструшонда дехкончилик хўжалигининг пайдо бўлиши ва тараккият босқичлари// ЎММТ. - 1999. - 30-нашри. - 226-236 б.
 28. Гринина А.А. и др. Древний Заамин. Ташкент, ФАН, 1994, с. 117
 29. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Ўртакурган и Тирмизактепа. - Душанбе; Донш., 1973. - 144 с.
 30. Пулатов У.П. Чилхуджа. - Душанбе; Донш., 1975. - 184 с.
 31. Бенатович И.Б. Керамика Пенджикента//МИА. - №37.-1953.-с.133-145.
 32. Аннаев Т.Дж. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. - Т.: Фан, 1988. - 135 с.
 33. Буряков Ю.Ф. Генезисы и этапы развития городской культуры ташкентского оазиса. - Т.: Фан, 1982. - 211 с.

Pardaev M.H.

Some agreements on the stratigraphy of Kaliyatepa city monuments.

The article is devoted to the analysis of stratigraphical researches held in Kaliyatepa the biggest (30 hectares) and important ancient and medieval city monument of North-western Ustrushana. As the result of researches cultural layers relating antique period (I-III; III-IV), early medieval (V-VI; VII-VIII) and late medieval (XV-XVI) were studied. According to the analysis of archaeological finds, there are local peculiarities in the material - culture samples. Also the influence of Soghd, Ferghana, Chach and «Kavunchi culture» of Central Sirdarya were fixed. In the territory citadel where stratigraphical researches were hold, it was discovered that the life stopped in the first quarter of VIII century and it again existed from the second half of XV century to the beginning of XVII century.

Баратова Л.С.

ДРЕВНИЕ МОНЕТЫ ИЗ КАРШИНСКОГО ОАЗИСА.

Каршинский оазис, расположенный в нижнем течении реки Кашкадарья, составлял в древности одну из областей Согдианы - его юго-западную окраину. В результате многолетних археологических работ в Каршинском оазисе выявлена самобытная культура, многие аспекты которой отражены в научных публикациях. Вопросы товарно-денежного обращения древнего и раннесредневекового периодов были освещены лишь частично, главное внимание уделялось монетам, составляющим подавляющее большинство находок из раскопок и получивших в научной литературе название «нахшебских» (4; 5) или «парфяно-согдийских» (9). Однако кроме них, найдены и другие монеты, позволяющие предполагать наличие нескольких периодов в развитии самостоятельной монетной чеканки в Каршинском оазисе домусульманского времени, а также привозные монеты различных мест выпуска, показывающие направления торгово-экономических и культурных связей оазиса в древности и раннее средневековье. В виду крайней скудности письменных источников по истории южных областей Согда, нумизматические данные могут послужить основным источником для реконструкции политической и экономической истории долины реки Кашкадарья.

Данное сообщение является первой из предполагаемого ряда публикаций древних и раннесредневековых монет из археологических работ в Каршинском оазисе, хранящихся в Институте археологии АН РУз, в Самарканде. Для полного охвата монетного материала, а также для сравнительного анализа состава монетной массы в древних историко-географи-

ческих регионах южного Согда - Каршинской (Ксениппа / Нахшеб) и Шахриябской (Наутака / Кеш), дополнительно привлекаются сведения уже опубликованных работ, ссылки на которые даются в тексте. Представляется, что результаты подобного анализа могут выполнить вспомогательную, а иногда и решающую роль в реконструкции политической и экономической жизни в регионах.

1. Греко - бактрийские монеты.

1. **Диодот I / II** (246 - 230 гг. до н.э.). Сохранилось лишь изображение на оборотной стороне - шагающий Зевс, у ног - орел. Остальное не различимо. (Таб. I, 1). Медь; д - 17 мм, в - 1,65 г. Расслоившаяся на две половинки. (к-254, Еркурган, Р-16, помещение 8, зачистка 1984 г.).
2. **Деметрий I** (200 - 190 гг. до н.э.). Изображение головы правителя в шлеме, украшенном слоновьим скальпом, вправо/стоящий Геракл, по двум сторонам которого расположена греческая надпись; слева у ног монограмма. (Таб. I, 2-3). Серебро; д - 10 мм; в - 0,40 г. (к-460, Еркурган Р-12, пом.3 1979 г.)
3. **Неизвестный правитель** (II - I вв. до н.э.).

Бюст правителя влево с непокрытой головой: у него прямой с горбинкой нос, тонкие губы, волосы зачесаны назад, ниспадают вниз, загибаясь в районе шеи / в центре - шапки Диоскуров, по трем сторонам от них легенда греческими буквами из двенадцати букв, читающаяся слева направо $\delta\iota\omicron\sigma\epsilon\tau\rho\omicron\upsilon\iota$ - DIOSOETRONII. Серебро; д - 94 мм, в - 0,45 г. Сохранность средняя. (Еркурган, Р-1, помещение 6, в выкладке пола).

Описание монеты и чтение легенды приводится по публикации Э.Ртвеладзе и Н.Нефедова. В том же слое, датированном

¹ Большая часть монет находилась в Государственном Эрмитаже и недавно возвратилась после химической чистки назад. Монеты из этой коллекции помечены в описании к-№

археологическим наблюдениям II – III вв. н.э., как сообщают те же авторы без описания типа, была найдена еще одна уникальная монета – подражание оболу Деметрия (11, с. 60 – 62).

II. Кушанские монеты.

1. «Сотер мегас»/Вима Такто – первая половина – середина I в. (II в. н.э.)².

Изображение всадника на коне вправо/погрудное изображение юноши вправо. От головы исходят лучи нимба, переданные короткими штрихами (различимы лишь пять из них). (Таб. 1, 4 – 5).

Медь; д. – 20 мм; в. – 5,95 г. (к – 496, Еркурган, подъемная из канала, 1976 г.).

2. То же. Сохранилось изображение на одной из сторон монетного кружка в виде погрудного профиля юноши вправо. Детали не различимы. (Таб. I, 6).

Медь; д. – 19 мм, в. – 5,30 г. (к – 398, Еркурган, Р-16, траншея 1, 1980).

3. Канишка I. – конец I – начало II вв.

Царь, стоящий перед жертвенником/стерта. Сохранность плохая, видны лишь контуры стоящего человека с протянутой правой рукой. (Таб. I, 7).

Серебро (?); д. – 14 мм; в. – 0,70 г. (к – 454, Еркурган, Р-11, пом. I, 1976 г.).

4. То же. Изображение на монете едва различимо. Сохранность плохая. (Таб. I, 8).

Медь; д. – 25 мм, в. – 16,45 г. (к-245: Еркурган, Р-12, шурф 2, 1982 г.).

5. Канишка III – третья четверть 3 в. н.э.).

Царь перед жертвенником/сидящая на троне богиня Ардохш. (Таб. I, 9).

Медь; д. – 20 мм, в. – 4,20 г. (Сигиртепе, объект 176, находка М. Махмадиева. 1973 г.).

Определение Е.В. Зеймалю.

Комментарий.

Проникновение первых иноземных монет на территорию оазисов южного Согда началось в первые века до н.э. Древнейшей монетной находкой, зарегистрированной в Каршинском оазисе, является тетрадрахма Александра Македонского из городища Куны-Фазли (средневековый Базда), поступившая в Ташкентский музей (3, с. 65).

Находки монет греко-бактрийских царей известны сейчас как в низовьях реки Кашкадарья (Каршинский оазис), при раскопках КАТЭ на Сигиртепе был найден

халк Диодота, определенный М.Е. Массоном (10; с. 40). Сведения о находке в 1906 г. близ Китаба большого клада с оболлами, драхмами и тетрадрахмами Евкратиды (7, 284), также как и о находках до 1917 года пяти оболлов Антимаха из окрестностей Шахрисябза (6, с. 339), говорят о возможном более широком распространении греко-бактрийских монет в верховьях реки Кашкадарья, чем в ее низовьях. Проникали они скорее всего с территории соседнего Термеза и его округи, вероятно, входивших в состав греко-бактрийских владений.

За греко-бактрийскими монетами в оазисы проникают кушанские монеты, причем, в Шахрисябзском оазисе известна находка только одной медной монеты Канишки около перевала Таш-курган (10, с. 40), а из Каршинского – около десяти, считая монеты плохой сохранности. Обнаружение кушанских монет в Южном Согде является новым фактом, так еще в начале 80-х годов здесь не было известно ни одной их находки, имелось лишь устное сообщение В.Л. Вяткина о кладе серебрянных монет «сотер мегаса», обнаруженном где-то в Кашкадарьинской области (8, с. 45).

В связи с находками в Кашкадарьинской области необходимо остановиться на датировочном значении кушанских монет, поскольку будучи выявленными из раскопок, они могут привлекаться специалистами для установления относительных датировок археологических слоев, так и в нумизматических исследованиях монетного комплекса, полученного, например, из городища Еркурган. Отсутствие детального описания условий стратиграфического нахождения кушанских монет в археологических слоях, к сожалению, затрудняют определение время их проникновения на территорию Каршинского оазиса: по имеющимся данным можно лишь предположить, что они были завезены значительно позже времени их выпуска.

Проблема кушанской абсолютной хронологии долгое время не имеет однозначного решения. Хронологические рамки существования Кушанского царства определяются на основании письменных источников условно – после 25 г. н.э. и до 70-80-х годов IV в. Как известно, основная проблема заключается в установлении начальной даты «неизвестной эры» – для монет предшественников Канишки – и первого года «эры Канишки». В отличие от абсолютной, относительная хронология кушанских монет разработана детально

² Датировки кушанских царей даны по ранней (107–120 гг н.э.) и поздней (232 г н.э.) датам эры Канишки (см. Комментарий в данной статье)

Таблица I:

1 - Обратная сторона монеты Диодота. 2 - 3 - серебряная монета Деметрия. 4 - 5 - монета «Сотер Мегаса» (к-496). 6 - обратная сторона монеты «Сотера Мегаса» (к - 398). 7 - монета Канишки I (к - 454). 8 - монета Канишки I (к - 245). 9 - лицевая сторона монеты Канишки III (из Сегиртепа). Увеличены. Масштаб разный.

благодаря исследованиям, начатым еще в XIX в. Как отмечено В.Е. Зеймалем, колебания в начальной дате эры Канишки - на основании гипотез, имеющих право на существование, - составляли почти два века: 78 г.н.э. и 278 г.н.э., соответственно смещались и все даты как по неизвестной эре, так и по эре Канишки (2, с. 144-148).

Открытие в марте 1993 года в северном Афганистане Рабатакской надписи Канишки I послужило возобновлению дискуссий по кушанской абсолютной хронологии. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что колебание в дате эры Канишки сократилось - 107-120 г.н.э. - по мнению Д. Гибба (15), его в принципе поддерживает и М. Алрам, пересмотревший свои прежние датировки (13; ср. с 12), и 232 г.н.э. - по мнению Р. Гебля (14). Однако проблема первого года Канишки еще ждет своего окончательного разрешения.

Что касается кушанской истории, в Рабатакской надписи дается генеалогия рода Канишки I, начиная с его пра-прадедушки - Куджулы Каффиза, его дедушки - Вимы Такто

и его отца - Вимы Каффиза. На основании нумизматических исследований безымянный «Сотер Мегас - Великий Спаситель» отождествляется с царем Вимой Такто. Остальные имена идентичны написанию на монетах.

В заключении хотелось бы еще раз вспомнить предостережение Е.В. Зеймала, что «только статистически представительные выборки кушанских медных монет, подкрепленные в каждом конкретном случае стратиграфическими наблюдениями за их распределением, могут давать надежные относительные даты» (2, с. 148). Отсутствие детального описания условий стратиграфического нахождения кушанских монет в археологических слоях, к сожалению, затрудняют определение время их проникновения на территорию Каршинского оазиса: по имеющимся данным можно лишь предположить, что они попали значительно позже времени их выпуска, не ранее III - IV веков нашей эры.

ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Ленинград, 1978. С. 192 - 214.
2. Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.
3. Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. Москва, 1983.
4. Кабанов С.К. Нахшебские монеты V - VI вв. // ВДИ. 1961. 1, с. 137 - 145.
5. Кабанов С.К. Поздние кушаны в Нахшебе // ВДИ. 1973. 3, с. 159-172.
6. Кастальский Б.Н. Неизвестная греко-бактрийская монета - медаль Антимеха I битая в честь Евтидема I // ВДИ. 1940. 3-4.
7. Массон М.Е. Монетные находки в Средней Азии // Известия Узкметариса. Вып. III. Ташкент, 1928. с. 280 - 293.
8. Массон М.Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан» // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды международной конференции. Душанбе, 22 сентября - 6 октября 1968 г. Том II. Москва, 1978. с. 42 - 49.
9. Массон М.Е. Парфяно-сасанидские монеты области низовьев Кашкадарьи // История и культура античного мира. Москва, 1977. с. 131 - 138.
10. Ртвеладзе Э.В. Монеты Кеша // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1989. с. 38 - 43.
11. Ртвеладзе Э.В., Нефедов Н. Уникальная серебрянная монета греческого правителя из Еркургана (Южный Согд) // Нумизматика Центральной Азии (НЦА). I. Ташкент, 1995. с. 60 - 62.
12. Alram Michael. Die Geschichte Ostirans von den Griechenkönigen in Baktrien und Indien bis zu den iranischen Hunnen (250 - 700 n. Chr.). In: Weichrauch und Seide. Alte Kultur an der Seidenstraße. Wien 1996. S. 119 - 140.
13. Alram Michael. Indo-Parthian and early Kushan chronology: the numismatic evidence. In: Coins, Art and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands. Wien 1999. p. 19 - 48.
14. Gobl Robert. The Rabatak Inscription and the date of Kanishka. In: Coins, Art and Chronology. Wien 1999. p. 151 - 176.
15. Gribb Joe. The early Kushan Kings: new evidence for chronology. Evidence from the Rabatak Inscription of Kanishka I. In: Coins, Art and Chronology. Wien 1999. p. 177 - 206.

Хмельницкий С.

ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ ЛЕБЕДКА

В среднеазиатской археологии советского времени был распространен прием доказательств, при котором одно неаргументированное положение служило базой для другого, столь же неаргументированного. Этот способ рассуждений можно сравнить с песочным замком, опирающимся на песок и подпирающим собой песок, - он, конечно, употреблялся тогда, когда требовалось обосновать некоторую идею, не подкрепляемую фактами, но по разным причинам дорогую автору.

Примеры манипуляций такого рода достаточно многочисленны. Вот ближайший, взятый из того же сборника, в котором опубликована статья - причина написания этих заметок. В статье Ю.А. Рапопорта «Святылище во дворце Калалыгвр 1»¹ рассуждения о семантике каменной базы колонны выглядят так: «Если допустить, что хорезмийская колонна ассоциировалась с мировым деревом, то ступенчатое основание должно было представлять мировую гору, которая в принципе имеет трехчленную структуру»².

При этом, естественно, остается неизвестным, почему колонну следует ассоциировать с «мировым деревом», а если следует - почему ступенчатое основание представляет собой «мировую гору», а если представляет - почему у этой горы трехчленная (?) структура. С помощью подобных квазилогических цепочек можно придать видимость доказательности едва ли не чему угодно.

Аналогично построена система рассуждений и доказательств в статье Б. И. Маршака «Подъемная машина в храме древнего Пенджикента»³. Здесь идет речь о некоторых особенностях «храма 2» в Пенджикенте, точнее - о небольших деталях

его внутреннего устройства, которые автор, известный вниманием к «малозаметным признакам»⁴, расшифровывает очень своеобразно. Он предлагает здесь некую подъемную машину, при помощи которой на глазах у посетителей «храма» во время религиозных церемоний вверх подтягивались некие изображения божеств. Предполагается, что машина стояла в сравнительно небольшом заднем помещении «храма», которое автор называет целлой по образцу святилищ в античных (греческих и римских) храмах.

Необоснованные допущения начинаются с атрибуции зданий 1 и 2 в древнем Пенджикенте. Более чем полвека исследователи называют их храмами, не проводя сколько-нибудь серьезных аргументов такой идентификации и тенденциозно объясняя особенности их планировки и устройства. Всё еще не найдена религия, которой эти «храмы» могли бы принадлежать. Замалчиваются неудобные для гипотезы факты - например, то, что устройства вероятного культового назначения - яма, заполненная чистым пеплом, очаги, похожие на алтари и пр. - появились здесь позже и расположены на периферии, сбоку от главных «храмовых» помещений. Есть аргументированные основания считать «храмы» Пенджикента общественными зданиями (с неизбежными для того времени сакральными атрибутами), центрами двух городских общин - аристократической и торгово-ремесленной.⁵

Это обстоятельство в данном случае не имеет решающего значения и рассматривая аргументы Б.И.Маршака, согласимся условно признать здание 2 храмом, а его заднее помещение - целлой, святилищем или «святой святой», то есть сакральным центром храмового комплекса.

Удивление автора вызвало отсутствие какого-либо декоративного убранства целлы, живописного и пластического, тогда как предшествующий целле четырехколонный зал-айван, открытый всей своей шириной на восток, был украшен росписями и скульптурой. Полагая, что чем святее помещение, тем пышнее оно должно было быть украшено, автор приходит к мысли, что «..убранство целлы в отличие от убранства зала перед ней не было стационарным, а сменяемым, поскольку едва ли можно допустить мысль, что здесь вообще было какое-то «рабочее» помещение..» Как представляет себе автор сменяемое убранство (картины, иконы?), никаких аналогий которому - даже отдаленных - история и археология не представляют, не разъясняется, - важно, что первая сыпучая ступень на сыпучем основании воздвигнута.

В действительности именно святилищам древних храмов на востоке и на западе была свойственна предельная простота внутреннего оформления, контрастная украшенным помещениям, куда допускались молящиеся. Ещё в храмах древнего Египта аскетически голые стены святилищ составляли контраст залам и дворам, украшенным росписями и рельефами; во дворце Саргона II в Хорсабаде (8 в. до н.э.) храмовые помещения, покрытые живописью с рельефной резьбой, замыкаются нишеобразными святилищами без признаков декора.⁶ Не были декорированы и стены просторного святилища в парфянском храме Хатры.⁷ Стены святилища 1-го буддийского храма в Ак Бешиме, сложенные из чередующихся слоев пахсы и сырца, вероятно, не были даже оштукатурены - кроме тех мест, где в них вставлены деревянные стойки.⁸ Но соседний шестиколонный зал, из которого вела лестница в святилище, был украшен вплоть до обработки колонн эффектной раскрашенной лепниной. Объясняется это, может быть, тем, что по традиционным представлениям «святая святых» храма украшалась незримым или зримым (в виде статуи) присутствием божества и в других приёмах убранства не нуждалась. К тому же в «святая святых» входили, причем нечасто, лишь немногие удостоенные этого священники.

Поэтому нет причин удивляться аскетическому оформлению целлы 2-го храма и подозревать здесь загадочное сменяемое убранство в виде портретов и плакатов: голые стены помещения не всегда объясняются его «рабочим» (то - есть, видимо, подсобным или хозяйственным) назначением. Не помогают

делу и крупные бусы из полудрагоценных камней, «..видимо, предназначавшиеся для украшения изображения божества» - эта догадка произвольна и не подкрепляется корректными аналогиями. Многочисленные статуи буддийских божеств из Фундукистана, датируемые предисламским временем, обильно украшены ожерельями, оплечьями и подвесками, - конечно, не из настоящих самоцветов, а из той же глины, из которой сделаны изваяния. Точно так декорированы торс бодисатвы из Андижана - тепе и более ранние статуи кушанских правителей из Сурх-Котала.⁹ Да и найденные в самом Пенджикенте деревянные статуи-кариатиды украшены ожерельями из «камней», вырезанных вместе со статями из дерева.¹⁰ Это даёт твердое основание полагать, что настоящие драгоценности на скульптуры в Центральной Азии 5-8 вв. не надевались, и, значит, найденное в целле рассыпанное ожерелье украшало живого владельца, а не идола.

Поводом для реконструкции подъемной машины в целле второго храма послужили некоторые действительно непонятные детали её оборудования. Целла - прямоугольная комната размером 7х3,7 м (по другим сведениям - чуть больше 7х4 м), длинной стороной ориентированная поперёк продольной оси здания В-3 и обращенная входом к лежащему восточнее четырехколонному залу-айвану. В проёме входа найдены следы порога и выемки от вертикальной обвязки двери, прикрытые «..специальными сырцовыми закрылками», - вероятно, речь идет о глиняной обмазке деревянных стоек. К задней западной стене примыкает суфа высотой 82 см, вдоль боковых южной и северной стен устроены суфы пониже. Ещё меньшая высота у возвышения на полу перед западной суфой, напротив входа. В вертикальной поверхности западной суфы, тоже напротив входа сделана неглубокая выемка.

Над поверхностью суфы в западной стене, напротив входа сохранились два гнезда от прямоугольных батоков, углубленных в кладку стены на 50 см. Расстояние между ними - 135 см, сечения - 17х25 и 22х26 см. По поводу назначения этих гнезд автор делает несколько предположений (крепления к стене главного изображения божества, следы раннего оборудования, часть пьедестала статуи) и справедливо их отвергает.

Ещё две массивные балки сечением 30-37х24-25 см. лежат на полу комнаты параллельно ее поперечной «..»

направлении З-В) и симметрично к ней, на расстоянии 3,5 м одна от другой. Западными торцами балки примыкают к стене по сторонам входа, восточные торцы уходят в кладку суфы на глубину 45 и 61 см. Ширина западной суфы - 1,5 м. Следовательно, длина балок составляет 2,7-3 м, а расстояние между балками и западной стеной 1 или 0,7 м.

По этому поводу автор делает странное умозаключение, необъяснимое ни с фактической, ни с инженерно - статической позиций: «То, что балки углублены в западную суфу на 45 и 61 см, свидетельствует о характере предполагаемой нагрузки: строители почему-то опасались опрокидывания на восток и загружали западные концы балок». Невозможно понять, опрокидывания чего опасались строители, и почему опрокидывание этого чего - то влекло за собой опрокидывание лежащих на полу балок: никаких следов жесткой связи между ними и предполагаемой нагрузкой здесь нет, да и опрокидывающий момент, способный вывернуть лежащую на полу балку, должен был быть чудовищно велик. С точки зрения инженерной статики это рассуждение бессмысленно.

Оно, однако, легло в основу гипотезы, согласно которой за входом в целлу стояла подъемная машина - приспособление для неких театрализованных эффектов. Предполагается, что балки над суфой и западной стене служили для крепления ворота с вращающейся рукояткой: от ворота шли веревки перекинутые через деревянную раму, которая стояла на балках, лежавших на полу. К веревкам крепились некие предметы, которые поднимались при помощи ворота и были обозримы людьми, собравшимися в зале. Управлял этим механик, скрытый от зрителей специальным щитом, закрывавшим вход в святилище: сидя на суфе, он крутил ручку ворота.

Автор полагает, что так «находят общее непротиворечивое объяснение» особенности устройства целлы, то - есть две пары найденных там балок. Он ошибается: его гипотеза даже с технической точки зрения (не говоря об историко-культурной обоснованности) выглядит вполне нереальной. Вымышленная конструкция, названная подъемной машиной, таковой не была: описано примитивное устройство - даже не блок (хотя этот термин употреблен), а простейшее приспособление, называемое порусски лебедка. Причем предполагается, что в начале балок на полу и того, что на них стояло, не было, и устройство было еще

проще: «Можно думать (?), что сначала обходились только креплением верхних блоков к балкам, перекинутых без дополнительных стоек между двумя поперечными прогонами, а потом всю систему понадобилось сделать более мощной» Почему понадобилось, и каким образом мощь системы от этого возросла, не разъясняется.

Управляющий лебедкой механик должен был на суфе или спиной к ней свесив ноги, или сидя «по-турецки» - самая неудобная позиция для вращения низко расположенной короткой ручки - и при этом поднимать, как полагает автор, немалые тяжести. Правда, предполагаются некие противовесы, «...заблаговременно поднимаемые с помощью ворота, чтобы, прекратив их веревкам, идущим через верхние блоки от того предмета, который должен «вознестись»..., освободить в нужный момент стопор ворота». Для разбора этой неотчетливо изложенной идеи и объяснения её технической непригодности здесь, к сожалению, нет места. Стоит только ещё раз заметить, что ни расположение ворота, ни длина его рукоятки (25 см!) не позволили бы «возносить» даже небольшие тяжести, не говоря о загадочно функционирующих противовесах. Несуразностей в предлагаемой гипотезе более чем достаточно. Непонятно, почему устои лебедки раздвинуты на расстояние 3,5 м, тогда как балки ворота - на 1,35 м, - технической необходимостью это нельзя объяснить. Неясно, чем вызвана высота устройства, изображенного на реконструкции, - она достигает 6 м при сравнительно небольшой площади помещения. На этой реконструкции вход в целлу закрыт полукруглым щитом, скрывающим ворот, веревки и механика, - стало быть, вход не функционировал, был стабильно загорожен, и утверждение автора - «то, что происходило за дверным проемом, было видно только тем, кто стоял в среднем нефе зала, в соответствующей части портика и на пандусе» - противоречит опубликованной реконструкции. Зато посетители зала могли хорошо видеть, как служители цепляют к веревкам «предметы», которым предстояло вознестись: это происходило снаружи, перед щитом, и другого способа прикрепить «предметы» к лебедке не было. Поверить во все это трудно.

Не только поверить, но и понять невозможно рассуждение на стр. 100, начатое словами «Можно, например, над проемом поместить не сплошную кладку, а пустое пространство...» и продолженное невразумительным описанием ещё одного,

другого способа «вознесения» - с применением ранее не упомянутой и неизвестно откуда взявшейся «площадки подъемника». На скромное признание «У нас нет прямых доказательств того, что подобное устройство имело место в действительности» приходится заметить, что косвенных доказательств этого тоже нет. А предположение - «можно думать, что в условиях жестокой конкуренции религий, соперничества с буддизмом, манихейством, христианством согдийские жрецы не пренебрегали любыми средствами для прославления своих богов» выглядит, мягко говоря, так несерьёзно, что не может стать поводом для дискуссии.

Реализация придуманного Б.И. Маршаком подъемного устройства означала бы разрушение самой планировочной идеи парадного здания, уничтожение связи между двумя его главными помещениями и загромождение целлы громоздким и примитивным механизмом, то - есть превращение её (в лучшем случае) в то самое «рабочее» помещение, мысль о котором автор справедливо не допускает.

Отсутствие даже отдельных аналогий «пенджикентской лебедке» в архитектурно - археологическом материале Среднего и Ближнего Востока вынуждает автора обратиться к материалу, очень далекому от привычной для него области - к античным театрам, где, действительно, в спектаклях - трагедиях использовались подъемные механизмы, позволявшие «божествам» и прочим персонажам в нужном случае как бы воспарять. Корректность сопоставления античных театральных представлений с богослужениями в согдийских храмах неизвестной религии Б.И. Маршака ничуть не смущает, - он полагает что это явления, близкие по характеру. Не смущает его и то, что вознесения актеров в античных театрах не оставили материальных следов, и то немногое, что о них известно - письменные сведения, позволявшие разную интерпретацию.

Причина неуверенности автора другая: «Остается неясным, знали ли согдийцы об аналогичных изобретениях древней Греции». На это можно уверенно ответить: не знали. Помимо того, что между Согдом и Грецией - порядочное расстояние, которое тогда было нелегко преодолеть, известно, что античные театральные представления, которые постепенно свелись к пантомимам, потеряли популярность ещё к концу II в. н.э. и тогда же фактически прекратились.¹¹ Маловероятно, что через 500 лет после этого технические

театральные приемы античности возродились в долине Зеравшана. Что касается Византии, то её христианская культура хотя и сохраняла многообразные реликты античного прошлого, но к пережиткам театрального искусства относилась плохо: греческая, сирийская и армянская церкви видели в актерах приверженцев язычества.¹² Театральные (или театрально интерпретированные) сюжеты в искусстве Византии традиционно сохранялись, но это, конечно, не доказательство сохранения древней и, вероятно, давно забытой театральной техники.

Наконец, «зрелищный характер ритуала» автор усматривает в отсутствии передней стены большого зала, «...что является наиболее оригинальной особенностью плана пенджикентских храмов, которая связана со стремлением издалека открыть зал глазами...зрителей». В действительности этот планировочный приём не уникален и встречается, в разных вариантах, в постройках совсем не культового назначения. Таково бактрийское дворцовое здание в Халчаяне (I в. до н.э.): его зал не раскрыт целиком в передний колонный портик, но связан с ним тремя широкими проходами, и за ним на общей оси лежит меньшее помещение, аналогичное пенджикентской «целле». Представительно-светское назначение этой богато украшенной постройки несомненно.¹³ Еще больше сходство с пенджикентскими зданиями у дворца Термезшахов в Термезе, точнее - у его представительной части (II в.). Здесь парадный аудиенц-зал раскрыт всей своей шириной в наружный портик-айван, обращенный во двор, - это почти дословно повторяет плановое устройство «храмов».¹⁴ И в этом случае светское назначение великолепного здания, приспособленного для торжественных приёмов, никогда не вызывало сомнений.

Как в действительности, не прибегая к фантастическим домыслам, можно расшифровать особенности устройства целлы второго храма? Здесь мне придется отказаться от «храмовой» версии и вернуть обоим зданиям их вероятное назначение общественных центров города, мест решения сословных, социальных и политических проблем. Руководство обеих сословных общин города должно было возглавляться лидерами, власть которых, как и всякая власть в ту эпоху, имела в определенной мере ритуальный характер и требовала соответствующего оформления. В жилых домах Пенджикента это выражалось в устройстве залов-гостиных, где

место хозяина-домовладельца обычно отмечено специальной суфой, своеобразным тронном, расположенным на оси зала напротив входа. Было бы логично ожидать подобное же оформление и в общественном здании, где собирались для обсуждения общих дел представители общины: они заполняли четырехколонный зал-айван, а глава общины с ближайшими помощниками восседал на суфе - «троне» в глубине западной комнаты. Но так как уровень пола этой комнаты несколько выше уровня пола зала (их соединяет пандус), то «тронное» место главы общины должно было быть приподнято - так, чтобы он, сидящий в глубине, был виден из зала. Может быть, этим объясняется необычно большая высота западной суфы - 82 см. Всё же и эта высота была сочтена недостаточной, и «трон» главы общины расположили над суфой, на выдвинутых из стен деревянных консолях. Высота сиденья над суфой - 50-52 см - соответствует нормальной высоте стула, а ширина - 135 см - обычно для тронов - «тахтов» средневекового Востока. Вероятно, имелись и передние ножки, опиравшиеся на суфу и не сохранившиеся.¹⁵

Что до двух лежащих на полу балок, то ограниченное ими пространство комнаты представляет собой правильный квадрат.¹⁶ Я думаю, что эти балки служили нижними обвязками (основаниями) для тонких стен-перегородок (может быть, каркасных), которые отделяли боковые части комнаты, и в которые вели проходы у западной стены. Эти боковые отсеки служебного назначения были каким-то образом связаны с имевшими здесь место ритуалами и едва ли случайно образовывали (вместе со средней частью) симметричную трехчастную группу.

Такое устройство помещений, лежащих за залом и связанных с ним, находит близкую аналогию в монументальном здании 8 в., раскопанном на Джартепа II.¹⁷ Исследователи называют здание храмом, очевидно под влиянием ошибочной пенджикентской традиции, так как никаких признаков

культового назначения у него нет - за исключением следов закопченности небольшого сырцового возвышения, которое только поэтому названо алтарем. Центральной частью здания был зал размером 7,3x10,3 м. целиком открытый своей длинной стороной в лежащий южнее двор и приподнятый над ним. Кровля этого обширного зала-айвана опиралась на колонны, - формой и устройством он очень близко воспроизводил «наиболее оригинальную особенность» пенджикентских зданий. В отличие от них за задней стеной зала имеется не одна комната, а три расположенные симметрично в ряд камеры - квадратная посередине и продолговатые по бокам. Средняя и левая камеры открыты входами в зал и связаны проходом; к их задним стенам примыкают суфы одинаковой ширины. Правая камера, без задней суфы, не связана проемом со средней камерой, но это могло быть следствием каких-то перестроек: компактная группа трех камер с практически одинаковой глубиной и замкнутых как бы в единый объем предполагает внутреннюю симметрию.

Сходство с пенджикентским зданием здесь не ограничено открытым с длинной стороны залом-айваном. Оно распространено и на задние помещения, в устройстве которых виден прием трехчастности - квадратный центр и меньшие удлинённые крылья. Некоторые различия - массивные разделительные стены в Джартепа и тонкие перегородки в Пенджикенте, связь боковых камер Джартепа с залом - не ослабляют очевидность этого сходства. Вероятно, Джартепа II был резиденцией местного правителя, в архитектуре которой сохранились традиционные приемы планировки общественных и дворцовых зданий, их представительных центров. Причину же разделения «засального» пространства на три симметричные части нам, не знающим обычаев и традиций людей, населявших эти места в 5-8 вв., к сожалению, не понять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прошлое Средней Азии. Сборник статей. Душанбе 1987. Стр. 140-148.
2. Прошлое Средней Азии. Стр. 147.
3. Прошлое Средней Азии. Стр. 95-103.
4. См. Л.И.Ремпель. Рецензия книги Б.И.Маршака «Согдийское серебро». ВДИ, 1974, № 2.
5. С.Г.Хмельницкий. Общественные здания в древнем Пенджикенте. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977. Стр. 407-416.
6. Sergej Chmel'niczkij. Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittelasiens V-VIII. Jh. Berlin 1989. S.138-141
7. Seton Lloyd, Yans Wolfgang Muller. Agypten und Vorderasien. Stuttgart 1987.
8. Roman Girshman. Iran, Parther und Sassaniden. Munchen 1962. S/ 56/ Abb. 55.
9. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск 2. Москва 1959. Стр.187, рис. 28.
10. Bendjamin Rowland. Zentralasien. Baden-Baden 1979. S. 80, 117, 118, 119, 179. Abb. 13, 24.
11. А.М.Беленицкий. Mittelasien. Kunst der Sogden, Leipzig 1980. Abb. 80, 81.
12. Всеобщая история архитектуры. Том 2 Москва 1973. Стр. 181
13. В.Ф. Даркевич. Светское искусство Византии. 1975. Стр. 214.

13. Г.А.Путаченкова, Халчян. Ташкент, 1966.
 14. С.Хмельницкий. Между Саманидами и монголами. Часть 2. Берлин-Рига, 1997. С. 13-20.
 15. Следы сидений на консолях вырубленных из стены балках сохранились в так называемом «многоколонном зале» Шахристана, на городище Калхаха 1.
 16. Основываясь на чертеже из статьи В.Г.Шкоды «Le culte du feu dans les sanctuaires de Pandjikent» в сборнике Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Paris. 1987. Pl XXXVII. За годы раскопок Пенджикента ни разу не были опубликованы крупномасштабные, археологически точные планы обоих зданий. Представленные в публикациях чертежи - мелкого масштаба, более или менее схематичны и нередко различны в пропорциях и деталях.
 17. А.Э.Бердимуратов, М.К.Самибиев. Результаты раскопок храма на Джартепа II. // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992. С. 77-92.

Khelmiski S.

Pandjikent winch.

In the article a refutation is brought against the proofs and understandings which are based, published by B.I.Marshak, versions about once supposedly existed some kind of machine in the ancient Pandjikent temple for lifting images of Gods during ceremonies such argument brought by B.I.Marshak, as the absence of some kind of decorative attire in the back room of temple construction 2 cell, facility peculiarities of cell itself cannot serve as strong reason for finding out lifting facility here, let alone speaking about its reconstruction, described with a great fantasy by B.I.Marshak. Ascetic decoration of cell of 2nd temple, to our opinion cannot serve as an indication of its utilization as «working room», in which constantly the decoration was changed. It should be mentioned that for the sanctuaries of ancient temple in the east and west it was peculiar to utmost simplicity of inner decoration. They were decorated only with visible (in the form statue) or invisible with the presence of gods. Functional purposes of two massive beams left to be explained which lies on the floor of the room. According to the view point of B.I.Marshak they were component parts of lifting facility which were mechanically controlled. During the investigation of construction, described by B.I.Marshak technical uselessness of this mechanism is clearly seen.

The examples of such technical achievements in the theater performances of ancient Greece brought by B.I.Marshak are incorrectly presented which has chronological division of 500 years. Finally, the definition of these buildings as «temples» by B.I.Marshak call a big question which actually were public center of the cities, places for the solution of class, social and political problems.

Лебедева Т.И.

ГЕНЕЗИС ЗАМКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО И ЮЖНОГО СОГДА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.

В античное время заселенность согдийской территории была не столь значительна как в раннем средневековье. Поселения и небольшие города вблизи самого крупного города античного Согда - Самарканда располагались цепочкой, в основном, вдоль водных источников (Аксу, Карасу, Сиаб, Обирахмат) и торговых трасс, идущих на Бухару, Ксениппу, Наутаку, Фергану и Кангюй (Лебедева, 1995, с.321, рис. 84). Время становления феодальных отношений в Средней Азии характеризуется мощным демографическим всплеском, возникшим в результате военных экспансий скотоводческих племен в этот регион. С середины IV в. н. э. до нач. VIII в. все раннее свободные территории занимают сельскими поселениями и феодальными замками. В этот период Согд состоял из значительного количества более крупных и мелких владений во главе со столичными городами. Каждое из владений подразделялось на отдельные княжества, управляющиеся сидевшими в княжеских городках-замках мелкими правителями.

Генезис замковой архитектуры тесно связан с исторически сложившейся военно-политической обстановкой в Средней Азии в V-X вв. Увеличение количества сельских поселений и замков в это время стимулировалось притоком племен, проводивших завоевательные походы на территорию Средней Азии - хионитов, кидаритов, эфталитов, тюрков и арабов. Пришлось, в основном, скотоводческое население оседало не столько в городах, сколько в сельской местности, что наглядно иллюстрируется археологическими исследованиями, датирующими большую часть

сохранившихся сельских памятников V-VIII вв. н. э. (Лебедева, 1995). После завоевания Средней Азии арабами наблюдается процесс застоя и постепенной деградации замкового строительства, объясняемый политикой арабов, начавших борьбу против влияния феодальной знати. Политика борьбы с феодальной раздробленностью государств Средней Азии, начатая арабами, успешно завершилась в X в. под руководством местной династии Саманидов.

Сельские поселения раннесредневекового Согда еще недостаточно изучены. В Самаркандской округе, например, они зафиксированы лишь в качестве подстилающего культурного слоя под платформами феодальных замков и благодаря этому сохранившимися до наших дней. Изучение их представляет определенную трудность, связанную с необходимостью снятия многометровых наслоений, образованных построенными над ними более поздними феодальными замками. В отличие от сельских поселений, которые могли быть укрепленными или без оборонительных стен, замки в своей основе предполагают укрепленность здания оборонительными башнями и внешними оборонительными стенами. Замки строились на платформах и без них. Преобладают замки на искусственных платформах, но имелось определенное количество замков без них, таких как Арабхонатепа в округе Самарканда (Лебедева, 1995). Существовала также практика использования в качестве платформ естественных возвышенностей (Аултепа в Кашкадарье. Кабанов, 1958, 1981). Независимо от временного интервала, замки Согда были, в основном, двухэтажные.

большинстве археологически зафиксированы остатки пандусных или ступенчатых подъемов на второй этаж, а в завалах помещений первого этажа часто обнаруживают упавшие перекрытия и содержимое помещений второго этажа. В последние десятилетия стало престижным интерпретировать сельские постройки замкового типа (построенные на платформах с угловыми оборонительными башнями и планировкой, имеющей и не имеющей аналогий в культовой архитектуре (как культовые, т.е. храмы, при этом авторы стремятся использовать все данные только в пользу гипотезы культового назначения зданий, мельком отмечая факты в пользу других гипотез или просто избегая их (Пулатов, 1977; Филанович, 1987; Бердимуратов 1991; Бердимуратов, Самибасев 1992; Самибасев, 1993, 1993 а; Аскарлов, 1992). Так, автор уструшанского «дома огня», обнаружив культовое помещение с подиумом для алтаря огня на первом этаже феодального замка, совершенно не принимает во внимание преобладающее количество сельскохозяйственного (большое количество зернотерок, жерновов, серпов) и военного характера (наконечники стрел, копий) инвентаря. Галерея, соединяющая между собой угловые оборонительные башни предложена в качестве обводного культового коридора. Следы крупного пожара, в огне которого сгорели запасы зерна (пшеница, просо) и обгорели стены всех помещений первого этажа (кроме башен), выдаются за следы функционирования культового помещения (Пулатов, 1977, с. 77-79). Такое необоснованное, на наш взгляд, интерпретирование феодального замка в Уструшане как храма огня, породило ряд подобных выводов для феодальных замков Согда. Так лишь на основе наличия четырех входов в центральное помещение первого этажа замка Актепа на Даргоме (Аскарлов, 1992, с. 59-60) и обводного коридора, автор, используя в качестве аналогии замок Актепа близ Нау (Пулатов, 1977) также считает феодальный замок храмом огня. Актепа Чиланзарское в Ташкенте в первоначальном варианте трактовалось как замок-крепость (Филанович, 1983) через несколько лет автор выдает за храм огня (Филанович, 1987). Двойную интерпретацию имеет так называемая усадьба под Самаркандом - в качестве усадьбы-замка и дахмы (Шишкина, 1961, 1977; Нильсен, 1965; Лебедева, 1999). Авторы раскопок Джартепа - II в Ургутском районе Самаркандской области интерпретируют его как храм для IV-V периодов, а

подстилающие его три как замок (Бердимуратов, Самибасев, 1999). Подобная двойная трактовка функционального назначения сооружений замкового типа связана, несомненно, с недостаточной изученностью как феодальных замков, так и городских зданий Согда культового назначения. Это, в принципе, на данном этапе развития археологической науки дает право существования различным точкам зрения на интерпретацию функционального назначения вскрытых сельских построек до тех пор, пока количество их не позволит произвести научный статистический анализ в пользу той или иной точки зрения. Но уже сейчас известно, что политическая структура феодального общества отложила специфический отпечаток на архитектуру феодальных замков. Раздел земель на отдельные феодальные владения привел их к резкой обособленности, постоянной борьбе между отдельными феодалами и феодалами с центральной властью за политическое и военное влияние, к попыткам передела земель в свою пользу. Замок феодала стал обособленным домом-крепостью, в результате чего структура его должна была отвечать очень многим требованиям. Замок должен был иметь усиленную оборонительную систему: высокую платформу здания, мощные стены, оборонительные башни и стрелковую галерею, обеспечивающую свободное перемещение воинов-дружинников вдоль системы бойниц и башен. На определенном этапе вокруг здания появилось усилившее оборону внешней каре оборонительной стены. Значительная часть замка отводилась под хозяйственные хранилища для запасов зерна и другой продукции на случай долгой осады во время феодальных распрей и военных событий других истоков. Кроме этого в замке должна была иметься жилая площадь и парадная часть - зал для приема гостей и проведения семейных и религиозных праздников. И обязательно - культовое помещение, размеры которого варьировали в зависимости от степени религиозности отдельных владельцев замков и их экономического благосостояния. Многофункциональная направленность замков выработала со временем наиболее выгодное, благоприятное взаиморасположение помещений внутри них. Большинство вскрытых на настоящий момент сельских сооружений отражает в своей планировке поэтапное развитие замковой архитектуры, и в общем, поддается определенной систематизации во временном интервале с рубежа IV-V вв. н. э. по X в. н. э. (Лебедева, 1993, с. 100-101).

На рубеже IV-V вв. н.э. в Самаркандском Согде появляются феодальные замки на естественных или искусственных стилобатах. Замки как и платформа в своей основе имеют подквадратную в плане форму (рис. 1, 1,2). Стилобаты, имеющие в основе естественные возвышенности формировались подтеской лесса. Искусственные стилобаты возводились из пахсовых слоев или сырцового кирпича в виде усеченной пирамиды. Многие замки на искусственных платформах имеют под ними культурный слой предшествующего постройке поселения (Лебедева, 1995). Высота платформ, преимущественно, 3-5 м. Замки небольшого размера - 18-20 x 18-20 м по сторонам, с квадратными угловыми башнями и двухэтажные в высотном измерении (Семенов, 1996, с. 164). Первый этаж замков начала V в. имел несложную планировку - 2-3 прямоугольных или квадратных помещения, соединенных между собой и с башнями узкими проходами, которые можно трактовать как коридор стрелковой галереи. Второй этаж по требованиям антисейсмичности мог иметь подобную или несколько облегченную (с меньшим количеством помещений и более тонкими стенами) планировку. Стены здания строились, обычно, из пахсы с прослойками кирпича. Перекрытия как сводчатые так и плоские. Лестницы или пандусные подъемы на второй этаж делались в одном из башенных помещений. Бойницы на первом этаже в два ряда. Вероятнее всего, замки первой половины V в. не имели внешних оборонительных стен (Тали Барзу, Григорьев, 1940). Примером такой постройки замкового типа может служить центральное ядро так называемой усадьбы под Самаркандом (Шишкина 1961). В отличие от автора раскопок, считавшей усадьбу построенной единовременно, ряд исследователей предлагает иную точку зрения по этому вопросу и выявляет несколько строительных периодов в здании. Так Б.И. Маршак предполагает в усадьбе-замке три строительных периода, первый из которых описан выше. Во втором периоде вокруг первоначального замка с бойницами делается обводной коридор, а по периметру стен возводится ряд помещений. Замок из четырех башенного превращается в восьми башенный (Маршак, 1971, с. 207-208; 1975, с. 116-117). Эту точку зрения поддерживает Г.Л.Семенов (Семенов, 1996, с. 166-168). Ю.Якубов предлагает два строительных периода и назначение сельской усадьбы для производства зеленого кишмиша (первый этаж производственный, второй - жилой. Якубов, 1988, с. 57-58). В.А.Нильсен считает это

здание дахмой, где содержались тела умерших до полного разложения мягких тканей (Нильсен, 1965). Т.И. Лебедевой выявлено 4 строительных периода и найдены аргументы в пользу приспособления здания замкового типа под дахму (Лебедева, 1999). О нежилом характере здания 1 строительного периода говорит наличие 46 продухов в 2 м высотой, расположенных не только по его периметру, но и в стенах внутренних помещений. Но независимо от функционального назначения здание имеет типично замковую архитектуру и дает возможность проследить развитие таковой в Самаркандском Согде в раннесредневековый период. Замок аналогичной архитектуры вскрыт в верховьях Заравшана (рис. 1, 1, замок Фильмандар. Исаков, 1979). Он имеет планировку, подобную планировке здания под Кафыркалой, но в 2 раза меньшее количество действующих бойниц и значительное количество ложных (рис. 1, 1, 2).

В зависимости от местоположения и функционального назначения, замки подобной планировки могли впоследствии достраиваться, увеличиваясь в размерах и изменяя свою планировку или оставались в своем первоначальном варианте. Так, замок Фильмандар, находившийся в горной местности и служивший, скорее всего, военной крепостью, остался неизменным до конца своего существования (VII в.), а здание под Кафыркалой имело еще три строительных периода и увеличило свои размеры с 18,3x18,3 м до 39x39 (по основанию).

Отличительной чертой замков раннесредневекового Согда являлось использование предыдущих замков для увеличения обороноспособности последующих - первый этаж забутовывался и одевался с внешней стороны в «рубашку», за счет чего наращивалась высота платформы, на которой возводился замок следующего периода. Остатки стен второго этажа, наиболее подверженных разрушению, сносились или частично использовались для нового замка.

Второй этап развития сельской замковой архитектуры характеризуется увеличением высоты платформы замка и увеличением количества башен четырехугольной формы на каждой его стороне (рис. 1, 3, 4). Увеличение количества башен в здании достигалось возведением вокруг первоначального замка с четырьмя угловыми квадратными в плане башнями новой внешней стены с большим количеством башен в ней. Между первоначальным зданием и новой стеной

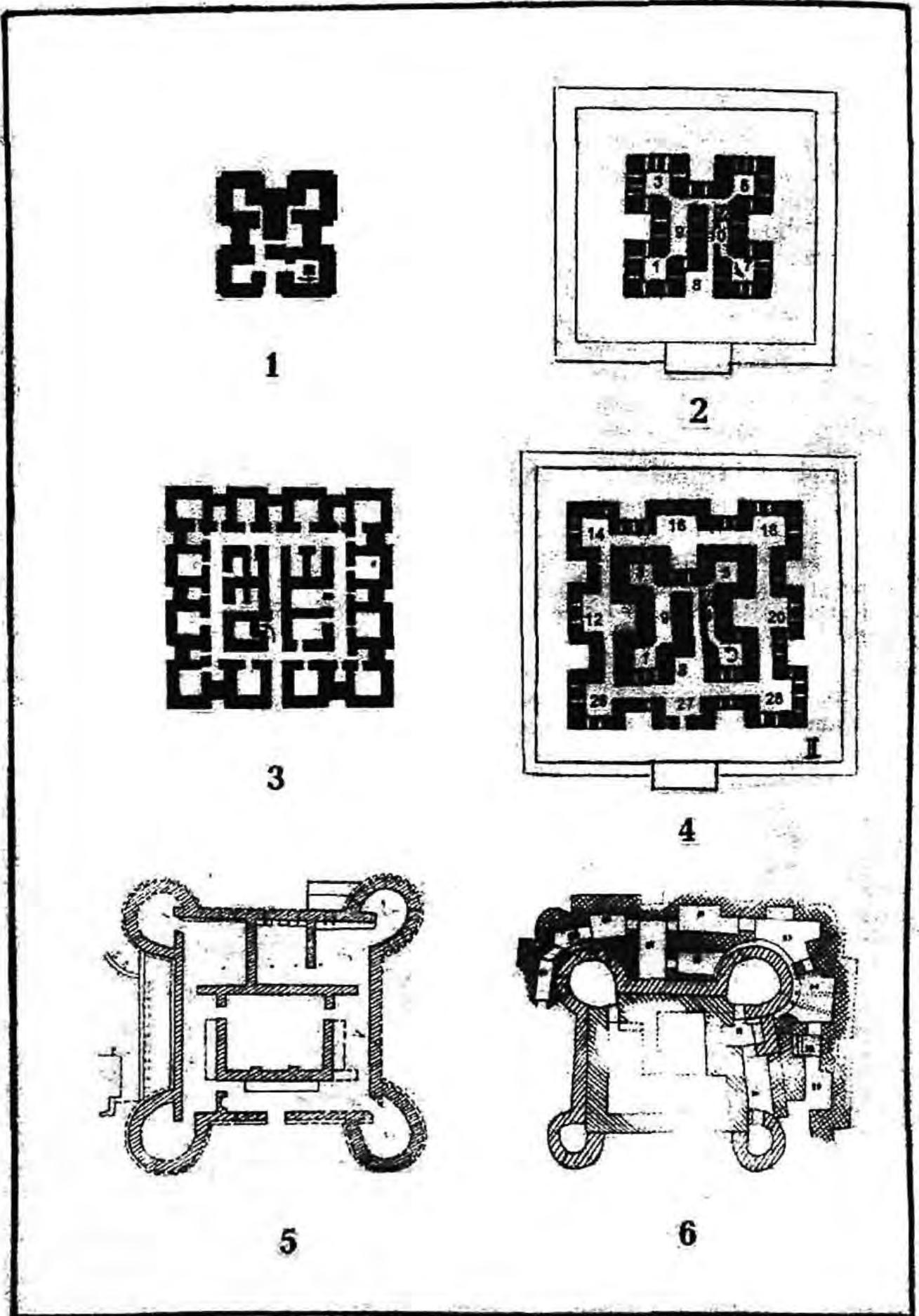

Рис.1

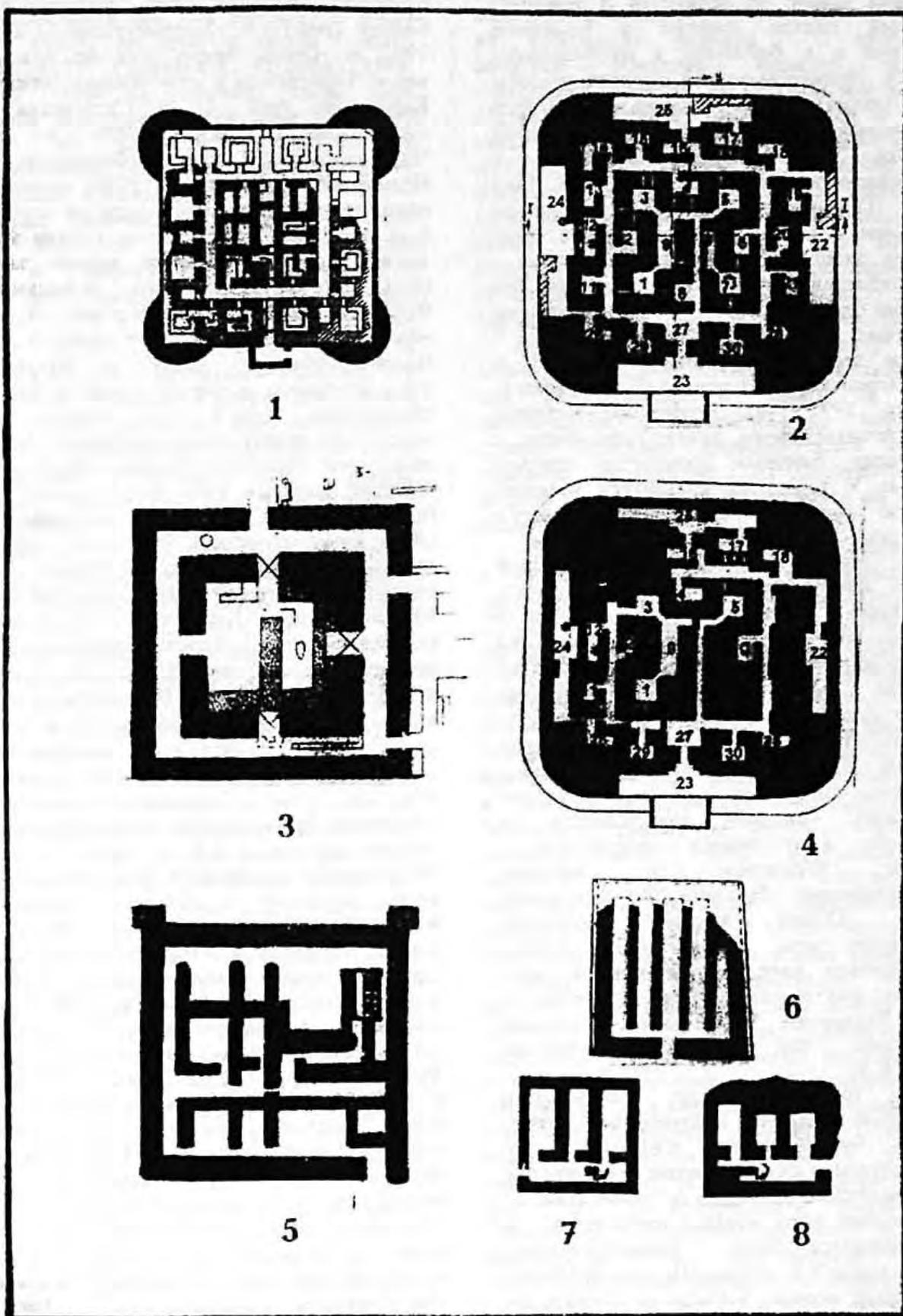

Рис. 2

оставлялось пространство, превращавшееся после завершения строительства в коридор, огибавший здание по периметру и дававший свободный подход изнутри в башенные помещения и к бойницам в межбашенных куртинах. Примером может служить усальба-замок (дахма) под Кафыркалой (второй строительный период), где четырехбашенная постройка на платформе достроена в восьмибашенную (рис.1, 4). В замке Тали Барзу (Григорьев, 1940) одновременно изменения непосредственно в замке, была возведена внешняя оборонительная стена - каре с квадратными башнями и короткими куртинами между ними, с двумя рядами щелевидных бойниц. Аналогичное, 12 - башенное каре имел замок Джартепа II в первые строительные периоды (Бердимуратов, Самибаев, 1992 а). Возведение внешней оборонительной стены замка Тали Барзу с квадратными башнями датируется третьей четвертью V в. н. э., что может являться отправной точкой в датировке замков с аналогичной системой фортификации.

Для этого этапа развития сельской замковой архитектуры выявляется некоторое разнообразие в строительных приемах. Так, в замке Тали Барзу, здание предыдущего замка на платформе забутовывается, за счет этого платформа замка с четырехугольными башнями значительно увеличивается в высоту, а новый замок возводится уже на новой платформе. В здании под Кафыркалой лишь расширяется платформа, а здание с угловыми квадратными башнями превращается в центральное ядро нового сооружения с обводным коридором и восемью четырехугольными башнями по внешнему фасу. Общая высота платформы увеличивается лишь за счет нового уровня пола. Остатков каре не обнаружено, хотя исключить факта наличия его в древности нельзя. Возможно, оно было распахано впоследствии под сельскохозяйственные угодья (XX в).

На третьем этапе происходят значительные изменения в планировке замков. На смену многобашенным замкам приходят замки квадратной формы в плане с овальными или полукруглыми башнями по углам (рис. 1, 5, 6). Внешнее каре остается неизменным, в нем сохраняется серия четырехугольных башен на каждой из сторон. По крайней мере, на настоящий момент, в Согде не вскрыто ни одного замка, имеющего овальные или полукруглые башни в самом замке и синхронные овальные башни во внешней оборонительной стене. Так, замок Джартепа II

(III строительный период) имеет внешнюю оборонительную стену с 12 четырехугольными башнями, а в самом замке - овальные угловые башни (рис.1, 6; Бердимуратов, Самибаев, 1992 а). Очень близок ему по планировке замок Тиркаштепа в юго-западных предгорьях Карамазара (рис. 1, 5; Салтовская 1983; Салтовская, Пулатов, 1986) и Актепа Чиланзарское в Ташкенте (Филанович 1983). Планировка Джартепа II (I-III периоды), к сожалению, в достаточной мере не определена из-за неполного вскрытия на данном этапе и значительных перестроек внутри замка в последующее время его использования. Вскрытые полностью Тиркаштепа (не считая нижележащего забутованного замка) и Актепа Чиланзарское дают возможность характеризовать основные черты замков этой планировки. (рис.1, 5). Замки имеют квадратную форму плана в основе с угловыми овальными башнями. Башни имеют овал с внешней стороны, план внутри башен может быть овальным (Тиркаштепа) или квадратным (Актепа Чиланзарское). Овальную снаружи и квадратную форму внутри имеет башня частично вскрытого замка Пирматбабатепе в Южном Согде (Кабанов, 1973). В башнях подобных замков бойницы обнаружены как на уровне первого (Тиркаштепа), так и второго этажа (Джартепа II). Планировка первого этажа здания замка весьма проста и состоит из 1 или 2 центральных помещений и стрелковой галереи (обводного коридора). Так, в замке Тиркаштепа центральное помещение прямоугольное с двумя выходами в галерею-коридор. В замке Актепа Чиланзарское два прямоугольных помещения с двумя выходами в обводной коридор. В Актепа близ Нау (Пулатов, 1977) центральное помещение имело в центре подиум с очагом-алтарем и четыре выхода в галерею. Обводной коридор может быть разделен небольшими стенками и выступами на проходные помещения-коридоры (Тиркаштепа), основная функция которых - свободный доступ в башни и к бойницам в стенах не нарушается в любом случае. Обводные коридоры, в большинстве случаев, служат одновременно хозяйственными хранилищами, в этих помещениях - коридорах часты находки стorerенного зерна и сельскохозяйственного инвентаря (Пулатов, 1977). Под хранилище могли использоваться также отдельные башни (Бердимуратов, Самибаев, 1989). Замки с овальными башнями, построенные внутри каре, имеющего четырехугольные башни, обычно имеют датирующий материал кон. V - нач. VI вв. н. э. (ТБ - III - нач. ТБ - IV). На

начальном этапе двор внутри каре построек не имеет, но вскоре подвергается застройке, занимающей часть или всю территорию двора от каре вплоть до стен и башен замка (Пулатов, 1977; Салтовская, Пулатов, 1986; Самибаев 1993 а), причем, вдоль каре помещения выстраиваются в виде обводного коридора со свободным подходом к четырехугольным башням каре (рис.1, 6; Бердимуратов, Самибаев, 1992 а).

Второй разновидностью замков этого периода являются замки, аналогичные Аултапа в Южном Согде (Кабанов, 1958, 1981). Арабхонатепа в округе Самарканда (Лебедева, 1995), Актепа на Даргоме (Аскаров, 1992, 1995). В отличие от небольших замков с овальными башнями, эти замки в своей планировке имеют центральное ядро с одним (Актепа) или несколькими (Аултапа) помещениями, обводной коридор, опоясывающий центральное ядро и серию помещений (квадратных или прямоугольных) вокруг обводного коридора. Углы замков имеют выступы - закругления, имитирующие круглые угловые башни (рис. 2, 1, 2, 3). Ввиду сильного освоения земель вокруг этих замков, каре внешних оборонительных стен не обнаружены. Замки этой разновидности имеют начальный датирующий материал вт. пол. V - нач. VI вв. н. э. и синхронны замкам с овальными угловыми башнями. Они строились без платформы (Арабхонатепа, округа Самарканда), на естественных возвышенностях, использованных в качестве платформы (рис 2, 1; Аултапа, Южный Согд) и на искусственных платформах (рис. 2, 3; Актепа на Даргоме). Подобную планировку имело здание у Кафыркалы под Самаркандом (рис. 2, 2; III строительный период). В своей основе оно имело центральное ядро помещений I строительного периода, обводной коридор от здания II строительного периода и вокруг цепочку из помещений, образованных перестройкой башенных выступов II строительного периода. Углы платформы были закруглены, им по контуру соответствовали углы здания. Промежутки между четырьмя выступами-башнями имели вид прямоугольных айванов (Лебедева, 1999). Центральное ядро замковых построек такого вида имеет двух типов планировку с различным размещением помещений по назначению. Центральный квадрат Аултапа имеет 6 квадратных помещений по обе стороны центрального коридора, а также ступенчатый подъем на второй этаж. По внешнему периметру здания также были сделаны помещения, квадратные в плане.

Обводной коридор являлся связующим элементом в планировке здания, в него выходили проходы всех помещений. В замках же небольшого размера с овальными башнями обводной коридор являлся стрелковой галереей, из которой мог вестись обстрел двора через бойницы стен и башен замка. Все помещения первого этажа носили жилой и хозяйственный характер, что предполагает расположение парадных и культового назначения помещений на втором этаже. Замок Актепа на Даргоме, интерпретированный автором как храм огня (Аскаров, 1995) имел, скорее всего, в центре парадное или парадно-культовое помещение с 4 выходами в обводной коридор (из-за перестройки наличие алтаря не зафиксировано или его вообще не было) и серию хозяйственных помещений по периметру здания. Обводной коридор здесь отделял парадное помещение от хозяйственных. Жилые помещения предполагаются на втором этаже (рис. 2, 3).

Сооружения замкового типа, основанные в нач. V - нач. VI вв. н.э. имели различный срок жизни. Так, здание у Кафыркалы под Самаркандом, пережив 4 строительных периода, закончило свое существование в сер. VII в. н. э. В своей архитектуре оно отразило три нововведения, имевшие место в V- нач. VI вв. : на смену здания с 4 квадратными угловыми башнями пришло здание с 8 башнями-выступами, сменившееся квадратным в плане сооружением с закругленными башнями-выступами по углам. 4-й период характеризовался лишь внутренними и частично внешними перестройками, забутовками отдельных помещений и ремонтами (рис. 2, 4). В то же время замок Фильмандар, выстроенный в виде квадратного в плане замка с квадратными угловыми башнями, просуществовал без изменений до VII-VIII вв. н. э. Замок Джартепа II с овальными угловыми башнями имел в VII в. довольно резкие изменения в планировке, а в VIII в. был спланирован и использован под застройку последнего периода. Заброс его датируется концом VIII в. н. э. Так называемый «дом огня» в Уструшане (Актепа близ Нау) с центральным помещением-святилищем и четырьмя круглыми угловыми башнями в VII в. был перекрыт замком почти квадратной формы с 9 помещениями различной конфигурации и назначения. Актепа на Даргоме, имевшее подобную планировку центральной части с предполагаемым святилищем, с небольшими перестройками дожил до кон. VI в. н.э.

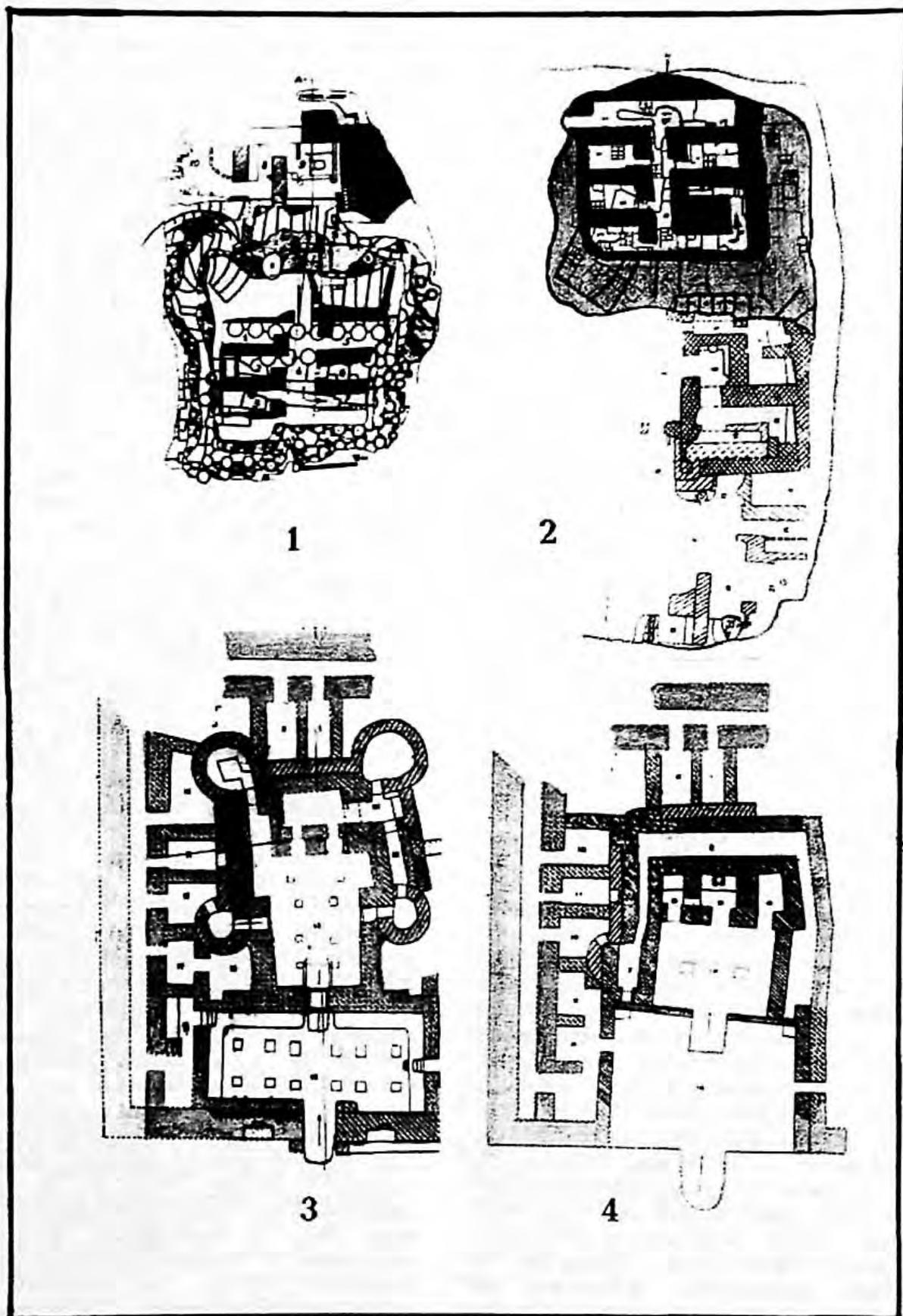

Рис. 3

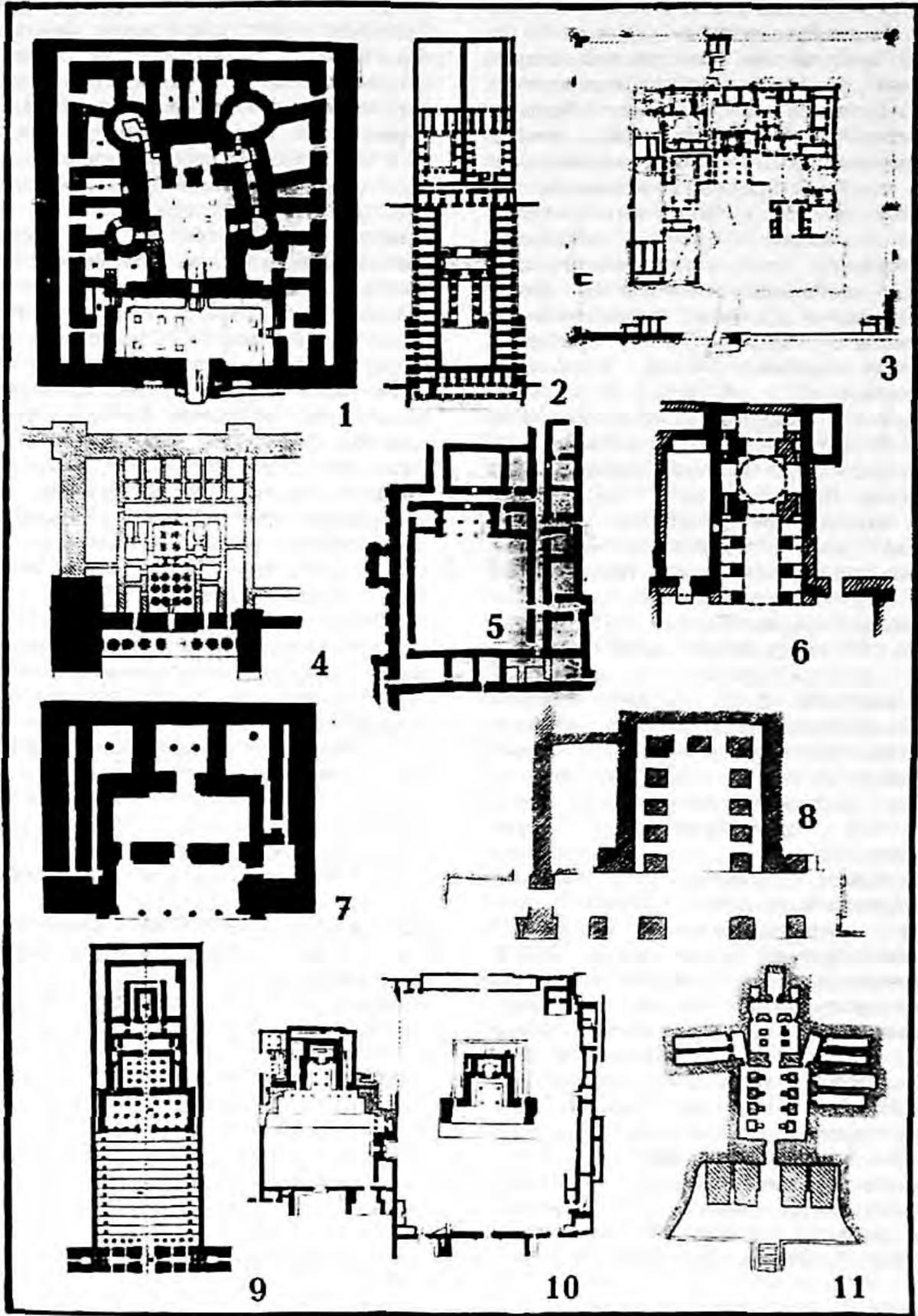

Рис. 4

Южном Согде вт. пол. V- кон. V в. н. э. с ремонтами и незначительными перестройками в VI в., был заброшен в нач. VII в. н. э. А замок Арабхонатепа в сельской округе Самарканда, имевший подобную планировку, после забутовки, многочисленных обкладок «рубашками» и строительства новых замков на образовавшейся платформе обживался еще в VIII в. Такие различия обживания во временных интервалах однотипных построек зависели, видимо, от локальных экономических и военно-политических условий, отложивших отпечаток на сроки использования и придавших индивидуальные особенности архитектуре отдельных сооружений замкового типа в раннем средневековье.

Замок с возможно типичной планировкой для кон. VI-VII вв. н.э. вскрыт в Джизакской области (рис. 2, 5; Алмантепа, Пардаев, 1984). В верхнем горизонте здание представляло остаток замка с типичной для кон. VII - нач. VIII вв. н.э. коридорно-гребенчатой планировкой первого этажа. После сноса этого слоя была выявлена планировка нижележащего замка (Пардаев, 1984, с. 13, рис. 1). Он представлял собой прототип здания с гребенчато - коридорной планировкой (рис. 2, 5). В замке имелись: центральный продольный коридор, делящий здание на две неравные площади, серия помещений с обеих сторон от него и обводной коридор вдоль внешней стены здания. В фортификационном плане сохранились два прямоугольных выступа под угловые башни. Планировка замка сочетает в себе элементы более ранних замков (обводной коридор, четырехугольные башни) с элементами будущих замков рубежа VII-VIII вв. Центально-осевой коридор еще имеет деление на две части, не все помещения, примыкающие к осевому коридору имеют входы с его стороны и прямоугольный план, часть помещений вдоль обводного коридора для удобства не имеют с ним общей стены. В то же время проявляется караульно-сторожевое назначение здания замка - два помещения кухонные, остальные же имели запас метательных камней на случай обороны. Замок трактуется как караульно-сторожевой и датируется VI-VII вв. (Пардаев, 1984, с. 2-5, 12).

Вторым объектом, построенным на основе архитектуры замкового типа, характерного для V-VI вв. и имевшим планировочные изменения в VII- и нач. VIII вв., значительно отличные от общеизвестной замковой планировки, является Джартепа II в

Ургутском районе (Бердимуратов, Самибаев, 1992; Самибаев, 1993; Бердимуратов, Самибаев, 1999). Сооружение имело пять строительных периодов, три первых из которых авторы интерпретировали как феодальный замок (Самибаев, 1993, с. 4; Бердимуратов, Самибаев, 1999, с. 14, 18). В IV-V строительных периодах здание вышло за пределы оборонительной стены замка и представляло собой прямоугольник, внутри которого располагался зал с колоннами и примыкающими к двум противоположным его сторонам вестибюлем (также с колоннами) и небольшим культовым комплексом из трех малых помещений. Пространство двора между зданием и внешним прямоугольником стены было застроено рядом прямоугольных помещений. Сооружение трактуется как храм, расположенный на ответвлении трассы Великого Шелкового пути в сторону Пенджикента. По мнению авторов, он мог обслуживать как местное население, так и паломников, путешественников и купцов караванной дороги (Бердимуратов, 1991, с. 51-52; Бердимуратов, Самибаев, 1992; Бердимуратов, Самибаев 1999, с. 9). В качестве доказательства храмового назначения Джартепа II даются аналогии его поперечно осевой планировки с подобной планировкой храмов Еркургана, Пенджикента и др. (Сулейманов, 1987; Беденицкий, 1953; Шкода, 1986). На основании сюжетов росписей и находок он трактовался в начале как храм огня, посвященный р. Заравшан (Бердимуратов, Самибаев, 1992, с. 90-91), а затем как храм умирающей и воскрешающей природы (Самибаев, 1993, с. 16). При этом, все вышеуказанные данные использовались только для доказательства культового назначения памятников. В то же время, необходимо отметить, что количество археологически вскрытых объектов в Согде как культового, так и замкового характера пока еще незначительно, что дает основание для нескольких трактовок функционального назначения вскрытых сооружений. Джартепа II вполне убедительно можно трактовать и как замок крупного феодала или согдийского ихшида. Источники говорят, что в VII в. княжество Маймург стало средоточием замков ихшидов (Бартольд, 1963, с. 145). По мнению авторов, Джартепа II был построен на ответвлении трассы ВШП. К сожалению, дорога из Самарканда на Пенджикент таковой никогда не являлась. Это была чисто местная, административно-торговая трасса между столичным Самаркандом и подвластным княжеством Панч. Со временем

строительство отдельного храма вблизи (4 км) городища Варагсар, в котором, бесспорно, имелся храм (и мечеть впоследствии). Поперечно-осевая планировка Джартепа II (рис. 4, 1) наряду с культовыми, находит также аналогии в дворцовой архитектуре начиная с Нового Царства (рис. 4, 4; дворец Рамсеса III Мединет Абу XIII-XII вв. до н.э. Флиттнер, Ходжаш, 1970, с. 118, рис. 107), также в античности (рис. 4, 5, 7; дворец в Саксанахуре северной Бактрии II-I вв. до н.э. дворец Халчаян I в. до н.э.; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990, с. 89, 359), раннем средневековье (рис. 4, 3, 6; Куфа, дворец VIII в. н.э. Воронина, 1969; с. 30, рис. 8; дворцовая постройка Дамгана 488-531 гг. н.э., Воронина 1970, с. 341, рис. 18) и в дворцовой архитектуре развитого средневековья (рис. 4, 8; дворец правителя в Термезе XI-XII вв.; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 186). Для раннего периода дворцы имели входной колонный айван, за которым располагался вестибюль, а затем продольно - или поперечно вытянутый зал для приема гостей. В более поздних дворцах аудиенц - зал был прямоугольным и вместо колонн имел столбы-опоры стрельчатых арок. Отличительной чертой большинства дворцовых построек является наличие жилых и хозяйственных построек, вплотную пристроенных к парадным помещениям, что характерно и для Джартепа II (рис. 4, 1-5). Храмовые же постройки не имели жилых помещений (рис. 4, 9-11; Абу Симбел, Большой храм, конец Нового царства, Флиттнер, Ходжаш, 1970, с. 120, рис. 110; Эдфу, храм Гора, III в. до н.э., Флиттнер, Ходжаш, 1970 а, с. 125, рис. 119; Пенджикентские храмы, V-VII вв. н.э.; Воронина, 1969 а, с. 189, рис. 8, Шкода, 1986, с. 9-10), а главная аналогия Джартепа II - Пенджикентские храмы имели большие дворы, где могло вместиться значительное количество людей для религиозных церемоний. Подобного пространства Джартепа II не имел (рис. 3, 3, 4; рис. 4, 10; Воронина, 1969 а. с. 189). Росписи, культовая трактовка которых делается на основе наличия донаторов, изображения божеств, алтарей жертвенников, имеют аналогии в парадных залах жилых домов зажиточного слоя населения Пенджикента (Беленицкий, 1973, объект III, пом. 6,7 с. 16-17 объект VI, пом. 8. С. 19, пом. 26, с. 22, объект VII пом. II, 24, с. 28-29; объект XXII, пом. 1, с. 34, с. 42-46). Можно усомниться также в трактовке элементов военного доспеха (металлический шлем, панцирные пластины, костяная обкладка колчана) в качестве подношения

храму и в намеке на культовый характер найденной булавы (Самибаев, 1993, с. 12, 21) по аналогии с наличием таковой в храмах современных парсов Индии. Военные доспехи являлись необходимостью каждого феодала, и в том числе и булавы, служившие не столько оружием, сколько символом власти, почетного положения и достоинства у правителей и крупной военно-феодальной верхушки многих народов вплоть до XIX в. Для Согда VII-VIII вв. весьма характерны терракоты воинов всадников, держащих в левой руке булаву, а в правой кинжал (Мешкерис, 1989, с. 212, 213). Тип лица на этих терракотах аналогичен типу правителя на согдийских монетах (Смирнова, 1981, табл. 2, 38). Найдены подобные терракоты на Афрасиабе, в Пенджикенте, На Кафыркале под Самаркандом, Тали Барзу. При рассмотрении с этой стороны факторов, характеризующих функциональное назначение Джартепа II, можно предположить, что он мог являться замком крупного феодала или одного из ихшидов Согда. Богатством и знатностью феодала можно объяснить наличие большого количества росписей в замке независимо от трактовки их отдельных сюжетов. Вполне логично вписываются сюда как богатая металлическая посуда, так и военные доспехи и булава. Наличие чисто культового инвентаря (курильницы и др.), являются обычными для всех феодальных замков, в которых обязательно имелись культовые помещения. При этом, мы не отвергаем полностью авторскую интерпретацию, т.к. недостаточная изученность замковой архитектуры раннесредневекового Согда на данный момент обусловила возможность различных трактовок сельских сооружений, достоверность которых может быть окончательно доказана лишь с накоплением археологически вскрываемых объектов каждого типа для каждого отдельного временного интервала.

Новый тип планировки замков появляется в Средней Азии в кон. VII в. Это так называемые замки с гребенчато-коридорной планировкой первого этажа (рис. 2, 6-8; рис. 3, 1, 2). В Согде полностью вскрыто лишь несколько таких замков, в том числе в сельской округе города Самарканда в пределах Дивори Кыямат - замки Заргартепа и Саратепа (рис. 3, 1, 2; Лебедева, 1990, 1992). Замки с подобной планировкой вскрыты на горе Муг (рис. 2, 6; Васильев, 1934; Якубов, 1979) и в Уструшане Тирмизактепа (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973), в долине Магнандары в сельской округе Пенджикента замок Куджроха (Калан Тухтинмаев, 1992).

1980) и др. Нижняя датировка замков с подобной планировкой приходится на время завоевания Средней Азии арабами. Время постройки замков Самаркандского Согда Саратепа и Заргартепа в округе Самарканда датируется монетами Тукаспадака и Турхуна.

Постройки с гребенчато - коридорной планировкой, на настоящий момент, можно подразделить на 2 типа. Для первого типа использовалась планировка в виде ряда параллельно расположенных прямоугольных помещений по одну сторону длинного коридора, имеющего с одной из сторон центральный вход (рис. 2, 6, 7, 8). Такая планировка получила наиболее широкое распространение в горной местности в верховьях Заравшана в сельских усадьбах, замках и даже в городской застройке (Большаков, Негматов, 1958, с. 178-187; Исаков, 1980, с. 246-250; Васильев, 1934; Якубов, 1979, с. 96-126; Воронина, 1950, с. 190; Семенов, 1996, рис. 68, 2). Этого типа постройки с гребенчато-коридорной планировкой не имели укреплений в виде оборонительных башен. Пригородные сельские усадьбы (Большаков, Негматов, 1958) строились также без стилобатов. Помещения первого этажа имели хозяйственное назначение, здесь же, обычно, имелся пандусный подъем на 2-й этаж. Замки с планировкой такого типа возведены, обычно, на высоких естественных возвышенностях, которые заменяли платформы. Платформа (Н-20 м) замка Куджроха укреплена по краям пахсовой стеной на каменном фундаменте (рис. 2, 7; Исаков, 1980, с. 249). Замок на горе Муг построен на вершине горы на высоте 150 м над руслом Заравшана (рис. 2, 6; Якубов, 1979, с. 96). Помещения первого этажа замков, как и сельских усадьб, имели хозяйственное назначение. О назначении зданий первого типа с коридорно- гребенчатой планировкой долгие годы шла дискуссия. Одни исследователи считали здания с такой планировкой жилищами (Лавров, 1950, с. 44), другие - владениями больших патриархальных семей (Воронина, 1950, с. 191). А.И. Васильев предполагал, что замок на горе Муг являлся жильем высокопоставленного представителя господствующего класса (Васильев, 1934, с. 3). С.Г. Хмельницкий рассматривал их как здания, связанные с задачами обороны и размещения войск (Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 109). В данное время наиболее убедительна и приемлема точка зрения Ю.Я. Якубова, считающего замок на горе Муг жилой укрепленной усадьбой земледельца нач.

VIII в. (Якубов, 1979, с. 120). Этот вывод верен для замков и усадьб с односторонней гребенчато-коридорной планировкой, построенных на платформе и без нее, не имеющих оборонительных башен.

Второй тип замков - с двухсторонней гребенчато-коридорной планировкой первого этажа (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 108-133; Лебедева, 1990, 1992). В отличие от ранее описанных замков и усадьб в плане первого этажа имелся центральный осевой коридор, по обе стороны которого симметрично располагались коридорообразные помещения. В одном из концов осевого коридора, перпендикулярно ему, имелся длинный коридор-хранилище, в котором, обычно, устанавливалось большое количество крупных хозяйственных сосудов - хумов, корчаг, кувшинов с запасами продуктов. В одном из углов этажа делался пандусный подъем на второй этаж. Боковые коридорообразные помещения, обычно, имели деревянные двери, а внутри часто очаги, нишки для светильников, одиночные, врытые в пол хумы. Построены замки на естественных возвышенностях или искусственных платформах. Искусственные платформы замков Средней Азии делались двух типов: 1. Полностью выкладывались из блочной послойной пахсы или сырцового кирпича; 2. По периметру платформы делался «каркас» из пахсы или кирпича, деливший пространство внутри перегородками на секции, которые забутовывались различным строительным материалом или засыпались землей. Ко второму типу относятся также платформы, построенные на основе более ранних зданий, помещения которых забутовывались или закладывались кирпичом. В замках Самаркандского Согда, построенных в кон. VII - нач. VIII вв. н.э. с двухсторонней гребенчато - коридорной планировкой первого этажа без использования более ранних построек появляются специальные конструктивные приемы в стилобатах, обеспечивавшие защиту от ударных сил машин разрушающего действия и сейсмических волн (Лебедева, Ширинов, 1997). Такова конструкция платформы замка Заргартепа в сельской округе Самарканда (Лебедева, 1990). В платформах замков этого времени предусматривались круглые выступы под угловые оборонительные башни (Лебедева, 1990, 1992). Платформы с подобными выступами делались и в других регионах Средней Азии (Пулатов, 1975).

Назначение замков с двухсторонней гребенчато-коридорной планировкой, построенных на высоких искусственных платформах и естественных возвышенностях, наглядно выявляется на примере замков округа Самарканда. Заргартеп и Саратепа находились в цепочке замков, оконтуривавшей сельскую округу города в пределах I фарсаха от него и выполняли двойную - жилую и оборонительно-сторожевую функцию на подступах к городу. Впоследствии, в сер. VIII в. вдоль этой цепочки замков была возведена внешняя оборонительная стена Дивори Кыямат, которая взяла на себя вторую функцию - функцию обороны. Подобную роль в несколько ином варианте играла цепь сторожевых постов, тянувшихся от комплекса шахристанских городищ Калаи Кахкаха в Уструшане вдоль ущелья до выхода на равнину. Один из вскрытых в этой цепочке замков (Тирмизактепа) имел планировку, очень близкую планировке замка Заргартеп (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973). В отличие от него памятник располагался на гребне естественной возвышенности (до 20 м) и не имел прилегающего к нему поселения. В данном случае верно мнение С.Г. Хмельницкого, утверждающего, что сооружение с подобной планировкой имело назначение, связанное с задачами обороны и размещения войск (Негматов, Хмельницкий, 1966). Замки, построенные на рубеже VII-VIII вв. н.э. просуществовали до кон. IX -сер. X вв. и были заброшены к сер. X в. (Лебедева, 1995). Этот процесс затухания жизни в феодальных замках связан с политикой централизации государства, начавшейся с приходом арабов в Согд и завершившейся при местной династии Саманидов. Борьба арабов против феодальной раздробленности и связанного с ней высокого политического и военного влияния феодалов привело к тому, что уже с VIII в., практически, не велось строительство новых замков, а построенные ранее несмотря на ремонты и перестройки постепенно ветшали и забрасывались, в то время как поселения вокруг них продолжали жить и разрастаться вплоть до прихода монголов.

Изученность феодальных замков раннего средневековья с рубежа IV-V вв. до X в. для Согда является неравномерной как во времени, так и по регионам. Но изменения в планировке замков Центрального и Южного Согда предварительно можно подразделить следующим образом;

I. Рубеж IV-V вв. - перв. пол. V в. н. э.

Замки этого времени квадратные в плане (18-20x18-20 м) с квадратными угловыми башнями, выстроены на стилобате. Внешней оборонительной стены не имели. Планировка первого этажа несложная и состоит обычно из 2 прямоугольных или нескольких квадратных и прямоугольных помещений. Бойницы в два ряда, часть их иногда ложные. Пандусный подъем на второй этаж в одном из башенных помещений. Предполагается, что не сохраняющийся, обычно, второй этаж дублирует планировку первого в облегченном варианте или имеет меньшее количество помещений больших размеров. Вскрыты пока в Центральном Согде, не вскрывались в Южном.

II. Сер. V - посл. треть V в. н. э. Появляются замки, большие по размеру (31-34x31-34 м), имеют на каждой из сторон по 3-4 четырехугольные башни с куртинами между ними, меньшими или равными стороне башни. Замки, построенные на основе первоначальных (1), имеют в центре квадратное в плане ядро прежнего замка, обводной коридор вокруг него и кольцо прямоугольных или квадратных помещений по периметру. Если замки не имели более ранней основы, они также включали их планировку в свой план - в центре возводилось квадратное ядро из нескольких помещений, вокруг - обводной коридор и кольцо помещений по внешнему периметру. Вокруг замков возводились внешние оборонительные стены с серией четырехугольных башен. Такие замки вскрыты как в Самаркандском, так и Южном Согде.

III. Посл. треть V-нач. VI вв. - кон. VI в. н.э.

Конец V - нач. VI вв. знаменует новый этап в развитии замковой архитектуры. Замки на платформах по внешнему контуру возвращаются к планировке замков нач. V в. с основным квадратом здания и угловыми башнями, но в отличие от них башни приобретают овальную в плане форму или квадратную основу с одним сильно закругленным углом. Внутренняя планировка первого этажа, в зависимости от размеров, имеет одно квадратное (или разделенное на возможное количество более мелких) помещение. Либо в замках предыдущего периода производится достройка соответствующих угловых башен и незначительная перепланировка внутренних помещений с сохранением центрального ядра и обводного коридора. Платформы имеют квадратную форму с закругленными углами. Имеются в Центральном и Южном Согде.

IV. Конец VI - рубеж VII-VIII вв. В данный период появляются замки подквадратной формы с зачаточной гребенчатой планировкой помещений в сочетании с обводным коридором вдоль 4 основных стен замка. Башни прямоугольные или, возможно, квадратные в плане. Замки караульно-сторожевого назначения. Стоит отметить, что замковая архитектура VII в наименее изучена. Вышеописанный замок вскрыт лишь в уструшанской части Центрального Согда, а сооружение Джартепа II (IV-V периоды) даже при трактовке его как замка наиболее богатой феодальной верхушки согдийского общества, оставляет пробел в возможных новациях замковой архитектуры VII в. рядового большинства феодалов.

V. Рубеж VII - VIII вв. - X в н.э. В конце VII - нач. VIII вв. утверждается тип замков с гребенчато-коридорной планировкой первого этажа и круглыми в плане угловыми

башнями. План стилобата строго соответствует контуру возводимого на нем замка, даже выступы под угловые башни повторяют их контур. Замки имеют внешнюю оборонительную стену.

Необходимо отметить, что во все периоды, начиная со второго, наряду с новыми замками, продолжала существовать та их часть, которая была построена ранее и не подвергалась существенным изменениям ни в плане, ни в оборонительном отношении. Учитывая тот факт, что для каждого из вышеупомянутых временных отрезков вскрыто не столь большое количество замков, какое бы хотелось, данная классификация раннесредневековых замков носит предварительный характер и в будущем будет пополняться новыми типами замков для отдельных периодов их развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскарлов К. Октепа ибодатхонаси // Узбекистан в древности и средневековье. Т. Д. конференции молодых историков. Самарканд. 1992.
2. Аскарлов К. Сельские поселения южных районов Самаркандского Согда в раннем средневековье (типология систем расселения). Дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1995.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1. М., 1963.
4. Беленицкий А.М. Раскопки согдийских храмов в 1948-50 гг. // МИА № 37. М., 1953.
5. Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
6. Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Научно-полевой отчет Ургутского отряда за 1989 г. о раскопках на памятнике Джартепа II. Архив ИА АН РУз. Ф. 4.0. 1. Д. 192.
7. Бердимуратов А.Э. К вопросу о датировке храма огня на Джартепа // Города и караван-сарай на трассах ВШП. Т.Д. международного семинара ЮНЕСКО. Ургенч 1991 г.
8. Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Результаты раскопок храма на Джартепа II // ИМКУ Вып. 26. Ташкент, 1992.
9. Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Научный отчет Согдийского отряда за 1992 г. // Архив ИА АН РУз. Ф. 4.0.1. Д. 220. Самарканд. 1992 г.
10. Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Ранние росписи согдийского храма Джартепа II (V-VI вв.) // Археологические вести. № 3. СПб, 1994.
11. Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Храм Джартепа II. Ташкент 1999.
12. Бодышаков О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА № 66. М.-Л., 1958.
13. Воецкая А.И. Согдийский замок на горе Мут // Согдийский сборник. Л., 1934.
14. Воронина В.Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента // МИА № 15. М.-Л., 1950.
15. Воронина В.Л. Архитектура стран Ближнего Востока // ВИА. Т. 8. М., 1969.
16. Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии VI-VIII вв. // ВИА. Т. 8. М., 1969 г.
17. Воронина В.Л. Архитектура Ирана. Архитектура Сасанидского периода // ВИА. Т. 1. М., 1970.
18. Григорьев Г.В. Городище Тати Барзу // ТОВЭ. Т. 2. Л., 1940.
19. Исаков А.И. Фильмандарский замок. // УСА, № 4. Л., 1979.
20. Исаков А.И. Работы Косаторошского отряда в 1975 г. // АРТ. Вып. XV. Душанбе, 1980.
21. Кабанов С.К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарья (Узбекистан) // СА. № 3., М. 1958.
22. Кабанов С.К. Руины здания времени Кушан близ Карши // ИМКУ Вып. 10. Ташкент, 1973.
23. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-IV вв. Ташкент, 1981.
24. Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М. 1950.
25. Лебедева Т.И. Заргартепа // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
26. Лебедева Т.И. Раннесредневековый замок Саратепи на юго-западной окраине г. Самарканда // ИМКУ Вып. 26. Ташкент, 1992.
27. Лебедева Т.И. Сельская округа и ее роль в формировании раннесредневекового Самарканда // Автореф. дисс. канд. ист. наук Ташкент 1995.
28. Лебедева Т.И. Здание близ Кафыркалы под Самаркандом - замок или дахма? // ИМКУ Вып. 30. Самарканд. 1999.
29. Лебедева Т.И., Ширинов Т.Ш. Антисейсмическое строительство в Средней Азии в античности и раннем средневековье. // ИМКУ Вып. 28. Самарканд, 1997.
30. Маршак Б.И. Городская стена V-VII вв. в Пенджикенте // Новейшие открытия советских археологов. Т.Д. конференции, посвящ. 250-летию АН СССР, ч.п. Киев, 1975.
31. Мешкерие В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
32. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966.
33. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уракурган и Тирмидакента. Душанбе, 1973.
34. Нильсен В.А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафыркалы под Самаркандом // ИМКУ Вып. 30. Самарканд.

35. Пардаев М. Отчет об археологических обследованиях в Джизакской области за 1984 г. Архив ИА АН РУз. Ф. 6. 0.1, Д.9. Самарканд, 1984.
36. Пугаченкова Г.А. Новое в художественной культуре античного Согда //Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1985 .
37. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия - Тохаристан. Ташкент, 1990.
38. Пулатов У.П. Чильхужра. Душанбе, 1975.
39. Пулатов У.П. «Дом огня» в Уструшане //Т.Д. «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана» Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Тадж. ССР. Душанбе, 1977.
40. Салтовская Е.Д. Начало раскопок Тиркаштепа //АРТ Вып. XVIII (1978). Душанбе, 1983
41. Салтовская Е.Д., Пулатов У.П. Раскопки Тиркаштепа в 1979 г. //АРТ Вып. XIX. (1979). Душанбе, 1986.
42. Самибаяв М.К. Некоторые проблемы реконструкции архитектурного облика здания храма Джартепа II в IV периоде //Узбекистон Кадимда ва урта асрларда . Т.Д. молодых ученых в Самарканде. Самарканд, 1993.
43. Самибаяв М.К. Проблемы культурной истории Согда в V-VIII вв. по материалам храма-крепости Джартепа II //Автореф. канд. ист. наук. СПб, 1993 г.
44. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация. СПб, 1996.
45. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
46. Сулaimанов Р.Х. Храмовый комплекс Еркургана, предварительные результаты изучения //Городская культура Бактрии - Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
47. Филанович М.И. Древний Ташкент. Ташкент, 1983.
48. Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чена // Городская культура Бактрии - Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
49. Флиттнер Н.Д., Ходжаш С.И. Архитектура Нового царства период XVIII - XX династий (XVI-XI вв. до н. э.) //ВИА, т.1. М., 1970
50. Флиттнер Н.Д., Ходжаш С.И. Архитектура эллинистического периода (332-30 гг. до н.э.) //ВИА, т.1. М., 1970 г.
51. Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом //ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.
52. Шишкина Г.В. Функциональное назначение здания в окрестностях Самаркандской Кафыркалы //Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Т.Д. Всесоюзной конференции в г. Пенджикенте Тадж. ССР. Душанбе, 1977.
53. Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V-VIII вв.) //Автореф. канд. ист. наук. Л., 1986.
54. Якубов Ю.Я. Паргар в VII-VIII вв. н.э. Душанбе, 1979.
55. Якубов Ю.Я. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

Lebedeva T.I.

In the article the changes in the planning and fortification of Medieval castles of V-X centuries AD are analyzed which can be subdivided into following periods:

1. the end of IV-V centuries - first half of V century AD.
2. the midst of V century - the last one third of V century.
3. the last one third of V century - the beginning of VI century AD. - end of VII century AD.
4. the end of VII century - the end of VII-VIII centuries AD.
5. the end of VII-VIII centuries - X century AD.

For each periods separate types of castle with corresponding room planning and fortification are marked out.

Лунина С.Б.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ НА ГЛИНЯНОМ ИЗДЕЛИИ

В один из сезонов полевых работ в окрестностях Шахрисябза мы ознакомились с экспонатами, хранящимися в школе № 10 сельсовета Кумчикан и собранными учениками и учителем школы Хусаном Маннановым на расположенном поблизости городище Хантепе. Просмотр материала позволил отнести находки к периоду раннего и развитого средневековья. Начатое тогда же изучение городища и сбор материала в окрестностях показали, что его обживанию относится именно к этому времени. В числе находок, хранящихся в школе, имелась одна стоящая особняком и несколько нам известно не имеющая пока прямых аналогий. Её описанию и первичной интерпретации мы и хотим посвятить настоящее сообщение.

Глиняное изделие из Хантепе имеет сверху вид плоского диска диаметром 8,4 см. с поднимающимся на 3-4 мм, над поверхностью отбитым в двух местах бортиком шириной 1,1 см. Диск опирается на три широких округлых на концах ножки, одна из которых чуть сбита. Общая высота с ножками 3 см. Изделие сделано из глины кремового цвета с редкими включениями мелких частиц белого кварца. Добавление кварца в глиняное тесто особенно характерно для периода VI-VIII вв., что может служить одним из оснований для датировки находки.

По поверхности изделие украшено рельефным отштампованным орнаментом разной высоты. Орнамент на бортике несложен и состоит из ряда чередующихся точек и колечек в средней части круга, над которыми с внутренней стороны как бы нависают уголки, а с внешней такие же уголки состоят из мелких точек. Изредка колечки разбросаны и у края круга. Особый интерес вызывает сюжет, размещенный

внутри. В центре плоскости находится ствол-стержень в виде гладкой, заостренной внизу, нижней части и фигурной, как бы состоящей из трех насаженных друг от друга шариков, верхней. Ствол заканчивается горизонтальной перекладной, на которой стоят обратившись друг к другу головами птицы с коротким клювом, заостренным хохолком, чуть изогнутыми крыльями и расширяющимся к концу хвостом. Передние лапы направлены вперед.

По сторонам от стержня расположены крупные фигуры животных, стоящих опираясь на задние лапы. У них узкое в задней части и расширяющиеся к массивной голове туловище. Уши заострены кверху, на морде моделированы только чуть выступающие округлые носы. Глаза не показаны. Тонкие изогнутые к голове хвосты заканчиваются полу-листьями. Довольно крупные лапы у правого животного как бы имеют по два больших когтя, у левого животного они не пропечатались. Подчеркнуты половые признаки самцов. На шеях двумя прорезными линиями показаны ошейники, от которых отходят полосы - привязи, за которые животные привязаны к стволу. Интерпретация зверей может колебаться между львом (длинный хвост, массивные лапы) и собакой, однако трактовка короткой морды с выделенным маленьким носом позволяет более уверенно говорить о том, что в данных изображениях можно видеть собаку. В нижней части сюжета помещены симметрично по сторонам небольшие фигурки животных на четырех коротких лапах, завершающихся копытцами. Довольно длинный хвост отходит горизонтально от туловища. Голова круглая, повернута анфас, по сторонам головы маленькие ушки, на голове тонкие маленькие

рожки. Глаза не показаны. Общий вид при всей условности изображения все же позволяет трактовать их как молодых козлят.

Глиняное изделие со штампованным изображением

Что же означает композиция в целом? Вертикальный стержень безусловно передает идею мирового дерева. Ещё Л.Я. Штернберг отмечал, какую огромную роль сыграло в разных религиях представление о мировом дереве, а также выделил явление синкретизации культа деревьев с культом животных (Штернберг, 1936 С. 441, 445). Уже в искусстве древнего Двуречья по крайней мере с начала III тыс. до н. э. устанавливается и композиция с деревом в центре с симметрично расположенным по сторонам от него двумя фигурами животных или людей (геральдическая композиция) (Комороци, 1981. С. 43). Первоначально изображение дерева воплощало идею плодородия. Г. Комороци указывает на то, что в эпосе Двуречья рано появляется и мотив мирового дерева, его трехчленного построения, но в искусстве этот мотив поначалу не проявился (Комороци, 1981, с.51). Сами же мотивы дерева жизни и мирового дерева все больше расходились. Концепция мирового дерева у разных народов и в разных религиях посвящена обширная литература. Укажем лишь, что мировое дерево сопоставлялось с представлением о строении вселенной, которая состоит из расположенных друг над другом миров, причем обычно выделяется три мира: верхний - небесный и средний - земной и нижний - подземный (Перевозчикова, Раевский, 1981 С. 46). Дерево

связывало все миры между собой корни его уходили в подземный хтонический мир. В культах и отражающем их искусстве образ мирового дерева часто становился условным, его могли заменять столбы, жезлы, древки, посохи и пр. Со временем каждым из миров в сознании устойчиво закреплялись определенные но иногда для разных древних культур разные животные, сложился своеобразный «зооморфный код» связанный с мировым деревом (Перевозчикова, Раевский 1981 С. 46). Так, чаще всего с верхним миром связывалось изображение птиц, со средним рогатых копытных животных, с нижним - рыб и змей. Однако имелось много вариантов такого кода.

С верхним миром наиболее устойчиво оказался связанным образ птицы. Не случайно завершается изображением пары птиц и дерево-жезл на описанном предмете. Подобная символика усматривается на ряде предметов и искусства. Приведем лишь несколько примеров. Так, рубежом нашей эры или первыми веками датируется предмет в виде бронзового стержня с насаженной на него золотой фигуркой птицы с городища Темир-коруг (Заднепровский, 1985, С. 258-259). Птицы сидят на перекладинах жезлов знамен в руках у богинь или фравашей в настенных росписях на объекте X (двор храма) в Пенджикенте (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1987, С. 61-62). Жезл с навершием в виде фигуры птицы в руках у богини на оссуарии VI-VII вв. из Хирмонтепе явно также является символом дерева, а птица символом верхнего мира (Лунина, Усманова, 1985 С. 48-49).

В пехлевийских текстах упоминаются птицы Сэн и Камрош, живущие на «дереве всех семян» и рассыпающие семена над миром (Даркевич, 1976 С. 21).

Образ птицы как символ верхнего небесного мира сохраняется и в средневековом сознании, о чем свидетельствует ряд предметов искусства IX-XII вв. Так на очажках из Самарканда пары птиц изображены над деревом, увенчанным лунным диском, явно символизирующим мировое дерево (Шукуров, 1977, с. 108). Трехчленное деление мира по мнению исследователей отражено на калыбе и очажке из Бунджиката с изображением в верхней части пары птиц (Мкртычев, 1987. С. 313: Древности Таджикистана, 1985. С. 318). Символика трех миров с изображением птиц у мирового дерева имеет место на хуме из Джигербента (Вишневецкая, 1983 С. 24-25). Примеры можно было бы умножить.

лишь ещё, что бронзовый стержень с крупной фигурой птицы на конце найден на городище Алтынтепе в Кашкадарьинской области (Лунина 1987, С. 31).

Выше говорилось, что крупные фигуры животных, как бы привязанных за ошейники к жезлу-дереву, могут быть скорее всего приняты за собак. Как же можно истолковать их значение? Разумеется такая трактовка будет лишь предположительной. Собаку в «Вендидаде» называют одним из самых любезных творений Ахурамазды. Собака вообще играла значительную роль в зороастрийской мифологии, но в данном случае она связана с деревом, а будучи привязанной к нему выступает как его охранительница. Мировое дерево в представлениях древних не только связывало землю и небо, но было и путем, по которому шло общение с божествами, и иногда дорогой, по которой устремлялась в другой мир душа умершего. На этом пути находился мост, по которому достойные души переходят на небо, а души недостойные падают с моста вниз, в подземное царство (Бойс, 1987 С.23). Этот Чинватский мост охраняли две собаки, ожидая душу покойников в другой мир, но сама постоянно оставалась в промежуточном мире (Литвинский, Седов, 1984 С.165). Было бы заманчивым считать, что на изделии из глины с Хантепе собаки и символизируют промежуточный мир, находящийся между небом и землей. Вместе с тем обозначение мужского пола животных могло быть связано с идеей оплодотворения дерева, что по ряду сюжетов Древней Месопотамии было установлено Е.В.Антоновой, логически вытекая из понятия космических сил, как взаимодействия мужского и женского начал (Антонова, 1983. С.21). Однако, это бы уже другой сюжет.

В связи с особым отношением к собаке ее иногда хоронили в соответствии с общими погребальными обрядами. Так, в некрополе Миздахкана VII-VIII вв. среди сосудов и оссуариев с человеческими костями находился сосуд с костями собаки (Ягодин, Ходжайов, 1970 С.143). Кости собаки были погребены в оссуарии на некрополе VII-VIII вв. Тонкалы, а на одном из оссуариев здесь имелось и изображение собаки (Гудкова, 1964 С.86,109). На некрополе Тараза VII-IX вв. погребения производились в астаданах и хумах. На одном из хумов с костями в круглом отштампованном медальоне было помещено изображение собаки (Ремпель, 1957 С. 107, рис. 41-1). Кстати на этом изображении у собаки длинный загигающийся к голове хвост.

Однако если оставить место сомнению и видеть в изображениях животных львов, то они также часто изображаются в геральдической композиции по сторонам дерева или идущими к нему (как, например, на оссуарии VII-VIII вв. из Миздахкана - Ягодин, Ходжайов 1970. С. 132, рис. 54). На оссуарии с Афрасиаба львы изображены по сторонам двери (Толстой, Кондаков, 1890, рис. 29) и явно здесь выполняют роль стражей подземного мира (Даркевич, 1976 С.18).

Более уверенно можно говорить о том, что фигурки козликов у подножия дерева означают символ среднего, земного мира. Как указывалось выше, такими символами чаще всего выступают рогатые копытные животные, в свою очередь, в качестве таковых с глубокой древности фигурируют козлы. В то же время козлы рассматривались и как посредники между нижним и верхним миром (Антонова, 1984. С. 105). Устойчивая связь изображений козла и дерева характерна уже для печатей культуры Сапалли II тыс. до н. э. (Антонова, 1983. С. 13). Сохраняется этот мотив на геммах из собрания Музея истории народов Узбекистана, отнесенных к сасанидскому периоду (Пугаченкова, 1957, С. 142, 145). Так, на одной из гемм козлы изображены по сторонам дерева. Этот же мотив имеется и в художественном металле раннесредневекового периода (Даркевич, 1976. С. 21).

Форма описываемого глиняного изделия своеобразна. Наиболее близки к нему по форме и отчасти размеру курительницы на трех ножках, бытовавшие в Чаче, Семиречье, Южном Согде от V-XI до XI вв. Однако курительницы имеют более глубокий чашевидный резервуар и обычно не орнаментировались.

Отметим еще раз, что изображения на описанном предмете несколько стилизованы. Дерево показано в виде заостренного стержня с перекладиной наверху, животные изображены так, что их вид определяется несколько условно, детали не проработаны (например, не показаны глаза).

Практического бытового применения изделие в виде плоского диска с рельефным орнаментом иметь не могло. Это обстоятельство, а главное сюжет изображения, позволяет отнести его к предметам культовым. В нем наличествуют черты сближающие его с широким (и территориально и хронологически) кругом памятников искусства (геральдическая композиция, связь животных с мировым деревом и его зонами и др.), однако в целом трактовка мифологическая.

уникальна. Мы попытались дать один из вариантов его истолкования. Как нам кажется, предмет мог быть связан с погребальным или поминальным культом.

Руками средневекового мастера было изготовлено изделие, служившее для его

современников объектом культа, а ныне являющееся интересным произведением согдийского искусства, к тому же дающим возможность попыток трактовки некоторых черт воззрений согдийцев.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии А. 1936.
2. Комороши Г.К. К символике дерева в искусстве древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. М. 1981.
3. Первозчикова Е.В. Раевский Д.С. Ещё раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура) М. 1981.
4. Заднепровский Ю.А. Уникальная находка из Южной Киргизии // СА, 1985, № 3.
5. Беленицкий А.М. Маршак Б.И. Распопова В.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1980 г. // Археологические работы в Таджикистане, вып. XX, Душанбе 1987.
6. Лунина С.Б. Усманова З.И. Уникальный оссуарий из Кашкадарьи // ОНУ, 1985, №3.
7. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М. 1976.
8. Шукуров Ш.М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии в древности и средневековье (история и культура) М. 1977.
9. Мкртычев Т. К семантике одного колыба из Бунджиката // МКТ вып.4. Душанбе 1987.
10. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе 1985.
11. Вишневская Н.Ю. Космографическая композиция на сосуде из Джигербента. // Бактрия - Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов на конференции М. 1983.
12. Лунина С.Б. О некоторых сюжетах в искусстве средневекового Кеша // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Сб. научных трудов ТашГУ, Ташкент, 1987.
13. Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. 1987.
14. Литвинский Б.А. Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М. 1984.
15. Антонова Е.В. Мургабские печати в свете религиозно - мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей. // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности М. 1983.
16. Ягодин В.Н. Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент 1970.
17. Гудкова А.В. Ток-кала Ташкент 1964.
18. Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК, 69, 1957.
19. Толстой И. Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Том III, СПб 1890.
20. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М. 1984.
21. Путаенкова Г.А. Материалы по восточной глиптике // Труды САГУ им. В.И. Ленина, вып. С XI 1957.

Lunina S.B.

There is one interesting clay product with three short legs and stamped ornament in museum of school № 10 of the village Cumchican. It was found on Chantepe near Shachrisabs. This is clay disc which can be date VI-VIII a. d. It Has ornamental ribbon around. The high rod with representation of birds was put in the centre. There are two long-tailed dogs and hoofed animals on either side of rod.

It is possible that hoofed animals were kids. The rod symbolize the world tree, birds-sky world and dogs and kids symbolize the middle earth world.

Раимкулов А., Иванов Г.П.

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТ С ГОРОДИЩА КУВА.

В 1997 году во время раскопок средневекового жилого дома (X-XI вв.), расположенного вдоль восточной обводной стены шахристана городища Кува, был обнаружен серебряный христианский нательный крест.

Крест снаружи слегка окислен, поэтому до химической очистки он имел зеленоватый цвет. Общая длина креста 39 мм., ширина 23 мм., нижняя часть удлиненная. Концы горизонтальной перекладины завершаются тремя полукруглыми лепестками. В верхнем конце вертикальной перекладины края слегка приподняты и в середине имеется такой же полукруглый лепесток, с отверстием для подвешивания. На лицевой части, на перекрестии креста имеется «X» образный врезной знак.

Эта находка свидетельствует о христианской принадлежности одной из семей восточной части шахристана и о наличии христианской общины в средневековой Кубе. Следы христианства в Ферганской долине до недавнего времени, т.е. до появления в печати сообщения Б.Абдулгазиевой, практически отсутствовали (Абдулгазиева, 1994, с. 82-83). Пока не имеются каких-либо данных и в средневековых письменных источниках.

По всей вероятности, в Ферганскую долину христианство проникло в период раннего средневековья, но это пока не подтверждено археологическими материалами. Хотя одна из ветвей Великого шелкового пути, ведущая в Восточный Туркестан, Китай и Дальний Восток, по которой шли христианские торговцы, проповедники и миссионеры, проходила через крупные города Ферганской долины. Куба являлась вторым по значимости, после Ахсикета, крупным городам этого историко-культурного региона, играла большую роль в международной торговле. (Ширинов, Матбабаев, Иванов, 1998). Этим

же торговым путем, задолго до христианских миссионеров пользовались и буддийские проповедники. В это время часть населения города Кубы и ее окрестностей исповедовали буддизм, о чем свидетельствует раскопанный буддийский храм в восточной части городища (Булатова, 1972).

До арабского нашествия в Ферганской долине, в том числе и в Кубе, проживали представители нескольких религий: язычники, зороастрийцы, буддисты, манихеи и христиане. Подобную этническую и конфессиональную пестроту домусульманских городов Центральной Азии давно отмечали исследователи (Байпаков, Горячева, 1983. С. 74-75). После арабского завоевания языческие, зороастрийские и буддийские вероисповедания были строго запрещены арабами как идолопоклонничество. По словам В.А. Булатовой, буддийский храм городища Кува

погиб во время нашествия арабов (Булатова, 1972, с. 90). Отношение арабов к христианам было иное, чем к представителям других религий. Христиане и христианство хорошо были знакомы арабам, поскольку в завоеванных арабами странах таких как в Сирия, Иран и даже в столице Халифата – Багдаде проживали десятки тысяч христиан. Они имели очень большое влияние в жизни и в государственном аппарате Халифата. Среди христиан было много крупных ученых, богатых торговцев, государственных чиновников, врачей, учителей и т.д. Видимо, христианство в Ферганской долине не было запрещено и оно как монотеистическая религия продолжало существовать, но вскоре, во время Саманидов, когда ислам становится официальной государственной религией этого государства, христианство заметно ослабло. Отдельные саманидские правители проводили антихристианскую политику. Имеются данные, что Исмаил Самани в 280 г. (893-894 гг.) во время похода в Талас превратил в соборную мечеть несторианские церкви самого Таласа и города Мирки (Бартольд, 1964, с. 287). Несмотря на это, христианство и в государстве Саманидов официально не было запрещено. В X в. т.е. во время правления Саманидов арабский путешественник Ибн Хаукаль посетил в христианскую общину в селении Вазкард в местности Шавдор, к югу от Самарканда, где имелась церковь, монастырь и кельи (Ibn Nauqal, 1964, p. 478).

После прихода к власти кочевников Караханидов христианство заметно

активизировалась практически по всей территории Средней Азии.

Нательный крест с городища Кува не первая находка подобного рода. Маленький нательный крест был найден в погребении девушек – христианок в могильнике Дашти Урдокон близ Пенджикента (Беленицкий, Маршак, Распопова, Исаков, 1977, с. 559-560). Равноконечный нательный крест был найден на Афрасиабе (Тереножкин, 1950, рис. 72,2) и на городище Канка (Богомолов, 1995, с. 73). Нательный крест из нефрита найден на городище Красная речка (Байпаков, 1998, с. 56). Недавно, на территории Эрк-калы в Старом Мерве английскими археологами найдена керамическая литейная форма для отливки нательных крестов, относящаяся к позднесаманидскому периоду (Логинов, Симпсон, 1994, с. 51). По иконографии аналогичные кресты с трехлепестковым завершением, обозначающий троичность – отец, сын и святой дух, часто встречаются в изображениях крестов несторианских надгробных кайраках в могильниках Семиречья. Врезные линии на лицевой части имеются среди нательных крестов Красноречинского и Буранинского городищ (Горячева, Перегудова, 1995, с. 93-94).

Таким образом, уникальность нательного креста, найденного на территории городища Кува заключается в том, что эта находка свидетельствует о распространении христианства в Ферганской долине и о существовании христианских общин в ее раннесредневековых и средневековых городах и селениях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдулгазиева Б. Крышка сосуда из Андижана. // Из истории культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
2. Байпаков К.Мю Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алмата. « ылым». 1998.
3. Байпаков К.М., Горячева В.Д. К вопросу о локализации Навекета // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов Всесоюзной конферен. в Эрмитаже. Ленинград, 1983.
4. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей // Сочинения т. 2, ч. 2. Москва, 1964.
5. Богомолов Г.И. О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
6. Булатова В.Н. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
7. Беленицкий А.М., Маршк Б.И., Распопова В.И., Исаков А. Новые раскопки в Пенджикенте. -АО 1976 года. Москва, 1977.
8. Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Киргизии // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
9. Тереножкин А.И. Согд и Чач. // КСИИМК, вып. 33. 1950.
10. Шринов Т.Ш., Матбобоев Б.Х., Иванов Г.П. Ахмад ал-Фарғоний даврида Кубо шахри. Тошкент, 1998.
11. Логинов С., Симпсон О.Дж. Раскопки в Мерве на городище Эрк-калы в 1992-1993 гг. // Тезисы докладов научной конференции «Мерв в древней и средневековой истории Востока». Мары, 1994.
12. Ibn Nauqal. Configuration de la terre (Kitab surat al-ard). Introduction et traduction, avec index par J.H.Kramers et G.Wiet, tome II. Bayrouth, Paris, 1964.

Raimkulov A.A.

Pectoral cross found from the ruins of Kuva settlements

This article is about Christian (nestorian) silver pectoral cross belonging to the X-XI centuries, which is found from one of the largest Medieval cities of Fergana valley - the ruins of Kuva settlement. This find proves the existence of Christian communities and that Christian population lived in cities and villages of Fergana valley.

Маликов А.М.

ТЮРКИ НА СРЕДНЕЙ СЫРДАРЬЕ

Одним из ключевых районов в этнической истории населения Центральной Азии является бассейн Средней Сырдарьи. Здесь, в контактной зоне земледельцев и скотоводов, с древности активно протекали сложные этногенетические процессы.

Очередным этапом активного взаимодействия и взаимовлияния оседлой и кочевой культур в регионе стала эпоха раннего средневековья, когда образовалась огромная держава - Тюркский каганат (552-744 гг.).

В 563-567 гг. среднеазиатские оазисы вошли в состав Тюркского каганата. На первых порах тюрки мало вмешивались в дела подвластных владений.

При Тон-ябгу кагане (618-630 гг.) была предпринята более серьезная попытка внутреннего упорядочения с целью централизации управления государством, в частности провозглашена реформа, согласно которой местные среднеазиатские правители превращались в наместников кагана и им жаловался соответствующий титул. В Чаче правил наместник с титулом «тудун» (Бируни, 1957). Этот титул сохранился в Чаче вплоть до арабского нашествия.

Тюркские правители Чача выпускали свои монеты (Баратова Л.С., 1995).

Топонимика Средней Сырдарьи, в том числе, Чача свидетельствует о значительном тюрко-язычном населении в регионе в эпоху раннего средневековья. В древнетюркский пласт уходит и само название южной части Ташкентской области - Илак, выделявшейся в пору Тюркского каганата в самостоятельное владение (Караев, 1987). К древнетюркскому корню может быть отнесен целый ряд названий рек и городов Ташкентского оазиса: Жадгол (Чаткал), Итлык, Саблык (Сайлык) и другие (Кораев, 1994). Необходимо отметить, что ещё до включения области в состав Тюркского каганата, здесь проживало как

ираноязычное, так и тюркоязычное население. В VI-VIII вв. в регионе вырос ряд новых городов, носящих тюркские названия (Абрлыг, Намудлыг и др.). Они характеризуются определенными особенностями материальной культуры, сохраняющей традиционные с поры Тюркского каганата формы лепной посуды, орнаментацию и особенности городской планировки. (Буряков, 1982).

Исследования показывают, что тюрки - тугю, продвигаясь в Среднюю Азию, возможно, включали в свой состав нетюркские - неалтайские этнические группы, в частности некоторые группы из Семиречья.

В свою очередь археологический материал позволяет проследить этапы и интенсивность проникновения тюрков-тугю в Семиречье из Алтая. Выяснилось, что в период Первого каганата связи населения в пределах древнетюркского государства от Алтая до Тянь-Шаня были наиболее интенсивными (могильники Кара-Булун и Кара - куджур кудыргинского типа и др.), а в период Второго каганата, вероятно, эпизодическими (явное сокращение погребений с конем на Тянь-Шане в VII-VIII вв. по сравнению с VI-VII вв.) (Савинов, 1995). Соответственно аналогичную ситуацию можно предполагать и для Среднеазиатского междуречья.

Из категорий древнетюркского материального комплекса, встречающихся в при сырдарьинских памятниках надо отметить наборные пояса, украшения, оружие и конские снаряжение.

Наиболее многочисленной категорией являются детали наборных поясов. Они относятся к первым двум этапам развития культуры тюрков. Разнообразно представлены накладные бляшки (сердцевидные, полукруглые со срезанной нижней частью, фестончатым краем и др.).

ремней удлиненной формы как с округлым концом, так и орнаментированные. Были распространены пряжки различных типов (овально - рамчатые, с В -образной рамкой и др.).

Из конского снаряжения отметим стремна арочной формы с восьмерковидной петлей, седла, костяные застежки от пут, тождественных древнетюркским Западной Сибири (Левина Л., 1996).

Большой интерес представляет древнетюркская надпись, обнаруженная на территории джетыасарского урочища (Кляшторный, Левина, 1989).

В VI-VIII вв. под влиянием тюрков на Средней Сырдарье вырабатывались новые типы вооружения, украшений, металлической посуды. Среди характерных и массовых категорий тюркских вещей в синхронных объектах южноказахстанских городищ (Куйруктобе, Куюк-Мардан и др.) и некрополей (Кок-Мардон, Борижары и др.) больше всего зафиксировано предметов поясной гарнитуры. Некоторые предметы вооружения (наконечники копий, накладки на лук, панцирные пластины), конского снаряжения (подпружные пряжки, сбруйные бляшки), орудия труда и украшения, особенно серьги, встречают аналогии в памятниках саяно-алтайских и среднеазиатских тюрков (Трифонов Ю.И., 1987). Тюрки изображены на резной доске из цитадели Куйрук-тобе в Южном Казахстане. Внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пянджикента. Именно такую одежду «носят»

древнетюркские каменные изваяния из Семиречья и Южного Казахстана. (Байпаков, 1986).

Археологические памятники тюрков в регионе представлены в виде характерных тамгообразных изображений горных козлов (по Д.Г.Савинову) из Ходжикента и Каракияся (Худжаназаров, 1995), а также каменного изваяния из Той-тепе (Массон, 1952). Аналогии последнему обнаружены в Восточном Туркестане.

Категории вещей, характерных для тюрков - тую обнаружены и на территории Ташкентского оазиса. В основном они включают в себя детали тюркского поясного набора, предметы вооружения и конскую сбрую. Они относятся к первым трем этапам развития культуры тюрков.

На городище Канка найдена бляшка с изображением Тенгри- древнетюркского верховного божества (Богомолов, 1986). Здесь же на Канке обнаружена древнетюркская надпись на обломке кувшина V-VI вв.

Тюркское влияние в Ташкентском оазисе проявилось и в одежде. Это выразилось в появлении изображений персонажей в однобортном халате с запахом на правую сторону или двухсторонним отворотом треугольной формы. (Богомолов, 1992.).

Изучение материалов, связанных с тюрками показывает, что для тюрков Средней Сырдарьи, как и их соплеменников в других областях Средней Азии, были характерны общие черты в материальной культуре. Имеющиеся данные пока не позволяют говорить о каких-либо локальных особенностях культуры тюрков VI-VIII вв.

Л и т е р а т у р а:

1. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI- начало VIII вв.). Алма -Ата, 1986.
2. Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI-IX вв. Автореф. дисс.: канд. ист. наук. - Т., 1995.
3. Бируни Абу Райхан. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т.1. Т., 1957.
4. Богомолов Г.И. Изображения всадников с городища Канка // ИМКУ. Вып. 20.Т., 1986.
5. Богомолов Г.И. К вопросу об одежде населения раннесредневекового Чача // ИМКУ Вып. 26 1992.
6. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Т., 1982.
7. Кляшторный С.Г., Левина Л.М. Об одной рунической надписи с городища Алтынасар (Восточное Приаралье) // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
8. Массон М.Е. Ахангеран. Археолого - топографический очерк. Т., 1953.
9. Караев С. Древнетюркские названия Средней Азии //Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв. Т., 1987.
10. Кораев С.К. Кадимги Чоч топонимлари // Тошкент шахри ва вилоят топонимлари муаммолари Т., 1994.
11. Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
12. Савинов Д.Г. Современное состояние вопроса о связях между киргизами Тянь-Шаня и Енисея (по данным археологии) // Киргизы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1995.
13. Трифонов Ю.И. Кочевнические элементы в материальной культуре оседлого населения Южного Казахстана в период раннего средневековья. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987.
14. Худжаназаров М. Наскальные изображения Ходжикента и Каракияся. Самарканд, 1995.

Malikov A.M.

«Turks in Sirdarya region in VI-VIII centuries»

The article of Malikov A.M. is about the turks in Sirdarya region in VI-VIII centuries AD. The main problem is interaction between turks of Altay and inhabitants of this region. Author analyses materials of archaeological excavations and written sources. Based on this material he reconstructs general features of turkic culture in Sirdarya region.

Алимов К.А., Богомолов Г.И.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ КОЧЕВНИКОВ БУХАРЫ И ЧАЧА

При всей сложности и дискуссионности установления взаимосвязи археологических культур и известными историческими этносами роль археологических комплексов очевидна, так как помимо кратких упоминаний письменных источников именно археологический материал позволяет проследить географию этноса регионов древности и генезис отдельных этнических образований.

Бухарский оазис и Чач представляют собой маргинальные области культурной ойкумены Центральноазиатского Междуречья с зоной степей. Эти крупные регионы Узбекистана во многом объединяют схожие явления и процессы, обусловленные не только близкой географической средой, но и прямым, несмотря на большое расстояние, этнокультурным контактом. Оба этих региона рано стали контактной зоной земледельцев и кочевников, что не могло не сказаться на специфике сложения и развития как городских центров, так и культуры в целом. Однако роль кочевого элемента еще до конца не выявлена.

Систематическое изучение курганов Бухарского оазиса было начато в 1952 году, когда были открыты Куюмазарский и Лявандакский могильники. В 60-е годы оно было продолжено исследованием Кзылтепинского, Шахривайронского и Хазаринского могильников. А археологический материал могильников позволяет говорить о тесной связи кочевников с оседлым населением, что проявилось в наличии среди погребального инвентаря продукции ремесленного производства. Показательно, что большая часть керамики была изготовлена на гончарном круге.

Аналогичная картина наблюдается и в Ташкентском оазисе среди носителей каунчинской культуры. Исследователи давно уже обратили внимание на общность ряда черт кочевнической культуры Бухары и Чача. Иногда в этом усматривается доказательство того, что в развитии этих локальных культур ведущую роль сыграли сарматы. Непосредственным проникновением (вторжением) этих племен объясняется появление начиная со второй половины II в. до н.э., подбоев и катакомб в Согде, идентичных по форме серматским (1, с. 227). Распространение их вместе с рядом находок керамики, оружия и тамгообразных знаков свидетельствует о политической зависимости или прямом завоевании Центральной Азии сарматскими народами во II веке до н.э. (1, с. 225-226). Однако реальная картина была значительно сложнее, и поэтому важным для понимания этого далеко не однозначного процесса становится выявление, и сравнительный анализ элементов и возможных связей, движений кочевнических групп.

Показателен в данном аспекте курганный могильник у поселка Ачмайли близ г. Бука Ташкентской области. Он расположен на возвышенном правом берегу старого русла реки Гиджеген (древнее русло реки Ангрен) и состоит из нескольких вытянутых в цепочку вдоль берега курганов и наусов. Археологическому изучению был подвергнут самый крупный крайний с юго-запада курган. Он имеет овальную форму, немного вытянут с востока на запад (высота 2,4 м, диаметр 24,5 м).

Как показали последующие раскопочные работы, насыпь возводилась в два этапа, чем и объясняется вытянутость формы насыпи, так как ее верхняя часть по сравнению с нижней

смещена к западу. Курган имеет сложную конструкцию и по планировке делится на две части: в первой (юго-западной) части имеются два погребения в грунтовых ямах, к каждой из которых было проведено по одному подземному коридору; в другой (северо-западной) части - лишь одно крупное катакомбное погребение.

Южная часть. В непосредственной близости от центра кургана был расчищен лаз (начало коридора) - шириной 0,75 м, почти сразу расходящийся в виде «ласточкиного хвоста» в южном и восточном направлениях. Размеры южного коридора: ширина 0,75 м при общей протяженности около 8 м. Он имеет форму длиной полудуги и завершается слабо выраженной камерой, так как этот участок заметно расширяется. Уровень пола коридора первоначально опущенный до 0,8 м тянется на этом уровне до 5 м, а далее опускается вниз до глубины 3 м от уровня древней поверхности. Пол коридора Чистый, захоронений или других находок здесь не обнаружено. Однако несколько в стороне от конца коридора и выше в материковом лёссе было расчищено грунтовое погребение. Яма подквадратной формы, глубиной 1,4 м. Здесь обнаружены кости скелета, которые были разбросаны по уровню пола, погребальный инвентарь отсутствует. Второй коридор имеет коленчатую форму и состоит как бы из трех отрезков. Первоначально короткий отрезок был направлен на юг и тут же резко поворачивает в восточном направлении (длина этого отрезка 4 м), затем, почти под прямым углом, он вытянут в северном направлении еще на 3 м. Как и предыдущий коридор, он шириной 0,8 м, и высотой 1,1 м, но в отличие от первого, он на всем протяжении не имеет понижений, т.е. вырыт на одном уровне. Стенки коридора ровные, тщательно заглаженный. Потолок сводчатой формы. Местами сохранились следы использованных при рытье орудий. Хорошо видно, что ширина рабочей части инструмента 6-8 см, а его кончик имеет овальную форму. Возможно, северный отрезок тоже представлял собой слабо напряженную камеру. Но захоронение или какой-либо инвентарь здесь отсутствует. Чуть в стороне от северного конца коридора, ближе к центру кургана зафиксировано грунтовое погребение. Глубина ямы 1,6 м, но форма аморфная, так как стены ямы и само погребение сильно разрушены. Обнаруженные кости скелета находятся во фрагментарном состоянии.

Хотя могилы не связаны непосредственно с подземными ходами, их соседство

неслучайно, так как они имели не функциональное, а ритуально-символическое значение. Показательно, что в обоих случаях коридоры начинались из одной точки, почти в центре кургана, а на концах их загнутых «усов» устраивались грунтовые могилы, которые в свою очередь, несмотря на протяженность хода, были направлены к центральной части кургана. Единственной находкой, связанной с подземными коридорами, была скорлупа от нескольких яиц, расчищенная на полу у входа в лаз. Кроме того, неподалеку от входа в коридор были обнаружены фрагменты оссуария (два фрагмента крышки и три стенки тулова). Однако, скорее всего, находки являются следами впускного оссуарного погребения, тем более, что в 200 м к востоку в эту же цепочку входило погребальное сооружение, содержащее труположения и оссуарии.

Северо-западная часть. Здесь под насыпью в 3-х метрах от условного центра выявлено, опущенное на глубину 7 м от дневной поверхности катакомбное сооружение в виде вытянутой по одной оси с северо-запада на юго-восток спускной ступенчатой ямы и подпрямоугольной катакомбы. Спускная яма - подпрямоугольной формы с заovalенной северной стороной (3,25 x 4,2 м). Спуск оформлен в виде ступенек неодинаковой длины и высоты. Первая ступенька начинается полого на глубине 1,85 м. По краям оставлены неширокие закраины - суфы шириной 30 см. Вторая ступенька тоже полого опускается вниз. Длина первой ступеньки - 1,45 м, второй - 0,6 м, третьей - 0,95 м. Четвертая выходит на уровень пола и упирается в лаз - вход шириной 0,5 м и длиной 0,75 м. Перед входом в лаз камеры обнаружена вертикальная трубка грабительской воронки диаметром 0,7 м. Сама камера подпрямоугольной формы (4,05 x 2,05 м и высотой 1,05 м). В углах торцевой части камеры расчищены две ямы диаметром 20 и глубиной 15 см. Здесь же вдоль длинной оси камеры был расчищен скелет мужчины, обращенного головой к торцевой стене. Костяк сильно потревожен и вместе с инвентарем разбросан по камере. Тем не менее часть костей осталась лежать в анатомическом порядке, что позволило воссоздать первоначальное положение и ориентацию погребенного. Он лежал на спине, головой на юг, ноги и руки вытянуты вдоль тела. Череп массивный, сохранился хорошо, имеет следы круговой деформации. По определению антрополога Т.Х.Ходжайова, скелет принадлежит сороколетнему мужчине.

Справа от головы погребенного был установлен крупный кувшин, на левом плече лежала рукоять длинного железного меча, сохранившегося *in situ*. На правом боку, видимо, имелся кинжал, который сохранился фрагментарно. Вероятно, слева от погребенного помещались лук и колчан со стрелами. На это указывают расчищенные здесь же находки трех железных наконечников стрел, причем на окисленной поверхности двух из них имеются еще следы трех древков стрел. Кроме того на полу были камеры были разбросаны три небольших железных ножа и неширокие железные полосы ленточной формы. Концы некоторых из них были расплющены, а в проделанные в центре этих частей отверстия вставлены железные шипы. Всего их собрано 14 штук. Самая длинная из них имеет изогнутую форму шириной 2,5 см при сохранившейся длине 21 см. На одном расплющенном конце сохранился железный шип или гвоздь, а другой обломан. Еще один крупный фрагмент сохранился в длину 15 см, при ширине 1,5 см. Вероятно, эти полосы крепили доски гробовины.

Непонятной осталась деталь погребального обряда - слева от головы был расчищен вбитый в землю железный штырь, длиной 21 см и диаметром 1,2 см. Один конец заострен, другой загнут под прямым углом. На загнутом конце сделан неглубокий паз.

Кроме того, в области таза расчищены железная пряжка овальной формы и две серебряные бляшки нашивки на одежду или пояс. К сожалению, обе сильно деформированы и сохранились неполностью. На одной из них дано спаренное изображение протомы фантастических животных, вероятно, грифонов, обращенных головами друг к другу.

Не исключено, что расчищенные вдоль торца симметрично расположенные круглые ямы могли нести какую-то роль в конструкции могилы. В момент ограбления гробовина еще, вероятно, сохранилась, но была разбита и разбросана по полу камеры.

Таким образом, несмотря на ограбление, часть сопроводительного инвентаря сохранилась. Единственной керамической находкой был кувшин (рис. 1), изготовленный профессионально, хотя и вылепленный от руки. Он имеет яйцевидную форму с массивной цилиндрической горловиной и плоским днищем. Сосуд отличается четкостью контуров, чрезвычайной аккуратностью формовки. Его высота 29,5 см, наибольший диаметр яйцевидного тулова 23 см, диаметр днища - 13,5 см, высота горловины - 7,5 см при диаметре 12 см. Венчик горловины имеет

подпрямоугольную форму и слегка отогнут наружу. Черепок в изломе плотный, темно-серого цвета с примесью мелких растительных добавок мелкотолченой извести. Обжиг нормальный. Внешняя поверхность желтовато-серого цвета, тщательно заглажена, со следами вертикального лощения. С закраины горловины на плечике сосуда опущена массивная ленточная ручка, по спинке которой дополнительно выделено ребро - вертикальный валик высотой почти 1 см. Противоположный от ручки край горловины превращен в массивный слив, выделенный защипом по всей вертикали (высоте) горловины, его длина по верху 4 см, ширина - 6 см, по низу 1,5 см. Характерно, что вершина ручки немного возвышается над устьем. В декоративной отделке использован довольно редкий прием - над горловиной по верхней части плечиков защипом вылеплен валик, опоясывающий основание горловины, а спереди сосуда под сливом он образует крупную фигуру в виде направленных в противоположные стороны двух полукруглых завитков. Возможно, этот элемент изображал ленту или тамгу, а сам сосуд имитировал металлический бронзовый кувшин, на что указывает его форма, горловина, ручка, как бы чеканенные и прикрепленные к корпусу отдельно, а также цвет и заглаженность поверхности.

Предметы вооружения.

Меч представляет собой довольно редкий тип для Ташкентского оазиса. У него линзовидное в сечении лезвие с коротким прямым перекрестием, длинной рукоятью, завершающейся шаровидным (округлым) навершием. Общая длина меча 101 см, лезвия - 77 см. Лезвие имело двухстороннюю заточку. Перекрестие прямое, короткое, длиной 5,2 и шириной 1,6 см. Необычна массивная рукоять длиной 24 см, на поверхности которой сохранились следы от деревянной ручки. Навершие массивное, округлой формы, слегка уплощенное с боков, размерами 4 x 3,5 см. Меч был помещен в деревянные ножны, обтянутые кожей и окрашенные в красный цвет (рис. 1).

Кинжал. Сильно фрагментирован (рис. 2, 1). Сохранившаяся длина лезвия - 4 см, острию сужается до 3,4 см. Основание лезвия имеют покатые плечики и плавно переходит к подпрямоугольной в сечении рукояти. Ручка сохранилась на длину 3,5 см при ширине 2 см. Как было оформлено навершие (рукояти) неясно, возможно, в виде двух спаянных шаров. По крайней мере вместе с фрагментами кинжала были найдены два сбитых куска

Рис. 1 Меч и керамический сосуд

ванных шара один размером 4 x 3,5 см, другой - 3,2 x 3,5 см. Аналогично оформлена рукоять железного кинжала I века н.э. из Айртамского могильника (погребение №3).

Стрелы. Всего найдено три наконечника стрел (все они железные, трехпластные, черешковые) и кусочек древка стрелы с сохранившимся в нем обломком черешка.

1. Наконечник стрелы сильно корригирован. Уцелела только верхняя половина боевой головки длиной 4 см. Перья треугольной формы сохранившаяся ширина пера 1,5 см при толщине 0,2 см. На окисленной поверхности наконечника - следы древесной трухи и кожи, а между двумя перьями - следы древка другой стрелы и кусочка сероватого гипса (рис. 2, 3).

2. Небольшой трехперый наконечник с острым углом атаки. Кончик боевой головки и черешок обломаны. Сохранившаяся длина равна 5,2 см, в том числе боевой головки - 4 см, черешка - 1,2 см. Перья треугольной

формы, основание образует почти прямой угол, жальца немного опущены. Ширина основания равна 1 см, толщина пера - 0,2 см. Черепок округлый в сечении диаметром 0,6 см, на котором сохранились следы древка. Возможно, с этим наконечником связан фрагмент черешка с остатками деревянного древка стрелы. Сам черепок длиной 5 см, округлый в диаметре, постепенно суживается к концу. Общая длина фрагментов 9,4 см, диаметр древка - 1 см (рис. 2, 4).

3. Наконечник двухярусной стрелы (рис. 2, 6). Сохранившаяся длина равна 7,1 см. Черешок округлый в сечении, диаметром 0,6 см, сохранился на длину 3,5 см. Нижний ярус представляет собой обычный вильчатый трехперый наконечник полуовальной формы шипами вверх, длина пера высота - 1,5 см. Второй ярус необычен и состоит из длинного трехперого шипа, кончик (жало) которого обломан, его высота 4 см, ширина каждого пера - 0,5 см. Видимо, общая длина боевой головки была равна 6,5 см, на черешке сохранились следы деревянного древка, а на одном из перьев имеются два круглых следа от древков других стрел. С противоположной стороны между перьями прилип небольшой кусочек кожи, окрашенный в красный цвет, возможно, это остатки колчана.

К группе вооружения отнесен предмет неясного назначения, который представляет собой небольшую, довольно узкую железную полоску. Сохранившаяся длина 1-2 см при ширине в одном конце 1,4, в другом - 1,6 см, завершается двумя короткими рожками - отроостками, направленными в противоположные стороны. Другой конец утолщен и в нем проделана горизонтально прорезанная щель или паз (2,5 x 0,7 см). На наш взгляд, V-образное завершение служило упором, прорезь являлась неполностью сохранившимся ушком, через которое пропускался ремень португепи для подвески меча (рис. 2, 2). В целом, предмет служил скобой, которая крепилась к деревянному, обтянутому кожей, ножнам. В пользу данного свидетельствуют отдельные детали: на одной поверхности скобы (условно назовем ее нижней) сохранились отпечатки кожи красного цвета, на другой - следы ткани мелкого плетения, которой, вероятно, она приматывалась в верхней части ножен. Известны скобы, изготовленные из поделочных камней (нефрита), но, видимо, более обиденными тогда были железные скобы. Наглядным подтверждением подобного способа подвески меча служат изображения воинов в батальной сцене на костяной пластинке из Орлатского могильника,

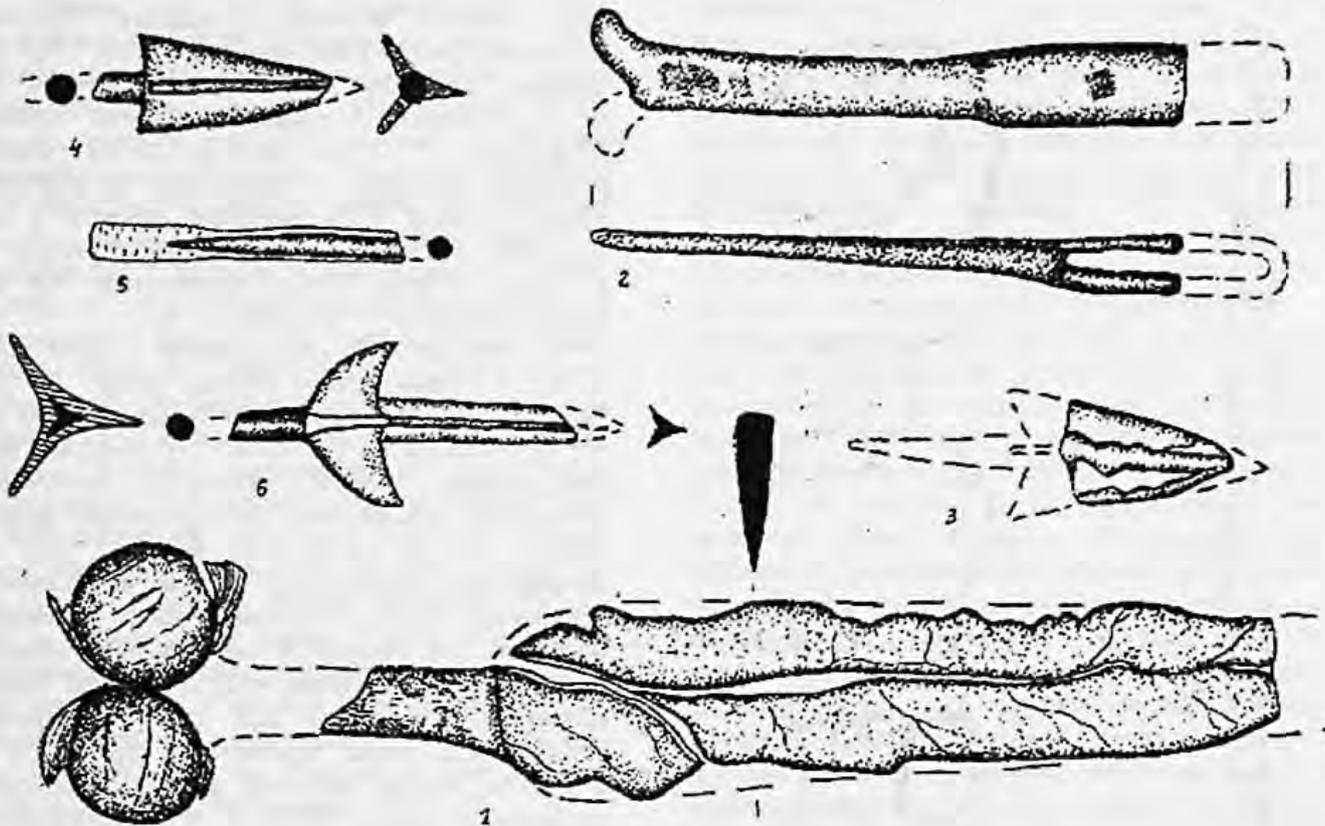

Рис. 2

датированного Г.А. Пугаченковой II-I вв. до н.э. (З, с. 104).

Ножи. Все они явно бытового назначения, небольших размеров, черешковые, с тонким подтреугольным лезвием.

1. Нож с немного искривленной (выгнутой) спинкой (рис. 3, 1). Общая длина 11,4 см. Лезвие подтреугольное в сечении, вогнутое. Его ширина 1,7 см при толщине 0,5 по спинке. Основание лезвия снизу образует уступ и плавно переходит к черешку рукояти. Последняя почти не сохранилась, остался лишь небольшой участок длиной в 1 см со следами деревянной рукояти.

2. Обломок ножа длиной 8,6 см с тонким подтреугольным в сечении лезвием и черешком (рис. 2, 2). Само лезвие (кончик его обломан) с прямой спинкой длиной 7 см заметно сужается к острию. В его основании при переходе снизу к черешку рукояти имеется резкий уступ. черешок уплощенный, пластинчатой формы, сохранился на 1,6 см, при ширине 1 см. Имеются следы деревянной ручки.

3. Обломок ножа (или бритвы) общей длиной 7,2 см (рис. 3, 3). Сохранилось тонкое, слегка изогнутое, подтреугольное в сечении лезвие его длина 5 см, ширина - 1,5 см и небольшой пластинчатый черешок (его

длина 2,2 см, толщина - 0,9 см). На черепке - следы деревянной рукояти. Характерен уступ, сделанный в нижней части основания лезвия при переходе к ручке. На лезвии следы кожи (футляра).

Две серебряные бляшки - нашивки очень тонкие и, в силу этого, сильно деформированные.

1. Бляшка подпрямоугольной формы размерами 2,8 x 2,1 см, сохранилась верхняя половина (рис. 3, 4). Бляшка была оттиснута в форме, поэтому сторона несколько выпуклая, а обратная - вогнутая. Изображает протомы двух животных (грифонов), головы которых повернуты назад к спине, навстречу друг к другу. Грифон - образ популярный в искусстве скифо-сарматского мира.

2. Бляшка фигурной (крестообразной) формы размерами 2,7 x 1,5 см (рис. 3, 5). Она имеет ровную внешнюю и обратную поверхность. Сохранились два округлых лепестка и начало третьего. В центре проделано круглое отверстие диаметром 0,5 см. В целом бляшка изображала четырехлепестковый цветок.

С последними предметами, видимо, тесно связана небольшая железная ременная пряжка, найденная в области таза. Она безщитковая, рамчатая, овальной формы, причем рамка к

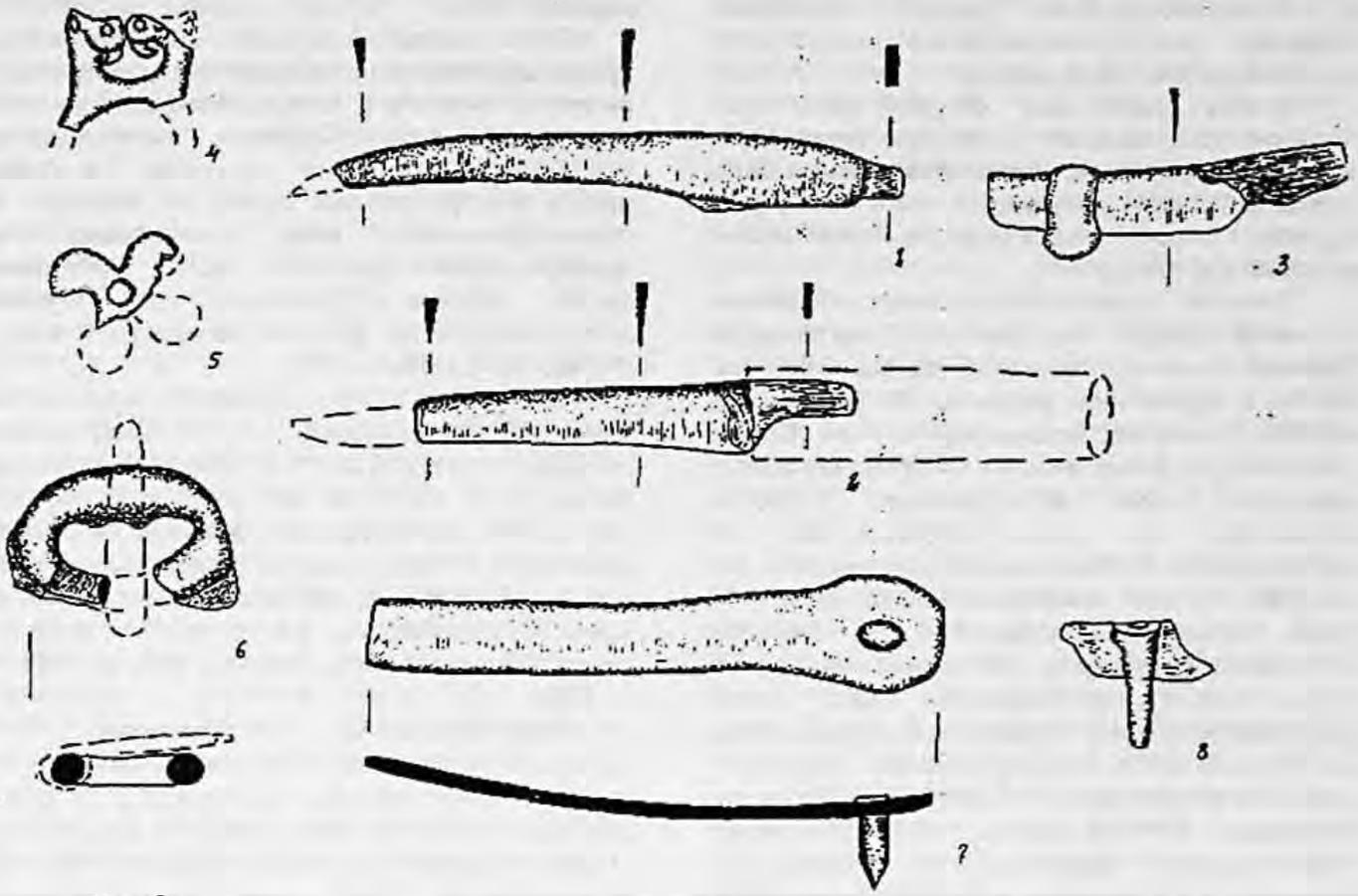

Рис. 3

основанию как бы скошена под небольшим углом. Ее размеры - 4,5 x 3 см. Изготовлена из округлого в сечении дрота диаметром 0,7 см. Язычок утерян, но не исключено, что он был подвижным. С одного края рамки на основании сохранились кусочки кожаного ремня, петля которого охватывала основание пряжки, с другого - отпечаток ткани (рис. 3, б).

Исследователи полагают, что округло-рамчатые пряжки с подвижным языком известны в сарматских памятниках уже с VI-IV вв. до н.э.. Небольшие кольцевидные пряжки с подвижными язычками неоднократно фиксировались в комплексах III-II вв. до н.э. прохоровской культуры (4, с. 40). В Средней Азии пряжка такого типа была найдена в кургане 3 Куюмазарского могильника, отнесена раскопщиком к сарматскому кругу и датирована последними веками до н.э. (5, с. 114, 120). Кроме того, безщитковые кольцевидные пряжки зафиксированы в составе инвентаря II-I вв. до н.э. в могильниках Южного Таджикистана (6, с. 80).

Сложен вопрос датировки кургана Ачамайли. Он выделяется среди каунчинских погребений и даже как налицо его

чужеродность. Однако сам этап Каунчи-I еще слабо дифференцирован. Вместе с тем материалы кургана Ачамайли близки к комплексам, отдельными включениями встречающимися в курганных могильниках других регионов Центральной Азии - в Бухарском оазисе, Южном Казахстане, Ферганской долине и относятся исследователями к сарматскому кругу.

К сожалению, конструктивные особенности кургана Ачамайли вновь дают некоторую двойственную картину - распространенности отдельных элементов и необычности планировки в целом. Сочетание катакомбного погребения с грунтовыми ямами, соединенными подземными ходами, необычно, хотя схожий обычай соединения погребений подземными коридорами зафиксирован сравнительно недалеко от Ачамайли, в Мураталинском мингтепа, расположенном в 12 км восточнее Буки. Разница заключается в том, что подкурганые захоронения были в катакомбах, направленных навстречу друг другу, почти соединенных дугой подземного коридора, который тоже не имел практического назначения. Мураталинские курганы датируются III-IV вв. н.э.

сочетание грунтовых ям с подземными ходами и неразработанность формы последних позволяют предположить более раннюю дату ачамайлинского сооружения.

Форма катакомбы второй части для Ташкентской области довольно типична и хорошо разработана, поэтому не может быть определяющим аргументом в датировке кургана. Более существенен в этом плане вещевой комплекс.

Кувшин не обнаруживает прямых аналогий среди керамических комплексов Средней Азии и, на первый взгляд, наиболее близок к сарматской керамике, но и там тоже не обнаруживается прямых прототипов. Кроме того, вопросы хронологии и районирования керамики еще недостаточно изучены. Отдельные ее типы датировались по погребальным комплексам, например, по наличию в них некоторых видов фибул, и лишь затем использовались в качестве опорных индикаторов. Но в основной своей массе сарматская керамика еще слабо дифференцирована. Наблюдения проведенные М.Г.Мошковой и А.С.Скрипкиным, позволяют уверенно утверждать о качественном ее росте в пределах III-I вв. до н.э., когда происходят значительные изменения в сарматской керамике. Так, если для раннесарматской керамики ведущей была лепная посуда с устойчивым преобладанием горшковидных форм, то в дальнейшем происходит не только увеличение форм круговой посуды, но и значительно расширяется ее типологический состав (7, с. 20; 8, с. 156,-157).

Широко распространяется серолощенная керамика. Хотя отдаленные ее параллели можно обнаружить в более ранних серолощенных кувшинах савроматах Поволжья и Южного Приуралья, где наблюдается схожая проработка форм сосудов, оформление горловины или верхней части плечиков валиком. Именно так оформлен кувшин из кургана 6 у села Политотдельское (9, с. 352, рис. 60), который согласно К.Ф.Смирнову находит аналогии в керамике Северного Кавказа и, в частности, близок большой бронзовой вазе их Жемталинского клада Кабардино-Балкарии, а в целом отражает тенденции, когда в Поволжье стали появляться сосуды, стеклянные из тонких бронзовых листов. Среди них могли быть изделия кавказского происхождения, послужившие в дальнейшем образцами для глиняных сосудов (9, с. 109). Изредка в сарматской керамике Поволжья и Приуралья встречается орнамент в виде вылепленных защипом линий (обычно

полудуг) на поверхности сосудов (9, с. 357, рис. 65, 13).

Более низкие аналогии обнаруживаются среди серолощенных одноручных кувшинов с раздутым туловом и хорошо профилированной горловиной из Кубани, отличительная особенность которых орнамент в виде круговых параллельных полос по плечикам и опускающимися вниз наискосок и чередующимися пучками линий. Несколько таких сосудов происходит из хорошо датированных по фибулам комплексов конца II-I вв. до н.э. (8, с. 158).

Интересен в плане параллельной одноручный кувшин из Бишунгарово погребения 2 кургана 19 в Южном Приуралье, датируемый III-II вв. до н.э. Здесь близка форма сосуда, профиль горловины и спинка ленточной ручки слегка возвышается над устьем (8, рис. 16, 4). Однако исследователи относят его, как и ряд других сосудов, к центральноазиатскому импорту (10, с. 109; 8, с. 158).

Действительной, обращение к центральноазиатскому материалу показывает, что эта чужеродность, кажущаяся и вызвана, очевидно, тем, что этот кувшин - подражание металлическому прототипу. Почти все его элементы в той или иной степени распространены в бухарской, джетысарской и каунчинской керамике, хотя для последней в большей мере характерно преобладание лепной красноглиняной керамики. Однако сосуды темносерым или желтовато-серым черепком, часто залащиванием, составляют довольно устойчивую группу раннекаунчинского комплекса. Так на городище Ишкурган (Паркент, Ташкентской области) в яме, связанной с культовыми действиями, было найдено три сосуда, среди них небольшой кувшин с желтовато-серым черепком и ручкой, немного возвышающейся над устьем горловины. Все они датируются II-I вв. до н.э. (11, с. 266).

Сосуды, близкие по форме тулова, с аналогичной горловиной, край которой выделен валиком, иногда со сливом, наконец прием декоративного валика, выведенного защипами, заглаживание поверхности участками - все это встречается среди сосудов каунчинской культуры. Схожие явления наблюдаются и в керамических комплексах Джетысарской и Отраро-Каратаусской культур Средней Сырдарьи (12, с. 67, рис. 15). На устойчивость использования этих элементов указывает их бытование в более позднем каунчинском комплексе. На кружке из кургана №2 Каварданского могильника

н.э.) спереди на тулове защипом в виде невысокого валика выделен тамгообразный знак (13, с. 56, рис. 17). В другом случае у сосуда из могильника близ станции Вревской (I в. н.э.) горловина имеет выделенный слив и ручку, немного возвышающуюся над устьем (12, рис. 57, 86).

Близки по форме тулова, но без столь оригинально выделенного слива, сосуды из могильника близ Шаушукум-тобе, нижняя грань бытования которых может быть отнесена к I в. до н.э. (12, с. 174, рис. 58). Наконец, наклепная лента-валик становится одним из характерных элементов к каунчинском комплексе III-IV вв., причем она проходит под ручкой, по плечикам сосуда и образует на его лицевой стороне завитки или переплетения. Отличие, которое свидетельствует о дальнейшем развитии данного приема, состоит в технике выведения этого декоративного элемента; первоначально (на ачамайлинском сосуде) защип, позднее - упрощение - наклепная лента (на сосудах Каунчи II), нередко с дополнительными короткими вертикальными насечками (12, рис. 30-33).

Таким образом, ачамайлинский сосуд обнаруживает некоторые аналогии среди сарматского материала, а его уникальность объясняется подражанием металлическим (скорее всего, бронзовым) сосудам. Вместе с тем фактура черепка, цвет и элементы оформления находят аналогии и среди каунчинского комплекса Ташкентского оазиса и близких к ним комплексов из курганных могильников скотоводов Бухарского Согда, что позволяет датировать его несколько широкими границами - II в. до н.э. - I в. н.э..

Не менее важны в вопросах датировки и атрибутики кургана предметы вооружения, обнаруженные в погребении. С одной стороны, это типичный набор вещей скотоводческого погребения Ташкентского оазиса; с другой - отдельные из них найдены впервые и представляют собой новый материал. Прежде всего это меч с необычайно длинной рукоятью, с прямым брусковидным перекрестием и шаровидным навершием. Именно последнее ставит его в промежуточное положение между мечами с прямым перекрестием и кольцевидным навершием и мечами с прямым перекрестием и штырем-ручкой, где навершием могли служить металлические круглые шайбы, либо каменный или деревянный набалдашник. До настоящего времени в Ташкентском оазисе для каунчинских погребений в основном были известны *двулезвийные мечи с прямым*

перекрестием и штырем ручкой (без навершия), либо с ручкой без перекрестия и навершия. В целом мечи с прямым перекрестием появились в Средней Азии в последние века до н.э. Этот тип мечей хорошо известен по целому ряду находок в Центральной Азии и в Сарматском мире (т.е. в степях Южного Приуралья, Поволжья, Дона и Кубани). В Бухарском оазисе в кургане у тригонометрического пункта Лявандакского могильника, был обнаружен схожий меч с длинным, двусторонней заточкой, лезвием, с длинной (двуручной) рукоятью имевший короткое перекрестие и навершие в виде круглой пластинки, середина которой сохранила следы обкладки деревом. Датировается он второй половиной II в. до н.э. (14, с. 133; 1, с. 68, 76).

Еще один меч с длинной (двуручной) рукоятью, коротким прямым перекрестием и навершием в виде круглой пластинки был обнаружен в кургане № 3 Агалыкского могильника в Самаркандской области, его длина 105 см. Датировается О.В.Обельченко II-I вв. до н.э. (14, с. 70; 15, с. 1818-187; 16, с. 14). Круг такого типа вооружений был ограничен, причем если обычно рукоятки большинства мечей обхватывались лишь одной рукой, то мечи с длинной рукоятью и круглым навершием можно было держать двумя руками. Именно наличие аналогичных мечей у сарматов отмечает Корнелий Тацит. О том, что такие мечи были на вооружении у воинов во II в. до н.э. можно судить по их изображению на чаше, найденной под Пермью. Здесь в сцене-охоте на львов у одного из всадников, стреляющего из лука, к поясу подвешен меч с прямым перекрестием и круглым навершием (16, с. 13-14).

Еще более интересны изображения воинов с их снаряжением в батальной сцене на костяной пластине из Орлатского могильника (Курган 2), где почти каждый из них вооружен *двулезвийным мечом с длинной (двуручной) рукоятью*, но держать они ее одной рукой (возможно, этим приемом мастер стремился показать силу и мощь героев). У всех мечей прямое перекрестие и разного рода навершия - ступенчатое, брусковидное и шаровидное. Меч одного из противоборствующих всадников в верхнем левом углу пластины (Рис. 4) почти прямо аналогичен ачамайлинского экземпляру - двусторонняя заточка лезвия, короткое прямое перекрестие, длинная ручка с округлым (шаровидным) навершием. Только лезвие ачамайлинской находки уже и длиннее (на орлатской пластине

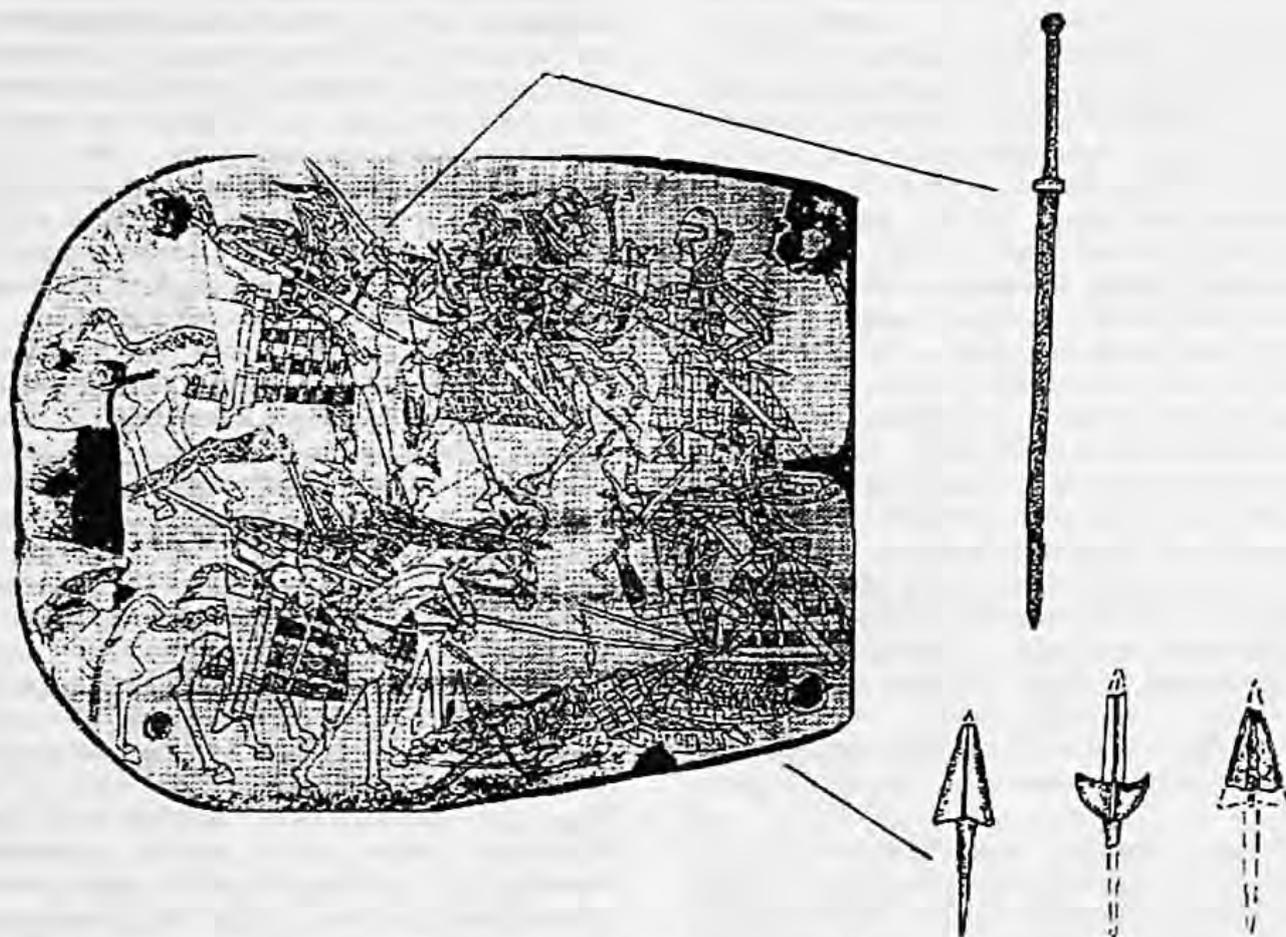

Рис. 4.

ке длина лезвия меча составляла две длины рукояти, а у реального меча из Ачамайли - три длины). Кстати, Г.А.Пугаченкова датировала орлатские находки II-I вв. до н.э., может быть началом I в. н.э. (3, с. 152). I-II вв. н.э. датировали орлатские находки Дж.Х.Ильясов и В.Д.Рузанов.

Таким образом, круг аналогий, вместе с изображением подобных мечей на одной из орлатских пластин, позволяет датировать меч из Ачамайли II в. до н.э. - I в. до н.э.

Не противоречат этому выводу и наконечники стрел. Все они железные, трехпластные, черешковые. Два из них с типичным треугольным очертанием пера. Такие наконечники в последние века до н.э. и первые века н.э. были широко распространены в Центральной Азии Западной Сибири, Южном Приуралье, Заволжье, на Дону и Кубани. Многие усматривают в этом проявление генетической связи с сарматской культурой или даже прямое движение сарматских племен.

В этом отношении весьма интересен ярусный наконечник. Причем среди сарматских материалов пока известен лишь

один такой наконечник из могильника Суслы, курган 51, хранящийся в фондах Саратовского краеведческого музея. Это крупный наконечник, вершина изгиба его лопастей приходится примерно на середину головки, причем верхняя часть лопастей вогнута, а нижняя - выгнута (это, возможно рудимент вильчатой нижней части). Некоторые исследователи даже относят его к промежуточной форме между ромбическими и ярусными наконечниками (8, с. 73, рис. 24, 54; 17, с. 100, с. 119, рис. 3).

Однако основной ареал ярусных наконечников и их наиболее ранние находки связаны с Центральной Азией, с территорией Западной Сибири, Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Забайкалья и Монголии. Наиболее близки к ачамайлинскому экземпляру ярусные трехпластные наконечники из могильников Найма толгой (погр. 6) и Суа толгой (курган 1) в Монголии, где длина боевой головки составляет 6 см (при ширине пера 3 см), а длина черешка - 7 см. Отличие состоит в том, что центральный шип здесь немного короче и имеет остроугольную форму (Рис. 4). Исследователи относят их ко II в. до н.э.

в. н.э. (18, с. 97; 19, с. 130; 17, рис. 3), хотя возможно датировку этой группы наконечников следует отнести ко II-I вв. до н.э., так как ярусные наконечники первых веков нашей эры преобретают устойчивый тип, где центральный шип имеет остроугольное завершие и прямые плечики у второго (щипы второго яруса исчезают). Именно таковы ярусные наконечники стрел в хуннских памятниках Монголии, Забайкалья, в материалах I-VIII вв. Южной и Западной Сибири (18, с. 108; 20, с. 35). В южнорусских степях аналогичные наконечники стрел начинают распространяться с конца IV в. н.э., что совпадает с началом гуннского движения и установлением здесь их господства (18, с. 146), а в таежной полосе Западной Сибири они бытовали вплоть до этнографической современности (20, с. 46-48). Кстати считается, что наконечники этого типа входили в обиход стрел предназначенных для поражения легковооруженного противника. Однако не исключено, что их появление (сочетание вильчатого наконечника, способного наносить широкие рваные раны, и доинногоузкого шипа для проникающего ранения) вызвано распространением защит-

ного доспеха и поиском средств его эффективного поражения.

Весьма архаично выглядит серебряная бляшка с изображением пары головок фантастического животного. Она представляет собой яркий образец звериного стиля, традиционно связанного со скифо-сакским миром. Почти прямые ее аналоги - бабочковидные бляшки уюкской культуры (V-VII вв. до н.э.) из Тувы (28) и навершие рукояти кинжала из окрестной Алматы (рис. 5). Это железный кинжал (акинак) с двулезвийным клинком, широким бабочковидным перекрестием и навершием в виде двух, обращенных к спине, т.е. навстречу друг другу, головок фантастических животных - тигриных грифонов. По мнению К.А. Акишева, здесь весьма реалистично передана морфологическая особенность хищника кошачей породы, но на месте нижней челюсти изображен клюв орла. Датировка его IV-II вв. до н.э. (21, с. 47, табл. I) как и ряда деталей конской упряжи (бляшек) с аналогичным орнаментом из Южного Приуралья позволяет определить II-I вв. до н.э. как нижнюю грань для датировки бляшки с грифонами из Ачамайли.

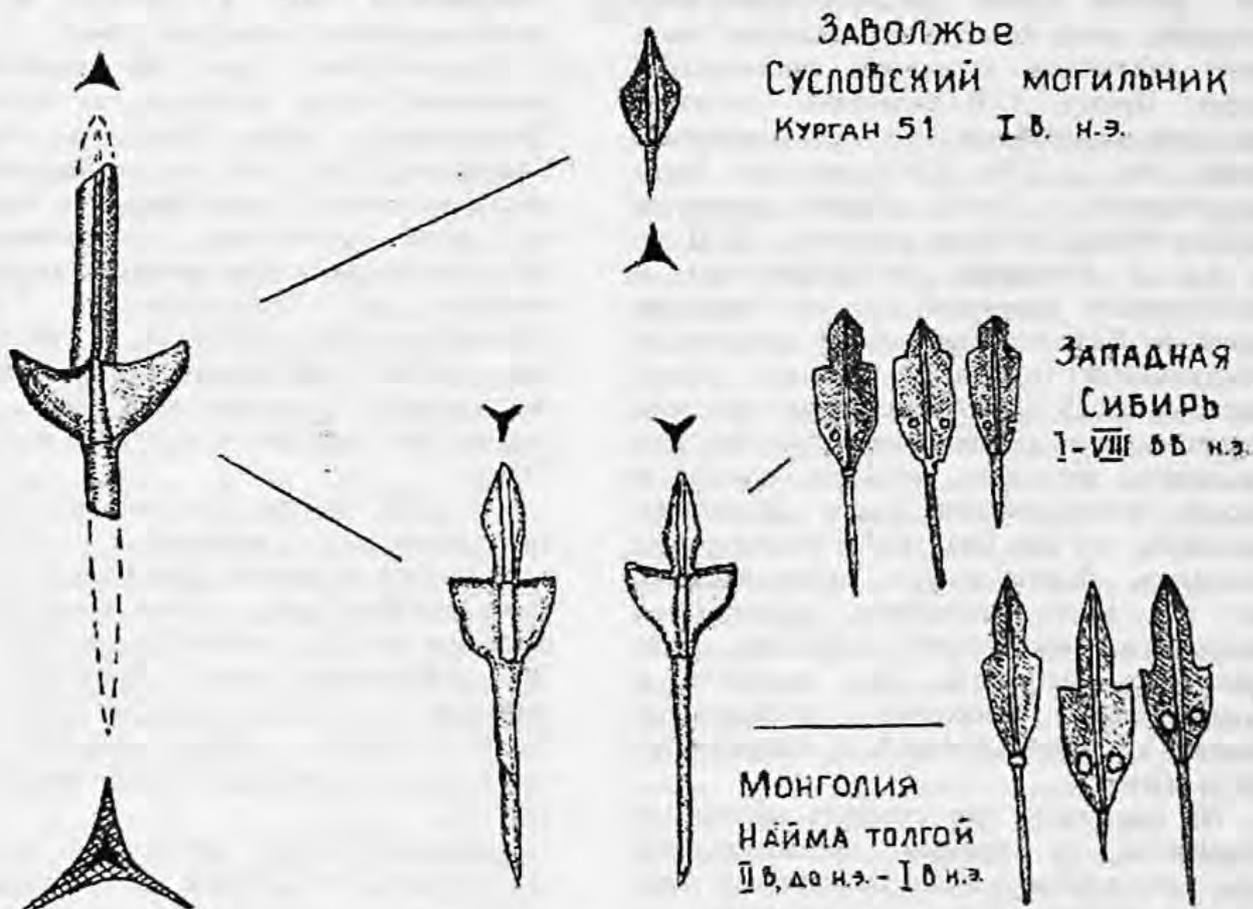

Рис. 5.

Таким образом датировка кургана Ачамайли, учитывая слабую разработанность предкаунчинского и каунчинского периодов, охватывает границы II-I вв. до н.э. - I в. н.э. Здесь комплекс вещей из кургана Ачамайли - кувшин, оружие, бытовые предметы - полностью соответствует материалам других центральноазиатских могильников кочевников Самаркандского Согда и периферии Бухарского оазиса. Исключения составляют некоторые конструктивные особенности-подземные коридоры, аналогии которым пока выявлены лишь в Ташкентском регионе. Катакомбное погребение и его вещевой комплекс обнаруживает множество связей и с подбойно-катакомбными погребениями II-I вв. до н.э. в Бухарском оазисе. Эта близость иногда полное тождество, наблюдается в устройстве погребального сооружения, деталях погребального обряда, сопроводительном инвентаре, и указывает на их синхронность и близкие (если не единые) религиозные представления. Все это еще раз свидетельствует о наличии определенных родственно этнических связей, поэтому не исключено, что ряд могильников Бухарского оазиса оставлен в результате продвижения в этот регион групп среднесырдарьинского населения, среди которых определенную часть могли составлять кочевники ташкентского оазиса. Правда, О.В.Обельченко связывает бухарские погребения с проникновением сармат (14, с. 179). Последнее как будто перекликается с более общими выводами А.С.Скрипкина, согласно которым в III-II вв. до н.э. в результате демографических и климатических изменений началась миграция сармат из Южного Приуралья в западном и юго-восточном (т.е. в Центральную Азию) направлениях (8, с. 199-201). Однако при всей рациональности данного предположения его невозможно принимать априори, отменяя в сторону противоречащие факты. Достаточно напомнить, что при ближайшем рассмотрении кажущаяся, безоговорочная принадлежность того или иного погребения сарматам не обнаруживает абсолютного тождества среди сарматского материала, что породило у исследователей несколько расплывчатое понятие, как принадлежность к «сарматскому кругу» племен.

Не исключено, что схожесть материалов объясняется не прямым проникновением сарматских племен в степи Центральной Азии или их материальными перекочевками, от Южного Приуралья до Центральной Азии, а соседством с ними, наличием длительных культурных и экономических связей. Не

последнюю роль здесь сыграла постоянная инфильтрация кочевых (и полукочевых) групп с северных районов Центральной Азии, прежде всего с Приаралья и Средней Сырдарьи, отдельные из которых были связаны с сарматами. Наконец, длительное господство сармат в поясе степей сделало их своеобразными законодателями моды на громадной территории от степей Причерноморья до Южного Урала и Центральной Азии с быстро перенимавшими другими кочевниками их тактику боя, вооружение и элементы культуры, подобно тому, как позже тюркская культура оказала исключительное воздействие не только на степняков, но даже на Сасанидский Иран.

Не менее интересно еще одно направление связей Центральноазиатского региона с кочевниками Западной и Южной Сибири. В Ачамайлинском комплексе таким примером может служить ярусный наконечник стрелы. Его практически нет в многочисленных сборах сарматских стрел в Южном Приуралье (22, с. 28-42), но он хорошо известен в комплексах Центрального Казахстана, Западной и Южной Сибири. Последнее отражает направление связей, сложившихся еще в сакское время и продолжавшихся в хуннскую эпоху.

Наконечники стрел не единственные совпадения между находками на Алтае и в Центральной Азии. Так, в курганах Уландрыка (IV-I вв. до н.э.) обнаружен ряд ножен кинжалов с лопастями для крепления на ноге, полностью идентичных по конструкции известным находкам кинжалов с ножнами из Тилля-Тепе в Северном Афганистане (23, с. 64-65; 24, с. 238). Близки между собой изображения поджарых коней и на ювелирных изделиях из Сибири, коврах позарыкских курганов и орлатских пластин из Согда.

В III-II вв. до н.э. в письменных и археологических источниках отмечается значительная активность кочевников евроазиатского степного пояса, частью которого стали движения кочевых племен Центральной Азии. Эта активизация нашла отражение в их движении с северных границ Центральной Азии в южные районы, походов против государства Селевкидов и Греко-бактрийского царства.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что кочевой элемент становится одним из компонентов складывавшихся региональных культур. Причем в их оформлении оба компонента - пришлый и автохтонный - играли определенную роль. Так

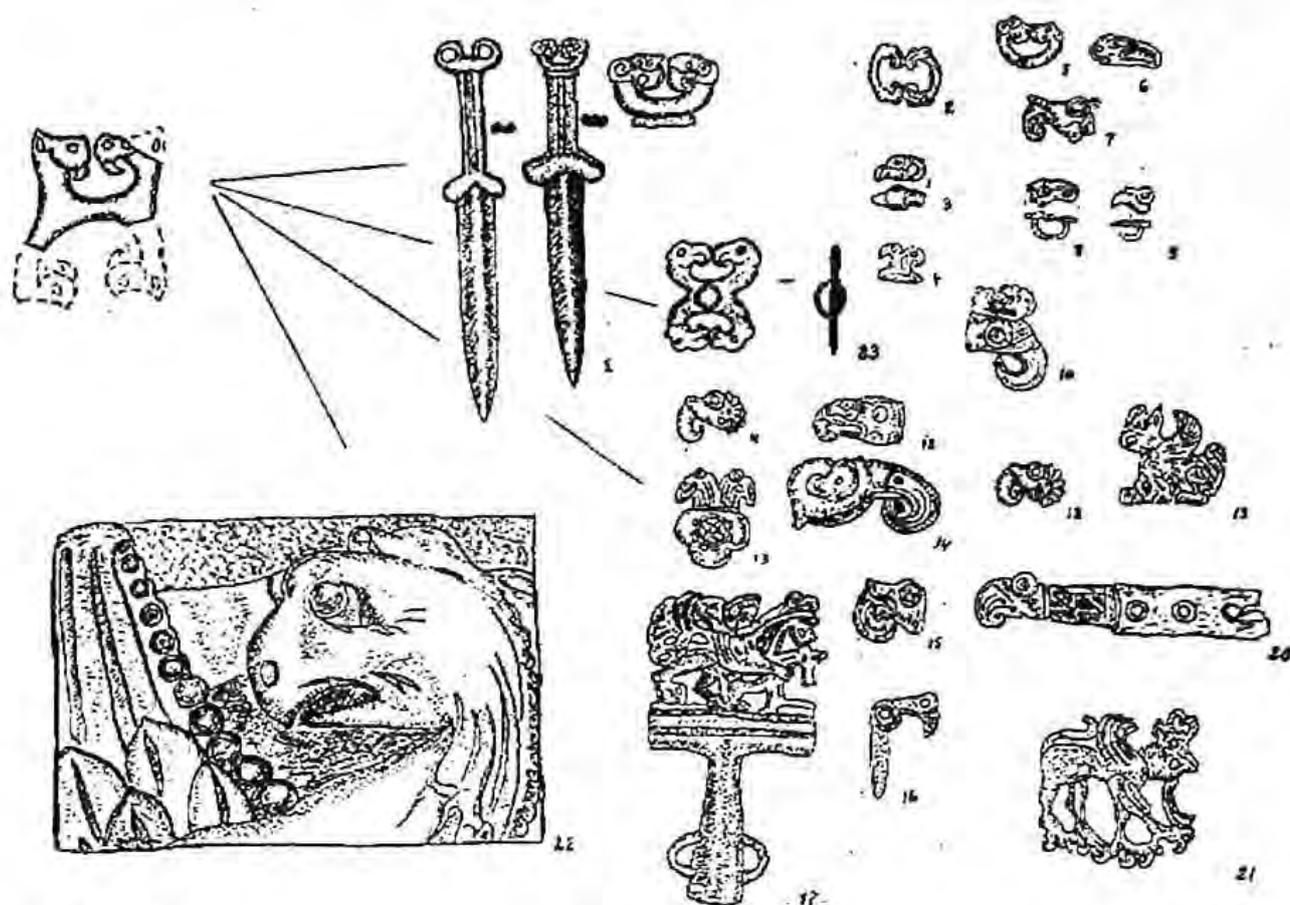

Рис. 6.

пришлое население определяло новые черты в материальной культуре и погребальном обряде (попадение катакомб, изменения в вещевом комплексе), автохтонное - способствовало сохранению ряда старых традиций, что служило своеобразным мостиком в преемственности между двумя культурами.

Материалы ташкентского оазиса позволяют проследить не только родственные (генетические) связи с частью населения Бухарского оазиса, но и лучше понять сложные этнические процессы, происходившие в обоих регионах. Комплексы курганных могильников кочевников и оседлые поселения в северной и северо-западной частях Бухарского оазиса - группы Кызылкыр, Сеталак, нижние слои городищ Рамитана и Рамиша свидетельствуют о сильном влиянии культуры Средней Сырдарьи (25, с. 25-53). К каунчинскому кругу близок сам облик этой культуры, материалы и строительные приемы, формы поселений и кубовых сооружений. В керамических комплексах фиксируется устойчивый набор форм: хумы яйцевидной формы с рельефным венчиком корчаги с коротким сливом, призматические кувшины с дугообразной ручкой или характерным

горизонтальным рифлением горловины, не редко с потеками черной краски, фляги и полусферические чаши. Специфические черты керамическому комплексу придают лепные горшки, жаровни, курильницы на ножках и очажные подставки-кирпичи, иногда с изображением на углах символических бараньих голов (26, с. 95). По составу и характеру форм и орнамента вся эта керамика близка керамике каунчинского типа. Однако устойчивое присутствие в комплексах керамических форм местных традиций показывает трансформацию элементов пришлой культуры, их дальнейшее слияние с местной культурой Бухарского оазиса.

Таким образом, материалы Бухарского оазиса прямо указывают на неоднократные этнические подвижки с северных регионов Узбекистана, которые происходили разными путями и в несколько этапов. Одной из первых таких волн было движение на юг кочевников «сарматоидного круга». Скорее всего, их проникновение происходило по двум направлениям - с запада, из Хорезма, другое - с северо-востока через Чач и Самарканд. Один из этапов этого движения фиксируют очажные подставки (II в. до н.э. - рубеж н.э.)

из Булакбаши, концы которых по краям оформлены в виде голов животных (баранов, козлов), генетически связанные с ранним этапом Каунчи I. Это же иллюстрируют материалы Ляванданского и Куюзазарского могильников последних веков до н.э. - первых веков н.э., где погребальный обряд, устройство погребальных сооружений и инвентарь схожи с аналогичными традициями кочевников Средней Сырдарьи. Еще одна волна этнических передвижений из этого региона произошла в начале IV века. Именно в это время отмечается присутствие каунчинских элементов в керамических комплексах всего Бухарского оазиса; они фиксируются в Бештепинской грунне памятников, Варахшинской округе и даже в самой Бухаре, где подстилают раннесредневековые слои (27, с. 115). Уже на этом этапе усматривается тенденция слияния элементов местной и пришлой традиции и, в результате, вырабатывается единый для Бухарского оазиса облик раннесредневековой культуры.

Вместе с тем, эти подвижки оказали решающее воздействие на культурогенные процессы, способствовали созданию предпосылок, на базе которых позже возникает единая культура среднеазиатского Междуречья, и объединение регионов в одно государство. Первым проявлением этого процесса стал выход на политическую арену кидаритов, хионитов и эфталитов. Не вдаваясь

в дискуссию по вопросам их происхождения и истории, отметим их связь, с одной стороны с северными районами Средней Азии, с другой - с Центральным Согдом и Бухарой. На наш взгляд, их появление являлось результатом движения части кочевого населения из района Средней Сырдарьи, их последующее взаимодействие и даже смешение с автохтонным населением Центрального Согда и бухарского оазиса. Показательны в этом плане свидетельства китайских и византийских источников. Первые фиксируют более раннюю по времени информацию и поэтому подчеркивают кочевнические черты быта эфталитов, их преемственность в отношении Кангюя и Юечжей. Вторые - знают эфталитов на более позднем этапе, указывают на государственность, наличие законов и городов, считают их оседлым - городским племенем (Менандр). Причем, именно в районе Бухары концентрируются эфталиты для последнего отпора тюркам в начале 60-х годов VI века.

Еще одним направлением может стать сопоставление монетного чекана Бухары и Чача, развитие которого, возможно, происходило под влиянием Бухарского Согда (Мусакаева А.А.). Видимо, этнические связи и в дальнейшем способствовали развитию тесных экономических и культурных контактов между этими двумя регионами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обельченко О.В. Культура античного Согда// М., 1992.
2. Древности Южного Узбекистана// Ташкент, 1991.
3. Пугаченкова Г.А. Орлатский могильник// Древности Мьянмака. Ташкент, 1989.
4. Мошнова М.Г. Памятники прохоровской культуры// Археология. Свод археологических источников ДТ-10. М., 1963.
5. Обельченко О.В. Куюзазарский могильник// Труды Института истории и археологии АН Узбекистана, вып. VIII, Ташкент, 1956.
6. Литвинский Б.А. Украшения из могильников Западной Ферганы.
7. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
8. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблема хронологии и ее исторический аспект// Саратов, 1990.
9. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов// М., 1964.
10. Пшеничниук А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала// М., 1983.
11. Богомолов Г.И. К вопросу об одном из домусульманских обрядов Средней Азии// ИМКУ, вып. 19. Ташкент, 1984.
12. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э.// М., 1971.
13. Алимов К. Памятники скотоводов Чача (Курганы каунчинской культуры в окрестностях Кавардана)// Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
14. Обельченко О.В. Лявандакский могильник// ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
15. Обельченко О.В. Погребение сарматского типа под Самаркандом// СА, 1967, № 2.
16. Обельченко О.В. Курганы Древнего Согда// Ташкент, 1981.
17. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в Хуннскую эпоху// Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. вып. 2, М., 1990.
18. Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из Монголии// Древние культуры Монголии Новосибирск, 1985.
19. Асеев И.В., Худяков Ю.С., Цевендорж Д. Погребение хуннского воина на горе Сул Толгой// Археология этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1984.
20. Соловьев А.И. Военные дела коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987.
21. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейский (общее и особенное в культуре)// Археологические исследования в Казахстане Алма-Ата. 1973.
22. Хазаров А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
23. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
24. Горелик М.В. Оружие древнего Востока. М., 1993.
25. Мухамеджанов Р.А. Археологические памятники Кызылкыра и Сетиллака. /Культура древнебухарского оазиса III-VI вв. н.э. Ташкент, 1983.
26. Ураков Б. Керамический комплекс позднеантичных памятников Кызылкыра I и Сетиллак I// ИМКУ, вып. 12, Ташкент, 1975.

27. сулейманов Р.Х. Из истории культуры Бухарского оазиса на рубеже древности и средневековья/ культура древнебухарского оазиса III-VI вв. н.э. Ташкент, 1983.
28. Манай-оол М.Х. Тува в скифское время (Уюкская культура). М., 1970.
29. Ilsov Jangar, Rusanov Dm. A study on the Bone plates from Orlat// Silk Road art and archaeology, 1997-1998, № 5.

Alimov K.A., Bogomolov G.I.

About ethnic - cultural links of nomads of Bukhara and Chach

A number of similar phenomena and processes unite Bukhara and Tashkent oases. Nomadic environment, nomad's penetration and settling inside the oasis influence the peculiarities of foundation and development of urban settlements and culture. The analysis of the burial places situated in Bukhara and Chach reveals a lot of similar components in burial construction, details of burial ceremony, in grave goods, reflects close religious ideas and pointed out the definite ethnic-religious links. It is possible that number of burial places in Bukhara region were left as a result of penetration of the part of population of the Middle Sirdaria into this region, among whom there probably were the nomads of Tashkent region. But the part of researches sees in it the direct penetration of Sarmat groups (Obelchenko, 1962, p. 179). Moreover, this belonging, which seems undoubted, of one or another burial places to Sarmat ones does not show the absolute identity among the Sarmat material. In the article the material of excavations of the barrow near the settlement Achmoily, not far from Buka in Tashkent region (dated to the I c. BC - I c. AD) is presented as a bright example.

Кочнев Б.Д.

МАВЕРАННАХР НАКАНУНЕ СОЗДАНИЯ ЗАПАДНОГО КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА (в свете нумизматики)

Полвека тому назад О.Прицак опубликовал две работы, которые и сейчас сохраняют (и в основном справедливо) очень высокий авторитет почти у всех, кто обращается к истории Караханидов. Возникновение этой тюркской династии он относил к 840 г. О последующих полутора веках ее истории не известно почти ничего, а в 380-382/990-992 гг. Караханид Бугра-хан Харун (умер в 382/992 г.) очень ненадолго завоевал большую часть среднеазиатских владений Саманидов. Через несколько лет другой Караханид, Наср б.Али, повторил успех Бугра-хана, и с рубежа X-XI вв. надолго определилась территория Караханидского государства, включавшего Мавераннахр, Испиджаб, Тараз, Семиречье, Тянь-Шань и западную половину Восточного Туркестана. В державе Караханидов существовала дуальная система власти: наряду с великим каганом, носившим титул Арслан-хан, был еще каган-соправитель (Mit-Qagan), младший каган, титуловавшийся Бугра-хан; со смертью первого его сан и титул переходит ко второму. Правители менее высокого ранга именовались Арслан-илиг, Бугра-илиг (Йинал-тегин), Арслан-тегин, Бугра-тегин (Йанга-тегин). В наследовании у Караханидов господствовал принцип сеньората, когда власть и титул переходили не от отца к сыну, а к следующему по старшинству члену династии. Так, Йанга-тегин, поднимаясь по иерархической лестнице, мог стать Арслан-тегином, затем Йинал-тегином, далее Арслан-илигом (1) и наконец ханом. Около 433/1041-42 г. государство, до того единое (правда, лишь формально), разделилось на два совершенно самостоятельных каганата - Западный (со столицей в Узгенде, потом в

Самарканде) и Восточный (с центром в Баласагуне, затем в Кашгаре) (2).

Е.А.Давидович, проанализировав концепцию О.Прицака о двух каганатах, убедительно показала, что первым главою Западнокараханидского государства был не Мухаммад б.Наср (как думал О.Прицак), а Ибрахим б.Наср б.Али, столицей же с самого начала являлся Самарканд, а не Узгенд. При этом исследовательница подчеркнула, что караханидские владельцы Мавераннахра всегда проявляли тенденцию к обособлению и самостоятельности, при Ибрахиме же этот процесс получил окончательное завершение (3).

Возможно, эти соображения Е.А.Давидович учел Кл. Э. Босворт: если в первом издании своего справочника по хронологии и генеалогии мусульманских династий он, следуя О.Прицаку, называл первым главою Западного каганата Мухаммада б.Насра (4), то в новом издании в этой роли выступает Али-тегин б.Харун/Хасан (ок. 411/1020-425/1034) (5). Кл. Э.Босворт, конечно, авторитетный специалист, прекрасный знаток средневековой истории мусульманского мира, особенно восточной его части. Но прав ли он, когда на два с лишним десятилетия сдвигает дату возникновения Западнокараханидского государства? Чтобы разобраться в этом, необходимо подробно рассмотреть, максимально привлекая нумизматические материалы, все, что известно об Али б.Хасане (Али-тегине) и двух его сыновьях (которых Кл. Э.Босворт тоже включает в число великих каганов Западного каганата).

Если о сыновьях Али-тегина рассказывает только Абу-л-Фадл Бахрани

повествуют, помимо Байхаки, также Гардизи, Бундари, Фахр ад-Дин Рази, Ибн ал-Асир, Джузджани, Рашид ад-Дин, Шабанкараи, Мирхонд и другие средневековые авторы. Об Али-тегине писали практически все исследователи, обращавшиеся к истории Караханидов, но лучшие страницы принадлежат перу выдающегося российского востоковеда В.В.Бартольда, который привлек и с присущим ему редким критическим даром проанализировал основные сведения рукописных источников. В изложении В.В.Бартольда история Али-тегина и его сыновей выглядит примерно следующим образом.

Али-тегин появился на политической арене, вероятно, еще в правление Караханида Насра б.Али (умер в 403/1012 г.): Байхаки приписывает газнавидскому вазиру Абу-л-Хасану Майманди утверждение, будто Али-тегин к 423/1032 г. уже тридцать лет находился в Мавераннахре. Согласно недатированному рассказу Ибн ал-Асира, Али-тегин, находившийся в плену у Арслан-хана, бежал в Бухару и вошел в соглашение с Арсланом б.Сельджуком, после чего они отложились и разгромили выступившего против них илига, брата Арслан-хана. Впоследствии Али-тегин стал производить нападения на пограничные области державы Газнавидов, задерживал послов Махмуда Газнави, направлявшихся к Кадыр-хану Йусуфу, караханидскому владельцу Восточного Туркестана. В 416/1025 г. Махмуд пересек Амударью, одновременно вторгся в Мавераннахр его союзник Кадыр-хан. Они встретились недалеко от Самарканда и Али-тегин бежал в степь, а его жена и дочери попали в плен; в плену оказался и Израил (Арслан) б.Сельджук. Вскоре союзники очистили Мавераннахр, так что Али-тегин смог вернуться в свои владения. Враждебное отношение к Газнавидам он сохранил и после прихода к власти Масуда б.Махмуда; по словам хорезмшаха Алтунташа, он пользовался каждым случаем, чтобы совершить набег на какую-либо беззащитную газнавидскую область. В 423/1032 г. Алтунташ по распоряжению своего сюзерена Масуда с большим войском двинулся против Али-тегина и встретился с ним в битве у Дабусни. Кровавое сражение не имело решительного исхода, но хорезмшах получил смертельную рану и вскоре скончался. Действия Масуда, вероятно, побудили Али-тегина сблизиться со своими родичами, сыновьями Кадыр-хана: в Бухаре и Самарканде стали чеканиться монеты с

упоминанием Арслан-хана и Бугра-хана. Умер Али-тегин в конце 425 или в начале 426 г.х., т.е. летом или осенью 1034 г.

На престол вступил его старший сын, илиг, которого звали, судя по монетам, Йусуф б.Али. В 1035 г. илиг вместе со своим младшим братом безрезультатно осаждали принадлежавший Газнавидам Термез, а затем выступили еще в один поход на юг, но с полпути вернулись. Чтобы примириться с газнавидским султаном Масудом, братья отправили к нему посольство, достигшее цели. В 1038 г. Бури-тегин Ибрахим б.Наср, находившийся в плену у сыновей Али-тегина, сумел бежать, потом стал совершать набеги на приамударьинские земли Газнавидов, а усилившись, в 1039 г. нанес несколько поражений братьям. Последние сохраняли немалое значение еще в 1040 г., но не позже 433/1041-42 г. они окончательно лишились Мавераннахра, где «основал независимое государство» Ибрахим б.Наср. (6).

Обращаясь к истории Али-тегина, В.В.Бартольд использовал нумизматические данные, но в незначительной степени - прежде всего потому, что атрибуция караханидских монет представляет собой чрезвычайно сложную задачу. Первым добился серьезных успехов в этом отношении Р.Фасмер. Он, в частности, установил, что Али-тегин назван на монетах Али б. ал-Хасаном, а на дирхемах 423-426/1031-1034 гг. упомянут как Табгач Бугра Кара-хакан (7). Еще дальше продвинулся в том же направлении О.Прицак. По его мнению, на монетах 411-415/1020-1025 гг. Али именовался Баха ад-Даула Йанга-тегином, с 415/1024-1025 г. стал титуловаться Арслан-илигом, в конце жизни - Табгач Бугра Кара-хаканом. Впервые он упомянут на фельсах Бухары 405/1014-1015 г., а в 407/1016-1017 г. его лакаб Баха ад-Даула был помещен на самаркандском фельсе. В том же году в Самарканде стали чеканить монеты с упоминанием Арслан-хана Мансура б.Али и илига Мухаммада б.Али, а это значит, что братья вытеснили из Самарканда Али б.ал-Хасана. Лишь в 411/1020-1021 г. последний смог вернуться в Бухару, с помощью Израила б.Сельджука овладел ею и разгромил войско илига Мухаммада б.Али, а затем сумел достичь примирения с его братом Мансуром. Впоследствии основной резиденцией Али б.ал-Хасана являлась Бухара или ставка («орду») близ Бухары, с 417/1026-1027 г. именованная в монетных надписях Харлух (Харлуг) Орду («карлукская ставка»). После его смерти его сын и преемник Йусуф б.Али удовлетворился титулом Арслан-тегин.

последнего стал титуловаться Арслан-тегином. Их неудачи в походах в приамударьинские области объясняются, возможно, тем, что они восстановили против себя испытанных союзников их отца, Сельджукидов; когда по распоряжению Йусуфа б.Али был убит Йусуф б.Муса б.Сельджук, его родичи покинули Мавераннахр и ушли к хорезмшаху. В борьбе с Ибрахимом б.Насром сыновья Али-тегина потеряли сперва Кеш (в 431/1-39-40 г.), затем Согд (в 432/1040-41 г.) и наконец Бухару (в 433/1040-41 г.), после чего вынуждены были искать убежища у своих родственников в лице сыновей Кадыр-хана - Арслан-хана Сулаймана и Бугра-хана Мухаммада (8).

Почти во всем, что касается монет, приписанных Али-тегину О.Прицаком, М.Н.Федоров решительно не согласился с последним, но сам совершенно запутал атрибуцию монетной титулатуры и в результате предложил версию событий, которая находится в полном противоречии с показаниями монет и свидетельствами рукописных источников (9). Останавливаться на этой версии нет надобности, так как пишущий эти строки продемонстрировал явную ее несостоятельность (10), после чего и сам М.Н.Федоров от нее отказался. Версия О.Прицака гораздо ближе к истине, хотя теперь, когда стало известно намного больше соответствующих нумизматических материалов, и она требует существенных поправок и дополнений.

Самой ранней монетой Али-тегина О.Прицак считал изданный Х.М. Френом бухарский фельс (медную монету) 405/1014-1015 г., на котором публикатор видел сочетание «Али ал-аджалл» (12). В действительности на данном экземпляре фигурирует не «Али ал-аджалл», а «хан ал-аджалл» (13) («хан преславный»), т.е. тогдашний великий каган, глава династии Караханидов Ахмад б.Али. О.Прицак приписал Али-тегину самаркандский фельс, битый будто бы в 407/1016-1017 г.; при этом О.Прицак ссылается на Б.Дорна, (14) а тот, в свою очередь, на Ф.Соре (15). Данная монета не доступна для проверки, но едва ли можно сомневаться, что опубликованное Ф.Соре описание ее неточно: в огромном Койчили-тепинском кладе из Самаркандской области очень полно представлен медный чекан Самарканда 400-415/1009-1023 гг. (1990 экз.), в том числе 407/1016-1017 г., (61 экз.) (16), но нет ни одного фельса, подобного изданному Ф.Соре; ближе всего к его описанию самаркандские фельсы 404/1013-

1014 г., однако на них нет лакаба Баха ад-Даула, принадлежавшего Али б.ал-Хасану.

Имя Али есть на дирхемах Испиджаба 398/1007-08 и 400/1009-10 гг., но, судя по испиджабским монетам 401/1010-11 г., оно относится к Али Саррафу, чье прозвание (букв. «меняла») исключает его караханидское происхождение. То же имя стоит на некоторых фельсах Самарканда 400/1009-10 г., однако монеты Согда 400-401/1009-11 г. с упоминанием Али б.Нуша показывают, что и оно не связано с Али-тегином. В 410/1019-20 г. некий Али был владельцем небольшого испиджабского города Будухкета, но не ясно, принадлежал ли он к числу Караханидов. Али, названный на дирхемах Шаша 404/1013-14 г., вероятно, тождествен Тонга-ога Али, фигурирующему на шашских монетах 410/1019-20 г. На его караханидское происхождение указывает тюркский титул, включающий компонент ога, известный и в ряде других случаев. Например, на фельсах Иштихана 421/1030 г. помещено сочетание «Кылыч-ога илиг», причем таким образом (слова «Кылыч», «ога» и «илиг» образуют подобие треугольника вокруг центрального украшения поля), что побуждает приписывать все сочетание одному лицу, а именно Али б.ал-Хасану, который тогда был илигом, или Арслан-илигом (об этом ниже). Итак, Али имел титул Кылыч-ога, на шашских же дирхемах 410/1019-20 г. стоит другой титул - Тонга-ога. Казалось бы, за разными титулами, тем более однородными, должны стоять разные персоны, однако хорошо известная изменчивость караханидской титулатуры не позволяет исключать и иную возможность: в 410/1019-20 г. Али б.ал-Хасан носил титул Тонга-ога, впоследствии же принял другой титул с тем же вторым компонентом - Кылыч-ога. Если так, то в 404/1013-14 и 410/1019-20 гг., а может, и на протяжении всего отрезка времени между 404-410/1013-20 г., он владел Шашем. В таком случае отчасти подтверждались бы слова Байхаки о тридцатилетнем к 423/1032 г. пребывании Али-тегина в Мавераннахре. На шашских дирхемах 410/1019-20 и 411/1020-21 гг. назван один верховный государь - Арслан-хан (Мансур б.Али), вассалы же разные: в 410/1019-20 г. - Тонга-ога, в 411/1020-21 г. Илийас ал-Хадждадж. Значит, в 410/1019-20 или 411/1020-21 г. Тонга-ога, вероятно, лишился шашского удела, а если он идентичен Али б.ал-Хасану, то и свободы (как уже говорилось, до появления в Бухаре Али-тегина находился в плену у Арслан-хана).

Как бы там ни было, бесспорный чекан Али б.ал-Хасана представлен монетами 411-426/1020-34 гг. Ради наглядности он сведен в три таблицы. В первой приведены помещенные на монетах их названия (сокращенно: д - дирхем, т.е. серебряная монета, ф - фельс, медная монета), год и место выпуска, имена и титулатура; если упоминания фигурирующих в монетных легендах лиц стоят в разных позициях, то сначала даются надписи поля, затем, после косой черты, круговые. Поскольку имена стоят на монетах гораздо реже, чем титулатура, не только многообразная, но и изменчивая, пришлось составлять таблицу 2, в которой конкретно указано, какие именно правители названы на монетах, включенных в таблицу 1.

Принадлежность одних элементов монетной титулатуры установлена Р.Фасмером и особенно О.Прицаком, других - автором этих строк; в ряде случаев она очевидна из самой таблицы 1. Так, можно считать доказанным, что Арслан-хан - это Мансур б.Али, илиг (на монетах 410-411/1019-1021 гг.) - Мухаммад б.Али, Кадыр-хан - Йусуф б.Харун/ал-Хасан, Низам ад-Даула Йинал-тегин и Тонга/Тоган/Тонган-хан - Мухаммад б.ал-Хасан, Йаган-тегин Йусуф (на монетах 418/1027-28 г.) и Самсам ад-Даула Йаган-тегин (на монетах 423/1031-32 г.) - сын Мансура б.Али. Не раз менялась титулатура самого Али б.ал-Хасана: в 411-415/1020-1024 гг. он Баха ад-Даула Йанга/Йаган-тегин, в 415-423/1024-1032 гг. Арслан-илиг или просто илиг, в 423-426/1032-34 гг. Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла ва Уддат ад-Дин (18) Табгач/Тафгач Бугра кара-хакан (Тафгач Бугра-хакан, Табгач/Тафгач/Тамгач Бугра-хан, Табгач/Тафгач/Тамгач-хан, Бугра кара-хакан, Бугра-хан). Наиболее вероятно, что ему же принадлежали тюркские титулы тархан/таркан (19) и Кылыч-ога (20).

Атрибуция некоторых других элементов титулатуры требует обсуждения. Как уже упоминалось, О.Прицак, а вслед за ним К.Босворт носителем титула Арслан-тегин считали второго сына Али-тегина, не известного по имени. Между тем, на некоторых фельсах Бухары, битых до 427/1035-36 г., этот титул прочно соединен с лакабом Шамс ад-Даула, который на более поздних монетах связан с титулом Арслан-илиг, определенно принадлежавшим Йусуфу б.Али (это совершенно очевидно из таблицы 4). Весь наличный материал показывает, что не позже 417/1026-27 г. Арслан-илиг Али б. ал-Хасан предоставил Йусуфу право помещать

на бухарских фельсах свое имя или титул Арслан-тегин, на первых порах сокращавшийся до формы «тегин». Когда после смерти отца (426/1034 г.) Йусуф б.Али вступил на престол, существенно повысился его статус, что нашло отражение, в частности, в принятии более высокого титула Арслан-илиг, почему прежний его титул Арслан-тегин после 426/1034 г. исчезает из монетных надписей. Итак, версия О.Прицака не может быть принята: Арслан-тегин - это Йусуф б.Али, а не его брат. Не исключено, что последнему принадлежал другой титул - Субаши-ога, представленный на фельсах Иштихана 424/1032-33 и 425/1033-34 г. Помимо этого примера слово «субаши» (тюрк. «военачальник») у Караханидов засвидетельствовано только в сочетании Субаши-тегин - так рукописные источники именуют караханидского полководца начала XI в. (21), которого О.Прицак сопоставил, в очень осторожной форме, с Али-тегином (22). Монеты, разумеется, не открывают, прав ли О.Прицак, но Субаши-ога определенно не тождествен Али б.ал-Хасану, который в 424-25/1032-34 гг. носил ханский (царский) титул и принципиально не мог одновременно носить княжеский титул Субаши-ога. Но такой титул вполне мог быть у его младшего сына. Что же касается имени последнего, то М.Н.Федоров, обнаружив на дирхемах 440-х гг. упоминание Харуна б.Али, вполне правдоподобно предположил, что Харун был сыном Али-тегина (23). С другой стороны, кунья самого Али, Абу-л-Хасан («отец Хасана») указывает на возможное наличие у него сына по имени Хасан. Поэтому не исключено, что второй сын Али б.ал-Хасана/Харуна носил, подобно деду, два имени - общемусульманское (ал-Хасан) и библейское (Харун).

Как показывают монеты, в том числе включенные в таблицу 1, лакаб Насир ал-Хакк и титул Малик ал-Машрик были одновременно у двух Караханидов - Кадыр-хана Йусуфа б.Харуна и Тоган-хана Мухаммада б.ал-Хасана. Поэтому вопрос о том, кто на фельсах Иштихана 419/1028 г. назван Насир ал-Хакк ва-д-Дин Малик ал-Машрик ва-с-Син, не решается автоматически. Все же тот факт, что Кадыр-хан не только титуловался, но и являлся «царем Востока и Сина» (ему принадлежал Восточный Туркестан, т.е. «нижний Син»), тогда как Тоган-хан именовался лишь «царем Востока» (Малик ал-Машрик), склоняет чашу весов в пользу первого. Соответственно, Малик ал-Машрик ва-с-Син упоминается

фельсах Согда 419/1028 г. в качестве сюзерена Арслан-тегина, есть тот же Кадыр-хан. В условиях, когда еще не закончилась начавшаяся в 416/1025 г. борьба между Кадыр-ханом Йусуфом и Али б.ал-Хасаном (об этом ниже), невозможно представить, чтобы Арслан-тегин Йусуф б.Али б.ал-Хасан признал своим сюзереном Кадыр-хана. Поэтому гораздо более вероятно, что здесь обозначен другой Арслан-тегин-Сулайман б.Харун, который на монетах Узгенда 419/1028 г. выступает вассалом Кадыр-хана (24).

На монетах, включенных в таблицу 1, в двух случаях (на фельсах Кермине 415/1024-25 г. и дирхемах Ахсикета 417-418/1026-28 гг.) появляется лакаб Муизз ад-Даула, но за этим почетным прозвищем стоит не одно лицо, а два. Эмитентом ахсикетских дирхемов М.Н.Федоров считал Аббаса б.Ибрахима

б.Насра, (25) однако на самом деле это Аббас б.Мухаммад б.Наср (26). Тот же автор заключил, что Муизз ад-Даула Йабгу, названный на фельсах Кермине 415/1024-25 г., - это Инанч Йабгу Йусуф б.Муса б. Сельджук, который фигурирует также на кермининских фельсах 417/1026-27 г. (как Инанч...) и 419/1028 г. (как Сайф ад-Даула Йабгу) (27). Подробно рассмотрев все имеющиеся данные, пишущий эти строки пришел к иному выводу. В действительности Муизз ад-Даула Йабгу есть Муса б.Сельджук, упомянутый на монетах Кермине 415/1024-25, 419/1028 и, возможно, 417/1026-27 г., лакаб же Сайф ад-Даула относится, скорее, к его племяннику Ибрахиму Йиналу. Эмитент кермининских фельсов 420/1029 г., Джабраил б.Мухаммад, быть может, тоже происходил из Сельджукидов и приходился братом Мусе (28).

Табл. 1. Монеты Мавераннахра, несущие упоминания Али б.ал-Хасана или важные для воссоздания его биографии.

№№ п/п	Наим.	дата г.х.	Место выпуска	Л.ст.	Об. ст.
1	д	410	Бухара	нет	Арслан-хан, илиг ал-мансур падша
2	д	410	Самарканд	нет	то же
3	д	410	Мадинаг ал-Махфуза	нет	Арслан-хан, илиг Мухаммад
4	д	411	Бухара	ал-Баззас (?)	Арслан-хан ал-музаффар, илиг ал-мансур падша
5	д	411	то же	нет	Малик ал-Машрик Кадыр-хан, Баха ад-Даула Йаган-тегин
6	д	411	то же	ал-Ираки	Арслан-хан падша, Баха ад-Даула Йанга-тегин
7	ф	411	Иштихан	Мухаммад б.Али илиг	?
8	ф	411	Согд	Арслан-хан	Арслан-хан/Нур ад-Даула
9	д	412	Бухара	ал-Ираки	Арслан-хан падша, Баха ад-Даула Йанга-тегин
10	ф	412	то же	нет	Баха ад-Даула Йанга-тегин
11	ф	412	Самарканд	Низам ад-Даула Йинал-тегин	хан
12	ф	412	Согд	Арслан-хан	Арслан-хан/Нур ад-Даула
13	д	413	Бухара	нет	Арслан-хан падша, Низам ад-Даула Йинал-тегин
14	д	413	то же	нет	Арслан-хан падша, Баха ад-Даула Йанга-тегин
15	д	413	то же	Баха ад-Даула	Арслан-хан, ал-амир ал-аджалл Йанга-тегин
16	ф	413	то же	нет	Баха ад-Даула Йанга-тегин
17	ф	413	то же	Баха ад-Даула	хан ал-аджалл
18	ф	413	Кушани	Арслан-хан	Арслан-хан, Ахмад б. ал-Хасан
19	д	414	Бухара	Баха ад-Даула	Арслан-хан, ал-амир ал-аджалл Йанга-тегин

20	ф	414	то же	то же	Йанга-тегин
21	ф	414	Кушани	Арслан-хан	Арслан-хан, Ахмад б.ал-Хасан
22	д	415	Бухара	Баха ад-Даула	Арслан-хан, ал-амир ал-аджалл Йанга-тегин
23	ф	415	то же	то же	Йанга-тегин
24	ф	415	то же	то же	хан
25	ф	415	то же	Баха ад-Даула Арслан-илиг	Тонга-хан
26	ф	415	Кермине	Йабгу	Мунизз ад-Даула
27	ф	415	Кушани	ал-амир ал-аджалл Баха ад-Даула	Арслан-илиг
28	ф	415	то же	Баха ад-Даула	Арслан-илиг/ал-амир ал-аджалл Аби-л-Хасан Али б.ал-Хасан
29	д	415	Самарканд	падша	Тонга-хан, илиг Абу-л-Хасан
30	ф	415	то же	хан	илиг
31	д	415	Тункет	нет	Насир ал-Хакк, илиг ал-адил Али б.ал-Хасан
32	д	415	Ходженд	нет	Тонган-хан, Баха ад-Даула илиг
33	ф	415	то же	нет	Тонган-хан, илиг/Синан ад-Даула Сахиб ал-Джайш Абу-л-Фаварис Бегтузун
34	д	415	Шаш	илиг, Рази	ал-малик ал-адил Тоган-хан
35	д	415	то же	падшах	ал-малик хан, ал-амир ал-адил илиг
36	д	415	то же	Баха ад-Даула	то же
37	д	415	то же	Йаздади	то же
38	д	415	то же	нет	то же
39	д	415	то же	нет	Насир ал-Хакк, илиг ал-адил Али б.ал-Хасан
40	д	415	то же	Баха ад-Даула	то же
41	д	415	то же	Йаздади	то же
42	д	415	то же	то же	Насир ал-Хакк, илиг ал-адил Баха ад-Даула
43	д	415	то же	нет	то же
44	д	416	Бухара	илиг, илиг	Тоган-хан, Аби-л-Музаффар малик
45	д	416	то же	[Али] б.Хасан илиг	Тоган-хан, Абу-л-Музаффар илиг
46	ф	416	то же	илиг, илиг	илиг
47	ф	416	Кушани	то же	то же
48	ф	416	Согд	Тонга-хан Мухаммад б.ал-Хасан	хан Малик ал-Машрик
49	ф	416	то же	Малик ал-Машрик Тонга-хан Мухаммад б.ал-Хасан	то же
50	д	416	Шаш	илиг, Рази	ал-малик ал-адил Тоган-хан
51	д	416	то же	Баха ад-Даула	ал-малик ал-адил Тоган-хан, илиг
52	д	416	то же	нет	то же
53	д	416	то же	нет	ал-малик Тоган-хан, илиг
54	д	416	то же	илиг, Рази	то же
55	д	417	Ахсикет	Мунизз ад-Даула	ал-малик Тонган-хан, илиг
56	ф	417	Бухара	илиг	илиг
57	ф	417	то же	илиг, тегин	малик

58	ф	417	Кермине	падша	Инанч Кокуз (?)
59	д	418	Ахсикет	Муизз ад-Даула	малик Тонга-хан, илиг
60	ф	418	Бухара	илиг, тегин	малик
61	ф	418	то же	нет	Йусуф б.Али
62	ф	418	Кеш	Малик ал-Машрик	Арслан-илиг
63	ф	418	то же	Йусуф Йаган-тегин	хан Малик ал-Машрик
64	ф	418	Согд	Йаган (?) - тегин	Кадыр-хан Малик ал-Машрик
65	ф	419	Бухара	нет	илиг
66	ф	419	то же	нет	Йусуф б.Али
67	ф	419	Иштихан	Насир ал-Хакк ва-д-Дин	Матик ал-Машрик ва-с-Син
68	ф	419	то же	Арслан-илиг	Кылыч-ога
69	ф	419	Кермине	Сайф	Йабгу Сайф ад-Даула
70	ф	419	Самарканд	хан Малик ал-Машрик	Арслан-тегин
71	ф	419	то же	Арслан	илиг
72	ф	419	Согд	то же	то же
73	ф	420	Бухара	нет	илиг
74	ф	420	Иштихан	Арслан-илиг	Кылыч-ога
75	ф	420	Кермине	Баха(?) ад-Даула Джабраил б.Мухаммад	?
76	ф	420	то же	илиг	падша
77	ф	420	Самарканд	падша адил	илиг
78	ф	420	то же	Арслан-илиг	малик
79	ф	421	Бухара	илиг	тархан
80	ф	421	то же	нет	илиг/Шамс ад-Даула Арслан-тегин
81	ф	421	Иштихан	малик Арслан-илиг	Кылыч-ога илиг
82	ф	421	Самарканд	Арслан-илиг	матик
83	ф	421	то же	падша илиг	то же
84	ф	421	то же	Арслан	илиг
85	ф	421	Согд	илиг	Кылыч-ога падша
86	ф	421	то же	то же	таркан падша/ал-малик ал-музаффар Абу-л-Хасан Али б.ал-Хасан маула амир ал-муминин
87	ф	421 (?)	то же	нет	таркан/ал-малик ал-музаффар Али б.ал-Хасан маула амир ал-муминин
88	ф	422	Бухара	Шамс ад-Даула Арслан-тегин	илиг
89	ф	422	то же	нет	то же
90	ф	422	то же	нет	Йусуф б.Али
91	ф	422	Согд	ал-малик ал-музаффар илиг	падша
92	ф	423	Бухара	нет	илиг/Шамс ад-Даула Арслан-тегин
93	ф	423	то же	Арслан-тегин	Шамс ад-Даула
94	ф	423	то же	то же	Арслан-тегин

95	ф	423	Самарканд	илиг	таркан
96	ф	423	то же	нет	илиг/ал-амир ас-сайид ал-малик ал-музаффар...
97	ф	423	Согд	нет	Арслан-илиг/ал-амир ас-сайид ал-малик ал-музаффар...
98	ф	423	то же	малик	илиг
99	ф	423	Уструшана	Самсам ад-Даула Йагантегин	малик ал-адил илиг/ал-амир Али б.ал-Хасан маула амир ал-муминин
100	д	423	Хутлуг Орду	Али б.ал-Хасан/хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла ва Уддат ад-Дин	Табгач Бугра кара-хакан Али
101	ф	424	Бухара	Тамгач-хан	Тамгач-хан
102	ф	424	то же	Шамс ад-Даула	Тафгач-хан
103	ф	424	то же	Тафгач-хан	Арслан-тегин
104	ф	424	то же	ад-Даула	Тафгач-хан, Шамс
105	ф	424	Дабусия	нет	ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла Табгач Бугра кара-хакан
106	ф	424	Иштихан	Субаши-ога	Табгач Бугра-хан/ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла
107	ф	424	Согд	Тафгач	Бугра-кара-хакан/ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла
108	д	424	Кутлуг Орду ад-Дабусия	Али/ал-хан ал-аджалл ас-сайид Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла ва Уддат ад-Дин Тафгач Бугра кара-хакан	Исмаил б.Махмуд
109	д	424	Хутлуг Орду	Али б.ал-Хасан/хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла ва Уддат ад-Дин	Табгач Бугра кара-хакан Али
110	д	424	то же	то же	Табгач Бугра кара-хакан Али б. ал-Хасан
111	ф	424	Самарканд	Кутб ад-Даула Тафгач Бугра-хан	ал-хан ал-аджалл ас-сайид ал-малик ал-музаффар маула амир ал-муминин
112	ф	424	то же	хан	Тафгач Бугра-хакан/ал-хан ал-аджалл ас-сайид ал-малик ал-музаффар Кутб ад-Даула
113	ф	424	то же	Бугра/хан	Тамгач Бугра-хан/ал-хан ал-аджалл ас-сайид ал-малик ал-музаффар Кутб ад-Даула
114	ф	425	Бухара	ад-Даула	Тафгач-хан, Шамс
115	ф	425	то же	Шамс ад-	то же

				Даула	
116	ф	425	то же	то же	Табгач-хан
117	ф	425	то же	то же	Табгач-хан, Арслан-тегин Шамс
118	ф	425	Дабусия	нет	Али б. ал-Хасан/ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла Табгач Бугра кара-хакан
119	ф	425	то же	нет	кара-хакан/ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла Табгач Бугра
120	ф	425	то же	Сахл	Табгач-хан Али б.ал-Хасан
121	ф	425	то же	нет	Тафгач-хан Али б.ал-Хасан
122	ф	425	Иштихан	Субаши-ога	Табгач Бугра кара-хакан
123	ф	425	Самарканд	нет	Табгач Бугра-хан/хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср...
124	ф	425	то же	хан ал-аджалл	Тафгач Бугра-хакан/хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла хан
125	ф	425	то же	то же	Тафгач Бугра-хакан/ал-малик ас-сайид ал-музаффар Кутб ад-Даула хан
126	ф	425	то же	нет	Табгач-хан
127	ф	425	то же	Тафгач	хан
128	ф	425	то же	Табгач/ал-хан ал-аджалл ас-сайид ал-малик ал-музаффар Кутб ад-Даула	хан
129	ф	425 (?)	Ходженд	Али б.ал-Хасан	Табгач-хан/ал-амир ал-джалил (?)...
130	д	425	Хутлуг Орду	Сахл	Табгач Бугра кара-хакан Али б.ал-Хасан
131	д	425	то же	Али	то же
132	д	425	то же	то же	Табгач Бугра кара-хакан Али
133	ф	425	то же	ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла...	ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла Табгач-хан
134	ф	425	то же	... Кутб ал-Даула ва Наср ал-Милла	Тафгач-хан Али б.ал-Хасан / ... ад-Даула ва Наср ал-Милла Бугра-хан
135	ф	425	то же	Али б.Мухаммад ал-мутавали	Бугра кара-хакан Али б.ал-Хасан/ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула Наср ал-Милла Табгач Бугра
136	ф	426	Бухара	Шамс ад-Даула	Табгач Бугра кара-хакан
137	ф	426	то же	ад-Даула	Тафгач-хан/Шамс
138	ф	426	то же	Шамс ад-Даула	Арслан-тегин
139	д	426	Самарканд	Сахл	Табгач Бугра кара-хакан ...
140	ф	426	то же	нет	Бугра кара-хакан/ал-хан ал-аджалл Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла Табгач
141	ф	426 (?)	Соғд	хан	ал-хан ал-аджалл ас-сайид ал-музаффар маула амир ал-муминин
142	д	426	Хутлуг Орду	Сахл	Табгач Бугра кара-хакан Али б.ал-Хасан

143	ф	б.г.	Самарканд	нет	хан/ал-малик ал-музаффар Кутб ад-Даула ва Наср ал-Милла
144	ф	б.г.	б.м.	нет	Тамгач-хан Шамс ад-Даула Арслан

Правителем некараханидского присождения бал также Синан ад-Даула Абу-л-Фаварис Бегтузун (фельсы Ходженда 415/1024-25 г.), бывший саманидский сановник и военачальник, поступивший на службу к Караханидам (29). Судя по всему, не принадлежал к числу последних и Исмаил б.Махмуд (дирхемы Кутлуг Орду-ад-Дабусии 424/1032-33 г.), возможно, тождественный Исмаилу Хандану, владельцу Хорезма (об этом ниже). Явно не были Караханидами ал-Баззас (?), ал-Ираки, Рази, Йаздади, Сахл, Али б.Мухаммад ал-мутавалли. Все они упомянуты на лицевой стороне монет, менее почетной, скорее всего были связаны с монетным производством и не являлись правителями (30), почему и не включены в таблицу 2.

Теперь, когда надежно установлена принадлежность подавляющего большинства элементов титулатуры и имен, помещенных на монетах 410-426/1019-1034 гг., можно приступить к сопоставлению нумизматических данных с показаниями рукописных источников. Как явствует из этих данных, бесспорные упоминания Али б.ал-Хасана (Али-тегина) на монетах до 411/1020-1034 гг. не известны, они приходятся на 411-426/1020-1034 гг., когда были ежегодными. Совершенно очевидно, что О.Прицак был абсолютно прав, датировав захват Али-тегином Бухары 411/1020-21 г. В это время главою династии являлся Арслан-хан Мансур б.Али, чья верховная власть, в том числе на официальном уровне, в монетных надписях, признавалась во всех среднеазиатских владениях Караханидов. Арслан-илиг Мухаммад б.Али, брат Мансура, был вторым лицом в среднеазиатской части каганата и владел огромным уделом, включавшим в числе прочего всю долину Зарафшана. Восточный Туркестан принадлежал представителю другой ветви династии, Кадыр-хану Йусуфу б.Харуну/ал-Хасану, брату Али-тегина. О захвате последним Бухары у Ибн ал-Асира имеется сообщение, которое в переводе И.Н.Леманова выглядит так: «Али-тегин находился в заключении у Арслан-хана, брата Илек-хана. Он бежал, прибыл в Бухару, завладел ею, вошел в соглашение с Арсланом б.Сельджуком, они оба отложились (от Караханидов), и дело их укрепилось. Против них выступил Илек, брат Арслан-хана, и вступил с ними в бой, но те разбили его и

остались в Бухаре» (31). По мнению О.Прицака, Али-тегин овладел Бухарой с помощью Исраила (Арслана) б.Сельджука, а значит, соглашение между ними было заключено не позже 411/1020-1021 г. Между тем, в рассказе Ибн ал-Асира порядок событий иной: Али-тегин захватил Бухару, вступил в союз с Арсланом, потом они «отложились». Сама логика событий позволяет считать равно вероятными оба варианта последовательности событий: Али-тегин мог захватить Бухару как самостоятельно, до заключения соглашения, так и вместе с Арсланом (Исраилом). Но поскольку имеется единственное свидетельство, достоверность которого проверить нечем, в вопросе о порядке событий правильнее следовать Ибн ал-Асиру. В таком случае союз с Арсланом мог быть заключен и после 411/1020-1021 г. Нумизматические материалы и здесь вносят ясность. Имеются в виду дирхемы Бухары 411/1020-1-21 г. с упоминанием Кадыр-хана, владельца Восточного Туркестана, и Йаган-тегина, т.е. Али б.ал-Хасана. Выпуском таких монет Али официально отказался признавать себя вассалом Арслан-хана Мансура б.Али и объявил своим сюзереном Кадыр-хана Йусуфа. Так отразился в монетных надписях тот акт, который Ибн ал-Асир определил словом «отложились», имея в виду, что Али-тегин с Исраилом отложились от Арслан-хана (соответственно отпадает толкование И.Н.Леманова: отложились от Караханидов).

Если на бухарских монетах 410/1019-1020 и отчасти 411/1020-1021 г. кроме Арслан-хана (Мансура б.Али) фигурирует также илиг (Мухаммад б.Али), то с момента появления на монетах Бухары титулатуры Али б.ал-Хасана упоминания на них илига исчезают. Это значит, что Али лишил Мухаммада прав на Бухарский оазис и, соответственно, доходов с этой богатой области, чем, очевидно, и был вызван упомянутый у Ибн ал-Асира поход илига, закончившийся его поражением. Видимо, именно поход Мухаммада б.Али вынудил Али б.ал-Хасана пойти на компромисс с противной стороной, точнее, с братом илига, Мансуром. Примирение означало, в частности, признание сюзеренных прав последнего, что выразилось в выпуске в Бухаре в 411-415/1020-1024 гг. дирхемов титулом Арслан-хан. Если же

причинах компромисса справедливо, то и победа союзников над илигом имела место в 411/1020-1021 г.

По мнению М.Н.Федорова, после захвата Бухары Али овладел также Кушанией (монеты 413/1022-1023 г.) и Самаркандом (монеты 414/1023-1024 г.) (32). С Кушанией (городом в Самаркандском Согде) - явное недоразумение: на фельсах Кушани 413/1022-1023 г. фигурируют только Арслан-хан и Ахмад б.ал-Хасан. Сложнее второй случай. М.Н.Федоров имеет в виду фельс, который, судя по публикации Ф.Соре, бит в Самарканде в 414/1023-1024 г. и несет лакаб Баха ад-Даула и титул Арслан-илиг (33). Однако в упомянутом Койчилитепинском кладе, содержащем почти две тысячи самаркандских фельсов 400-415/1009-1025 гг., подобных монет нет. Да такой фельс и невозможен: в 414/1023-1024 г. Баха ад-Даула Али б.ал-Хасан еще носил титул Йанга/Йаган-тегин, Арслан-илигом же он стал в 415/1024-1025 г. Остается признать, что в описание Ф.Соре вкралась ошибка, а значит, Самаркандом Али в ту пору не владел.

Судя по фельсам 412/1021-1022 г., Самарканд тогда определенно принадлежал брату Али б.ал-Хасана-Мухаммаду. Последний владел этим городом еще в 401-404/1010-1014 гг., но затем его упоминания исчезают с самаркандских монет вплоть до 412/1012-1022 г. Не назван он и на фельсах Согда 411-412/1020-1022 гг. Возможно, вернуть Самарканд ему удалось именно в 412/1021-22 г. Очень показательно, что если на дирхемах, битых в 410/1019-20 г. в Самарканде и Мадинат ал-Махфуза (т.е. том же Самарканде), и на фельсах, выпущенных в 411/1020-21 г. в Иштихане, одном из городов Самаркандского Согда, фигурирует Мухаммад б.Али, то на самаркандских фельсах 412/1021-22 г. (с титулатурой Мухаммада б.ал-Хасана) он уже не назван. По аналогии с ситуацией в Бухаре 411/1020-21 г. можно предположить, что Мухаммад б.ал-Хасан захватил Самарканд силой, причем не без помощи укрепившегося в Бухарском оазисе брата. Судя по титулатуре братьев (Мухаммад-Йинал-тегин, Али-Йаган-тегин), старший из них, Мухаммад, соответственно занимал и более высокую степень в иерархии. И его старшинство, приоритет Али официально признавал, о чем свидетельствуют некоторые бухарские дирхемы 413/1022-23 г., на которых упомянут, помимо Арслан-хана, Мухаммад б.ал-Хасан и не обозначен непосредственный владетель Бухары, Али. Семейное единство проявилось, похоже, и в появлении в Самаркандском

Согде третьего брата, Ахмада б.ал-Хасана, чеканившего фельсы в Кушани в 413-414/1022-24 гг. Каковы бы ни были пути проникновения в Самаркандский Согд Ахмада и Мухаммада, ясно одно: к 413/1022-1023 г. в руках Али б.ал-Хасана и его двух братьев оказалась вся долина Зарафшана, т.е. наиболее развитая в экономическом отношении часть Караханидского каганата.

Очевидно, это важнейшее обстоятельство во многом способствовало тем успехам, которых добились Али и Мухаммад в междоусобной борьбе, начавшейся в 415/1024 г. после смерти Арслан-хана Мансура. Мухаммад утвердился на баласагунском престоле и принял ханский титул (стал Тоган/Тонга-ханом), Али тоже поднялся на несколько ступеней в официальной иерархии, став Арслан-илигом. Верховная власть Мухаммада б.ал-Хасана была признана во всех среднеазиатских владениях Караханидов, но и Али намного увеличил свой удел. Если до 415/1024-1025 г. этот удел ограничивался Бухарским оазисом, то теперь включил Самарканд, Илак, Шаш и Ходженд.

Успехи Мухаммада и Али оказались непрочными: вторжение Махмуда Газнави и Кадыр-хана Йусуфа временно лишило их почти всех владений. Али вообще потерял все, но вскоре же после ухода Махмуда вернул Бухару. Не ясно лишь, случилось ли это в 417/1026-27 или еще в 416/1025-26 г., т.е. сразу же после вывода газнавидских войск (невозможно определить, выпущены ли бухарские монеты Али б.ал-Хасана 416/1025-26 г. до вторжения врагов или позже). В любом случае, нумизматические данные не оставляют сомнений в том, что в 417-426/1026-34 гг. Али прочно владел Бухарским оазисом.

На ахсикетских дирхемах 417-418/1026-28 гг. фигурируют Тонга-хан (Мухаммад б.ал-Хасан), илиг (Али б.ал-Хасан) и Муизз ад-Даула (Аббас б.Мухаммад б.Наср). Ахсикет входил в состав владений Тонга-хана еще в 415/1024-25 г., затем перешел к Кадыр-хану (монеты 416-417/1025-27 гг.) (34), потом опять вернулся под власть Тонга-хана и оставался, похоже, последним его оплотом. Али б.ал-Хасан, в 417-418/1026-28 гг. сидевший в Бухаре и определенно не владевший Самаркандом, не мог реально распространять свою власть на северную Фергану. Остается предположить, что Мухаммад б.ал-Хасан, потеряв почти все в борьбе с Кадыр-ханом Йусуфом, пытался добиться помощи от своего брата Али пожалованием ему неких прав и

Ахсикет. Однако едва ли у того имелась возможность реализовать эти права.

Как бы там ни было, реальные владения Али б.ал-Хасана недолго ограничивались Бухарским оазисом. Уже в 418/1027-28 г. Али выпускал фельсы в Кеше, а поскольку ни до, ни после этой даты он там монету не чеканил, есть все основания заключить: эти фельсы являют собой победную эмиссию, призванную

на официальном, монетном уровне зафиксировать важный факт овладения Кешем. В 418/1027-28 г. Али б.ал-Хасан еще не владел Самаркандом, а значит, достичь Кеша он мог только через Несеф. Следовательно, в 418/1027-28 г. ему принадлежал весь бассейн Кашкадарьи (35).

Табл. 2. Лица, фигурирующие на монетах, включенных в табл. 1.

№№ п.п.	Дата г.х.	Место выпуска	Эмитенты
1	410	Бухара	Мансур б.Али, Мухаммад б.Али
2	410	Самарканд	то же
3	410	Мадинаг ал-Махфуза	то же
4	411	Бухара	то же
5	411	то же	Йусуф б.Харун (ал-Хасан), Али б.ал-Хасан
6	411	то же	Мансур б.Али, Али б. ал-Хасан
7	411	Иштихан	Мухаммад б.Али
8	411	Согд	Мансур б.Али
9	412	Бухара	Мансур б.Али, Али б. Ал-Хасан
10	412	то же	Али б. ал-Хасан
11	412	Самарканд	Мансур б.Али, Мухаммад б. ал-Хасан
12	412	Согд	Мансур б.Али
13	413	Бухара	Мансур б.Али, Мухаммад б. ал-Хасан
14	413	то же	Мансур б. Али, Али б. ал-Хасан
15	413	то же	то же
16	413	то же	Али б. ал-Хасан
17	413	то же	Мансур б. Али, Али б. ал-Хасан
18	413	Кушани	Мансур б. Али, Ахмад б. ал-Хасан
19	414	Бухара	Мансур б.Али, Али б.ал-Хасан
20	414	то же	Али б.ал-Хасан
21	414	Кушани	Мансур б.Али, Ахмад б. ал-Хасан
22	415	Бухара	Мансур б. Али, Али б. ал-Хасан
23	415	то же	Али б.ал-Хасан
24	415	то же	Мансур б.Али, Али б. ал-Хасан
25	415	то же	Мухаммад б.ал-Хасан, Али б. ал-Хасан
26	415	Кермине	Муса б.Сельджук
27	415	Кушани	Али б.ал-Хасан
28	415	то же	то же
29	415	Самарканд	Мухаммад б.ал-Хасан, Али б.ал-Хасан
30	415	то же	то же
31	415	Тункет	то же
32	415	Ходженд	Мухаммад б.ал-Хасан, Али б.ал-Хасан
33	415	то же	Мухаммад б. ал-Хасан, Али б.ал-Хасан, Бегтузун
34	415	Шаш	Мухаммад б.ал-Хасан, Али б.ал-Хасан
35	415	то же	то же
36	415	то же	то же
37	415	то же	то же
38	415	то же	то же
39	415	то же	то же
40	415	то же	то же
41	415	то же	то же
42	415	то же	то же

43	415	то же	то же
44	416	Бухара	то же
45	416	то же	то же
46	416	то же	Али б. ал-Хасан
47	416	Кушани	то же
48	416	Согд	Мухаммад б. ал-Хасан
49	416	то же	то же
50	416	Шаш	Мухаммад б. ал-Хасан, Али б. ал-Хасан
51	416	то же	то же
52	416	то же	то же
53	416	то же	то же
54	416	то же	то же
55	417	Ахсикет	Мухаммад б. ал-Хасан, Али б. ал-Хасан, Аббас б. Мухаммад б. Наср
56	417	Бухара	Али б. ал-Хасан
57	417	то же	Али б. ал-Хасан, Йусуф б. Али
58	417	Кермине	Муса б. Сельджук (?)
59	418	Ахсикет	Мухаммад б. ал-Хасан, Али б. ал-Хасан, Аббас б. Мухаммад б. Наср
60	418	Бухара	Али б. ал-Хасан, Йусуф б. Али
61	418	то же	Йусуф б. Али
62	418	Кеш	Мухаммад б. ал-Хасан, Али б. ал-Хасан
63	418	Согд	Йусуф б. Харун, Йусуф б. Мансур
64	418	то же	то же
65	419	Бухара	Али б. ал-Хасан
66	419	то же	Йусуф б. Али
67	419	Иштихан	Йусуф б. Харун
68	419	то же	Али б. ал-Хасан
69	419	Кермине	Муса б. Сельджук, Ибрахим Йинал (?)
70	419	Самарканд	Йусуф б. Харун, Сулайман б. Харун
71	419	то же	Али б. ал-Хасан
72	419	Согд	то же
73	420	Бухара	то же
74	420	Иштихан	то же
75	420	Кермине	Джабраил б. Мухаммад (б. Сельджук ?)
76	420	то же	Али б. ал-Хасан
77	420	Самарканд	то же
78	420	то же	то же
79	421	Бухара	то же
80	421	то же	Али б. ал-Хасан, Йусуф б. Али
81	421	Иштихан	Али б. ал-Хасан
82	421	Самарканд	то же
83	421	то же	то же
84	421	то же	то же
85	421	Согд	то же
86	421	то же	то же
87	421	то же	то же
	(?)		
88	422	Бухара	Али б. ал-Хасан, Йусуф б. Али
89	422	то же	Али б. ал-Хасан
90	422	то же	Йусуф б. Али
91	422	Согд	Али б. ал-Хасан
92	423	Бухара	Али б. ал-Хасан, Йусуф б. Али
93	423	то же	Йусуф б. Али
94	423	то же	то же

95	423	Самарканд	Али б.ал-Хасан
96	423	то же	то же
97	423	Согд	то же
98	423	то же	то же
99	423	Уструшана	Али б.ал-Хасан, Йусуф б.Мансур б.Али
100	423	Хутлуг Орду	Али б.ал-Хасан
101	424	Бухара	то же
102	424	то же	Али б.ал-Хасан, Йусуф б.Али
103	424	то же	то же
104	424	то же	то же
105	424	Дабусия	Али б.ал-Хасан
106	424	Иштихан	Али б.ал-Хасан, Субаши-ога (=Харун б.Али ?)
107	424	Согд	Али б.ал-Хасан
108	424	Кутлуг Орду ад-Дабусия	Али б.ал-Хасан, Исмаил б.Махмуд
109	424	Хутлуг Орду	Али б.ал-Хасан
110	424	то же	то же
111	424	Самарканд	то же
112	424	то же	то же
113	424	то же	то же
114	425	Бухара	Али б.ал-Хасан, Йусуф б.Али
115	425	то же	то же
116	425	то же	то же
117	425	то же	то же
118	425	Дабусия	Али б.ал-Хасан
119	425	то же	то же
120	425	то же	то же
121	425	то же	то же
122	425	Иштихан	Али б.ал-Хасан, Субаши-ога
123	425	Самарканд	Али б.ал-Хасан
124	425	то же	то же
125	425	то же	то же
126	425	то же	то же
127	425	то же	то же
128	425	то же	то же
129	425	Ходженд	то же
	(?)		
130	425	Хутлуг Орду	то же
131	425	то же	то же
132	425	то же	то же
133	425	то же	то же
134	425	Хутлуг Орду	Али б. ал-Хасан
135	425	то же	то же
136	426	Бухара	Али б.ал-Хасан, Йусуф б. Али
137	426	то же	то же
138	426	то же	Йусуф б. Али
139	426	Самарканд	Али б. ал-Хасан
140	426	то же	то же
141	426	Согд	то же
142	426	Хутлуг Орду	то же
143	б.г.	Самарканд	то же
144	б.г.	б.м.	Али б.ал-Хасан, Йусуф б.Али

Судя по монетам, до 419/1028 г. включительно Самаркандский Согд обивается

в руках Кадыр-хана Йусуфа, но в том же году перешел к Али б.ал-Х.

результатом пожалования на определенных условиях: на самаркандских фельсах 420-421/1029-1030 гг. с титулатурой Али стоит слово «фатх» («победа»), показывающее, что Самарканд был им завоеван, захвачен силой. Не случайно и то, что именно с 419/1028 г. Али б.ал-Хасан стал именоваться в монетных легендах «царем победоносным» («ал-малик ал-музаффар»).

Насколько позволяют судить нумизматические данные, после 419/1028 г. ситуация в Караханидском каганате на несколько лет стабилизировалась - в том смысле, что борьба между Кадыр-ханом Йусуфом и Али, вероятно, прекратилась и были установлены границы между их владениями. Али оставался и теперь, как при Тоган-хане, илигом, т.е. не претендовал на ханское достоинство и признавал старшинство Йусуфа как главы династии, великого кагана. Вместе с тем от Али б.ал-Хасана не дошло монет 419-423/1028-1032 г. с упоминанием Кадыр-хана. Пока не сошел со сцены Тоган-хан Мухаммад б.ал-Хасан, Али выпускал и дирхемы, и фельсы, причем в надписях дирхемов (серебряных монет) признавал себя его вассалом. Когда же из монетных легенд исчезли упоминания Тоган-хана, прекратился и серебряный чекан Али б.ал-Хасана, возобновившись лишь в 423/1032 г., т.е. сразу же после смерти Кадыр-хана. Иными словами, Али на несколько лет отказался от выпуска дирхемов, но, конечно, не из-за отсутствия серебра: ведь хватало же его и прежде, и после. Складывается впечатление, что Али просто не желал открыто, официально признавать себя вассалом Кадыр-хана, а потому и не чеканил дирхемы, в легендах которых должен был бы упомянуть в качестве сюзерена своего врага, тогда как фельсы (медные монеты), обладавшие менее высоким статусом, он мог выпускать (и выпускал) совершенно самостоятельно, без всякого упоминания верховного государя.

Смерть Кадыр-хана Йусуфа привела на пост великого кагана его сына Арслан-хана Сулаймана и позволила Али б.ал-Хасану, поднявшемуся еще на одну ступень иерархической лестницы, достичь ханского сана и принять титул Табгач Бугра кара-хакан. Воспользовавшись переменами в высших эшелонах власти, он существенно раздвинул границы своего удела. Не позже 423/1031-32 г., а скорее всего именно в этом году Али овладел Уструшаной; очень вероятно, что одновременно он захватил и соседний Ходженд.

По мнению В.В.Бартольда, столицами Али-тегина были Самарканд и Бухара (36). Рукописные источники, прежде всего «История Масуда», действительно дают основания для такого вывода. Однако нумизматические материалы и здесь вносят коррективы. С тех пор как Али прочно овладел Самаркандским Согдом, т.е. с 419/1028 г., монеты регулярно чеканились и в Бухаре, и в Самарканде, но на большинстве бухарских фельсов в качестве непосредственного владельца Бухары фигурирует Йусуф б.Али (то вместе с отцом, то самостоятельно), на монетах же Самарканда, Согда, Иштихана, Дабусии и Хутлуг Орду упомянут Али и не назван Йусуф. Иначе говоря, в Бухаре Йусуф б.Али обладал весьма значительными правами (вплоть до самостоятельного медного чекана), в домонгольское же время было традиционным убеждение, что столичный город не может быть кому-либо пожалован (37). Следовательно, в 419-426/1028-1034 гг. именно Самарканд считался официальной столицей Али б.ал-Хасана. Очевидно, тот же статус сохранился за этим городом при его сыне и преемнике Йусуфе: не случайно Бури-тегин Ибрахим б.Наср, захватив в 431/1040 г. Самарканд, но еще не отвоевав у Йусуфа Бухару, провозгласил себя независимым государем (38). Следовательно, роль главного центра Мавераннахра перешла от Бухары, являвшейся при Саманидах стольным городом, к Самарканду не при Ибрахиме, а при Али б. ал-Хасане.

В свете всего сказанного трудно согласиться с О.Прицаком, когда основной резиденцией Али б. ал-Хасана он называет Бухару, а тем более «Карлукскую ставку» близ Бухары. Соответствующее название монетного двора специалисты читали по-разному, чаще всего - Карлуг Орду/Харлуг Орду/Харлук Орду. Но уже Б.Дорн предложил чтение Кутлуг Орду (39), которое и является правильным: как показала проделанная автором этих строк проверка нескольких десятков дирхемов и фельсов, название этого монетного двора передается в трех формах - Кутлуг Орду, Хутлуг Орду, Хутлук Орду, что означает «Счастливая ставка». На монетах 423-428/1032-1037 гг. так именовалась Дабусия, город Самаркандского Согда, расположенный по пути в Бухару. В 423/1032 г. близ Дабусии произошло сражение Али-тегина с газнавидским войском под командованием хорезмшаха Алтунташа. Битва не принесла решающего успеха ни одной из сторон, но Алтунташ поточил

рану и его рать вынуждена была отступить. Присвоение Дабусии именно в 423/1032 г. звания «Счастливой ставки» не оставляет сомнений в том, что караханидская сторона рассматривала это сражение как свой несомненный и большой успех. Иначе говоря, в надписях монет 423-428/1032-1037 гг. отразилась официальная караханидская точка зрения на дабусийскую битву 423/1032 г. (40).

По смерти Алтунташа власть в Хорезме перешла к его сыну Харуну, а после гибели последнего (в 425/1034 г.) - к другому сыну, Исмаилу Хандану (41). Мною уже высказывалось предположение о тождестве Исмаила б. Алтунташа и того Исмаила б. Махмуда, который фигурирует на дирхемах Кутлуг Орду-ад-Дабусии 424/1032-33 (42). При этом я исходил из следующих соображений. Имя Исмаила б. Махмуда стоит на монетах в весьма почетной позиции, в поле оборотной стороны, сразу после упоминания халифа, а значит, не может относиться к лицу, связанному с деятельностью дабусийского денежного двора или организацией монетного производства в масштабах всего удела Али б. ал-Хасана. Невозможно считать Исмаила и сюзереном Табгач-хана Али, так как, в соответствии с караханидскими традициями, Караханид, достигший ханского сана, в монетном чекане мог выступать только сюзереном, но не вассалом. Следовательно, Исмаил б. Махмуд-вассал Али б. ал-Хасана. По имеющимся данным, вассалами последнего являлись владельцы из числа Караханидов и Сельджукидов, но среди тогдашних представителей этих династий не известны ни Исмаил, ни Махмуд. Махмудом звали газнавидского султана, воевавшего с Али-тегином, однако сына по имени Исмаил он не имел. Из среднеазиатских современников Али, проявивших себя на политической арене, Исмаилом звали только сына того хорезмшаха, который наряду с тюркским антропонимом Алтунташ вполне мог носить мусульманское имя Махмуд. На первый взгляд, трудно представить, чтобы сын Алтунташа, потерявшего жизнь в войне с Али-тегином, мог принять от последнего пожалование уже на следующий год после гибели отца. Однако это обстоятельство не помешало Харуну б. Алтунташу в 425/1034 г. заключить союз с Али (43). Если же предлагаемая гипотеза верна, то компромисс между Али б. ал-Хасаном и сыновьями Алтунташа был достигнут еще в 424/1032-33 г., а мирные отношения между сторонами закрепились пожалованием Исмаилу Хандану

района Дабусии. Разумеется, это не означало, что Исмаил должен был непременно там и сидеть: оставаясь в Хорезме, он мог получить права на доходы с объекта пожалования.

Согласно Абу-л-Фадлу Байхаки, в дабусийской битве на стороне Али-тегина сражались туркмены во главе с «потомками Сельджука», которых Али постоянно старался привлечь «словом и серебром» и в которых до конца жизни видел опору своей власти (44). Имя его первого сельджукидского союзника известно - то был Исраил (Арслан) б. Сельджук, в рассказах же о последующих событиях у Байхаки обычно фигурируют анонимные потомки Сельджука. Монеты и здесь вносят определенную ясность. Как показывают кермининские фельсы 415/1024-25 г., Али б. ал-Хасан смог привлечь на свою сторону еще одного сына Сельджука, Мусу, пожаловав ему район Кермине, города, находившегося за пределами Бухарского оазиса, но административно подчинявшегося Бухаре. Судя по этому факту, Али действовал не только «словом и серебром», но и другими методами: пожалование Мусе Кермине, во-первых, предполагало право получать, частично или полностью, доходы с этого города и его округа, во-вторых, предусматривало престижную привилегию чеканить монету от своего имени. Насколько велика эта привилегия, видно хотя бы по тому, что из всех прочих вассалов Али б. ал-Хасана только его сыну и наследнику Йусуфу было дозволено (да и то не постоянно, а лишь время от времени) чеканить фельсы без упоминания сюзерена. Будучи жалованным владельцем, вассалом, Муса б. Сельдук был обязан нести военную службу своему сюзерену, Али б. ал-Хасану. Между тем, из сообщений рукописных источников о событиях 416/1025 г. видно, что Махмуд Газнави вел военные действия против Али-тегина и его союзника Исраила б. Сельджука, но ничего не говорится о Мусе. Трудно сказать наверняка, объясняется ли это молчание недостаточной осведомленностью средневековых авторов или тем, что Муса оказался ненадежным вассалом и уклонился от исполнения вассальных обязанностей. Более вероятно первое: после 416/1025 г. он определенно сохранил свои позиции в долине Зарафшана и выпускал в Кермине фельсы в 419/1028 и, возможно, 417/1026-27 г. Не исключено, что в 419/1028 г. права на свое владение он делил еще с одним Сельджукидом - своим племянником Ибрахимом Йиналом. По словам Фахр ад-Дина Рази, при Али-тегине во главе туркмен...

Мавераннахре, стояли Хасан б.Муса (здесь Хасан явно спутан с его отцом), Давуд (б.Микаил б.Сельджук) и Абу Талиб (Мухаммад б.Микаил б.Сельджук); похоже, монеты Кермине 419/1028 г. позволяют дополнить этот перечень Ибрахимом Йиналом. Наконец, кермининские фельсы 420/1029 г. биты неким Джабраилом б.Мухаммадом. Отсутствие при его имени караханидской титулатуры и предшествующий чекан Кермине с упоминанием Сельджукидов позволяют думать, что и он принадлежал к этой династии. Мухаммадом звали Тогрыл-бека,

сына Микаила б.Сельджука, но он родился в 385/995 г. (45) и едва ли мог иметь сына, который к 420/1029 г. достиг бы возраста, достаточного для того, чтобы реально выполнять обязанности, сопряженные с пожалованием за службу. Быть может, Джабраил был еще одним сыном Сельджука, чье мусульманское имя, к сожалению, не известно. Как бы там ни было, в том же 420/1029 г. в Кермине стали чеканить фельсы с титулатурой одного лишь Али б.ал-Хасана, а значит, не позже этой даты Сельджукиды были лишены прав на Кермине (46).

Табл. 3. Монетные дворы и даты в чекане Али б. ал-Хасана.

№№ п.п.	Место выпуска	Дата: г.х.																
		411	412	413	414	415	416	417	418	419	420	421	422	423	424	425	425 ?	426
1	Ахсикет							+	+									
2	Бухара	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+			+
3	Дабусия														+	+		
3 а	Кутлуг Орду ад-Дабусия														+			
3 б	Хутлуг Орду													+	+			
3 в	Хутлуг Орду																+	+
4	Иштихан									+	+	+			+	+		
5	Кермине										+							
6	Кеш									+								
7	Кушани					+	+											
8	Самарканд					+				+	+	+		+	+	+		+
9	Соغد									+		+	+	+	+			+
10	Тункет					+												
11	Уструшана													+				
12	Ходженд					+											+	
13	Шаш					+	+											

Эта дата заставляет вспомнить рассказ Ибн ал-Асира о том, как Али-тегин принял на службу Йусуфа б.Мусу б.Сельджука, а затем, когда тот отказался выступить против Тогрыл-бека Мухаммада и Чагры-бека Давуда, приказал убить его, после чего братья, мстя за Йусуфа, в 420/1029 г. нанесли Али-тегину поражение, в следующем же году сами были разбиты и покинули Мавераннахр (47). Этот рассказ во многом недостоверен и явно противоречит тому, что говорит о взаимоотношениях Али-тегина и Сельджукидов гораздо лучше осведомленный автор, современник событий Байхаки. И все же совпадение или близость дат позволяют предполагать, что около 420/1029 г. между

Али и Сельджукидами действительно имел место какой-то конфликт, в результате которого они и лишились Кермине. Если и так, то конфликт не был слишком продолжительным, и в 423/1032 г., к моменту сражения у Дабусии, Сельджукиды вновь служили Али б.ал-Хасану.

Безусловно неправ был В.В.Бартольд, когда предполагал, что поход газнавидского войска, завершившийся дабусийской битвой, вынудил Али-тегина сблизиться со своими родственниками и признать главенство сыновей Кадыр-хана Йусуфа, Арслан-хана Сулаймана и Бугра-хана Мухаммада, чьи упоминания стали помещать на монетах Мавераннахра (48). Как

Е.А.Давидович, В.В.Бартольд приписывал Бугра-хану Мухаммаду те монеты, на которых на самом деле фигурирует Табгач Бугра карахан, т.е. сам Али б.ал-Хасан (49). Что же касается титула Арслан-хан, то в каталоге А.К.Маркова (активно использовавшемся В.В.Бартольдом), в описании бухарского фельса 423/1031-1032 г. действительно приведен этот титул (50), но на самой монете стоит не «Арслан-хан», а «Арслан-тегин» (51).

Основываясь на данных Байхаки, В.В.Бартольд относил кончину Али-тегина к концу 425 или началу 426 г.х., т.е. к лету или осени 1034 г. (52). Между тем от Али б.ал-Хасана дошли монеты, битые в 426 г.х. в Бухаре (три «вида»), Самарканде (два «вида») и Хутлук Орду. Поскольку невозможно предположить совмещение разновременных штемпелей во всех этих случаях, приходится признать некоторые хронологические указания Байхаки ошибочными, а смерть Али б. ал-Хасана датировать началом 426/концом 1034 г.

С кончиной Али самаркандский престол перешел к его старшему сыну Йусуфу, который прежний титул Арслан-тегин сменил теперь на более высокий - Арслан-илиг. Его правление и его самостоятельный чекан охватывают 426-433/1034-42 гг. Этот чекан сведен в таблицу 4. Из элементов титулатуры, помещенной на монетах этих лет, обсуждения требуют только два - лакаб Фахр ад-Даула и титул Тоган/Тонга-хан. Исходя из надписей кешских дирхемов 431/1039-40 г. - Фахр ад-Даула Бури-тегин - О.Прицак приписал лакаб сюзерену Бури-тегина (Ибрахима б.Насра) (53), Е.А.Давидович - самому Ибрахиму (54). Такое взаиморасположение допускает оба решения. Однако всякие сомнения снимают легенды других дирхемов Кеша 431/1039-40 г.: на оборотной стороне стоит «Бури-тегин», на лицевой, т.е. «после» титула - «Фахр ад-Даула», а значит, этот лакаб не может относиться ни к сюзерену, ни к вассалу Ибрахима, но только к нему самому. Что касается титула Тоган/Тонга-хан, то О.Прицак заключил, что Тоган-хан, фигурирующий у Байхаки в рассказе о событиях 416/1025 г., тождествен тому Тоган-хану, которого Ибн ал-Асир упоминает под 435/1043-44 г. (55). М.Н.Федоров доводы О.Прицака счел «несостоятельными»: как сообщает в летописи 428 г.х. Байхаки, Тоган-хан, брат Али-тегина, задолго до того «пал», т.е., в интерпретации М.Н.Федорова, погиб (56). Однако в самом сочинении Байхаки стоит выражение, которое в данном контексте следует понимать не «погиб», а «потерял власть» (57). И

действительно, судя по отсутствию монет Тоган-хана 419-427/1028-36 гг., он на время утратил власть, но потом вновь вышел на политическую арену, причем на самаркандских дирхемах 429-430/1037-39 гг. опять появилось его имя с «отчеством» - Мухаммад б. ал-Хасан.

С учетом сделанных отождествлений составлена таблица 5, в которой поименно указаны все те, чьи имена и титулатура приведены в таблице 4. Из этих таблиц видно, что почти на всех монетах 426-428/1034-37 гг. фигурирует только Йусуф б.Али и лишь ходжендские дирхемы 428/1036-37 гг. биты Бури-тегином Ибрахимом б.Насром. По словам Байхаки, этот царевич, находившийся в плену у сыновей Али-тегина, сумел бежать и сперва направился в Фергану, но затем удалился на юг, в приамударьинские владения Газнавидов (58). Поскольку о побеге Бури-тегина сообщается в летописи 429/1037-38 г., этим годом М.Н.Федоров и датировал это событие (59). Между тем, у Гардизи рассказ о появлении Бури-тегина на политической арене помещен сразу же после повествования о событиях 428/1036-37 г. (60) Возможно, поэтому О.Прицак остановился на более ранней дате (61). Как показывают монеты, он был прав: ходжендские дирхемы 428/1036-37 г. биты Ибрахимом б.Насром. Очевидно, Ибрахим, который, по словам Байхаки, вырвался от сыновей Али-тегина с отрядом вооруженных всадников (62), смог с помощью этого отряда захватить одно из их окраинных владений. Впрочем, удержался он в Ходженде недолго: уже в 429/1037-38 г. он был в Узгенде, а в начале 430/осенью 1038 г. вторгся в Хутталан.

В это же время на монетах центрального Мавераннахра вновь появляются упоминания Тоган/Тонга-хана Мухаммада б.ал-Хасана, причем на одних монетах Бухары и Самарканда 429-430/1037-39 гг. фигурирует только он, на других - только Йусуф б.Али. Казалось бы, собственный бухарский и самаркандский чекан Тоган-хана следует рассматривать как недвусмысленное свидетельство того, что ему удалось на время отобрать у своих племянников центральный Мавераннахр или по крайней мере долину Зарафшана. Правда, рассказывая о событиях, происходивших в Мавераннахре в 429-430/1037-39 гг., Байхаки упоминает только сыновей Али-тегина и ничего не говорит о Тоган-хане, хотя последний был ему известен. Сам по себе факт умолчания как будто не опровергает такого истолкования чекана 429-430/1037-39 гг.: все же газнавиды

составлял летопись государства Газнавидов, а не Караханидов, и вовсе не обязан был освещать все происходящее у соседей. Все это так. В то же время из «Истории Масуда» совершенно очевидно, что газнавидское правительство самым пристальным образом следило за всеми событиями в Мавераннахре и даже держало там постоянных осведомителей. Это и понятно: от тамошней ситуации во многом зависела обстановка на северных рубежах державы Газнавидов и спокойствие пограничных ее областей. И представляется очень мало вероятным, чтобы утрата власти (даже временная) сыновьями Али-тегина, «неопытными юнцами», так раздражавшими Газнавидов, осталась бы незамеченной газнавидскими властями и незафиксированной газнавидским летописцем. Уж скорее следует предположить, что Йусуф

б.Али по каким-то причинам вынужден был или счел выгодным признать себя вассалом Мухаммада б.ал-Хасана. Ведь тот был родным братом и союзником его отца, а кроме того, как раз в 428/1036-37 или 429/1037-38 г. вновь появившись на политической арене и захватив Фергану, стал его непосредственным соседом. Наконец, сблизиться с дядей его могла побудить опасность в лице Ибрахима б.Насра. Как бы там ни было, Йусуф б.Али, вероятно, признавал в течение некоторого времени старшинство и сюзеренитет Мухаммада б.ал-Хасана, причем одни монеты отразили верхнюю, другие - нижнюю ступень этой двухступенчатой иерархии (сходным образом на более ранних бухарских фельсах фигурирует то Али, то Йусуф, то обозначены оба).

Табл. 4. Чекан Мавераннахра после смерти Али б. ал-Хасана

№№ п.п.	Наим.	Дата г.х.	Место выпуска	Л. ст.	Об. ст.
1	д	426	Самарканд	нет	ал-малик ал-музаффар Арслан-илиг Йусуф б.Али
2	д	427	Бухара	Йусуф	ал-Муаййид ал-Адл Арслан-илиг
3	ф	427	то же	илиг	Арслан-илиг Йусуф
4	ф	427	то же	Шамс ад-Даула	Арслан-илиг илиг
5	ф	427	то же	Арслан	то же
6	ф	427	Кутлуг Орду	Йусуф б.Али	илиг/ал-малик ал-музаффар Арслан
7	ф	427	Хутлуг Орду	то же	илиг/ал-малик ал-музаффар Арслан-илиг
8	ф	427	Самарканд	Арслан	илиг
9	ф	428	Бухара	нет	Арслан-илиг Йусуф
10	ф	428	то же	нет	Арслан-илиг
11	ф	428	то же	Арслан-илиг	Йусуф
12	д	428	Кутлуг Орду	нет	ал-малик ал-музаффар Арслан-илиг Йусуф б.Али
13	д	428	Мадина ал-Махфуза	нет	то же
14	д	428	Самарканд	нет	то же
15	ф	428	то же	падшах	Йусуф б.Али/ал-амир ал-аджалл ас-саййид ал-малик ал-музаффар Арслан
16	ф	428	то же	ал-малик ал-музаффар илиг	нет
17	д	428	Ходженд	Бури (?) - тегин	ал-амир аджалл саййид Фахр ад-Даула
18	д	429	Бухара	нет	ал-Муаййид ал-Адл Арслан-илиг Йусуф б.Али
19	ф	429	то же	Тоган-хан	нет

20	д	429	Кеш	нет	ал-малик ал-музаффар Арслан-илиг Йусуф б.Али
22	д	429	то же	нет	то же
21	д	429	Самарканд	нет	Фахр (?) ад-Даула Мухаммад б.ал-Хасан Тонга-хан
23	ф	429	то же	Арслан-илиг	ал-амир ас-сайид ал-малик ал-музаффар
24	ф	429	то же	то же	ал-амир ал-аджалл ас-сайид ал-малик ал-музаффар Йусуф
25	ф	429	то же	нет	Йусуф б.Али илиг
26	ф	429	то же	Арслан	илиг
27	ф	429	то же	Тонга-хан	нет
28	д	430	Бухара	нет	Тонга-хан
29	д	430	то же	нет	Тонга-хан хан
30	ф	430	то же	Тоган	хакан
31	ф	430	то же	Тоган	хан
32	ф	430	то же	Тоган	Тоган
33	ф	430	то же	нет	Арслан-илиг
34	ф	430	то же	нет	Арслан
35	ф	430	то же	Арслан-илиг	Йусуф
36	д	430	Самарканд	нет	Фахр (?) ад-Даула Мухаммад б.ал-Хасан Тонга-хан
37	ф	431	Бухара	Арслан	илиг
38	ф	431	то же	Шамс ад-Даула	илиг
39	ф	431	то же	то же	Йусуф
40	д	431	Кеш	Фахр ад-Даула	ал-амир ал-аджалл ас-сайид Бури-тегин
41	д	431	то же	нет	Фахр ад-Даула Бури-тегин
42	д	431	Самарканд	нет	то же
43	ф	432	Бухара	нет	Йусуф б.Али
44	д	432	то же	нет	Насир ал-Хакк Муайид ал-Адл хакан Ибрахим
45	ф	432	то же	Ибрахим	... Муайид ал-Адл хакан Ибрахим б.Наср
46	ф	433	то же	илиг Йусуф б.Али	нет
47	д	433	то же	нет	Тафгач Бугра кара-хакан Ибрахим б.Наср

Табл. 5. Лица, фигурирующие на монетах, включенных в табл. 4.

№№ п.п.	Дата х.г.	Место выпуска	Эмитенты
1	426	Самарканд	Йусуф б.Али б. ал-Хасан
2	427	Бухара	то же
3	427	то же	то же
4	427	то же	то же
5	427	то же	то же
6	427	Кутлуг Орду	то же
7	427	Хутлуг Орду	то же
8	427	Самарканд	то же
9	428	Бухара	то же
10	428	то же	то же

11	428	то же	то же
12	428	Кутлуг Орду	то же
13	428	Мадинат ал-Махфуза	то же
14	428	Самарканд	то же
15	428	то же	то же
16	428	то же	то же
17	428	Ходженд	Ибрахим б.Наср
18	429	Бухара	Йусуф б. Али
19	429	то же	Мухаммад б. ал-Хасан
20	429	Кеш	Йусуф б. Али
21	429	Самарканд	то же
22	429	то же	Мухаммад б. ал-Хасан
23	429	то же	Йусуф б. Али
24	429	то же	то же
25	429	то же	то же
26	429	то же	то же
27	429	то же	Мухаммад б. ал-Хасан
28	430	Бухара	то же
29	430	то же	то же
30	430	то же	то же
31	430	то же	то же
32	430	то же	то же
33	430	то же	то же
34	430	то же	то же
35	430	то же	то же
36	430	Самарканд	Мухаммад б. ал-Хасан
37	431	Бухара	Йусуф б. Али
38	431	то же	то же
39	431	то же	то же
40	431	Кеш	Ибрахим б. Наср
41	431	то же	то же
42	431	Самарканд	то же
43	432	Бухара	Йусуф б. Али
44	432	то же	Ибрахим б. Наср
45	432	то же	то же
46	433	то же	Йусуф б. Али
47	433	то же	Ибрахим б. Наср

Что угроза со стороны Ибрахима была весьма серьезной, стало очевидно уже в 430/1038-39 г., когда тот, овладев Чаганианом, повел решительную и успешную борьбу с сыновьями Али-тегина. В самом начале 431/осенью 1039 г. в Газну поступили сообщения о том, что Бури-тегин несколько раз разбил сыновей Али-тегина и близок к тому, чтобы отнять у них Мавераннахр (63). По мнению В.В.Бартольда, «эти известия были, очевидно, преувеличены» (64). Как показывают монеты, если и преувеличены, то ненамного. Так, в 431/1-39-40 г. Ибрахим чеканил дирхемы в Кеше и Самарканде, причем кешский чекан представлен четырьмя «видами» монет, самаркандский - двумя (65), т.е. по крайней мере Кешем, а скорее всего всем бассейном Кашкадарьи, он овладел явно

не в конце 431 г.х. Несмотря на столь серьезные его успехи, сыновья Али-тегина все же оставались значительной силой в рамадане (девятом месяце) 431/мае 1040 г., когда Сельджукиды оповестили о своей победе над Газнавицом Масудом и их, и Бури-тегина (66). Это - последнее письменное известие о сыновьях Али-тегина, нумизматические же данные однозначно свидетельствуют, что во всяком случае старший из них в 433/1041-42 г. был не только жив, но и продолжал противостоять Ибрахиму б.Насру. Наиболее упорной и длительной была борьба за Бухарский оазис. В 431/1039-40 и 432/1040-41 г. в Бухаре выпускал фельсы Йусуф б. Али, от 432/1040-41 г. дошли также дирхемы и фельсы Ибрахима, причем эта дата не вызывает сомнений. г

находится вместе с именем последнего на л.ст. монеты. Бухарский чекан 433/1041-42 г. представлен фельсами Йусуфа (имя и дата на одной стороне монетного кружка) и многообразными дирхемами и фельсами Ибрахима (67), продолжавшего чеканить здесь монету и все последующие годы. Таким образом, Ибрахим б.Наср смог овладеть Бухарой не сразу же после захвата Кеша и Самарканда, занятых в 431/1039-40 г., а только в 432/1040-41 г., затем потерял ее, а в

433/1041-42 г. завоевал окончательно. Насколько важен был для Ибрахима б. Насра этот успех в затянувшейся борьбе с сыновьями Али-тегина, видно уже из того, что в надписи бухарских дирхемов 433/1041-42 г. он включил две коранические цитаты с упоминанием «победы», воспринимая (или стараясь представить) окончательную победу над ними как достигнутую «с Божьей помощью».

Табл. 6. Монетные дворы и даты в чекане Йусуфа б. Али.

№№ п.п.	Место выпуска	дата: г.х.																
		417	418	419	420	421	422	423	424	425	426	427	428	429	430	431	432	433
1	Бухара	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Кеш													+				
3	Кутлуг Орду												+	+				
3а	Хутлуг Орду												+					
4	Самарканд											+	+	+	+			
4а	Мадина-т ал-Махфуза													+				

Как уже упоминалось, неудачи сыновей Али б.ал-Хасана в их походах на юг О.Прицак объяснял тем, что они, убив Йусуфа б.Мусу б.Сельджука, потеряли поддержку Сельджукидов. Между тем, Йусуф б.Муса, по Ибн ал-Асиру, был убит еще Али-тегином (см. выше), Сельджукиды же, согласно Байхаки, покинули Мавераннахр, не сумев поладить с сыновьями последнего (68). Их уход, очевидно, действительно ослабил сыновей Али и вполне мог способствовать их поражению в борьбе с Бури-тегином Ибрахимом, которому Сельджукиды, наоборот, помогали (69).

Мнение О.Прицака о дальнейшей судьбе сыновей Али б.ал-Хасана, будто бы нашедших пристанище у сыновей Кадыр-хана, основывается, судя по всему, на сообщении Ибн ал-Асира о том, как в 435/1043-44 гг. Арслан-хан разделил «страну» между родственниками, отдав одному брату, Бугра-хану, Тараз и Испиджаб, другому брату, Арслан-тегину, «многое из Страны тюрков», дяде, Тоган-хану, Фергану, Ибн Али-тегину - Бухару с Самаркандом, сам же удовольствовался Баласагуном и Кашгаром и повиненным своих родичей (70). Если понимать этот текст буквально, то, выходит, Арслан-хан и в 435/1043-44 г. мог распоряжаться судьбой всех караханидских владений, Ибрахима б.Насра не признавал вовсе, законным же владельцем Мавераннахра считал не его, а сына Али-тегина, т.е. Йусуфа б.Али. Между тем, еще

В.В.Бартольд подчеркнул, что «это свидетельство Ибн ал-Асира по меньшей мере не совсем точно», Арслан-хан «мог лишь санкционировать фактически происшедший раздел империи» (74). По мнению О.Прицака, раздел 435/1043-44 г. - своего рода анахронизм: еще в 429/1037-38 г. Ферганой владел Мухаммад б.Наср, к 433/1041-42 г. Мавераннахр принадлежал его брату Ибрахиму, а не сыну Али б.ал-Хасана; следовательно, потомки Бугра-хана Харуна/ал-Хасана, чувствуя угрозу со стороны сыновей Насра б.Али и желая поэтому уладить свои внутренние раздоры, собрались на конгресс, чтобы разделить «сферы влияния» (72). Но если потомки Харуна вполне осознали опасность со стороны Мухаммада и Ибрахима и даже съехались на «конгресс» для ее обсуждения, следовало бы ожидать в результате не просто разграничения «сфер влияния», но прежде всего реальных мер для борьбы с этой угрозой. Однако ни рукописные источники, ни монеты, битые около 435/1043-44 г., не сохранили никаких следов такой борьбы. Поэтому можно предложить следующее истолкование приведенного рассказа Ибн ал-Асира: Арслан-хан действительно узаконил существующее положение вещей, но не в 435/1043-44 г., а несколько раньше, около 430/1038-39 г., когда Тоган-хан уже владел Ферганой (72). О.Прицак не знает, а Йусуф б.Али...

в Мавераннахре. Таким образом, на самом деле сообщение Ибн ал-Асира скорее всего вообще не позволяет определить, где находился в 435/1043-44 г. Йусуф б.Али и оставался ли тогда в живых. Если же вторым сыном Али-тегина был тот Харун б.Али, который назван, в частности, на дирхемах Кубы и Маргинана 443/1051-52 г. (73), то он действительно, как и думал О.Прицак, перебрался к восточным Караханидам. Своими сюзеренами Харун признавал двоих из них, а именно племянников Али б.ал-Хасана - Арслан-тегина Ахмада б.Мухаммада б.ал-Хасана и Арслан-хана Сулаймана б.Йусуфа б.Харуна/ал-Хасана.

Итак, проследив, насколько это возможно, историю Али б.ал-Хасана и его сыновей, прежде всего нумизматическую, все сказанное выше можно суммировать следующим образом. До своего заточения Али был, возможно, владельцем Шаша (монеты 404/1013-14 и 410/1019-20 гг.). В 411/1020-21 г. он бежал из плена от Арслан-хана Мансура б.Али и, захватив Бухару, отложился от него, временно признав своим сюзереном Кадыр-хана Йусуфа б.Харуна/ал-Хасана, владельца Восточного Туркестана. В том же году Али в союзе с Израилом (Арсланом) б.Сельджуком разгромил выступившего против них илига Мухаммада б.Али, которому Бухара принадлежала прежде, а затем достиг компромисса с Мансуром б.Али и стал регулярно чеканить в Бухаре монеты (411-415/1020-25 гг.) с упоминанием Арслан-хана. Очевидно, усиление Али б.ал-Хасана позволило его брату Мухаммаду укрепиться в Самарканде (412/1021-22 г.), другому брату, Ахмаду - в Кушани (413-414/1022-24 гг.), а значит, в их руках оказался весь центральный Мавераннахр. Их семейное единство проявилось, в частности, в признании приоритета старшего из братьев, Мухаммада, который даже в чекане Бухары, всецело принадлежавшей Али б. ал-Хасану, иногда (дирхемы 413/1022-23 г.) упомянут вместо самого Али. В 415/1024-25 г., после смерти Арслан-хана, великим каганом был провозглашен Мухаммад б. ал-Хасан (Тоган/Тонга-хан), чья верховная власть была признана во всех среднеазиатских владениях Караханидов, тогда как Али, ставший Арслан-илигом, значительно увеличил свой удел за счет Самарканда, Уструшаны, Ходженда, Илака и Шаша. Вторжение в Мавераннахр в 416/1025 г. Кадыр-хана и его союзника Махмуда Газнави заставило Али б.ал-Хасана бежать в степь, но вскоре (в том же 416/1025-26 или 417/1026-27 г.) он сумел вернуть

Бухару, в 418/1027-28 г. - Кеш, т.е., очевидно, весь бассейн Кашкадарьи, в 419/1028 г. - Самарканд, не позже 423/1031-32 г. (или точно в этом году) Уструшану и (одновременно ?) Ходженд. В 423/1032 г. между Али и газнавидским войском во главе с хорезмшахом Алтунташем произошла битва у Дабусии, которая не имела решительного исхода, но завершилась отступлением и смертью хорезмшаха. Официальную караханидскую точку зрения на это сражение как на победоносное для Караханидов отразили только монеты, показывающие, что в том же году Дабусии было присвоено звание «Счастливой ставки» (Кутлуг Орду/Хутлуг Орду/Хутлук Орду). В 424/1032-33 г. часть прав на Дабусию была пожалована Исмаилу б.Махмуду, тождественному, возможно, сыну Алтунташа, Исмаилу Хандану. Из других некараханидских вассалов Али б.ал-Хасана на монетах (фельсы Кермине 415/1024-25, 417/1026-27 (?), 419/1028 гг.) фигурирует Йабгу Муса б.Сельджук, один из будущих создателей Сельджукидской империи; на кермининских фельсах 419/1028 г. упомянут, возможно, также его племянник Ибрахим Йиннал, на фельсах Кермине 420/1029 г. назван Джабраил б.Мухаммад, быть может, брат Мусы. Не позже последней даты Сельджукиды лишились Кермине (в результате конфликта с Али б. ал-Хасаном ?). На монетах Бухары 417-426/1026-34 гг. кроме Али упомянут его сын Арслан-тегин Йусуф, на самаркандских - только Али, а значит, именно Самарканд являлся его официальной столицей. Возможно, второму его сыну, Харуну/ал-Хасану (?), был пожалован Иштихан (фельсы 424-425/1032-34 гг. с титулом Субаши-ога). С кончиной Али б.ал-Хасана (426/1034 г.) самаркандский престол перешел в Йусуфу, который теперь стал титуловаться Арслан-илигом. Рассказывая о событиях 426-431/1034-40 гг., Байхаки постоянно говорит о сыновьях Али-тегина, но в тогдашнем чекане никаких следов второго из них не обнаруживается. В 428/1036-37 г. Бури-тегин Ибрахим б.Наср, находившийся у них в плену, сумел бежать, ненадолго захватил одно из окраинных владений, Ходженд, а затем удалился на юг. Не исключено, что новая опасность в лице Бури-тегина побудила братьев признать старшинство и сюзеренитет своего дяди Тоган-хана Мухаммада б.ал-Хасана (монеты Бухары и Самарканда 429-430/1037-39 гг.). Укрепившись в Саганиане, Ибрахим развернул решительную борьбу с сыновьями Али б.ал-Хасана. В 431/1039-40 г. он отнял у них Кеш и Самарканд. = 432/1040

41 г. занял Бухару, затем на короткий срок потерял ее, а в 433/1041-42 г. захватил прочно. Прекращение чекана Йусуфа б.Али (433/1041-42 г.) объясняется, возможно, его гибелью. Что же касается его брата, то, если он действительно носил имя Харун, он смог спастись и в 443/1051-52 г. владел Кубой и Маргинаном, т.е. южной Ферганой.

Как очевидно из рукописных источников, прежде всего из рассказов Байхаки, и Али б.ал-Хасан (особенно в конце правления), и Йусуф б.Али были достаточно суверенными государями, вели самостоятельную внешнюю политику, были признаны на международной арене. Именно Али положил начало обособлению центрального Мавераннахра: до него и Самарканд, и Бухара неоднократно переходили из рук в руки, но не передавались по наследству, тогда как Али оставил Мавераннахр своему сыну. Следует ли на этом основании считать, подобно К.Босворту, именно Али б.ал-Хасана и его сыновей первыми каганами Западнокараханидского каганата? Слов нет, Али был полным хозяином в своем владении, которое он не получил в качестве пожалования, но создал собственными усилиями. Тем не менее почти всю жизнь он оставался всего лишь одним из князей (сперва Йанга/Йаган-тегином, потом Арслан-илигом, т.е. первым из князей). Только незадолго до кончины, в 423/1031-32 г., он принял ханский титул (Табгач Бугра кара-хакан), но не по собственному произволу, не потому, что окончательно отложился от единого каганата, а потому, что смерть главы династии, Кадыр-хана (ум. в 423/1031-32 г.), позволила ему еще выше подняться по иерархической лестнице. Йусуф б.Али в 426/1034 г. унаследовал самарканд-

ский престол, но не ханский сан, до конца правления оставаясь Арслан-илигом. Следовательно, и Али, и Йусуф при всей своей самостоятельности продолжали считаться с господствовавшей тогда у Караханидов системой власти, с общекараханидской семейно-династической субординацией. Иными словами, и они, признавая принцип старшинства, не порвали окончательно с идеей формально единого каганата, а значит, и не могут считаться первыми главами Западного каганата. Еще меньше оснований включать в число последних второго сына Али б.ал-Хасана: после смерти Али он монету не чеканил, да и вообще не царствовал (по словам Байхаки, с кончиной Али-тегина «царство... утвердилось за его старшим сыном») (74). Совсем иное дело - Ибрахим б.Наср. Завоевав Самарканд, столицу Мавераннахра, этот князь, до того носивший титул Бури-тегин, принял царский титул Табгач кара-хакан; с тех пор не только самаркандский престол, но и царское достоинство надолго закрепились за его потомками. Тем самым Ибрахим нарушил три основополагающих принципа караханидской системы власти, ибо присвоил ханский сан вне всякой очереди, покончил с дуальной системой власти и сделал самаркандский престол наследственным (75).

Вывод однозначен: не Али б.ал-Хасан (как считает К.Босворт) и не Мухаммад б.Наср (как полагал О.Прицак), а именно Ибрахим б.Наср (как был убежден В.В.Бартольд и доказала Е.А.Давидович) явился создателем отдельного государства в Мавераннахре, т.е. Западного Караханидского каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. В русскоязычной литературе традиционно принято слово «илиг» передавать как «илек», каковой формы придерживается (именно в силу традиции) и автор этих строк, в том числе в статье (Kochnev Boris. Histoire de Ali Tegin, souverain qaraghanide de Boukhara (XIe siècle), vue a travers les monnaies // Cahiers d'Asie centrale. N 5-6. Tachkent-Aix-en-Provence, 1998, p. 19-36), существенно переработанный и расширенный вариант которой лег в основу той части предлагаемой вниманию читателя работы, что посвящена Али б. ал-Хасану. Однако правильной следует все же считать форму «илиг» (Бартольд В.В. Илек-ханы // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964, с. 520, примеч. 1 - со ссылкой на мнение О.Турана и П.Пельо).
2. Pritsak O. Karachanidische Streitfragen // Oriens. Vol. 3, N 2, Leiden, 1950, S. 210-219; id. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31/1. Berlin, 1953, S. 23-24.
3. Давидович Е.А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки, 1968, № 1, с. 67-76.
4. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. и примеч. П.А. Грязневича, М., 1971, с. 156.
5. Bosworth Cl. E. The New Islamic Dynasties: A chronological and genealogical manual. Edinburgh, 1996, p. 181.
6. В.В.Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I, М., 1963, с. 342-364; он же. Али-тегин // Соч. Т. II. Ч. 2, М., 1964, с. 491-492.
7. R.Vasmer. Zur Munzkunde der Qaraghaniden // Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin, XXXIII, Berlin, 1930, S. 95-98.
8. Pritsak. Karachanidische Streitfragen, S. 219-224; Die Karachaniden, S. 31-32, 34-37.
9. М.Н.Федоров. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI, М., 1974, с. 161-174.
10. Б.Д.Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 2 // История материальной культуры Узбекистана. Вып. Таш., 1979, с. 131-136.

11. М.Н.Федоров. Караханидская нумизматика как источник по истории Средней Азии конца X - начала XIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 1990, с. 11.
12. Ch.M. Fræhpn. *Recesio numorum muhammedanorum Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitani*. Petropoli, 1826, p. 129, N 27.
13. Изученный и опубликованный Х.М.Френом бухарский фельс 405/1014-1015 г. хранится в Санкт-Петербурге, в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (инв. № 3001). Поправки к чтению Х.М.Френа см. Б.Д.Кочнев. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 1) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 4. М., 1995, с. 230, № 382, с. 272.
14. Dorn V/ *Über die Münzen der Heke oder ehemaligen Chane von Turkistan* // *Melanges Asiatiques*. T. VIII. St.-Petersbourg, 1880, S. 720, N. 50.
15. Soret F. *Lettre a M.Dorn* // *Revue de la Numismatique Belge*, VI, 2e serie. Bruxelles, 1856, p. 31, N. 47.
16. Кочнев Б.Д., Атаходжаев А.Х. Два клада куфических монет из Узбекистана // *Бартольдовские чтения*. Год десятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993, с. 63.
17. Эта таблица основана преимущественно на указанной в примечании 13 работе (Кочнев Б.Д. Свод..., ч. 1, с. 241-258). Новых монет с именем /или титулатурой Али б. ал-Хасана выявлено сравнительно немного (Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (часть 3) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 2001, в печати).
18. Со времен Р.Фасмера этот лакаб принято читать Аду ад-Дин, но в первом слове определено отсутствует «ада», почему предпочтительнее чтение С.Албума - Удат ад-Дин (Album St. Price list N 110. Santa Rosa, California, 1994, p. 2, N 72). Кстати, дирхем, на котором С.Албум прочел данный лакаб, он датировал 420 г.х., но, судя по фотографии, дата - 423 г.х., во всяком случае, не раньше: носитель этого лакаба назван уже ханом.
19. Титулы тархан/таркан или илиг расположены на разных сторонах монет, но, возможно, они образуют сочетание тархан/таркан-илиг или илиг-таркан (подобно тому, как слова Арслан и илиг, иногда размещенные на разных сторонах фельсов, образуют титул Арслан-илиг). В этой связи стоит вспомнить рассказ Джувайни о том, как в 1130-х гг. карахытайский гурхан, взяв Баласагун, подчинил караханидского правителя и приказал именовать его не ханом, а илигом. Титул илиг сопровождается еще одним словом, которое в одних рукописях передано как «туркмен», в другом - «туркан» (В.В.Бартольд. Очерк истории туркменского народа // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963, с. 549). Д'Оссон принял второе чтение, понимая сочетание «илиг-туркан» как «глава тюрок» (С. d'Ohsson. *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz - Khan jusqu'a Timour bey ou Tamerlan*. T. I. La Haye et Amsterdam, 1834, p. 442), В.В. Бартольд (как и многие другие специалисты) предпочел первое, т.е. «Илиг-туркмен» (В.В.Бартольд. Туркестан ..., с. 397; он же. Очерк..., с. 549). В свете надписей на монетах Али б. ал-Хасана можно предположить третий вариант - илиг-таркан (слова «туркан» и «таркан» в арабской графике не различаются).
20. Атрибуцию монетной титулатуры рассматриваемого времени см. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты: источниковедческое и историческое исследование. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. М., 1993, с. 21-22.
21. Бартольд В.В. Туркестан ..., с. 331, 334.
22. Pritsak O. *Die Karachaniden*, S. 28.
23. Федоров М.Н. Политическая история..., с. 176.
24. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты ..., с. 22; он же. Свод ..., ч. 1, с. 251, № 705; Свод ..., ч. 3, № 759 а.
25. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // НЭ. Т. XIII. М., 1980, с. 50.
26. Кочнев Б.Д. Заметки ..., с. 120-122.
27. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов в конце X - начале XI в., с. 173-174.
28. Кочнев Б.Д. Начальный этап сельджукидской чеканки // *Монета: Международный нумизматический альманах*. Вып. 5. Вологда, 1998, с. 5-15.
29. Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 4 // *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 17. Таш., 1982, с. 152-158.
30. Кочнев Б.Д. Определение статуса, функций и происхождения лиц, упомянутых на караханидских монетах конца X-XI вв. // *Бартольдовские чтения*. Год десятый. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993, с. 61.
31. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.-Л., 1939, с. 366.
32. М.Н.Федоров. Караханидская нумизматика..., с. 11.
33. Soret F. *Lettre a M. Sawelief* // *Revue de la Numismatique Belge*, IV, 2e serie. Bruxelles, 1854, p. 33, N 44.
34. Кочнев Б.Д. Свод ..., ч. 1, с. 246-247, № 617, 618; с. 249, № 662, с. 250, № 672.
35. Кочнев Б.Д. Караханидские фельсы Кеша // *Согд в системе культурных связей Центральной Азии*. Тезисы докладов. Самарканд, 1999, с. 80-81.
36. Бартольд В.В. Али-тегин, с. 491.
37. Когда гусский эмир Бахтияр потребовал у попавшего к гузам в плен Сельджукида Санджара б.Малик-шаха пожаловать ему Мерв, султан ответил, что, являясь столицей, Мерв не может быть чьим-нибудь наделом (икта) (Материалы по истории туркмен и Туркмении, с. 388).
38. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты ..., с. 28.
39. Dorn V. *Über die Münzen ...*, S. 737.
40. Кочнев Б.Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 10 // *История материальной культуры Узбекистана*. Вып. 24. Ташкент, 1990, с. 207-209.
41. Бартольд В.В. Туркестан ..., с. 359-361, 365.
42. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты ..., с. 28.
43. Бартольд В.В. Туркестан ..., с. 359.
44. Там же, с. 358, 360; Байхаки Абу-л-Фазл. *История Масуда (1030-1041)*. Пер. с перс., введ., комм. и прил. А.К.Арендса. Изд. 2-е, дополненное. М., 1969, с. 432-433, 548.
45. Ал-Хусайни Садр ад-Дин Али. *Ахбар ад-даулат ас-сельджукийийа (Зубдат ат-таварих фи ахбар ат-умара ва-л-мулук ас-сельджукийийа)* = (Сообщения о Сельджукском государстве: Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях) / Изд. текста, пер., введ., прим. и прил. З.М.Буниятова. М., 1980, с. 39.
46. Более подробный разбор чекана Кермине 415-420/1024-29 гг. см. Кочнев Б.Д. Начальный этап..., с. 5-15.
47. Материалы по истории туркмен и Туркмении, с. 367.
48. Бартольд В.В. Туркестан..., с. 358.
49. Давидович Е.А. Клад саганланских монет второй четверти XI в. как исторический источник // *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. Ежегодник. 1968. М., 1970, с. 90-91.
50. Марков А.К. *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа*, СПб., 1896, с. 251, № 381.
51. Кочнев Б.Д. Свод ..., ч. 1, с. 254, № 744, с. 273.
52. Бартольд В.В. Туркестан..., с. 361; он же. Али-тегин, с. 491-492.
53. Pritsak O. *Karachanidische Streitfragen*, S. 226.
54. Давидович Е.А. Клад ..., с. 89.
55. Pritsak O. *Karachanidische Streitfragen*, S. 217-225.
56. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов в конце первой и во второй четверти XI в. с. 190-196.

57. Консультация О.Ф.Акимушкина, которому выражаю самую искреннюю признательность.
58. Байхаки Абу-л-Фазл. История Масуда, с. 669, 681-682.
59. Федоров М.Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в., с. 38.
60. Гардизи Абу Саид. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана. Пер. с перс. А.К.Арендса. Таш., 1991, с. 117.
61. Pritsak O. Die Karachaniden, S. 36.
62. Байхаки, с. 669.
63. Байхаки, с. 724.
64. Бартольд В.В. Бурн-тегин // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964, с. 514.
65. Кочнев Б.Д. Свод ..., ч. 1, с. 261, № 854; он же. Свод ..., ч. 2 // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 5. М., 1997, с. 248, № 861, 862.
66. Байхаки, с. 365.
67. Кочнев Б.Д. Свод..., ч. 1, с. 261, № 852, 853, 862; ч. 2, с. 248-249, № 864, 865, 870-874.
68. Байхаки, с. 576-577.
69. Там же, с. 724.
70. Ибн ал-Асир. Китаб ал-камил фи-т-тарих. Извлеч. в пер. К.Б. Старковой // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973, с. 60.
71. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей) // Соч. Т. II. Ч. 2. М., 1964, с. 291-292, примеч. 192.
72. Pritsak O. Karachanidische Streitfragen, S. 221-222.
73. Кочнев Б.Д. Свод ..., ч. 2, с. 279, № 1207; с. 284, № 1291.
74. Байхаки, с. 570.
75. Кочнев Б.Д. Караханидские монеты..., с. 28, 35.

Kochnev B.

Mavarannahr on the eve of the formation of Western Qarakhanid Qaghanat.

It is known, that Qarakhanid state at the beginning was one, but the first half of XI century it was divided into 2 parts - Western and Eastern. In the Western scientific literature it is not clear yet, when this division happened. Even in the most recent reference compiled by well-known specialist (Cl. Bosworth. The new Islamic Dynasties: A chronological and genealogical manual. Edinburgh, 1996. P. 181). As the first khans Western Qaghanat (capital - Samarkand) Ali-tegin (around 411-425/1020-1034), his sons Yusuf and Arslon-tegin, Muhammad b. Tegin and only then Ibrahim b. Nasr have been mentioned. Objective data, first of all, numismatic show differently. Ali b. Hasan (Ali-Tegin) only in the end of his life became khan, but he gave this title to his sons, which means, not one of these three sons was the chief of Western Qaghanat, Muhammad b. Nasr never was a khan. Ibrahim b. Nasr not only awarded his title of khan by himself, but also gave it to his descendants. Consequently, Western Qarakhanids Qaghanat was formed not in 411/1020, but 431/1040 and the creator of this state was not Ali b. Hasan, but Ibrahim b. Nasr.

Торежанова Н.

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ СЕРЕГ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ХОРЕЗМА

Средневековый Хорезм включал в себя обширные области в нижнем течении реки Амударьи. Благодаря удачному географическому расположению определяется многогранность городской и сельской культуры этого региона, развитие его производства, градостроительства, экономики и наконец искусства.

Обильные сборы ювелирных украшений, хранящиеся в фондах, дают материалы, позволяющие выявить особенности этого ремесла.

Одним из видов таких украшений являются серьги-лунницы и серьги в виде вопросительного знака. Среди них встречаются вещи из бронзы, серебра и золота. Преобладают первые, как более массовый вид этих украшений. Каждый вид имеет несколько типов.

Наиболее часто встречаются сережки в виде колечек или лунницы, которые характерны для всех памятников средневековья. Колечки с заходящими друг за друга концами, иногда спиральные (рис. 1, 1,2). Серьги-лунницы имеют заостренные и приближенные друг к другу концы.

Большинство найденных серег этого типа сделаны из меди и серебра (1. С. 104, рис. 60, 17). Есть основание думать, что эти различные по стоимости ювелирные изделия, рассчитанные на вкус представителей разных сословий - и зажиточного купечества и малосостоятельного ремесленного люда, были изготовлены ювелирами городов Хорезма. Серьги инкрустированы шариками, либо вставками из драгоценных камней - бирюзы, жемчуга. Подобные серьги распространены среди находок из Джанпыккала, Каваткала (рис. 1. 3-8).

Описываемые серьги продолжают существовать как в хорезмшахское так и в золотоордынское время. Однако, в последующее время луновидные серьги практически исчезают. Серьги, найденные в слоях городищ Каваткала, Джанпыккала датируются концом XII- нач. XIII вв.

Серьги в виде знака вопроса изготовлены из меди, серебра и золота. Они были найдены в курганных погребениях золотоордынского времени, расположенных в низовьях Еруслана (левого притока Волги), (2. С. 167).

Золотая серьга, аналогичная найденным на упомянутых городищах, но только не с двумя, а с одной жемчужиной, происходит из Узена, золотоордынского города на Волге, где она была обнаружена в погребении №2, которое Ф.В.Баллод относит к монгольскому времени (3. С. 77).

Другая золотая серьга того же типа, возможно, также с жемчужиной, найдена в погребении золотоордынской эпохи, у с. Малчановна (нижнее Поволжье) (2. С. 129-130, рис. 48).

Четыре бронзовые серьги в виде вопросительного знака с бусиной из стеклянной пасты в нижнем конце происходят из золотоордынской столицы на Волге города Сарая Берке, где они датируются XIII-XIV вв. (Гос. Эрмитаж № 76, 95, 96, 97). Серьги того же типа были встречены в Белореченских курганах Прикубанья, относящихся к эпохе Золотой Орды (4. С. 203-204).

На территории Чечни, В.И. Марковин нашел бронзовую серьгу рассматриваемого типа с сердоликовой бипирамидальной бусиной. (5. С. 105, рис. 44,6).

Серьга в виде знака вопроса, сделанная из тонкой бронзовой проволоки с сохранившейся бусиной, отмечена Л.Л.Евтюховой в 1900

находок из Каракорума - столицы Монгольского государства. Л.Е. Евтюкова отмечает, что подобные серьги были широко распространены в кочевническом мире Центральной Азии.

На территории Средней Азии серьги в виде знака вопроса широко известны в литературе по находкам из средневекового городища Шехрлик (7. С. 249-252).

Время бытования шехрликских серег в форме знака вопроса устанавливается в пределах III-XV вв.

Наши серьги также можно отнести к этому периоду (8. С. 17)..

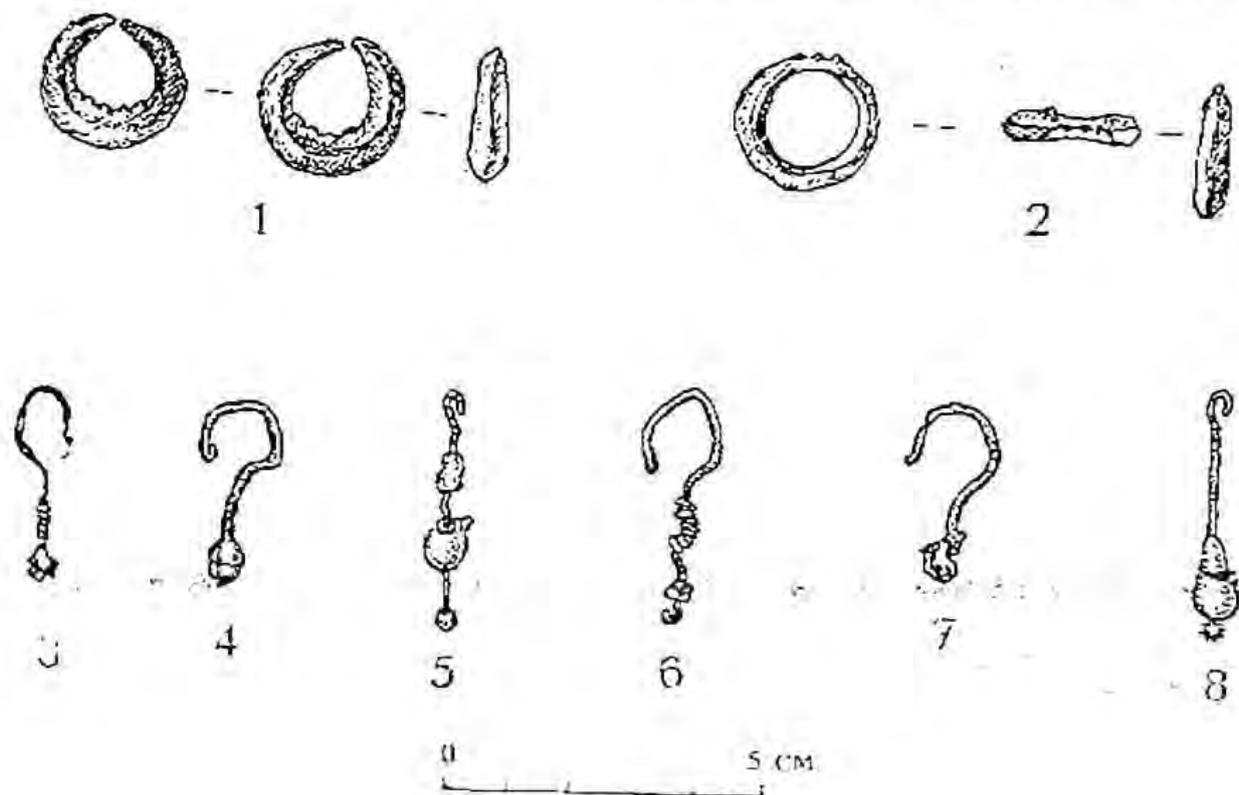
Как видно из вышеприведенных аналогий, серьги в виде знака вопроса были широко распространены на очень большой территории: от Новгорода на западе до Каракорума на востоке. На юге их ареал доходил до Северного Кавказа. Распространение серег этого типа на столь большой территории явилось, видимо, причиной того, что вопрос об их этнической принадлежности, как отмечает Н.А.Вактурская (7. С. 251), остается до сих пор не решенным. Во всяком случае, в литературе еще нет единой точки зрения по этому поводу. Так, например, С.А.Плетнева, исследуя археологические материалы южнорусских степей, пришла к заключению, что дата этих серег совпадает со временем заселения южнорусских степей кочевыми племенами половцев. Поэтому она

относит эти украшения к половецким древностям (9. С. 180, рис. 16).

О.В.Милорадович придерживается иного мнения и считает, что эти предметы, весьма несложные по конструкции, изготовлялись в каждой области. Они производились на местах, чем и объясняются различия в их материале, размерах и способах крепления. Подчеркивая своеобразие серег этого вида на Северном Кавказе, О.В.Милорадович отмечает и этническую принадлежность погребенных, при которых были найдены такие серьги. По ее мнению, они обычно встречаются у адыгов, в частности, у кабардинцев (10. С. 102-103).

Согласно письменным источникам, половцы, или как их называют восточные авторы, кипчаки, жившие ранее на Иртыше, в XI в., разгромили огузов и заняли Приаралье. Отсюда они вскоре двинулись на запад и в XII в. дошли до Дуная.

Таким образом, в XII в. все казахстанские и южнорусские степи, а также степи Предкавказья оказались заселены половцами. Серьги описываемых типов были широко распространены как раз на всей этой территории, что подтверждает точку зрения С.А.Плетневой и позволяет использовать эти предметы для установления этнической принадлежности их владельцев. Что же касается наблюдаемых в серьгах различий, то они, видимо, отражают особенности их изготовления мастерами различных многочисленных племен половецкого союза.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // ТХАЭЭ, т. IX. М., 1976.
2. Силицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопам 1954-1955 гг.) // МИА, № 78, 1960.
3. Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. Москва-Петербург, 1923.
4. Левешева В.П. Белореченские курганы. // Тр. ГИМ. Вып. XXII. М., 1953.
5. Морковин В.И. Пещеры - родовые усыпальницы в Шатоявской котловине, Чечня. Пещеры. // КСИА, вып. 86, 1961.
6. Древнемонгольские города. М., 1965.
7. Вактурская Н.Н. О серьгах со средневекового городища Шехрлик. // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
8. Доспанов О.Т. Городская культура городов Правобережного Хорезма в эпоху средневековья. // АКД. Нукус, 1996.
9. Плетнева С.А. Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. // МИА, 62, 1958.
10. Милорадович О.В. Христианский мопильник на городище Верхний Джулат. // МИА, 114, 1963.

Torejanova N.

On some ear-ring types of Medieval monuments of Khoresm.

In the article information about moon-shaped ear-rings and ear-rings in the form of question mark in Djanpik-kala and Kavak-kala settlements are given.

Мамбетуллаев М.

СТАТУЭТКА БОГИНИ УМАЙ ИЗ КЕРДЕРА.

В эпоху средневековья на территории Приаральской дельты Амударьи была распространена так называемая «Кердерская культура», в историческом развитии которой выделено два этапа: раннекердерский (конец VI - первая половина VIII вв.) и позднекердерский (вторая половина VIII-XI вв.), (I, С. 95-98).

В 1997 году на городище Кердер в Нукусском районе Республики Каракалпакстан обнаружена головка статуэтки из обожженной глины. Четвертый строительный горизонт, откуда происходит статуэтка, датирован аббасидскими медными монетами IX-X вв.

Головка, видимо, женская, высота 9 см, ширина 4,5 см (рис.1). Лицо узкое, брови и нос расположены по схеме буквы Т. Глаза даны в виде углублений. Зрачок не обозначен. Безгубый открытый рот представляет собой горизонтальную неглубокую ямку. Голова слита с толстой и длинной шеей. На шее видна рельефная полоса гривны или ожерелья. Лоб закрыт челкой, которая показана горизонтальным налепом. Волосы гладко зачесаны назад. Пряди пышной прически обрамляют лицо сбоку. С тыльной стороны головки спускается пластинчатая "переплетенная коса", конец которой отломан. На затылке к косе прикреплена застежка или бантик в виде круглого налепа и крестиков.

Статуэтка сформована из серооливковой глины, покрыта черным ангобом, в изломе темно-серого цвета, обжиг среднего качества. Прямые аналоги нам неизвестны, но следует указать, что в средней дельте Амударьи найдена головка статуэтки, обнаруживающая сходство с описанной статуэткой в способе изображения прически (2, С.194, рис. 7). Головка кердерской статуэтки имеет некоторое сходство с одним типом терракот с Афрасиаба, который В.А.Мешкерис трактует как изображение персонажа дионисийского круга (самого бога или менады) (4, С. 19,20). По манере и по способу изготовления кердерская терракота имеет сходство с Хорезмской богиней плодородия и вод Ардвисурой Анахитой; в хорезмийском пантеоне - богиня Ардвисура Анахита увенчана царской короной. Изображения её появились в Хорезме в V в. до н.э. и были распространены вплоть до IV в. н.э. (3, С. 135).

Авеста, сборник священных текстов зороастрийцев, рисует ее то в образе прекрасной девушки, то в виде богини-матери, покровительницы

деторождения. Культ древней богини плодородия постепенно угасал по мере того, как в Средней Азии внедрялась новая религия-ислам.

Терракоты, как правило, передают типы с переходными чертами от восточносреднеземноморского, к типу среднеазиатского междуречья, характерного для населения Приаралья. Тот же тип узколихих, с выступающим носом людей мы видим и на росписях Миздахкана (5. С. 22, цветная вклейка).

В 1972 году на городище Курганча, расположенном в 18 км к востоку от города Тахтакупир Республики Каракалпакстан, так же была найдена глиняная скульптура женщины. Культурный слой, в котором она обнаружена, относится к VII-VIII вв. Скульптура изображает сидящую женщину в богатых одеяниях и украшениях, в шлемовидном головном уборе и одетом поверх него тиарой или диадемой с трехрогим очельем. Одной из наиболее специфических черт убранства курганчинской скульптуры является наличие тиары или диадемы с трехрогим очельем. (6. С. 89, рис. 1). На то, что трехрогие «головные уборы являлись необходимыми» атрибутом одежды определенной категории женского населения древних тюрков, указывает сцена коленопреклонения, выгравированная на валуне, найденном в 1924-1925 гг. в низовьях р. Чулышман (Восточный Алтай), в урочище Кудыргэ (7. С. 18-21, таб. 6).

Сцена коленопреклонения, выбитая на камне, имеет несколько интерпретаций, но в основном они сводятся к двум толкованиям.

А.А. Гаврилова, развивая положение Л.П.Потапова (8. С. 92), считает, что в данном сюжете отражались отношения между племенами тогдашнего общества - подчинения одного племени другому. Согласно Л.Р. Кызласову, перед нами шаманский обряд погребения ребенка, а величественная женщина в «трехрогой» тиаре на голове-общетюрская богиня Умай, входящая в триаду высших божеств тюрков. Умай - богиня плодородия, но в то же время, выступает как покровительница домашнего очага и детей. По мнению Л.Р. Кызласова трехрогий головной убор является непременным атрибутом богов и жрецов, т.е. служителей культа (9. С. 50). Курганчинская скульптура с трехрогой тиарой, имеет сходство с изображением на так называемом Кудырчинском валуне и датируется VII-VIII вв. Эти и другие аналогии позволили В.Н.Ягодину высказывать предположение, что курганчинская скульптура

передает образ богини Умай (6. С. 89). И действительно подобные типы головных уборов с выступами, лучами и отростками, как у курганчинской, встречаются с эпохи неолита на огромных территориях сибирских и центрально-азиатских народов. Рогатая шаманская шапка являлась необходимым атрибутом шаманского костюма. Распространенность шаманизма в среде тюрков среднеазиатского междуречья в VI-VIII вв. фиксируется арабо-персидскими авторами (ат-Табари). Об этом свидетельствуют этнографические материалы хантов, манси, эвенков, якутов, удэгейцев, кумандинцев, шорцев, тувивцев, бурят и т.д. (11, Т.27). Трехроговые шаманские шапки были присущи казахским баксы (12, С. 352) и тувинским шаманам. Наличие трехрового головного убора на курганчинской скульптуре свидетельствует о шаманской принадлежности, а её поза говорит об исполнении какого-то ритуала. На груди и на плечах курганчинской скульптуры сохранились мелкие вырезанные подвески треугольной, ромбовидной, четырехугольной форм, висевшие на одежде. Подобные украшения встречаются на каменных изваяниях Восточного Казахстана, на статуях из Семиречья (13. Табл. 19).

Курганчинская скульптура, по видимому, передает изображение шаманки. Возможно, такие статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитания культа предка по женской линии и изображения шаманок, которым поклонялись древнетюркские племена Приаралья. В аспекте рассматриваемой нами темы представляет интерес следующее явление.

В раннесредневековых памятниках кердерской культуры нами неоднократно фиксировался факт преднамеренного закапывания под полом жилых помещений различных сосудов (горшков, кувшинов) внутри которых находились овечьи астрагалы и монета (6. С. 92). Среди доступных нам археологических материалов мы не находили аналогии описанному явлению. Искомый сюжет имеется лишь в центрально-азиатских и сибирских этнографических материалах.

По этнографическим данным, в таких сосудах, кроме астрагала и монеты, должна находится пуповина новорожденного младенца, а в целом этот обряд был направлен на охрану последа или пуповины родившегося младенца, которые отождествлялись с Умай.

По мнению Л.П. Потапова душу ребенка младенческого возраста называли Умай. Но этим же словом называют

родившегося младенца, которую завертывали в бересту и зарывали в самом жилище. (8. С.276). В конце XIX - начале XX вв. подобная обрядовая процедура существовала у каракалпаков. Если в семье рождался сын, то послед закапывали в доме вместе с овечьим астрагалом (ясык) под порогом слева от входа. В случае рождения девочки вместе с последом закапывалось просо. (14. С.136).

У узбеков Ташкента при зарытии последа, которое является имитацией захоронения новорожденного в 20-х гг. клали с ним астрагал (если родился мальчик), или куклу (если родилась девочка). В Бухаре с последом закапывали четыре зерна или два астрагала (15, С. 352; 17. С. 116). Близкие обряды описаны этнографами А.И.Писарчик у таджиков Куляба и А.Л.Троицкой у таджиков долины Зарафшана. По их сведениям, послед закапывается в земляном полу помещения (16. С. 94) или в доме у порога (17. С. 116). Такой же обряд существовал у узбеков Хорезма. По сведениям Г.П.Снесарева, послед зарывали в доме у порога его дверей. Вместе с последом зарывали альчик, если желали, чтобы следующим ребенком был мальчик или лук - миниатюрный лучок или тряпочную куколку, если в дальнейшем ожидали девочку (18. С. 91).

Описанные этнографами обряды представляли действия, направленные на охрану последа и новорожденного.

Проведенный краткий этнографический экскурс и совпадение с обрядами, зафиксированными у раннесредневекового населения Кердера позволяет, с достаточной степенью вероятности, реконструировать подобный обряд и здесь (6. С. 93). Естественно, что сам послед в археологических материалах сохраниться не мог.

Проведенные этнографические параллели свидетельствуют о наличии обряда и в Кердере и мы можем уверенно связывать его с почитанием Умай.

Мне представляется достаточно вероятным, что статуэтка женщины, найденная в средневековом Кердере, изображает богиню Умай, известную в древнетюркском пантеоне, культ которой продолжал широко сохраняться у многих тюрко-язычных народов Центральной Азии в недавнем прошлом: (хакасов, тувинцев, киргизов и узбеков (19. С. 134, 149). Умай представляется с гребневидными волосами (телеуты) одетой в шелк (шорцы) светлой женщиной (19. С. 135). Умай почиталась также древними тюрками, о чем неоднократно

свидетельствуют орхонские надписи. В рунических текстах имеются упоминания о таких мифологических персонажах, как Тэнгри (небо) или Кок-Тэнгри (Голубое Небо), Умай, Богиня - мать Иер-суб (Священная земля-вода или Родина), Эрклиг-Владыка Зла. В V-VIII вв. Орхонские тюрки поклонялись синему небу «tanğı», покровительнице материнского начала Umaj (Умай) Sub- jağ, духа воды и Земли (20. С. 508-509).

Тэнгри Умай, Иер-суб и другие божества известны и по поздним материалам (фольклорной этнографии), собранным у тюрко-язычных народов Сибири. М.И. Боргояков отмечает, что тюрки Саяно-Алтая представляли мать Умай в образе красивой женщины, опускающейся с неба (21. С. 138). Телеуты представляли Май-эне (т.е. Мать Умай) в виде молодой красивой женщины (иногда девицы) с волнистыми серебряными волосами, спустившейся с небес по радуге и охраняющей детей с помощью Золотого Лука. К ней обращались не только шаманы, но и женщины, особенно перед тем, как впервые положить новорожденного в колыбель, подвесив к ней лучок со стрелкой, и всегда называли её имя вслед за От-Эне (мать Огонь) - покровительницей домашнего очага (8. С. 277).

Хакасы под словом Умай понимали душу ребенка с момента его рождения до того времени, когда ребенок начнет ходить и свободно говорить (до трех лет).

Но с этого времени его душа уже будет именоваться «Кут» вплоть до самой смерти, когда «Кут» покидает навсегда человека. Термином Умай здесь называли и пуповину ребенка, которую обычно зашивали в маленький мешочек из кожи или материи и подвешивали на шкуре к колыбели младенца, считая, что Умай все время находится с ребенком, пока он в колыбельном возрасте. Если ребенок разговаривал или смеялся

сне, это объясняли тем, что он в это время разговаривал с Умай. Если ребенок заболел в том возрасте, когда его Умай уже превращалась в Кут, то причину болезни видели в том, что из ребенка вышел Кут (8. С. 271). В свете этногенетических связей интересно отметить, что слово «Кут» известно у многих тюркских народов. У якутов оно обозначает одну из трех душ. Часто они представляли ее в виде маленького черного уголька или камешка. По воззрениям якутов Кут может быть похищена злыми духами, и тогда человек заболевает и умирает. После смерти Кут удаляется в иной мир. Основной смысл шаманских Кут-это одно из свойств душ. У Алтайцев этот термин обозначает жизненную силу, способность к деторождению (22. С. 217). У киргизов слово «Кут» значит «идол», оберег, якобы охраняющий скот и человека. В маньчжурском языке «Хуту», и в тунгусском «Гуту» означало счастье. Н. А. Баскаков отмечает, что этимология слова «gut», общего для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков может быть связана с его общеалтайским происхождением. (23. С. 108-113).

У монгольских народов Умай считается женским божеством, покровительницей матери, новорожденных и беременных. Известен этот культ у шорцев, сибирских татар, киргизов и даже народов Нижнего Амура, что объясняется их глубокими историческими связями с тюрко-монгольскими этносами (24. С. 39). Ещё недавно почитали Умай мусульманские тюркоязычные народы Средней Азии: киргизы, узбеки, казахи и каракалпаки. Как утверждает С.М.Абразон, Умай одно из наиболее ранних божеств, связанных с культом плодородия, которое является самостоятельной формой религии, присущей народам с самыми различными формами хозяйства. Культ плодородия зарождается на заре истории, своеобразно развивается у разных народов. Родина Умай - Центральная Азия. Культ этот возник в матриархате (25. С. 275-279).

К Умай-эне пишет С.М. Абразон - обращались при рождении ребенка, прося ее сохранить дитя во всех случаях его жизни. Её же призывали при его болезни. Отправляя куда-нибудь детей, даже взрослых, старухи говорили, прощаясь с ними: «Умай - энеге тапшырдым» (поручаю матери Умай) (26. С. 82). Ребенка с родными пятнами считали счастливым, ибо это - следы Умай. Верили в то, что по ночам Умай умывало лицо маленьким детям и т.д. (26. С. 82-83). А.Л. Троицкая нашла бесспорные следы былого

почитания Умай в среде оседлых узбеков: её имя упоминают в своих заключениях узбекские повитухи (15. С. 354).

В начале XIX в. среди населения Южного Приаралья существовали поверья о двух женских персонажах-демонах: албасты и сары-эне.

Албасты относятся к категории джинов, а сары-эне (желтая мать) - к периште. Сары-эне помогает роженице разрешиться от бремени, распуская свои длинные русые волосы (поэтому она сары-эне) и прикрывая ими роженицу. Албасты же, напротив стремятся вредить роженице, подкарауливая ее вечерами, если женщина ходит одна. Перед близкими родами женщина выходила ночью во двор с кем-нибудь из женщин, а другая женщина в это время занимала ее постель, чтобы албасты не пробрались сюда и не спрятались. Если это албастам удавалось, то при рождении ребенка она первой давала свою грудь новорожденному, и тот либо вскоре умирал, либо делался невменяемым. Поэтому сары-эне у узбеков Хорезма, можно предполагать как трансформированный образ Умай-эне, бытовавший у них в доисламский период.

Основы традиционного мировоззрения народов Центральной Азии и Южной Сибири закладывались в древнетюркское время. Именно в это время, наряду с Тэнгри, Иер-суб и другими персонажами мифологии, у тюрков сформировался и образ богини Умай, чье керамическое изображение обнаружено на городище Кердер. Вместе тем, не следует полагать, что Умай изображалась в древнетюркское время исключительно в таком виде.

Очевидно, что в тюркских этносах очень строгих канонов в религиозных культах не существовало, и поэтому попытки некоторых исследователей (Г.В.Длужневская, Л.Р. Кызласов, С.Г. Скобелев и др.) выделить образ Умай на других материалах в несколько ином виде также не лишено основания (27. С. 226-232).

Древнетюркоязычное население Приаралья имело полную возможность познакомиться с иноземными религиями и изображениями их божеств. Известно, что терракота Кердера датируется IX-X вв. Ислам становится государственной религией коренного населения Мавераннахра, в том числе Приаралья, хотя ещё в течение нескольких столетий в ряде районов Мавераннахра существовали зороастрийские и другие секты, поднимались восстания, подобно восстанию Муканны за восстановление верования предков.

народных масс сохранялись пережитки древних религий и культов (28. С. 5). Поэтому несмотря на исламизацию населения Приаралья ещё в IX-XI вв. сохранилось почитание древних богов Тэнгри (небо) и Умай. Несомненно, культ Умай не носил общественного характера, скорее можно

предполагать о существовании семейного родового культа.

Имя Умай исчезло из письменных источников, но оно хорошо сохранилось в народной памяти и археологических памятниках тюркоязычных народов Приаралья.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ягодин В.Н. Городище Хайванката - раннесредневековый Кердер. // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
2. Пилипко В.Н. Женские культовые статуэтки с берегов средней Амударьи // СА. 1977 № 1.
3. Воробьева М.Г. Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма, М., 1981.
4. Мешкерне В.А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962.
5. Ягодин В.Н. Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана Ташкент, 1978.
6. Ягодин В.Н. Кердерская Умай // Вестник Каракалпакского отделения АНР Уз. Нукус, 1999 № 2.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудурты как источник по истории Алтайских племен. М.-Л. 1965.
8. Потапов Л.П. Умай. - божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972, М. 1973.
9. Кызласов Л.Р. История шаманских верований на Алтае // КСИИМК, вып. 29, М., 1949.
10. Ахунжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в трехрогих головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
11. Прокофьев Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник Музея антропологии этнографии АН СССР. Т-27, М. 1971.
12. Валиханов Ч.Ч. Собр. Сочинения. Т-1. Алма-Ата, 1961.
13. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л. 1966.
14. Есбергенов Х. Атамуратов Т. Традиции и их преобразования в городском быту каракалпачков. Нукус 1975.
15. Троицкая А.Л. Первые сорок дней ребенка среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда // В.В. Бартольд Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
16. Писарчик А.Н. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 // Известия Тадж. Филиала АН СССР. 1949. № 15.
17. Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зарафшана. // Л., 1935. № 6.
18. Снесарев Г.П. Реликты до мусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма М. 1969.
19. Дыренкова Н.П. Умай в культе тюркских племен // Культура и письменность Востока. Кн. 3. Баку, 1928.
20. Киселов С.В. История Южной Сибири. М., 1951.
21. Боргожков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984.
22. Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сборник музея антропологии и этнографии. // (МАЭ). Т-VI. М.Л., 1927.
23. Баскаков Н.А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ 1973, № 3.
24. Смоляк А.В. К вопросу о западных элементах в культуре народов Нижнего Амура. Этническая история тюрко-язычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск 1984.
25. Абрамзон С.М. Киргизы их этногенетические и историко-культурные связи М., 1971.
26. Абрамзон С.М. Рождение и детство Киргизского ребенка // МАЭ. Т-12. М., 1949.
27. Скобелев С.Г. Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // СА. 1990 № 2.
28. Ргвельдзе Э.В. Узбекистан в эпоху Ахмада ал-Фергани и Имама ал-Бухари. Вехи политической истории// ОНУ 1998, № 12.

M.Mambetullaev

The statue of goddess Umai from Kerder.

In the article, information about the find of head of the statue in the old city of Kerder in Nukus region of Karakalpakstan. It is dated as IX-X centuries. The author interprets it as an ancient Turkic goddess Umai.

Анарбаев А.А., Ильясова С.Р.

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ФЕРГАНЫ XI В.

Археологические исследования в Ферганской долине ведутся на протяжении более ста лет. Особенно интенсивно изучалось городище Эски-Акси - руины Ахсикента (Ахсикета), столицы Ферганы домонгольского периода (1). Несмотря на значительный объем проводившихся работ и полученного в результате раскопок материала, такая массовая и важнейшая задача для изучения периода средневековья категория находок, как глазурованная керамика, не получила до сих пор адекватного освещения в научных публикациях. Это в особенности касается памятников домонгольского периода, изучавшихся на территории узбекистанской части Ферганской долины (2). По публикациям легко заметить, что подавляющее большинство работ посвящено находкам с городища Эски Акси. Тем не менее, и они далеки от полноты и не отражают всего богатства и разнообразия материалов, полученных на этом ключевом памятнике Ферганской долины. Восполнить этот пробел в части изучения и публикации глазурованной керамики XI в., призвана настоящая статья. В ней мы попытаемся дать общую характеристику наиболее характерных типов ферганской керамики, опираясь на находки с городища Эски-Акси. Значительная часть находок получена из бадрабов, причем в некоторых случаях эти бадрабы, функционировавшие на протяжении конца X и XI вв. Археологические работы на городище показывают, что после того, как политическое первенство перешло к Узгенду Ахсикент в XI - нач. XIII вв. оставался крупным экономическим центром (Анарбаев, 1988, с. 185).

По формам глазурованная керамика XI в. подразделяется на блюда, тарелки, полусферические и конические чаши, светильники и т.д. Для каждой разновидности

форм характерны свои варианты декора. Декор глазурованной посуды представляет собой, прежде всего, монохромную и полихромную подглазурную роспись по белому фону. По материалам прослеживаются постепенные изменения стиля орнаментации и эволюция каждого их видов украшения посуды.

Для керамики XI в. по декору мы выделяем следующие группы: чаши с изображениями различных вариантов цветочных букетов (3) (таблица I); чаши с вариантами вихревой розетки (таблица II); сосуды с псевдоэпиграфикой (таблица III).

Перейдем к более подробной характеристике групп.

Мотив цветочного букета, имеющий широкую популярность в декоре глазурованной керамики Средней Азии (Согд, Чач), широко представлен в Ахсикенте, здесь найдено около двух десятков чаш полусферической формы, украшенных этой разновидностью узора; есть они и на других ферганских памятниках (Кува, Ош). Значительное их количество свидетельствует о чрезвычайной популярности данного мотива в Ферганской долине.

Мотив букета на ахсикентской керамике подразделяется на следующие виды и типы: на двойные, как бы вырастающие в противоположных направлениях из точки в центре сосуда и тройные. В одном случае из центра сосуда - блюда с вертикально поставленным бортиком, - вырастают четыре букета.

Описание находок начнем с сосудов с двойными букетами.

Роспись обычно выполнена размашисто по белому фону черной (темно-коричневой) и охристо-красной красками, в виде букетов подтрапещевидной и подтреугольной формы с двумя и более (до пяти) фигурами

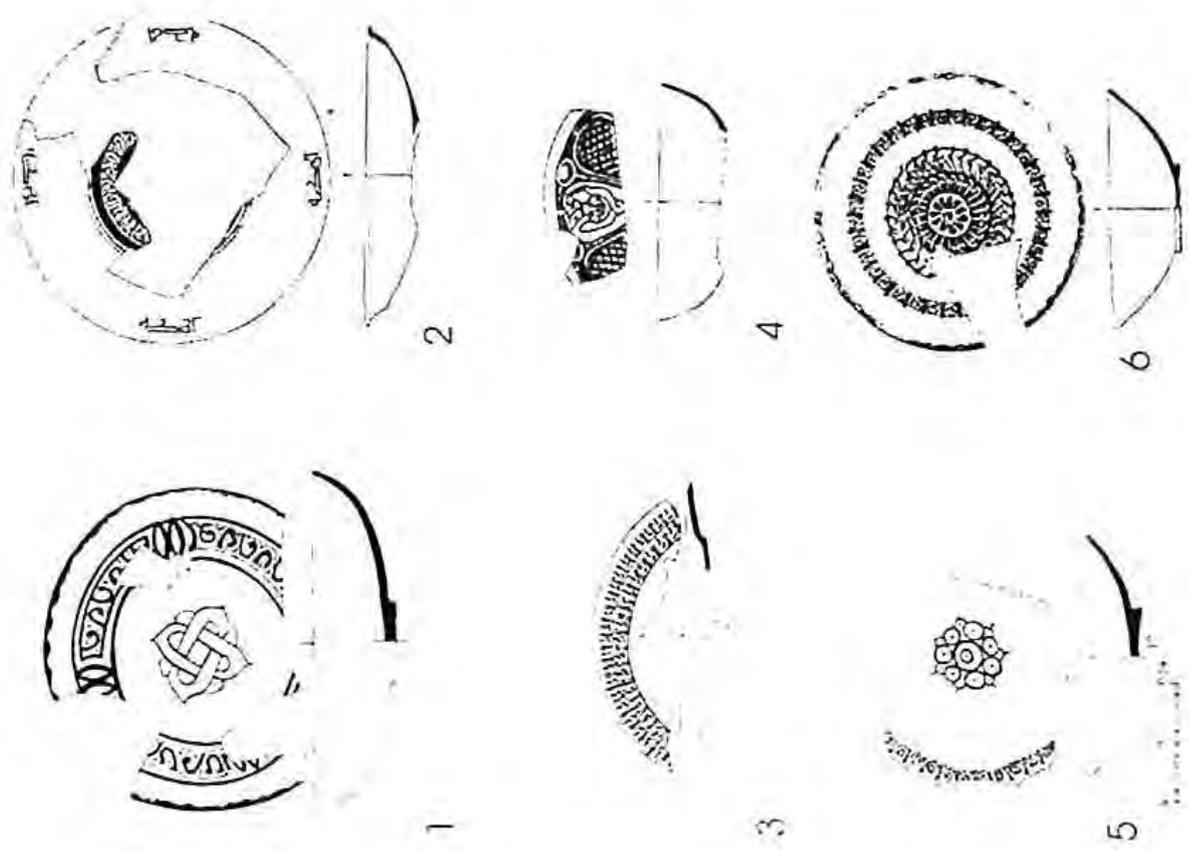

Рис. 1

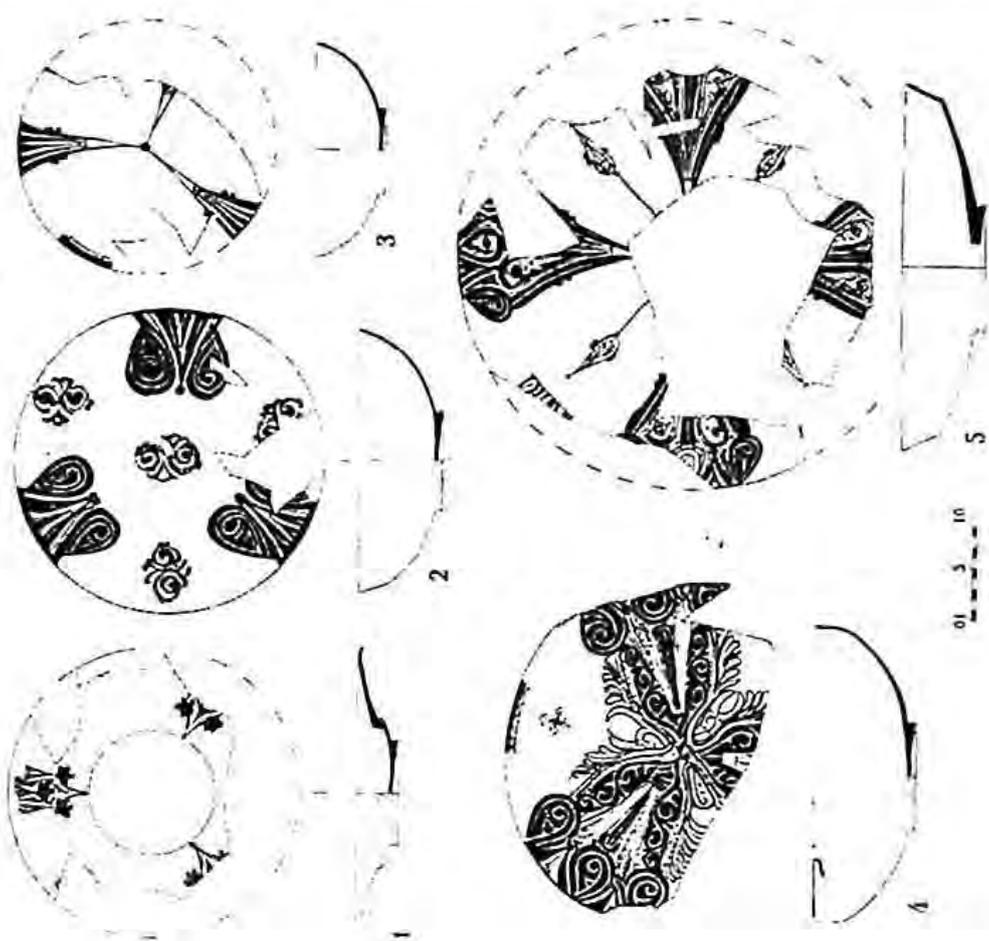
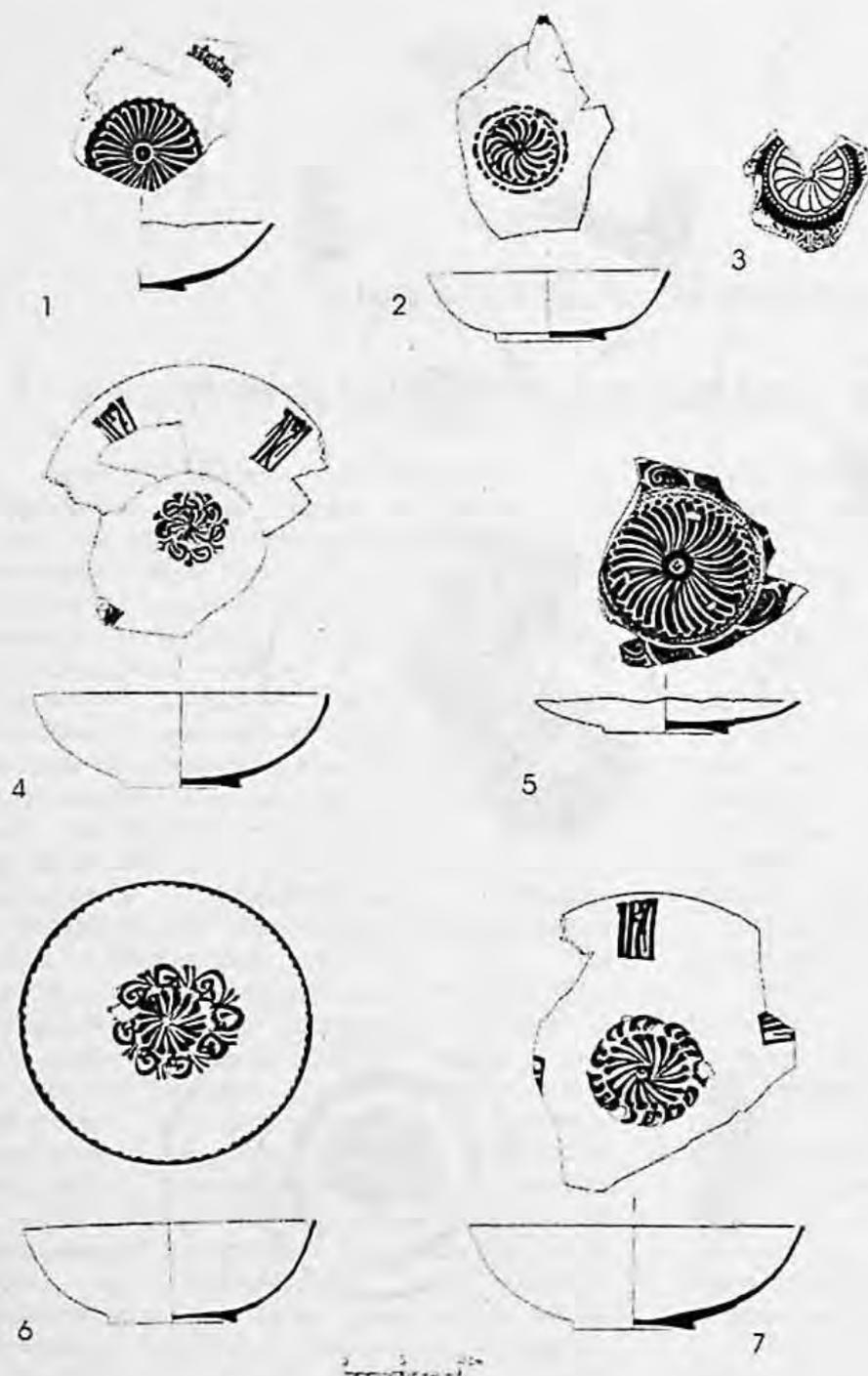

Рис. 2

бутонов; роспись дополнена гравировкой. Снаружи бесцветная глазурь покрывает сосуды до середины. На устье между букетами нанесены отрезки полосок с точками - имитация надписи.

Аналогичные букеты представлены в Чаче (Бинкет, Канка, Кавардан, Шутуркет), Семиречье (Тараз, памятники Чуйской долины) (Брусенко, 1986, табл. 47: в; Буряков, 1982, рис. 12: 1; Григорьев, 1935, рис. 3; Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 179 (6):

Бернштам, 1950, табл. LXXXV: 21) и датируются XI в.

Вторую группу составляют сосуды с тройными букетами. Они представлены тремя различными вариантами. В одном случае «букеты» с миндалевидными бутонами не имеют стеблей (таблица I: 2), что, возможно, восходит к более ранним образцам X в., (Lane, p. 17-19, pl. 17 b), имеющимся среди ахсикентского материала (таблица I: 1); в другом - букеты, вырастающие из центра сосуда, предельно стилизованы и имеют вид вытянутых треугольников, утративших всяческие завитки и бутоны (таблица I: 3). Третий вариант, также представленный единственным экземпляром, наоборот, выполнен в весьма изощренной манере. В верхней части по три бутона с глубокими процарапанными завитками, они между собой как бы переплетены. Мастер постарался придать букетам дополнительную пышность, дополнив их полупальметтами, в виде пальмового полулиста, букет получился как бы «лохматым». Роспись выполнена в черно-коричневой гамме. Сосуд целиком покрыт ангобом, глазурь снаружи до поддона (таблица I: 4). Чаша с первым из описанных вариантов имеет в центре и в пространстве между букетами S-образные фигуры (таблица I: 2), аналогия которым имеется среди материала из Актепа Юнусабадского (Ташкент) (Тереножкин, 1948, рис. 12: 7). Бутоны без стеблей изображены на сосуде из Семиречья (Бернштам, 1949, рис. 22).

В целом, вторая группа сосудов с тремя вариантами на данном этапе изученности не находит себе прямых аналогий в соседних регионах.

Представлена в материалах из Ахсикета и композиция с четырьмя букетами, вырастающими из центра сосуда. Она есть среди находок из Чача (Бинкет, Канка, Кавардан), Уструшаны (Культепа) (Усманова, 1955, с. 64; Буряков, Богомоллов, 1990, с. 47, рис. 19, рис. 19: 2; Грицина, 1992, рис. 17: 1, 3, рис. 19).

Вихревая розетка - еще один весьма популярный мотив декора на глазурованной керамике XI в. Она появляется, вероятно, во второй половине - конце X в., и развивается от простого вертуна в обрамлении кольца и прерывистой линии (таблица II: 2) к розетке, окруженной бордюром из миндалевидных завитков и листьев. На ахсикентской керамике вихревая розетка, также как и мотив букетов, представлен на чашах полусферической формы, изредка - на блюдах. Нам удалось выделить два основных варианта композиции с вихревой розеткой. Первый вариант - розетка на дне сосуда, вокруг нее бордюры из растительных завитков, по устью чаши - зубчатый бордюры (таблица II: 6). Вторым вариантом - в центре сосуда вихревая розетка, окруженная бордюром из различных завитков и фигур, у устья чаши четыре симметрично расположенных псевдонадписи, условно передающие, возможно, слово «албирр» (таблица II: 4, 7). Оставаясь в пределах этих двух композиционных схем, мастера добивались разнообразия, в основном, за счет некоторой вариативности окружающих собственно розетку бордюров, а также различным сочетанием черного (темно-коричневого) и красного цветов. Если, как отмечает Л.Г.Брусенко, рассматривавшая мотив вихревой розетки на материалах средневекового Бинкета (Ташкента), в Чаче (Шаш) розетки всегда выполнены интенсивным черным цветом, а согдийские мастера предпочитали охристо-красный цвет (Брусенко, 1986, с. 57), то в Ахсикенте мы наблюдаем сосуществование обоих вариантов - розетки здесь как черные, так и охристо-красные. Подобное же явление отмечено и в Мерве (Лунина, 1962, с. 271). Сочетание розетки и зубчатого бордюра характерно и для Чача (Брусенко, 1986, табл. 37: 3, 4), и для Согда (Шишкина, 1986, рис. 29). Вихревую розетку в окружении сплошной стилизованной надписи, идущей по устью сосуда и дополненной отрезком псевдонадписи, расположенном ниже, можно видеть среди находок с городища Отрар в Южном Казахстане (Байпаков, Ерзакович, 1991, с. 126). Направление лучей в розетках рассматриваемых групп - всегда налево. По

Г.В. Шишкиной, вихревая розетка в Согде появляется в первой половине XI в. (Шишкина, 1978, с. 58). Л.Г.Брусенко проследила эволюцию вихревых розеток Чача и наметила следующую схему: розетка в обрамлении одинарного или двойного круга - ранний вариант (вторая половина X в.); над двойным кругом наносится бордюры из двойных завитков (со второй половины X в.); исчезает двойной концентрический круг и остается обрамление из двойных завитков (конец X - первая половина XI вв.) (Брусенко, 1986, с. 57). Материалы из Ахсикента дают возможность проследить дальнейшую эволюцию данного популярного мотива. Если перечисленные выше его варианты можно датировать концом X в. (таблица II: 2, 5) и первой половиной XI в. (таблица II: 6, 7, 4), то во второй половине XI в. происходит процесс усложнения данного мотива. Вихревая розетка приобретает вид скорее цветка с плотно сомкнутыми лепестками, оконечность которых слегка загибается влево. Многолучевые розетки полихромны - контур лучей-лепестков обведен черной или темно-коричневой краской, сами же лепестки либо охристо-красного (таблица II: 1), либо оливкового цвета (таблица II: 3), при этом белой краской показана как бы ось каждого лепестка, или концы лепестков помечены белой крапиной. Кроме того, вокруг розетки располагается концентрическая полоса псевдоэпиграфического орнамента, отделенная от розетки свободным полем или кольцом красного цвета с белыми крапинами. Находка из Андижана показывает, по-видимому, начальный момент процесса формирования данной композиции, когда надпись, несмотря на то, что она выполнена в довольно стилизованной манере, еще вполне читается. На чаше вокруг розетки с плотно прижатыми лепестками располагается четырежды повторенное слово «барака». Среди ахсикентской керамики есть фрагмент сосуда, на котором сохранились аналогичная надпись и кольцо, окружающее центральный элемент, который не сохранился (таблица III, 2). Судя по всему, декор этой тарелки был идентичен андижанскому. Замечательный образец творческого подхода к разработке мотива вихревой розетки дает небольшая чаша, дно которой украшено сложной тройной розеткой: в центре ее - условное изображение цветка, выполненное черной, оливковой и белой краской, вокруг него - охристо-красная с черным контуром и белыми прожилками розетка с лучами, традиционно загибающимися влево, окруженная

очередь, розеткой оливкового цвета с лучами, повернутыми в противоположном направлении; по средней части стенок сосуда проходит полоса коричневой псевдонадписи, а устье украшено оливковым зубчатым бордюром (таблица III, 6). Аналогии розеток подобного типа имеются среди находок на городище Кува (4).

Кроме описанных групп, судя по обилию находок наиболее популярных у керамистов Ахсикента, можно выделить еще несколько типов декора глазурированной посуды. Один из них - эпиграфический орнамент, который правильнее называть псевдоэпиграфическим, так как это уже заведомо нечитаемые и условно ритмические построения, несущие исключительно декоративную нагрузку. Эта предельная стилизация, появившаяся еще в X в., в XI в. выглядит как чередование S-образных фигур и двойной вертикальной черты (Шишкина, 1979, с. 55). Этот мотив располагается по устью и бортам сосудов открытого типа, обрамляя различные центральные элементы. Например, розетку состоящую из расположенных по кругу глазков с черной точкой внутри (Папахристу, Баратова, 1990, с. 169) (таблица III: 5). Дальнейшую степень стилизации демонстрирует тарелка с двойным рядом элементов псевдонадписи, идущих сплошной полосой по краю (таблица III: 3). Подобный декор имеется среди находок из Кувы.

В растительной орнаментике можно упомянуть композицию, состоящую из чередования так называемых арок с сетчатым заполнением и изображением плода граната, популярного символа плодородия. Декор выполнен в оливковой, охристо-красной и черно-белой гамме (таблица III: 4). По мнению Г.В.Шишкиной, в Фергане сетчатое заполнение арок было заимствовано в XI в. из Шаша (Шишкина, 1979, с. 57).

Отметим также чашу с переплетенными эллипсами - так называемым «узлом счастья» в центре и бордюром из полосы с завитками вокруг (таблица III: 1) (Ильясова, 1986, с. 148).

Таким образом, изучение ферганской глазурированной керамики XI в. показало, что в этот период, как и в саманидский, уровень развития и общий облик ее соответствовал керамике других регионов Средней Азии, в особенности Шаша, Согда и Семиречья. Этому, безусловно, способствовало последовательное вхождение всех этих территорий в состав единых государственных образований. При этом, однако, выявляются и некоторые черты своеобразия ахсикентской глазурированной керамики, которые четко иллюстрируют её как продукцию одного из крупнейших в Средней Азии, центров производства глазурированной керамики.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. История изучения городища и итоги исследований см.: Анарбаев, 1988, с. 171-187; впоследствии опубликованы также результаты работ: Анарбаев, Иневаткина, 1990, с. 71-86; Ахраров, 1990, с. 136-145; Папахристу, 1990, с. 145-151; Папахристу, 1991, с. 149-154; Анарбаев, Ильясова, 1996, с. 66-176.
2. О глазурированной керамике ферганских памятников, расположенных на современной территории Республики Узбекистан см.: Смирнов, 1960; Чуланов, 1963; Ахраров, 1966; Ахраров, Мирзаахмедов, 1983, с. 161-168; Ильясова, 1986, с. 146-153; Папахристу, Баратова, 1990, с. 158-172; Ильясова, 1990, с. 172-178.
3. Ильясова, 1999; Анарбаев, 1999.
4. Благодарим Г.П.Иванова за возможность ознакомления с материалами Кувинской археологической экспедиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов П., Кадирбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979.
2. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (Итоги и перспективы исследования) // СА, 1988, № 1.
3. Анарбаев А.А., Иневаткина О.Н. Стратиграфическое изучение шахристана I городища Эски Ахен // ИМКУ, вып. 24, Ташкент, 1990.
4. Анарбаев А.А., Ильясова С.Р. Раскопки ремесленного квартала на городище Эски-Ахен // ИМКУ, вып. 27, Самарканд, 1996.
5. Анарбаев А.А. Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента // ИМКУ, вып. 30, Самарканд, 1999.
6. Ахраров И. Керамика Ферганы IX-XII вв. // Автореф. дис.канд. ист. наук. Ташкент, 1966.
7. Ахраров И.А. Раскопки военной казармы в арке городища Ахсикент // В кн.: Древняя и средневековая археология Средней Азии. (К проблеме истории культуры). Ташкент, 1990.
8. Ахраров И., Мирзаахмедов Д. Керамика и стекло Ахсикета // В кн.: Художественная культура Средней Азии IX-XIII веков. Ташкент, 1983.
9. Байпаков К., Ермаков Л. Керамика средневекового Отрара. Алматы, 1991.
10. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА, XI, М.-Л., 1949.
11. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, М.-Л., 1950.
12. Брусенко Л.Г. Глазурированная керамика Чача IX-XII веков. Ташкент, 1986.
13. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
14. Буряков Ю.Ф., Богомолов Г. Канка - Хорашкет, Шахристан - I. Раскоп 10. // В кн. Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
15. Григорьев Г.В. Отчет об археологических разведках в Янгйольском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935.
16. Грещина А.А. Археологические памятники Сырдарынской области. Ташкент, 1992.
17. Ильясова С. Глазурированная керамика из верхних слоев городища Эски Ахен // ИМКУ, вып. 20, Ташкент, 1988.

18. Ильясова С.Р. Ахсикентские чиряги // ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.
19. Ильясова С.Р. К эволюции мотива букета на глазурованной керамике 9-12 вв. // ТД Каршинской конференции. Карши, 1999.
20. Lane Arthur. Early islamic pottery. Mesopotamia, Egypt and Persia. London, 1947.
21. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - начале XIII вв. // ТЮТАКЭ, 11, Ашхабад, 1962.
22. Папахристу О.А. Черная металлургия средневекового Ахсикета (IX-начала XIII вв.) // В кн.: Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). Ташкент, 1990.
23. Папахристу О.А. Сырье для черной тигельной металлургии Ахсикета (городище Эски Ахси) // ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991.
24. Папахристу О.А., Баратова Л.С. Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски Ахси (Ахсикент) // ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.
25. Смирнов А.И. Керамика Ахсыкета // Декоративное искусство СССР, 1960, № 1. М., 1960.
26. Тереножкин А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Труды Института истории и археологии, 1. Ташкент, 1948.
27. Усманова З.Н. Материалы по средневековой керамике г.Ташкента // Сборник студенческих работ САГУ, 10, Ташкент, 1955.
28. Чуланов Ю.Г. Городище Ахсыкет // СА, 1963, № 3.
29. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

Anarbaev A.A., Ilyasova S.R.

Glazed ceramics of Fergana in the XI century.

In the article the glazed ceramics of XI century based on the finds from the old city Eski-Akhsi (Akhsikent) are studied. According to its decor Akhsikent glazed ceramics divided, mainly, into 3 groups:

1. Cups with the images of different variants of flower bouquets (table 1);
2. Cups with variants of vertical rosettes (table 2);
3. Vessels with psevdopigraphics (table 3);

The analyses of these materials and their comparison with the materials of other regions of Central Asia gave an opportunity to find out several specific features of Akhsikent glassed ceramics which illustrate as a product of one of the biggest center of artistic ceramic manufacturing in Central Asia.

ПАПАХРИСТУ О.А.

СЕМАНТИКА ОРНАМЕНТА И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ФЛЯГОВИДНОГО ХУМА XI в. ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ МЫК В ГОРНОЙ УСТРУШАНЕ

В 1987-1990 гг. Бахмальский отряд Института археологии АН Республики Узбекистан проводил археологические исследования в западных отрогах Туркестанского хребта. В исследуемой зоне как бы ключевым памятником оказалось поселение Мык, раскопки которого представили археологам богатейший фактический материал, открывающий перспективу изучения малоизвестной стороны жизни населения средневековой Уструшаны. Поселение расположено на высоте около 2000 м над уровнем моря в долине, образованной за счет расширения ущелья боковыми притоками Еттыкечусая (Мыксая). В результате первого визуального обследования, поселение было условно разделено на четыре объекта: Мык I, Мык II, Мык III и Мык IV. Как показали раскопки, Мык I является руинами замка VII - начала VIII вв., занимавшего вершину естественного скалистого утеса на высоте 80 м над уровнем долины. В 50 м ниже от него (к северо-западу) расположены руины замка IX - начала XIII вв. - Мык II. К северу от Мык II, у подножья утеса, находится поселок - Мык III (верхние напластования содержат археологические материалы IX - начала III вв.). Две штольни и кузнечный горн при них, расположенные на левом, противоположном от замков и Мык III берегу Еттыкечусая, составляют объект Мык IV (Сверчков, 1991; Papakhristu, Swertschkow, 1993).

Основной архитектурной композицией замка Мык II является свободное крестовидное пространство, условно обозначенное как двор, по сторонам которого располагаются тринадцать помещений. В западном углу замка расчищено еще два полуподвальных помещения, построенные за счет искусственного использования горного рельефа. В центре

двора на полу в раздавленном виде было обнаружено два хума, один из которых удалось реконструировать.

Сосуд найден в слое 1028-1035 гг. (Sverchkov, 2000. P.6). Его высота 61,4 см. Тулово яйцевидной формы на плоском донце диаметром 24 см. Наибольшая ширина плечиков 46 см. Хум не имеет горловины. Функцию отверстия, через которое в сосуд наливали и из которого выливали жидкость, выполнял носик длиной 7,2 см с манжетовидным венчиком диаметром 8 см. Из под закраины носика, по обеим сторонам, отходят плоские в сечении, шириной 5,5 см, и петлевидные по форме ручки, противоположные концы которых приделаны к тулову сосуда. Верхняя часть сосуда в том месте, где обычно расположена горловина, оформлена как бы припаянной полусферической крышкой диаметром 11 см. Таким образом, если смотреть на сосуд сбоку, то можно видеть хум, верхняя половина которого декорирована орнаментальными поясами. А если смотреть на сосуд сверху, то видишь богато орнаментированную флягу (Рис. 1).

Рисунок на хуме выполнен до обжига по сырой глине, но после нанесения розового ангоба, поэтому линии, прочерченные острым предметом или полоской "гребенки", имеют красноватый цвет черепка и выделяются на светлом фоне ангобного покрытия. Часть орнамента выполнена отдельными штампами на стенках сосуда или на налечах-шишечках.

Нам представляется, что орнамент на фляговидном хуме имеет скорее смысловой, чем декоративный характер. Создается впечатление, что мастер не просто украсил сосуд, а передал сюжет, смысл которого бы-

ему отчетливо понятен. Композиция включает четыре орнаментальных секции.

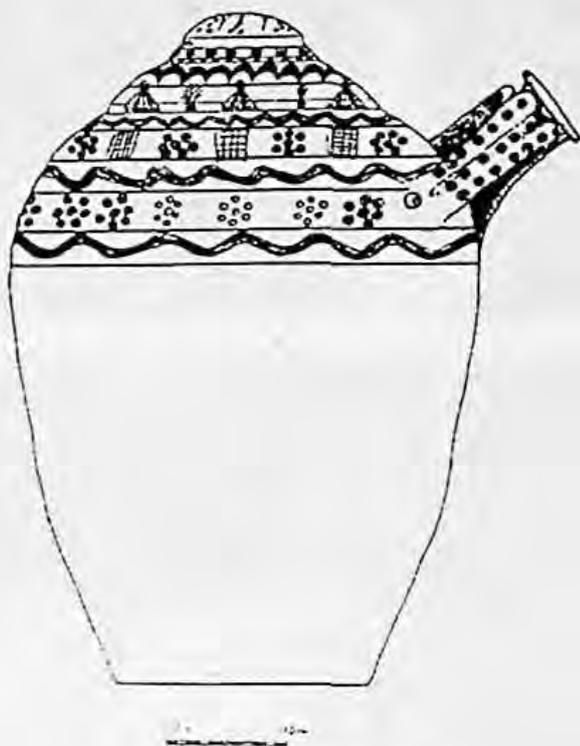

Рис. 1.

Первая, нижняя секция, при взгляде на сосуд сбоку, состоит из двух волнистых полос "гребенки", внутреннее пространство которых заполнено розетками, скомпонованными из отдельных штампов. Гроздь штампов, составляющих отдельные розетки, в виде спирали или отштампованных кружков. Они расположены в розетках вокруг центрального штампа. Всего 19 розеток и в каждой различное число штампов.

Вторая орнаментальная секция, также вписана в пространство между двумя волнистыми полосками "гребенки". Орнамент включает 12 розеток из отдельных штампов в виде спиралей, аналогичных первой орнаментальной секции, и расположенных между ними 12 заштрихованных квадратов.

Третья орнаментальная секция, обрамленная как и две первые, волнистыми полосками "гребенки", представляет чересполосно расположенные 6 фигур равнобедренных треугольников и 6 изображений деревьев. Треугольники острыми углами направлены вверх. Острое навершие каждого треугольника заполнено спиралевидным крупным штампом, а внутреннее тело фигуры, разделенное на два прямоугольника, - круглыми более мелкими штампами. Осно-

ванием каждого дерева служит крупный спиралевидный штамп.

Центром всей орнаментальной композиции, четвертая орнаментальная секция, является полусферическое выпуклое навершие фляговидного хума, основание которого окаймляет полоса, орнаментированная крупными спиралевидными штампами. В центре навершия линией "гребенки" прочерчено изображение семиконечной звезды, пространство между острыми углами которой заполнено круглыми штампами. Петлевидные ручки носика украшены спиралевидными штампами и двумя наклепками-шишечками со спиралевидными штампами.

Для того чтобы понять, что же мастер пытался передать в своем рисунке на хуме, попытаемся рассмотреть орнаментальную композицию в целом и отдельные знаковые коды этой композиции в сочетании с формой вещи. Из опыта исследования семантики орнамента на сосудах и "знаков" на статуэтках очевидно, что "орнамент предназначен для визуальной интерпретации характера предмета, ситуации, события, он подчинен форме вещи, с чем связано ритмическое повторение одних и тех же элементов..., существенным для изучения семантики орнамента является выявление его композиции, поскольку именно структурный костяк различных явлений культуры наиболее стабилен и связывает явления, давая возможность проникнуть в сферу их значения" (Антонова, 1981. С.7-8).

Как видно, мыкский сосуд орнаментирован в его верхней половине и семантика орнамента, по всей видимости, являлась оберегом для жидкости, которая могла находиться в нем. Обычно передача организованного пространства с порождающим символом в изобразительном искусстве древних обществ сообщала предмету, в нашем случае пространство поверхности сосуда, сакральность, а потому и обеспеченность защитой, изобилие и ниспослание всяческого изобилия. Безусловно, смысловая нагрузка знаков может быть понята нами теперь только в очень общей и гадательной форме. Поскольку понять значение "орнаментального кода" можно только соотнося произведения с мифами, ритуалами, как правило оставившими ничтожные следы и известными благодаря их письменной фиксации, то любая попытка семантической интерпретации не может являться окончательной - это лишь более или менее удачный опыт, нуждающийся в подтверждении в процессе дальнейших исследований.

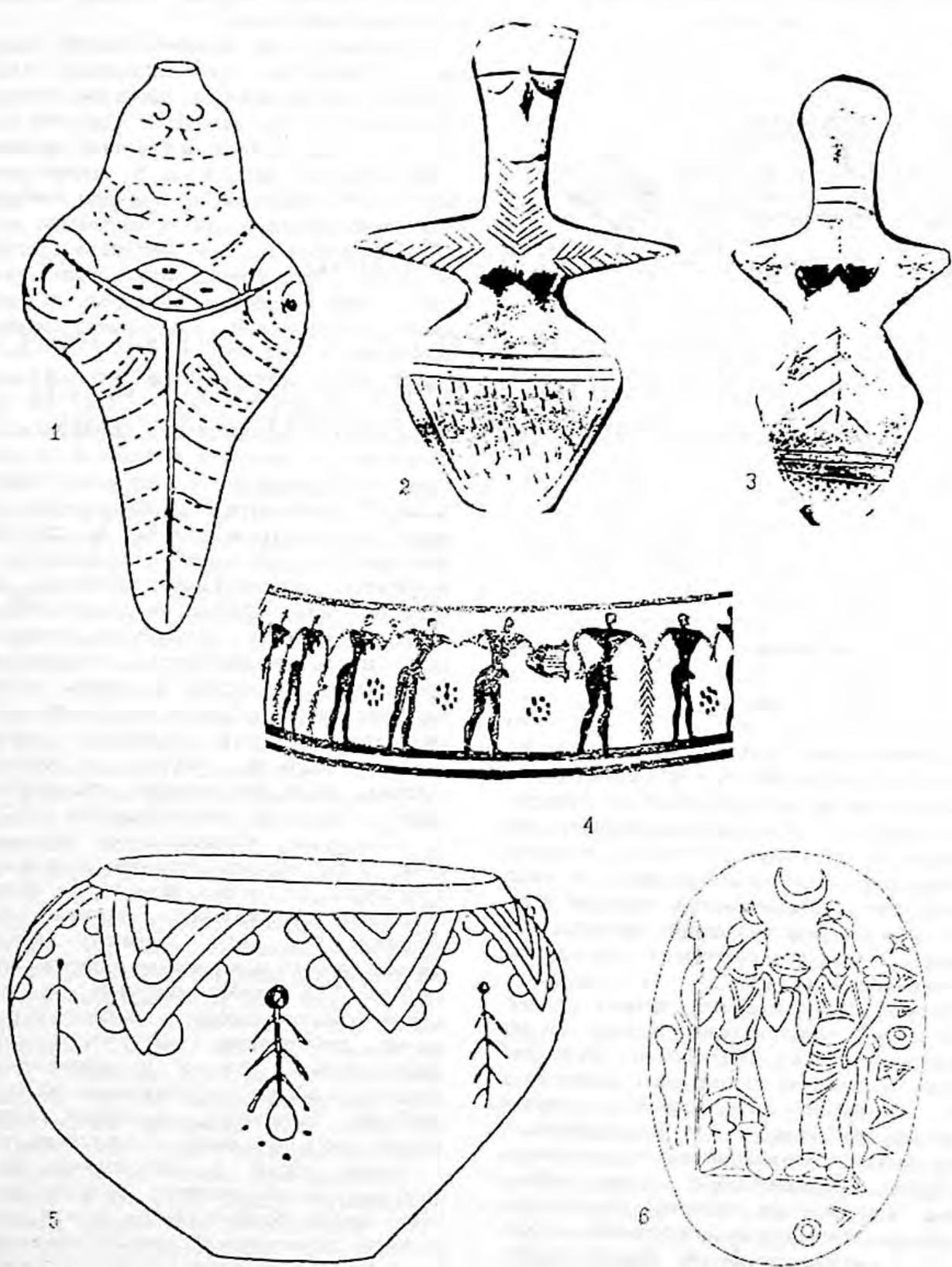

Рис. 2

Все орнаментальные секции на мыкском сосуде помещены между волнистых полос "гребенки". Волнистая линия наиболее встречаемый элемент орнамента на керамических сосудах с древнейших времен и однозначно интерпретируется исследователями как кодовый знак воды и водной стихии. В первой орнаментальной секции, кроме волнистой полосы, мы наблюдаем розетки из круглых и спиралевидных штампов - известные солярные или астральные символы, которые также с древнейших времен распространены по всей Евразии (Даркевич, 1960. С. 57-58). В материалах из Средней Азии, которые близки к датировке нашего сосуда, аналогичные изображения розеток мы

видим в орнаменте антропоморфного очага из святилища огнепоклонников на Джигербенте (Вишневецкая, Рапопорт, 1979. С.105-106).

Во второй орнаментальной секции - это те же солярные символы и заштрихованные квадраты. Обратимся к материалам А.К. Амброза, который в свое время гипотетически наметил значение некоторых наиболее распространенных в орнаментике символов и полагал, что "пересекающиеся линии штриховки могли первоначально изображать те невысокие земляные валики, которыми делились пахотные поля в условиях поливного земледелия, а в условиях неполивного земледелия они могли отождествляться с сеткой борозд, получавшихся в результате поперечного перепахивания поля (необходимых при более примитивных орудиях пахоты)" (1965. С. 22).

Третья орнаментальная секция включает изображения треугольников, внутренне тело которых заполнено круглыми штампами, и деревьев. Острые вершины треугольников и основания деревьев имеют солярные знаки. Что касается изображения дерева, в нашем случае - это вертикальная полоса и вверх направленные косые линии, "или "елочки", то оно воспроизводит "древо жизни" или "ось мироздания", что лежит в основе древнейших культовых представлений как земледельцев юга, так и скотоводческих народов евразийских степей (Филанович, 1995. С. 80). По мнению А.К. Амброза, простой ромб или треугольник был знаком земли, "земной тверди", а точки в ромбе могли изображать семена (1965.С. 22). Таким образом, заполненный треугольник, как и "ромб с крючками", мог быть символом матери земли плодоносящей, знаком плодоносящего поля, беременной матери-земли и отождествляться с древом жизни. Интересно, что перекрещенный ромб с точками отмечает лоно трипольских женских статуэток из Сабатиновки (Амброз, 1965. С. 19) (Рис. 2. 1). Расположенные чересполосно деревья, могут представлять замену женского образа растением и символизировать божество-роженницу, божество спелого хлебного поля или, как нам представляется, даже образ мадонны с младенцем. На статуэтках анауской культуры на плоскую поверхность фигурок спереди и сзади наносились "знаки" и изображения (главным образом, дерева) и немногочисленные украшения в виде ожерелий и бус. Древо изображалось впереди и реже сзади. В первом случае, оно "вырастает" из нескольких горизонтальных линий. Иногда оно занимает всю поверхность фигурки. Е.В. Антонова (предположительно)

сзади также трактовалась как растительная - рисунок ее имеет форму дерева. Хтонизм дерева подчеркивается на статуэтках анауской культуры: оно вырастает из основания фигурок, которое отождествлялось и землей и женским порождающим началом. Будучи космическим существом, богиня не только отождествлялась с деревом, но и считалась, возможно, олицетворением земли. "Знаки" и изображения на статуэтках указывали на тожество тела божества и космоса. Они могли находить соответствие в гимнах и молитвах, обращенных к богине, породившей мир, богине-дереву (Антонова, 1981. С. 9; 16; 18) (Рис. 2. 2-3). Боги, по Т.Якобсену, - в первую очередь покровители растений и скота и почти все прямо или косвенно связаны с плодородием (Jacobsen, 1970).

Вместе с тем, солярный знак, наблюдаемый на вершине треугольника и в основании дерева, мог олицетворять мужское начало. В этой связи для нас представляют интерес исследования Е.В. Антоновой, которая пришла к заключению, что для обитателей Месопотамии отношения космических сил, в пределах которых природное и человеческое были зеркалами друг друга, понимались как взаимодействие двух начал - женского и мужского. В качестве примера приводится знаменитая фигурка козла у дерева из Ура. "Поскольку козел - мужского пола и находится в положении, подчеркивающим его производительную мощь, то дерево, изображенное, что примечательно с цветами, должно быть женским. Счастливым образом идея женской принадлежности "урского" дерева подтверждается женскими головными уборами того же некрополя, лучшим образцом которых является убор Шубад" (Антонова, 1983. С. 21). По мнению Е.В. Антоновой, "мировое дерево в принципе должно быть бисексуальным, поскольку оно объединяет в себе космические начала. Однако мировое дерево, как его понимали и почитали древние, вряд ли представляло из себя сухую абстракцию, скорее это был некий инвариант, который на практике реализовался различным образом" (1983. С. 20-21). Присутствующие в композиции солярные знаки, позволяют связать изображение на мыкском сосуде с известными космическими композициями вселенной - "с плодоносящей землей матерью как центром мировой системы, и солнцем (мужским началом) как ее спутником и подателем жизни" (Амброз, 1965. С. 21).

Нам представляется, что третья орнаментальная секция мыкского фляговидного хума находит удивительно близкую по смыслу

аналогию в орнаменте на одном из лужицких сосудов (Чехия, расписная посуда VI-V вв. до н.э.), где дано антропоморфизированное изображение женщины с двумя мужчинами по бокам (пол всех фигур специально подчеркнут) (Амброз, 1965) (Рис. 2. 5) и в орнаменте на сосуде из Дипилона в Афинах (середина VIII в. до н.э.) (Словарь античности, 1989. С. 615) (Рис. 2. 4). Сюжет женского божества, окруженного мужскими спутниками - поза священного брака или поза роженицы, был распространен чрезвычайно широко и представлен в многочисленных вариантах. Так, в памятниках

Греко-Бактрийского искусства бог солнца Митра вместе с Анахит составляют космическую чету, олицетворяющую все мироздание; воспетый в Ведах брак Сомы и Сурьи (луны и солнца), служил божественным прообразом для всякой земной свадьбы (Тревер, 1940. С. 21, 73); показательное изображение космической четы - Фарро и Ардохшо на кушанской инталии, хранящейся в Британском музее (Rosenfield, 1967. С. 97) (Рис. 2. 6) и т.д.

Следует отметить, что вторая и третья орнаментальные секции мыкского фляговидного хума связаны с землей. А.К. Амброз пишет, что Б.Л. Богаевский, изучая афинские земледельческие культы, установил множественность образов, под которым земледельцы почитали землю: земля вообще - как смутное, неоформленное понятие; мать-земля всего живого, земля-почвенная - как более близкий земледельцу образ; божество покрытого бороздами, вспаханного поля; божество спелого хлебного поля (Амброз, 1965. С. 22).

Кодовая передача орнаментальных "знаков" на мыкском сосуде путем прочерчивания по сырой глине и сами "знаки" очень архаичны и удивительно перекликаются с кодификацией орнаментальных "знаков" на среднеазиатской терракоте эпохи бронзы (Путаченкова, 1986). М.Е. Массон и В.И. Сариниди полагают, что образу богинь и духов в мелкой пластике эпохи бронзы в Средней Азии передают значение стихий воды (со "знаком" зигзага), зерна и растительности (с изображением растительности), неба (с изображением звезды) (1969; 1973). Таким образом, мы видим всю структуру мира: небо, земля и подземный мир, представляющий собой водную стихию. Рождение и организация космоса - краеугольная идея всех представлений в древности, его правильный порядок, восходящий ко времени начала мира - залог благополучного его существования. Важность для орнаментального искусства

обществ есть - понимание порядка мира, открытие которого принадлежит древним земледельцам (Антонова, 1981. С. 7, 14).

Характерно в данном аспекте завершение орнаментальной композиции на мыкском фляговидном хуме, четвертая орнаментальная секция, в виде семиконечной звезды, пространство между лучами которой заполнено точечными вдавлениями. Орнаментальная композиция на внешней поверхности мыкского сосуда, таким образом, вмещала весь космос.

Следует особо подчеркнуть, что в архаичности изобразительного решения и самой космологической идеи композиции для периода раннеисламской Средней Азии мыкский сосуд невероятно близок к орнаментике на хуме X в. и на антропоморфном очаге из святилища огнепоклонников на Джигербенте (Вишневская, Рапопорт, 1979; Вишневская, 1997. С. 24-25). Образное мышление древних и принадлежность их к традиционной культуре как видно препятствовали совершенному забвению значения орнаментальных мотивов, оживляя его в определенных условиях. Для поселения Мык это оправданно, так как перед нами неизвестные страницы жизни жителей горной части Уструшаны, которая, видимо сохранила какие-то древние верования и традиции.

Как уже отмечалось, орнамент на сосуде подчинен форме предмета, с чем связано ритмическое повторение одних и тех же его элементов. Нам представляется, что ритмичность повторения одних и тех же орнаментальных "знаков", в большинстве случаев связанных с земледелием, на мыкском фляговидном хуме имеет числовой календарный характер и может быть связана с аграрным календарем.

Земледельческая обрядность, неразрывно связана со сменой времен года, насыщена случаями изготовления ритуальных предметов именно к данному празднику или обряду. Они представляют неотъемлемую часть ритуала, иногда - его стержень. Им и определяется их значение в жизни коллектива (Антонова, 1981. С. 14).

Календарная тематика, по мнению многих исследователей, начинает проявляться в декорировке керамических и металлических сосудов в очень ранний период. Г.А. Пугаченкова приводит крупный жертвенный котел VI-IV вв. до н.э. из Лугумбека (Ферганская долина), где пребывали племена среднеазиатских скифов-саков. Котел украшен по краю чередованием четырех сквозных концентрических кругов и четырех

шестящихся по часовой стрелке козлов. Семантика сцены, по мнению исследователя, явно космогонического характера; "круги - символы солнца, козлы - священные животные саков - движутся по ходу солнца, в целом эта идея круговорота природы, смена четырех времен года" (Пугаченкова, 1986. С. 189). И уже на сасанидских серебряных сосудах, как полагали К.В. Тревер и В.Г. Луконин, адаптированы композиции времен года и месяцев. Так, в качестве примеров приведены блюдо Парижской национальной библиотеки - изображение ритуалов четырех времен года и олицетворение Земли, а также блюдо из Эрмитажа - символическое изображение гармонии Вселенной или Земли; оба включают и "календарную" тематику и ряд зороастрийских культовых изображений. На некоторых сосудах так много девушек, винограда и иных атрибутов "дионисийского фона", что можно предположить символику Михрагана и осеннего равноденствия, т.е. ритуалов зороастрийских памятников, связанных с вином (1987. С. 86).

Б.И. Маршак и В.И. Распопова в памятниках изобразительного искусства Пенджикента увидели элементы, связанные с календарными праздниками земледельцев и отображающие народные представления о них (Маршак, 1991). Исследователи, вслед за С.А. Токаревым (Токарев, 1973. С. 12-15, 19), предполагают, что в народных календарных праздниках высшие боги играли меньше роли, чем полевые демоны, "культ которых сохранился, несмотря на радикальную перемену религии. В росписи с адонаторами боги вместе с людьми - только участники обряда", в то время как в доме владельца больших зернохранилищ "дух урожая" - он же

Дед-земледелец в таджикской этнографии - сидит на троне и одет в шелка" (Маршак, Распопова, 1991. С. 170; Маршак, Распопова, 1984).

Мыкский фляговидный хум XI в., по всей видимости, еще один экземпляр могущий претендовать на рассмотрение содержания его сложной орнаментальной композиции с позиции земледельческого календаря, так как это, к примеру, рассмотрено Б.А. Рыбаковым на сосуде-календаре IV в. из Земли Полян (Рыбаков, 1962. С. 66-89). Но это предмет отдельного специального исследования. В настоящей статье в таблице (табл. 1) мы лишь приводим полное описание орнаментальных "знаков" и их количество.

ТАБЛИЦА 1

Первая орнаментальная секция

1. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
2. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
3. Розетка с точечными знаками (7 знаков).
4. Розетка с точечными знаками (7 знаков).
5. Розетка с точечными знаками (7 знаков).
6. Розетка с солярными знаками (6 знаков).
7. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
8. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
9. Розетка с точечными знаками (7 знаков).
10. Розетка с точечными знаками (7 знаков).
11. Утрачено.
12. Розетка с точечными знаками (10 знаков).
13. Розетка с точечными знаками (9 знаков).
14. Розетка с точечными знаками (7 знаков).
15. Розетка с солярными знаками (6 знаков).
16. Розетка с солярными знаками (6 знаков).
17. Розетка с солярными знаками (6 знаков).
18. Розетка с солярными знаками (6 знаков).
19. Розетка с солярными знаками (7 знаков).

Вторая орнаментальная секция

11 прямоугольников, заштрихованных сеткой и 12 розеток с солярными знаками (часть сосуда утрачена, могло быть 12 прямоугольников).

1. Небольшая часть сосуда утрачена.
2. Розетка с солярными знаками (6 знаков).
3. Прямоугольник с ромбовидной сеткой.
4. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
5. Прямоугольник с ромбовидной сеткой.
6. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
7. Прямоугольник с квадратной сеткой.
8. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
9. Прямоугольник с квадратной сеткой.
10. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
11. Прямоугольник с квадратной сеткой.
12. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
13. Прямоугольник с квадратной сеткой.
14. Розетка с солярными знаками (8 знаков).
15. Прямоугольник с квадратной сеткой.
16. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
17. Прямоугольник с квадратной сеткой.
18. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
19. Прямоугольник с квадратной сеткой.
20. Розетка с солярными знаками (8 знаков).
21. Прямоугольник с квадратной сеткой.
22. Розетка с солярными знаками (7 знаков).
23. Прямоугольник с квадратной сеткой.
24. Розетка с солярными знаками (6 знаков).

Третья орнаментальная секция

6 равнобедренных треугольников с солярным знаком на острой вершине (внутреннее поле каждого треугольника разделено на два прямоугольных треугольника; обе половины треугольников заполнены точечными знаками), и 6 изображений деревьев с солярным знаком в основании; ветви направлены вверх.

1. Изображение дерева с солярным знаком в основании.
2. Изображение треугольника. Заполнение - по 6 знаков в каждой половине.
3. Изображение дерева с солярным знаком в основании.
4. Изображение треугольника. Заполнение - по 4 знака в каждой половине.
5. Изображение дерева с солярным знаком в основании.
6. Изображение треугольника. Заполнение - 5 знаков в одной половине и 4 знака в другой.
7. Изображение дерева с солярным знаком в основании.
8. Изображение треугольника. Заполнение - 5 знаков в одной половине и 6 знаков в другой.
9. Изображение дерева с солярным знаком в основании.
10. Утрачено (изображение треугольника).
11. Изображение дерева с солярным знаком в основании.

Четвертая орнаментальная секция

Семиконечная звезда, прочерченная полосой гребенки. Пространство между лучами заполнено точечными вдавлениями.

- 1 знаков.
- 2 знаков.
- 3 знаков.
- 4 Утрачено.
- 5 знаков.
- 6 знаков.
- 7 Утрачено.

Носик: два налепа по бокам с солярными знаками.

Ручки: заполнены солярными знаками.

1. Левая ручка: три ряда. Всего 28 знаков.
2. Правая ручка: три ряда. Всего 32 знака.

Сведения о мыском фляговидном хуме будут не полными, если не остановиться еще на одном важном аспекте - удивительной форме сосуда. Это - хум и фляга. Причем, сосуд изготовлен мастером таким образом, что в него могли наливать только жидкость. Богатая и, как нам представляется, магическая по значению орнаментация сосуда служила защитой от злых духов для этой жидкости. Сочетание формы рассматриваемого фляговидного хума и семантики орнамента гепотетически приводит к мнению о наличии пережитков "дионисийского круга" в горной области Уструшаны в XI в. Возможно - это сосуд, который могли использовать как ритуальный в период календарных аграрных праздников, связанных с вином, например Михрагана. Сосуды, имеющие черты "дионисийского цикла", по мнению исследователей, составляют некоторую группу праздничной утвари, использовавшейся на пирах во время зороастрийских праздников, самими почитаемыми из которых были Ноуруз, Михраган и праздник, посвященный огню, Саде (Тревер, Луконин, 1987. С.96; Терновая, 1997. С. 63). В обрядовой практике Востока с древнейших времен известны ритуальные действия "кормление божеств" (наполнение сосудов) и "питие божеств" (из сосудов) (Ардзинбаба, 1982. С.32-33, 105).

В культах, возникших среди земледельческих племен, в качестве ритуальной пищи выступали хлеб и виноградное вино. В таком виде осуществлялся обряд причащения телом и кровью бога у поклонников бога Митры. Этот обряд перешел в христианство. Подразумевается, что после поедания тела (хлеба) и крови (вина) бога, соединяется с богом и делается участником вечной жизни (Субботин, 1990. С.73-77; Терновая, 1997. С. 68). Г.А.Терновая в своей статье "Функциональное назначение ритуальной керамики с зоо- и антропоморфными признаками" достаточно полно рассмотрела аспект использования ритуальных сосудов в календарных обрядах Средней Азии раннеисламского периода. Ею отмечен также весенний праздник праздник Аниран, что означает "возлияние воды". Он отмечался в тридцатый день одиннадцатого месяца. В этот день люди лили друг на друга воду для того, чтобы вызвать дождь (Бируни, 1957. С. 245; Терновая, 1997, С. 69).

Особый интерес для нас представляют данные А.С.Меликян-Ширвани, которые использует в своей статье "О назначении

зооморфных сосудов из Ташкента" М.И.Филанович, собственно, как и сами материалы из Ташкента. Примечательно, что вино играет важную роль в ритуалах зороастризма (Филанович, 1995. С. 79), что, в свою очередь, можно связать с еще более глубокими местными обрядами. Г.А.Пугаченкова, по мнению М.И.Филанович, не без основания видит в указании Бундахишна намек на связь с древними народными культами местного "дионисизма" (Массон, Пугаченкова, 1959. С.228; Филанович, 1995. С.79), т.е. аспект факта жертвоприношения, когда из крови жертвенного быка, согласно Бундахишна, произросли семь виноградных лоз (Тревер, 1940. С. 83). Кровь жертвенного быка напрямую связывается исследователями с вином. Вино, вытекая из отверстия в боку сосуда-быка, имитирует обряд заклания первородного быка и истекание крови из его груди. Этому же порядку царский ритуал возлияния вина во время празднования Науруза. Обычай предусматривал питье царем вина на рассвете и закате дня Хордад месяца Фравартик. Оно наливалось из сосудов-быков в серебряные и золотые чаши в форме полумесяца. Подобная царская церемония под названием «базм», сопровождаемая музыкой и танцами, сохранилась в Иране и в исламское время (Меликян-Ширвани, 1986. С. 81-83; Филанович, 1997. С. 79). Заманчиво видеть в насыщенной орнаментике носика и ручек мыского сосуда передачу идеи, зафиксированной в обычае подносить воду проавителю в «специальном серебряном кувшине, на шейку которого надевали ожерелье из зеленых яхонтов, нанизанных на золотую нитку, продетую в бусы из зеленого хризолита» (Бируни, 1957. С. 229; Терновая, 1997. С. 64).

У Рудаки, Асади Туси, Накджавани название сосудов-быков - "такук" или в пехлевийском - "такок". Этот термин преимущественно означал "быка или корову из керамики, золота или других материалов". Термин вышел из употребления в середине XI в., хотя сами сосуды продолжали изготавливаться даже в XVI в. Литературные источники разъясняют их функциональное назначение - "для питья вина". Как полагают А.С.Меликян-Ширвани и, вслед за ним, М.И.Филанович, археология подтверждает преимущественное распространение в доисламское время именно бычьих сосудов. Если такук служил для разлива вина, то балог ("балог" или "палог", термин заимствованный, возможно

обозначал ритон двух типов: а) оканчивающийся протомой животного; б) в виде полого рога) - в основном для питья. Это следует из поэтического пира у Асади Туси (XI в.) - "тысяча знатных почитателей принца с такук и балаг в руке". Или у Марвази - "образ прекрасной турчанки с арфой, винной чашей палогом и флягой" (Меликян-Ширвани, С. 116). Как мы видим, в последнем случае роль такука выполняет фляга. М.И.Филанович с ссылкой на О.Харпер, приводит данные об изображении участника пира на сосуде из Кливлендского музея (США), который "держит в одной руке ритон с головой быка (балог), из которого пьет, а в другой - сосуд типа фляги в форме животного (такук), или бурдюк (Филанович, 1995. С. 81). Таким образом, рассматриваемый нами фляговидный хум из поселения Мык в горной Уструшане не что иное как сосуд, называемый "такук".

Рассмотренные находки с городищ Ташкента с красноречивыми астральными знаками и символами плодородия свидетельствуют в пользу изначального культового назначения зооморфных сосудов для

возлияния вина, что подчеркивается данными, почерпнутыми из средневековых литературных источников (Филанович, 1995. С. 82). В целом, символика, связанная с астральными понятиями и магией плодородия, на этих сосудах читается четко¹, что перекликается с семантикой орнамента и предположительной функцией мыкского фляговидного хума. Вместе с тем, некоторые сосуды использовались и в каждодневной практике в связи с обрядами очищения, магическими действиями, обеспечивающими плодородие, защиту от злых духов, что может быть правомерным и для мыкского сосуда.

Как бы то ни было, богатая и своеобразная в своей архаичности изобразительного решения орнаментальная композиция мыкского фляговидного хума еще раз подтверждает тезис, применимый к керамическим изделиям древнего периода, о том, что "сосуд - вместилище пищи, воды - главных жизненных благ, и наполняться он должен в результате взаимодействия сил надземных и подземных, оплодотворяющего и рождающего начал (Антонова, 1983. С. 29).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ К примеру, слив от сосуда из раскопа 2 на Кутанттепа: М.И.Филанович склонна видеть в нем изображение молодого безрогого бычка. Голова в виде усеченного конуса, прикрепляется широкой частью к стенке сосуда, а в узкой снабжена крутым отверстием, над которым два углубления ноздрей; глаза переданы кольцевыми напедами, которые прижимают нижнюю часть ушей; слив несет целый "букет" символических изображений: между ушами помещен фаллический нарост, а под ним - полумесяц, охватывающий солнечный диск; концы полумесяца охватывают также фаллический выступ; от ноздрей ко лбу процарпан знак в виде "елочки", т.е. продольная центральная линия с отходящими от нее по обе стороны штрихами), что вполне соответствует роли быка и телца в верованиях Древнего Востока и Средней Азии (Филанович, 1995. С. 79).

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброс А.К. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючками") // Советская археология. 1965. № 3. С. 14-27.
2. Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и "знаки" на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 5-21.
3. Антонова Е.В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры - СА. 1972. № 4.
4. Антонова Е.В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в Древности. М., 1983. С. 13-31.
5. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
6. Бируни Абурайхан. Избранные произведения. Перевод и примечания М.А.Салье. Ташкент, 1957. Т.1.
7. Вишневецкая Н.Ю. Следы доисламских верований в X в. в Южном Хорезме (по материалам городищ Джигербент и Садвар). // Конференция "Верования и культы домусульманской Средней Азии". Тезисы докладов. М., 1997. С. 24-25.
8. Вишневецкая О.А., Рапопорт Ю.А. Следы почитания огня в средневековом Хорезмском городе // Этнография Средней Азии. М., 1979. С. 105-112.
9. Даркевич В.Б. Символы небесных светил в орнаментике Древней Руси // Советская археология. М., 1960. № 4. С. 57-58.
10. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
11. Лобачева Н.П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
12. Маршак Б.И., Распопова В.И. Согдийское изображение Деда-Земледельца // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984.
13. Маршак Б.И. Историко-культурное значение согдийского календаря // Мировая культура: традиции и современность. М., 1991.
14. Маршак Б.И., Распопова В.И. Адоранты из северной капеллы П храма Пенджикента // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 170.
15. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. IV. Ашхабад, 1959.
16. Массон В.М., Саринянц В.И. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы. - ВДИ. 1969. № 1.
17. Массон В.М., Саринянц В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М., 1973.
18. Меликян-Ширвани А.С. Ритон в форме быка и возлияния вина в день Науруза // Коллоквиум "История и культы предисламской Центральной Азии": Тезисы сообщений. Париж, 1986. С.81-83. (на фр. яз.)
19. Пугаченкова Г.А. Шеллевы Средней Азии (Архитектура и архитектурный декор. Скульптура и коронетика. Живопись и миниатюра. Художественная керамика и металл). Ташкент, 1986.
20. Рыбаков Б.А. Календарь IV в. из Земли Полян // Советская археология. 1962. № 4. С.66-89.

21. Сверчков Л.М. Поселение Мык - источник по истории средневековой Уструшаны: Автореферат канд. ист. наук. Самарканд, 1991.
22. Словарь античности. М., 1989.
23. Субботин Ю.К. Православные таинства. М., 1990.
24. Терновья Г.А. Функциональное использование ритуальной керамики с зоо и антропоморфными признаками // Известия Академии Наук Республики Казахстан. 1997. № 1. С. 60-69.
25. Тревер К.В. Гопатшах - пастух-царь // ТОВЭ. П. Л., 1940.
26. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Гос. Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М., 1987.
27. Филанович М.И. О назначении зооморфных сосудов из Ташкента // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент. 1995. N 1
28. Jacobsen Th. Mesopotamian Gods and Pantheons.- Toward the Imag of Tammuz and Other Essayes on Mesopotamian History and Culture. 2. Cambridge, 1970.
29. Papakhristu O.A., Swertschkow I.M. Etsen aus Ustruschana und Tiegelstahl aus dem Fergana-Becken // Der Anschnitt Zeitschrift fur Kunst und Kutur Im Bergbau. 1993. N 4. S. 122-131.
30. Rosenfield J.M. The Dynadtic Arts of the Kushans. Berkely and Los Angeles, 1967.
31. Sverchikov L. Three Discoveries from the Ustrushan Myk Castle // San'at. Tashkent, 2000. N 1. P. 6-7.

Papakhristu O.A.

Semantics of the Ornament and a Functional Purpose of a XI c. Flask-Like Khoum from the Settlement of Myk in Mountain Ustrushana

In the 1987 to 1990 the Bakhmal team of the Uzbekistan Academy of sciences Institute of Archaeology undertook archaeological studies in western branches of the Turkestan edge. The settlement of Myk was the key object in the area being investigated. During excavations of the castle in Myk II (IX - early XIII cc.) two large crashed vessels, *khoums* were found on the floor in the center of the yard and we managed to restore one of them. The vessel was found in the layer dated 1028 to 1035. The *khoum* has an egg-like form on a flat bottom without a neck. Its nose was used to pour liquid in and out of the vessel. From the edge of the nose to its both sides two flat in section and loop-like handles branch, the opposite sides of which are fixed to the body of the vessel. The upper part of the vessel at the site where the neck is usually placed is modeled with a semispherical lid, which looks as if it were sweated to it. If one looks at the vessel from one side one can see a *khoum*, the upper part of which is decorated with ornamental belts. If the vessel is looked at from above, one can see a rich-ornamented flask.

The ornament of the flask-like *khoum* has rather a semantic than decorative character. The master's goal was not only to decorate the vessel but he managed to portray the scene, the meaning of which was clearly understandable for him. The composition consists of four ornamental sections. In the article the semantics of the decor is considered in a cosmological aspect from the position of the agricultural calendar and as the echo of the «Dionisian cycle» cult. The pictorial solution and cosmological idea of the composition itself are archaic for early Islamic Central Asia. Image-bearing thinking of the ancient and their belonging to a traditional culture seem to be an obstacle to a complete oblivion of the meaning of ornamental motifs making it more vivid in certain conditions. It is justified for the settlement of Myk as we are reading unknown pages of the history of residents of the mountainous part of Ustrushana.

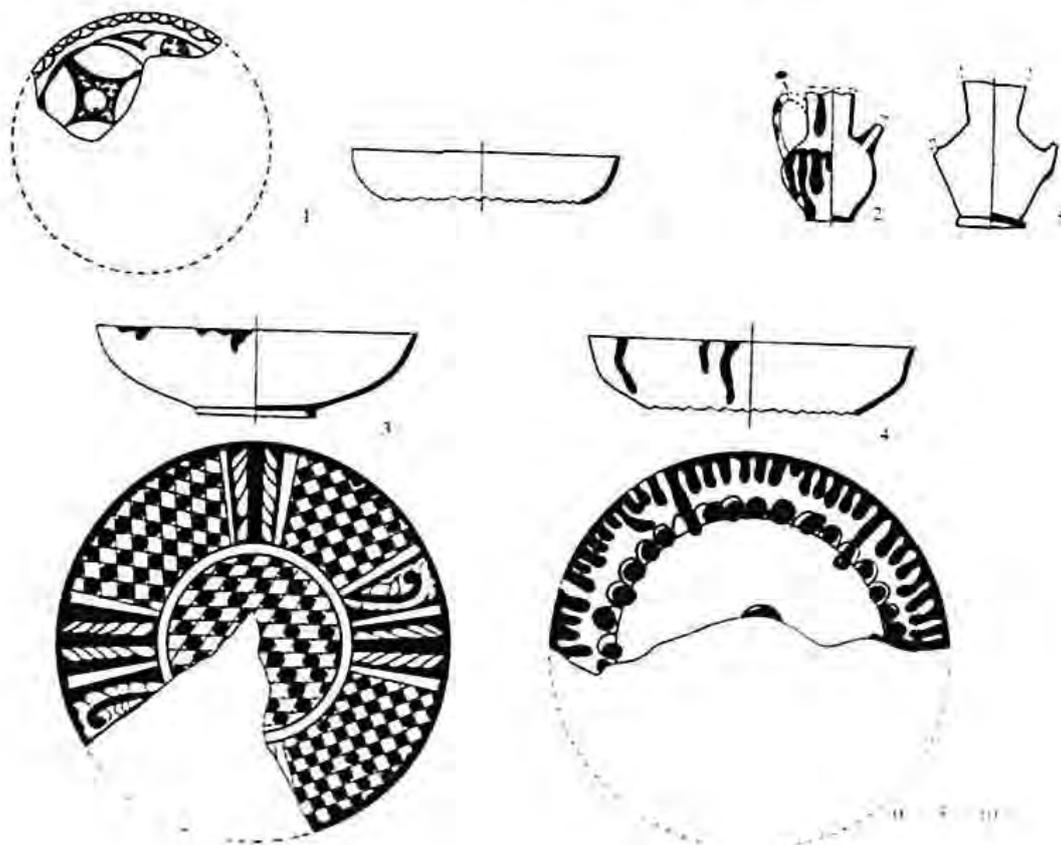
Ильясова С., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СТЕКЛО И КЕРАМИКА БИНКАТА - ТАШКЕНТА IX-XI ВВ.

Раздел 2. Керамические изделия.

Предлагаемая публикация является продолжением рассмотрения материалов, начатых в предшествующем выпуске ИМКУ (1, с. 237-245) и посвящена разбору керамических комплексов, полученных в 1984 г. в основном, из котлована под овощехранилище, расположенного к югу от центрального здания базара Эски-Джува (Чорсу - западный рабад Бинката) старгородской части средневекового Бинката-Ташкента и шахристана городища Минг-Урюк.

В последнем, из наиболее сохранившегося бадраба № 1 был получен хотя и небольшой, но оригинальный комплекс керамических изделий с ишкорной поливой и один стеклянный сосудик-поильник (рис. 1:5), который был рассмотрен в предыдущей публикации. В том же бадрабе был обнаружен сосудик аналогичной формы и назначения, но керамический (рис. 1:2). Остальные изделия комплекса, на описании которых мы остановимся ниже, состояли из образцов блюд.

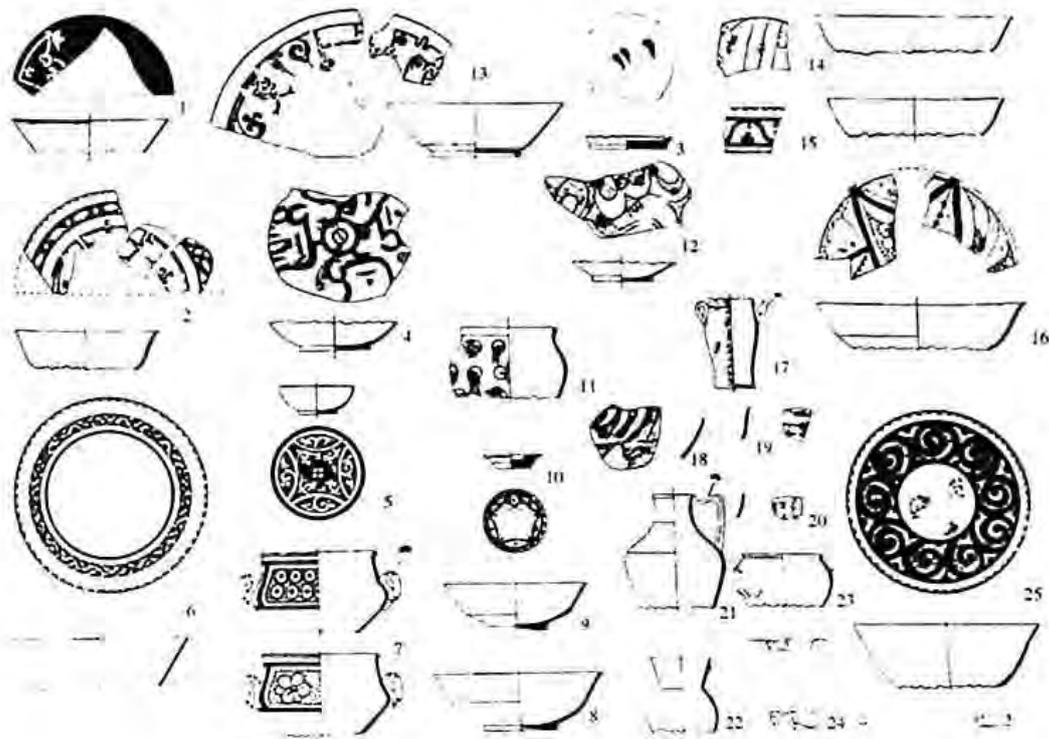

Рис. 2.

1. Археологически целая форма крупных размеров (Дв-34, дл-13, н-11 см) на кольцевом поддоне (рис. 1:3). Орнаментация поверх щелочной глазури фиолетовыми контурными линиями, заполненными зелено-бирюзовыми пятнами. Сетка на бортах заполнена пятнами в шахматном порядке между ними сектора с растительным узором. На дне сосуда - пятна рядами. Узор полулиста в Согде относится скорее к X в. (16, табл. LXVI, 2), хотя керамика с ишкорной поливой была наиболее характерна для регионов Мавераннахра в IX в.

2. Фрагмент крупного блюда с пятнистой росписью, дополненная поясом оконтуренными пятнами (рис. 1:4). Пятнистая роспись получила широкое распространение на сосудах Ташкента (7, табл. 25), Самарканда (16, табл. XXVIII, XXIX) и Ближневосточных стран в IX в. (23, с. 175-177).

3. Блюдо с композицией в виде четырехугольной фигуры, вписанной в круг. (рис. 1:1), была также распространенной в росписи керамики IX в. (7, табл. 25; 16, табл. XLII, 1-3).

Таким образом, необходимо отметить, что керамика Бинката с щелочной глазурью и пятнистой росписью датируется Л.Г.Брусенко IX в. По нашему мнению, несмотря на то, что первая чаша (рис. 1:3) могла иметь хождение в пределах IX - первой половины X вв., тем не менее весь комплекс в целом состоящий из образцов посуды с ишкорной поливой,

безусловно определяет её производство - серединой, второй половиной IX в.

Перейдем к описанию материалов из котлована под овощехранилище базара Эски Джува (Чорсу) имевшего подпрямоугольную форму 60x105 м и глубину 4-6 м. Уровни культурных горизонтов, сильно пострадавших при строительстве проследить не удалось, тем не менее здесь, по стенам траншеи, было расчищено в общей сложности десять разновременных бадрабов, большей частью разрушенных и сохранившихся на различную высоту. Керамические материалы шести из них датируемые IX-XI веками и послужили основой для данной публикации.

БАДРАБ 4. Представлен всего 3 сосуда. 1. Фрагмент крупного блюда полусферической формы, орнаментированной по краю зубчатым бордюром (рис. 3:4). На внутренней поверхности сосуда сохранилась часть растительного обрамления, обычно окружающего вихревую розетку, выполненного в красно-коричневой гамме. Снаружи по краю косые полосы. Роспись выполнена по белому ангобу, под блестящей, хорошего качества глазурью, покрывающей целиком чашу, снаружи до поддона.

2. Следующий сосуд - фрагмент кружки цилиндрической формы, петлевицная ручка которой снабжена пятой для упора пальца (рис. 3: 7). Роспись выполнена черно-коричневой краской по белому фону под блестящей

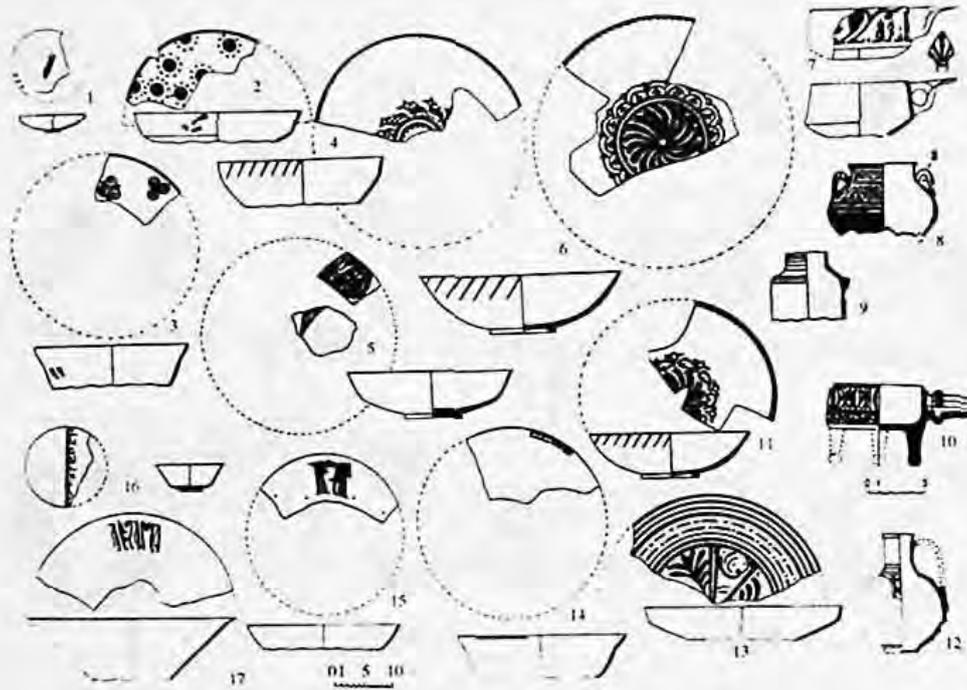

Рис. 3.

глазурью. На пятке веерообразный узор, по внешней поверхности стенок полоса надписи, состоявшей, вероятно, из повторяющегося слова «тукфа» (чтение Дж. Я. Ильясова). На фрагменте четко видны «та» с диакритическими точками и «каф», горизонтальная линия которого слившаяся в одну с нижней, снабжена двумя скрученными петлями, а ствол делится на две пышные полупальметки. Эта надпись детально рассмотрена О.Г. Большаковым, показавшим, что она появляется в результате сокращения надписи «Таваккал тукфа» - «Уповай (на Аллаха) - будешь удовлетворен» (4, с. 82-85, рис. 12-13). Кроме керамики Самарры, это пожелание в полной форме встречается и в материалах из Нишапура (18, pp. 32, 92, 240, pls. 6, 36, 110). Стилистически публикуемой нами надписи наиболее близок вариант написания на сосудах, опубликованных О.Г.Большаковым (3, табл. VI:e, VII:6) и Л.Г.Брусенко (7, табл. 36:9). По надписи цветущее куфи сосуд можно датировать второй половиной X в. По мнению Л.Г.Брусенко, кружки подобной формы в Чаче широко распространяются в X в. (7, с. 46, табл. 30:7).

3. Фрагмент конической формы блюда с вертикальным бортиком, с росписью, выполненной по белому фону оливковой, черной и красной красками (рис. 3:13). На внутреннем поле сосуда - концентрические круги, выполненные сплошными линиями и сочетанием точек и полосок. В центре круг разделен на сектора, чередующие пальмовый лист и растительные завитки. Появившийся в

середине X в. мотив пальмового листа в Чаче употребляется всегда в радиальной композиции (7, с. 52, табл. 15:1,4). Интересно отметить, что фрагмент с пальмовым листом из бадраба второй половины X - начала XI вв. встречен вместе с кружкой с листовидным уступом для ручки с эпиграфическим декором (7, табл. 41:3). В нашем бадрабе 4 также их сочетание.

Таким образом, материалы бадраба можно датировать второй половиной X века.

БАДРАБ 5. Керамический материал из этого бадраба в отличие от значительного количества стеклянных изделий, рассмотренных нами в предыдущей публикации, не многочисленен.

1. Фрагмент блюда на кольцевом поддоне (рис. 3:6) украшен усложненной вихревой розеткой с двойным кругом, обрамляющим ее. Над ним бордюр в виде двойных арок с заключенными внутри ромбовидными фигурами, по краю чаши - зубчатый бордюр, снаружи косые полосы. С внешней стороны глазурь покрывает сосуд неравномерно, включая иногда и поддон, имеются зеленоватые потеки глазури. Роспись выполнена коричневой, красной и оливковой красками. Имеет аналогии в материалах из Бинката, а также Ханабата (бадраб второй половины X - начала XI вв.) (7, с. 56-57, табл. 37:3, табл. 5:1).

2. На следующем блюде розетка включена в кольцо пышного растительного рисунка (рис. 3:11). По мнению Л.Г.Брусенко, в конце X - первой половине XI вв. в изображении вихревой розетки совершенно исчезает

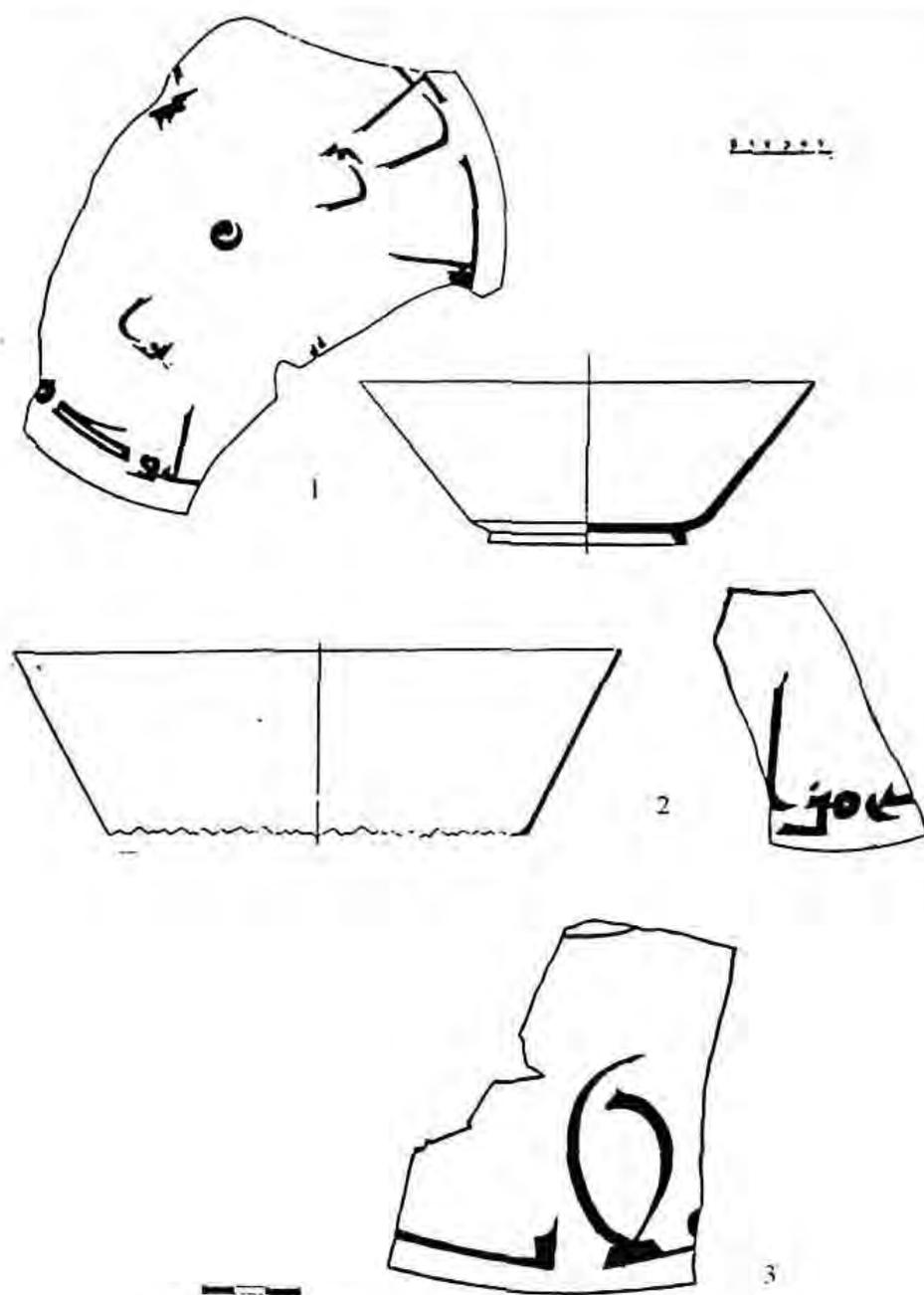

Рис. 4.

закрывающий ее ранее concentрический круг и остается лишь грубо выполненное обрамление из двойных завитков (7, с. 57, табл. 34:4, табл. 38:5, 12).

3. Фрагмент блюда, с цветочным букетом и миндалевидными фигурами, выполненный в красно-коричневой гамме (рис. 3:5). Глазурь покрывает снаружи сосуд на 2/3. Датируется XI в. (7, табл. 47).

4. Интересной находкой является фрагмент блюда полусферической формы (Дв - 28 см) с росписью серовато-оливкового тона в виде плетенки с дорожкой из перлов или крапин по центру, снаружи также косые пятна красного и черного цветов.

5. Фрагмент краснофонного блюда на кольцевом поддоне, целиком покрыт орнаментом: в центре - четырехлепестковая розетка, образованная плетенкой в круге, между лепестками подтреугольной формы фигуры (рис. 6:2). Над розеткой, двумя concentрическими кругами нанесен узор в виде перевитой ленты, над ним - ряд круглых медальонов, внутри которых крапины в кольце точек. Роспись выполнена черной, белой, оливковой красками по красному ангобу. Аналогичная розетка имеется на блюде конической формы XI в. из бадраба I (Ташкент, Гульбазар, разрез) (7, табл. 38:8, табл. 34:12). На нашей розетке серпиги

округлая. Необходимо отметить своеобразие круглых медальонов с крапинами в кольце точек. Обычно в них заключены пальметты (7, табл. 40:3). В Согде имеются образцы четырехлепестковых розеток, помещенных в центре чаш, датирующиеся X - началом XI вв. (16, табл. LX:2: 15, рис. 17).

6. Археологически целая пиала конической формы с перегибом в нижней части. По внутренней поверхности полоска стилизованной надписи, разделяющей сосуд на две равные части. Глазурью сосуд покрыт снаружи на половину (рис. 3:16). В таблице орнаментов Согда Г.В.Шишкина называет ее сильно стилизованной надписью куфи с полупальметтами и диакритическими знаками (16, табл. 1:34) и датирует X в. (17, рис. 38:1). По материалам Чача Л.Г.Брусенко датирует подобный сосуд первой половиной X в. (7, табл. 13:5).

Несколько фрагментов белфонных чаш из этого бадраба имеют упрощенные надписи. Одна чаша с надписью «ал-бирр» (чтение О.Г.Большакова) (рис. 3:17), которая появляется в Согде в конце X в. (17, с. 53, рис. 25:1, 3, 4). Вторая чаша имеет надпись «ал-йумн» (рис. 3:15), по материалам Согда она также датируется концом X - первой половиной XI вв. (17, с. 51).

Черноангобированный широкогорлый сосуд с одной сохранившейся ручкой (хурмача), украшен растительно-геометрическим узором с пятнами красного цвета (рис. 3:8).

Таким образом, если не принимать во внимание археологически целую пиалу с полосой стилизованной надписи, датировка которой не выходит за пределы X в., то весь остальной комплекс из бадраба 5 может быть отнесен к концу X - первой половине XI вв.

БАДРАБ 6. Археологически целый сосуд с невысоким цилиндрическим туловом на трех ножках (сохранилась одна), с горизонтальной полкой восьмигранной в сечении ручкой, по венчику имеется уступ для крышки (рис. 3:10). Диаметр венчика 9 см, высота 4 см. светло-желтый черепок, резной орнамент в виде пояса ромбиков и треугольников, покрыт зеленовато-белой глазурью прямо по черепку. Этот сосуд, несомненно, относится к керамическим подражаниям металлическим изделиям, и воспроизводит форму бронзовых курильниц IX-XI вв. (13, с. 171, 186, рис. 48:12, табл. 22:1; 19, р. 32, fig. 7: 20, р. 28, № 331). Аналогичная керамическая курильница имеется в материалах из Согда (16, табл. 16:16). Г.В.Шишкина называет этот сосуд

ковшом (16, с. 20), однако нам представляется, что функции керамических подражаний соответствовали функциям металлических прототипов, поэтому данный сосуд правильнее называть курильницей.

Небольшое блюдце полусферической формы, покрыто глазурью до поддона имеет прямо по центру полосу псевдонадписи, по краю венчика - три пятна (рис. 3:1).

Фрагмент чаши со слегка профилированным венчиком имеет декор в виде строенных, соединенных между собой колец, выполненных черной краской, внутри и места соединений выделены красно-коричневыми пятнами (рис. 3:3). Мотив строенных пятен довольно широко известен по другим материалам (17, рис. 43:1). Однако наши пятна имеют контуры.

Фрагмент блюда с перегибом тулова (рис. 3:2) имеет декор в виде беспорядочно расположенных крапин в кольце точек, выполненных красно-коричневой краской. Орнамент появляется в Согде только в самом конце X века (17, с. 53, рис. 39:2).

На донце одного из сосудов (рис. 2:3) три каплевидных мазка коричневого цвета под слегка зеленоватой глазурью.

Два фрагмента донца от сосудов с эпиграфическим орнаментом на фоне меандрообразных в резерве фигур с точечным заполнением в темно-коричневой гамме. Крапины коричнево-желтоватого оттенка. Аналогичный декор имеет сосуд из Илака (16, табл. LXI:4).

Археологически целая чаша средних пропорций (Дв 13,5, дд. н-4,5 см.) украшена изображением крупной птицы, роспись выполнена красной, белой, зеленой, коричневой красками, под бесцветной глазурью, целиком покрывающей сосуд до поддона (фонды Государственного музея истории народов Узбекистана, инв. № 296-129).

Таким образом, материал из этого бадраба можно датировать в пределах X в.

БАДРАБ 8. Наибольшее количество керамики происходит из этого бадраба, мы рассмотрим ее по группам.

К первой группе относятся несколько фрагментов от белой чаши и тарелочки с грязно-белой глазурью, покрывавшей толстым слоем плотный черепок желтовато-коричневого цвета. Глазурь, наносившаяся прямо по черепку, покрывала как внутреннюю, так и внешнюю поверхность посуды. Формы изделий полусферические или усеченно-конические. Роспись нечеткая, расплывчатыми контурами. Цвет

ограничена сине-зеленой, травянисто-зеленой и черной красками, которой обычно обводились контуры рисунка. Орнаментация состоит из растительно-геометрических мотивов, которые, видимо, заполняли всю внутреннюю поверхность изделия. Керамика подобного типа широко встречается по материалам Бинката и датируется первой половиной IX в.

2. Ко второй группе относятся сосуды, орнаментация на которых выполнялась жирными черными линиями по светлому ангобу под прозрачно-бесцветной глазурью с расплывчатыми зелеными пятнами или потеками по всей площади внутренней поверхности. К ней относятся образцы с волнистой и стреловидной орнаментацией, располагавшейся в виде бордюра по венчику усеченно-конических блюд. Подобная орнаментация широко встречается по материалам Бинката и датируется второй половиной IX - первой половиной X вв. (7, табл. 10:3, табл. 28:3).

3. К третьей группе относится керамика различных форм (чаши, блюда, тарелки) с блестящей свинцовой поливой, линейно-геометрической орнаментацией различных видов, проходящей бордюром у венчика и выполненной черной, красной и коричневой красками по белому фону. Типичны образцы с замысловатыми переплетениями, образующими ряд узлов, полоса из переплетающихся полуovalов или Г - образных знаков между двумя параллельными линиями (плетенка) (рис. 2:6,15). Она широко встречается в материалах Мингурюка и датируется X в. (7, табл. 23:8,10, табл. 14:4). Подобная орнаментация отмечена на керамике Согда (17, с. 54, рис. 25:2) и Нишапура (22, р. 110, fig. 4, р. 112, fig. 12).

4. К четвертой группе относятся образцы керамики с бесцветной или оливкового оттенка блестящей глазурью с эпиграфическим орнаментом. В подавляющем большинстве это чаши, блюда, тарелки, надписи на которых выполнены почерком строгого куфи, цветущего куфи, курсивом, есть также псевдонадписи. Почерком строгого куфи, выполненного черной краской, орнаментированы фрагменты стенок двух чаш. Надписи почерком цветущего куфи исполняются как черной, так и в сочетании с красной краской, иногда дополняются различного вида плетенками по венчику.

Почерком цветущего куфи также выполнена надпись белой краской по черному фону на фрагменте чаши (рис. 2:1).

На фрагментах двух сосудов из бадраба 8 удалось прочесть три надписи (чтение Дж.Я.Ильясова).

1. Археологически целая чаша конической формы на кольцевом поддоне, имеет подглазурную роспись, выполненную коричнево-красной краской, в центре донца круглое пятно с процарапанным завитком под бесцветной глазурью, целиком покрывавшей сосуд, снаружи до поддона (рис. 4:1). Концентрические надписи почерком строгий куфи, вершины букв обращены внутрь.

Внешняя надпись сохранила следующие буквы: «лям», «джим», «вав», «даль», «мим», вершины двух «алифов», «лям», «алиф», «лям», «джим».

[1] لبود من اخلاق اهل الجنة

Ал-джуду мин ахлаки ахли 'л-джанна.

Перевод:

«Щедрость - свойство праведников».

Внутренняя надпись:

الحرر

Ал-хурру баррун

Перевод:

«Свободный человек - благонравен».

Надпись повторяется дважды, причем начальный «алиф» написан после слова «баррун».

Первая надпись является наиболее излюбленной в декоре саманидской керамики (5, с. 37-46). Имеется она и на бинкетских сосудах (11).

В отличие от первого афоризма, известного по большому количеству аналогов, второй афоризм известен нам пока только по двум сосудам, один из которых хранится в тегеранском Музее Реза Аббаси (18, р. 142, pl. 61), а другой найден в Ташкенте (11: 12, с. 32).

Сосуды с двумя афоризмами, написанными в две концентрические полосы довольно редки, они есть в материалах из Бинката и Нишапура. На бинкетском сосуде надпись, составляющая внутреннее кольцо, не читаема (7, табл. 35:1), на одном из нишапурских сосудов обе надписи одинаковые, а на двух других - разные (18, pls. 25, 1, 55).

По стилю почерка чашу можно датировать концом IX - первой половиной X века.

2. На фрагменте чаши конической формы сохранились четыре буквы: конечный «алиф» или «ха», соединенные

начальный «алиф» (рис. 4:2). Это по-видимому, часть афоризма:

[العلم زين للفتى و العقل تا]
من [لذهب]

Ал - 'илму зайнун ли-л-фата ва л-аклу
таджун мин л-захоби.

Перевод:

«Знание - украшение юноши,
а ум - корона из золота».

Почерк - строгий куфи, «нун» имеет диакритический знак. По стилю почерка сосуд можно датировать концом IX - первой половиной X вв. О.Г.Большаковым опубликованы два сосуда с аналогичной надписью (6, с. 59), а А.Кучани - четыре (18, pls. 11, 28, 73, 138).

5. К пятой группе относятся несколько образцов чаш сервизного характера с секторной композицией орнамента. Сектора с нанесенными на белый ангоб темными пальметтами на стеблях чередуются с секторами с процарапанным узором по красному фону в виде цепочек (рис. 7:4), ромбиков (рис. 7:1), а также в виде кругов с заключенными в них х-образными элементами (рис. 7:2). По мнению исследователей орнамент сложился на основе чеканного декора и известен на других памятниках (7, с. 53, табл. 23:4; 8, рис. 26:5; 9, рис. 23:7; 16, с. 57). Фрагмент донца одной чаши, на котором сектора с пальметтами чередуются с секторами с вписанными друг в друга треугольными фигурами, не имеет аналогий (рис. 7:3).

6. К шестой группе можно отнести образцы крынок (хурмача), по этнографическим параллелям, служивших для хранения молочных продуктов. Обычно это двуручные сосуды, делящиеся по размерам на большие и малые. Поэтому часто большие по размерам называли хурмой, а поменьше - хурмачей. Среди наших комплексов выделяются две крупные хурмы. Первая из них покрыта белой прозрачной свинцовой поливой и орнаментирована глазчатыми и цветочными мотивами на фоне точечного окружения (рис. 2:7). Вторая также орнаментирована глазчатыми кружками по всему тулову с добавлением зеленых пятен (рис. 2:11). Художественное оформление подобного типа уже встречалось в материалах из Шаша и датируется X в.

Интересной находкой является археологически целое блюдо усечено -

конической формы на плоском поддоне (рис. 5:2). Бордюр в виде пояса идущих друг за другом стилизованных лебедей в округлых картушах. В центре сосуда сетка, ячейки которой заполнены строеными пятнами. Роспись выполнена черной, коричневой и красной красками. Глазурь некачественная, снаружи тусклая до поддона. Внутри поверх росписи зеленые пятна (фонды Государственного музея истории народов Узбекистана, инв. № 296-130). Аналогичные изображения птиц имеют чаши середины X в., найденные в Мингурюке (9, с. 54, рис. 22:2,4). Аналогичную сетку имеет сосуд из Бинката с надписью: «Тот, кто много говорит - часто ошибается» (12, с. 33).

Археологически целое блюдо с изображением павлина (фонды Государственного музея истории народов Узбекистана, инв. № 296-127), выполненное оливковой и красной красками (рис. 5:1). В аналогичной манере выполнена птица из бадраба X в. на Мингурюке (9, с. 54, рис. 22:6).

Фрагмент чаши усеченно-конической формы разделен на четыре части полосками стилизованной надписи с полупальметтами, между ними помещены своеобразные элементы в виде кругов с узлами и двумя расходящимися полупальметтами, выполненные красно-коричневой краской по белому фону под бесцветной глазурью (рис. 6:3). Данный элемент имеет некоторое сходство с изображением соединенных стеблями полупальметт на чаше из Нишапура (22, р. 38, fig. 37).

Неглазурованная керамика делится, в основном, по формам на блюда, кувшины и котлы.

1. Блюда полусферические или слегка усеченно-конической формы на дисковидном вогнутом поддоне. По характеру исполнения и обжига не отличаются от глазурованных (рис. 2:8,9).

2. Кувшины узкогорлые с яйцевидным туловом (рис. 2:21) и шаровидным туловом и горловиной с раструбом (рис. 2:22), ручки лентовидной формы.

3. Котел, изготовленный на гончаром круге, со слегка отогнутым венчиком, шаровидным туловом со скобовидными ручками, имеет декор (рис. 2:23).

В бадрабе найдены фрагменты одного штампованного кувшина с шаровидным туловом, плавно переходящим в расширяющуюся кверху горловину. К краю венчика и плечика была прикреплена пластинчатая ручка. Сосуд украшен штампованным орнаментом. Тулово кувшина составлено

половин (верхней и нижней), изготовленных в разных матрицах-калыбах (рис. 8). В верхней части рельеф состоит из четырех секторов (сохранилось два), разделенных вертикальными полосами, заполненными ромбами с полушаровидными выступами внутри. Внутри секторов изображения обращенных вправо стилизованных птиц, одна из которых держит в клюве виноградную гроздь, голова другой украшена длинным хохолком с завитком на конце. Нижняя часть кувшина украшена изображениями чередующихся бутонов и сетки с выпуклыми кругами.

Зооморфные мотивы, в частности, изображения птиц, были весьма популярны в декоре штампованной керамики (14, с. 311, рис. 51). Изображения птиц с растительностью в клюве известны на глазурованной керамике (22, р. 51, fig. 74 a; 21, р. 211).

Анализ материала из восьмого бадраба позволяет его датировать концом IX-X вв.

БАДРАБ 9. Фрагмент чаши конической формы имеет надпись, выполненную темно-коричневой краской под бесцветной глазурью, почерком строгого куфи (рис. 4:3). Буквы концентрической надписи, расположенной на внутренней поверхности сосуда, обращены вершинами внутрь. Сохранилась часть букв «айн», «лям-алиф» и «нун» с диакритической точкой. Нет сомнений, что это слово «аланиййату», а вся надпись должна читаться как

الحرس علانيه الفقر

«Ал-хирсу аланиййату л-факри»,

Перевод:

«Жадность - проявление бедности».

Этот афоризм приписывается имаму Али ибн Аби Талибу и встречается в двух вариантах на нишапурской керамике, опубликованной А.Кучани: первый вариант (Ал-хирсу аламату л-факри - «Жадность признак бедности») представлен на трех сосудах, второй вариант - на одном (18, pls. 1, 18, 71, 122).

В мавераннахрских материалах надпись «Жадность - проявление бедности» впервые прочитана и переведена Дж.Я.Ильсовым на сосуде из Саганийана (городище Бударч) (10, с. 59). Эта надпись выявлена также на сосудах из Бинката, Худжанда и Самарканда (12, с. 32). Две аналогичные бинкетские надписи опубликованы без чтения Л.Г.Брусенко (7, табл. 23:5, табл. 35:2).

На фрагменте блюда имеется изображение птицы, выполненное оливковой краской с

добавлением черного и красного цветов на фоне растительного орнамента (рис. 6:1) (Фонды Государственного музея истории народов Узбекистана, инв. № 296-128).

Археологически целая глубокая чаша имеет в центре изображение своеобразной шестилепестковой розетки с листовидным узором внутри лепестков (рис. 6:4). Снаружи сосуд украшен орнаментом, чередующим упрощенный веерный букет и вертикальные полосы псевдонадписи. Точных аналогий розетке мы не имеем. По мнению исследователей, в конце X-XI вв. упрощенный веерный букет переходит на наружную поверхность сосудов (16, с. 58; 7, табл. 34:г).

Фрагмент еще одной краснофонной чаши имеет слегка деформированный венчик. По краю украшен неширокой полосой темно-оливкового цвета, контуры и полоса крапин внутри - черной краской. Внутреннее поле сосуда украшено чередующимися белыми и черными полосами, пересекающимися под углом. Снаружи чередование косых полос белого цвета и крупных черных пятен.

Несколько белофонных фрагментов чаш украшены на дне маленькими пятнами коричневого цвета.

Очень крупная чаша конической формы (Дв.-34, Н-10,4, Д-12,4 см.) по краю венчика имеется шесть отрезков псевдонадписи (аналогична рис. 3:14). Пиала конической формы - четыре пояса псевдонадписи. В Согде подобные отрезки псевдонадписи характерны для X в. (17, рис. 44). Подобная керамика из Нишапура датируется X в. (22, р. 110, fig. 1, 2).

Интересной находкой является фрагмент кувшина с зауженным к низу туловом и двумя петлевидными ручками (рис. 2:17). Покрит «псевдоишкорной» поливой марганцево-черного цвета и украшен вертикальной цепочкой пятен желтого оттенков. Очень близок по типу кувшинам XI в. с городища Эски-Ахси (2, с. 170, рис. 2:1).

Среди неглазурованной керамики выделяется археологически целая сероглиняная хурмача с длинным носиком-сливом и двумя высокими ручками. Другой сероглиняный кувшинчик меньших размеров имеет цилиндрическую форму тулова (рис. 3:9).

В целом, керамика из бадраба 9 датируется X в.

БАДРАБ 10. Несколько фрагментов сосудов с орнаментацией, выполненной черными линиями по светлому ангобу под прозрачной глазурью с расплывчатыми зелеными пятнами:

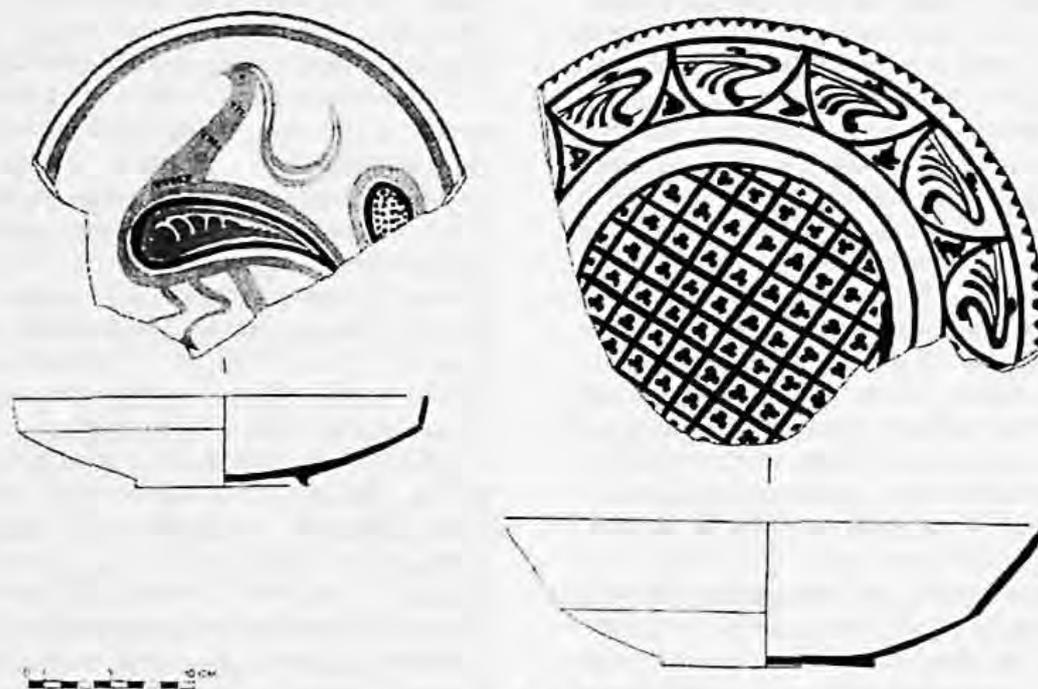

Рис. 5.

1. Фрагмент блюда с орнаментацией в виде звезды (рис. 2:16).

2. Сосуд с растительной орнаментацией в виде широкой полосы, заполненной крупными спиралевидными завитками. Резервы заполнены черной точечной орнаментацией, оконтуренной красной линией (рис. 2:25).

3. Донце с небольшими псевдо-эпиграфическими мотивами, расположенными в резервах абстрактной растительной композиции (рис. 2:4).

4. Фрагмент донца с зооморфным мотивом (возможно, дракон?) (рис. 2:12).

В целом, по стилю керамика данной группы сходна с подобной керамикой из бадраба 8, но изображения на сосудах (рис. 2:4, 12, 25) точных соответствий в публикациях не имеют.

Хурмачи меньших размеров также встречены в двух экземплярах, как и в бадрабе 8. Первая покрыта светлой поливой по белому ангобу, вторая - желтой по черепку. Орнаментация на первом состоит из глазчатых мотивов с зелеными пятнами, а на втором из желтых кружочков, идущих по горлышку.

Небольшая чашечка, покрытая с двух сторон плотным красно-коричневым ангобом, с росписью белой краской в виде растительных побегов плетенкой, покрыта желтой глазурью (рис. 2:5) (фонды Государственного Музея истории народов Узбекистана, инв. № 296-131).

Маленькое блюдце с широким бортиком, украшенное пятиугольником, выполненное в красно-коричневой гамме под бесцветной глазурью, также как и предыдущий сосуд, среди публикаций аналогий не имеет (рис. 2:10).

Общий анализ материалов из бадраба 10 даёт возможность конкретизировать его датировку последней четвертью IX-серединой X вв. Таким образом, в заключение, необходимо отметить, что керамические материалы полученные при раскопках средневекового Ташкента позволяют в определенной степени расширить наши представления по динамике развития художественно-технологических особенностей поливной посуды IX-XI вв.

Первый комплекс относимый к IX веку из шахристана городища Минг Урюк (рис. 1) представляет из себя оригинальный набор монохромной столовой посуды с ишкорной поливой характеризующий особый, более ранний этап в формировании стиля поливных изделий Мавераннахра. Вместе с тем бросается в глаза преимущественное использование на данном хронологическом отрезке форм блюд. Причем четко выделяются образцы выполненные как в парадной (рис. 1:3), так и обиходной форме (рис. 1:1, 4).

Последующие этапы развития керамического производства Бинката-Ташкента широко представлены по материалам крытого рынка Эски Джува (Чорсу).

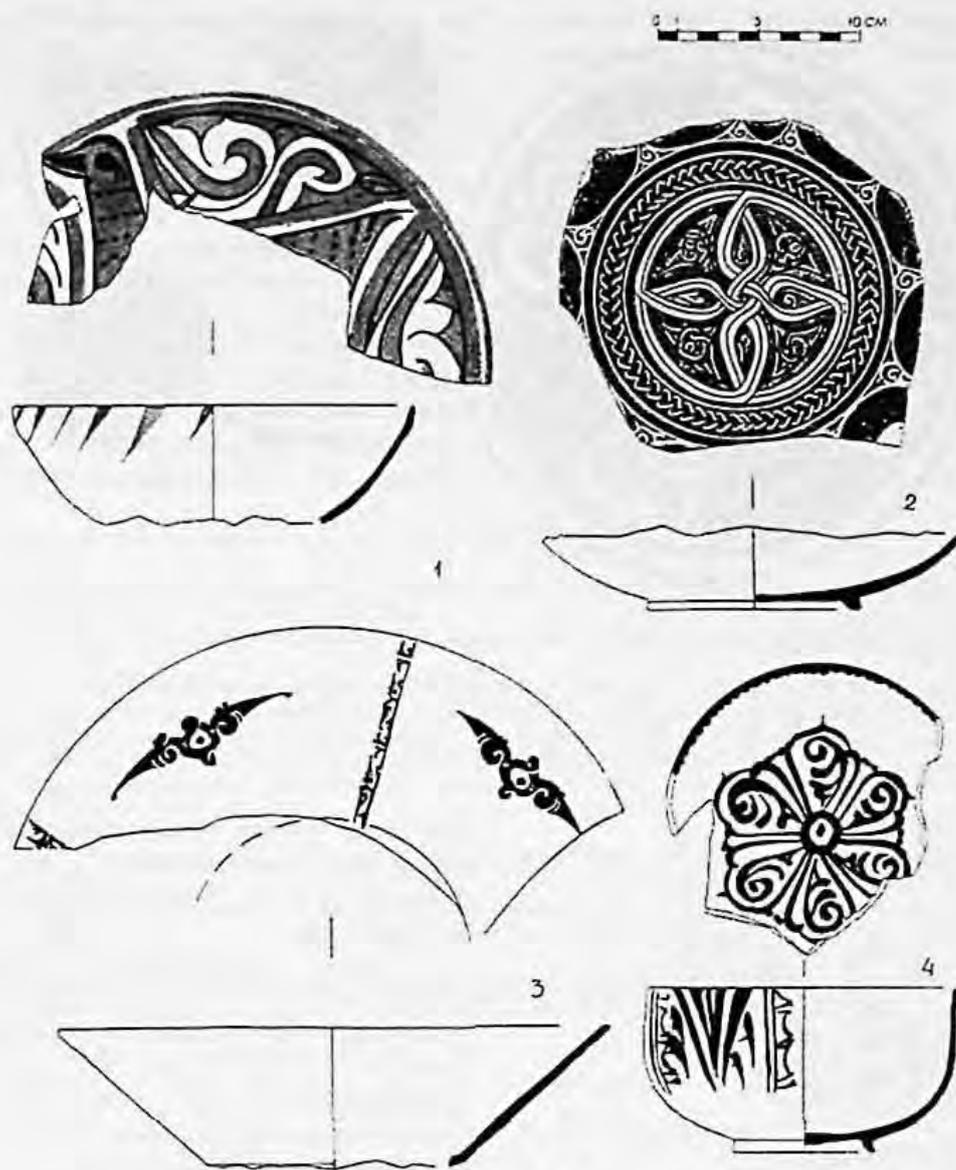

Рис. 6.

В художественно-технологическом плане очередной хронологический период определяется последней четвертью IX-концом X вв. На начальном его рубеже получают широкое распространение формы чаш (рис. 4), тарелок, пиал (рис. 2:5; рис. 3:16) различных форм крынок (рис. 2:7, 11, 17) и другие мелкие сосудики (рис. 2:10). Последние могли иметь широкий спектр использования - от солонок, перечниц и усмадонов, вплоть до обыкновенных детских игрушек (24). Скорее концом X в. можно датировать новую форму чаш - коса (рис. 6:4), очень близко напоминающие их современные образцы.

В художественном плане период характеризуется как наивысший расцвет поливной керамики эпохи развитого средневековья и выражается наряду с монохромными, массовым распространением полихромных изделий с разделением ее по

колориту, композиционным и технологическим особенностям на несколько стилевых направлений. Наиболее выразительной среди них являлась посуда с эпиграфическими благожелательными и назидательными изречениями, ярко пропагандировавшая наивысшие духовные ценности мусульман эпохи.

Следующую специфическую группу составляла посуда с зооморфными мотивами. Среди них наиболее распространенными являлись изображения птиц, которые также в исламской традиции считались приносящими удачу, символами красоты, чистоты и оберегами.

Ещё одну большую стилевую группу составляет полихромная посуда с орнаментацией из черных жирных линий по белому ангобу с расплывчатыми зелеными пятнами или потеками по всей поверхности.

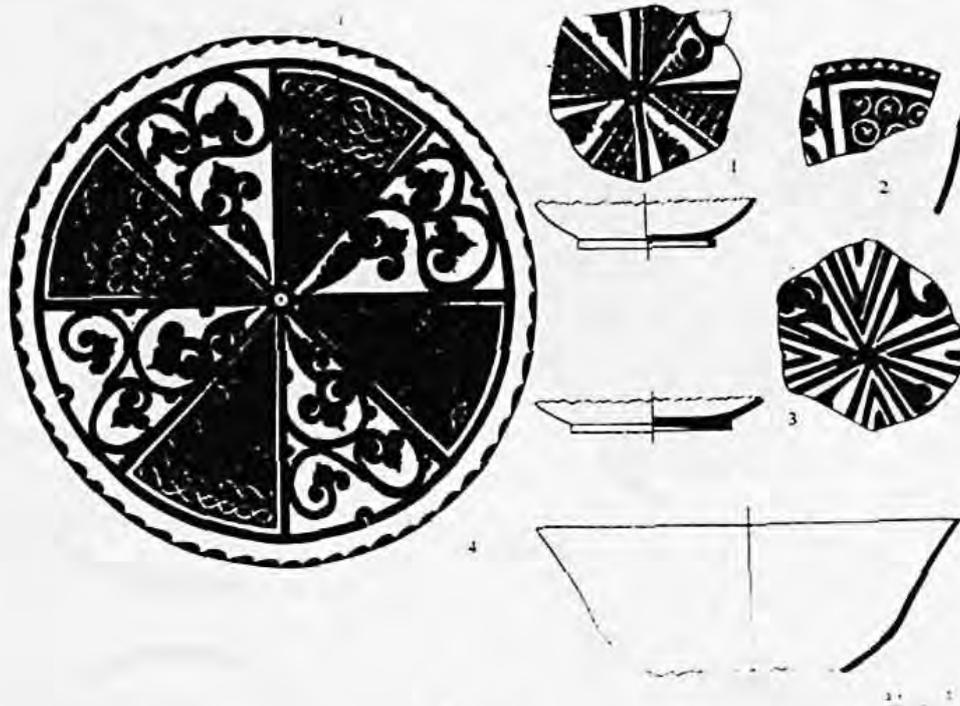

Рис. 7.

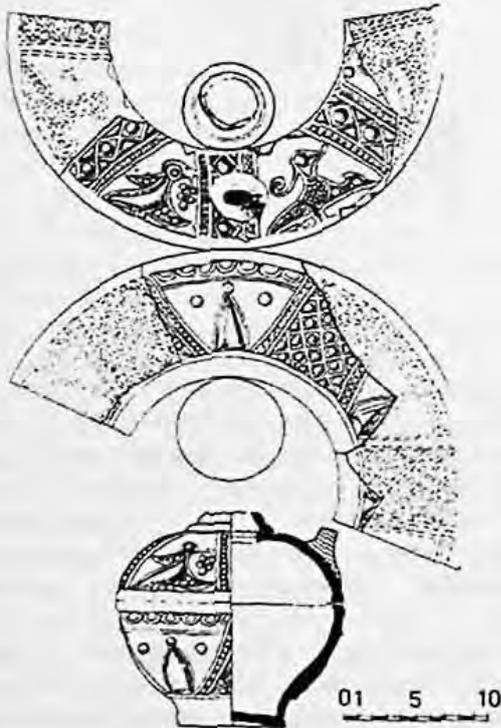

Рис. 8.

внутренней поверхности и точечными мотивами в пунсонной технике под метал, в резервах.

Выделяются своей яркостью и сочностью красок также полихромные чаши выполненные в сервизном варианте (рис. 7).

Наиболее полно вышеперечисленные группы керамики представлены по материалам бадрабов 8 и 10. В меньшей степени бадрабов 4, 6 и 9.

Также необходимо подчеркнуть на отсутствие в наших комплексах посуды с зелено-желтой росписью и процарапанными мотивами (яичница с луком), столь характерной для поливных изделий Самарканда (Афрасиаб) данной эпохи, что, возможно, объясняется локальными особенностями чачских центров гончарства.

Следующий хронологический период, по материалам наших комплексов, охватывает период с конца X - по середину XI вв.

Данный исторический отрезок характеризуется значительным сокращением художественных стилевых направлений, общими процессами упрощения росписи и постепенным переходом богатого, самобытного орнаментального искусства X в. в канонизированные рамки стандартной ремесленной продукции. В целом это выражается в практическом исчезновении на посуде натуралистических зооморфных мотивов, полной стилизацией эпиграфических надписей (рис. 3:15, 17), превращению богатых по колориту и разнообразных по сюжету растительно-цветочных композиций в стилизованные, стандартные веерные букеты и вихревые, лепестковые розетки по центру (рис. 3:5, 6, 11).

Также необходимо подчеркнуть, что на одной из чаш (рис. 3:15) отмечено несколько отверстий от скоб некогда соединявших обломанные фрагменты изделия. При этом данная чаша несомненно носила парадный характер и служила украшением стен михманханы.

В целом, все вышеперечисленные примеры упрощения растительно-цветочных композиций, практического исчезновения натуралистических зооморфных изображений, исчезновение на посуде к XI в. назидательных выражений и замена их короткими благожелательными стилизованными надписями, а также факты использования на полках

михманханы парадной склеенной посуды, свидетельствуют об общих процессах ухудшения к XI веку жизненного уровня населения, понижения его покупательских способностей и как следствие, производство керамистами более дешевой, но отвечавшей своим функциональным требованиям и спросу населения, посуды.

В свою очередь, все эти процессы, видимо, были тесно связаны с постепенной, все расширяющейся депрессией в экономике и нарастающими последствиями серебряного кризиса охватившего Центральную Азию в эту эпоху.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мирзаахмедов Д.К., Ильясова С., Адылов Ш.Т. //Средневековое стекло и керамика Бинката-Ташкента IX-XI вв. Раздел 1. Стекланные изделия. ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999г.
2. Анарбаев А.А., Ильясова С.Р. //Раскопки ремесленного квартала на городище Эски-Ахси. //ИМКУ, вып. 27. Самарканд. Изд-во «Регистан», 1996.
3. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // ЭВ, 12, 1958.
4. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // ЭВ, 15, 1963.
5. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // ЭВ, 16, 1963.
6. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX-XII вв. // ЭВ, 17, 1966.
7. Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX-XII вв. Ташкент, 1986.
8. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
9. Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
10. Ильясов Дж. Связи средневекового Саганийана //Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов. Ташкент, 1992.
11. Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я. Арабские надписи на керамике Бинката (в печати).
12. Ильясова С.Р., Ильясов Дж.Я. Новые данные о надписях на саманидской керамике. //Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути. Самарканд, 1994.
13. Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. Москва, 1985.
14. Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X - начале XIII вв. //ТЮТАКЭ. том XI, Ашхабад, 1962.
15. Лунина С.Б. Города Южного Согда VIII-XII вв. Т., 1984
16. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
17. Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
18. Ghouchani A. Inscriptions on Nishapur pottery. Tehran, 1986.
19. Melikian-Chirvani A.S. Islamic Metalwork from the Iranian World 8th -18th Centuries. London, 1982.
20. Terres secretees de Samarcande. Ceramiques du VIIIe au XIIIe Siecle. Paris, 1992.
21. Treasures of Islam. Geneva, 1985.
22. Wilkinson Ch.K. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. The Metropolitan Museum of Art.
23. Rosen-Ayalon M. La poterie islamique. Memoires de la Delegation Archeologique en Iran, 50, Paris, 1974.
24. Мирзаахмедов Д.К. Ещё раз к вопросу о керамике с зеленой -поливой из Пайкенда. // ИМКУ, вып. 29. Самарканд, 1998.

Пугаченкова Г.А.

ЕЩЁ ОБ ИШРАТХАНЕ

Ишратхана принадлежит к числу замечательных памятников архитектуры темуридского Самарканда. Название это переводится как «Дом наслаждений» и связано с народным преданием, по которому, здание строилось по желанию легендарной жены Амира Темура Биби-Ханым в качестве её будущего мавзолея (а возведение усыпальниц ещё при жизни имело место среди восточных правителей). Но когда Амир Темура увидел завершённое здание, он был так восхищён его красотой, что в восторге расцеловал жену, воскликнув - «Пусть это будет нашей Ишратханой, а мавзолей возведем в другом месте!».

Легенда эта была записана ещё в прошлом столетии русскими авторами, у которых Ишратхана на этой основе соответственно фигурирует, как один из загородных дворцов Амира Темура. Это определение было повторено ещё в 20-х гг. XX столетия некоторыми западно - европейскими авторами.

Между тем уже в 30-х гг. XIX в. высокообразованный самаркандский автор-таджик, Абу - Тахир Ходжа, на основе как личных наблюдений, так и широкой ориентации в письменных источниках, в посвященной памятникам Самарканда книге «Самария», писал : «Та дахма благородная, что к северу от их мавзолея (имеется в виду мавзолей Абди-Дарун), и что людьми Ишратхана именуется, та запрещённая, целомудренной госпожи Сахиб - Давлат - бика, каковая мать упомянутой госпожи Хабиба Султан - Бегум, дочь эмира Джалаледдина того гумбаза выдающегося и художья для жилия распоряжение сделала» (Абу Тахир Ходжа, 1899. С. 257).

Перевод «Самарии» и комментарии к ней были осуществлены В.Л.Вяткиным и опубликованы в 1899 г. А затем им был

изучен, связанный с Ишратханой вакуфный документ, составленный в 868 г. х. = 1464 г.

В нем приведено детальное распоряжение, связанное с возведением женой темурида Абу-Саида, Хабиба-Султан-Бегим «здания под куполом голубого цвета» для их дочери Хавенд-Султан-бика, о пожаловании ею в вакф для поддержания постройки земель, рабов, всяческого имущества - ковров, покрывал, сосудов и пр.

Натурное изучение памятника было проведено уже в советское время. В 1919 г. М.Е.Массон сосредоточил внимание на прекрасной изразцовой панели в главном зале мавзолея (Массон, 1927. С. 171 и сл.). В 1926 году В.Л. Вяткин осуществил расчистку спуска из этого зала, где был обнаружен обширный склеп, заполненный завалами земли, удаление которых, однако, им не осуществлялось. А в 1939/40 гг., в связи с подготовкой в Узбекистане к 500 - летнему юбилею Навои, было осуществлено всестороннее изучение памятника группой специалистов во главе с М.Е. Массоном. Здесь им были осуществлены раскопки склепа, где обнаружено 23 погребения, по определению антропологов женских и детских. Работа коллектива была подитожена и позднее опубликована в коллективной монографии «Мавзолей Ишратхана» (Мавзолей Ишратхана, 1958). В ней разделы истории памятника, его изучения и результаты археологических вскрытий написано М.Е.Массоном, раздел по архитектуре - Г.А. Пугаченковой, по архитектурному декору Б. Н. Засыпкиным, приведен перевод В. Л. Вяткина с комментариями вакуфного документа, даны специалистами анализы стекла и тканей, полученных при раскопках. После того памятник публиковался неоднократно, в частности автором этих строк (Пугаченкова, 1958. С. 49 и сл.).

Казалось бы был получен максимум данных об этом мавзолее женщин и детей самаркандского дома темуридов второй половины XV в. Однако в 1974 г., в журнале «Строительство и архитектура Узбекистана» появилась статья П.Ш.Захидова, где он утверждает, что Ишратхана это не мавзолей, но один из роскошных дворцов Амира Темура - Дилькуша (Захидов, 1974. С. 32-34). Год спустя мною была опубликована ответная статья, в которой показана необоснованность такого отождествления (Пугаченкова 1975. С. 10-13). Позднее археолог У.Алимов произвел под руководством Я.Г.Гулямова раскопки холма, местонахождение которого соответствует данным письменных источников и где он обнаружил остатки дворцового здания, отождествляемого с дворцом Дилькуша (Алимов, 1974. С. 26-27, 41; Он же, 1984).

Тем не менее в 1997 г к юбилею Амира Темура появляется две богато изданных книги, где автором об архитектуре времени Тимура является П.Ш.Захидов, вновь отождествляющий Ишратхану с дворцом Дилькуша (Захидов, 1996. С. 69-77; Он же, 1996. С. 75-83).

Какие же данные приведены в пользу такого утверждения? По существу единственный довод сводится к тому, что по сведениям Бабура Амир Темур приказал провести от сада Дилькуша до ворот Фирюза парадную аллею - хиабан, обсаженную тополями. Но ведь по обе стороны ворот Фирюза располагалось немало участков, садов и построек. В частности в вакуфном документе указано, что мавзолей располагался близ сада Фирюза. Далее П.Захидов пишет, что в документе якобы «речь идет о мавзолее - ханаке, пристроенном к небольшому зданию мазара Ходжа-Абди-Дарун, что же касается женского захоронения, то могила Султан-Хавенд-бика располагалась в непосредственной близости от мазара Ходжа Абди-Даруна внутри некрополя».

Никаких доказательств к этому не приводится.

Между тем в документе прямо говорится о возведении не просто парадной могилы, а здания, показателем чего служат даже перечисленные дарственные предметы - ковры, ткани, сосуды, которые нужны в помещении, но не для открытой могилы.

Почему-то П.Захидовым опущено и указание Абу-Тахир-Ходжи о том, что Ишратханой население именует именно здание усыпальницы, а ведь Абу Тахир досконально знал и вакуфный документ и о мавзолеем назначении постройки.

Само расположение Ишратханы возле кладбища, разросшегося здесь с XII в., и использовавшегося ещё в XV в. (о чём говорят сохранившиеся на нем мраморные надгробия (Мавзолей Ишратхана, 1958. С. 92, рис. 14-15), исключает возведение Амиром Темуром в 1497 г. для своей жены Тукель-Ханым, бок о бок с мазаром со многими погребениями, загородного увеселительного дворца, где проходили пышные пиршества с возлияниями вина (о чём пишет Клавихо). Разумеется для такого дворца Великий Эмир выделил бы обширную территорию с густым садом, вдали от места печальных поминок или текущих захоронений. И наоборот, вполне логичным было возведение при Абу-Саиде рядом с почитаемым мавзолеем Абди-Даруна семейной усыпальницы темуридского дома.

П.Захидов обходит молчанием склеп Ишратханы. Прежде он писал, что захоронения в нем - якобы поздние, когда - де дворцовая функция дворца Дилькуша была как бы забыта. Но археологические вскрытия выявили в одной из центральных могил две монеты, одна из которых достаточно четкая, принадлежит к чекану Бухары 1428/9 г., с надчеканом второй половины XV в. - дата достаточно убедительная (Мавзолей Ишратхана, 1958. С. 44). Спрашивается почему во дворце стали бы устраивать обширный склеп? Во всей дворцовой архитектуре мусульманского Востока нет дворцов со склепами. Между тем они характерны для мавзолеев. Сошлемся на Гур-Эмир, Мавзолей Биби-Ханум, ряд усыпальниц в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде, Дорус-Сиадат в Шахрисябзе, мавзолей Абу Наср Парса в Балхе. В Азербайджане это мавзолей Ших-Баба в с. Баба-Юсуфа, ибн Касайира и Мумине-Хатун в Нахичевани, крупные мавзолей в Берда, в Карабагляре, и ряд других. В Индии после Бабура - мавзолей Мухаммед Адиль-шаха в Биджапуре, Хумайюна в Дели, Тадж-Махал в Агре - перечень можно продолжить. Склепы здесь определены функционально, причем нередко их делали обширными с «запасом» - для захоронения членов семьи «основного» усопшего.

Утверждая, что Ишратхана, якобы является дворцом конца XIV в., автор затем безапелляционно заявляет от отнесении к этому времени конструкции пересекающихся арок и шитовидных парусов, ссылаясь при этом на Чупан-ата в Самарканде и усыпальницу Ходжа-Ахмата Ясави Туркестане. Однако отнесение

времени Амира Темура ничем не доказано, по всем данным это памятник 30-40 гг. XV в. Что касается здания Ахмада Ясави, то там нет ни пересекающихся арок, ни развитой системы щитовидных парусов, имеется лишь самое начальное появление таких парусов в двух помещениях.

Проследим вкратце эволюцию этой представленного в Ишратхане развитой системы, которая уже вошла в ряд публикаций.

Итак, почти до конца XIV в. в архитектуре региона от Ирана до Турана использовалась система купольных перекрытий, переход к которым от квадрата помещений (нередко с нишами на осях) осуществлялся системой переходного восьмигранника стен помещения (иногда с арочными нишами) и угловых арочных парусов. Однако в конце столетия впервые появляются восемь промежуточных ромбовидных парусов (получивших в литературе название «щитовидных»). Систему эту можно видеть в поминальной мечети при мавзолее, построенном Туркан-ака в 1405 г., в ансамбле Шахи-Зинда и в одном из помещений мавзолея Ходжа Ахмада Ясави в Туркестане. Позднее число этих парусов увеличивается - вместо одного по три в двух ярусах. При этом купол уже покоится на образуемом ими 12-ти и 16-ти гранном звездчатом основании. Примеры тому дают помещения Хазира Абдаллака Ансари в Герате 1425-29 гг., и входной портал ансамбля Шахи-Зинда, возведенный в 1434 г. Улугбеком от имени его сына Абдалазиза.

Упомянутая прежняя система восьмигранника арок и арочных парусов, которая применяется почти во всех постройках Амира Темура (Гур-Эмир, мечеть и мавзолей Биби-Ханым, мавзолей Шахи-Зинда) используется ещё в первой трети XV в., - например, в мечети Гаухар-Шад в Мешхеде 1418 г., в мавзолее в Туруке 1433/4 г. Но в третьем десятилетии появляется новая система пересекающихся арок-аркбутанов и промежуточных щитовидных парусов, иногда дополненных также сталактитами. Первый пример тому дает мавзолей Гаухар-Шад при медресе ее имени в Герате. Оно было окончено в 1438 г, но мавзолей, очевидно был завершен уже к 1424г, поскольку в нем был погребен ее брат Суфи Тархан, а в 1433 г. - сын Басункар (Golombek., Wilber., 1988, p. 306-307, ill. 160, 166, 169; O' Kane, 1988, p. 167-168, fig. 14, 3-4). Лишь с этого времени данная конструкция получает применение к парадным сооружениям. Такова она в медресе

Гиясийе в Харгирде 1443 г. в Масджиди - Джамии в Турбети - Шейх Джаме 1440-44 гг., в Бука'а Зайнеддина в Тасабаде 1444/45 гг., в мавзолее Касым-Анвара в Лангаре 1486 г. В этот перечень органично входят Аксарай в Самарканде и мавзолей Юнусхана в Ташкенте.

Ничем, по существу не обосновано П.Захидовым утверждение, будто в планировочном отношении «крестовидный план» являет основу парковых дворцов и парадных домов, а применение такого плана для мавзолеев «носит произвольный характер - результат использования существующего дома или подражания им». На чем же строится такое утверждение? Ни на чем, кроме отождествления Ишратханы с дворцом Дилькуша - ни одного другого примера «кешка - дворца» не приведено. Между тем «крестовидный план» характерен в XV в. для макуры больших мечетей (Биби-Ханым в Самарканде, Масджидди-Мавляна в Тайабаде, джума -мечеть а Зиратгохе), для помещений мечети при медресе (Улугбека в Бухаре, Гийасийе в Харгирде, Ду-Дар в Мешхеде, Амир Фирузабад в Турбети -Шейх Джаме). Вместе с тем для парадных усыпальниц типичен этот план. Таковы мавзолей Гур-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде, мавзолей Джехангира в Шахрисабзе, Гаухаршад в Герате, Юнус - хана в Ташкенте, Шайх-Ахмед Абулхана в Турбети - Шейх - Джаме, Абу - Наср Парса и Ходжа - Аккаша в Балхе, Момо Шарифом в Газни, Али б. Талиба в Мазари - Шерифе. Причем это отнюдь не результат использования существующего дома, или подражания им», но вполне определенный архитектурный тип «гумбаза» - купольной усыпальницы со склепом. В этот тип органично входят Ишратхана, Чупан-ата, Ак-Сарай в Самарканде, безапелляционно отнесенные П.Захидовым в разряд кешков - дворцов.

Столь же бесосновательно отнесено появление техники росписей «кундаль» украшающих интерьеры Ишратханы, ко времени Амира Темура. На самом деле ни в одной из бесспорно темуровских по времени построек (Гур-Эмире, мечети и мавзолее Биби-Ханым, мавзолеях Шахи-Зинда) - росписи в этой технике нет. Изучением кундали детально занимался художник И.К.Мрочковский и позднее Б.Н.Засыпкин (Засыпкин, 1958. С. 104-108). Сам этот термин означает один из видов златотканной парчи. Особенность кундали в том, что детали орнамента наносятся из особо приготовленной глины в рельефе и затем

покрывается позолотой, а фон цветной краской, либо наоборот. Ни в одном из памятников времени Амира Темура кундали, нет, но она предстает в росписях Ишратханы и Ак-Сарая и преемственно применяется в постройках XVI в (ханака Ходжи Зайнулдина, мечеть Баянд в Бухаре).

Автор интерпретации «Ишратхана - дворец Дилькуша» обходит молчанием прямое указание Бабура о том, что во дворце этом были настенные картины на темы походов Амира Темура в Индию (Бабур-наме 1958. С. 60). Между тем тщательное изучение декора Ишратханы И.К.Мрочковским и Б.Н. Засыпкиным не выявило никаких следов тематических росписей в интерьерах - только орнаментальные мотивы. И это - ещё один довод против отождествления этого мавзолея с дворцом.

И, наконец, не может не вызвать удивления, что П.Захидов даже не упомянул о раскопках У. Алимова в том же районе холма, которые принесли открытия остатков дворца Дилькуша.

Согласно сообщению Шарафаддина Али Йезди по повелению Амира Темура был разбит обширный сад с регулярной планировкой участков и аллей, а посреди «основали трехэтажный дворец с высокими сводами и оформили всяческими украшениями, какие только могли чаровать человеческий взор. Он был выстроен прочно,

на долгие времена, покрыт разнообразным убранством и окружен мраморной колоннадой, придававшей ему царственное величие» (пер. Е.Поляковой).

Местоположение холма, на котором велись раскопки, отвечает данным письменных источников. Вскрытие же выявило остатки обширного здания из жженого кирпича, фрагменты мозаичного и живописного декора. Оно продолговатое в плане с обширными сводчатыми входами по фасадам, в центре крестообразный зал, по обе стороны которого по четыре симметрично расположенных помещения. Вдоль фасадов располагались колонные террасы, от которых дошли мраморные фрагменты. Все в архитектуре этого здания отвечает задаче организации зала для царских приемов и богатых покоев, все дает убедительные основания к отождествлению его именно с дворцом Дилькуша. Уместно указать, что у Ишратханы никаких обводных колоннад нет.

Таким образом, Ишратхана по историческим, археологическим, архитектурным данным - это не пригородный дворец Амира Темура Дилькуша 1397 г, но мавзолей женщин и детей дома самаркандских темуридов, созданный в 1464 г. Мужским же мавзолеем был во второй половине XV в, Ак-Сарай, аналогичный по архитектуре, конструкции и декору.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абу - Тахир Ходжа. Самария, пер. В.Л.Вяткина. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VI, Самарканд, 1899.
2. Массон М.Е. Ишратхана и фрагмент ее панели // Сборник «В.В.Бартольд - туркестанские друзья и почитатели». Ташкент, 1927.
3. Мавзолей Ишратхана. Историко-археологический очерк. Ташкент, 1958.
4. Пугаченкова Г.А. Архитектурная характеристика мавзолея Ишратхана // Мавзолей Ишратхана: Ishrat Khaneh and Ak-Saray two mausoleums in Samarkand. // *Ars Orientalis*, 1963, p. 177-180; Памятники архитектуры Средней Азии эпохи Навои // Труды Среднеазиатского Государственного Университета, новая серия. Вып СУП, Ташкент, 1957, с. 14-17; *Chef-d'Ouvres d'architecture de Asie Centrale XIV-XV siecle*. Les Presse de UNESCO, Paris, 1981, p. 170-180.
5. Захидов П.Ш. Дворец или мавзолей? Строительство и архитектура Узбекистана, 1974, № 3.
6. Пугаченкова Г.А. И все таки мавзолей // Строительство и архитектура Узбекистана, 1975, № 12.
7. Алимов У. История садово-паркового хозяйства Самарканда XV в. Автореф. дисс. канд. ист. наук, Ташкент, 1974;
8. Алимов У. Урта асларда Мавероуннахрда боғчилик хузаоти тарихи. Ташкент, 1984.
9. Захидов П. Темур даврининг меморий калхашони. Архитектурное созвездие Темура. Architecture glories of Temurs era. Ташкент, 1996. С. 69-77; Его же. Урбанизм и архитектура, La Renaissance Temourides. Tashkent, 1996.
10. Golombek L., Wilber D. The Timuride Architecture of Iran and Turan. Princeton - New-Jersey, 1988; O' Kane. Temurid Architecture in Khorassan! Costa Mesa, 1988, p. 167-168, ill. 14-3, 4.
11. Засыпкин Б.Н. Декоративно - художественные элементы мавзолея Ишратхана // Мавзолей Ишратхана, Ташкент, 1958.
12. Бабур-наме. Записки Бабура, Пер. М.Салье, Ташкент, 1958.

G.A.Pugachenkova

More about Ishrathana.

In the article one more time attention is paid, that according to its historical, archaeological and architectural facts, Ishrathana - is not a Suburban palace of Amir Timur, but it is a mausoleum of women and children of Samarkand Timerid family, created in 1464. At that time male mausoleum was Ak-Sarai.

Мирзаахмедов Д.К.

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА ТАШКЕНТА ВТОРОЙ ПОЛ. XIX - НАЧ. XX ВВ.

В 1984 г. сотрудниками Ташкентского археологического отряда продолжались исследования культурных горизонтов старгородской части Бинката -Ташкента позднесредневекового периода.

Работы проводились в котловане под фундамент жилого здания, расположенного в полукилometре на юг от гостиницы «Чорсу» по левой обочине шоссе, ведущего от площади Актепа Чиланзарского к массиву Чорсу.

При обследовании его обнаружено и расчищено два бадраба второй половины XIX - нач. XX вв. Комплекс состоял, в основном, из образцов чаш, пиал, блюд типа «табок» и «ляган», фрагментов тагора, а также нескольких фрагментов от сосудов для хранения животных и растительных масел. Особую группу составляли предметы из русского фарфора, привоз и широкое распространение которого приходится на конец XIX в.

Так как материалы из бадраба во многом имели единые признаки и по находкам русского фарфора и фаянсов хронологически относились к одному времени, то и их анализ мы проводим совместно.

Чашки (коса) по своим формам, технологическим особенностям и характеру орнаментации, в основном, подразделялись на три группы.

1. К первой, продолжавшей традиционно бытовать с первой половины XIX в., относятся чаши со светлым ангобом, голубоватой глазурью и расписанные голубой и темно-коричневой (переходящей в черный) цвет красками.

Формы чаш традиционно полусферические, на дисковидно -вогнутых поддонах, и несколько отогнутыми наружу

венчиками. В отдельных случаях встречаются формы стенок более отходящих в стороны, напоминая переход к формам блюд типа «табок».

На первых рисунках (рис. 1:1, 2, 3; рис. 2:1) представлены четыре образца чаш со сходной орнаментацией по стенкам в виде косых и вертикальных волнистых линий, полос и насечек голубыми красками, пересеченных или окаймленных по краям темно-коричневой жирной дугообразной, или заостренными на вершинах волнистыми линиями. На двух первых чашах (рис. 1:1, 3) орнаментация носит секторный характер, а на двух других - сплошной. Необходимо отметить, что чаши представленного типа имели наиболее широкое распространение во второй половине XIX в. и по характеру орнаментации являются дальнейшим продолжением стилизации традиционных парковых сюжетов на китайском фарфоре, местном кашине и керамике тимуридского и посттимуридского периодов. При этом роспись голубыми красками указывает на растительную символику, а черные линии условно характеризуют землю или кочки земли, откуда они прорастают, и линию горизонта¹.

Орнаментация по венчику и вокруг дна также состояла из контрастных круговых линий голубого и темно-коричневого (черного) цветов. Дно чаш обычно свободно от оформления и, в целом, представляет как бы голубоватую от глазури зеркальную гладь хауза, вокруг которого по стенкам сосуда располагается сплошная растительная композиция. Голубоватая глазурь покрывала всю внутреннюю и по венчику внешней поверхности изделия. Диаметры венчиков - 22-23,5 см., диаметры донца - 9-10 см., высота - 7,3-9 см.

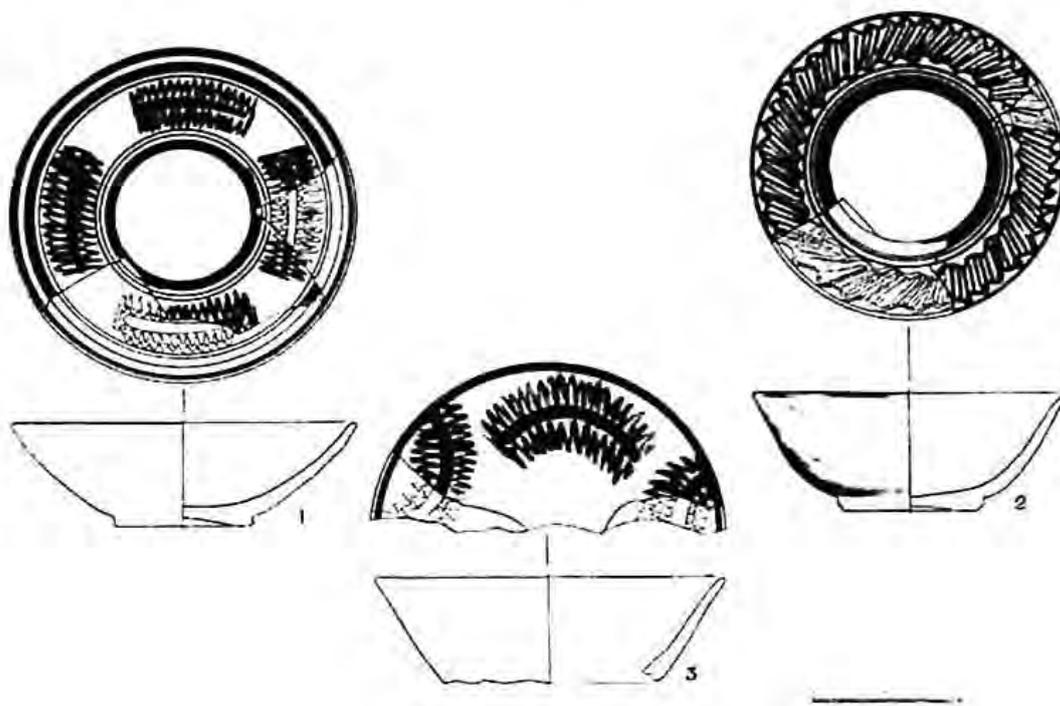

Рис. 1

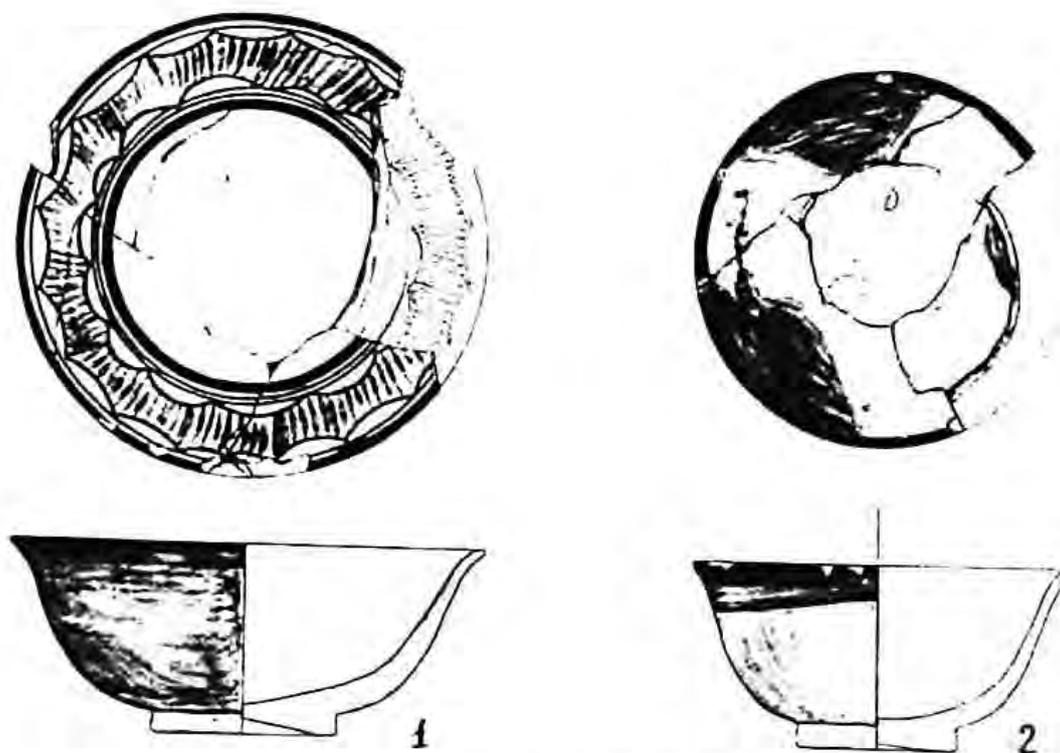

Рис. 2.

К этой же группе относится следующая чаша (рис. 3:1) выполненная в той же цветовой гамме и контрастной манере, но уже с добавлением звездчатых лучевых штампованных розеток - басма. Орнаментация чаши состоит из сплошной ломаной линии розеток басма по стенкам, в форме звезды, выполненных темно-коричневыми красками, резервы которых заполнены волнисто - змеевидными мотивами, голубой краской. Это также один из наиболее характерных типов растительно-цветочной орнаментации, традиционно продолжавшей бытовать в стиле керамики с конца XVIII - середины XIX вв.³ Здесь также орнаментация по стенкам ограничена контрастными круговыми линиями голубого и темно-коричневого цветов по венчику и вокруг днища. Мутноватая светлая глазурь покрывает внутреннюю и, по краю венчика, внешнюю поверхности чаши. Днище не сохранилось, д.в. - 24,2 см.

Наиболее близкой аналогией к представленной на таблицах керамике первой группы является комплекс с городища Шахрухия³. Здесь на рис. 3 представлены характерные образцы поливных изделий не только первой группы, но и описываемых далее части керамики второй группы (рис. 4:1; рис. 5:1). Видимо авторы, не разобравшись в хронологии материала, дав рисунок, не упоминают о нем нигде, хотя, в целом, квартал керамистов Шахрухии, о котором идет речь в публикации, датируют в пределах XIV - нач. XVIII вв. По нашим материалам датировка комплекса на рис. 3 никак не может выходить за пределы XIX в., на следующей же таблице (рис. 4) датировка комплекса из печи XVII в. правомерна⁴.

2. Ко второй группе относятся чаши с преимущественным оформлением по внешней поверхности и, в основном, свободным внутренним фоном. По характеру орнаментации и цветовой гамме они делятся на три подгруппы. Орнаментация первой и второй подгрупп, хотя и встречалась изредка среди образцов чаш предшествующего периода второй половины XVIII - середины XIX вв., тем не менее, по настоящему широкое распространение получила лишь со второй половины XIX в. Цветовая гамма и художественное оформление третьей подгруппы получило распространение лишь в конце XIX - нач. XX вв.

К первой подгруппе относятся две чаши (рис. 4:1 и рис. 5:1) также имевшие контрастное оформление из круговых ленточных полос голубой и темно-коричневой красок, заключающих по центру сплошную линию мотива басма, выполненную темно-коричневой крас-

кой. Но в отличие от чаш предшествующей группы, эта растительно-цветочная композиция здесь имела ведущее положение. По внутренней же части оформление контрастными или только голубыми круговыми полосами занимало венчик и изредка пространство вокруг днища сосуда, оставляя большую часть изделия свободной. На первой чаше глазурь, покрывавшая как внутреннюю так и внешнюю поверхности изделия, имела голубоватый оттенок, на второй мутновато-светлую изнутри и голубую по внешней поверхности. Д.в. - 17,5-18 см., д.д. - 7 см., высота - 7,9-8,6 см.

Ко второй подгруппе также относятся две чаши (рис. 2:2 и рис. 4:2), в оформлении которых преобладают зеленый и желтый тона. На первом рисунке композиция внутренней поверхности состоит из широких волнистых потеков зеленой поливы по желтому фону изделия. По внешней, зеленая глазурь небольшой полосой покрывает венчик изделия. Вторая чаша также выполнена в контрастной манере желтоватой глазурью по внутренней поверхности и зеленым фоном по устью внутренней и в основном по внешней. К внешнему оформлению добавлен и узкий круговой черный бордюр с повторяющимися белыми кружочками. Д.в. - 17-18 см., д.д. - 7,5-8,3 см., высота - 7,7-8,7 см.

К третьей подгруппе отнесена одна чаша (рис. 5:3), расписанная широкими контрастными мазками желтой и светло-зеленой красками, образуя условно-символическую растительную композицию по внутренней поверхности изделия. По внешней поверхности от венчика выделяется треугольный выступ, оформленный штампом в виде расположенного в ряд зубчатого парапета и покрытый густой темно-зеленой глазурью. Цветовая гамма и художественное оформление подобных чаш получает широкое распространение лишь с конца XIX в.⁵ и продолжает традиционно бытовать в различных керамических центрах Средней Азии, вплоть до середины XX в. Д.в.-20,5см., д.д.-9,5 см., высота-9см.

3. К третьей группе чаш и идентичных им по форме, но меньших по размерам пиал, относятся образцы с яркой, богатой цветовой палитрой раскрасок получивших широкое распространение в конце XIX - начале XX вв. (рис. 5:2, 4, и рис. 6:1, 2, 3). Художественное оформление их выполнялось очень сочными желтыми, зелеными, красными, коричневыми, черными, синими красками и их оттенками. В технике, кроме подглазурной, широко использовалась надглазурная роспись, а также процарапанные мотивы.

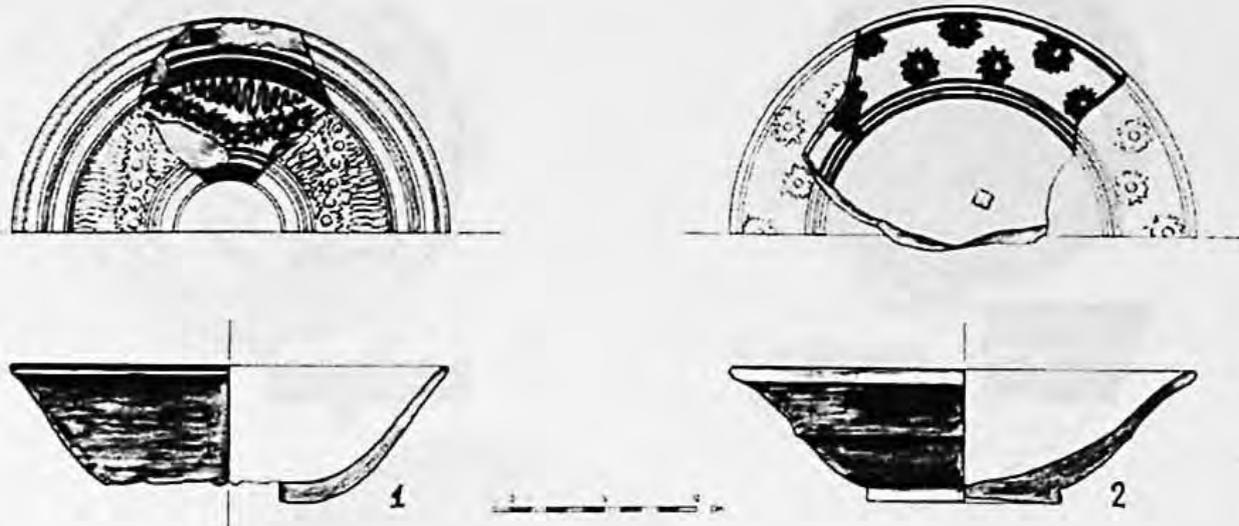

Рис. 3.

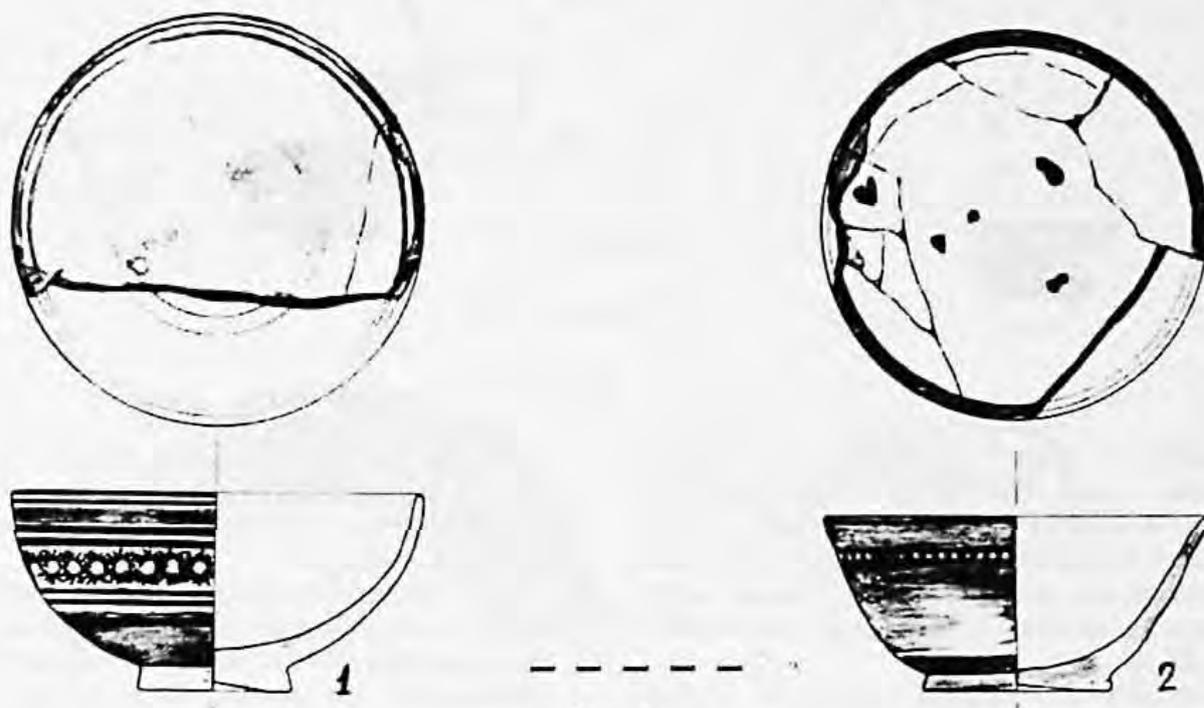

Рис. 4.

На первых двух рисунках (рис. 5:2, 4) представлены две чаши с художественным оформлением по внешней поверхности стенок. Первая из них покрыта с обеих сторон желтоватой глазурью и бордюром из двух красновато-коричневых полос с орнаментацией в виде неровных желтоватых кружочков по внешней поверхности изделия. Вторая чаша покрыта мутновато-светлой глазурью и широкой ленточной полосой, заключающей аркообразные мотивы с трилистниками в резервах, выполненные красновато-коричневы-

ми, синими и желтовато-коричневыми цветами по внешней поверхности. Донца обеих чаш не сохранились, диаметры их венчиков соответственно достигают 15,5 и 18 см.

Две следующие чаши еще в большей степени отличаются исключительной яркостью и сочностью колорита (рис. 6:1, 2). Первая, по белому ангобу была покрыта желтой глазурью заканчивавшаяся по внешней поверхности широкой бордюрной полосой по венчику, заключавшей волнистый орнамент, выполненный красными красками. По внутренней

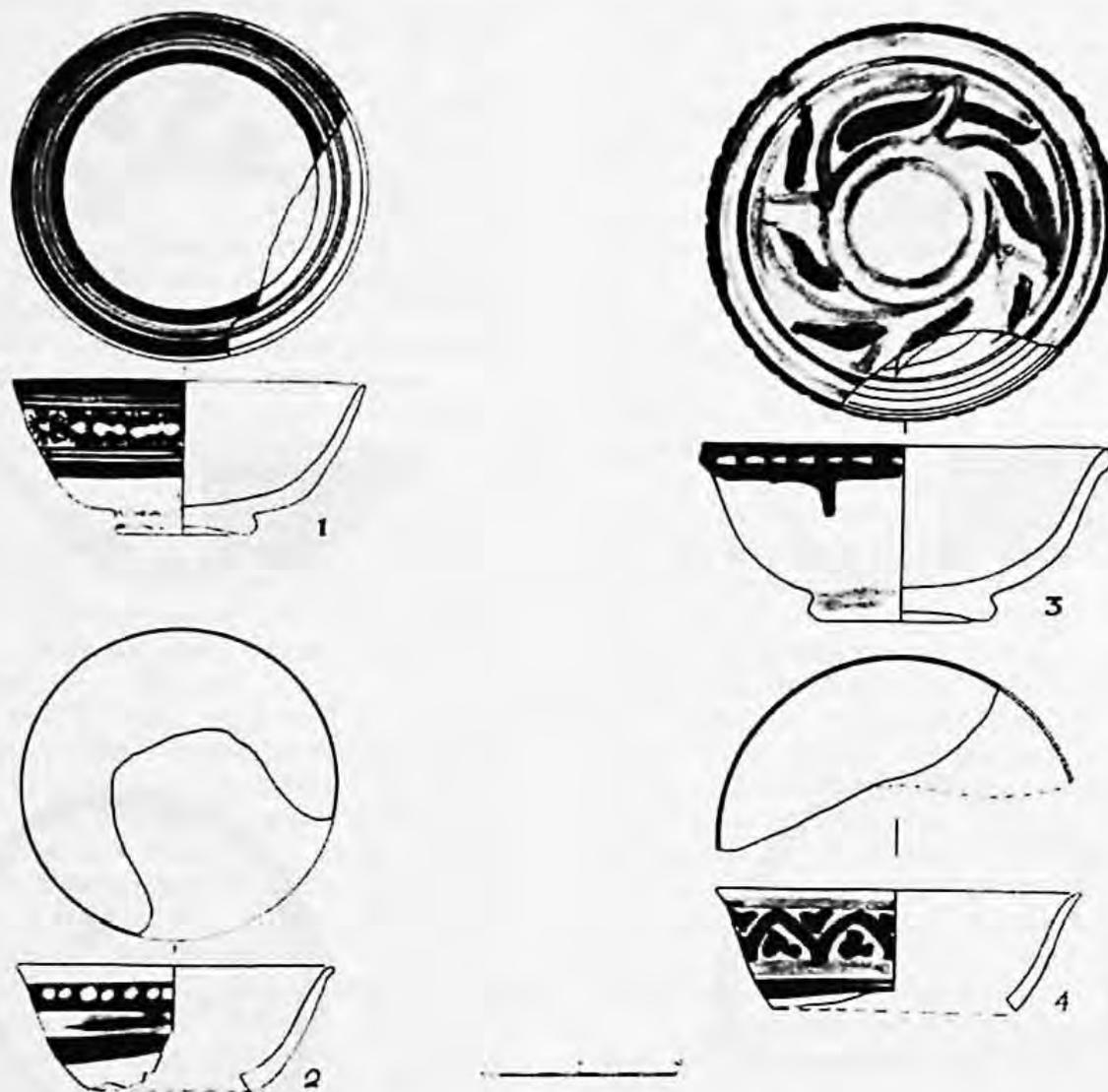

Рис. 5.

поверхности две полосы красноватых круговых линий заключали темно-коричневую ленточную полосу с процарапанными на ней, с выявлением белой ангобной грунтовки, схематических растительно-цветочных повторяющихся мотивов. Донце не сохранилось. Д.в. - 18 см.

Следующее изделие данной группы представляло традиционную форму пиалы, покрытую изнутри желтоватой глазурью и стилизованной полосой зеленой раскраски по стенкам. По внешней поверхности орнаментация состояла из широкой ленточной полосы повторяющейся ломаной линии заключавшей цветочные мотивы в резервах. Цветовая гамма выполнена зелеными, синими, коричневыми и черными красками с использованием процарапанной орнаментации и надглазурной росписи. Донце не сохранилось, д.в. - 14,5 см.

Как отмечалось выше, чаши третьей группы получают широкое распространение с

конца XIX в. и продолжают широко бытовать вплоть до середины XX в. Особенно ярко это прослеживается по материалам гиждуванского центра гончарства⁶.

4. Четвертую, особую, группу составляли чаши и идентичные им по формам пиалы, выполнявшиеся из кашина, глины или кашина смешанного с лёссом. Внутренняя поверхность чаш покрывалась глухой светлой глазурью голубоватого оттенка и не орнаментировалась. По внешней поверхности схематические повторяющиеся растительно-цветочные композиции, мотивы лепестков и условно передаваемые предметы китайской символики обычно наносились синей и, в отдельных случаях, темно-коричневой краской по светлому или голубоватому фону поливы. Поливой покрывалось все изделие, включая кольцевой поддон, на котором обычно наносились изображения условно передаваемых псевдокитайских марок (рис. 7:1, 2, 3).

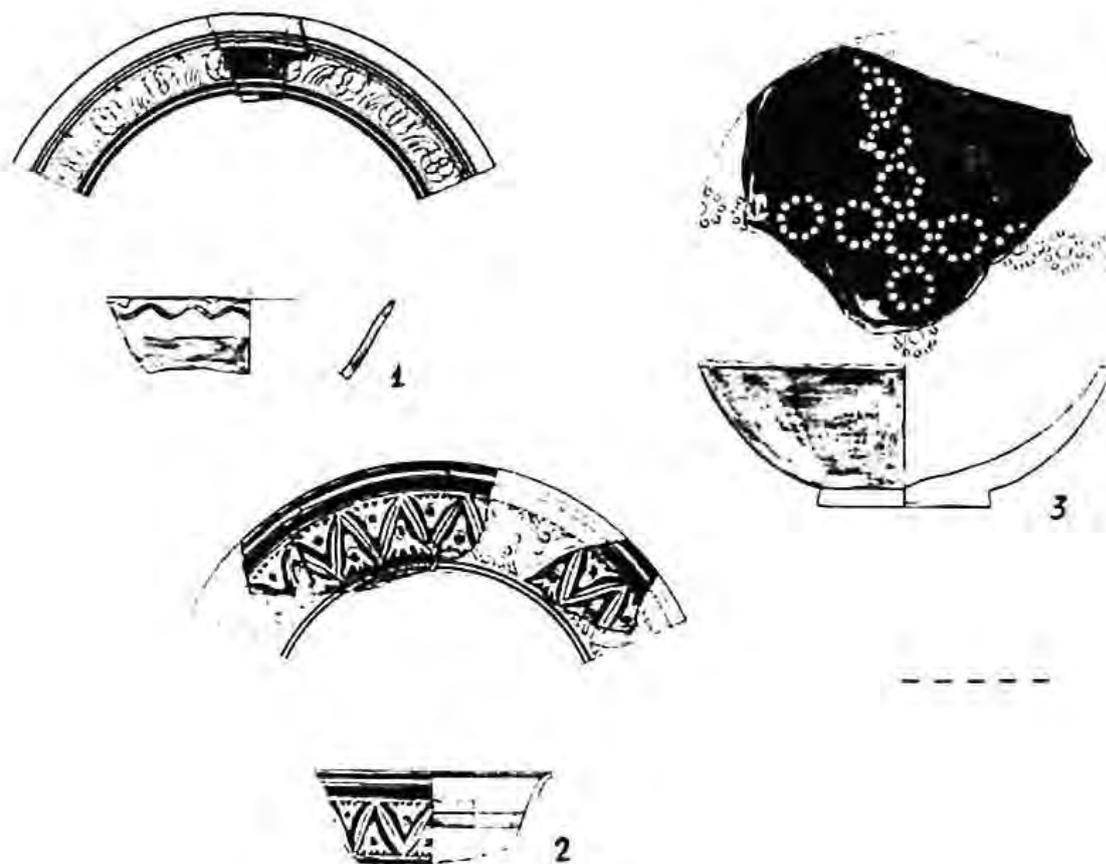

Рис. 6.

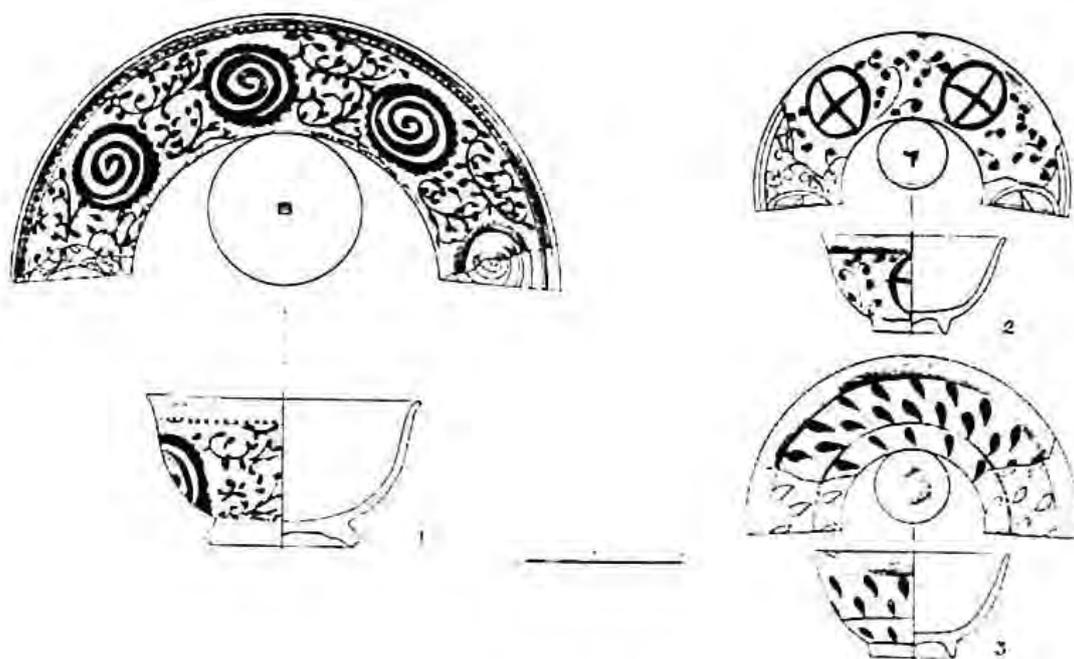

Рис. 7.

В целом, керамика подобного типа, исполнявшаяся в подражание китайским образцам, впервые была произведена в Риштано - ферганских центрах, а затем получила широкое распространение по всей Средней Азии⁷ включая и регион Ташкента. На подробной характеристике причин их появления и массового распространения со второй половины XIX в. мы останавливались в предшествующих публикациях⁸.

На рисунке представлены две пиалы (рис. 7:2, 3), имевшие желтоватый оттенок теста и, видимо, выполненные на смешанной лёссово-кашиновой основе, д.в. - 11,4-12 см., д.д. - 4,6-5,3 см., высота - 5,5-6 см. Кроме того, были найдены фрагменты венчика и стенок пиалы, но без всякой орнаментации, покрытые такой же светлой с голубоватым оттенком глухой поливой, д.в. - 12 см.

Стандартная для данного типа чаш форма и характерная орнаментация по внешней поверхности представлена на следующем рисунке (рис. 7:1), д.в. - 16,8 см., д.д. - 9,2 см., высота - 9 см. Другая археологически целая чаша, не попавшая в таблицу, имела практически идентичную орнаментацию с пиалой на фиг. 2, а также квадратную псевдокитайскую марку на поддоне, д.в. - 16,9 см., д.д. - 6,7 см., высота - 7,5 см. На обеих чашах цвет теста имел желтоватый оттенок и, видимо, представлял смесь кашина с лессом. Несомненно также, что изделия подобного рода, как и китайский фарфор, которому они подражали, исполнялись в сервизных вариантах, включавших пиалы, чаши и блюда.

Также необходимо отметить, что на большинстве изделий наблюдается различие в качестве и цветовой гамме полив на внутренней и внешней поверхности. Обычно внутренняя часть покрывалась светлой с голубоватым оттенком хорошего качества, гладкой глухой поливой. По внешней же поверхности часто наносилась прозрачная белая глазурь худшего качества - не столь гладкая и без голубого оттенка. По данным Е.А.Пещеревой белая глушоная полива в Риштано появилась в 70-80-х годах XIX в.⁹

Блюда по своей форме делились на две группы. К первой относились формы на дисковидно-вогнутых поддонах, полусферическими у основания стенками косо отходившими затем кверху. Эта форма была широко распространена в предшествующий период конца XVIII - середины XIX вв., продолжала бытовать в изучаемый период и

называлась «тобок». На рисунке 3:2 представлен образец блюда - «тобок», но уже с характерными для второй половины XIX в. штампованными лучевыми розетками «басма», составляющими единственный вид орнаментации по широкому бортику блюда. Мутноватой светлой глазурью покрывалась вся внутренняя и по венчику внешняя поверхность изделия: розетки и круговые линии исполнены темно-коричневой краской. Ангоб отсутствовал, поэтому светлая глазурь, нанесенная поверх черепка, принимала желтоватый оттенок. Д.в. - 26 см., д.д. - 11 см., высота 7,6 см.

К этому же типу «тобок», видимо, необходимо отнести и другое большое блюдо с полусферической формой стенок, но несохранившихся к венчику (рис. 6:3). По черепку нанесен светлый ангоб, покрытый красновато-коричневой яркой поливой. Орнаментация блюда состояла из нанесенных в надглазурной технике повторяющихся цветочных мотивов, пересекавшихся по центру и деливших «тобок» на четыре сектора. Цветочные мотивы исполнялись в точечной технике желтыми и темно-зелеными красками. Даже во фрагментарном состоянии блюдо имело диаметр около - 26 см., д.д. - 11 см. По характеру художественного оформления подобные блюда также получают широкое распространение лишь с конца XIX - начала XX вв.

Ко второй группе относятся блюда типа «ляган» с широким массивным основанием и небольшими косо отходящими в стороны бортиками (рис. 8:1, 2). При этом как на первом, так и на втором ляганах осуществляется плавный округленный переход от дна к стенкам, без выделения поддона.

Орнаментальная композиция на втором блюде (рис. 8:2) широко встречается с предшествующих периодов на керамике Ташкента¹⁰, Бухары¹¹, Туркестана¹² и состояла из широких ленточных полос с повторяющимися мотивами «басма», и обрамленных круговыми контрастными линиями из черной и синей красок. Но и здесь, как в случае с предшествующим блюдом (рис. 3:2), ангоб отсутствует. Светлая глазурь ложась прямо на тесто черепка, приобретает коричневатый оттенок, покрывая внутреннюю и по краю венчика внешнюю поверхность. Д.в. - 26,8 см., д.д. - 18 см., высота - 4,9 см.

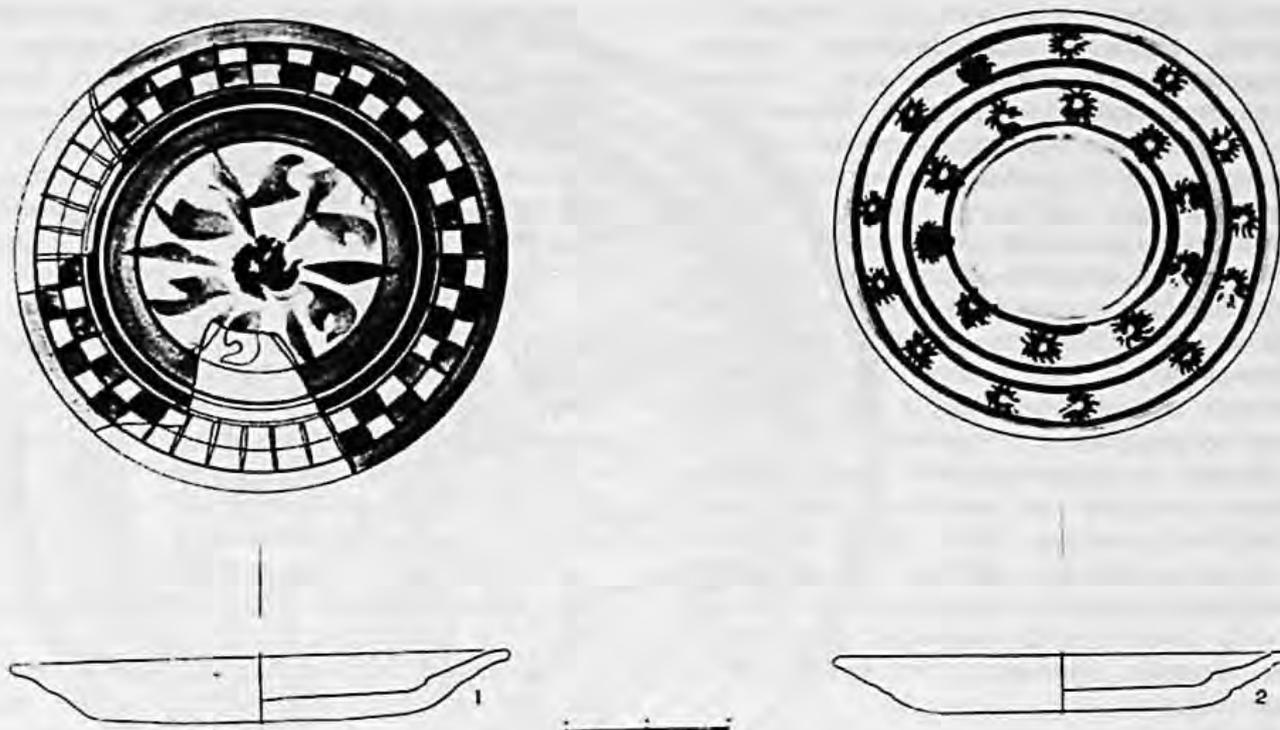

Рис. 8.

Орнаментальная композиция на первом блюде, представляющая шахматный узор (рис. 8:1), более характерна для керамики середины - второй половины XIX в.¹³ Но и здесь ангоб отсутствует и мутноватая светлая глазурь прямо ложится на тесто черепка. Орнаментация состоит из таких же контрастных круговых полос черного и голубоватого оттенков и стилизованной лепестковой розеткой по центру, нанесенных надглазурной росписью. Шахматный узор, оконтуренный черными линиями, и клетки, заполненные чередованием контрастной темно-голубой и светлой поливой основы, хотя и были выполнены небрежно, но в целом имели оригинальный характер. Д.в. - 29 см., д.д. - 19 см., высота 4 см.

Третье блюдо также относится к типу «ляган», но по своей форме оно значительно ближе современным образцам (рис. 9). Это, прежде всего, касается выделения массивного поддона и плавным переходом полусферических стенок в отогнутый наружу небольшой бортик. Блюдо было покрыто светлым ангобом и прозрачной глазурью, лишь несколько выступавшей по венчику внешней поверхности. Богатая орнаментация состояла из комбинированного сочетания растительно-цветочных процарапанных мотивов по ангобу и яркой надглазурной росписи красновато-коричневого, темно-зеленого и желтого цветов. Композиционно орнаментация дели-

лась на широкую ленточную полосу по бортику, заключавшую волнистый процарапанный условно-символический поток реки и большую, по всей площади дна, пышную растительно-цветочную композицию, исполненную сложными процарапанными линиями и яркими надглазурными красками. Д.в. - 37 см., д.д. - 25 см., высота 5 см.

В целом, художественно - технические особенности представленного блюда не имели хождения в комплексах керамики предшествующего периода и получили широкое распространение только с конца XIX - начала XX вв.

Наряду со столовой посудой, в комплексе было встречено два образца кувшиновидных сосудов, покрытых темно-коричневой глазурью изнутри.

Первый из них, больший по размерам, имел венчик с раструбом и две ручки по сторонам. По этнографическим данным, вплоть до недавнего времени, подобные сосуды использовали для хранения твердых животных жиров. Второй, меньший по размерам, и узкогорлый, видимо, использовался для хранения жидких растительных масел.

В комплексе также выявлено несколько фрагментов от тагора. Они имели традиционную усеченно-коническую форму с небольшим выступом для удобства держания с внешней стороны венчика. Наиболее

ненными среди них являлись образцы с толстым слоем темно-коричневой глазури нанесенной по тесту черепка, обычно использовавшиеся для стирки. Значительно реже встречаются образцы, покрытые светлой глазурью и украшенные росписью из штампованных мотивов басма темно-коричневыми красками и отходящих от них линий синей краской. Второй тип тагора, носивший более парадный характер, скорее всего использовался для замеса теста, мытья посуды и других целей при кухне. Тогора подобных типов отмечены и на городище Туркестан исследуемого периода.¹⁴

Наряду с керамическими изделиями, из бадрабов получен и комплекс фрагментов фарфоровой посуды. Это были наиболее массовые и дешовые образцы фаянсовых и фарфоровых изделий с печатными рисунками русского производства, широкое распространение которых приходится на конец XIX - начало XX вв.

В заключение необходимо отметить, что полученный нами комплекс керамики, на основании этнографических параллелей и находок фарфоро-фаянсовой продукции русских заводов, может быть датирован последней четвертью XIX - началом XX вв.

Образцы чаш по своим технологическим особенностям делились на массовые керамические и небольшое количество кашинных и полукашинных типов.

Эта же посуда подразделялась по формам на керамические чаши с дисковидным поддоном и кашинные и полукашинные образцы с кольцевым поддоном.

Также происходит разделение чаш и по характеру орнаментации. На традиционно бытовавшие с конца XVIII - первой половины XIX вв. изделия с контрастной росписью голубыми и темно-коричневыми красками по светлому ангобу, и покрытые голубоватой глазурью (рис. 1, рис. 2:1, рис. 3:1, рис. 4:1, рис. 5:1), которые постепенно вытесняются изделиями следующей группы.

Вторую группу, получающую широкое распространение со второй половины XIX в., характеризует орнаментация из зеленой и желтой полив с процарапанными мотивами. Наряду с ними, с последней четверти XIX - начала XX вв., появляются новые типы изделий с надглазурной росписью красными, синими, желтыми, коричневыми, зелеными, черными красками. Как глазури, так и краски,

к которым добавлялся свинец, получались очень яркими, сочными. Производство и широкое распространение последних к концу XIX в. объясняется доставкой по железной дороге, бытовых красителей из России и их использование мастерами - керамистами, вместо более дорогих и требующих трудоёмких приготовлений местных старых красок.

В целом же, как по своим технологическим, так и по художественным особенностям чаши можно подразделить на меньшую группу парадных, выставлявшихся для украшения полок михманхане и подававшихся в торжественных случаях, а также на большую группу обиходных сосудов использовавшихся в каждодневном быту.

К массовым обиходным можно отнести чаши первой, второй и часть третьей группы (рис. 1; 2; 3; 4; 5:1, 2, 3).

К парадным образцам - часть изделий третьей (рис. 5:4; 6:1, 2), а также чаши четвертой группы (рис. 7). Следует отметить, что последняя четвертая группа чаш, получившая по месту своего первоначального производства название Риштанской, была очень популярна и в Ташкенте, о чем свидетельствуют как археологические материалы, так и термин «тошкан чинниси», отмеченный для этой группы посуды в этнографической литературе¹⁵.

Образцы блюд по своим формам, и художественно-техническим особенностям также делились на две группы.

По формам - на традиционные образцы «тобоқ», выполнявшиеся на дисковидно - вогнутых поддонах (рис. 3:2; 6:3), широко распространенных в предшествующий период, и блюда типа «ляган», получивших массовое распространение лишь со второй половины XIX в. (рис. 8; 9). Ранее мы уже останавливались на подробной характеристике подобных изделий¹⁶, поэтому лишь добавим, что их популярность была тесно связана с использованием густых видов пищи (плова и т.д.), проведением коллективных праздничных или поминальных обрядов.

По художественному оформлению к первой группе относились блюда традиционно покрывавшиеся щелочными глазурями (рис. 3:2; рис. 8), а ко второй блюда - ярко раскрашенные в полихромной гамме (рис. 6:3; рис. 9).

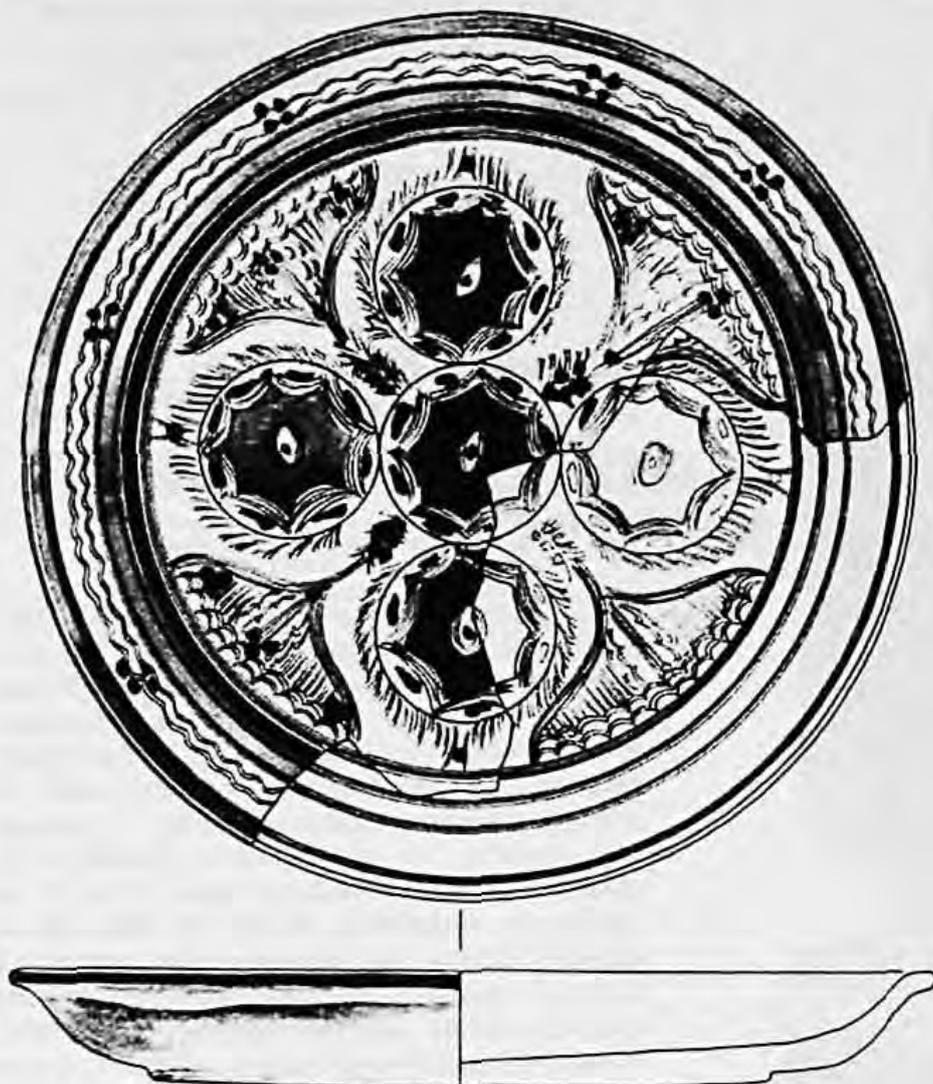

Рис. 9.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г.А.Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. //Труды САГУ. Новая серия, вып. XI, кн. 3. Ташкент, 1950.
2. Д.К.Мирзаахмедов. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент, 1990, рис. 39, 40.
3. Ю.Ф.Буряков., В.Г.Брыкалова. К эволюции гончарных печей средневекового Бенакета-Шахрухия. //ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988, рис. 3.
4. Там же, рис. 4.
5. Д.К.Мирзаахмедов. К истории..., рис. 57, 58.
6. Там же, рис. 62-64.
7. Н.С.Салыкова, Л.Г.Левтеева., Н.К.Султанова., К.Турсуналиев. Кустарные промыслы в быту народов Узбекистана XIX-XX вв. Ташкент, 1986, С. 93, коса (В).
8. Д.К.Мирзаахмедов., И.Ахроров. Керамика Риштанского типа из Бухары второй пол. XIX в. //ИМКУ, вып. 16. Ташкент, 1981, С. 114-125.
9. Е.М.Пешерева. Гончарное производство Средней Азии. //Труды ИЭ. Новая серия, т. XLII, М. - Л., 1959, С. 230-234.
10. Д.К.Мирзаахмедов. Глазурованная керамика Ташкента XVII в. //Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990, рис. 10-12.
11. Д.К.Мирзаахмедов. Глазурованная керамика Бухары второй половины XVII- первой половины XVIII в. // ИМКУ, вып. 16. Ташкент, 1981, рис. 3, 4.
12. Т.Н.Сенигова. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII-XVIII вв.). //Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978, рис. 5.
13. Н.С.Салыкова, Л.Г.Левтеева., Н.К.Султанова, К.Турсуналиева. Кустарные промыслы... С. 94, 95 (ляган - Риштан, Коканд);
14. Е. Смагулов, Ф. Григорьев, А. Итенов. Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы, 1999, рис. 55 и 57.
15. Е.М.Пешерева. Гончарное производство Средней Азии... С. 185; Н.И.Ершов. Собрание этнографических коллекций ИИ им. Дониша АН Таджикской ССР. СЭ. 1975. № 4, С. 91-92.
16. Д.К.Мирзаахмедов. К истории..., С. 59-67, рис. 58-5.

Таким образом, комплекс керамики из двух бадрабов в старогородской части Ташкента, относимый на основании сопоставления материалов, а также массовых образцов дешёвых фарфоро-фаянсовых изделий российских заводов, в целом, может быть отнесен ко второй половине XIX - нач. XX вв. Тем не менее, большое количество фарфоро-фаянсовых изделий предполагает еще большее сужение хронологических рамок бытования комплекса - последней четвертью XIX - нач. XX вв.

Вместе с тем полученные керамические изделия, впервые позволяют выделить свою Ташкентскую художественную школу по производству глазурованной керамики и выявить её особенности.

Буряков Ю.Ф., Касымова К.А.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БРОНЗОВЫЙ СОСУД ИЗ КАРНАБА

Рис. 1. Вид кувшина из Карнаба до реставрации

В 1997 году во время археологических работ Узбекско-Германской экспедиции по изучению древних рудников по добыче олова в юго-западной части Самаркандского Согда, к востоку от Карнаба и крепости в этом селении, научный сотрудник ИА АН РУз К.Алимов получил сообщение от жителей села, что при возведении временной постройки на одной из террас Карнабской

степи, в 11 км к северу от селения, ими был потревожен погребальный курган.¹ Из него поступило несколько фрагментов керамики. Вместе с ними был передан крупный металлический кувшин совершенно другого времени, но, якобы, также найденный на данном участке террасы. На рис. 1. показан этот кувшин до реставрации. Кувшин был покрыт густым слоем зеленых окислов и глины, что затрудняло визуальное определение металла. После реставрации определено, что кувшин изготовлен методомковки, имеет цвет красной меди с небольшим серебристо-золотистым оттенком, подражавшим изделиям из благородных металлов. Исследование его химического состава показало, что сплав относится к свинцовой бронзе.

Известно, что сведения о химическом составе археологических металлических находок позволяют исследовать технологию обработки металлов (1, с. 50-117), установить хронологию памятников древности (2, с. 46-50), получить информацию о биогеохимических провинциях и т.д.. С помощью метода спектрального анализа изучался химический состав различных металлических предметов эпохи бронзы (3, с. 163), а в работах (4, с. 225) и (5, с. 94-119) - периода конца I, II вв. до н.э..

В настоящей статье представлены сведения о химическом составе пробы сплава изучаемого кувшина, полученные путем спектрального анализа.² Результаты представлены в таблице.

¹ Курган раскопан сотрудниками экспедиции. Публикация его материала является предметом специального исследования.

² Выражаем свою благодарность и признательность Центральной Лаборатории Самаркандского государственного университета.

Результаты спектрального анализа сплава
металлического кувшина из Карнаба

Химические элементы, в вес. %				
Si	Al	Mg	Ca	Fe
-	-	-	-	0,04

Химические элементы, в вес. %				
Mn	Ni	Co	Ti	Cu
0,02	0,03	-	0,007	>>1

Химические элементы, в вес. %				
Pb	Ag	Sb	As	Zn
>=1	0,006	0,100	0,00	0,005

Химические элементы, в вес. %				
Sn	Ga	In	Bi	
0,0005	-	-	0,005	

Как видно из таблицы, основными компонентами являются медь и свинец, то есть сплав кувшина можно назвать двухкомпонентным.

Более точную количественную оценку получили после проведения химического анализа.²

Химический анализ показал, что содержание меди составило 79,2 %, а свинца 1 %. Другие компоненты (по данным спектрального анализа, представленного в таблице), такие химические элементы, как железо, марганец, никель, титан, серебро, сурьма, висмут, цинк, олово являются естественной примесью, содержащейся в рудных источниках.

На рис. 2 представлен кувшин после реставрации: (а) - вид сверху, (б) - вид сбоку с заклепками от утраченной ручки. Кувшин сформован из трех основных частей: дна, тулова и горловины. Дно широкое, с вогнутой частью в центре и легкой округлостью при переходе к тулову. На плечике имеется крупная рельефная звездообразная фигура с семью гранями (б, с. 24).

Общая высота кувшина 37 см, высота тулова 21 см, горловины 16 см, вверху уступ - сужение к венчику высотой 1,4 см, диаметр тулова 25 см. На стенках - четкие следы чеканной правки.

Аналогичную форму имеет бронзовый кувшин, найденный в 1907 году близ деревни Татарский Толкиш Чистопольского уезда Казанской губернии. Донце его широкое, уплощенное, с легким округлением по краям, тулово цилиндрическое, плечики с легким подъемом к цилиндрической горловине. Лишь край венчика в отличие от нашего кувшина, также имеющая два ребра, овально

Рис. 2 Бронзовый сосуд после реставрации

оттогнута наружу. От верхней трети горловины на тулово опускается вертикальная ручка. Высота сосуда 27,5 см, диаметр тулова 16 см. На горловине выгравирован неясный орнамент. В кувшине хранился клад восточных серебряных монет, включавший дирхемы IX-X вв., два свернутых в трубочку куска серебра и обломки серебряных ножен с растительным орнаментом. Горло кувшина было залито воском. Сосуд относится к чекану Мавераннахра второй половины IX-X вв. (7, с. 119-120).

Несколько кувшинов подобной формы, но без ручек найдены на далеком северо-западе в странах Скандинавии (Швеции и Финляндии). Один встречен в погребальном кургане второй половины IX в. в могильнике Аске Фразельгорд. Второй сосуд с куфическими монетами VIII-IX вв. найден в 1876 г. на Аланских островах. Бронзовый кувшин с цилиндрическим туловом, заполненный саманидскими дирхемами IX-X вв. и западноевропейскими серебряными монетами до 1002 г. чеканки найден на острове Готланд. Небольшой кувшин этого же типа, найденный на берегу р. Зарафшан в местности Рават Ходжа, хранится в Республиканском музее истории культуры в Самарканде (8, с. 75, 101-102, 112).

По форме тулова и пропорциям описанные кувшины сближаются с бутылеобразными серебряными сосудами, имевшими плоское дно, цилиндрическое тулово и лишь несколько иную, (слегка суживающуюся кверху) горловину и плоско-отогнутую наружу закраину, напоминающую бутылки и графины, изготовленные из стекла и не имевшие ручек.

В Гос. Эрмитаже хранится подобный сосуд, найденный в Березовском уезде Тобольской губернии. На плечике сосуда, на фоне выполненных мелкой чернью спиралей и виноградных листьев, сохранилась куфическая надпись с именем владельцев сосуда. Между тремя картушами - крупные медальоны с зооморфным орнаментом, а на боковых стенках - куфические надписи и круговые медальоны с солнечным диском и двумя львами или драконами, глотающими солнце вечером и отпускающими утром (9, с. 128, рис. 61 на с. 129-131).

Исследователи считают, что он изготовлен в Иране или Средней Азии в XI-XII вв. (10, с. 211, табл. 13-18). По Б.И. Маршаку, сосуд мог быть изготовлен для сельджукского визира Абу-Али Ахмада б.Шазана, управляющего в Балхе в середине XI в., а Балх, как центр Тохаристана являлся пунктом производства

подобных серебряных сосудов X-XII вв. (11, с. 31, рис. 6, 12 на с. 129-131). К этому времени в составе государства Великих Сельджуков Б.И.Маршак относит сложение нового стиля - появление кованых бронзовых сосудов - кувшинов с литыми деталями. Формы теряют классическую уравновешенность, появляются угловатость, утяжеленность. И, хотя, среднеазиатские мастера большей частью придерживались традиционных форм, но хоросанским кувшинам XII в. в Мавераннахре, вероятно, также подражали (12, с. 85-86).

Функционально эти сосуды играли роль и парадной тарной посуды, служившей для транспортировки и хранения розового масла, благовоний. Название свое сосуды этого типа получили вследствие близости формы к широко распространенному на Востоке типу стеклянных бутылей и графинов X-XII вв.. Интересно, что последние зачастую украшались резным рельефным орнаментом, подражавшим чеканке по металлу парадных серебряных и бронзовых сосудов.

Таким образом, кувшины подобные карнабскому, и сосуды близкие по форме тулова, но с отличным венчиком (бутылки) известны вдоль торговых путей на отдельных территориях от Сибири на Востоке до северных границ Западной Европы. Но производство их относится к Хорасану и Мавераннахру. Функционально они могли использоваться для транспортировки и хранения масел и благовоний, розовой воды. Но, как мы видим, в них могли переправлять и хранить на местах монеты и клады. Сами кувшины также, вероятно, охотно приобретались как парадные предметы, особенно из благородных металлов. Но, несомненно, к парадной посуде принадлежали и кувшины из серебристой и золотой бронзы.

Находка нашего кувшина в степной зоне, казалось бы, в стороне от традиционных караванных путей оказывается далеко не случайной.

Изучение караванных путей показало, что в средневековые транзитные трассы обрастают сетью торговых линий, т.к. пункты на трассах перерастают в ремесленные центры, связанные между собой и с сырьевыми источниками. К числу последних принадлежал в IX-XII вв. и позднее Зирабулак - Зияятдинский горный бассейн, входивший, по сообщениям восточных географов, в район, включавший и селение Варка, откуда начинается описание рудных источников Мавераннахра, содержащие и благородные и цветные

металлы, железо и многие другие (13, с. 17, 26).

Геолого-археологическими исследованиями здесь выявлены древние медные рудники Мискана близ с.Тим, оловянные рудники Карнаба, Чанкалли и Кочкорлы (14, с. 51-67), известны выработки сырья для ганча, камня для изготовления жерновов (15, с. 17-18) мощения улиц.

Сюда вероятно, от транзитного караванного пути Самарканд-Бухара, проходившего в 30 км к югу от Карнаба, исходила местная линия пути. А специальная горная ветвь шла к этим источникам сырья из Бухары непосредственно через горы на Карнаб, далее к селению Тим, где находится

уникальный мавзолей Араб-Ата конца X в., соперничающий по совершенству с Бухарским мавзолеем Саманидов (16). От него пути шли на северо-восток к Рабинджану, который упоминается, помимо всего прочего, как пункт экспорта оловянной посуды (соединяясь с трассой на Самарканд), и на юго-восток в Несеф, и далее в Тохаристан. Так, что находка здесь кувшина, который мог быть изготовлен в Тохаристане совсем не случайна. Это показатель стационарных торгово-экономических и культурных связей Согда с южными районами Мавераннахра и Хорасана, местные линии которых проходили через степные и горные районы.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Черных, Т.Б. Барцева. Сплавы цветных металлов// Т.Б.Барцева, Г.А.Вознесенская, Е.Н.Черных. Металл Черняховской культуры. М., «Наука», 1972.
2. В.Д.Рузанов. О хронологии металлического комплекса Бургулюкской культуры// ОНУ, № 2. 1998.
3. Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из могильников эпохи бронзы в Бишкентской долине// МИА, № 145. 1968.
4. Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из Тулхарского могильника// МИА, № 136. 1966.
5. С.В.Левушкина Химический состав металла монет из Северной Бактрии. В кн.: Э.В.Ртвеладзе, Ш.Р.Пишав. Каталог древних монет Южного Узбекистана// Ташкент, 1981.
6. Буряков Ю.Ф., Касимова К.А. Медный кувшин из Карнаба// Тез.докл. на II международной конф.: «История Центральной Азии: Своеобразие исторического развития». Ташкент, 1997.
7. Отчеты императорской археологической комиссии за 1907 г. СПб. Кувшин описан и воспроизведен В.П.Даркевичем. См. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. Л., 1976, с. 49 и табл. 45,7 пас. 136.
8. Arne T.J. Ein bemerkenswerter Fund in Ostergotland-Acta archeologica, III, 2. Kobenhavn, 1932. S. 75, 101-102, 112. Zeich. 20-21; Даркевич В.П. Художественный металл, с. 49-50.
9. Сокровища Приобья. Санкт-Петербург, 1996.
10. Dimand M.S., A review of sasanian and Islamic metal work - «A Survey of Persian Art», VIII. London and New-York. 1941, p. 211, tabl 13-18; Даркевич В.П. Художественный металл Востока. Л., 1976. С. 46-47 и табл. 30, 1-2 на с. 119.
11. Маршак Б.И. Серебряные сосуды X-XI веков и их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии// Тез. докл. II Всесоюзной конф. по искусству и археологии Ирана. М. 1973.
12. Маршак Б.И. Бронзовый кувшин из Самарканда. Средняя Азия и Иран. Л., Аврора, 1972.
13. Ал Истахри. Книга масалик ал-мамалик// Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. 1973.
14. Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане// Труды Среднеазиатского Гос. Университета. Вып. XI. Ташкент. 1950. (В настоящее время рудники изучаются Узбекско-Германской экспедицией Института археологии АН РУз, Германским музеем горного дела и металлургии и кафедрой археометаллургии технического университета горной Академии Фрейберга).
15. Прутер Е.Б. Древние выработки Китерманской гряды в Зиятдинских горах// Строительство и архитектура Узбекистана. 1977. № 1.
16. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата// Искусство зодчих Узбекистана. Вып. II Ташкент. 1963.

Buryakov Y.F., Kasimova K.A.

Resume

This report is the first example of the study of a chemical composition in a metallic object of medieval X-XII centuries period made with the methods of spectral and chemical analysis.

It is shown that an alloy of a researched jug mainly consist of a copper (79,2 %) and a lead (1,0%). The other chemical elements such as iron, manganese, nickel, titan, silver, antimony, arsenic, Zinc, tin, bismuth present in an admixture quantities. That alloy by its basic elements is a lead bronze. It is supposed that the researched bronze jug was produced in the state of Great Seldjukes of Tokharistan.

The find of our jug in modern steppe zone indicates constant trade-economical and cultural links of Sogd with the southern regions of Maverrannahr and Horasan the local links of which passed across the steppe and mountainous regions.

Мустафокулов С.И.

К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ШАХРУХИИ

В 1987-1988 годах антропологическая группа в составе Шохрухийского отряда Института археологии АН РУз участвовала в археологических раскопках на городище Шахрухия, (Ташкентская область). В задачу антропологической группы входил сбор палеоантропологического материала для разработки проблем этнического состава городского позднесредневекового населения Шахрухии и изучение типологии погребальных сооружений. (Набоков, 1990. С. 93-96).

За два полевых сезона извлечено для антропологического исследования около двадцати черепов. Весь краниологический материал был отреставрирован и предварительно измерен антропологом В.Д.Домолего (Домолего, 1988. С. 210-218). Дальнейшая обработка и статистический анализ материалов проведен автором настоящей статьи. (табл. 1, 2).

Ниже приводятся описания исследованного материала из могильника и индивидуальные особенности некоторых изучаемых черепов.

Череп из раскопа № 13, погребения № 16, принадлежал мужчине старческого возраста.

Череп сфеноидной формы, брахикранный, со средним продольным, очень большим поперечным и очень высотным диаметрами.

Лоб средней ширины, прямой, со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо широкое, значительно уплощенное (назомаллярный угол - 145° , зигомаксиллярный угол - 137°). Орбиты низкие, узкие, по указателю хамеконхные. Нос высокий и широкий, мезоринный. Расовый тип европеоидный с монголоидными примесями.

Характерной особенностью является след прижизненной зажившей раны на теменных костях черепа от удара острым оружием.

Череп из раскопа № 13/4, погребение № 8. Костяк мужской, зрелого возраста. Черепная коробка сфеноидной формы, брахикранный типа с средним продольным, большим поперечным диаметром. Лоб среднеширокий, средненаклонный. Лицо очень широкое и высокое, по указателю - мезопротопные. Нос очень широкий и высокий. Орбиты по указателю гипсиконхные. Расовый тип европеоидный с монголоидной примесью.

Череп из раскопа № 13/4, погребения № 12. Череп принадлежит мужчине возмужалого возраста. Характеризуется среднепродольным и большим поперечным диаметром, по указателю - мезобрахикранный. Лоб широкий и покатый. Лицо характеризуется большим и средневысоким размерами. Лицо незначительно уплощенное и более европеоидно. На затылке слабо заметна бешиковая деформация.

Череп № 3 из раскопа 13. Череп мужчины 25-30 лет. Черепная коробка овоидной формы, характеризуется большим продольным и очень малым поперечным диаметром, долихокранный. Лицо очень узкое, средневысокое, в вертикальной профилировке слабо уплощено, мезогнатное. Орбиты низкие и средней ширины. Нос средней высоты и ширины. Лоб средне наклонный. Расовый тип европеоидный, средиземноморский.

Череп из погребения № 4, раскопа № 13. Череп принадлежит женщине 18-20 лет. Форма черепной коробки сфеноидная, при очень малом продольном и очень большом поперечном и очень высотном диаметрах. Лоб среднеширокий и не высокий. Лицо

череп очень широкая и высокая. Нос высокий и широкий. Орбиты средней высоты и ширины. Расовый тип погребенного европеоидный, с небольшой монголоидной примесью.

Череп из погребения № 8. Принадлежит женщине старческого возраста. Продольный диаметр черепа малого размера, поперечный диаметр очень большой. Черепной указатель - гипсебрахикархный. Лоб среднеширокий, со слабо выраженными под бровными дугами.

Лицо широкое и средневысокое. Нос очень большой высоты и ширины. Орбиты низкие по указателю хамеканхное. Величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов дают среднюю степень монголоидной примеси. Расовый тип погребенного европеоидный, среднеазиатского междуречья (Ошанин, 1947. С. 50-53).

Позднесредневековое население Узбекистана в антропологическом отношении

Таблица 1

Индивидуальные размеры черепов из Шахрухии. Мужские черепы.

№ по Мартину	№ черепов										x
	1 зрел.	2 зрел.	3 возм.	4 стар.	5 зрел.	6 возм.	7 зрел.	8 возм.	9 зрел.	n	
1.	171	-	185	180	180	183	192	180	172	8	180,3
8.	153	157	127	151	140	147	161	146	-	8	148,8
17.	131	121	-	142	-	137	143	135	-	6	134,8
9.	106	-	86	95	94	102	98	97	95	8	96,6
11.	135	-	-	138	140	133	143	134	-	6	137,1
5.	103	-	-	106	-	109	103	110	-	5	106,0
40.	105	-	-	96	-	105	95	101	-	5	100,3
48.	70	74	63?	-	77	76	79	77	67	8	72,8
45.	134	142	-	141	142	139	146	144	-	7	141,1
77.	143	160	-	145	141	139	144	151	147	9	144,8
Zm	129	137	126	137	132	128	131	139	134	9	132,6

52.	34	34	33	34	36	38	32	33	34	9	34,2
51a.	43	41	39	42	39	41	43	42	39	9	41,0
54.	26	27	24	28	30	27	28	29	27	9	27,3
55.	53	54	48	56	59	55	54	58	55	9	54,6
DS	12,8	10,4	-	9,4	12,0	12,7	9,7	9,2	13,2	8	11,1
DC	19,6	20,4	-	21,0	19,8	2,7	19,0	20,3	21,8	8	20,5
SS	3,9	2,3	-	2,1	5,7	4,3	3,0	4,4	4,3	8	3,7
SC	6,7	4,7	-	10,5	10,0	10,3	6,8	6,6	8,0	8	7,9

Указатели											
8 : 1	89,4	-	68,6	83,8	82,7	80,3	83,8	81,1	-	7	81,3
17 : 1	76,6	-	-	78,8	-	74,8	74,4	75,0	-	5	75,9
17 : 8	85,6	77,0	-	94,0	-	98,1	88,8	92,4	-	6	88,4
40 : 5	101,9	-	-	90,5	-	96,3	92,2	91,8	-	5	94,5
48 : 45	52,2	52,1	-	-	54,2	54,6	54,1	53,4	-	6	53,4
48 : 17	53,4	61,1	-	-	-	55,4	55,2	57,0	-	5	56,4
52 : 51a	79,0	82,9	84,6	80,9	92,3	92,6	74,4	78,5	87,1	9	83,5
54 : 55	49,0	50,0	50,0	50,0	50,8	49,0	51,8	50,0	49,0	9	50,0
DS : DC	65,3	50,9	-	44,7	60,6	55,2	51,0	45,3	60,5	8	54,2
SS : SC	57,3	48,9	-	20,0	57,0	41,7	44,1	66,6	53,7	8	48,6

изучено довольно слабо. Несмотря на значительное число изученных памятников, почти все краниологические серии, за редким исключением, представлены единичными черепами. Поэтому это обстоятельство затрудняет использование метода географического распределения краниологических при-

знаков. Интерес к этому периоду огромен и он вызван следующими признаками.

Во-первых, в литературе есть мнение о том, что монгольское завоевание Средней Азии XIII-XIV вв. сильно изменило расовый тип населения (Ходжайов, 1981. С. 215-22). Это вполне соответствует...

Таблица 2

Индивидуальные размеры черепов из Шахрухия. Женские черепа.

№ по Мартину	№ черепов								x
	1 юнош.	2 возм.	3 стар.	4 стар.	5 возм.	6 стар.	7 стар.	n	
1.	156	156	170	164	173	176	175	7	167,1
8.	142	152	-	145	151	143	-	5	146,6
17.	135	134	123	132	-	-	-	4	131,0
9.	92	92	91	91	97	95	-	6	98,0
11.	127	125	127	133	139	133	130	7	1,05
5.	97	91	97	94	-	-	-	4	94,7
40.	95	87	92	85	-	-	-	4	89,7
48.	66	73	70	64	69	-	-	5	68,4
45.	128	128	126	133	132	139	140	7	132,2
77.	144	139	142	147	151	147	154	7	146,4
/Zm	123	131,1	129	135	136	131	142	7	132,3
52.	33	35	31	32	34	33	33	7	33,0
51a.	38	42	38	43	39	41	43	7	40,5
54.	27	27	26	30	23	27	27	7	26,7
55.	51	51	50	51	51	51	52	7	51,0
DS	7,5	9,6	8,2	7,7	7,8	10,2	9,4	7	8,6
DC	15,7	18,2	22,7	17,8	20,6	20,8	20,0	7	19,4
SS	4,6	3,0	2,3	3,0	1,8	3,7	1,3	7	2,8
SC	9,0	10,0	7,5	5,5	6,3	9,4	6,0	7	7,6
Указатели									
8 : 1	91,0	97,4	-	88,4	87,2	81,2	-	5	89,0
17 : 1	86,5	85,8	72,3	80,4	-	-	-	4	81,2
17 : 8	95,0	88,1	-	91,0	-	-	-	3	91,3
40 : 5	97,9	95,6	94,8	90,4	-	-	-	4	94,6
48 : 45	51,5	50,7	55,5	48,1	51,2	-	-	5	51,6
48 : 17	48,8	54,4	56,2	48,4	-	-	-	4	52,1
52 : 51a	86,6	83,3	81,5	74,4	87,1	80,4	76,7	7	81,4
54 : 55	52,9	52,9	52,0	58,8	45,0	52,9	51,9	7	52,3
DS : DC	47,7	52,7	36,1	43,2	37,8	49,0	47,0	7	44,7
SS : SC	51,1	30,0	30,6	54,5	28,5	39,3	21,6	7	36,5

Таблица 3

Черепы из Шахрухия и их сравнительные данные.
Мужчины

№ по Мартину	Шахрухия	Караван Сарай	Галаш кан	Самар канд	Бухара	Ташкент	Андижан	Миздахкан
1	180,3	173,33	172,2	178,7	182,0	175,1	172,1	172,0
8	148,8	144,50	144,8	144,3	146,3	145,4	145,7	143,7
17	134,8	129,25	139,7	136,5	138,8	136,1	135,9	134,9
9	96,6	94,50	96,5	97,1	95,6	96,4	95,3	94,0
48	72,8	67,33	69,4	72,9	72,8	73,3	70,7	72,4
45	141,1	127,00	132,1	134,1	134,8	135,2	133,5	133,5
54	27,3	26,67	23,8	24,5	25,6	25,5	25,0	25,0
52	34,2	34,00	34,8	34,0	34,2	34,6	35,4	35,4
77	144,8	141,66	140,6	142,9	-	139,7	142,1	142,7
/Zm	132,6	125,00	127,8	130,4	-	129,0	129,4	131,0
75 (1)	-	20,00	30,3	25,0	-	26,5	25,8	27,0

домонгольским периодом существенно не изменяется, наблюдается преемственность населения.

Во-вторых, резко меняется облик материальной культуры, что связано либо со сменой населения или с резким воздействием пришлого.

В-третьих, в это время происходит приток населения с монголоидными чертами в разные области Средней Азии, особенно в северо-северо-восточные области. Это вызвано двумя значительными историческими событиями:

1. Монгольским нашествием;
2. Массовым переселением в Среднюю Азию даштикипчакских кочевых племен.

В качестве сравнительных данных использовались антропологические материалы, датируемые XIV-XVII вв. (рис. 1. Табл. 3). Ряд краниологических серий получены с территории Западной Туркмении, которые происходят из средневековых кладбищ Красноводского полуострова Эрсарибаба, Парау, Акдепа, Беделиата. Население, оставившее эти могильники, характеризовалось брахикранным, широким, высоким лицом.

Несколько серий было получено из Верхнего Узбоя, из могильников Ортакую, Северный берег Келькол, Адак и Акчагелим. В целом серия черепов характеризуется смешанными европеоидно-монголоидными чертами, в основе которых лежит раса Среднеазиатского междуречья. (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972).

Хорезмский оазис представлен, следующим хронологическим сериями, принадлежащим городскому и сельскому населению (Куны-Ургенч, Миздахкан, Токкала, Топраккала, Калмыккрылган, Хазарасп). Городское и сельское население Хорезма в

основном характеризуется европеоидными чертами (Ходжайов, 1987. С. 25-27).

Согд представлен сериями из Гур-Эмира, Ишратхана, Шахи-Зинда, Ажинатепа. Население в основном европеоидное, но в некоторых случаях с отчетливо выраженными монголоидными чертами. (Ходжайов, 1987. С. 28-31).

Юг Узбекистана, Сурхандарья представлена краниологическими сериями из Старого Термеза и Аккурмана (Ялпактепа). Серия в основном характеризуется европеоидным типом, с монголоидной примесью. (Мустафокулов, 1997. С. 22-23).

Отсутствуют антропологические материалы рассматриваемого периода из Ферганской и, до недавнего времени, и из Ташкентского оазиса, мы не могли сравнить серии этих регионов.

Таким образом, краниологический материал из Шахрухии XVI в. - первый подобного рода материал из Ташкентского оазиса. В целом серия характеризуется брахикранией, у женщин - гипербрахикранией. Лицевая часть черепа в этой серии очень широкая, и средневысокая. Уплощенность лицевого скелета в горизонтальной плоскости средняя, а у женской серии она несколько выше. Орбиты средневысокие и среднеширокие, по указателю - мезоконхные. Нос широкий и высокий, средневыступающий. Переносье - высокое (большие величины указателей), у женщин более низкое. Расовый тип серии в основном европеоидный в основе которой лежит раса Среднеазиатского междуречья. Антропологически население Шахрухии более схоже с населением Западной Туркмении, Согда, Сурхандарьинской долины и Хорезмского оазиса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Набоков В.И. Раскопки погребальных сооружений (раскоп 13). Древний и средневековый город восточного Мавераннахра. ФАН. Ташкент, 1990. С. 93-96.
2. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., Наука, 1972. С. 268-275.
3. Домогаева В.Д. Отчет отдела этнической антропологии Института археологии за 1987-1988 г. Ф 10.01. Д-9. С. 210-218.
4. Мустафокулов С.И. История формирования населения Бактрии-Тохаристана. Автореф. канд. ист. наук. Ташкент, 1997. С. 22-23.
5. Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Часть 2. Ереван, 1958. С. 50-53.
6. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1981. С. 215-226.
7. Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, «ФАН», 1987. С. 25-31.

Mustafakulov S.I.

On the anthropological study of urban population Shohruhia.

In the article, to results of the study of a burial ground from the XVI century in the ancient settlement of Shohruhia in Tashkent province is presented. Racial type is European, on the basis, which lies the race of Central Asian territory between two rivers. The population of Shohruhia at that time were similar to the population of Western Turkmenistan, Soghd, Surkhandarya valley and Khorezm oasis.

Болиев Б.

ШИШАСИМОН СИР ТЕХНОЛОГИЯСИ (ГЛАЗУРЬ) ВА УНИНГ АҲАМИЯТИ

Яқин-яқинларгача Ўрта Осиё ҳудудига шишасозлик буюмлари четдан олиб келинган деган фикр юрарди. Аммо, археологик изланишлар қадимдан аждоқларимиз шишасозлик билан шуғулланганлигидан дарак беради. Бухоро, Ўзган ва Кувада топилган қадимий шиша намуналари бунинг яққол далилидир.

Мўғул истилоси Ўрта Осиё маданияти, санъати, ҳунармандчилиги таракқиётига жуда катта салбий таъсир кўрсатди. Бу даврда кўпчилик ҳунармандчилик турлари деярли унутилди ёки қисман сақлаб қолинди. Бу даврда шишасозлик санъати деярли буткул йўқ қилинди ва айрим ерлардагина шиша қолдиқлари учрайдиган бўлди. Масалан, мўғул истилосидан олдинги даврда (XI-XII а.) шишадан ясалган буюмлар 160 та ёдгорликда топилган бўлса, бу даврдан кейин эса 30 тагина ёдгорликда топилган. (1)

Амир Темур даврига келиб шишасозлик аста-секинлик билан ривожлана бошлади. Чунки шишасозлик маҳсулотлари халқ кундалик эҳтиёжи ва қурилиш соҳасида фаол ишлатилга бошланди. Бу даврда мўғул истилосидан олдин мавжуд бўлган 21 хил кимёвий таркибли шиша турларидан фақат 8 тасига қайта ҳаёт бахш этилди.

$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$ таркибли энг қадимги ва оддий шиша тури XI-XII асрларга оид Бухоро, Кува, Ўзганд ёдгорликларидан топилган. Кейинчалик ҳар хил ранг берилган шишасозликнинг бундай маҳсулотлари меъморчилик иншоотларида безак сифатида фойдалана бошланган. Бундай рангдор, ҳар хил жиллоли буюмларни олиш учун оддий шиша таркибига турли ранг берувчи кимёвий элементларнинг, асосан металлларнинг оксидлари қўшилган. Оддий шиша таркибига MnO қўшилганда жигар рангли, Fe_2O_3

қўшилганда кўк рангли, Al_2O_3 қўшиб очик-кизил, Al_2O_3 ва Fe_2O_3 биргаликда қўшиб зангори рангли ва SbO қўшиб сариқ рангли шишасозлик маҳсулотлари ишлаб чиқарилган.

Амир Темур давридан бошлаб қурилган меъморчилик иншоотларида турли рангдаги бундай шиша турлари кузатишга олимларимиз томонидан таҳлил қилинган. (2-4)

$\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{SiO}_2$, $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{SiO}_2$, $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ ва $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{K}_2\text{O}-\text{MgO}-\text{SiO}_2$ таркибларига кўрғошин оксидини қўшиб Шоҳи-Зинда мажмуасидаги мақбараларда ишлатилганлиги қайд этилган.

Бу даврда тиник кизил рангли ойна ҳам кашф этилган бўлиб, бу жараён жуда мураккаб саналган, чунки таркибидаги Cu_2O ҳаводаги кислородни ютиши натижасида турли қутилмаган ўзгаришларга сабаб бўлган. Бунинг олдини олиш учун бу таркибга кўмир, темир ва ёғоч қириндилари, темирнинг олтингугуртли бирикмалари қўшилган. Бу шиша тури Ширинбека мақбарасида кузатишга бўлиб, бу шиша намуналари профессор А.А.Абдуразоқов томонидан чуқур ўрганилган. (3)

Маълумки, шишасозлик маҳсулотлари қадимдан халқ хўжалигининг турли тармоқларида ишлатилган. Ушбу тармоқ сопол буюмларга, тақинчоқларга кўрк ва чирой беришда, меъморий обидаларга салобат бағишлаб, уларни ташқи муҳитдан ҳимоя қилишда юксак самара берган.

Шишанинг бундай хусусияти унга яна бир ном, яъни сопол буюмлар ва қурилиш материаллари юзига қопланган турли рангдаги сирлар - глазурь деб аталишига сабаб бўлди.

Глазурь - немисча Glasur, яъни Glas, шиша сўзидан олинган бўлиб

шишасимон сир деб қабул қилинган. Шишасимон сир сопол буюмлар ва қурилиш материаллари юзига суртилган ниҳоятда нозик, юпқа қоплама бўлиб, юқори иссиқликда пишириш билансопол сиртига мустаҳкамланади. Шишасимон сир сопол ёки қурилиш материаллари сиртига икки йўл билан берилади: аралашмаси - куруқ ҳолда ва эритма ҳолида, яъни ҳўл ҳолда. Сирнинг юзага бир хил қалинликда ва текисликда қопланиши рангнинг юза бўйлаб бир текисда чиройли чиқишини таъминлайди.

Шишасимон сир минг йиллик тарихга эга. Ўрта Осиёда шишасимон сир билан қоплаш технологияси X-XIII асрлардан маълум бўлиб, бунда макбара, мадраса ва мачитларнинг гумбазларини асосан зангори рангли сир билан қопланган. Бунга сабаб Ислом байроғининг шу рангда бўлганига ёки туркий қавмларда осмон-кўк тангри топинчи билан боғлашади.

Кимёвий таркибига кўра шишасимон сир асосан икки турга бўлинади: ишқорий ва кўрғошинли. Шишасимон сирнинг эриш иссиқлиги унинг таркибига кирган кимёвий компонентларнинг табиатига боғлиқ. Ишқорли шишасимон сирлар 1100-1250 С да, кўрғошинли шишасимон сирлар эса 900-1100 С да эрийди. Эриш жараёни ҳам бир неча соат давом этади.

Шишасимон сир аралашмасини тайёрлаш муҳим аҳамият касб этади. Таркибга

кирадиган ҳар бир компонент жуда синчиклаб текширилган ва майдаланган бўлиши, компонентларнинг миқдори аниқ ўлчанган бўлиши ва бу компонентлар махсус аралаштириш аппаратида қориштирилган бўлиши шарт. Бу аралашма маълум ёпишқоклик бергунча сув кўшиб турилади ва аралаштириш давом эттирилади. Тайёр бўлган қаймоксимон эритма олдиндан тайёрланган, юзига анғоб суртилган махсус сопол буюм ёки қурилиш материаллари юзига шимдирилади. Анғоб сифатида каолин, ангрэн лойи, қумнинг майдаланган куқуни қўлланилади. Анғоб ҳам шишасимон сирнинг рангига мослаб танланади. Анғоб шишасимон сир рангининг тиниқ чиқишига ҳам ёрдам беради ва шишасимон сир ва асос ўртасида мустаҳкам боғ ҳосил қилиб, уларни бир-бирига мустаҳкам боғлайди.

Материалнинг юзига қопланган шишасимон сир эритмаси қуритиш печида 1100 С да қуритилиб, табиатига қараб юқори иссиқликда бир неча соат пиширилади. Пиширилган маҳсулотни печдан олишдан олдин печнинг обдан совиганлигини кузатиш керак. Совимасдан олинган шишасимон сир ёрилиши, чатнаши ёки қопланган юзидан кўчиб тушиши мумкин.

Шишасимон сир таркибининг асосини 20-40 % кўрғошин оксиди, 30-45 % оқ қум, 25-40 % ишқор ва 0,5-1 % ранг берувчи оксидлар ташкил қилади.

№	Шишасимон сир ранги	оқ қум	ишқор	PbO	SbO ₂	CaO	SnO	CuO
1.	Оқ	38	32	20	-	-	10	-
2.	Кўк	39	36	24	-	1	-	-
3.	Яшил	30	32	36	-	-	-	2
4.	Сарик	42	28	28	2	-	-	-
5.	Ҳаво ранг	34	26	30	-	-	8	2

Оқ қум табиатда кўп учрайди, кристал тузилишга эга. Ундан фойдаланишдан олдин тозаланади, сувда ювилади ва қуритилади. Тепирмонда ёки қул билан эзгичда (ҳовонча) қуқун ҳолига келгунча майдаланади. Қумдаги темир, хром, титан оксидлари шишага ранг бериб, ёруғлик ўтказишини пасайтиради. Шахтадаги қумнинг миқдори 60-70 % ташкил қилади. Ўз асосан табиатда оқ қум, бархан қуми, кварцит ҳолида учрайди. Унинг қуқунидан қадимдан анғоб сифатида фойдаланилган, чунки у асос ва шишасимон сир ўртасида мустаҳкам боғ ҳосил қилган.

Ишқор жуда қадим замонлардан буён ўсимлик қули ва қум аралашмасидан олинган

шишага ўхшаш мўрт массадири. Ишқор тайёрлашда таркибида сода ёки потош тузлари кўп бўлган ўсимлик (қирқ бўғим, туя чангал ва бошқалар) қули олинади. Ҳозирги замон халқ усталари ишқор таркибига майда оқ қум қуқунини ҳам қўшади. Қум ва ўсимлик қули белгиланган таркибда аралаштирилиб, маълум иссиқликда узоқ вақт қора-кўнғир рангга киргунча пиширилади. Тайёрланиш жойи ва техникаси жиҳатидан ишқор таркибидаги компонентларнинг миқдори турличадир. Масалан, Самарқанд ва Хоразм таъмирлаш устахоналарида тайёрланган ишқор мисолида кўриш мумкин:

Тайёрланган жойи	ппп	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO	MnO	SO ₃	Na ₂ O	K ₂ O	Σ
Самарқанд МИТАУ	30.68	5.61	-	1.72	1.12	2.19	1.80	21	33.9	2.0	99.77
Хоразм МИТАУ	35.0	10.3	0.15	1.74	0.71	4.33	2.25	5.7	32.0	7.68	99.68

Шишасимон сир таркибига кирган ҳар бир компонентлар шишасимон сирнинг барча хусусиятларига таъсир қилади. Масалан, глинозем (Al₂O₃) кенгайиш коэффициентини пасайтиради, қаттиқлигини, механик ва кимёвий мустаҳкамлигини оширади. Na₂O - шиша ҳосил бўлишини тезлаштиради, лекин, кенгайиш коэффициентини ошириб, термик ва кимёвий мустаҳкамлигини пасайтиради. Бошқа компонентларнинг ҳам шундай ўзига хос хусусиятлари бор.

Қўроғошин ва ранг берувчи оксидлар ҳам қадимда ўзига хос тайёрланиш технологияси бўлган, ҳозирги пайтда бу оксидлар замонавий кимё корхоналарининг тайёр маҳсулотлари сифатида маълумдир, яъни уларни тайёр ҳолида учратиш мумкин.

Шишасимон сир қопланган буюмлар, қурилиш иншоотларини бузилишдан, кислота ва ишқор таъсиридан, атроф-муҳит ва табиат ҳодисалари таъсиридан муҳофаза қилади ва уларга кўркамлик, салобат бахш этади.

АДАБИЁТЛАР

1. А.А.Абдуразаков, История стеклоделия Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент- 1963 г. Ст. 26.
2. А.А.Абдуразаков, Средневековые стеклянные изделия Бухарского оазиса. Тезисы и доклады международной конференции «Бухара и мировая цивилизация». Бухара -1993 г., ст. 17-19.
3. Афанасьев и друг., Технология стекла, Ч.І.М.Л.,- 93 г., ст. 313-314.
4. Э.В.Сайко Глазури Средней Азии XII-XV вв. Душанбе -196..., ст. 70-85.

Boliev B.

This article is about the origin of ancient glazes and their contents, about the creation of new contents of modern glazes on their basis and their importance.

Памяти Валерия Ивановича Набокова

26 мая 2000 года, после тяжелой болезни ушёл из жизни один из старейших работников Института археологии АН РУ, известный в республике популяризатор науки Валерий Иванович Набоков.

В.И. Набоков родился 8 сентября 1939 года в г. Кисловодске в интеллигентной семье. Однако первый этап его жизни связан с Таганрогом и станицей Кочетовкой, где он учился и окончил первую школу литературного общения с писателями, приезжающими на лето в станицу, среди которых Валерий Иванович упоминал В. Закруткина и М. Шолохова. Жизнь его переменилась, когда он был призван в армию. Служил в частях и на кораблях дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Предварительная подготовка в юности сыграла свою роль и здесь в полной мере начал раскрываться его творческий потенциал. Обладая незаурядным литературным даром, музыкальным слухом, организаторскими способностями, он активно включился, как говорили тогда в общественно-политическую деятельность корабля: издавал корабельную газету, организовывал досуг сослуживцев-моряков. Обладая врожденной дикцией, писал репортажи и сам читал их на корабельном радио. Одновременно сотрудничал с армейской прессой. Удачно пробовал себя на поэтической стезе, хотя проза у него получалась лучше. И когда после увольнения в запас он написал литературный сценарий из флотской жизни и отправил его на телевидение, его сразу же пригласили на должность старшего редактора детских и юношеских программ Калининградского телевидения. Все эти разнообразные дарования были замечены «Высоким начальством» и его направили на учебу в Высшую партийную школу. Но страсть живой деятельности переселила, и не закончив это уважаемое заведение, сулившее ему блестящую карьеру партийного работника, окунается в эфирный «омут». К тому же, обладая удивительной притягательной силой для ребячих душ, он и свою душу вкладывает в это беспокойное племя.

Детским наставником он оставался до последних дней своей жизни.

Работа на телевидении была на редкость плодотворной. Может быть здесь мы видим пример того, как природные задатки, высокая работоспособность совпадают с любым делом. Очень скоро его принимают в Союз журналистов СССР. Однако в 1976 году, когда мы познакомились с ним в Калининграде и долго разговаривали о проблемах и судьбах истории народов Европы и Азии, он буквально загорелся культурой Востока. Запоем читает научную литературу по истории Средней Азии.

круто изменив свою жизнь и свою судьбу, переезжает в Узбекистан, напроць связав себя с археологией и Самаркандом, ставшим его второй родиной.

Археология становится вторым его призванием, а городища Канка и Шахрухия - базовыми памятниками, которым он посвятил лучшие годы своей «археологической» жизни. С завидным увлечением и упорством осваивает он азы новой профессии, сначала в качестве лаборанта (с июня 1977 года), а затем старшего лаборанта (с апреля 1978 г.). Недостаток образования сдерживает его профессиональный рост. Он мечтает поступить на истфак. Увы, этой мечте так и не суждено было сбыться. Тем не менее, вскоре Валерий Иванович становится мастером своего дела: практически круглый год «не вылезая» из поля, он становится одним из лучших полевых работников Института.

На его счету немало открытий. На городище Канка им открыт знаменитый раннесредневековый храм огня и вскрыт жилой комплекс, относящийся ко времени его любимых Караханидов; на городище Шахрухия им открыты кварталы средневековых керамистов и стеклодувов, тагхона... Список больших и малых открытий и находок можно было бы продолжать бесконечно.

География археологических памятников, в раскопках которых он принимал участие, также довольно широка. Несколько лет он проработал на уструшанских памятниках в составе Сырдарьинского, а затем Зааминского отрядов, где принимал участие в разведочных работах, а также в раскопках древнеуструшанского поселения Саганактепе, городищ Культепе (средневековый Сабат), Эски-Хаваст и Нурата (средневековый Хушкент). В составе Узбекско-Германской экспедиции три сезона проработал в Карнабе (Самаркандская область), участвовал в работах Хорезмской, Кувинской, Африснабской и Южно - Кыргызстанской (Ош, городище Акбуура) археологических экспедициях, а также на Сапаллитепе - памятнике эпохи бронзы на юге Узбекистана.

Человек чрезвычайно живой и общительный, нестоимый рассказчик, он быстро располагал к себе людей независимо от возраста и профессии. С ним искали общения, ибо был он внимателен к людям, от него исходили человеческое тепло и доброта.

Многие археологи с благодарностью вспоминают канкинские встречи, особенно «день археолога», отмечавшийся в начале

августа каждого года. В такие дни Валерий Иванович был «в ударе»: устраивались целые театрализованные представления, слушали байки и песни в его исполнении. А если случалось под рукой фортепиано, как например в Оше, то он исполнял песни под собственный аккомпанемент.

Само собой разумеется, что бы Валерий Иванович не делал, где бы не находился, его всегда окружали дети. Он стоял у истоков создания Малой академии наук (МАН) при Снабском районном Дворце пионеров и школьников, а затем при ее возрождении в 1996 году уже на качественно новом уровне при Самаркандском отделении АН Узбекистана и областном Дворце творчества детей и юношества. Почетными членами Президиума МАН являются видные «взрослые» ученые, а сам Валерий Иванович до последних дней оставался Главным Ученым секретарем.

Деятельность Валерия Ивановича нашла свое отражение в его многочисленных научно-популярных публикациях на страницах газет и журналов. Бесчисленное количество стихотворных посланий, как правило юмористических, написанных «по поводу», хранятся у друзей и знакомых, нередко появлялись в институтской стеной газете «Археолог», душой которой он являлся в течении многих лет. Продолжал активное сотрудничество с местным телевидением и республиканским радио, широко пропагандируя достижения археологической науки в Узбекистане.

Валерий Иванович имеет научные публикации. Он автор нескольких статей и соавтор двух коллективных монографий: «Древняя и средневековая культура Чача». Ташкент: Фан, 1979 и «Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра». Ташкент: Фан, 1990; научно-популярной брошюры «У стен древнего Хараджкета». Ташкент: Узбекистан, 1989 (соавтор Ю.Ф. Буряков). Подготовлена к печати еще одна книга «Тайны роши Шамор Кари» (соавторы Ю.Ф. Буряков и С. Аширов). Осталась незаконченной оригинальная поэма в стихах «Шаг в прошлое», в которой отражены коллизии путешествий в прошлое ребят - археологов, воспитанников МАН. Несомненно, количество его работ и публикаций о нем после его кончины увеличится.

Справедливости ради следует отметить, что не всегда его жизнь складывалась благополучно, как это может показаться первый взгляд. Подготовлено

талант популяризации археологической науки и воспитанию подрастающего поколения, отдавая всего себя работе и обществу, он мало заботился о себе, стараясь как можно дольше находиться в поле и реже дома. Часто он оставался у друзей, где всегда мог работать и пользоваться научными библиотеками, иногда даже оставался ночевать прямо в Институте, чтобы не терять время на хозяйственные дела. Далеко не все понимали и одобряли его образ жизни, в том числе, и родственники. Настоящим своим домом он считал сначала Канку, на которой даже взял научную тему по истории Караханидов, а затем Шахрухию, где

он создал большой полевой детский лагерь. Последние годы, видимо, подспудно предчувствуя свою кончину, много раз говорил, что хотел бы умереть прямо на раскопе и чтобы похоронили его там же - на родной Шахрухией.

И все же, несмотря ни на что, добрая улыбка Валерия Ивановича, которая пробивалась сквозь пышную, густо сдобренную сединой бороду и усы, «бархатный» баритон его голоса и все то светлое, что он принес в нашу жизнь, навсегда сохранится в сердцах тех, кто знал его или работал вместе с ним.

Буряков Ю.Ф., Бердимуратов А.Э., Грицина А.А.

Buryakov Y.F., Berdimuradov A., Grisina A.A.

To the memory of Valeriy Ivanovich Nabokov

In the note it is informed about the death of one the eldest worker of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of RU, famous archaeologist and advocate of science in the Republic. V.I.Nabokov (1939-2000) who put in his contribution in the study of such ancient and medieval monuments as ancient cities of Kanka, Shohruhia, Afrasiab, Kultepa, Kuva, Karnab (together with Uzbek-German expedition), Anbuolra and others.

СОДЕРЖАНИЕ

Г. А. Пугаченкова и археология Средней Азии (к 85-летию со дня рождения)	5
Хужаназаров М., Сайфуллаев Б. Кук-Аяз - новый палеолитический памятник в Кызылкумах	9
Крахмаль К.А. Условия залегания памятников палеолита в верховьях Чирчика	17
Ташкенбаев Н.Х. О некоторых проблемах эпохи мустье Самаркандского Согда.	21
Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана	25
Ширинов Т.Ш. Средняя Азия во II тысячелетии до нашей эры и протозороастризм	35
Матбабаев Б.Х. Редкие формы керамики Чустской культуры	49
Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение - источник олова эпохи бронзы.	54
Dietrich Huff Djarkutan Archaeological Research on Tere VI	58
Рахимов К. Бронза даври - Жарльнтон ньчольлари	70
Рузанов В.Д., Лушпенко О.Н. Некоторые результаты изучения химического состава металла Бургулюкской культуры.	77
Ртвеладзе Э.В. Парфия и Юечжийская Бактрия. (некоторые аспекты политической истории).	86
Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кубы).	91

Абдуллаев К., Раджабов С. Терракотовая плитка с изображением Диониса и Сатира из Кашкадарьи	111
Максудов Ф.А. Храм огнепоклонников I-III вв. н.э. в Южной Фергане	115
Пардаев М.К. Љалиятапа шакар ёдгорлиги ва унинг стратиграфиясига доир айрим мулоказалар.	119
Баратова Л.С. Древние монеты из Каршинского оазиса.	131
Хмельницкий С. Пенджикентская лебедка	135
Лебедева Т.И. Генезис замковой архитектуры Центрального и Южного Согда в раннем средневековье.	141
Лунина С.Б. Мифологический сюжет на глиняном изделии.	156
Раимкулов А., Иванов Г.П. Нательный крест с городища Кува.	160
Маликов А.М. Тюрки на Средней Сырдарье	162
Алимов К.А., Богомолов Г.И. К вопросу об этнокультурных связях кочевников Бухары и Чача	164
Кочнев Б.Д. Мавераннахр накануне создания Западного Караханидского каганата (в свете нумизматики).	178
Торежанова Н. О некоторых типах серег средневековых памятников Хорезма	204
Мамбетуллаев М. Статуэтка богини Умай из Кердера.	207
Анарбаева А.А., Ильясова С.Р. Глазурованная керамика Ферганы XI в.	212
Папахристу О.А. Семантика орнамента и функциональное назначение фляговидного хума XI в. Из поселения Мык в горной Уструшане	218

Ильясова С., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. Средневековое стекло и керамика Бинката - Ташкента IX-XI вв. Раздел 2. Керамические изделия	228
Пугаченкова Г.А. Ещё об Ишратхане	240
Мирзаахмедов Д.К. Глазурованная керамика Ташкента второй пол. XIX - нач. XX вв.	244
Буряков Ю.Ф., Касимова К.А. Средневековый бронзовый сосуд из Карнаба	254
Мустафокулов С.И. К антропологическому изучению городского населения Шахрухии.	258
Болиев Б. Шишасимон сир технологияси (глазурь) ва унинг акамяти.	262
Памяти Валерия Ивановича Набокова	265